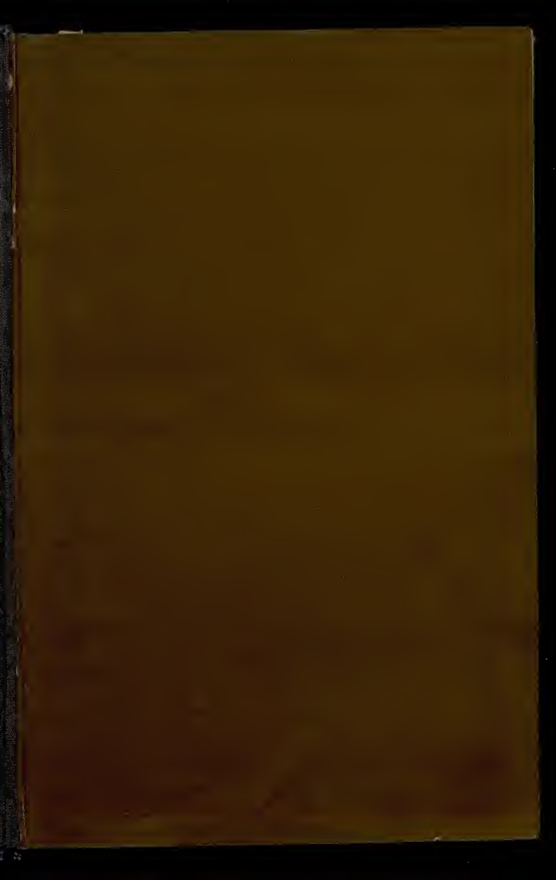

ИСТПАРТ ЦК ВКП-(Б)

★

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

★

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ТОМ
I

ГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1·9·2·7

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

РАБОТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СЕМИНАРИЯ
ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

★

ТОМ
I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО

в 1-й Образцовой типографии ГИЗА, Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № 95713. Гиз № 22527.
Заказ № 3870. Тираж 7.000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

По истории революции 1917 года имеется огромное количество печатного материала. Еще большее количество материала лежит до сих пор в архивах. Революционная эпоха оставила по себе гораздо более богатые собрания архивных документов, чем все предшествующие эпохи нашей истории. Старый режим крайне редко прибегал к стенограмме, хотя искусство стенографирования известно с очень отдаленных времен. Помещичьему государству не пришло в голову обучать стенографии в институтах для благородных девиц; а пустить на «секретное» заседание человека чужого общественного класса пахло слишком большим риском для «государственной тайны». До 1905 года от работы высших государственных учреждений мы имеем только сухие и короткие «журналы» и «протоколы». В еще более старое время, когда сношения велись путем курьеров и почты, передвигавшихся на лошадях, а пишмашинистку с ее проворной работой заменяла легендарная фигура «писца», знакомая теперешнему поколению лишь из Гоголя, «писца», медленно выводившего букву за буквой гусиным пером, — писали, фактически, еще меньше. Письменный материал для истории идет в убывающей прогрессии, когда спускаешься «в глубь времен» от одного столетия к другому. Все архивы всех центральных учреждений XVIII века поместились бы в одном, и небольшом, здании: оттого все так и привыкли считать, что «государственный архив» — это один дом, и приходят в ужас и негодование, когда узнают, что Центроархив по Москве и Ленинграду имеет больше чем по десятку адресов (теперь — а еще недавно имел их в Ленинграде более 40...). Это устарелое представление. Теперь для одного архива Красной армии, существующей 10 лет, нужно несколько зданий.

Прочесть все материалы по истории нашей революции одному человеку есть вещь абсолютно и ни при каких условиях невозможная. Изучить хотя бы небольшой участок этих материалов, историю одного события или группы связанных между собою событий, одного учреждения за определенную эпоху его деятельности — для одного человека работа многих лет. Коллективная разработка архивов

есть единственное средство их использовать для настоящего времени. История вышла уже из стадии одиночного ремесла — тем более из стадии кустарной, когда ремесло является лишь побочным занятием при каком-нибудь другом, главном. Не достигнув еще стадии фабричного коллективизма, история уже перешла в период «мануфактуры». Только много людей при тщательном разделении труда могут использовать архивы в сколько-нибудь обозримое время. И тоже приходится сказать не только об архивном, в тесном смысле этого слова, но и о сыром печатном материале. Старый режим и печататься любил не многим более, чем стенографироваться. Только опять-таки с эпохи государственных дум деловые записки высших государственных учреждений начинают как правило размножаться типографским способом. Раньше это было довольно редким исключением, а в первой половине XIX века этого вовсе не делалось. С другой стороны, акционерные компании приучили «печататься» и буржуазию; и с этой стороны на нас несется поток архивного, по существу, сырья, хотя и прошедшего через типографию. И эти документы были бы совершено безнадежной попыткой исчерпать силами одного лица. И тут коллективная работа является безусловно необходимой.

В I томе настоящего сборника дается попытка осветить, на основании сырого материала, печатного или машинописного (о рукописном для наших дней говорить не приходится), предпосылки революции 1917 года. Хронологически здесь изложение останавливается за 8 месяцев до Октябрьской революции — непосредственному переходу к ней посвящен II том. Авторы отдельных работ,— задуманных в виде статей в 4-5 печатных листов, но далеко перешедших первоначально намеченные размеры, как видит читатель — ставили перед собою каждый одну из трех следующих проблем: 1) как разлагалось, под влиянием войны, капиталистическое хозяйство России, делая тем переход к социализму об'ективной необходимостью; 2) как создавала война предпосылки для рабочей революции, об'ективно изменяя положение рабочего класса; 3) как готовились руководящие кадры революции, как подходила к ней наша партия.

К какому из этих вопросов ни подойдешь, неразработанность его бьет в глаза. Военного периода в истории нашей партии до сих пор исследование, в сущности, не касалось: детальные изложения этой истории останавливались много раньше. Оттого то, что читатель найдет в работе тов. Баевского, для очень многих будет совершенной новостью чисто фактически — обо многих подробностях внутри партийной жизни тех дней знают, по воспоминаниям, лишь те из старых больше-

виков, кто в этот период близко стоял к партийным центрам. По совершенной неразработанности этого периода тут теоретических вопросов ставить даже не приходится — роль историка здесь близка к роли хрониста. Но хроника этой эпохи партийной истории чрезвычайно нужна и необходима. Иначе стоит дело по отношению к двум другим темам. Тут уже есть теоретические вопросы, и по отношению к первому из перечисленных вопросов есть уже и теоретическая литература.

Существовал ли в России перед войной 1914 года империализм «капиталистического» типа, или же нам приходится для этой эпохи говорить лишь о «военно-феодальном» империализме, т. е. о захватнической политике царизма, аналогичной колониальному захватничеству капиталистических стран в доимпериалистский период? Нет сомнения, что в России было б о л ь ш е этого — была власть банкового капитала, были синдикаты и зачатки трестов. Но нет сомнения также, что настоящих империалистских задач русский капитализм 1914 года себе еще не ставил. К тому дележу всей поверхности земного шара, которым потом занялся Версальский конгресс, русская буржуазия 1914 года явно не была готова, и не готовилась. Тут очень характерны две подробности. Во-первых, не видно никакого стремления воспользоваться войной, чтобы закрепиться на одном из о к е а н о в: в этом отношении «тихоокеанская» политика Николая II перед японской войной была бы, несомненно, более империалистической, чем его политика 1914 года, не знай мы, что и м п е р и а л и с т с к и е цели политики Николая в 1903 году ставила Германия, в этом (не в вопросе о Кореи и Маньчжурии в тесном смысле, а в тихоокеанской проблеме в целом) Николай был орудием Вильгельма. В 1914 году аппетиты царизма не шли дальше выходов на Средиземное море; достаточно вспомнить, что для Англии и Франции борьба за Средиземное море кончилась наполеоновскими войнами, в начале XIX века, чтобы понять, до чего устарела здесь русская постановка 1914 года. Все другие захваты, проектировавшиеся русскими империалистами в это время,— аннексия Армении, аннексия Галиции, аннексия Познани и Восточной Пруссии, — не выходят за пределы того «расширения границ», какими занимались все державы XIX и даже XVIII века. Океанской проблемы, которая конкретно и воплощает в себе «раздел мира», ибо кто владеет океанскими путями, тот владеет мировыми позициями, в политике русского царизма 1914—1917 годов мы не видим.

В то же время было бы совершенно нелепо, конечно, представлять себе войну 1914 года для России национальной войной. Нелепо прежде всего потому, что царская Россия не была национальным государством,

подобно Франции, например. Она была государством многонациональным, подобно Австро-Венгрии. Развитие национальности она у себя долго душила, опять-таки подобно своей габсбургской соседке, но делала это в таких формах, от каких Австрия после 1867 года (когда она и превратилась в Австро-Венгрию) совершенно уже отказалась.

Итак, национальной войны Россия 1914 года уже не могла вести, империалистской, в настоящем смысле этого слова, войны за раздел мира как будто еще не могла вести. Что же за войну она вела? Ответить на это попыталась оригинальная теория тт. Крицмана — Ронина: Россия вела империалистскую войну, но не за свой счет. Она вела ее, как экономический вассал антантовского, англо-французского империализма. Россия была в руках англо-французского капитала, господствовавшего в ней отчасти прямо, отчасти через «русские» банки, акции которых находились в Париже или в Берлине. Париж — с участием Лондона — перетянул ее к 1914 году, и это определило позицию России в империалистской войне. Само собою разумеется, это не мешает тому, что у России в войне были самостоятельные цели, но эти цели понятием капиталистического империализма не покрывались — это были цели «военно-феодального империализма», классические цели старого русского царизма, давно тянувшегося как к «округлению» своих владений на западе, так и к выходу в Средиземное море.

Работа Ронина, к которой дал предисловие Л. Н. Крицман, работа экономическая — и теория несамостоятельности российского империализма 1914 года ставилась ею в экономическую плоскость. И она встретила возражения именно со стороны экономистов. В лице тов. А. Сидорова к этим противникам теории Крицмана — Ронина присоединяется историк. Тов. А. Сидорову кажется, что зависимость русского капитализма от антантовского, экономическое пленение русских банков было не так велико, как кажется это тт. Ванагу, Ронину и Крицману; что участие «национального» капитала в руководящей головке русского финансового капитализма перед 1914 годом было гораздо значительнее, чем представляют себе эти авторы.

Мне кажется, что доводы тов. А. Сидорова вносят лишь те «поправки», которые неизбежно сопровождают всякую, чересчур заостренную, схему. Оттого, что влияние иностранного капитала на русскую промышленность мы будем оценивать не в 75, а в 63%, основное положение — Россия вступила в войну 1914 года как вассал Антанты — не очень меняется. Вопроса, что было бы, если бы перед 1914 годом у нас победил германский капитал, а не англо-французский, — а теоретически это было возможно, и в отдельных случаях это имело место (примеры,

и очень выразительные, можно найти, если сопоставить данные, например, т. Гиндина с данными Ронина): в 1912 году Русско-азиатский банк, 60% акций которого было распределено во Франции, обратился к машиностроительному заводу «Феникс» с предложением заняться изготовлением различных принадлежностей для миноносцев, по патенту и под руководством французской фирмы Шомон (обслуживавшей французской флот); очевидно, узнав об этом, Учетно-Ссудный банк немедленно скупил акции «Феникса», после чего сделка с фирмой Шомон «не состоялась»; учетно-ссудный банк был филиалом германского Disconto — Gesellschaft и берлинского банкирского дома Мендельсона (см. Гиндин, Банки и промышленность России до 1917 года, стр. 144, прим. 3-е, и Ронин, Иностранный капитал и русские банки, стр. 63), — тов. Сидоров не ставит. Вопрос, конечно, выходит за пределы его темы в тесном смысле. Он относится к области дипломатических отношений, а не экономики, и в области дипломатических отношений мы имеем тут очень определенные «намеки», вроде потсдамского соглашения 1910 года. Материалистически должно быть об'яснено и это соглашение; тот факт, что именно до 1910 года германский капитал очень энергично завоевывал русскую промышленность, а после этого года пальма первенства перешла к французам, дает некоторую часть этого материалистического об'яснения. «Национальная» же гипотеза ставит нас перед трудно разрешимой загадкой: почему «национальный» русский капитал до 1910 года любил немцев (несмотря на англо-русское соглашение 1907 года), а после этого года возлюбил французов (несмотря на то, что Вильгельм еще в 1913 году снова предлагал Николаю проливы, — по весьма достоверным слухам, ходившим в тогдашней прессе), — вопрос этот с «национальной» точки зрения не разрешается. В истории нельзя отпрепарировать экономику от политики, та и другая пересекаются в тысяче пунктов, и одними числовыми выкладками о проценте участия того или другого капитала международной проблемы не вырешишь. Тем не менее, как поправка к очень, повторяю, «заостренной» гипотезе тов. Крицмана, расчеты тов. А. Сидорова имеют свою цену.

Еще более острую проблему приходится разрешать тов. К. Сидорову. Русское рабочее движение с 1914 по 1917 год описало весьма сложную кривую. Несомненный революционный под'ем летом 1914, чисто экономическая борьба 1915/16 (до осени), осенью 1916 новый революционный прилив, разрешающийся после бурного взрыва февраля — марта «добросовестным оборончеством» апреля — мая 1917 г. Как «правдисты» 1914 года дошли до «добросовестного оборон-

чества»? Почему это последнее так легко стояло перед новым возрождением «правдизма» в 1917 году? Кое-какие, довольно поверхностные наблюдения над экономическим положением русского рабочего эпохи войны еще больше запутывают проблему. По явно неполным статистическим данным строится картина, резко противоречащая показаниям всех современников: оказывается, что реальная заработная плата русского рабочего к концу 1916 года не упала, а поднялась. Почему же этот рабочий в тяжелейших условиях военного времени всю вторую половину 1915 года и первую 1916 вел отчаянную стачечную борьбу Почему он рисковал попасть в окопы, добывая себе лишний гривенник, когда он мог есть, пить и одеваться не хуже, чем до войны? И значит, жалобы его на то, что становится все холоднее и голоднее, жалобы, которые регистрировались весьма тщательно столь деловым учреждением, как департамент полиции, были притворные? Нигде, кажется, не выступает с такой рельефностью, что статистика есть лишь один из способов познания истины, дающий удовлетворительные результаты лишь при критическом отношении к тому или другому цифровому материалу. Об этом давным-давно писал Ленин, полемизируя с народнической статистикой 80-х годов; но эта сторона ленинизма как будто забывается: раз попались цифры, вали их, чем больше, тем лучше. Тов. К. Сидоров дает материал, несколько более приближающий нас к настоящей действительности. Общероссийские — а не одного из петербургских заводов — данные приводят к несомненному выводу, что экномическое положение рабочего класса весьма сильно ухудшилось по направлению к 1917 году. Реальная заработная плата местами падала вдвое — и всюду снизилась на 10—25%. Стачечная борьба 1915—1916 годов находит себе, таким образом, полное об'яснение. Рабочий чувствовал на себе тяжесть войны вполне реально, и слабые оборонческие настроения первых месяцев таяли перед этою суровой экономической действительностью с быстротою весеннего снега.

Относительно этих оборонческих настроений в нашей литературе также есть разногласия. Некоторые авторы (тт. Меницкий и Шляпников, напр.), стыдясь оборонческого падения части «правдистов», решили этих настроений вовсе не замечать. Рабочие, по крайней мере петербургские, с самого начала были твердыми ленинцами — только полицейский гнет мешал им высказать свое настроение полным голосом до февраля 1917 года, когда все полицейские рогатки полетели к чорту. Воспоминания других современников говорят иное. Нельзя смешивать настроение наших партийных кругов с настроением широкой рабочей массы. И главное, нельзя представлять себе эту последнюю, как сплошь

«правдистскую». По тонкому слою сознательного пролетариата тяжелее всего ударила мобилизация. Он унес с собою на фронт и в окопы революционные настроения, которыми постепенно заразилась армия; этим была выполнена колоссальная задача подготовки февраля — октября 1917 года. Дома осталась более серая и инертная часть рабочей массы, скоро перемешавшаяся с искавшими на заводах спасения от окопов мелкобуржуазными элементами. Эти последние, подобно всем укрывавшимся от жестокого налога крови, громче всех кричали «ура» — так было во всех странах, и это вполне естественно. Если прибавить к этому, что рабочая аристократия и у нас, как в странах Антанты, недурно зарабатывала на войне — наблюдения над заработками именно этой рабочей аристократии и создали ту фальшивую картину статистического благополучия, о которой упоминалось выше — элементы «пролетарского оборончества» будут более или менее полно исчерпаны. Основная масса не была оборонческой. Она была просто мало сознательна, как определил это Ленин в апреле 1917 года. Быстрое ухудшение материального положения рабочей массы по мере затягивания войны раскрывало этой массе глаза на действительное значение борьбы «до победного конца». Мелкобуржуазная волна, залившая все и вся в первые недели после низвержения монархии, поддержала «патриотические» настроения еще на несколько недель. Но уже к середине лета мелкая буржуазия утрачивает всякое влияние на рабочий класс — и «правдизм» торжествует окончательно. Пролетариат нашел свое собственное лицо и для мелкобуржуазного оборончества — это лицо было ликом Медузы.

Остается сказать несколько слов о происхождении этой книги и о том, для какой публики она предназначена. Все вошедшие в это издание статьи были первоначально зачитаны как доклады исторического семинария Института красной профессуры. В результате обсуждения там, они иногда подвергались весьма существенной переработке — особенно приходится это сказать о работе тов. К. Сидорова. Задуманы были эти очерки как научно-популярные. Но чтобы популяризировать, надо сначала проработать массу сырого материала: опереть популярное изложение прямо и непосредственно на этот последний невозможно. А давать проработку сырого материала прямо в руки широкой читательской массы тоже нельзя. Книга, таким образом, должна была быть ориентирована на подготовленного уже читателя, начиная с нашего студенчества вузов и комвузов. Для еще более широкой публики она едва ли подойдет. Все даты в I и II томах указаны по старому стилю.

М. Покровский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

М. Покровский. Предисловие III

А. Сидоров. «Влияние империалистической войны на экономику России».

От автора 3

Глава I. *Промышленный под'ем накануне войны* 7
1. Общая характеристика под'ема . . . . —
2. Образование монополистического капитализма в России . . . 19

Глава II. *Финансирование войны и финансовая политика правительства* 38
1. Финансовое положение России перед войной . . . . —
2. Финансирование войны 42
3. Финансирование России Англией и Францией 54
4. Кредиты в Америке 65
5. Кредиты в Японии 69
6. Итоги (финансовая политика России и др. стран) 72

Глава III. *Влияние войны на промышленность* 77
1. Привлечение промышленности к работе на оборону . . . . —
2. Топливный кризис 98
3. Металл 112
4. Текстильная промышленность 116

Глава IV. *Война и железнодорожный транспорт* 125
1. Железные дороги накануне войны . . . . —
2. Железнодорожный транспорт во время войны 128

Глава V. *Продовольственный вопрос и дороговизна* 141

Глава VI. *Экономические итоги войны* 159

Глава VII. *Государственное регулирование хозяйства* 165

К. Сидоров. «Рабочее движение в России в годы империалистической войны».

Глава I. *Предвоенная обстановка в рабочем движении и отношение рабочих к об'явлению войны* 179
1. Конкретные данные размаха рабочего движения в годы под'ема . . . . —
2. Удельный вес в движении отдельных районов и профессий . 181
3. Идейные основы рабочего движения предвоенных годов . . 194
4. Первые дни об'явления войны. Ответ рабочего класса на об'явление войны 197

Глава II. *Количественное и качественное изменение состава рабочего класса в годы войны* 204
1. Динамика состава рабочего класса в годы войны . . . . . . —
2. Влияние военной мобилизации на состав рабочего класса . . 208
3. Половое, возрастное и социальное изменения в составе рабочего класса 213

Глава III. *Положение рабочего класса в годы войны* 219
1. Общее положение и условия труда рабочих в годы войны . —
2. Заработная плата 227
3. Дороговизна в годы войны и рабочий класс 238

Глава IV. *Забастовочное движение от начала войны до Февральской революции* 252
1. Общая оценка стачечной волны от начала войны до Февральской революции . . . . —
2. Фактическая сторона рабочего движения за годы войны . . 261

Д. Баевский. «Партия в годы империалистической войны».

От автора 335
Введение 337

Глава I. *Начало империалистической войны и позиция большевиков* . 341
1. Об'явление войны и отношение к ней в рабочих массах . —
2. Шовинизм в рабочих массах и партийная работа в первый год войны 346
3. Работа думской „пятерки" и ее процесс 352
4. Как шла выработка позиции большевиков по отношению к войне 361
5. Основные лозунги большевиков 367

Глава II. *Партия в борьбе с гвоздевщиной* 388

Глава III. *Партия и организация сил революции* 419
1. Предреволюционный кризис и роль пролетариата и его партии . . . . —
2. Проблема революции в РСДРП в 1915/16 г. 421
3. Организация сил партии 443
4. Борьба пролетариата и его партии за мелкую буржуазию . . 481
5. Борьба за армию 488
6. Накануне февральского переворота 499
Основные выводы 506
Приложения 509

А. СИДОРОВ

ВЛИЯНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ

ОТ АВТОРА

В настоящей работе я ставлю своей целью выявить изменения, происшедшие за время империалистической войны в экономике России, главным образом, в области промышленности, транспорта и финансов. Попутно приходится освещать и другие вопросы, как, напр., довоенная экономика России, продовольственный вопрос и дороговизна.

Империалистическая война явилась переломным пунктом в истории мирового капитализма, «всесильным режиссером» и могучим ускорителем «всемирной истории», — пишет Ленин.

Она привела мировой капитализм к громаднейшему экономическому кризису, который в России был сильнее, чем в других странах, и наступил скорее, чем там. Именно хозяйственные затруднения, созданные войной, с которыми «гниющее на корню» самодержавие ничего не могло поделать, создали «революционную ситуацию», без наличия которой невозможна революция.

Исследование состояния экономики приводит к выводу, что экономический развал перед Февралем так глубоко охватил все народное хозяйство, что «падение» самодержавия, его ликвидация делается самоочевидной.

И политика царизма, и русский капитализм не выдержали экзамена мировой войны. Создалась такая обстановка, при которой «верхи не могли» продолжать старую политику войны, не могли разрешить хозяйственные затруднения, не могли снабжать армию предметами продовольствия и снаряжения. Они были сметены революционной волной. Под дружным натиском пролетариата и армии крепостническое самодержавие было свергнуто. Остатки крепостничества, сохранившиеся в экономике России, несмотря на столыпинщину, определяли Февральскую революцию как буржуазно-демократическую. Вместо крепостников-помещиков у власти оказалась промышленная буржуазия и капиталистические помещики. Но и новая власть не могла остановить дальнейший хозяйственный упадок страны.

Для того, чтобы остановить падение хозяйства, нужно было прежде всего кончить войну. В обстановке катастрофического хозяйственного распада и крайнего истощения всего хозяйства продолжение империалистической войны означало самоубийство для правительства. Буржуазия и «социалистическая демократия» решили продолжать войну, в результате были свергнуты революционными рабочими и крестьянскими массами в октябре 1917 г.

Мне не удалось в настоящей работе затронуть все вопросы, которые необходимо было бы осветить. Характер настоящего издания ограничил размеры статьи. Пришлось отказаться от рассмотрения структурных изменений в капитализме во время войны. Сельское хозяйство нами взято не под углом зрения борьбы «двух путей» развития капитализма, а исключительно под углом зрения продовольственного вопроса. Интересно было поставить проблему продовольствия, — а в известной мере и дороговизны, — в связь с теми сдвигами, которые война произвела в области сельского хозяйства.

Не все вопросы освещены с достаточной подробностью и полнотой. По вопросам довоенной экономики, а тем более военной, у нас мало сводных трудов, что очень затрудняло работу. Печатных материалов, газет, журналов, ведомственных изданий очень часто недостаточно для разрешения ряда вопросов. Необходимы архивные материалы, но большинство их пропало, и пришлось ограничиться обрывками, которые мне удалось собрать. Вот почему использование архивного материала далеко не равномерно: некоторые главы написаны целиком на основе архивных источников, другие — больше по печатным материалам, с частичным привлечением архивных данных. Благодаря широте темы пришлось остановиться лишь на анализе тех отраслей промышленности, состояние которых имело решающее значение для всей экономики. Одновременно я считал необходимым касаться и вопросов экономической политики царизма и методов регулирования хозяйства.

В заключение несколько слов о состоянии архивов, которыми мне пришлось пользоваться. Основными архивами для данной темы являются архивы четырех «особых совещаний». Четыре особых совещания следующие: по обороне, по топливу, по продовольствию и перевозкам. С большим сожалением приходится констатировать, что эти важнейшие для истории народного хозяйства архивы или совсем утеряны, или находятся в таком неудовлетворительном состоянии, что пользоваться ими нельзя. Архивы особых совещаний по перевозкам и по топливу утеряны, следовательно, важнейшие проблемы военной экономики — транспорт и топливо — приходится освещать, используя другой архивный материал. По вопросу о топливе мною использованы очень ценные материалы: «всеподданнейшие» доклады царю министра торговли и промышленности и председателя особого совещания по топливу. О железнодорожном транспорте имеются ценные материалы в «особенной канцелярии по кредитной части» и в совещании по обороне. Эти материалы не дают общей картины работы транспорта, но освещают ряд отдельных важных вопросов.

Из архивов министерства промышленности и путей сообщения за период войны сохранились лишь отдельные дела, не имеющие для моей темы почти никакого серьезного значения. Таким образом, основным архивным источником для научной разработки состояния промышленности является архив особого совещания по обороне, материалы которого находятся в сравнительном порядке, но до сих пор никем не использовывались.

Пользуюсь случаем выразить благодарность сотрудникам этого архива за их чрезвычайно внимательное отношение и помощь, которую они оказывали при знакомстве с материалами.

Архив совещания по обороне содержит материалы большой научной ценности и ждет еще своего исследователя, так как мною этот архив использован только частично.

В главе о финансах мною использован ведомственный архив Наркомфина. Материалы «особенной канцелярии по кредитной части» почти полностью сохранились, имеются исчерпывающие данные по всем вопросам финансовой политики царизма за время войны, в том числе и по вопросу о финансовых отношениях с «союзниками».

Архивы Центрального военно-промышленного комитета и совета с'ездов представителей промышленности и торговли многого не дают по сравнению с тем, что можно найти в ведомственной печати, тем более, что из архива военпрома выкрадены все наиболее ценные документы: очевидно, «деятели» этой организации вывезли их с собой.

А. Сидоров.

Глава первая

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОД'ЕМ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

1. Общая характеристика под'ема

Развитие капиталистической промышленности происходит скачкообразно, путем смены цикла промышленного под'ема кризисом, после которого, обычно, наступает новая фаза промышленного оживления. Так бывает до тех пор, пока капитализм находится в периоде расцвета. Цикличность промышленного развития свойственна и России. За последнюю четверть века до мировой войны в развитии промышленности России можно отметить 3 фазы: промышленный под'ем 90-х годов, кризис и депрессия с 1900 по 1908 год и новая волна промышленного под'ема с 1909 года по 1914 год.

В течение 90-х годов капиталистическое развитие России сделало громаднейшие успехи. Потом разразился промышленный кризис, за которым последовала длительная депрессия. Перелом кон'юнктуры наметился в 1909 г. Ряд хороших урожаев в сельском хозяйстве, выгодные условия для реализации сельскохозяйственного экспорта, переоборудование промышленности, усиление покупательной способности деревни, увеличение государственных заказов, рост городского строительства, широкий приток иностранных капиталов в промышленность, — все это подготовило условия для бурного предвоенного промышленного под'ема, который начался в 1909 году и продолжался до самого начала мировой войны. За эти шесть лет капитализм прошел такой этап, равный которому мы имеем только в 90-х годах прошлого века. Русский капитализм бурно наверстывал потерянное за долгие годы депрессии. С некоторым опозданием он подтягивал свой фронт до уровня развития западноевропейского капитала. От свободной конкуренции промышленного капитала он стал перерастать в монополистический капитализм со всеми свойствами последнего: господством банкового капитала, монополиями, синдицированием, монопольными ценами и дороговизной.

Промышленный под'ем захватил все стороны хозяйства. Товарооборот России значительно вырос. Выросла денежная масса, и ускорился процесс ее обращения. Пульс промышленной и торговой жизни стал биться значительно быстрее. Для того, чтобы показать особенность эпохи под'ема от предыдущего периода, достаточно привести только две цифры: за 1900—1909 годы учтенный товарооборот России ежегодно

увеличивался только на 1,7%, за период под'ема — на 9,8%, т. е. почти в шесть раз быстрее.

В промышленности наибольший рост приходится на отрасли тяжелой индустрии, которая сильнее всего «пострадала» за время депрессии. Легкая индустрия, в частности текстильная, развивалась менее бурно. М. Н. Покровский, характеризуя темп роста нашей промышленности, пишет: «Легенду об «отсталости» и «медленном росте» приходится оставить». Впрочем, не все историки и экономисты таким образом оценивают развитие нашего предвоенного капитализма. Несмотря на то, что имеются об'ективные показатели нашего экономического роста, в литературе имеются иные оценки. Финн-Енотаевский выставляет тезис совершенно противоположный Покровскому. Он пишет: «Нет, — «отсталость» и «медленный рост» нашего промышленного капитала не легенда, а действительная история; сказка, наоборот, — американский рост нашей промышленности». В этом тезисе дается общая точка зрения на характер развития нашей промышленности. Можно подумать, что эта характеристика у Финна сложилась под влиянием депрессии. Но она последовательно применяется им и к под'ему — «промышленность в течение пятилетия с конца 1909 года обнаружила сравнительно слабое движение» [1]).

Эту же мысль повторяет неоднократно и Рожков. Он делает серьезную ошибку, сравнивая период 1904—1914 годов с 1891—1900, т. е. период под'ема с такой эпохой, которая резко делится на под'ем и депрессию. Такой методологический прием совершенно бесплоден, так как полученные с р е д н и е не выражают существа динамики экономического процесса. Енотаевский, нажимая на нашу «отсталость» и медленный темп развития, все же признает, что накануне войны, в 1910—1913 г., развитие нашего хозяйства совершалось «скорее мирового хозяйства в его целом». Это признание гораздо более ценное, чем указание на то, что движение было в два раза медленнее 90-х годов. Если при таком «медленном» темпе капитализм развивался быстрее мирового хозяйства, то ясно, что, увеличив этот темп в два раза, мы получили бы еще более быстрое продвижение вперед. Хотя и тогда русский капитализм был бы «отсталым» по сравнению с Германией. «Темп» промышленного развития и «отсталость» — два совершенно различных понятия, которые Рожков и Финн употребляют не отделяя друг от друга, очевидно, чтобы ссылками на «медленный» темп доказать нашу экономическую отсталость. Русский капитализм и перед войной был отсталым по сравнению с американским и германским. Этого никто не отрицал. Точно так же никто не доказывал и другого, что по темпу промышленный под'ем был сильнее или равен темпу 90-х гг. Доказывается другое: что «медленный» темп предвоенного развития был быстрее мирового, и что более длительный период промышленного развития России, с 1885 по 1914 г., совершался по темпу быстрее американского. Как же после этого можно говорить о «медленности» нашего экономического развития». Да и сопоставление эпохи предвоенного развития по сравнению с эпо-

[1]) Ф и н н - Е н о т а е в с к и й, Капитализм в России, стр. 317.

хой 90-х гг. имеет относительное значение, так как они резко отличаются одна от другой. Сравнивать их можно только условно. Это качественное различие очень хорошо понимала наша буржуазия, которая следующим образом охарактеризовала эти эпохи. 90-е гг. — «это была эпоха экстенсивного развития, когда возникала масса новых предприятий, как всегда вначале слабооборудованных и не имеющих кадров привычных квалифицированных рабочих». За время предвоенного под'ема «главный рост производства шел путем концентрации и роста производства существующих предприятий. Это — период концентрации и интенсификации производства» [1]). Главная ошибка Финна и Рожкова заключается в том, что они не делают различия между империалистическим и домонополистическим капитализмом. В 90-х гг. прошлого столетия Россия сделала гигантский скачок по пути капиталистического развития. Промышленный капитал завоевывал тогда свои позиции в ряде основных отраслей промышленности. Во время же предвоенного промышленного под'ема капитализм России достиг высшей ступени своего развития — он превращался в империализм. Не видеть этого — значит не понять своеобразия эпохи. Финн смотрит только на темп развития промышленности. Допустим, что темп предвоенного промышленного под'ема был бы равен под'ему 90-х гг., уничтожалась бы тогда разница в экономическом развитии между Россией, Англией и Соединенными штатами? — Конечно, нет. Россия осталась бы и тогда экономически «отсталой» страной, хотя монополистический капитализм охватил бы больше отраслей хозяйства.

Основное и решающее в промышленном под'еме накануне войны — это превращение домонополистического капитализма в империализм.

Впрочем, Финн достаточно последователен. Стараясь во что бы то ни стало «доказать» тезис об отсталости экономического развития России, он приходит к отрицанию империализма в России, к отрицанию сращивания промышленного капитала и банкового и руководящей роли банков в хозяйстве. В одной из последних своих работ Финн пишет: «Следует решительно отвергнуть это «слияние у нас функций банкового капитала и индустриального, руководство банками нашей индустрией, распоряжение ею банковым капиталом, будь то нашим, или иностранным» [2]).

Финн решительным образом порывает с ленинской теорией империализма и подходит к анализу капиталистического развития России с меньшевистскими представлениями на счет экономической отсталости России. Между тем промышленный под'ем 90-х годов и предвоенный являются блестящей иллюстрацией к закону неравномерности капиталистического развития. Являясь страной молодого капитализма, Россия быстрым темпом двигалась по рельсам капиталистического развития, догоняя ушедшие вперед страны «старого» капитализма. Именно благо-

---

[1]) Барон Майдель, Промышленность. Доклад Сов. с'ездов VIII очередн. с'езду о современном положении промышленности и видах на будущее, стр. 27.

[2]) Финн-Енотаевский, Финансовый капитал и производительн.

даря такому быстрому темпу развития российский капитализм перерастал накануне войны в империализм. Не видеть этого — значит не считаться с реальными фактами нашего экономического развития. Поэтому нам кажется, что совершенно правы те экономисты и историки России, которые подчеркивают быстрый темп капиталистического развития России как в последнее десятилетие XIX века, так и непосредственно перед империалистической войной.

Промышленный под'ем России происходил при одновременном улучшении положения сельского хозяйства. 4 хороших урожая в одно пятилетие дали лишних 1 800 млн. пудов хлеба, ценность которого достигала до 1,5 млрд. рублей. Выгодная реализация хлеба на внутреннем и внешнем рынке усилила накопление капиталов в деревне. С другой стороны, столыпинская «реформа» усилила процесс пролетаризации деревни. Деревенская беднота превращалась в наемных батраков, пополняя резервную армию в городах. Укрепив и продав свой участок земли, а то просто продав и «душу», широкие слои крестьянства превращались в пролетариев деревни, расширяя базу промышленному капиталу. Быстро росла зажиточная верхушка деревни, которая мобилизовала землю, интенсифицировала свое хозяйство. Кулацкая часть деревни являлась главным потребителем не только сахара и мануфактуры, но и сельскохозяйственного инвентаря, спрос на который вырос чрезвычайно быстро. В 1908 году деревня покупала машин на 54 млн. рублей, а в 1912 — на 131 млн. руб., прирост за 4 года в 250%. Добрая половина машин привозилась еще из-за границы, но расширение внутреннего рынка создавало твердую базу для развития машиностроения внутри страны.

Промышленный под'ем и выгодная кон'юнктура хозяйства усилили процесс накопления капиталов в стране. Такого быстрого капиталообразования Россия еще не знала. За 1908 год сбережения выразились в сумме 262 млн. руб. Начиная с 1909 г., прирост происходил следующим образом [1]):

	Итог вкладов текущих счетов в кр. учр. и сбер. кассы	Прирост за год
	В млн. руб.	
1909 год	3 552	576
1910 »	4 120	566
1911 »	4 555	437
1912 »	5 314	772
1913 »	5 960	646

За время промышленного под'ема в России сложилась мощная система банков. С 1910 по 1913 год их основные капиталы выросли более чем в два раза — с 236,6 млн. руб. до 581,2 млн. руб. Банковые капиталы росли быстрее, чем основные капиталы промышленности. Усиление накопления внутри страны дало возможность реализовать боль-

[1]) Боголепов, Русские биржевые ценности, стр. 118. Данные для 1913 года взяты у Первушина.

шую часть эмиссии ценных бумаг на внутреннем рынке. За пятилетие в России было реализовано 3 657,4 млн. рублей, или 70,8%, а остальные бумаги были реализованы за границей. Все же значение иностранной биржи было очень велико: в России реализовались почти все ипотечные ценности, а акций торгово-промышленных предприятий реализовано всего лишь на 683,7 млн. рублей, а иностранная биржа покупала преимущественно железнодорожные облигации, торгово-промышленные ценные бумаги. Кроме того, за границей размещено 75% городских займов.

Быстрый процесс диференциации деревни, увеличение торговли и промышленности приводили к росту городского населения, что являлось одновременно ростом новых потребителей. Прирост городского населения совершался почти в два раза быстрее, чем в предшествующее десятилетие. Бюджет 963 городов достиг в 1913 году почти 300 млн. рублей и увеличивался ежегодно на 12,7% [1]). Началась бурная строительная горячка, вызвавшая громадный спрос на металл и другие строительные материалы. Туган-Барановский отмечает совпадение расширения спроса на металл с городским строительством, которое в 1909 году «дало первый толчок к повышению цен железа». На городское строительство, кроме бюджетных средств, только за одно пятилетие было израсходовано 261,9 млн. рублей заемных средств [2]).

Рынок сбыта для промышленности расширялся благодаря государственному спросу и заказам казны для военного ведомства. Государство проводило огромную программу перевооружения армии и флота. Строились новые порты и элеваторы. Царизм готовился к мировой войне, поэтому расходы военного и морского ведомства достигли в 1913 году 826 млн. рублей. Все это стимулировало промышленный под'ем. Конечно, не государственные заказы играли главную роль. Прошли те времена, когда промышленность держалась главным образом на государственных заказах и субсидиях. Рост крестьянского потребления, переоборудование промышленности и городское потребление — являлись главными факторами промышленного под'ема. Промышленный спрос и железные дороги потребляли почти 70% металла, а остальные государственные заказы — всего только 6%. В 90-х гг. казна являлась главным потребителем металла — теперь промышленность. К сожалению, нельзя установить более точно общую долю промышленной продукции, которую потребляла казна. Гриневецкий, напр., дает схему распределения промышленной продукции только между промышленностью, городом и селом; по его исчислениям на село приходится немножко меньше, а на городское потребление немножко больше одной трети.

Перейдем к характеристике развития промышленности.

Прежде всего показателен валовой рост продукции. Валовая промышленная продукция с 1900 года по 1908 выросла на 44,9%, а к 1913 г. она выросла на 219%. Отдельные отрасли промышленности дают еще больший рост. Например, «смешанные» волокнистые вещества — 234%,

---

[1]) Тюменев, От революции к революции, стр. 235.
[2]) «Биржевые ценности», под ред. Боголепова.

обработка хлопка — 239%, а продукция химической промышленности выросла на 325%.

Эти данные в высшей степени показательны. Они решительно противоречат утверждениям Финна и Рожкова о медленном темпе промышленного под'ема. Действительно, промышленность в период кризиса и депрессии развивалась медленно. За это время в ряде отраслей хозяйства не было продвижения вперед. Вся промышленность увеличила свою продукцию только на 45%. За годы же под'ема русский капитализм опять сделал большой скачок вперед. За 13 лет XX столетия промышленная продукция выросла более чем в два раза. Большая часть этого прироста падает на годы под'ема.

Ежегодный прирост продукции на одного рабочего с 1908 по 1913 год — 5,1%, а с 1900 по 1908 год — только 3,1%.

Общий прирост продукции в первый период — 181 млн. руб. в год или 10,2%, а во второй — 68,7 млн. руб. или 5,6% [1]).

Рост акционерных капиталов промышленных предприятий даст более полное представление об общей кон'юнктуре промышленности за период под'ема. Акционерная форма промышленного капитала являлась в России наиболее распространенной. Громаднейший рост затрат в связи с ростом основного капитала, в значительной мере ограничивает приложение индивидуальных капиталов. Зато «коллективная» форма — каковой является акционерное предприятие, облегчает процесс мобилизации капиталов. Все крупнейшие предприятия России имели в XX веке акционерную форму. Она имеет много выгод перед единоличной, благодаря чему единоличные предприятия в текстильной и нефтяной промышленности перестраивались по новой форме, мобилизовали добавочные капиталы, необходимые для технической перестройки и развертывания производства.

По расчетам Струмилина рост акционерных капиталов происходил следующим образом [2]):

Годы	Свои капиталы	Чужие	Всего
		В млн. руб.	
1909	2 204	834	3 038
1914	3 364	1 165	4 529
Принимая цифры 1909 года за 100, для 1914 г. имеем:	152,5%	139,6%	149,9%

За пятилетие общая сумма акционерных капиталов выросла на 50%, давая средний ежегодный прирост — 10%. Рост капиталов все время происходил в возрастающей степени, и лишь последний год — 14-й (военный) — дает замедление. Рост чужих капиталов происходил более медленным темпом, чем рост своих или чем общий рост акционерных капиталов. Свои капиталы акционерных предприятий увеличивались на 52,5%, а заемные только на 39,6%. Благодаря этому процентное отношение чужих капиталов к своим постепенно снижается, что свиде-

[1]) «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», стр. 82.

[2]) Струмилин, Плановое хозяйство, № 2, 1925 г. К проблеме капитала в СССР, стр. 40.

тельствует об укреплении финансового положения предприятий, о росте доходности и накопления. Рост акционерных капиталов неоспоримо доказывает, что быстрое развитие русской промышленности вовсе не «сказка», как думает Финн, а историческая реальность, которую ничем нельзя замазать.

Вместе с общим ростом акционерных капиталов чрезвычайно быстро росли основные капиталы акционерных и неакционерных предприятий. За трехлетие, с 1910 по 1913 год, общая сумма основных капиталов всей промышленности выросла с 2 799 млн. руб. до 3 900. Прирост равен 39%, а ежегодно — 13%. Прирост основных капиталов акционерных предприятий совершался еще более быстрым темпом: за трехлетие мы имеем 45%, а в год 15%. Благодаря этому происходил рост органического строения капитала, улучшение техники производства и рост производительности труда. Техническая база промышленности в значительной мере расширилась и обновилась. По далеко не полным подсчетам Струмилина, за трехлетие, 1910—1912 гг., на промышленное оборудование было затрачено 537,3 млн. руб. Из них 61,4% приходится на привезенные из-за границы машины и 38,6% на свои.

За все время под'ема на новое промышленное оборудование было затрачено не менее 1 млн. руб. Улучшением техники об'ясняется увеличение вырабатываемой продукции на каждого рабочего в год.

За время под'ема рост основных капиталов нашей промышленности совершался в три раза быстрее, чем американской. Средний прирост капиталов американской промышленности за более длительный период, с 1899 г. по 1915 г., дает 6,5%, т. е. ниже, чем русской, так как для русской промышленности за время с 1885 по 1913 г. мы имеем ежегодный прирост в 7,2% [1]). Более быстрый темп роста русской промышленности происходил благодаря участию иностранного капитала. Но надо учесть, что накопление промышленного сектора далеко не полностью вкладывалось в развитие промышленности. Прибыли иностранного капитала, вывезенные из России, значительно больше размеров вложенных к нам капиталов. Всего с 1909 по 1 августа 1914 г., т. е. до начала войны, открыто следующее количество торгово-промышленных акционерных компаний [2]):

				Основн. капитал открытых компаний в % по отношению к капиталу разрешенн. компаний
1909 г. . . .	77 комп.	Капит.	74 147 688	68,12
1910 » . . .	104 »	»	119 260 400	53,19
1911 » . . .	166 »	»	185 303 100	57,74
1912 » . . .	202 »	»	233 468 405	58,15
1913 » . . .	231 »	»	393 442 735	72,17
7 мес. 1914 г. . . .	140 »	»	159 248 000	—
			1 164 870 328	

[1]) Струмилин, Проблема промышленного капитала в СССР, стр. 9, 10.
[2]) Данные взяты из «Народного хозяйства» за 1913 и 1914 гг.

Таблица показывает, что величина капиталов, вкладываемых в акционерные предприятия, возрастает из года в год. Ни балканская война, ни возможность политических осложнений, ни недород в России в 1911 году не останавливают восходящей линии под'ема. «Промышленный под'ем 1912 года показал колоссальную силу своей стойкости и сопротивляемости неблагоприятным внешним условиям» [1]).

Приведенные цифры не могут претендовать на абсолютную точность, но они правильно изображают общую тенденцию под'ема, который переживало народное хозяйство. Приведенная табличка процентов фактически реализовавшихся капиталов говорит, что реализовалось немного больше половины капиталов, утвержденных акционерных компаний, и лишь в 1913 году эта величина поднимается почти до ¾. Поэтому размер капиталов разрешенных обществ и их количество были значительно больше. Рост капиталов в промышленности за время под'ема совершался вовсе не равномерно по всем отраслям хозяйства. Более быстрый темп вложения имел место в отрасли тяжелой индустрии. Расширенное воспроизводство требовало больше металла. Увеличение производства металла, оживление транспортных перевозок увеличивали спрос на уголь и другие виды топлива, а поэтому в отрасли тяжелой индустрии вкладывалось больше капиталов. В период 90-х годов эти отрасли хозяйства были чрезвычайно доходны. Промышленный под'ем обещал большую прибыль, что естественно способствовало усиленному вложению капиталов именно в эти отрасли хозяйства.

Только за последние 2½ года перед войной вложено по нашим подсчетам в горное дело — 233,5 млн. рублей.

В нефтяные предприятия широко притекал иностранный капитал, главным образом, английский. Автор, специально изучавший эту отрасль промышленности, пишет: «за период 1910—1914 гг. ни одна отрасль русского хозяйства не обогатилась еще в такой степени новыми капиталами, как нефтяная промышленность» [2]). По его подсчетам, за указанный промежуток времени вложено в нефтяные предприятия английских капиталов 13,43 млн. фун. стерлингов, из которых 3,74 млн. фун. стерл. приходится на Майкопский район. Величина же капиталов разрешенных английских обществ достигает еще более солидной цифры — 20,93 млн. фун. стерл. [3]). На втором месте стоит металлургия, в которую вложено капиталов только за 2½ года около 112 млн. руб. В текстильную промышленность вложено около 51 млн. рублей.

В связи с ростом городского строительства значительно выросла группа «по благоустройству», по которой вложение достигает 60 млн. рублей, а затем «общая смешанная группа» — более 81 млн. руб., обработка питательных и вкусовых веществ — свыше 53 млн. руб. Рост капиталов других отраслей хозяйства менее значителен, но все же происходит. Вывод может быть такой: преобладающий рост

[1]) «Народное хозяйство», 1913 г., стр. 1.

[2]) Л. Эвентов, Иностранный капит. в нефт. промышленности России, стр. 50.

[3]) Там же, стр. 52—53.

капиталов приходится на долю тяжелой индустрии: горной и металлургии, на долю которых приходится $^1/_3$ всех капиталов акционерных обществ, вложенных за время под'ема.

Эти выводы подтверждаются и еще более уточняются исследованием роста рабочего класса. Громаднейшее вложение капиталов в промышленность приводило к расширению производства, следовательно, к росту рабочего класса. Рабочий класс увеличивается вне зависимости от национального происхождения капиталов. Французский, английский или русский капитал затрачивается, например, в металлургию, это безразлично, так как он становится капиталом только при условии эксплоатации рабочего. Поэтому общий рост рабочего класса и увеличение рабочих по отдельным отраслям хозяйства дают довольно точное представление о характере развития промышленности. Мы свели имеющиеся данные в следующую таблицу.

Таблица роста рабочего класса (число рабочих в тысячах)

Время	Число раб. кл. в произв. по дан. фабр. инсп.	Каменноуг. и антрацит. копи Донбасса	Железоруди. Криворож. района	Обр. металл. и машиностр.	Механическ. обр. дерева	Бакинские нефтепром.	Обр. минеральных веществ	Железоделат. промышленность	Бум. и полигр. промышленность	Обр. пищ. и вкус. веществ	Химич. производ.	Обработка хлопка	Обработка шелка	Обр. льна, пеньки, джута
1910 г.	1 952	110	13,2	235	86,5	34,8	142	230	77	282	71	456	28,8	84,4
1913 »	2 320	200	20,8	328	116	45	188	292	94,3	329	81	494,6	31,5	89,6
Прирост в проц.	19	81	57	40	34	32	32	27	22	16	14	9	9	6

Только за три года под'ема пролетариат вырос на 19%. Это довольно значительный по темпу прирост. Но особенно характерно, что в отраслях тяжелой индустрии — топливо, горное дело и металлургия — рост пролетариата происходил в два-три и более раза быстрее, чем общий прирост пролетариата. Следовательно, эти отрасли хозяйства развивались быстрее в соответствующее количество раз. Отставали от общего темпа под'ема различные отрасли легкой индустрии: пищевая, химическая и все виды текстильного производства. Текстиль тянулся позади всех. В обработке хлопка рост рабочих происходил в два раза слабее, а в области обработки льна и пеньки даже в три раза, — чем средний рост рабочих. Очевидно, столыпинщина разоряла широкие массы

крестьянства, которое беднело, а обогащались только деревенская кулацкая верхушка да тонкий слой городского населения. Все же капиталистическая индустриализация страны шла колоссальными шагами вперед. Об этом показывает рост топливной промышленности, металлургии и машиностроения. Россия представляла огромный рынок для машиностроительной промышленности. Несмотря на очень быстрый рост этой отрасли хозяйства внутри страны, все же две трети промышленного оборудования привозились из-за границы. Это показывает в какой огромной мере капиталистическое развитие нашего хозяйства находилось под влиянием и зависимостью от окружающего империализма. Несмотря на огромные прибыли, получаемые в России, иностранному капиталу было более выгодно развивать сложнейшие отрасли машиностроения у себя дома и ввозить готовые машины в Россию, уплачивая огромные таможенные пошлины.

Как обстояло дело с доходностью промышленных предприятий за время под'ема?

Мнение о высокой доходности русской промышленности стало общим местом в экономической и исторической литературе. Однако исследований по этому вопросу относительно всей промышленности нет. По расчетам Воробьева, чистая доходность промышленных предприятий в 1913 году достигла 285 млн. рублей. По мнению Струмилина, эти данные значительно преуменьшены. Сумма чистой прибыли, которая приводится им самим, равняется для 1910—1914 гг. — 431 млн. руб. в год, или 13% на капитал. Гриневецкий в своей работе всячески старался доказать мысль о малой доходности русской промышленности. Но его расчеты преследовали вполне определенную политическую цель — доказать, что большевики и рабочий класс виноваты в разрухе промышленности. Он пишет: «Как весеннее, так и осеннее повышение рабочей платы в 1917 году произошло не столько за счет прибылей капиталистов, сколько за счет общенародного дохода». Раз во время войны капитал мало наживал, то ясно, что довоенные прибыли были еще меньше — такова логика рассуждений у Гриневецкого. Валовую прибыль промышленности он определяет в размере $^2/_3$ заработной платы. Это составляет около 10% стоимости продукции. А так как чистая прибыль капиталиста им определяется в размере $^1/_3$ валовой, то в результате получается совсем скромная цифра заработков капиталистов.

Имеющиеся материалы о доходности предприятий различных отраслей хозяйства решительно опровергают эту апологетическую точку зрения. Прибыль отдельных предприятий в «благоприятные» годы достигала в наших условиях до нескольких десятков процентов в год. Поэтому 13% кажутся как будто скромной величиной. Но следует иметь в виду, что эта цифра ни в коем случае не является преувеличенной, а скорее преуменьшенной, а во-вторых, она дает среднюю прибыль для всей фабрично-заводской промышленности, и при распределении доходности по отдельным отраслям возможны значительные колебания в сторону увеличения и уменьшения. Доходость всей фабричной промышленности за период под'ема оказывается в три раза больше, чем за время

депрессии, если сравнивать данные Струмилина с расчетами самой буржуазии о времени депрессии.

В печати имеются сведения, главным образом, о дивиденде промышленных предприятий, который отнюдь не выражает полной доходности предприятия. Практика распределения прибылей показывает, что «дивиденд» составляет от $^1/_3$ до $^1/_2$ всей массы прибыли [1]). Путем бухгалтерских расчетов, всевозможных списываний, вознаграждения директорам и членам совета значительная часть прибыли рассовывается по разным концам, и дивиденд выдается в такой мере, чтобы он не особенно «колол глаз». И все-таки величина дивиденда в отдельных отраслях достигала умопомрачительных размеров. Особенно они велики в нефтяной промышленности. Нобель, например, выдавал дивиденды: 1909 и 1911 годы по 12%; 1912 год — 22%; 1913 и 1914 г. по 26%. Многие фирмы выдавали еще более высокие дивиденды. Например, Бакинское нефтяное общество в 1913 и 1914 гг. выдавало по 50%, Ахвердов и К° в 1913 г. — 64,5% и в 1914 г. — 24,5%; братья Мирзоевы в 1913 г. — 60%; Русское нефтяное общество в 1913 г. — 50%, Биб и Эйбат — 34%, Манташев и К° в 1913 г. — 21%, Лианозов и С-ья в 1913 г. — 18%. Крупнейшие представители нефтяной промышленности перед войной получали «дивиденды», превосходившие в несколько раз дивиденды других отраслей [2]).

Во время под'ема нефтяники хорошо заработали: они не только вознаградили себя за время кризиса, но в несколько лет возвратили все свои капиталы только на дивиденде, а ведь, кроме него, происходило списывание в фонд амортизации, запасной и т. д.

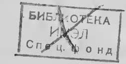
Металлургия, которая работала ряд лет с чрезвычайно незначительной прибылью, за время под'ема значительно увеличила выдаваемый дивиденд, вознаградив акционеров за реорганизацию производства. В 1913 году дивиденды Богословского о-ва и Лесснера равнялись 15%, Мальцевского — 17%, Мариупольского — 12,9%. У некоторых предприятий — особенно бельгийских — дивиденд был еще больше. Днепровское металлургическое общество за два года под'ема, 1911/12 и 1912/13, выдало чистой прибыли 14 млн. рублей, а основной капитал общества был 13,125 млн. рублей и лишь потом был увеличен до 15 млн. руб. [3]).

Также благоприятное было положение в группе коммерческих банков. Дивиденд 7 крупнейших банков за время с 1911 по 1913 год включительно не спускался ниже 9%. Только у торгово-промышленного банка дивиденд в 9% удержался в течение трех лет, у остальных же банков он был значительно выше. У Азовско-Донского колебался между 14 и 16%, Волжско-Камского — даже 22—24%, Международного — 13—14%, Сибирского — 15—16%.

Легкая индустрия и торговля во время депрессии приносили дивиденд 6—9%. Во время под'ема он увеличился.

[1]) Смотри, например, «Ежегодник финансов» за 1916 г.
[2]) Материал о доходности нефт. пр. взят из Эвентова, стр. 113.
[3]) «Биржевые ценности», стр. 102.

Конкретный материал можно было бы в несколько раз увеличить. Но приведенные факты дают достаточно оснований для следующего вывода. Во время промышленного под'ема дивиденд акционерных предприятий колоссально вырос. Более всего повышение прибылей произошло в отраслях хозяйства с преобладающим влиянием иностранного капитала (кредит, нефтяная промышленность, металлургия, банки).

Таким образом, сливки повышенных прибылей снял, главным образом, монополистический капитал.

Повышение доходности акционерных предприятий отразилось и на курсе акций. Фондовая биржа повышательную кон'юнктуру расценила по своему. Курсы акций полетели вверх. Общая линия биржевых курсов акционерных бумаг в период под'ема характеризуется непрерывной линией роста.

До 1912 года происходило общее и чрезвычайно значительное повышение цен акций всех родов: промышленных, жел.-дор. и т. д. Оно достигало по некоторым бумагам нескольких сот процентов. В 1913 году, оставаясь все еще высокими, курсы дают по некоторым бумагам некоторое снижение. Это об'ясняется целым рядом политических факторов, которые отразились на понижении курсов. Биржа наиболее точно и быстро реагирует на всякое политическое осложнение. Политическая обстановка с 1911 года вносила некоторое беспокойство. Уже первая балканская война остро отразилась на бирже: «местами на биржах произошел настоящий переполох» — пишет «Торгово-промышленная газета».

Затем наступила повторная балканская война, закрытие Дарданелл, ударившее весьма сильно по карману, плохой урожай 1911 г. Таким образом «назревала почва для понижательного движения биржевых курсов». Это понижение нашло выражение в падении курсов ряда бумаг, которое имело место в 1913 году. Для противодействия понижательной тенденции еще в 1912 г. был организован синдикат банков, который работал до апреля 1913 года. Налицо был биржевой кризис, который охватил уже западно-европейские биржи. Несмотря на устойчивость промышленной кон'юнктуры, он захватил и Россию, свидетельствуя об осложнении общей обстановки и предвещая мировую войну. Как ни старалась пресса убедить публику, что «обстановка всего меньше дает пищи о промышленном кризисе» [1]) — публика не доверяла. Биржа иначе оценивала кон'юнктуру, чем промышленники, или, как пишет автор, — «биржа резко разошлась с промышленностью». Это расхождение выявилось в резком понижении курсов в 1914 году. Мы уже отмечали, что курсы большинства бумаг в 1913 году были понижены. Апрельские курсы 1914 г. по сравнению с средним курсом 1913 года дают большое снижение (при этом надо иметь в виду: по сравнению

---

[1]) «Торгово-пром. газета», № 116, 1914 г.

с высшими оценками апреля, а амплитуда между высшей и низшей расценками довольно значительная).

Азовско-донск. банк—	средн. курс 13 г. 601,	а высш. апреля 14 г. 562
Мальцевские	» » » » 370	» » » » 267
Путиловские	» » » » 148	» » » » 116
Российские золотопромышл.	» » » » 106	» » » » 57

Вновь пришлось обратиться к синдикату банков, но его деятельность ограничилась узкой задачей — «чтобы биржевое настроение не перешло в беспредельную панику». Несмотря на то, что общий тонус промышленной жизни «все еще крепко держится старых позиций», — пишет газета, биржа осталась неисправима.

Экономическая обстановка России накануне войны была чрезвычайно сложная. Резкого ухудшения в сторону промышленного кризиса не было, это дало возможность буржуазии более оптимистично оценивать перспективы развития: «не имеется никаких тревожных признаков экономического порядка, которые указывали бы на приближение резкого перелома в нынешней экономической кон'юнктуре». Но на-ряду с такой оптимистической оценкой буржуазия признавала, что «чувствуется несомненное ослабление энергии и предприимчивости». За «оптимизм» был только один ненадежный аргумент, тот, что у нас депрессия задерживалась, и потому в России кризис должен иметь более мягкие формы, или, как писала буржуазия — «может пройти почти незамеченным». Об'ективный анализ фактов доказывает, что оптимистические перспективы буржуазии были неосновательны. Некоторая заминка и ослабление темпа развития хозяйства — было уже реальностью, напряженность политической обстановки, биржевой кризис и начало кризиса промышленного на Западе — тоже факт. В связи с этим ухудшились перспективы финансирования, как банков, так и промышленных предприятий, повысился учетный процент. Россия переживала биржевой кризис, выяснилась неблагоприятная перспектива на урожай, которая реализовалась. Вот об'ективная обстановка для дальнейшего экономического развития. Резюмировать можно так: хозяйство России накануне войны находилось в конце стадии под'ема и стояло перед экономическими затруднениями в форме кризиса или промышленной депрессии.

2. Образование монополистического капитализма в России

Образование монополистического капитализма нельзя понять без выяснения удельного веса иностранного капитала в русской экономике. По этому вопросу наметились две точки зрения: «национализации» и «денационализации» русского капитализма. Согласно первой, роль туземного капитала и его удельный вес в общей экономике страны имели превалирующее значение, а поэтому экономическое развитие страны шло в сторону обособления и экономической независимости от западно-

европейского капитализма. Другая точка зрения защищает противоположное мнение. Каждая из них обосновывается, главным образом, на вычислении доли иностранного капитала в общей массе акционерных капиталов в 1900 и 1914 годах. Принимая во внимание неточность нашей статистики акционерных капиталов и еще большую трудность их учета, вполне понятно, что каждый исследователь берет те цифры, которые ему кажутся более вероятными, отчего получается различие в подсчете в несколько процентов. Поэтому нужно согласиться с Рониным, который говорит, что дело в конечном счете не в арифметике. Увеличение или уменьшение доли иностранного капитала на несколько процентов еще не решает дела; основное заключается в характере взаимоотношений русского хозяйства с западным, иностранным, и в изменении взаимоотношений промышленного капитала с банковым в России. Характер связи, качественную сторону арифметический подсчет не учитывает, — он дает представление только о количественной стороне.

Громадное накопление свободных капиталов на Западе, общие условия русской экономики и политика правительства благоприятствовали притоку иностранных капиталов. Дешевизна рабочих рук, естественные богатства страны, таможенная защита, государственные заказы, — все эти условия привлекали иностранный капитал и гарантировали ему высокую прибыль. С 90-х годов иностранный капитал начинает приобретать непосредственное значение в развитии русской промышленности. При его ближайшем участии и помощи русская промышленность пережила свой под'ем 90-х годов. Ко времени кризиса 1900 г. соотношение между русским и иностранным капиталом было следующее. Вся сумма акционерных и облигационных капиталов в кредитных и торгово-промышленных предприятиях составляла 2 599 млн. руб., из которых на долю иностранных капиталов приходится 778 млн. руб. Это дает в круглых цифрах 30% (29,94%) [1]. Такова доля иностранного капитала в России на грани двух столетий. «Противник» денационализации, т. Леонтьев, для 1901 г. определяет долю иностранного капитала в 28,8%. Как видим, различие незначительное. Мы не принимаем в расчет доли государственной задолженности России загранице.

Уже к 1901 г. выявилась преобладающая роль иностранного капитала, главным образом французского, в металлургии и горной промышленности. Однако ни один исследователь не говорит еще о том, что в России сложилась система монополистического капитала.

Россия экономически отстала от стран Западной Европы, где в это время совершился переход от свободной конкуренции к монопольному капитализму. Поэтому в период кризиса и депрессии отношения между Россией и заграницей меняются по сравнению с эпохой 90-х годов. Они принимают форму отношений между монополистическим капитализмом Европы и немонополистическим капитализмом России. В предшествую-

---

[1]) «Вестник Коммунистической академии», № 12, стр. 343, ст. Н. Ванага. Мы берем цифры Ванага, как максимальные.

щую эпоху очень часто иностранные капиталы в России национализировались. Теперь это стало труднее, а подчас и совсем невозможно.

Период промышленного кризиса и депрессии не располагал к усиленным вложениям иностранного капитала, но, с другой стороны, этот капитал должен был интересоваться судьбой уже существующих в России предприятий. В этот период в металлургии не возникает ни одного нового предприятия, но происходит массовая реорганизация и «оздоровление» существовавших предприятий. Средства для этих операций получаются за границей.

Во время промышленного под'ема вновь начинается массовый приток иностранных капиталов в промышленность. Французские и германские капиталы вкладываются в те отрасли хозяйства, с которыми они связались еще ранее, в период 90-х годов. Английские капиталы стремятся завоевать новую отрасль промышленности — нефтяную. До начала под'ема влияние английских капиталов в русской экономике было крайне незначительно. Вследствие обостренной империалистической борьбы за монополию нефтяного дела между Германией, Англией и Соединенными штатами, Англия принуждена была заинтересоваться русской нефтью, куда она вложила очень значительные капиталы.

В общем за время промышленного под'ема несколько сот миллионов рублей иностранных капиталов было вложено в промышленность. Для 1914 г. Ванаг определяет величину всех акционерных и облигационных капиталов акционерных обществ в 4 740 млн. руб. Эта сумма приближается к действительности. Им же размер иностранных капиталов определяется в 1 900 млн. руб., что дает 40% по отношению к общей сумме акционерных капиталов. Если из его расчета исключить кредитные учреждения, то доля иностранного капитала в промышленности и торговле будет около 36%. По расчетам Леонтьева, доля иностранного капитала по отношению ко всем акционерным капиталам выражается к 1924 г. в 33,8%, значительно меньше, чем у Ванага, но больше, чем в 1901 г. на целых 5%. Даже с точки зрения «арифметики» произошло значительное увеличение доли иностранного капитала. Для наших целей большое значение имеет распределение иностранного капитала по отраслям промышленности.

Мы воспользуемся подсчетом Галицкого, который определяет величину иностранных капиталов для промышленных предприятий в размере 1 343,5 млрд. руб. По нашему мнению, эта цифра немного преуменьшена. Но это решающего значения не имеет [1]).

Общая доля иностранного капитала в промышленных акционерных предприятиях равняется примерно $^1/_3$. Самое существенное, однако, не в этих средних цифрах, а в проценте участия иностранного капитала по отдельным отраслям хозяйства.

В легкой индустрии участие иностранного капитала чрезвычайно незначительно. Там «монопольно» распоряжался русский капитал. Зато в целом ряде других отраслей хозяйства иностранный капитал имел большое влияние. Наиболее высокий процент дает электротехническая

[1]) М. Галицкий, «Народное хозяйство», 1922 г., № 3, стр 28.

Общий итог иностранных капиталов в русской промышленности

Наименование отраслей хозяйства	Всего акцион. обществ	Капитал в тыс. руб.	Предпр. с иностр. капит.	Размер иностр. капит.	Размер иностр. кап. в % ко всей отрасли хозяйства [1])
Обработка пищевых и вкусовых веществ	407	465 325	2	1 889	0,4
Бумажная и полиграфическая промышленность	98	93 309	—	—	—
Пр-во по благоустройству	134	154 205	36	75 290	42,3
Лесная промышленность	87	70 370	7	11 453	16,0
Обработка животных продуктов	38	52 520	1	375	0,7
Горная и металлургическая промышленность	785	1 847 880	205	989 773	53,0
Обработка волокн. веществ.	345	825 690	15	42 631	5,0
» минер. »	97	137 980	11	12 728	9,0
Химическая промышл.	116	141 760	24	56 988	40,2
Электротехническая пром-ть.	56	203 276	26	152 334	75,0
	2 163	3 992 315	327	1 343 461	33,6

промышленность — 75, горная и металлургия — 53, производство по благоустройству, т. е. трамваи, водопроводы, — 42,3 и химическая промышленность — 40,2. Довольно значительна роль иностранного капитала в лесопромышленности — 16% и обработке минеральных веществ — 9%. Большинство иностранных капиталов вложено не в «иностранные» предприятия, а в русские, путем скупки их акций. На такие предприятия приходится 58,4%, или 784 348 тыс. рублей, и только 41,6% (559 113 тыс. рублей) вложено в «чисто» иностранные предприятия, допущенные в Россию. Эти цифры лишний раз доказывают, как ошибочно квалифицировать предприятия по их уставу. Формальный момент, как видим, играет второстепенную роль.

«Чистую» иностранную форму больше всего носили бельгийские предприятия, затем английские. Довольно значительная часть французских капиталов вложена в «русские предприятия». Германские капи-

[1]) Цифры Галицкого не совпадают с расчетом Крицмана, который определяет величину иностранных капиталов в промышленности в 1 400 млн. руб., а величину акционерных капиталов — в 4 млрд. руб., но они дают представление об удельном весе иностранных капиталов по отдельным отраслям промышленности. Из этих цифр и надо исходить для подсчета доли иностранных капиталов в промышленности. Если внести к Галицкому поправку в текстильную промышленность, то и получается цифра 1 400 млн. руб., а отношение равно 35%, т. е. приближается к расчету Ванага.

талы более чем на ¾ размещены в «русских» предприятиях. Франко-бельгийские капиталы целиком вложены в «русские» предприятия.

Чрезвычайно интересно распределение иностранных капиталов по национальному признаку. В абсолютных числах большинство приходится на германские капиталы: 378,1 млн. руб., или 28,2% от всей суммы иностранных капиталов, вложенных в промышленные предприятия. Затем идет Франция — 253,3 млн. руб., или около 19%. На долю англичан приходится 226,5 млн. руб., или около 17%, и 16,5% на долю смешанных франко-бельгийских предприятий — 224,3 млн. руб. Все остальные капиталы распределяются незначительными суммами по отдельным странам [1]).

Подавляющее большинство иностранных капиталов приходится на долю антантовской ориентации: доля немцев почти в два раза менее, чем доля англо-франко-бельгийских капиталов.

Для более об'ективной оценки удельного веса иностранного капитала в русском хозяйстве необходимо остановиться на выяснении вопроса о подчинении банковской системы России мировому империализму...

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ В РУССКИХ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ [2])

	Доля иностранн. капит		Влияние на осн. кап. бан.		Влияние на вкл. и тек. сч.	
	В млн. руб.	В % ко всем. осн. кап. 46 б.	В млн. руб.	В % ко всему осн. кап.	В млн. руб.	В % к вк. и исх. сч. всех 46 б.
Банки германской ориентации . . .	77,20	13,0	178,0	30,6	676,2	26,8
» французской » . . .	95,25	16,5	263,2	45,3	1 154,6	45,7
» английской » . .	13,00	2,2	10,0	1,7	10,9	0,4
Всего	185,45	31,7	451,2	77,6	1 841,7	72,9

По отношению к капиталам 18 банков, по которым т. Ронин произвел подсчет, иностранные капиталы составляют 42,6%. Мы произвели большую детализацию в подсчете и получаем следующие результаты: 5 банков немецкой ориентации с основными капиталами в 138 млн. руб. имели немецких капиталов 54 млн. руб., или 39%; 7 банков «французских» имели 45,8% иностранного капитала; 1 «английский» банк имел 40% иностранного капитала, и два смешанных —

[1]) Процентные вычисления нами составлены на основании сведений, приведенных в цитированной статье Галицкого. Весьма возможно, что они незначительно преуменьшены против действительных долей, так как на капитал в 79 982 тыс. руб. не установлена национальная принадлежность.

[2]) Таблица составлена на основании данных, взятых из работы С. Ронина, Иностранный капитал и русские банки, стр. 84—85 и 138—139.

имели процент участия иностранного капитала от 40 до 45. Всего по 15 банкам, имеющим около 63% основных банковых капиталов, доля иностранного капитала равна 43%.

Из этого надо прежде всего сделать тот вывод, что русские банки, к которым ярлыка «иностранный» приклеить нельзя, имеют не $^1/_5$ банковых капиталов, как получается у Ронина, а примерно $^1/_3$, даже немножко более. Но самое главное отнюдь не в этом. Доказал ли Ронин, что банки, в которых участвовал иностранный капитал, потеряли свою самостоятельность и превратились в придаток иностранного империализма? Тов. Ронин по этому поводу пишет: «Суть дела именно в том и заключается, что иностранный капитал, через посредство русских банков и при широком содействии министерства финансов, распоряжался не столько своими, сколько русскими средствами» [1]).

Одним словом, постановка вопроса такая: не русские банки распоряжались иностранными капиталами, а обратно, иностранные капиталисты являлись хозяевами русских банков и распоряжались не только банковыми капиталами, но и громадными вкладами, которые концентрировались в банках.

Мы считаем это положение не доказанным. Конечно, не обязательно надо иметь больше 50%, чтобы распоряжаться предприятием, — в этом мы совершенно согласны с Рониным, — но нужно доказать, что в банках, напр., германской ориентации, в которых удельный вес их капиталов достигал лишь 39%, русские банки утратили свою самостоятельность и превратились в банки только по названию русские. Тт. Ванаг и Ронин совершенно верно оценивают роль в народном хозяйстве банков, являвшихся центрами монополистического капитализма. Банки подчиняют промышленность, сращиваются с промышленным капитализмом. Домонополистический капитализм России перерастает в империализм накануне мировой войны. В этом у нас нет разногласий. Но нам кажется, что взаимоотношения банков с окружающими империалистическими системами и роль иностранного капитала в системе русских банков ими оценивается не совсем верно. От этого получается переоценка и роли иностранного капитала, вложенного в промышленность. Русскими банками ими считаются только те, в которых совсем не было вложено иностранного капитала. Такие банки были меньше по размерам, чем «иностранные», и на их долю, по расчетам Ронина, оставалась $^1/_5$ основных капиталов и $^1/_4$ вкладов. На самом деле роль иностранного капитала в банках значительно меньше, а значение русских банков больше. Как мы показали выше, более $^1/_3$ банковых капиталов находилось в распоряжении русских банков.

За последнее время в экономической литературе мы встречаем здоровую реакцию против крайних выводов схемы Ванага—Ронина. В данном случае мы можем ссылаться на источник достаточно солидный, который пишет: «Мы приходим к выводу, что концепция т. Ванага не только дает неправильное освещение некоторых основных вопросов

[1]) С. Ронин, Иностранный капитал, стр. 104—105.

финансово-капиталистических отношений, но и приводит к целому ряду натянутых, подчас и неправильных об'яснений развития этих отношений в России» [1]). Тот же автор устанавливает, что в ряде отраслей промышленности, где по схеме Ванага было сплошное засилье иностранного капитала, русские банки имели довольно сильное влияние.

Этого вопроса мы еще коснемся. Теперь следует отметить тот факт, что как в промышленности, так и в банках влияние антантовского капитала было сильнее германского. Русские банки французской ориентации как по размерам своих капиталов, так и по доле участия французского капитала были более тесно связаны с французским империализмом, чем банки германской ориентации — с германским. Если сравнить размеры иностранного капитала в промышленности и банках, то получаем почти равные доли: около $^1/_3$, а в банках даже меньше, не более 30%. Следовательно, вовсе не было сплошного засилья иностранного капитала. Мы раньше показали уже % участия иностранного капитала по отдельным отраслям промышленности. Среди банков было еще меньше таких, которые имели преобладающий % иностранного капитала, чем среди отдельных отраслей промышленности. Если согласиться с товарищем Рониным, который считает, что при 40% участия иностранного капитала в банке последний уже теряет свою самостоятельность, то и тогда германскими надо считать всего лишь 3 банка, в которых % участия был от 40 до 50, французскими 5 банков — с участием капиталов от 40 до 60% и один банк английский.

Русские банки, находившиеся в сфере влияния франко-английского империализма, как по величине своих основных капиталов, так и по размеру вложенного в них иностранного капитала, были в полтора раза сильнее, чем германские. Все это свидетельствует о более сильном нажиме «союзнического» империализма как на экономику России, так и на политику царизма.

Если мы теперь возьмем всю группу русских банков, весьма условно утративших свою самостоятельность, т. е. те банки, в которых доля иностранного капитала была 40 и более процентов, то по отношению к капиталам всей банковской системы России, их удельный вес достигает 50%. Это, конечно, очень значительный %. Но он свидетельствует и о другом, что около половины банкового капитала России было свободно от подчинения «Западу». Именно они являлись базой для появления элементов российского национального империализма.

Начавшийся процесс подчинения русской банковской системы французским и германским империализмом — явление сравнительно новое, последних 4—5 лет до мировой войны. Если бы этот процесс развивался длительное время, а не всего лишь несколько лет, возможно, что тогда иностранный капитал подчинил бы всю нашу банковскую систему. Говорить же об этом перед войной, когда этот процесс только начался, это значит принимать возможное за действительное. По-

[1]) И. Ф. Гиндин, Банки и промышленность в России до 1917 г., стр. 195. Тот же автор указывает ряд фактических ошибок Ванага; он на фактах показывает, что «схема т. Ванага не выдерживает и соприкосновения с действительностью» (стр. 191).

следние исследования вносят значительную поправку как раз в центральное место схемы Ванага — Ронина относительно взаимоотношений русского финансового капитала с заграничным. Вопреки их схеме устанавливается также значительное сращивание русских банков с промышленностью и их сильное влияние на иностранные промышленные предприятия в России.

Нам кажется, что сторонники «денационализации» обобщили кон'юнктурное явление, отвлеклись при этом от многих сторон нашей экономической действительности, не приняли во внимание последующего экономического развития. Для историка теория «денационализации» не облегчает, а затрудняет об'яснение многих фактов, даже таких, как участие России в мировой войне или позиция русской буржуазии в 1917 году. Но если бы она соответствовала об'ективной действительности, пришлось бы пользоваться ею. Но она сама является производной от недоказанного обобщения, что русские банки перед мировой войной являлись придатками мирового империализма [1]).

«Итак, XX век — вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала», говорит Ленин. Эту грань Ленин установил для западноевропейского капитализма. XIX столетие является веком господства промышленного капитализма и свободной конкурентной борьбы. Громаднейший рост производства на основе все растущей эксплоатации рабочих, концентрации производства и торговли, захват и грабеж колоний, огромное накопление средств в банках — все это приводит развитие капитализма к его высшей ступени — к империализму. Основное в экономическом процессе превращения промышленного капитала в империализм «есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями» — говорит Ленин. Откуда и каким образом образуются монополии, — Ленин подробно показал. Технический прогресс, рост производства и его концентрация порождают монополию; растущая сила банкового капитала приводит к захвату целых отраслей и порождает монополию; колониальная эксплоатация и грабеж захваченных территорий, захват рынков сырья и сбыта товаров приводят, в конце концов, к монополии. Монополия становится одним из самых основных экономических признаков новейшего капитализма — империализма. «Империализм, — говорит Ленин, — есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала» и т. д. В этом заключается основное отличие нового капитализма от старого. Ленин подчеркивает также экспорт капитала, раздел мира. Но мыслим случай, когда капитализм той или другой страны превращается в империализм, когда еще не развился экспорт капитала, но без промышленной монополии, без сращивания промышленного капитала и банкового нет империализма. Отсутствие этих признаков свидетельствует о том, что капитализм еще не созрел до высшей своей фазы. Появление монополий показывает, что началось «перера-

[1]) В настоящее время огромное значение приобретает уточнение влияния иностранного капитала в отдельных банках, а также более точное выяснение принадлежности банков к иностранной ориентации.

стание» одной фазы капитализма в другую, высшую. Империализм изменяет структуру капитала, изменяет отношения между промышленностью, банками и биржей. Биржа утрачивает свое первенствующее значение, промышленность попадает в зависимость от банков. Промышленный предприниматель становится и банковиком, а банковский деятель превращается одновременно в промышленника. Директор банка является председателем треста или синдиката, а синдикатчик возглавляет правления многих банков. Так переплетаются различные функции в одном лице, так переплетается и «сращивается» банковый капитал с промышленностью. В странах передового капитализма «перерастание» капитализма в империализм начинается с 80-х годов XIX века. К концу столетия процесс уже закончился. В России господство монополистического капитализма наступило сравнительно позднее. Имеются об'ективные причины, об'ясняющие это. Большие пережитки крепостничества после реформы и сравнительно позднее «освобождение» крестьян долго тормозили развитие промышленного капитала. Железные дороги в стране строились поздно и медленно. Только в 90-х годах начинается железнодорожная горячка, которая совпадает частично, а отчасти и является причиной промышленного под'ема. Торгово-крепостническая эксплоатация разоряла деревню, выкачивая из нее все соки. Бедность страны капиталами тормозила промышленное развитие. Лишь с конца XIX века и при участии иностранных капиталов промышленное развитие России огромными скачками стало нагонять далеко опередившие нас страны. «Европа» далеко обогнала нас, так что скачка 90-х годов оказалась недостаточной. Переход к XX столетию ознаменовался сильнейшим промышленным кризисом, который вместе с депрессией растянулся чуть ли не на целое десятилетие. Длительный характер депрессии задержал процесс создания банковских монополий, а с другой стороны, создал некоторые условия для образования предпосылок монополистического капитализма.

Период кризиса и депрессии играет решающую роль в усилении финансовых связей промышленности с банками; «русский капитализм входит в стадию «финансовых реорганизаций», открывая собой эпоху «сращивания банкового и промышленного капиталов». Этому «сращиванию» способствует неблагоприятная промышленная кон'юнктура, она же облегчает задачу банковому капиталу поставить русских промышленников в большую зависимость от себя» [1]). Заемные средства промышленности увеличиваются, поэтому растет и ее зависимость от банков. Однако приходится считаться и с тем, что капиталы банков были сравнительно невелики: основные капиталы и вклады с текущими счетами в 1900 г. достигали 734,5 млн. руб. За 8 лет XX столетия основные капиталы банков выросли всего лишь на 56 млн. руб., в то время как текущие счета и вклады — на 427 млн. руб. [2]).

Характерная черта отношений банков и промышленности за это время — «полное отсутствие новых синдикатских операций».

---

[1]) «Вестник Коммунистической академии», № 12, стр. 335.
[2]) Ронин, Иностранный капитал, стр. 27 и 46.

Банки не занимались новым учредительством, — это было слишком рискованно, — но принимали большое участие в делах уже существующих предприятий. Ронин приводит характерную таблицу распределения средств, которые банки вкладывали в промышленность. В 1904 г. затрачено всего 60,6 млн. руб., а в 1908 г. вложено уже 355,6 млн. руб.

Во время кризиса и депрессии происходит массовая переорганизация единоличных предприятий в акционерные. На эти операции банки затрачивали в отдельные годы до 47% всех вкладываемых в промышленность средств. Еще большую часть капиталов приходилось затрачивать в «существующие» акционерные предприятия. На новые предприятия в последние годы депрессии банки расходовали от 5 до 8% вкладываемых в промышленность капиталов. За время депрессии «у банков выработались навыки работы с промышленностью, создались предпосылки финансирования промышленности, широко развернувшегося в период под'ема 1909—1913 гг.» [1]). Результатом кризиса и депрессии является значительная концентрация промышленности и образование синдикатов. Во время кризиса и депрессии возникают все важнейшие синдикаты русской промышленности: в 1901 г. — «Продамета», в 1903 г. — «Гвоздь», в 1906 г. — «Продуголь», еще позднее — «Проволока», «Медь», «Продвагон» и т. д. За спиной этих промышленных об'единений стоял банковый капитал, который значительно вырос. Банкам и бирже, «ради финансовых комбинаций, понадобились сильные предпринимательские союзы» [2]). Несмотря на юридические препятствия, которые ставил царизм появлению капиталистических организаций, капитал победно прокладывал себе дорогу. В период промышленного под'ема эти организации играют решающую роль в русской экономике. Во время кризиса и депрессии создавались синдикатские организации, чтобы путем рационализации производства, путем уничтожения конкуренции бороться с понижением нормы прибыли.

Итак, во время депрессии усиливается связь банков с промышленностью; банки проводят «опыт» широкого участия в промышленных делах, куда на длительный срок затрачиваются большие капиталы. В промышленности организуются крупнейшие монополистические организации капитала. Пока складываются отдельные элементы монополистического капитала, так как за это время «процесс сращивания протекает, однако, в сравнительно скромных размерах» [3]).

«Переломным» моментом в изменении структуры русского капитализма является период промышленного под'ема, во время которого развиваются элементы монополистического капитализма, происходит сращивание банкового капитала с промышленностью. Решающее значение для этого процесса имеют две причины: 1) быстрое развитие промышленности, усиление концентрации и рост вследствие этого промышленных монополий; 2) усилившееся русское накопление и новый приток иностранного капитала в банки. Оба эти источника дали возможность

---

[1]) И. Ф. Гиндин, Банки и промышленность, стр. 55.
[2]) «Русские биржевые ценности», 1914—1915 гг., стр. 182.
[3]) Ронин, Иностранный капитал, стр. 59.

банкам широко развить промышленные операции. За 4 года — с 1 января 1910 г. по 1 января 1914 г. — основные капиталы банков выросли на 250%, а вклады и текущие счета — на 225%. Рост банковых капиталов обгоняет темп развития промышленности. Экономическое значение банков выдвигается на первый план. Усиливается роль русской биржи. И если многие акционерные общества попрежнему создаются в Париже, то инициатива «финансовых реорганизаций предприятий, в значительной мере, перемещается из-за границы в Россию» [1]). Банки ведут активную политику в промышленности; они являются «главными представителями финансово-капиталистических тенденций». Больше половины всех своих средств они вложили «в промышленные и другие общества». Для 1 января 1914 г. Гиндин дает цифру в 1 500 млн. руб. [2]). Один из крупных банков, Азовско-донской, проводивший «здоровую» политику финансирования, затрачивал 45% «средств правления» на финансирование промышленности. Промышленные предприятия, более или менее тесно связанные с банками, быстро теряли свою независимость. Финансовые операции банков, увеличение капиталов акционерных предприятий делало банк хозяином дела; «их власть над промышленными предприятиями,— пишет Гиндин,— простиралась обычно до полного хозяйничанья в предприятии» [3]). Рост банковского могущества приводил в России к тем же результатам, что и на Западе. Банковские заправилы и дельцы, крупнейшие магнаты финансового капитала, заняли главенствующую роль в промышленности. Срастаясь с промышленностью, банк делался гегемоном над ней, забирая в свои руки бразды управления хозяйством страны. Занимаясь в широких размерах учредительством, банки зарабатывали на этом колоссальные барыши. На выпуске эмиссии доход банка выражался в 25—30%, а нередко и 50% цены акции. Забирая учредительскую прибыль, банк оставлял другим только процент на капитал. Как обстояло дело с концентрацией промышленности, с промышленными монополиями и какова была их связь с банками? Мы уже отчасти задевали этот вопрос. Сейчас приведем несколько наиболее ярких примеров. По концентрации производства русская промышленность занимает одно из первых мест в мире: ее концентрация больше, чем, например, американской промышленности (см. табл. на стр. 30).

Главная масса рабочих в американской промышленности занята в мелких и средних предприятиях, в России — в крупных.

На предприятиях с числом рабочих от 500 до 1 000 чел. в России и Америке сосредоточен примерно одинаковый процент рабочих. Группа заводов-гигантов в России значительно больше, чем в Америке. На их долю у нас приходится рабочих в 2,5 раза больше, чем в американской промышленности. По концентрации рабочей силы на крупных предприятиях впереди других округов идет Московский, в котором на заводах-гигантах занято больше половины рабочих (57,3%), затем

[1]) И. Гиндин, Банки и промышленность, стр. 63.
[2]) Там же, стр. 75.
[3]) Там же, стр. 67.

Концентрация промышленности России и Соединенных штатов Америки[1]) по числу рабочих в 1909 и 1914 гг.[2])

	Америка		Россия		Америка		Россия	
	1909 г.				1914 г.			
	В %		В %		В %		В %	
	Предприят.	Раб.	Предприят.	Раб.	Предприят.	Раб.	Предприят.	Раб.
Предприятия с числом рабочих до 100 чел.	93,3	37,8	79,9	20,0	90,8	35,0	78,4	17,8
От 101 до 500 чел.	4,1	34,2	15,1	27,5	4,2	34,1	16,0	25,7
» 501 » 1 000 »	0,5	12,7	2,8	15,4	0,5	13,2	3,1	15,1
Более 1 000 человек	0,2	15,3	2,1	37,1	0,2	17,8	2,5	41,4

идет Петроградский округ — 44,4% всех занятых рабочих. Такая громадная концентрация рабочей силы свидетельствует о высоком развитии русского капитализма. Она давала возможность создавать монополистические организации. Все такие крупнейшие предприятия, в конце концов, об'единялись в синдикат и занимали руководящую роль в промышленности. Такие монопольные организации находились в самой теснейшей связи с банковым капиталом. Как широко и глубоко охватывали монопольные организации промышленность, — покажут несколько примеров. Нефтяная промышленность является особенно типичной, так в ней «финансово-капиталистические отношения получили максимальное для России развитие»[3]).

В 1912 г. около группы Ойль под влиянием английского и французского капиталов образовался трест, во главе которого стояли директора семи крупнейших банков Петрограда, во главе с Путиловым, с основным капиталом в 242,7 млн. руб., резервным в 105,9 млн. руб. и вкладами в 1 260,7 млн. руб.[4]). Всего в нефтяной промышленности образовалось три крупнейших группы: Ойль, англо-голландская группа Шелль и т-во Нобель. Капитал этих трех групп достигал огромнейшей

[1]) Материалы по статистике труда, вып. VIII, стр. 75—78.

[2]) Сведения о России для 1914 г. даны без Польши и губерний, занятых неприятелем. По данным отчета фабричных инспекторов за 1914 г., в занятом Варшавском округе находилось 4 189 предприятий с 353 тыс. рабочих.

[3]) Гиндин, Банки и промышленность, стр. 154.

[4]) «Вестник финансов», № 6, 1916 г., ст. В. Зива, Концентрация в области нефтяной промышленности.

суммы более 250 млн. руб. [1]). Добыча нефти этих трех групп достигала:

	1913 г.	1914 г.
	(В миллионах	пудов)
Ойль Комп.	13,0	120,0
Т-во Нобель	78,8	75,6
Шелль	79,8	93,0
Итого	289,6	289,3
Предприятия вне этих групп	274,2	270,5
Всего	563,8	559,8

На долю указанных трех групп приходится 52% добычи и ¾ торговли нефтью. Капитал их достигал 213,8 млн. руб.

Кроме этих трех групп, в Лондоне были еще 4 меньших группы, контролировавшие до 26 действовавших в России нефтяных обществ с основным капиталом 87,1 млн. руб. Зив дает прекрасную характеристику господству монопольного капитала в нефтепромышленности; она может быть применена и ко многим другим отраслям нашей крупной промышленности, где перед войной было аналогичное положение.

«Подводя итог деятельности крупных финансовых промышленных организаций в русской нефтяной промышленности, — пишет Зив, — мы приходим к заключению, что эти организации, в сущности, являются полными хозяевами основной отрасли русской добывающей промышленности. Они играют преобладающую роль как в добыче, так и торговле нефтью во всех нефтяных районах нашего отечества. Вся эта промышленность охвачена железным кольцом влиятельных международных финансовых групп, между которыми вполне возможно заключение разных временных конвенций или постоянных соглашений» [2]). Между группой Ойль и Нобелем развернулась жестокая борьба за гегемонию, кончившаяся в 1917 г. их соглашением.

Иностранные финансовые группы, стоявшие за тем или другим из русских нефтяных об'единений, одновременно контролировали или были заинтересованы в нефтяном деле других стран. Поэтому около русской нефтяной промышленности перекрещивались империалистические интересы различных стран.

Относительно монополистических организаций Ленин подчеркивал, что они ведут «к застою и загниванию». Всякая монополия при капитализме ведет к задержке технического прогресса. Пример «Продугля» очень показателен. Являясь организацией крупнейших владельцев угольных копей, он «не достиг еще такого положения, чтобы быть хозяином рынка и диктовать продажные цены, к чему мы и должны стремиться» [3]), — говорил его председатель Авдаков. И, несмотря на это, его

[1]) Л. Эвентов, Иностранный капитал в нефтяной промышленности России, стр. 97.
[2]) «Вестник финансов», № 8, 1916 г., ст. В. Зива.
[3]) «Красный архив», № 18, стр. 142.

сверхприбыли за 14 месяцев достигли огромных размеров — 6,5 млн. руб. Располагая только 60% производства угля Донбасса, «Продуголь» ограбил потребителей сверх нормальной прибыли на 6,5 млн. руб., а сколько бы он взял, если бы его монополия распространялась на 80—90%! «Продуголь» старался об'единить в своих руках $^4/_5$ производства; это ему не удавалось. В борьбе с противником он применял обычные меры — понижение цен, с тем чтобы потом «возвратиться к политике высоких цен». Сперва пожертвовать немногим, разорить противника, а потом наверстать. Отношения «Продугля» к входившим в его состав предприятиям очень строги: его контрагент «перестает быть самостоятельным хозяином в собственном предприятии». Когда ряд предприятий просил увеличить нормы добычи угля, то совет отказал, несмотря на наличность угольного голода [1]). Следовательно, «Продуголь» искусственно обострял потребность в угле, сдерживал производство и добивался повышения цен.

В области текстильной промышленности «к кануну войны речь может итти только об отдельных элементах монополистического капитализма, сама же система еще не господствовала в ней» [2]). Текстильная промышленность являлась образцом «органического» роста национального капитала. Абсолютное, подавляющее большинство капиталов в этой отрасли промышленности принадлежало русским. Более детальный подсчет доли иностранных капиталов в текстильной промышленности увеличивает их количество вдвое против данных Галицкого, но все же остается скромной цифрой около 85 млн. руб., или 10% всей отрасли производства [3]). Связь текстильного производства с банковым капиталом намечается через Московский купеческий банк с основным капиталом в 15 млн. руб. Во главе банка стоял Г. А. Крестовников, а рядом с ним — Кнопы, Прохоровы — старые московские фирмы. Этот банк, судя по составу руководящего ядра, на 0,8 был банком «хлопчатобумажным» [4]). Другая группа текстильщиков, во главе с П. Рябушинским, группировалась около Московского банка с капиталом в 25 млн. руб. «Эта группа по существу была финансово-капиталистической и шла в сторону от исконных московских буржуазных устоев» [5]).

Здесь имелись лишь зародышевые тенденции сращивания финансового капитала, но характер связей между банками и промышленностью здесь был иной, чем в тяжелой индустрии: не банки командовали производством, а промышленники сами создали банк и распоряжались банковым капиталом.

В связи с слабостью финансового капитала в текстильной промышленности мы не имеем таких монопольных синдикатских организаций, как в металлургии, в топливной промышленности. Но создание монопольных организаций намечалось и здесь. Монополия Кнопов к 1 марта

---

[1]) «Красный архив», № 18, стр. 143.
[2]) Ванаг, Финансовый капитал, стр. 177.
[3]) Цвибак, Из истории капитализма в России, стр. 52.
[4]) Там же, стр. 47.
[5]) Там же, стр. 48.

1911 г., по расчетам Цвибака, распространялась на $^1/_5$ всего числа прядильных веретен в России. Вероятно, из нее выросло «Общество хлопчатобумажных фабрикантов» Московского района, об'единявшее 45% всех веретен России. Другой отличительной чертой русской текстильной промышленности является увеличение размеров экспорта за границу. Русский «текстильный империализм» выступает конкурентом английского и немецкого капиталов и достиг в борьбе с ними значительных результатов. В то время как сама Россия являлась об'ектом конкурентной борьбы за превращение в колонию той или другой империалистической державы, русский капитал вступил в борьбу за восточные страны с могущественными хищниками. Итог получился такой: размер экспорта хлопчатобумажных тканей вырос с 20 479 тыс. руб. в 1907 году до 43 895 тыс. руб. в 1913 г. — более чем удвоился. Экспорт 1913 г выражался солидной цифрой — 1 050 тыс. пудов. При этом 92% всего экспорта приходится на азиатские страны. Главнейшим рынком сбыта была Персия, где соотношение экспорта из России и Англии неуклонно идет в пользу России. В 1908/09 г. доля Англии 64,4%, а России — 29,8%, в 1912/13 г. доля Англии снижается до 44,4%, а России — увеличивается до 50% [1]). Русский текстиль занял в известной мере монопольное положение на персидском рынке.

В легкой промышленности особенно тесно была связана с банковским капиталом табачная промышленность. Наиболее крупные промышленники совместно с банками создали Russian Tobacco Company, «русскую организацию», которая использовала иностранные средства. Она скупила и об'единила одиннадцать крупнейших табачных предприятий, располагавших ¾ (75%) капиталов этой отрасли промышленности [2]). Сахарная промышленность также находилась в сфере влияния банкового капитала. Влияние банков было особенно сильно на рафинадные заводы. «Еще в 1911—1913 гг. банки довели капиталы некоторых предприятий до неслыханных прежде в сахарной промышленности размеров». Вследствие этого начался процесс концентрации производства, рафинадные предприятия скупали песочные предприятия и т. д. Руководящую роль в этом деле играли русские банки. В области транспорта крупнейшие речные пароходства также находились в теснейшей связи с банковым капиталом.

Можно было бы привести еще ряд примеров, свидетельствующих о глубоком проникновении влияния банкового капитала в разные отрасли промышленности. При этом дело вовсе не обстояло так, будто иностранные предприятия находились вне зависимости или влияния русского банкового капитала. Гиндин показывает, как «просачивалось» влияние русских банков на крупнейшие резиновые предприятия, основанные на иностранные капиталы.

Система отношений между банками и промышленностью была довольно сложная. Не всякий промышленный кредит означает обязательное подчинение предприятия банку, но общая тенденция отношений

[1]) Цвибак, Из истории капитализма в России, стр. 76.
[2]) Гиндин, Банки и промышленность, стр. 163.

развивалась в сторону все большего сращивания банкового капитала с промышленным. Роль и значение банков в экономике страны с каждым годом возрастала, их господство над промышленностью увеличивалось. Монополистические тенденции охватывали все большее количество отраслей хозяйства, внедряясь все глубже в экономику страны. Свободная конкуренция промышленного капитала оттеснялась на задний план растущими монополиями. В тяжелой промышленности безраздельно господствовал банковый капитал, громадная концентрация производства облегчила создание крупных монополистических об'единений, являвшихся настоящими господами положения.

В легкой промышленности мы имеем более пеструю картину.

В отдельных случаях подчинение промышленности банкам зашло очень далеко (табачная, химическая, цементная), в других — текстильная — оно только что началось. Но основные характерные черты империализма — господство монополий и сращивание банкового капитала с промышленностью — в России имели место. Следовательно, перед мировой войной промышленный капитализм России превратился в новейший империализм.

Между русским капитализмом и западно-европейским не было качественного различия, они различались лишь количественно. Западно-европейский империализм имел более длинную историю своего развития. Сращивание банкового капитала с промышленностью было более глубокое, монополии охватили больше отраслей хозяйства, чем у нас. Промышленность там играла бо̀льшую роль в общем хозяйстве страны, чем у нас. Экономический уклад России был более сложный, чем на Западе. На-ряду с империалистическими элементами, в России большую роль играли сельское хозяйство, кустарная промышленность, наконец, такие предприятия, которые оставались еще вне сферы влияния банкового капитала. Если брать не всю экономику страны, а только промышленность, то в ней господствующую роль приобрели империалистические элементы.

Перед мировой войной мы имели слабый (по сравнению с другими странами) по удельному весу в общей экономике страны капитализм и отсталое, примитивное, но обладающее большим удельным весом сельское хозяйство. Это обстоятельство несколько сглаживало и затушевывало империалистический характер русского капитализма.

Западно-европейский империализм был более зрелый, чем русский. Отсюда вытекают некоторые характерные черты отличия первого от второго. Ленин подчеркивает, напр., громадную роль экспорта капиталов при империализме. Для русского империализма экспорт капиталов не является характерной чертой. Россия сама поглощала массу иностранных капиталов, и именно они ускорили капиталистическую эволюцию России. В борьбе за передел мира русский империализм принял участие только перед самой мировой войной. Русско-японская война являлась еще колониальным предприятием «феодального империализма». Благодаря большому наличию в России остатков крепостничества, тормозивших капиталистическое развитие, русский империализм нуждался во внешних рынках, которые должны были дополнить недо-

стающий рынок внутри страны. Интересы растущего империализма находили свое отражение во внешней политике царизма.

Основные черты, характеризующие западный империализм, свойственнны и российскому капитализму. Отсутствие экспорта русского капитала в другие страны не вносит большого корректива. Другую сторону русской экономики — значительную роль иностранных капиталов в России — некоторые товарищи переоценивают. Решительнее других формулирует свою точку зрения т. Крицман в предисловии к книжке т. Ронина. «Системы русского финансового капитализма не существовало», пишет он. Раз товарищи Ванаг и Ронин договорились до отрицания роли русского банкового капитала, изображая дело таким образом, будто в русской экономике было сплошное засилье иностранного капитала, тогда, естественно, неоткуда взяться и русскому империализму. В банках господствует иностранный капитал. Монополистические организации создаются в тех отраслях промышленности, где господствующую роль играл иностранный капитал. Следовательно, сращивание происходило между различными видами иностранного капитала. Это — точка зрения Ронина, Ванага и Крицмана. Они не отрицают империализма, но империализм получается у них не русский, а экспортированный из-за границы. На первый взгляд эта схема действует подкупающе своей простотой. «Вместо русской системы, — пишет т. Крицман, — мы имеем на территории России части трех могущественных систем финансового капитализма — французской, германской, английской». Русского империализма нет. О нем т. Крицман не упоминает ни одним словом. Товарищ Крицман не отвел русскому империализму скромной доли, равной немецкой или английской.

Мы не можем согласиться с такой трактовкой «природы» русского империализма. С таким же успехом т. Крицман мог выдвинуть четвертую составную часть империализма — бельгийскую. Бельгийские капиталы были вложены в русскую промышленность довольно значительные; брюссельская биржа играла более важную роль, чем лондонская. Совершенно непонятно, почему обойден «бельгийский» империализм. И бельгийские и английские капиталы в банках одинаково играли ничтожную роль, следовательно, сращивание происходило или помимо русских банков с банковской системой Англии и Бельгии — тогд маленькая Бельгия требует восстановления в правах, или капиталы обеих этих стран сращивались с чужими банками, и тогда незачем говорить об английской части русского империализма. Игнорирование русского империализма совершенно недопустимо. Если согласиться с положением Ронина о том, что 40% акций в руках иностранцев вполне достаточно, чтобы контролировать русские банки, то и тогда остается еще мощная система русских банков, равная всем «иностранным», т. е. «немецким» и «франко-английским». Нельзя же сказать, что «сращивание» банкового капитала захватило только «иностранные» банки, — это было бы очень неполно. Наконец, как можно игнорировать такой факт, когда в акционерной промышленности $^2/_3$ капиталов были русские. Для большей «об'ективности» нужно было бы

русскому доморощенному империализму отвести хотя бы часть, равную германской.

Схема т. Крицмана представляет логический вывод из утверждения т. Ванага о денационализации русского капитализма. Она не считается совсем с фактами, укладывая в три заграничные рубрики весь русский империализм. Если возьмем металлургическую промышленность, то там имеем факты, показывающие на сильное влияние русских банков на иностранные предприятия. Горнозаводская промышленность Урала находилась «под исключительным влиянием русских банков». Гиндин показывает, как банки распоряжались девятью десятыми капиталов уральской металлургии. Мы нарочно взяли отрасль промышленности, наиболее тесно связанную с иностранным капиталом. В ней как раз «русским духом» не должно пахнуть. А между тем факты говорили обратное. Цитированный нами неоднократно Гиндин дает следующий разительный подсчет: «в отраслях, обрабатывающих железо, из 125 предприятий с капиталом в 370 млн. руб. — 39 крупнейших предприятий с капиталом в 233 млн. руб. (более 60%) находились в той или иной форме под сильным влиянием русских банков (к этому надо прибавить еще два смешанных предприятия с капиталом в 19 млн. руб.). 37 иностранных предприятий имели только 89 млн. руб. капитала (менее 25%), наконец, на 47 русских обществ падало всего 29,1 млн. руб., или менее 10% капитала, вложенного в акционерные общества данной отрасли» [1]).

Мы видим, как факты разбивают схему о сращивании иностранного капитализма в России только с тремя империалистическими системами. Империализм в России был не только иностранным, но и русским империализмом. Он рос и креп под покровительством и защитой русского самодержавия. Иностранные капиталы ускорили процесс экономического развития России. Благодаря ему превращение промышленного капитала в империализм наступило значительно раньше. В целом ряде случаев иностранные предприятия находились в тесной связи с иностранными банками или с русскими банками с сильным иностранным влиянием. Но из этого нельзя делать таких крайних выводов, которые сделал т. Крицман. Русские банки вовсе не потеряли своей самостоятельности и не превращались «в простые филиалы, исполняющие директивы заграничных банков». Вместо того, чтобы на общем фоне русского капитализма выделить важную деталь — роль иностранного капитала, выбрасывается основное, а отдельная часть выдается за всю картину.

Если согласиться с товарищем Крицманом в том, что в России отсутствовали элементы «национального» империализма, тогда надо сделать выводы и о том, что Россия превратилась в колонию западно-европейского империализма. Такие выводы можно сделать о Китае, дореволюционной Турции, но применительно к России они будут абсолютно не верны. Процесс колониального подчинения России западно-европейским империализмом перед мировой войной начался, но одновременно происходило усиление роста элементов российского империализма.

[1]) И. Гиндин, Банки и промышленность, стр. 148.

База для такого роста была вполне достаточная. Экономическое развитие России во время империалистической войны еще в большей мере содействовало экономической эмансипации русской банковской системы от Западной Европы и увеличило ее влияние на всю промышленность. Война создала благоприятную обстановку для роста русского империализма, хотя она же в значительной мере подчинила самодержавие влиянию «союзников».

Довоенный русский империализм был слабее, чем английский или немецкий. Поэтому Ленин подчеркивает, что «в России преобладает военный и феодальный империализм», а не «капиталистический империализм новейшего типа». В другом месте он говорит, что монополия самодержавия и военной силы «отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала». Совершенно ясно, что Ленин не ставит на одну доску экономическое развитие России с западными империалистическими странами. Политически русское самодержавие еще не успело превратиться в буржуазную монархию, экономически же русский империализм насчитывал только примерно пятилетнюю историю своего существования. Он не успел еще дать того, что дал западно-европейский капитал в смысле организации техники производства. Но важно, что русский капитализм также созревал до империализма. Неравномерность капиталистического развития на примере России особенно ярко проявилась: за два периода, промышленного под'ема 90-х годов и предвоенного, капитализм России превращался в империализм. Этот процесс созревания русского империализма совершался на-ряду с усилившейся тенденцией зависимости России от западно-европейских капиталистических стран, главным образом стран Антанты.

Но делать отсюда выводы о колониальном или даже полуколониальном положении России слишком рано, до этого дело еще не дошло. Поэтому вовсе нельзя сбрасывать со счетов русский империализм. В промышленности имелись монополии иностранного капитала, но отвернуться от монополий русского капитала тоже нельзя. Они были уже перед войной в наличности и в тяжелой и легкой промышленности. Одновременная экономическая зависимость от стран, которые являлись главными конкурентами — Франции и Германии, давала возможность России вести самостоятельную внешнюю политику, которая обеспечивала бы более верное достижение целей, соответствующих интересам как «феодального» империализма, так и русского империализма.

Русское правительство намерено было разрешить ряд самостоятельных задач и, опираясь на англо-французский блок, достичь своих целей. Но цели и задачи, которые во внешней политике ставил «феодальный» империализм, не противоречили интересам капиталистического империализма и промышленной буржуазии.

Глава вторая

ФИНАНСИРОВАНИЕ ВОЙНЫ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. Финансовое положение России перед войной

Финансовое положение России перед войной было довольно устойчивое. Доходы по бюджету колоссально выросли, золотой запас Госбанка по своим размерам был первым в мире. Государственная роспись из года в год давала превышение доходов над расходами, благодаря чему казначейство сумело скопить свободную наличность, величина которой достигла к 1 января 1914 г. 514,2 млн. руб. Золотая валюта значительно окрепла и имела под собой твердый экономический базис в виде бездефицитного бюджета и активного сальдо нашего торгового баланса. Следующие цифры дадут представление об изменениях в сфере государственного хозяйства и денежного обращения (в миллионах рублей)[1]:

	Рост госдолга	Золотой запас Госбанка	Золото в обращении	Кредитн. билеты в обращении
1908 г.	8 726	948,5	622,4	1 154,7
1914 »	8 825	1 527,9	494,2	1 664,7

Приведенные цифры с несомненностью свидетельствуют об оздоровлении нашей системы денежного обращения. Государственный долг перестал увеличиваться. Общий запас золота в России вырос на полмиллиарда. Одновременно значительно увеличился золотой запас России за границей[2]: за пять лет он удвоился. На 1 января 1909 г. величина его достигла 334,7 млн. руб., а к 1 марта 1914 г. — 669 млн. руб.

Нарастание государственного бюджета по обыкновенным доходам за 1908—1913 гг. дает 200 млн. руб. в год, а по обыкновенным расходам — только 141 млн. руб.; за предшествующее пятилетие имелось превышение расходов над доходами.

---

[1]) Каценеленбаум, Война и финансово-экономическое положение России, стр. 13—15.

[2]) Особенная канцелярия по кредитной части, II отд., 1 ст., дело комитета финансов, № 1, 1914 г. Там, где цитируются документы из II отд. 1 ст. и не указано откуда они взяты, надо иметь в виду Архив Наркомфина СССР, Особенная канцелярия по кредитным частям.

Общий бюджет за последние годы перед войной сводился в следующем размере (по данным госконтроля):

Годы	Доходы	Расходы	Свободные средства гос. казначейства на 1 января
	(В миллионах рублей)		
1910	2 829,5	2 596,6	107,4
1911	2 989,9	2 975,6	333,0
1912	3 131,8	3 171,0	473,4
1913	3 452.5	3 382,9	433,2

Под'ем хозяйства страны отразился и на росте государственного бюджета.

В бюджете 1913 г. доходы правительства от продажи водки достигли громадной цифры в 900 млн. руб., что составляет более четверти всех доходов.

Промышленный под'ем правительство использовало в своих интересах: оно усилило обложение и укрепило тем самым базу для развития милитаризма. За три года перед войной правительственные расходы на душу населения увеличились почти на 25%.

Финансовое «благополучие» царизма основывалось на переобложении трудящихся классов населения: рабочих и крестьян. Больше половины дохода давали две статьи: железные дороги и винная монополия, на долю которых приходилось в 1913 г. 56% всех доходов, а все остальные источники давали только 44%. Недаром царский бюджет характеризовали как «пьяный» бюджет. «Благополучие казны было связано с пьянством и несчастьем народа», — пишет кадет Шингарев [1]). Переобложение крестьян и всех малосостоятельных слоев населения, спаивание водкой, высокое таможенное обложение импорта, доходившее в среднем до $^1/_3$ цены товара, наконец, высокие косвенные налоги, вся тяжесть которых ложилась на широкие массы потребителей, т. е. на деревенскую и городскую бедноту, — вот основа бюджетного «благополучия» царизма. Его бюджетная политика носила ярко выраженный классовый характер. Облагали рабочих, крестьян и почти совсем не задевали помещика и торгово-промышленную буржуазию. 44% «прочих» доходов почти целиком приходится на косвенные налоги, так как налоги на капитал, землю, торгово-промышленные предприятия в 1913 г. дали всего только 272,5 млн. руб., или 8% общих доходов. Самодержавие защищало в бюджетной политике интересы крупного земледелия и промышленной буржуазии больше и лучше, чем любое капиталистическое правительство Западной Европы.

Характер расходования средств по бюджету показывает, что о культурном и материальном благополучии населения — главного налогоплательщика — заботились меньше всего. Расходная часть бюджета носит ярко выраженный «феодально-империалистический» характер. Расходы по управлению и на военное дело в 1910 г. равнялись

---

[1]) А. И. Шингарев, Фииансы Россин во время войны.

66,8%, а в 1913 г. — 63%. Две трети средств шло на бюрократию и на милитаризм, которые являлись основой «феодального империализма» в России. Расходы на культурно-хозяйственные потребности занимали мизерное место: на их долю в 1909 г. приходилось 7,9%, в 1913 г. — 11% общих расходов» [1]).

Правительство стремилось возможно больше выжать и ничего не дать для развития народного хозяйства. Доходы по транспорту с каждым годом возрастали, а расходы за все пятилетие уменьшились на 1,3%.

Сохранение золотого обращения в России только отчасти может быть об'яснено ростом налогового пресса. Как ни велико у нас было обложение, все же оно было недостаточно, чтобы на одном бюджете строить всю финансовую политику. Иностранный капитал в форме государственных и железнодорожных займов, путем притока в промышленность, обеспечивал твердость валюты. «Поддержание в России золотой валюты в течение 18 лет стоило ей увеличения внешней задолженности в виде государственных, железнодорожных и городских займов на 4 200 млн. руб. и за то же время увеличило еще внешнюю задолженность привлечением в Россию иностранных капиталов на сумму 2 100 млн. руб. Итого внешняя задолженность России за 18 лет выросла на 6 300 млн. руб.» [2]).

Оль дает совершенно правильную характеристику финансовой политики царизма. Только путем финансового закабаления ему удавалось сохранить золотой рубль. За один только год — с 1907 по 1908 — государственный долг вырос на 2 100 млн. руб., что дало возможность сохранить золотой рубль. За время промышленного под'ема опасность срыва золотого обращения не уменьшилась, хотя за это время мы имели возросшее активное сальдо по торговому балансу, но пассивное сальдо по расчетному балансу России с заграницей за эти годы выросло в еще большей степени. Эти два процесса можно охарактеризовать следующей таблицей:

Годы	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Итого
Активное сальдо торгового баланса (в млн. руб.) . . .	178,4	581,3	431,4	491,3	391,3	200,4	2 274,1
Отрицательное сальдо расчетного баланса (в млн. руб.)	474,9	539,3	549,3	721,5	727,6	473,0	3 485,9

В итоге мы получаем значительный дефицит. За шесть лет России пришлось заплатить по расчетному балансу почти три с половиной мил-

[1]) Цифры, характеризующие расходный бюджет, взяты из работы И. А. Михайлова — Государственные доходы и расходы в России во время войны.

[2]) «Новый экономист», № 33—34, 1917 г., П. Оль, К обесценению кредитного рубля.

лиарда руб., «которые были пополнены в большей своей части внешними займами и эмиссиями — всего на сумму 2 272 млн. руб.» [1]). Следовательно, большие размеры золота за границей показывали лишь экономическую зависимость министерства финансов от Западной Европы.

Постоянная задолженность требовала большого наличия иностранной валюты, которая приобреталась путем скупки железнодорожных и других гарантированных займов. Задолженность по ним выросла за последние 4 года на 1 млрд. руб. Оценивая наше финансовое положение в марте 1914 г. Витте на заседании комитета финансов говорил: «В настоящее время в финансовом отношении мы гораздо менее подготовлены к войне, чем десять лет тому назад» [2]). Тогда же было решено провести финансовую подготовку России к возможной войне. В соответствии со своей общей точкой зрения Витте провел постановление об увеличении золотых запасов Госбанка в России и о сокращении золотой наличности за границей. Максимальный размер заграничного счета был ограничен 700 млн. руб., но одновременно комитет финансов признал желательным «продолжать перевод наших сумм из-за границы внутрь страны». Благодаря разбросанности средств, кредитное обращение в России не имело уже достаточного золотого обеспечения. Финансовая подготовка России выражалась в стягивании золотых запасов внутрь страны для обеспечения золотой валюты, которая, по мнению ее вдохновителя и главного деятеля, «составляет наиглавнейшее основание нашей финансово-боевой готовности».

Витте же поднял вопрос о возможности конфискации в случае войны наших средств за границей. Сазонов подтвердил его опасения. Собственно беспокоились о капиталах не во Франции или Англии, а в Германии и Австрии, где находилась часть наших государственных капиталов. Перевод денег из германских банков произвели буквально накануне войны. На 10 июля суммы гос. казначейства на счетах немецких банков достигали 54,6 млн. руб. 16 июля чиновник министерства финансов привез от банкира Мендельсона на 20 млн. руб. ценных бумаг. Одновременно правительство усиленным образом реализовало немецкие ценные бумаги и продавало чеки на Берлин. К моменту об'явления войны «суммы государственного казначейства в немецких банках понизились до 0,5 млн. руб., а в австрийских банках они совершенно отсутствуют» [3]). Во французских и английских же банках размер государственных средств был более полмиллиарда рублей золотом.

Накануне войны правительство имело бездефицитный бюджет, громадные запасы золота в Госбанке, устойчивую золотую валюту и свободный фонд, накопленный за последние годы. Эти средства давали

[1]) Предшествующая таблица и цитата взяты из книги С. С. Хрулева — Финансы России и ее промышленность, цифры — стр. 23, а цитата — стр. 17.

[2]) II отд., 1 ст., особенная канцелярия по кредитной части, 1914 г., дело № 1.

[3]) Там же, см. О снятии сумм гос. казначейства из германских и австрийских банков.

возможность покрыть расходы по мобилизации, не прибегая сразу же к чрезвычайным источникам. Правительство имело основание спокойно готовиться к надвигающимся событиям.

2. Финансирование войны

Империалистическая война потребовала от воюющих государств невиданных ранее расходов. Затраты России во время русско-японской войны не превышают произведенных расходов только за вторую половину 1914 г. С каждым новым месяцем расходы колоссально вырастали. Во время войны комитет финансов не мог правильно предвидеть величину расходов на несколько месяцев вперед. Самые максимальные предположения оказывались недостаточными, и требовались дополнительные ассигнования. По сравнению с военными затратами золотые запасы царского правительства оказались чрезвычайно малыми. Расходы вырастали вместе с ростом численности армии и улучшением ее вооружения. Десятки миллиардов рублей расходились на снаряды, орудия, винтовки, обмундирование и продовольствие армии, расстреливались на полях сражения. До сих пор, когда говорят о «военных» расходах, то обыкновенно имеют в виду только расходы правительств, участвовавших в войне. Разумеется, это далеко не все расходы, это даже не главная часть военных убытков, понесенных населением. Но учесть величину потерь всего населения — дело чрезвычайно трудное, почти невозможное, так как приходится иметь дело с оценкой человеческих жизней и материальным ущербом населения, который никто не учитывал. Поэтому останемся в рамках скромных задач — выявить величину тех затрат на войну, которые произвело государственное казначейство.

По подсчетам Дементьева, ассигнования на расходы, связанные с войной, достигли к 1 марта 1917 г. следующих размеров[1]).

Годы и месяцы	Военное мин.	Морское мин.	Мин. вн. дел	Мин. пут. сообщен.	Остальн. ведом.	Итого
	(В миллионах рублей)					
1914 г. (июль—декабрь)	2 202,3	83,3	200,5	36,7	17,2	2 540,0
1915 г.	7 492,7	406,0	832,9	388,0	261,3	9 380,9
1916 »	11 395,5	804,6	1 526,9	1 050,3	489,7	15 267,0
1917 » (январь — февраль)	2 587,5	183,0	139,1	260,3	104,1	3 274,0
Итого . .	23 678,0	1 476,9	2 699,4	1 735,3	872,3	30 461,9

[1]) Дементьев, Государственные доходы и расходы России и положение казначейства за время войны. Цитированная мною таблица взята из «Россия в мировой войне», стр. 47.

Итак, в круглых цифрах расход царского правительства на войну, помимо «мирных» расходов, достиг громаднейшей цифры 30,5 млрд. руб. Проверяя этот подсчет по архивным данным комитета финансов, мы убедились в правильности этих цифр. По материалам комитета финансов нарастание военных расходов происходило так [1]):

По 1 июня 1915 г.	5 865,3 млн. руб.
» 1 января 1916 г.	10 282 » »
» 23 ноября 1916 »	25 025 » »

Прибавив еще расходы за последние 3 с лишком месяца, будем иметь ту же сумму расходов 30,5 млрд. руб. Кроме военных расходов, казна совершала так называемые «мирные» расходы по обыкновенным сметам. Таких расходов было совершено [2]):

в 1915 г.	2 836, 6 млн. руб.
» 1916 »	3 151, 8 » »
Расходы за конец 1914 г. и 2 месяца 1917 г. около	2 250 » »
Итого	8 238, 4 млн. руб.

Вместе с «военными» расходами это дает около 40 млрд. руб., т. е. сумму, превосходящую в пять раз общую сумму довоенной государственной задолженности.

Покрытие «мирных» расходов представляло некоторые трудности, так как отпала одна из важнейших статей дохода — винная монополия. Правительство увеличило косвенные налоги, ввело новый налог с грузов и пассажиров, обложило хлопок, произвело сокращение расходов по ряду статей, другие же расходы перенесло в военный фонд.

В бюджете 1914 г. недобор по обыкновенным доходам по сравнению с 1913 г. достиг громадной цифры 500 млн. руб., а в 1915 г. он еще более вырос. «Обыкновенный» бюджет России за годы войны значительно сократился. Разорение населения, уничтожение доходов от водки, которая в 1913 г. давала 900 млн. руб., потеря части территории России, — все это отражалось на размере доходов. Лишь проект бюджета на 1917 г. превышал довоенные размеры бюджета, но и он предвидел дефицит в 238 млн. руб.

Для заполнения финансовой прорехи в обыкновенном бюджете правительство усилило налоговый пресс на трудящиеся слои населения. Были усилены ставки действовавших ранее налогов и введены новые. Все это дало в 1915 г. более 500 млн. руб., в 1916 г. — 725, а по росписи на 1917 г. предполагалось получить 1 075 млн. руб. [3]). Правительство иными средствами стало выколачивать тот миллиард, который раньше оно получало от населения благодаря винной монополии.

---

[1]) Материал взят из II отд., 1 ст., 1915 г., дело № 3. за 1916 г. — № 1 и ч 3 дела № 3.

[2]) Цифры для 1915 и 1916 гг. взяты из работы Дементьева, а последняя цифра приведена мною.

[3]) «Красный архив», № 17, доклад Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г., стр. 57

Главная тяжесть новых и добавочных налогов падала на плечи крестьян, рабочих и мелкую буржуазию. Помещиков и буржуазию самодержавие тщательно оберегало от тягот податного гнета. Достаточно характерны следующие факты. Налоги дали «в 1913 г. около 35% обыкновенных доходных поступлений, ныне, согласно проекту росписи на 1917 г., от них ожидается более половины (52,7%) общего итога государственных доходов» [1]). Главная часть этих налогов приходится на долю косвенных. В мае 1916 г. правительство ввело временный налог на военную сверхприбыль, но применен он был только с 1917 г. Этот налог давал мизерную сумму в 55 млн. руб. Другая важная статья прямого обложения — подоходный налог — должна была дать 130 млн. руб. Этим собственно и ограничивалось все налоговое бремя буржуазии и помещиков. В Западной Европе подавляющую часть военных сверхприбылей государство отбирало для финансирования войны, у нас — оставляло в широких карманах промышленной буржуазии.

Страна и трудящиеся слои населения истекали кровью от разорения, нищеты, дороговизны, тягости налогового обложения, а бюрократ Барк в порыве слепого усердия писал Николаю «об огромной экономической мощи нашей родины». Барк был оптимист, он смотрел на действительность сквозь розовые очки и был убежден, что новые поступления и доходы «покоятся на усилившейся и окрепшей платежеспособности населения» [2]). Эта легенда, будто рабочие и крестьяне разбогатели «на войне», потом перешла в экономические работы кадет-экономистов, а теперь является составной частью исторической схемы «не политика», а историка, буржуазного экс-министра П. Н. Милюкова.

Слов нет, буржуазия и помещики, бюрократия, связанная с финансовыми дельцами, на войне «заработали». Расплачиваться же приходилось рабочим и крестьянам. Буржуазия не облагалась даже в тех скромных размерах, в которых это делалось в Англии, Франции.

Указывая на «окрепшую» платежеспособность мужика и рабочего, Барк признает «дефицит по росписи в течение ряда лет после войны». Из населения нельзя было выжать больше, чтобы платить добавочные миллиарды процентов по военным долгам.

Поневоле приходилось нажимать на военный фонд, черпая из него средства для оплаты расходов по обыкновенному бюджету. Доходы от населения сокращались с каждым месяцем войны, а расходы вырастали. В смете на 1917 г. было ассигновано на усиление железных дорог чрезвычайных расходов 284, 2 млн. руб. По той же смете предполагалось получить более 420 млн. руб. таможенных сборов, из которых, по крайней мере, $^9/_{10}$ должна была оплатить казна из военного фонда. Если прежде таможенный доход представлял доход казны, который перекладывался на плечи населения, то во время войны налогоплательщиком

[1]) «Красный архив», № 17, доклад Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г., стр. 57.

[2]) Там же, стр. 58.

являлось само государство. Вот что говорил Шингарев о росте «мирных» обыкновенных доходов казны: «Ведь вся сумма предприятий, работающих на оборону, настолько велика в настоящее время, что я думаю, что без предварительных подсчетов можно сказать: $^9/_{10}$ всех грузов идет предприятиям, работающим на оборону, т. е. оплачивает их все та же казна, и среди таких грузов частных, если вот эти лимоны, апельсины и чай выбросить, почти ничего не остается, или весь этот якобы доход казны оплачен из военного фонда, никакого дохода там нет, а есть лишь уплата таможенных сборов по грузам для обороны из заемных средств. Ну, вы сами понимаете, что это не доход, а лишь пустая цифра бухгалтерского характера»[1]).

Рост обыкновенных доходов казны происходил за счет затянувшейся войны и военных расходов. Дементьев установил, что в доходах бюджета 1916 г. на долю «государственных доходов» приходится 802 млн. руб. Таким образом, обыкновенный бюджет сводился за счет доходов от населения, транспорта и доплат самой казны из военного фонда.

30,5 млрд. руб. — вот издержки на войну государственного казначейства до 1 марта 1917 г. Все же по величине расходов Россия отставала от Англии и Германии. Первое место принадлежит Англии. С августа 1914 г. по 1 апреля 1915 г. Англия ежедневно расходовала по 9,46 млн. долл., а Германия — по 13,3 млн. долл. Однако в следующий же год расходы Германии далеко отстают от английских: последняя тратила ежедневно 18,16 млн. долл., а Германия — только 15,9. В третий год войны — с апреля 1916 г. по 1 апреля 1917 г. — расходы Англии достигли колоссальной величины — 26,69 млн. долл. в день, а Германии — 22,7 млн. долл. В английские расходы включаются также и субсидии многочисленным союзникам, но даже и без них действительные расходы Англии, вероятно, были больше германских, так как английская валюта менее обесценилась. Стесненная со всех сторон кольцом блокады, Германия пользовалась только внутренними ресурсами. Англия, несмотря на угрозу подводной войны, поддерживала торговые сношения с своими богатыми колониями и получала помощь от Америки.

Военные расходы России в течение первого года войны идут наравне с Англией и отстают только от Германии. При всей бедности и экономической отсталости громадная армия России требовала огромных затрат. В следующий год Англия далеко опережает своего союзника. Россия отстает от Англии, но тянется чуть-чуть позади Германии и далеко впереди Франции, в этом можно убедиться из приводимых ниже цифр [2]).

---

[1]) АОР, ф. III, оп. II, доклад Шингарева в бюджетной комиссии Гос. думы в феврале 1917 г.

[2]) Материал о военных доходах Англии, Франции и Германии взят у проф. Селигмана — Очерки по теории обложения (финансовые проблемы военного и послевоенного периода). Расходы России исчислены нами по методу Селигмана.

	Ежедневный расход на войну (в млн. долл.).	
	Франция	Россия
Август—31 декабря 1914 г..	8,5	8,16
1 января 1915 г.	12,2	13,1
1 » 1916 »	17,6	21,2
1 » 1917 »	21,5	27,8 [1]

Такие громадные расходы России, несмотря на помощь союзников, были не по плечу для русского народного хозяйства. Национальный доход России и по своей абсолютной и относительной величине был в несколько раз меньше, чем в других странах. Накануне войны 1914 г на душу населения в Англии приходилось 243 долл. национального дохода, во Франции — 185, Германии — 146, а в России — всего только 44. Военные же расходы России были меньше английских процентов на 25 и немецких — на 20. Если мы примем во внимание тот факт, что все существовавшие налоговые источники, доходы от имуществ в России не давали ни одной копейки для финансирования войны, то станет ясно, что проблема изыскания средств на войну у нас вставала особенно остро и встречала большие трудности на пути своего разрешения.

Тем интереснее рассмотреть источники покрытия самого военного фонда.

У царского правительства было два источника, откуда оно могло брать средства: внутренние ресурсы страны и заграничные займы. Роль последних возрастала с каждым годом, но все же большая часть средств бралась внутри страны. В данном случае мы остановимся только на внутренних источниках финансирования войны, а роль иностранных средств разберем позднее.

Перед правительством были возможности изыскивать средства на войну путем займов, налогов и выпуска бумажных денег. Налоги у нас не играли никакой роли как финансовый ресурс. В Англии около 17% всех военных издержек были покрыты военными налогами. У нас правительство не взяло ни копейки из сверхприбылей на военные издержки. Еще в августе 1914 г. комитет финансов признал «преждевременным прибегать к повышению налога на доходы от денежных капиталов». После этого во все время войны вопрос вновь не ставился. Правительство перенесло центр тяжести на выпуск бумажных денег и внутренние займы.

Одним из первых мероприятий финансовой политики правительства было прекращение размена кредитных билетов на золото, расширение эмиссионного права Госбанка на 1 200 млн. руб. и предоставление ему права учета краткосрочных обязательств государственного казначейства «в размере, вызываемом потребностями военного времени».

С начала же войны Россия перешла к бумажно-денежному обращению. Правительство думало, что это временное явление и что с окончанием войны можно будет легко восстановить золотую валюту. Прак-

---

[1]) Январь—февраль 1917 г.

тика же показывала, что каждый новый месяц войны отделял нас все больше и дальше от золотой валюты. Вслед за первым расширением эмиссионного права Госбанка последовали другие. Законом 27 декабря 1916 г. Госбанку было дано право выпустить непокрытых золотом 6,5 млрд. руб. кредиток, а 4 марта 1917 г. потребовалось уже последующее расширение до 8,5 млрд. руб. Следует иметь в виду, что золотая наличность Госбанка была искусственно повышена почти на 2 млрд. руб. по английскому кредиту, который фигурировал в балансах Госбанка как «золото за границей». Следовательно, до Февральской революции фактически не обеспеченных бумажек Государственный банк мог выпустить 8,5 млрд. руб.

Правительство рассчитывалось с Госбанком путем учета краткосрочных обязательств казначейства. Эта операция имела только бухгалтерское значение, так как источником средств являлся выпуск бумажных денег.

Рост кредитных билетов в обращении и краткосрочных обязательств происходил следующим образом (в млн. руб.):

	Кредитн. билеты	Краткоср. обязат.
1 июля 1914 г.	1 630	—
1 января 1915 »	2 947	800
1 » 1916 »	5 617	4 000
1 » 1917 »	9 097	9 775
1 марта » »	9 950	—

Количество кредитных билетов по сравнению с мирным временем увеличилось в обращении в шесть раз. Краткосрочные обязательства казны частично размещались и на частном рынке. При государственных поставках обусловливалась оплата в известном проценте этими обязательствами, и чем больше сумма поставок, тем большая доля оплачивалась ими. «К концу 1916 г. при общей сумме выпуска 5%-ных краткосрочных обязательств на 9 775 млн. руб. было размещено вне Госбанка приблизительно на 3 046 млн. р., или 31,1%, тогда как к концу 1915 г. из 4 млрд. руб. такое размещение составило лишь 605 млн. руб., или 15,1%» [1]). Переполнение каналов денежного обращения бумажками и уменьшение товарной массы неминуемо вели к обесценению рубля и к общему росту цен. Признаки обесценения стали обнаруживаться уже в 1915 г., но тогда народное хозяйство еще не было так дезорганизовано, золотое обеспечение было больше, мобилизация не охватывала еще так широко народного хозяйства, поэтому на рынке было больше товаров. К осени 1915 г. под'ем товарных цен был уже значительный, но комитет финансов считал, что «возрастание товарных цен не может служить показателем упавшей покупательной силы наших кредитных билетов, так как то же явление не в меньших размерах наблюдается повсеместно». Из этого факта логика обязывала сделать тот вывод, что

[1]) «Вестник финансов, торговли и промышленности», № 3, 1917 г., Русский денежный рынок в 1916 г.

и другие валюты обесценивались, но наши финансисты предпочитали истолковывать это против элементарных положений экономической науки. Обесценение рубля затушевывалось фактом отставания роста цен от роста эмиссии, но в 1916 г., когда эмиссия усилилась, мы имеем обратный факт: рост цен стал обгонять рост эмиссии, а это означало, что «темп обесценения бумажно-денежной единицы начинает неуклонно обгонять темп эмиссии» [1]).

Нами приводится ниже таблица, которая дает динамику эмиссии и роста цен на товары [2]).

	Количество обращ. денежных знаков всех видов (млн. руб.)	Рост обращ. ден. зн. по ср. с 1-м полуг. 1914 г.	Рост товарных цен по срав. с 1-м полугод. 1914 г.	Товары растут быстр. или медл. ден. зн. и во сколько раз
1914 г. 1-е полуг.	2 370	1	1	—
» 2-е »	2 520	1,06	1,01	— 1,05
1915 г. 1-е полуг.	3 472,4	1,46	1,15	— 1,27
» 2-е »	4 724,5	1,99	1,41	— 1,41
1916 г. 1-е полуг.	6 157	2,59	2,38	— 1,08
» 2-е »	7 972	3,36	3,98	+ 1,18
1917 г. 1-е полуг.	11 229	4,73	7,02	+ 1,49

Обесценение рубля происходило под влиянием двух факторов: роста бумажно-денежной массы и сокращения количества функционирующих на рынке товаров. Но последний фактор стал особенно заметно проявляться только с 1916 г. Во второй половине 1915 г. товарная масса равнялась 141,3% от первого полугодия 1914 г. Дальше уже начинается очень быстрое падение: 1-е полугодие 1916 г. — 109,1%, 2-е полугодие 1916 г. — 84,5% и 1-е полугодие 1917 г. — 68,8%. В то время как количество товаров на рынке катастрофически уменьшалось, все быстрее и быстрее росла бумажно-денежная масса. При таких условиях рост товарных цен являлся неизбежным результатом. К концу 1916 г. они поднялись в три раза. В мае 1916 г. правительство уже «признает» факт падения ценности рубля и об'ясняет его усиленным выпуском кредитных билетов. Вместо того, чтобы изменить самую систему финансирования войны, комитет финансов считал основной задачей поддержание курса рубля на иностранную валюту.

Кроме выпуска бумажных денег, правительство получало средства от внутренних займов и от выпуска 4%-ных билетов или «серий», которых было реализовано на 850 млн. руб.

---

[1]) Проф. Каценеленбаум, Деиежиое обращеинс в Россни в 1914 г., стр. 72.

[2]) «Денежиое обращение в Россин н за граннцей в годы войны и революцни», стр. 25. Исчисление роста товарных цен для 1916 г. и первой половнны 1917 г. мы считаем слишком преувеличенным. *А. С.*

Перейдем к займам. Для чего правительство прибегало к военным займам, когда в его распоряжении был денежный станок, который мог без процентов доставлять ему бумажные знаки? Однако правительство предпочитало занимать бумажки и платить за это проценты, вместо того, чтобы печатать их само. Об'ясняется это тем, что военный заем «имеет исключительным своим заданием предупреждение или ослабление бумажно-денежной «инфляции», т. е. переполнения каналов денежного обращения бумажными знаками, обесценивающимися в их покупательной способности вследствие их излишества» [1]). Финансирование войны исключительно путем выпуска бумажных денег скоро привело бы к полнейшему обесценению валюты и к дезорганизации всего народного хозяйства. Государство меньше всего было заинтересовано в этом. Выбрасывая миллиарды бумажных рублей в оборот, правительство должно изыскать средства получать их обратно. Таким средством и являются государственные займы. Военные займы должны парализовать или ослабить отрицательные последствия выпуска бумажных денег, т. е. стабилизовать покупательную способность денежной единицы. Если с этой стороны подойти к оценке наших займов, то надо согласиться с Гурьевым, который пишет: наши займы «в действительности были блестящим финансовым провалом».

До Февральской революции внутри страны было реализовано шесть займов на 8 млрд. руб.: два из них были 5%, подписная цена 94 за сто, всего на 1 млрд руб.; один 5½% по 99 за сто на 1 млрд руб., и 3 займа 5½%, подписная цена 95 за сто, на 6 млрд. руб. Сроки займов разные: 3 займа — на 10 лет, два — по 49 лет и 1 заем — на 81 год. По отношению к долгосрочным займам правительство сохранило за собой право конверсии и досрочного выкупа [2]). Значительная часть займов реализовалась при посредстве синдиката банков, который получал от казны особенно выгодные условия, но всегда реализовал свою часть хуже, чем другие организации.

Из доли в 600 млн. руб. по 4-му займу, «взятых синдикатом частных банков, осталось неразмещенных ими среди публики около 250 млн. руб.» [3]). А это значит, что заем был размещен только на $^3/_4$, так как номинальная сумма выпуска займа равнялась 1 млрд руб. Когда приступили к обсуждению условий выпуска последнего займа 1916 г., то частные банки заявили, что считают величину займа в 3 млрд. руб. «несколько чрезмерной». На том же заседании управляющий Госбанком и член комитета финансов Шипов сообщил, что по трем предшествующим займам осталось «неразмещенными в населении на крупную сумму около одного миллиарда рублей» [4]). И все же министр

---

[1]) «Вестник финансов», № 40, 1917 г., ст. А. Гурьева Опыт анализа и решение финансовой проблемы.

[2]) «Военные займы», под ред. М. И. Туган-Барановского, ст. Мукосеева О военных займах России.

[3]) Архив мин. фин., канцелярия, отд. III, дело № 234, ч. 1, О 5½-процентном займе 1916 г.

[4]) Там же, дело № 235, ч. 1, О втором военном займе 1916 г.

финансов в официальной переписке оценивает результат подписки, как «выдающийся».

Последний заем до революции был выпущен на 3 млрд. руб. К нему серьезно готовились, мобилизовали общественное мнение, воздействовали на прессу, вели раз'яснительную кампанию. Синдикат банков взялся реализовать на 1 800 млн. руб. Что же получило правительство по этому займу? Вместо наличных денег ему принесли краткосрочные обязательства и облигации прежних займов на 1 281 млн. руб., 176 млн. руб. наличными, занятые у того же Госбанка под заклад облигаций, и только 225 млн. рублей наличными по подписке [1]). Цель явно не достигалась. Вместо денег, которые были нужны государству, собрали старые обязательства. Получалась работа на холостом ходу: бумажки из-под печатного станка уходили в обращение, а обратно их привлечь правительство было не в состоянии. Вместо получения средств правительство консервировало прежние свои долги на более выгодных для держателей займов условиях. После реализации займа правительству приходилось выпускать значительное количество бумажных денег. С финансированием войны «займами» правительство блестяще провалилось. Как показывают архивные материалы, военные займы у широких слоев населения не пользовались доверием. На займы подписывались, главным образом, богатые слои. Владельцы мелких накоплений, крестьяне, рабочие относились к займам отрицательно. Для того, чтобы привлечь к займам магометан, министр внутренних дел Хвостов рекомендовал «предложить магометанскому духовенству *преподать необходимые пояснения пастве и содействовать вообще популяризации упомянутых займов*» [2]).

«Правительство не пользуется доверием биржи и трудящихся», поэтому займы не берут, — так аргументировал Шингарев против министра финансов в бюджетной комиссии Гос. думы буквально накануне революции. Шингарев приводил факт исключительной красочности об отношении рабочих к займам. Он вздумал популяризировать заем среди рабочих Путиловского (кажется) завода.

«Вот в ноябре месяце я с трудом вырвал время и поехал туда читать о займе, доказывал, что нужно подписаться на заем. Служащие завода в большом количестве и рабочие буквально на каждую мою фразу с разных концов и углов зала, — там было тысячи полторы человек, — кричали в ответ: «а где наши депутаты?» «Нет», орут в другом месте, — словом сказать, эта вся аудитория жила политической жизнью и даже протестовала против того, что ей читают о займе».

Не только рабочие и крестьяне прохладно относились к займам, но и буржуазия не особенно охотно предоставляла свои капиталы в распоряжение правительства. На промышленном учредительстве, про-

---

[1]) Выступление Шипова в бюджетной комиссии Гос. думы в феврале 1917 г., АОР, ф. III, оп. 2, инв. № 82.

[2]) Архив м. фин., дело № 235, ч. 1, 1926 г., О 2-м займе 1916 г., 10 лист.

довольственных спекуляциях, игре на курсе рубля она зарабатывала гораздо больше, чем давали прибыли казенные займы. Надо сказать, что, напр., во Франции каждый новый выпуск займа реализовался по более низкому курсу, чем предшествующие. В конце концов дошли до $^2/_3$ номинальной цены займа. Этим соблазняли как крупных, так и мелких собственников накоплений. У нас займы были однотипны, — курс, по которому они реализовались, очень высок. Оппозиция русской буржуазии по отношению к царизму также оказывала известное влияние на слабую реализацию займов среди буржуазии. Как ни «бедна» была Россия капиталами, но, находясь буржуазия у власти, она лучше бы сумела подогреть патриотическое чувство не только у крупной буржуазии, но и у мелкобуржуазного обывателя. А при царизме пропаганда займов такими людьми, как Родзянко или Туган-Барановский, встречала известное недоверие.

Кроме покрытия расходов внутри страны, перед правительством стояла важнейшая задача — поддержание курса рубля. Спрос на иностранную валюту был очень большой, а источники ее получения были самые мизерные. Внешняя торговля почти прекратилась, а заказы за границей выросли. Отрицательное сальдо торгового баланса в 1916 г. достигало почти 1 900 млн. руб. Курс рубля стал колебаться не в пользу России. На его колебание оказывали влияние и военно-стратегические обстоятельства: улучшалось наше положение на фронте — курс повышался, терпели поражение — ухудшался. Для того, чтобы усилить валютные ресурсы, министр финансов еще в октябре 1914 г. внес предложение о централизации в финансовом ведомстве всей экспортной валюты. По мнению Барка, каждый экспортер должен отдавать по известной цене всю экспортную валюту правительству. Это предложение было провалено, и после этого правительство могло располагать валютой только из заграничных фондов. К началу 1916 г. падение курса рубля достигает очень больших размеров. Поэтому организовали «расчетный отдел», который стал регулировать снабжение валютой, но, не располагая достаточными средствами, он вскоре потерял контроль над курсом, который попрежнему стали устанавливать иностранные банки. В мае 1916 г. обесценение рубля по отношению к иностранной валюте достигло таких размеров, что Барк заговорил о возможности катастрофического влияния этого обстоятельства на все наше хозяйство. Чтобы стабилизировать курс рубля, были приняты срочные мероприятия: был проведен контроль над экспортом и установлена сдача валюты правительству, усилили интервенцию за счет заграничных займов, установили контроль сперва за движением рублевых счетов иностранцев в русских банках, потом перешли к контролю над валютными операциями банков, и, наконец, был установлен правительственный контроль над деятельностью банков.

До осени 1916 года деятельность банков была, по словам Барка, «непроницаемой» для государства. Эти мероприятия немного задержали падение курса рубля, но не устранили его, так что к марту 1917 года рубль по отношению к иностранной валюте наполовину обесценился.

Стоимость рубля в Лондоне в переводе на золото [1]):

Сентябрь	1914 г.	79,0 коп.
Октябрь	1915 »	67,5 »
Январь	1916 »	57,5 »
»	1917 »	56,0 »

А на нейтральной шведской бирже отклонение курса рубля от pari было [2]):

Январь	1915 г.	11,46%
»	1916 »	43,42%
»	1917 »	47,81%
Март	1917 »	50,18%

Дороже, чем на других биржах, рубль стоил в Париже, где мы имели большие кредиты и очень малые военные заказы. Сравнивая обесценение рубля на внутреннем рынке с обесценением в иностранной валюте, мы получаем интересный вывод: обесценение рубля внутри страны шло наиболее быстро тогда (1916 г.), когда курс был более или менее стабильным. Больше всего курс рубля обесценился за первые полтора года войны, когда падение его покупательной способности на внутреннем рынке шло медленно. В абсолютном размере рубль больше обесценился по отношению к товарам внутри страны, чем по отношению к иностранной валюте. Это явление делало выгодным спекуляцию на рубле, чем и занимались банки.

Подведем итог финансовой политики правительства. Основным методом покрытия финансовых расходов страны был выпуск бумажных денег и займа. В результате рубль обесценился, цены возросли, каналы обращения переполнились бумажками. Вклады в кредитные учреждения колоссально выросли. Вот, напр., табличка движения вкладов в сберегательных кассах:

На 1 января	1914 г.	2 034	млн. руб.	Рост за год	6,3%
»	1915 »	2 236	» »	» » »	10%
»	1916 »	3 113	» »	» » »	35%
»	1917 »	5 225,3	» »	» » »	68% [3])

За два с половиной года вклады увеличились в $2\frac{1}{2}$ раза. Аналогичную картину имеем и в акционерных банках, где «текущие счета» выросли к 1 января 1917 г. в 3,5 раза по сравнению с 1914 г. Но рост бумажной массы вовсе не означал роста материальных ценностей страны, они, наоборот, уменьшились. Развал всего хозяйства продолжал увеличиваться. Для того, чтобы взять из народного хозяйства нужное количество материальных ценностей, правительству приходилось все больше и больше разрушать систему денежного обращения путем все большего выпуска бумажных денег.

[1]) З. П. Евзлин, Деньги, ч. 2, стр. 147.

[2]) Фридман, Государственное хозяйство и денежное обращение в России, стр. 20.

[3]) «Новый экономист», № 43, 1917 г., Война и сберегательные кассы.

«Чтобы получить на второй год войны на 45,6% более материальных ценностей, чем в первый, — пишет Прокопович, — правительство пошло на увеличение товарных цен на 54%. В третий год войны дальнейшее увеличение на 24,5% количества из'ятых материальных ценностей, было куплено ростом цен на 63%. Очевидно, дальнейшее увеличение общей суммы материальных средств, отдаваемых страной на нужды войны, было бы куплено таким ростом дороговизны и государственных долгов, которые делали сомнительной целесообразность дальнейшего роста ассигнований на нужды войны».

Рост дороговизны и государственных расходов вызывал тревогу за сохранность золотой валюты даже у представителей бюрократии. Записка члена комитета финансов Сабурова в этом отношении чрезвычайно показательна. Отметив рост количества кредитных билетов в обращении, сокращение золотых запасов Госбанка и предстоящую отсылку 600 млн. руб. золотом в Англию, он в августе 1916 г. пишет: «Эту цифру необходимо исключить вовсе из нашего золотого запаса, ибо не подлежит никакому сомнению, что Англия не возвратит нам этого золота и удержит его неизбежно при консолидации нашего огромного долга в форме краткосрочных кредитов» [1]). Всего до Февральской революции нами отправлено золота в Англию 643,2 млн. руб. Величина золотого фонда осталась около 1 млрд. руб., что давало около 10% золотого обеспечения на кредитный рубль, а до войны оно было почти 100%. Из всех главных воюющих стран только в России золотые запасы Госбанка так значительно уменьшились, в других странах, напр. в Германии, они увеличились. Гос. дума установила сперва неприкосновенный золотой запас в России в 1,4 млрд. руб. Министр финансов первый настаивал «на совершенной неприемлемости закрепощения золотых запасов Госбанка». Постановление думы было нарушено, и на заседании комитета финансов от 29 сентября 1916 г. министр финансов говорит о заявлении, которое он сделал английскому правительству, «что понижение нашего золотого запаса внутри страны ниже одного миллиарда рублей недопустимо, и посему великобританское правительство не должно рассчитывать на дальнейшую высылку звонкого металла сверх 20 млн. ф. ст., обусловленных новым соглашением». В цитированной мною записке Сабуров предлагал обсудить меры, которые могли бы «несколько смягчить пагубные последствия ожидаемого бумажного кризиса... и не итти на экономическую катастрофу с завязанными глазами» [2]).

Сабуров ошибался, что катастрофа разразится только в момент перехода к мирным условиям в конце войны. Через несколько месяцев она уже проявилась целиком, и не только в форме дезорганизации денежного обращения, но и как общий развал всего хозяйственного организма страны. Комитет финансов, обсудив указанную мною записку Сабурова, «не признал необходимым принятие каких-либо новых чрез-

---

[1]) Особенная канц. по кредитн. части, II отд., 1 ст., д. № 1, 1916 г., письмо Сабурова Барку от 25 сентября 1916 г. и «записка».

[2]) Там же.

вычайных мер по денежному обращению». Бумажки и займы вполне, по мнению финансовых мудрецов, обеспечивали потребности казначейства. Всякое предложение об изыскании новых финансовых источников, об изменении формы займов проваливалось. Так министерство финансов выступило против монополий правительства на ряд предметов потребления.

За время войны долг государства колоссально вырос. К 1 января 1914 г. он равнялся 8 824,5 млн. руб., а уже к 1 января 1917 г. составлял 33,58 млрд. руб. За 2½ года войны государственная задолженность увеличилась в 4 раза. Одни проценты по займам должны были поглотить не менее половины довоенного бюджета.

Во время войны проценты платились путем выпуска новых долговых обязательств в России и за границей. Это обстоятельство отзывалось лишь на росте долга. Но после войны должен был притти час расплаты. Для России он был бы тяжел. Германию, более экономически сильную, чем Россия, Америка посадила на паек, а англо-французские чиновники совместно с представителями Соединенных штатов контролируют всю экономическую жизнь страны. И победа и поражение России для русского рабочего и крестьянина были бы одинаково тяжелы. На их плечи легло бы тяжелейшее бремя империалистической кабалы на длинный ряд лет. От этой горькой участи спасла лишь Октябрьская революция, которая заставила буржуазию расплачиваться за войну.

Свои намерения перед революцией буржуазия не скрывала. Она проявляла особенный интерес к вопросам финансовой политики правительства. Все чаще и чаще буржуазия допрашивала «с пристрастием» о финансовой политике «мирного» времени, которое наступит вслед за войной. Буржуазия и правительство были единодушны в том, что никакой девальвации валюты производить не следует, что союзники помогут нам укрепить разрушенную валюту. Уж очень хотелось буржуазии военные миллиарды «бумажных» сверхприбылей реализовать звонкой монетой. Что значит отказаться от девальвации? Это значит обесценившийся в 3 или 4 раза бумажный рубль оплатить полноценным рублем за счет рабочих и крестьян. Ни буржуазия, ни самодержавие не дожили до этого золотого времени.

Если оценивать финансовые мероприятия казны не с точки зрения казначейской (с казначейской точки зрения они были удовлетворительны), а с точки зрения интересов денежной системы и экономики страны, то нельзя не согласиться с Гурьевым, который считает, что все они «одинаково обанкротились».

Перейдем теперь к рассмотрению финансирования войны за счет «внешнего» источника, т. е. займов за границей.

3. Финансирование России Англией и Францией

Главным финансовым ресурсом России за границей во все время войны были кредиты, которые нам открывались английским и французским правительствами. В ходе войны союзники должны были принять на себя в значительной мере финансирование России. Размеры

открываемых нам кредитов не ограничивались величиной размещенных у них русским правительством заказов, а были значительно больше. Надо было платить проценты по государственным займам, оплачивать заказы русского правительства в Америке и Японии, отпускать средства для покрытия коммерческой задолженности, для поддержки курса русского рубля. Поэтому финансовые отношения России с союзниками приняли чрезвычайно сложный характер. Одна особенность этих взаимоотношений заключалась в том, что, открыв нам кредит, Англия требовала высылки золота, которое мы отправляли по ее требованию в Англию, в Америку и Японию. Французские же кредиты не сопровождались отправкой из России золота.

К началу империалистической войны Россия имела довольно значительные средства за границей. За последние годы величина заграничных сумм все время увеличивалась и достигла к 1914 г. — 669 млн. рублей.

К 10 марта 1914 г. золото распределялось по странам следующим образом:

Во Франции	558,5	млн. руб.
» Англии	40,7	» »
» Германии	58,4	» »
» Голландии	4,5	» »
» прочих странах	6 9	» »
Всего	669	млн. руб.

Золотая наличность нашего правительства во французских и английских банках была к началу войны более полумиллиарда рублей. Это — колоссальная сумма. Для обычных наших потребностей этой суммы могло хватить на 1½ года. Барк так и считал, что «заграничной наличности нашей хватит на полтора года». Но ни Барк, ни экономисты не предвидели настоящей величины расходов, которых потребует война. А они действительно выросли до колоссальных размеров, по сравнению с которыми наша заграничная наличность оказалась незначительной суммой. Барк жестоко просчитался, когда заявил на заседании комитета финансов 20 июля 1914 г., что «мы с учетом военных расходов обеспечены для заграничных платежей более чем на год» [1]. Практика финансирования войны показала, что для заграничных платежей нужны миллиарды на 1 год; для этого потребовалась высылка наличного золота и заключение специальных договоров с «союзниками». После об'явления войны Россия потеряла на некоторое время возможность распоряжаться своими вкладами, так как французское и английское правительства об'явили мораториум, и банки прекратили выплату по вкладам. В начале октября 1914 г. Барк обращается с письмом к Сазонову, чтобы тот сделал представление Франции о снятии мораториума с наших сумм, которые нужны самой России. В Англии же средств было немного, и они очень скоро были израсходованы. В начале

---

[1] Особенн. канцел. по кредитн. части, II отд. 1 стол, дело № 2, всеподданнейший доклад Барка от 23 июля о постановлениях комитета финансов 20 июля 1914 года.

октября Барк определял потребность в иностранной валюте до 1 января 1915 г. в 250 млн. руб. А у нас, за исключением закрепощенных сумм в Англии и Франции, «к 1 октября сего года свободные суммы в фунтах стерлингов составляют лишь 2,9 млн. руб.» [1]). Выходом из положения мог быть только заем, который надо было заключить во Франции или в Англии и Франции, «к 1 октября сего года свободные суммы в фунтах ства, рафинадные предприятия скупали песочные предприятия и т. д. нии оплаты наших заграничных займов. Французское правительство соглашалось на приемлемых для России условиях гарантировать регулярную оплату их через Banque de France.

С Англией дела обстояли значительно труднее. Она соглашалась оказать нам кредит в 20 млн. ф. ст., но выставила несколько условий, на основе которых она бралась совершить эту операцию. Она прямо заявила, что выпуск займа «является невозможным без содействия правительства его величества». Потом английское правительство потребовало высылки золота в распоряжение Английского банка на 8 млн. ф. ст., на каковую сумму банк открывал России кредит, а на остальные 12 млн. ф. ст. учитывались обязательства русского казначейства. Срок этих обязательств — один год, а условия учета те же, какими пользуется само английское правительство. Кроме того, Англия определяла и характер расходования кредита, соглашаясь предоставить кредит лишь при условии, что из него ничего не пойдет «на производство платежей в России или для оплаты покупок, производимых вне Соединенного королевства» [2]). Затем, из суммы в 20 млн. ф. ст. 8 млн. должны быть предоставлены для расчета русским торговцам с их английскими кредиторами и только 12 млн. ф. ст. оставались в распоряжении русского правительства для всех остальных платежей. Русское правительство принимало английские условия, добиваясь лишь уменьшения суммы золота и настаивая «на невысылке его в Лондон, а зачислении здесь, в Петрограде, в распоряжение английского посла» [3]). Англичане решительно отказались пойти на уступку, и заем был совершен на изложенных выше условиях. В октябре месяце золото было отправлено через Архангельск в Лондон на транспорте, под охраной английского крейсера, который дорогой чуть не погиб, налетев на мину.

Полученные средства были очень скоро израсходованы. 8 млн. ф. ст. нехватило для расплаты с английскими кредиторами, так как к 8 ноября 1914 г., по данным Барка, долги наших банков Англии были более 140 млн. руб., и «не менее крупную сумму составит задолженность и нашей промышленности» [4]). По заказам же для нужд обороны примерно к ноябрю 1914 г. было уплачено около 125 млн. руб. и пред-

[1]) Дело № 2, Особенн. канц. по кред. части, II отд., 1 стол, О предоставлении м-ву финансов права совершать кредитные операции на внутреннем и английском денежном рынке, 5 октября 1914 г. — Во Франции в это время размер сумм казны был равен 431,3 млн. руб.

[2]) II отд., 1 ст., 1914 г., дело № 52, меморандум английского пр-ва № 52707/14, переданный м-ру ин. дел 26 сентября 1914 г.

[3]) II отд., 1 ст., 1914 г., дело № 2, О предоставлении м-ру фин. права совершать кредитные операции в Англии.

[4]) II отд. 1 ст., дело № 52, письмо Барка Сазонову 8 ноября 1914 года.

стояло еще уплатить в 1914 и 1915 гг. около 300 млн. руб.. Поэтому правительство вновь подняло вопрос о кредитной операции в Англии на сумму уже более значительную — до 40 млн. ф. ст.

Слабая сторона ранее подписанного соглашения заключалась в том, что оно не давало средств для оплаты вне Англии, в то время как центр наших военных заказов переносился в Америку. Новый заем Россия хотела произвести на таких условиях, которые позволили бы расходовать средства не только для оплаты английских заказов, но и заказов в других странах.

Условия займа в 40 млн. ф. ст. английское правительство предложило следующие:

1. Заем должен быть обеспечен 12-месячными обязательствами государственного казначейства с последующей их оплатой золотом в Лондоне.

2. 50% займа (20 млн. ф. ст.) расходуются на оплату платежей по заказам, сделанным в Англии.

3. В случае использования кредита для оплаты заказов вне Англии русское правительство высылает в Англию золото в размере $^{2}/_{5}$ требуемой суммы; это золото передается Английскому банку.

4. Учет производится из 5% для сумм в 1½ раза больше высланного золота и из 6% для остальных. По истечении срока займа он возобновляется на 1 год.

Эти условия для русского правительства оказались приемлемыми, и 26 декабря Николай утвердил соответствующее постановление комитета финансов.

Почти одновременно (постан. КФ 30 декабря) было достигнуто окончательное соглашение с Banque de France, который открывал кредит Государственному банку до 500 млн. фр. «для удовлетворения требования на валюту со стороны русских банков и торгово-промышленных фирм» и для погашения процентов по довоенным долгам русского правительства. Государственный банк кредитовал на такую же сумму Французский банк в рублях золотом в Петрограде. Через год по окончании войны происходит расчет. Обязательства Государственного банка гарантируются русским правительством.

Оба эти соглашения заключены за короткое время до «совещания трех министров финансов», которое было в Париже 20—23 января 1915 г.

Дальнейшие финансовые отношения между Россией и союзниками регулировались специальными финансовыми соглашениями.

На конференции «трех министров» обсуждались разные вопросы, для России же наиболее существенным было получение нового кредита на весь 1915 г. и изменение условий кредита в Англии, в основу которых был положен принцип высылки золота. Барк с «запасом» определил нашу потребность в 100 млн. ф. ст., в то время когда реально она равнялась 861 млн. руб. Несмотря на «запрос», Ллойд-Джордж сравнительно легко согласился отпустить требуемый кредит, но по вопросу о золоте между союзниками не сразу была достигнута договоренность. Точка зрения русского правительства состояла в том, что «мы не можем

допустить, чтобы открытие нам заграничных кредитов ставилось в причинную связь с высылкой металла» [1]). А Ллойд-Джордж считал, что помощь золотом Английскому банку «является для него краеугольным камнем соглашения». После долгой торговли Барк уступил. Отвергнув принцип высылки золота, он согласился на «помощь» в случае нужды Английскому банку путем высылки Россией и Францией золота по 6 млн. ф. ст., если золотая наличность Английского банка падет ниже 80 млн. ф. ст. Ллойд-Джордж ухватился за эту поправку, но французы на эти условия не согласились. Началась «обработка» французов, и под совместным нажимом русских и англичан французы капитулировали. Таким образом соглашение было достигнуто; французское и английское правительства гарантировали России выпуск займа в 100 млн. ф. ст., который размещался в равных долях в обеих странах, а Россия и Франция согласились в форме «помощи» на высылку золота в распоряжение Англии.

До реализации займа англичане и французы отпустили России аванс в размере 25 млн. ф. ст. с каждой стороны. По этому же соглашению Россия брала на себя одну треть ответственности за финансовую помощь мелким государствам, которые воевали на стороне стран согласия.

Полученных кредитов хватило всего лишь на несколько месяцев. Военное поражение русской армии весной 1915 г., недостаток снаряжения, начавшаяся мобилизация промышленности внутри страны, — все это сразу потребовало от военного ведомства колоссальных затрат. Отпущенные по соглашению кредиты были израсходованы, наличность и кредиты за границей сократились до минимума. Россия стояла на границе финансового банкротства уже в августе 1915 г. Интересна справка министра финансов о наших ресурсах за границей в конце августа 1915 г. [2]) (в млн. руб.).

	Наличными	Кредиты
Англия	21,7	38,0
Франция	32,6	54,0
Америка	20,5	9,7
Голландия	3,5	—

Этих средств нехватало для оплаты текущих платежей, общая величина которых, если исключить дутую покупку винтовок в Бразилии, достигала к 1 сентября 230 млн. руб., в сентябре месяце сумма платежей возросла до 269,3 млн. руб. [3]), а общая потребность в валюте к концу года достигала до 280,5 млн. руб. Единственная надежда министерства финансов была на предполагаемый аванс в 30 млн. ф. ст., который должна была отпустить Англия, но которой она не отпускала по ряду соображений.

---

[1]) Совещание трех министров в Париже 20—23 января 1915 г. Цитирую по «Красному архиву», № 5, 1924 г., стр. 52.

[2]) II отд., 1 ст., 1915 г., дело № 4, ч. 3, проект журнала комитета финансов от 23 августа 1915 г.

[3]) Там же.

Англичане вели в Америке переговоры о заключении большого займа на несколько миллиардов рублей. С этой целью в августе 1915 г. английское правительство заключило соглашение с Французским банком — «авансировать каждые 40 млн. ф. ст. золотом для посылки Соединенным штатам» [1]). Россия приглашалась также принять участие в этой операции взносом в 40 млн. ф. ст. золотом. Как сообщается в телеграмме, выручка от займа должна быть разделена пропорционально высланному золоту. Внимание русской дипломатии в это время было сосредоточено на получении от Англии аванса. Но пока Россия не заявила о своей готовности выслать еще 40 млн. ф. ст. золота, Англия отказывалась и разговаривать об авансе. Телеграмма Бенкендорфа чрезвычайно рельефно рисует создавшееся положение: «Мои ходатайства о новом кредите на 30 млн. ф. ст. останутся безрезультатными до окончательного решения относительно золота. С другой стороны, как только я буду в состоянии информировать правительство, что пересылка русского золота решена в равной части до 40 млн. для каждого правительства, Рутковский и я не видим препятствий к быстрому заключению договора на новый кредит в 30 млн. ф. ст.» [2]). Отказ от нового аванса подействовал довольно сильно, и уже 23 августа комитет финансов принял предложение Барка считать «неизбежным согласиться на предложенную операцию с высылкой золота». Он поставил только условие, чтобы предоставляемый России кредит был достаточно велик для полного удовлетворения наших потребностей. Ведь повторение такой операции угрожало совсем лишить Россию золотого запаса, с которым были связаны надежды на восстановление твердой валюты после войны. Это согласие России на высылку золота являлось предпосылкой для Лондонской конференции, которая состоялась в сентябре 1915 г. Оно же побудило великобританское правительство открыть нам «просимый кредит», т. е. аванс в 30 млн. ф. ст. Разговоры о займе в Америке оказались лишь средством выманить у России обещание на высылку золота.

На финансовой конференции в сентябре 1915 г. было подписано соглашение о предоставлении кредитов России на предстоящий год — с октября 1915 г. На основании этого соглашения Англия и Франция предоставляли России кредиты в размере: первая не свыше 25 млн. ф. ст., а вторая — 125 млн. фр. в месяц. Кредиты Франции расходуются только по заказам внутри этой страны, а английские кредиты частично идут для оплаты заказов других стран. Несмотря на то, что кредиты открывает Англия, а не Америка, как договорились ранее, все же русское правительство обязалось предоставить золото не свыше условленной ранее суммы. Вывоз его разделен на две части: первая — 20 млн. ф. ст. вывозится до 31 марта 1916 г., а остальная часть — позднее. Хотя Барк и писал, будто золото нами предоставлялось только временно, но члены комитета финансов (Сабуров) прямо заявляли, что этого золота Россия больше не получит, его Англия нам не возвратит. Кроме перечислен-

---

[1]) II отд., 1 ст., 1915 г., дело № 4, ч. 3, депеша Рутковского от 9 августа 1915 г., № 9766.

[2]) Там же, телеграмма Бенкендорфа от 20 августа.

ных пунктов, в соглашении проведено полнейшее подчинение России в расходовании средств Англии и Франции. Кредит открыли, но израсходовать его мы не могли без согласия английского правительства. С осеннего соглашения 1915 г. Россия попала в настоящую кабалу к Англии. Во время этого соглашения Барк проделал финансовый фокус, совершенно ненужный с точки зрения экономической науки: он добился открытия особого счета в 200 млн. ф. ст., которые должны служить обеспечением выпуска бумажных денег. Этот фокус являлся парадоксом с нашей действительностью. Англия увозила последний золотой рубль в натуре, а в бухгалтерских записях у Государственного банка появился счет «Золото за границей» в два миллиарда. Экономисты разоблачили этот фокус, а Барк ставил себе в особую заслугу, что ему удалось отстоять этот счет у англичан беспроцентным.

В толковании соглашения происходили частые недоразумения между Россией и Англией; последняя, как экономически более сильная, истолковывала соглашение в своих интересах, благодаря чему происходили частые задержки в выдаче кредитов. Только в январе 1916 г. Англия согласилась открыть свободный кредит в 2 млн. ф. ст. ежемесячно, соглашаясь не включать его в состав 4,5 млн. ф. ст., которые по соглашению отпускались каждый месяц для новых контрактов[1]). В 1916 г. Россия готовилась к большой кампании, поэтому расширила свои заказы в Японии, Америке и в нейтральных скандинавских странах. К этому времени в обращении внутри страны находилось громадное количество бумажных денег, рубль на внутреннем рынке обесценился еще в большей степени; нужны были средства для нужд промышленности и торговли. Ободренный, очевидно, меморандумом английского правительства от 21 марта 1916 г., в котором оно обещает «всемерную финансовую помощь и поддержку своему союзнику в целях увеличения в наивысшей степени военного его могущества», Барк обратился за помощью к своим «хозяевам». Он попросил увеличить на 17 млн. ф. ст. средства, отпущенные для поддержания курса рубля, и довести их до 24 млн. ф. ст., а для нужд частной промышленности получить добавочно 10 млн. ф. ст. на английском рынке в течение шести месяцев, и, наконец, просил увеличить кредиты для Японии и Скандинавии. Ответ лордов английского правительства ни по тону, ни по существу не соответствует содержанию меморандума. За исключением пункта об Японии, все требования, вернее просьбы, русского правительства были отклонены в чрезвычайно бесцеремонных выражениях [2]). Англия чувствовала себя «хозяином» по отношению к России и соответственно с этим своим положением распоряжалась финансами, а через них вооружением и армией. Общие интересы всех союзников никогда у нее не доминировали над соображениями своей собственной большой политики и меркантильными интересами. Вскоре давление «наших союзников» увеличилось до чрезвычайности. В мае 1916 г. Барк стал зондировать условия но-

[1]) II отд., 1 ст., 1916 г., дело № 16, нота англ. пр-ва в м-во ин. дел 15 января 1916 г.

[2]) Там же, меморандум английского пр-ва от 21 марта ст. ст. и письмо английского пр-ва, май 1916 г.

вого соглашения, новых кредитов. Аппетит английских империалистов перещеголял даже американских спекулянтов. А ведь как бы то ни было англичане должны были больше интересоваться судьбой России, хотя бы только с точки зрения ее боеспособности, чем американские спекулянты. Англия предложила новые условия кредита: она требовала, кроме обязательства государственного казначейства, еще добавочного обеспечения золотом или гарантированными ценными бумагами, «создавая таким образом впервые для нас принципы двойного обеспечения» [1]), чего не требовали даже американцы, предложение которых Барк называл спекулянтским. Английский империализм поставил своей задачей, кредитуя и «финансируя» русское правительство, овладеть экономикой России, превратить последнюю в колониальное государство. К разрешению этой задачи он подходил путем закабаления правительства, лишая его всякой самостоятельности в финансовой политике. Поэтому с каждым новым договором и займом англичане систематически требовали новой суммы золотом, которое направлялось им в Канаду. Англия была явным гегемоном в финансировании России во время войны. Французы, чье влияние в экономике России преобладало до войны, заняли скромно второстепенную роль. Барк, да и не только он, отлично понимал создавшееся положение. В цитированной нами записке он пишет: «Наконец, особенно невыгодные условия кредита, предлагаемые ныне Англией, свидетельствуют о том, что с дальнейшим развитием военных событий кредит России у одних только союзных держав становится все более затруднительным, и полнейшая наша финансовая зависимость от союзников является чрезвычайно тяжелой, вследствие чего представляется настоятельно необходимым, хотя бы ценой известных жертв, завязать незамедлительно кредитные отношения с Америкой, путем валютной сделки с могущественным синдикатом, которая может быть началом дальнейших крупных операций». Барк предлагает первую попытку опереться на Америку и ее капитал против «наших союзников». Чрезвычайно характерно, что такая же тенденция была и у Сазонова, который по «политическим соображениям» поддержал Барка. Все это происходило за месяц до июльского совещания министров финансов. Широкий замысел Барка не реализовался, но все же после этого финансовые отношения с Америкой продвинулись вперед.

В июле 1916 г. происходила конференция уже четырех министров финансов (был и итальянский). По словам Барка, конференция не дала никаких положительных результатов для России. Финансовый вопрос пришлось разрешать особо и помимо конференции. Еще до начала конференции Барк пробовал договориться о продолжении финансового соглашения с французским министром финансов Рибо, который, соглашаясь увеличить нам сумму кредитов с 125 млн. фр. до 150 млн. фр. в

[1]) II отд., 1 ст., 1916 г. дело № 1, записка Барка в к-т фин. от 24 мая 1916 года.

месяц, требовал покрытия половины задолженности ко времени заключения мира товарами. Поэтому соглашение с французами не было достигнуто.

Англичане требовали гарантий, обеспеченных ценными бумагами. Франция решила опередить своего союзника. За открытые счета она требовала товары, ссылаясь при этом на стесненность своего экономического и финансового положения. Впрочем, с французами можно было договориться легче, так как главной статьей расходов России во Франции являлась оплата процентов по довоенным долгам. Конечно, неприятно было оказаться банкротом (одна мысль об этом бросала царских чиновников в жар и холод), но в крайнем случае можно было пугать французов и этим. Непосредственно на вооружение армии отказ Франции в кредитах не мог оказать серьезного влияния.

Иное дело — Англия. Колоссальная мощность английской индустрии была недоступна для царского правительства без английских кредитов. Кроме Англии, к английским фунтам питали серьезное почтение и Соединенные штаты, Япония и более мелкие страны.

Но англичане были намерены дать как можно меньше, а выжать из России как можно больше.

Поэтому договориться с англичанами было особенно трудно. После длительных переговоров с ними Барка и ген. Беляева, последние согласились открыть нам кредит в 150 млн. ф. ст. на шесть месяцев — до 1 апреля 1917 г. В эту сумму не включалась стоимость тяжелой артиллерии. Кроме того, нам было дано право расходовать их не ежемесячно по 25 млн. ф. ст., а поместить на эту сумму заказы в течение августа — ноября 1916 г. Кроме того, удалось повысить «свободный кредит» до 2½ млн. ф. ст. в месяц и добиться ассигнования на поддержание курса рубля до 1½ млн. ф. ст.

Серьезнейшие разногласия обнаружились опять-таки по вопросу о золоте. По сентябрьскому соглашению 1915 г. Англия надула Россию: последняя выслала 20 млн. ф. ст. золота, французы — ничего. Гарвей Фиск считает, что Булонское совещание (предшествовавшее совещанию трех министров) англичан и французов в августе 1915 г. было созвано с целью вынудить у Барка согласие на высылку золота. Узнав, что французы не послали золота, Барк заявил об отказе выполнить другую половину своих обязательств, т. е. выслать следующие 20 млн. ф. ст.

Теперь англичане также потребовали высылки 40 млн. ф. ст. золота и выполнения старого обязательства. Барк сперва отказывался, а потом согласился на 20 млн. ф. ст., и то при условии, если золотые запасы Английского банка падут ниже 70 млн. ф. ст. Не договорившись, Барк уехал. Правительство цеплялось за остатки золота, как утопающий за соломинку, а потому совместное заседание комитета финансов и совета министров решительно встало на точку зрения Барка, о чем и было извещено английское правительство [1]).

[1]) О переговорах министра финансов в Париже и Лондоне в июне и июле 1916 г. см. «Красный архив», № 5 также II отд., 1 ст., 1916 г., дело № 3, ч. 3, всеподданнейший доклад Барка о постановлении комитета финансов от 5 сентября 1916 г.

Переговоры затянулись, и только в начале сентября 1916 г. английское правительство пошло на уступки России, отказавшись от требования досылки 20 млн. ф. ст. золота по соглашению 1915 г. и согласилось ограничиться высылкой золота вместо 40 млн. ф. только 20 млн. ф. ст. по последнему займу. Но по вопросу о величине золотых запасов Английского банка оно выставило цифру 85 млн. ф. ст., как предельную, вслед за понижением которой Россия обязана высылать золото. В момент обсуждения этого вопроса запасы уже были ниже предельной величины, следовательно, принятие условий обязывало высылать золото немедленно. Комитет финансов капитулировал по этому вопросу: он решил «пойти на уступки по упомянутому вопросу, если бы продолжение переговоров имело последствием замедление в подписании соглашения и в открытии необходимых нам кредитов на военные заказы». Присутствовавший на заседании военный министр особенно рисовал тяжелые последствия для армии, которые вытекали бы из оттягивания подписи договора. Договор с Англией был подписан 14/27 октября 1916 г После заключения этого соглашения Россия дважды выслала золото, последний раз Барк, 14 января 1917 г., сделал Шипову распоряжение подготовить новую партию золота к отправке. Было послано 189,5 млн. руб., которые были погружены во Владивостоке на японские крейсера уже во время революции. Соглашение с Францией было подписано еще в сентябре 1916 г. До окончания войны она предоставляла кредит по 150 млн. фр. в месяц, который мы быстро израсходовали авансом за несколько месяцев вперед.

В феврале 1917 г. в Петрограде состоялась финансовая конференция союзников. На ней было решено, что за предметы снабжения, которые нам уступала Англия, Россия расплачивается краткосрочными обязательствами, которые не входят в счет открытых нам кредитов. Там же договорились об открытии России новых кредитов, за счет которых она могла выдавать новые заказы. Англия согласилась увеличить кредит на нужды промышленности с 2,5 млн. ф. ст. до 5,5 млн. ф. ст. ежемесячно, а кредит на поддержание курса рубля на ближайшие три месяца увеличивался с 1½ до 12 млн. ф. ст. Срок старому финансовому соглашению истекал к апрелю, нового же соглашения на конференции не подписали. Выполнение намеченных на конференции пунктов относится уже к послефевральскому периоду, когда наши отношения с союзниками значительно изменились.

Подведем итог финансовым средствам, которые нам отпустили союзники и которые Россия израсходовала до Февральской революции. Оговариваемся: совершенно точно установить, что все эти средства затрачены непосредственно на войну, нельзя. Из них мы оплачивали проценты по довоенным займам, по переучету военных займов, предоставляли валюту для нужд промышленности и торговли. Но в громаднейшем большинстве они израсходованы на потребности государства, именно в связи с войной. Кроме того, не все кредиты были израсходованы до февраля, но так как в счет их уже были выданы заказы, которые были выполнены позднее, то их можно считать израсходованными. В нашем распоряжении имеется документ, который дает со-

вершенно точные данные о расходе иностранных кредитов к 12 февраля 1917 года.

Из него [1]) мы видим, что в счет двух английских кредитов в 4,5 млрд. руб. Россией принято обязательств на платежи в сумме 5 082 млн. руб., из которых уже оплачено комиссией по распределению валюты 1857,9 млн. руб. и остается еще оплатить 2 625 млн. руб. В распоряжении комиссии имелось кредитов на 2 043 млн. руб. За полмесяца до Февральской революции дефицит по английским кредитам доходил до 582 млн. руб. Известный интерес представляет распределение израсходованных средств по различным ведомствам.

Наименование учреждений	Оплачено	Остается оплатить
	(В млн. руб.)	
Военное министерство	237,0	1 555,90
Морское »	95,0	114,20
Особенная канцелярия по кредитной части	285,4	92,60
Министерство путей сообщения	112,0	250,30
» торговли и промышленности	37,5	12,66
Разные учреждения и обществ. организации	79,5	43,00
Частная промышленность	108,8	41,94
Комитет металлоснабжения	61,7	299,25
Кредитная канцелярия	840,0	—
Военные материалы	—	175,00
Фрахт 1916 г.	—	40,00
	1 857,9	2 625,00

Подавляющее большинство английских кредитов расходовалось по линии военно-морского ведомства и других учреждений, работа которых была тесно связана с усилением обороны страны. На долю частной промышленности приходятся мизерные суммы.

Большинство заказов приходилось на 1917 г. С французскими кредитами дело обстояло следующим образом. До 1 января 1918 г. оставалось неизрасходованных средств только 133 млн. руб. Всего получено нами валюты с 1 октября 1915 г. до 1 января 1918 г. на 1 350 млн. руб. Имелось к 12 февраля 1917 г. валюты для оплаты на 616 млн. руб., а остальные средства были уже израсходованы. Интересно распределение средств по французским кредитам. По ним мы имеем три статьи расхо-

[1]) Иностранный отдел канцелярии по кредитной части, 1917 г., дело № 49, английский кредит, записка ген. Михельсона предс. Терещенко 17 марта 1917 г. о состоянии французских и английских кредитов. Сведения о Франции мы берем также из указанного источника.

дов. Особенная канцелярия по кредитной части получила для оплаты долгов и на учет краткосрочных обязательств 514 млн. руб., или почти $^{2}/_{5}$ всех средств. Военное ведомство получило 630 млн. руб. и около 53 млн. руб. пошло на заказы всех остальных ведомств. В английском кредите мы имеем меньшую долю на уплату процентов и больше на заказы других ведомств, в том числе и частной промышленности.

Расходы по заграничным кредитам, как они наметились к 12 февраля, достигают цифры 6 300 млн. руб. [1]).

Но вся сумма расходов значительно больше. Надо прибавить еще около 550 млн. руб. золотой наличности, бывшей до войны во Франции и Англии. Затем, кредит во Франции в 500 млн. фр., который пошел на уплату долгов, около 420 млн. руб., полученные по английским займам 1914 и начала 1915 гг., и, наконец, вывезенное за это время золото на сумму 643,2 млн. руб. Общая сумма расходов, произведенных Россией через посредство Франции и Англии, выражается солидной цифрой 8 100 млн. руб. золотом. Конечно, не все эти деньги израсходованы непосредственно «на войну», сюда включается и ряд других потребностей, которые должны быть выделены из группы «военных» расходов, но нам нет необходимости производить точный бухгалтерский расчет «военных расходов», важнее дать общий комплекс финансовых взаимоотношений, а приведенные итоговые цифры охватывают их полностью.

4. Кредиты в Америке

Во время империалистической войны России не удалось добиться сколько-нибудь значительной финансовой помощи со стороны Соединенных штатов. Уже вскоре после начала войны для руководителей военного и финансового ведомств выяснилось, что американская промышленность будет являться центром наших военных заказов, которые потребуют колоссальных средств для их оплаты. Но Соединенные штаты, в связи с своим нейтралитетом, не обнаруживали особого желания кредитовать не только Россию, но и Англию с Францией. Когда последние страны пробовали разместить на американском денежном рынке свой заем в 500 млн. долл., то им удалось реализовать всего только 40 млн. долл., или 8%. Американский капитал находил применение внутри страны и воздерживался пока финансировать какую-либо из воюющих стран. Попытки завязать финансовые отношения с американским денежным рынком Россия делала с самого начала войны. Вначале результаты были для нас самые плачевные. Антисемитская политика самодержавия имела очень большое значение в переговорах с американскими финансовыми тузами. Финансовый агент России в Соединенных штатах — Виленкин — следующим образом характеризует наши отношения с Америкой: «Ограниченный круг банкиров, с коими мы могли бы вести переговоры, так как группа еврейских банкиров совершенно воздерживается от финансовых операций с русским

[1]) Наш расчет: 4 500 млн. руб. английского кредита + 1 350 млн. руб. французского кредита + 582 млн. руб. дефицита по английскому кредиту — 133 млн. руб. свободных средств по французскому кредиту.

правительством... В конце 1914 года говорить с американскими банкирами о большом займе было прямо немыслимо» [1]), и, характеризуя уже настоящие отношения лета 1916 г., он продолжает: «Без дополнительного обеспечения американская публика займа не возьмет». Этим дополнительным обеспечением должна являться в той или иной форме гарантия Англии или вывоз золота за границу.

Русское правительство не надеялось на какое-либо содействие со стороны американского правительства, но Барк считал, что оно, «повидимому, не окажет препятствий к совершению сделки с американскими банками, в особенности, имея в виду, что одолженные суммы останутся в Америке, которые иначе могли бы быть помещены в других странах, например в Японии» [2]). В данном случае Барк выступал большим оптимистом: он недооценивал продолжительность войны и размеры потребных нам сумм; в Японии заключить финансовый заем тоже было не проще, чем в Америке; просчитался он и в оценке «настроения» банкиров. Американское правительство не чинило нам особых препятствий, но банкиры отказывались решительно дать денег, а если и соглашались оказать кредит, то очень малый. Первый кредит, полученный Россией, был равен всего только 5 млн. долл. Этот кредит оказал нам National City Bank в порядке краткосрочного кредита в сентябре 1914 г. После этого правительство ведет переговоры с Морганом, который оказался сговорчивее других. Морган и синдикат банков, который он возглавлял, «предполагают» открыть правительству кредит на текущий год в размере до 30 млн. долл., сроком на полгода. Учет из 5%, а за 3-месячный акцепт Морган насчитывает в свою пользу 2%, поэтому вся операция с расходами обходилась казне в 7% [3]). Эта операция не удовлетворяла полностью наших потребностей, так как платежи военного ведомства достигали уже суммы 300 млн. руб. Недостающую сумму приходилось покрывать путем кредита у фирм, работавших на военное ведомство, и переводами из средств французского и английского кредитов, что было для нас очень невыгодно, потому что «по условиям нашего договора с английским правительством сопряжено с высылкой золота в размере $^{2}/_{5}$ уплачиваемой в Америке суммы» [4]). Эти переговоры с Морганом закончились в благоприятную для нас сторону уже в декабре 1914 г. Морган оказал нам кредит в сумме 25 млн. долл. на полгода, принимая в уплату за товары наши векселя [5]). Следующая финансовая операция в Америке была заключена в апреле 1915 г. с National City Bank на сумму 10 200 000 долл. в связи с заказом вагонов мин. путей сообщения.

В начале 1915 г. Россия заключила финансовое соглашение с Англией и Францией, но средства, получаемые по нему, были далеко

[1]) Архив особенн. канцелярии по кредитной части, II отд. 1 ст., 1916 г., № 18, письмо Виленкина.

[2]) Дело комитета финансов, № 2, заявление в ком. финансов от 28 октября 1914 г.

[3]) II отд., 1 ст., 1914 г., дело № 3, дополнение к заседанию комитета фин. от 29 ноября 1914 г.

[4]) II отд., 1 ст., 1915 г., дело № 83.

[5]) Секретная телеграмма посла в Вашингтоне Бахметьева от 28 декабря (10 января) 1915 г., № 280, II отд., 1 ст., дело № 53.

недостаточны. Как раз весной 1915 г. обнаружилась наша материальная неподготовленность к войне, пришлось особенно усилить американские заказы. В результате потребность в американской валюте в в конце июля 1915 г. выражалась по заказам военного ведомства в сумме 867,4 млн. руб., да по заказам министерства путей сообщения — 62 млн. руб., кроме того, предполагалось сдать заказов военного ведомства больше чем на 200 млн. руб. Поэтому Барк 29 июля 1915 г. обратился в комитет финансов с предложением «о кредитной операции в Америке». Он предполагал совершить новую операцию на «тех же условиях, что и в апреле», но американские банки на это не соглашались. Они предлагали более тяжелые условия, которые оказались для русского правительства неприемлемыми.

Вопрос о финансировании Америкой России вновь ставится только весной 1916 г. В апреле 1916 г. для оплаты старого долга была совершена новая операция на сумму 11 млн. долл. Вопрос о более широкой финансовой операции ставится в комитете финансов уже в марте 1916 г. Впервые на этом заседании комитета финансов присутствовал министр иностранных дел Сазонов. Наученный горьким опытом, Барк скептически относился к возможности с нашей стороны устроить в Америке крупную валютную операцию. Он изложил результат переговоров по этому вопросу с синдикатом американских банков. Синдикат соглашался разместить на американском рынке 5%-ные трехлетние обязательства железнодорожных обществ, участников предполагаемого займа, на сумму до 50 млн. долл., причем требовал двухкратного обеспечения, а обязательства обществ соглашался взять по 90 за 100. Кроме того, тот же синдикат обещался устроить частный кредит на 30 млн. долл. сроком на 18 месяцев в форме учета тратт русских банков, с гарантией правительством оплаты тратт в долларах.

Синдикат ставил условием, чтобы «выручка от означенной операции в долларах должна была быть обращена исключительно на оплату заказов, переданных шведско-русской Азиатской компании, с Ашбергом во главе» [1]). Вся эта операция обходилась России в $8^1/_3$% при двойном обеспечении. Изложенные тяжелые условия синдиката Барк находил «неприемлемыми», поэтому отказывался от заключения займа, так как это «может послужить неблагоприятным прецедентом при наших будущих эмиссиях». Несмотря на приведенные Барком аргументы, Сазонов высказался за продолжение переговоров «по общеполитическим соображениям». Смысл этих «соображений» сводился к необходимости иметь деньги и заем помимо Англии, «что в значительной степени освободило бы нас в области финансов от отдельных держав, хотя бы нам союзных» [2]). Срок финансового соглашения истекал, и, прежде чем подписать новую кабалу, Сазонов считал необходимым вести переговоры с Америкой, чтобы хотя отчасти ослабить свою зависимость от Англии, которая предложила нам условия кредита еще более тяжелые, чем аме-

[1]) II отд., 1 ст., 1916 г., дело № 1, заседание комитета финансов 14 марта 1916 г.

[2]) Там же.

риканская биржа. Учитывая соображения Сазонова, комитет финансов постановил продолжать переговоры, добиться увеличения суммы займа и более льготных условий. Переговоры затянулись и для их продолжения в Петербург приехали представители банковского синдиката. Американские финансисты сделали ряд очень важных уступок, но русское правительство тянуло переговоры, считая предложенные условия тяжелыми. Барк считал, что это «предложение Национального банка является сделкой спекулятивной», но совсем не отверг его, так как «при нынешних спекулятивных настроениях американского рынка вряд ли представляется возможным рассчитывать на совершение в Соединенных штатах операций на обычных условиях» [1]). Переговоры ни к чему не привели, потому что на дальнейшие уступки синдикат не шел, а правительство считало данные условия тяжелыми. Впрочем, скоро открывшиеся переговоры с Англией показали, что комитет финансов сделал ошибку, не приняв американских условий, так как — пишет Барк — «условия английского предложения чрезвычайно тяжелы, и в этом отношении американское предложение более для нас приемлемо». После такого оборота дела, в июне 1916 г., с синдикатом банка, во главе с National City Bank, был подписан договор, по которому он открывает 3-летний кредит на 50 млн. долл. По договору, израсходованную сумму министерство финансов оплачивает по истечении 3 лет в долларах, но зато министерство финансов получало право по своему усмотрению распоряжаться полученным кредитом, правда, только для платежей в самой Америке. Синдикат же получил право в любое время в течение трех лет приобрести краткосрочные облигации государственного казначейства на сумму 55,4 млн. долл. по цене 94½ за сто и с вычетом комиссионных в 4½%. Обеспечением займа служит счет в 150 млн. руб. в Петрограде в Госбанке [2]). В основном условия займа те, которые синдикат предложил в последний раз и которые разбирались комитетом финансов 26 мая.

На вышеизложенных же условиях 5 ноября 1916 г. с группой Ашберга, во главе с Национальным банком, было подписано соглашение о реализации на американском рынке обязательств государственного казначейства на 25 млн. долл. [3]). Еще было заключено соглашение с одной фирмой на оплату заказа в сумме 1 млн. долларов облигациями государственного казначейства.

Этим исчерпывается финансовая помощь Америки. Общий размер ее около 250 млн. руб. Величина же заказов в Америке, учтенных комиссией по распределению валюты на 1 апреля н. ст. 1917 г., достигала 1 967,3 млн. руб., из которых оплачено было около 700 млн. руб. и оставалось неоплаченных обязательств на сумму 1 268 млн. руб. Необходимо признать, что к началу 1917 г. финансовые отношения России с американскими банками приняли довольно прочный характер. Америка кредитовала не русские банки, а непосредственно правительство.

[1]) II отд., 1 ст., 1916 г.; дело № 1, засед. комитета финансов 23 мая.
[2]) Архив особенной канцелярии по кредитной части, иностр. отдел, американское дело, ч. 1, 1917 г., № 182, справка о кред. операциях в Америке.
[3]) Там же.

Русская буржуазия тоже завязывала отношения с американским банковским миром через военно-промышленные комитеты. 27 января 1917 г. Гучков обратился с запиской в министерство финансов, в которой сообщает о возможности получить сейчас в Америке товарный кредит в 100 млн. руб. на 2-3 года. Там же Гучков пишет, что ЦВПК думает получить «для осуществления своих покупок в Америке валюту путем самостоятельной операции». Излишки средств Гучков соглашался уступить правительству по особому договору. Хотя в этом предложении Гучкова много фантастики, но бесспорен факт улучшения отношений Америки к России в связи с тем, что она склонялась определенно на сторону Антанты. В связи с этим в министерстве финансов и иностранных дел родилась идея посылки в Америку «особой финансово-экономической миссии», которая бы содействовала «сближению с американским рынком». Изменение отношения к России в Америке происходит еще в последние дни старого режима и закрепляется Февральской революцией. На другой же день после революции генерал Михельсон, сообщая Терещенко о нашем финансовом положении, говорит сразу же о займе у американцев в 1½ млрд. долл. Он пишет: «Для ближайшего периода нам надо просить у американцев кредит в 1½ млрд. долл., выговаривая себе право перенести на него все платежи по когда бы то ни было заключенным обязательствам в Америке» [1]). Но Временное правительство не было так смело, как царский генерал, оно предпочло сперва справиться, не потребуется ли на заключение займа в Америке разрешения английского правительства. В особом совещании под председательством Терещенко 26 марта 1917 года относительно выпуска американского займа было решено, что «нам не требуется испрашивать согласия великобританского правительства, так как никаких формальных обязательств в этом направлении мы Англии не давали» [2]). Но уже самое возникновение этого вопроса чрезвычайно знаменательно и свидетельствует о том, что если формально мы были свободны и могли заключить заем в Америке, то фактически финансовым хозяином России была Англия, которая могла не разрешить своему должнику, которого она целиком держала в зависимости от себя, делать еще новые долги. Хотя 1½ млрд. долл. и не получили, но все же Америка открыла России солидный кредит. Подготовка этой сделки в значительной мере относится еще к дофевральскому периоду.

5. Кредиты в Японии

Переговоры о предоставлении нам кредита начались с японскими банками еще в 1915 г. Синдикат банков, соглашаясь открыть кредит в 50—60 млн. иен, выдвинул непременным условием высылку нами золота на 30 млн. иен, а стоимость операции определялась банками в 7%. Только когда министерство финансов категорически отвергло указанные условия, японские финансисты предложили чрезвычайно выгодные для нас условия. Они отказались от высылки золота и согласились

[1]) Иностр. отдел особенной канцелярии по кред. ч., американское дело, ч. 1, 1917 г., дело № 182, письмо Михельсона к Терещенко.

[2]) II отд., 1 ст., 1917 г., дело № 20.

учесть обязательства государственного казначейства на 50 млн. иен сроком на 1 год. Стоимость этой операции, включая все дополнительные расходы, равнялась 6%. «Изложенные условия кредитной операции представлялись более льготными, чем те, на которых мы получали средства для расплаты по японским заказам при посредстве английского правительства» [1], — пишет министр финансов. На этих условиях договор был подписан 25 января 1916 г. В феврале 1917 г. договор был возобновлен еще на год, но на менее выгодных условиях: учет поднялся до 6%, комиссия 1½% и другие расходы, так что переучет стоил нам 7,525%.

Кроме того, с отдельными фабрикантами (фирма Окура — 19 млн. иен) правительство расплачивалось не наличными деньгами, а 5%-ными обязательствами. Но этих средств было далеко недостаточно, так как величина заказов достигла до 289 млн. иен, а английские кредиты для оплаты японских заказов — только 6 млн. ф. ст. Англия увеличила отпуск средств в феврале 1916 г. до 9 млн. ф. ст. и то при условии, что сумма платежей не превысит 1 млн. ф. ст. в месяц. Одновременно английское казначейство сообщало, «что это исчерпывает имеющуюся у него возможность переводить суммы в Японию» [2]... Приходилось озаботиться изысканием средств самим на японском рынке, так как посылать золотые запасы в Японию мы не могли: золото нам было нужно для платежей в Англии, в качестве обеспечения внутреннего обращения после войны, величина золотых запасов являлась мощным фактором, определявшим наши отношения к союзникам. В марте 1916 г. нашему послу в Токио было поручено вести переговоры с японским правительством о займе в 315 млн. иен. Японское правительство отнеслось «сочувственно» к нашему предложению, но отказалось от единовременной реализации всех 315 млн. иен и потребовало обеспечить заем высылкой золота, и лишь после нашего протеста Япония «смягчила» гарантию, потребовав «поручительства со стороны Англии или же Франции, или же обязательства этих держав на облигации английских или французских займов» [3]. Совершенно очевидно, что «нам» не доверяли. Не верили ни в наши финансовые ресурсы, ни в военную мощь, а поэтому стремились застраховать себя солидным поручительством. Реальная сделка с японским банком ограничилась лишь тем, что мы расплатились за приобретенные суда краткосрочными обязательствами Госбанка на 15,5 млн. иен, уплатив 5%-ные и 1%-ные комиссии. В октябре 1916 г. эти обязательства были переучтены еще на год, а величина учета с расходами достигла 7½%. В конце июля 1916 г. наши финансовые ресурсы в Японии истощились. Англия согласилась еще выдать добавочно 3 млн. ф. ст. Правительство вело переговоры с банками о краткосрочной операции на условиях начала 1916 г. Банки не отказывались от операции,

[1]) II отд., 1 ст., 1916 г., дело № 21, телеграмма от 8/21 февраля 1916 г. о производстве кредитной операции в Японии.
[2]) II отд., 1 ст., 1916 г., дело № 21, телеграмма от 8/21 февраля 1916 г.
[3]) II отд. 1 ст., 1916 г., дело № 20, о займе в Японии, справка № 9.

но они повышали процент за учет с 5 до 6 и стремились добиться комиссионного вознаграждения не в 1%, а в 1½%. Вполне соглашаясь с удорожением кредита до 6%, наше министерство финансов всячески решило «бороться с попыткою японских банков добиться увеличенной прибыли в связи с новой нашей операцией». Но борьба была неравной, и министерству финансов очень скоро пришлось капитулировать. Считаясь с безденежьем русского казначейства и необходимостью срочно платить по военным поставкам, Барк предложил «не останавливаться и перед комиссией до 1½%» [1]). В сентябре 1916 г. были выпущены краткосрочные обязательства на 70 млн. иен, по которым японские банки выплачивали 94 за 100 и 1½%-ные комиссии. Срок операции — 1 год. При погашении полагалась добавочная комиссия в одну четверть процента. Это была последняя финансовая операция, которую Россия совершила в Японии до Февральской революции. Шли переговоры о реализации займа на 100 млн. иен, но как только в России произошла революция, японские банки отказались вести переговоры о займе «впредь до выяснения политического положения в России». Общая величина заказов по заключенным контрактам и неоплаченных ко времени Февральской революции равнялась 108,5 млн. иен, а если к ним прибавить и подготовленные к заключению контракты, то 142 млн. иен [2]). Царским правительством всего было получено кредитов в Японии до 200 млн. иен, а так как операция в феврале 1917 г. была заключена для оплаты уже существующего долга, то реальные средства, полученные путем кредита, уменьшаются до 150 млн. иен.

Подведем общий итог заграничным расходам. Нами учтены только государственные кредиты и расходы. Частные сношения промышленников и банков не прекращались все время, но их удельный вес значительно меньше тех 8,5 млрд. руб., которые истратило государство. Если вычесть 1 200 млн. руб. золотом наличных средств, то 7 300 млн. рублей представляют прямой прирост к сумме царского заграничного долга. 8,5 млрд. руб., переведенные в пушки, снаряды, винтовки, станки, сырые материалы, являлись материальным костяком, который помог так долго продержаться царской России против Германии. Занятые 7,3 млрд. руб. Россия получила не в форме золота и ценных бумаг, а главным образом в виде готового вооружения, материалов и оборудования, которые значительно помогли усилить нашу промышленность. Без этих средств самодержавию едва ли удалось бы вылезти из пропасти, в которой оно оказалось после разгрома русской армии весной 1915 г. «Помощь» союзников позволила сохранить русский фронт на два года, она же вообще оттянула окончание империалистической войны и на-

---

[1]) II отд., 1 ст., 1916 г., дело № 1, о совершении кредитных операций в Японии и Италии.

[2]) Иностранный отдел, 1917 г., дело № 191, сообщение агента мин т. и пр. от 13/26 марта 1917 г.

ступление русской революции. 7,3 млрд. рублей — вот те «тридцать сребреников», за которые самодержавие продало международному империализму миллионы человеческих жизней.

6. Итоги (финансовая политика России и других стран)

Для большей ясности мы кратко остановимся на сравнении военной финансовой политики царизма с финансовыми мероприятиями других стран.

Руководитель финансовой политики России во время войны—Барк—всячески стремился доказать, что он применяет те же методы финансирования войны, что и наши союзники. Осенью 1916 г. финансовая система России испытывала тяжелейшие потрясения. Один из ближайших помощников Барка заговорил, что мы идем к пропасти с завязанными глазами. Прижатый к стенке, Барк должен был дать ответ и оправдать применяемые методы финансирования. Барк очень легко «доказал», что у нас все хорошо; союзники дают нам так много денег, что больше просить стыдно. По словам Барка, в финансировании войны «между Россией и ее союзниками существует полная аналогия... политика наших союзников ничем не отличается от принятого у нас порядка» [1]). Если оценивать финансовые мероприятия по их экономическим результатам, то ясно, что политика русского министерства финансов, как небо от земли отличается, напр., от английской. Я ниже покажу, в чем различие. При таких условиях даже формальное сходство, если бы оно было, говорило лишь о том, что применяемые методы плохи и нуждаются в изменении. Первая особенность в финансировании войны Россией, которая резко бросается в глаза, заключается в громадной роли внешних займов. Они равняются примерно ¼ всех военных расходов. Действительное их значение больше, так как английские фунты и американские доллары, даже французские франки были куда тяжеловеснее русского рубля. Реально внешние займы равнялись примерно трети военных расходов. Внешние займы делали и другие страны: Англия у Америки, Франция у Англии и Соединенных штатов. Но это были займы равноправных экономически и политически государств. Кредитование России у Англии и Франции носило все черты полуколониальной зависимости.

Царское правительство за займы принуждено было отказаться от самостоятельности военно-оперативных действий. Самодержавие и Россия эксплоатировались международным империализмом. Отдельные тенденции зависимости царизма от Антанты сложились еще до войны. Во время войны эти тенденции развернулись полностью, превратились в систему. Во взаимоотношениях финансового порядка наиболее полно выявились отношения «господства и подчинения» между Россией и Англией в особенности. Ничего подобного нельзя найти в отношениях других «великих» государств.

---

[1]) Архив особенной канцелярии по кредитной части, комитет финансов, 1916 г., дело № 1, журнал заседаний комитета.

Около четверти расходов было покрыто внутренними займами. Роль займов, как источника покрытия военных расходов в России, очень мала. Остальные средства были получены путем выпуска бумажных денег и краткосрочных обязательств. До 1 марта 1917 г. в обращение было выброшено дополнительно 8 320 млн. руб. Результатом этого был невиданный рост цен и обесценения рубля. В других странах выпуск бумажек не играл такой большой роли, как в России.

Наконец, следует отметить сокращение общего «мирного» бюджета России и отсутствие налогов в качестве средства финансирования войны.

Последнее обстоятельство — крайняя архаичность налогового законодательства, острие которого направлено против рабочих, крестьян и мелкой буржуазии, имеет большое значение. Те слои населения, которые больше всего выиграли от войны, меньше всего были привлечены к обложению даже на обычные государственные расходы. Новые налоги на трудящихся, введенные во время войны, должны были дать в 1917 г. почти 1 100 млн. руб. Правительство только в 1916 г., в апреле месяце, ввело подоходный налог и обложение сверхприбылей. Нормы обложения были очень низкие по сравнению с подобными налогами на Западе. Оба эти налога должны были дать нищенскую сумму в 185 млн. руб., из которой на крупную буржуазию непосредственно — сверхприбыль — приходилось всего лишь 55 млн. руб. Этим ограничилось налоговое творчество, направленное против буржуазных слоев. Взимание вновь введенных прямых налогов было отсрочено до 1917 г. В общем, до Февральской революции правительство не собрало из них ни копейки.

Из европейских стран Франция больше других в финансировании войны походила на Россию. До войны ее бюджет был дефицитен. Оккупация немцами части страны и разорение от войны уменьшило поступление налогов на 36,6% [1]). Программа податных реформ, разработанная Рибо, имела, как и в России, убогий характер. В июле 1916 г. вводится налог на сверхприбыль в размере 50%. Вопреки министру финансов был проведен подоходный налог. В 1917 г. были проведены серьезные налоговые реформы Кайо, был повышен подоходный налог и налог на сверхприбыль. Но всех этих средств едва хватало на обыкновенные расходы. Военные издержки покрывались путем внутренних и внешних займов и кредитных операций. Под залог золота Франция получала займы в Англии — в 1915 г. — 1,5 млрд. фр. Кроме того, она получала средства в Америке, у Моргана. Но внешние займы были незначительны, а во-вторых, они не носили кабального характера, как в России. Главные средства для ведения войны Франция получала путем внутренних займов, которые выпускала на очень выгодных для держателей условиях. Займами Франция покрывала не менее $^2/_3$ военных расходов. Вместе с внешними займами правительство получило 159,4 млрд. фр. из общей суммы в 192,2 млрд. фр. [2]).

---

[1]) В. Н. Твердохлебов, Новейшие финансовые проблемы, стр. 53.
[2]) Проф. Селигман, Очерки по теории обложения, стр. 41.

Положение Германии было исключительно трудное. Она не получала ниоткуда помощи, но должна была помогать союзникам. Внешняя торговля ее почти абсолютно прекратилась. Поступления по обыкновенному бюджету страшно сократились. Бюджет стал дефицитен. В то же время правительство не вводило новых налогов и не облагало военную прибыль. В июне 1916 г. впервые вводится военный налог, в 1917 г. вводятся налоги на уголь, металл, повышается ряд других налогов.

Но военные расходы покрываются займами и эмиссией. Военных налогов Германия собрала 2,6 млрд. мар., которых, по исчислению проф. Селигмана, нехватило на покрытие процентов по военным займам. К реализации займов были привлечены широчайшие слои населения. Однако расходы так быстро росли, что займы не успевали покрывать государственный долг. Страна истощалась, население беднело. 8-й заем, выпущенный во время Брестского мира, дал правительству 15 млрд. мар. и оставил 24 млрд. мар. непокрытого правительственного долга [1]).

По расчетам проф. Селигмана, до конца 1918 г. Германия израсходовала 170 млрд. мар., из них было покрыто военными займами 98 млрд., или 57%, — значительно больше, чем в России.

Финансирование войны Англией существенно отличалось от других стран. Хотя ей приходилось содержать не только свою армию, но довольно значительные средства тратить и на помощь своим союзникам, английское правительство довольно легко справилось с финансовыми трудностями.

Об'ясняется это прежде всего мощью английской промышленности и торговли, которые пострадали от войны меньше, чем промышленность и торговля Германии, обилием свободных капиталов и решительностью, с которой английская буржуазия проводила налоговое обложение.

Англия являлась единственным государством среди воевавших «великих» держав, обыкновенный бюджет которой во время войны не сократился, а с каждым годом увеличивался. С 198 млн. ф. ст. в 1913/14 г. доходы Англии в 1917/18 г. достигли 707 млн. ф. ст., т. е. выросли на 350%. Расходы увеличились еще больше, чем доходы: с 1914/15 г. по 1917/18 г. все расходы в Англии выросли на 450%, а военные — почти на 700% [2]). Английская буржуазия проявила удивительную изобретательность в деле обложения населения. Вслед за об'явлением войны подоходный налог был удвоен и введен ряд новых налогов. Осенью 1915 г. подоходный налог был еще повышен, а облагаемый минимум значительно понижен. Налоговый гнет охватил доходы мелкой буржуазии и рабочих. Высшая ставка налога достигала до 30% доходов, больше, чем в России, в 2½ раза. С целью уменьшить потребление населения осенью же 1915 г. были повышены пошлины на предметы потребления. Буржуазия всячески стремилась переложить главную тя-

[1]) Твердохлебов, ук. соч.

[2]) «Статистический ежегодник мирового хозяйства», ред. Фалькиера, стр. 214 и 216.

жесть войны на широкие слои населения. Обложение военных сверхприбылей английское правительство проводило решительнее, чем в других странах. Военная сверхприбыль сперва была обложена 50%-ным налогом, потом его повысили до 60%, а «для предприятий, работавших по военным заказам казны, до 80%» [1]). Если бы русское правительство ввело такое же обложение сверхприбылей, оно собрало бы сотни миллионов рублей. Но самодержавие плелось в обложении крупного капитала позади капиталистических правительств Запада.

Налоговые источники дали английскому правительству огромные средства для покрытия военных расходов. Из рассмотренных нами четырех государств только Англия покрывала часть военных расходов налоговым путем.

За 4 года войны, по вычислению Твердохлебова, около четверти всех расходов Англии было покрыто из налогового источника. Более детальное исследование проф. Селигмана устанавливает, что доля специально военных налогов равняется 17,1% всех военных расходов (в том числе и финансовая помощь союзникам). С каждым годом войны эта доля повышалась. В 1915 г. налоги покрывали всего лишь 7,3%, а в 1919 г. — 26% [2]). Само собой понятно, что Барк не учел этой «детали» английской финансовой практики, иначе он не сказал бы, что в «Англии все, как у нас». Остальные средства английское казначейство доставало путем внешних и внутренних займов, позаимствований в банке. Получая значительное количество золота из России и Франции, затем располагая американскими ценными бумагами, Англия легко доставала капиталы в Америке. Во время войны капиталообразование внутри страны шло очень быстро. Поэтому английскому правительству удалось без больших потрясений валюты достать средства и внутри страны. Военные расходы Англии в 1917 г. достигли невиданных размеров — почти 27 млн. долл. в день. Но они оказывались все же посильны для народного хозяйства. Английский империализм был достаточно силен, чтобы перенести эти расходы.

Не то в России. Правительство не сумело сплотить вокруг себя буржуазию, хотя налоговая политика царизма носила характер покровительства буржуазии и помещикам. Главная тяжесть войны падала на народные массы. С другой стороны, собственными силами царизм не мог разрешить проблему финансирования, ибо это не вопрос финансовой техники, а основной вопрос экономики, тесно связанный с организацией промышленности.

Величина военных расходов России перед Февральской революцией достигла 27,8 млн. долл. в день. Как ни велико было падение ценности денег, но в переводе на реальную ценность эти расходы правительства поглощали значительную часть национального дохода страны, с каждым днем угрожали достигнуть такого размера, когда для снабжения населения ничего не оставалось. Конечно, выпускать бумажные деньги пра-

[1]) В. Н. Твердохлебов, Новейшие финансовые проблемы, стр. 48.
[2]) Проф. Селигман, Очерки по теории обложения, стр. 39.

вительство могло в неограниченном количестве, но надо было обратить внимание и на связь финансов с общей экономикой страны. Выпуск бумажек — это средство, которое правительство применяло, чтобы из'ять у населения на нужную сумму материальных ценностей. Эти суммы поглощались войной каждый день все в большем размере, а народное хозяйство с каждым днем создавало ценностей все меньше. Скоро могло получиться (как это и было при военном коммунизме), что бумажная денежная масса совершенно обесценится.

Наконец, последняя характерная черта финансирования войны. Англия и Франция оказывали значительную помощь России, облегчая тем самым царизму задачу финансирования. Но их финансовая помощь носила кабальный характер. Царизм терял все больше и больше самостоятельную линию своей политики. Взаимоотношения русского и английского правительств принимали характер отношений вассала к своему господину. Отдельные тенденции экономической зависимости царизма от Антанты, имевшие место еще до войны, теперь проявлялись полнее, складывались в систему, характерную для полуколониального государства. За последние годы своего существования царизм сделал много шагов по пути своего закрепощения англо-французскому империализму. Одним из главных средств этого подчинения являлись военные займы.

Глава третья

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. Привлечение промышленности к работе на оборону

Какое влияние империалистическая война оказала на развитие русской промышленности? Этот вопрос совсем не исследован, а поэтому разрешение его представляет большие трудности. Имеющийся материал позволяет наметить общие тенденции лишь в некоторых основных направлениях. Детальная картина получается только после исследования отдельных отраслей промышленности.

Война разразилась в тот момент, когда период промышленного под'ема подходил к концу и явно намечались признаки перелома кон'юнктуры. Война сразу же внесла расстройство в течение экономической жизни, и лишь постепенно промышленность «приспособилась» к военным условиям.

Обстановка, в которой приходилось работать промышленности, коренным образом отличалась от обстановки мирного времени. Война разрушила золотую валюту и переполнила каналы обращения бумажными рублями, непрерывное увеличение числа которых приводило к дороговизне, дезорганизовало товарооборот. Война коренным образом изменила характер экономической связи России с заграницей: экспорт колоссально сократился, торговая связь с Германией совсем прекратилась. Сотни тысяч рабочих были мобилизованы в войска.

В течение первого года войны Россия потеряла значительную территорию, имевшую очень важную роль в экономической жизни страны. В Варшавском округе, который занял неприятель, по данным свода отчетов фабричных инспекторов, насчитывалось 4 189 предприятий с 353,4 тыс. рабочих. В последующие годы территориальные потери увеличивались. Лишь незначительная часть промышленных предприятий эвакуировалась внутрь страны, остальные оставались на месте и использовались неприятелем. По отдельным отраслям промышленности потери достигли следующих размеров [1] (см. табл. на стр. 78).

Благодаря этим потерям промышленность России уменьшила свою производительность почти на $^1/_5$ часть. Отрыв такого огромного (в экономическом смысле) куска потребовал известного времени для возме-

---

[1]) «История хозяйства России», вып. III, Большаков и Рожков, стр. 181.

Промышленность	%
Текстильная	26
Металлическая	18
Пищевкусовая	9
Горная и минеральная	8
Химическая	22
Прочие отрасли	30
Вся промышленность	19

щения потерь путем увеличения производительности оставшихся предприятий.

Выявившаяся материальная неподготовленность России и военные поражения заставили обратить внимание на большее использование промышленных ресурсов в деле обороны. Поэтому весной 1915 г. пришлось спешно мобилизоваться, привлекая всю промышленность к потребностям военной обороны. Работа на оборону является важнейшим фактором, влияние коего сказывалось на всей промышленности.

До весны 1915 г. правительство не принимало серьезных мер к организации хозяйства и к привлечению всей промышленности к работе на оборону. «То обстоятельство, — говорит Гучков, — что мы целый год, буквально год, первый год войны потеряли — это и есть самое тяжелое преступление власти» [1]. Правительство жило иллюзией возможности скорого окончания войны; оно надеялось довести войну до конца за счет военных запасов, опираясь на работу немногих крупных заводов. Частная промышленность использовалась недостаточно. Это и побудило совет с'ездов промышленности и торговли обратиться в январе 1915 г. с предложением использовать все заводы, которые пригодны для выработки снарядов. В особой записке, поданной военному министру, писалось: «Опасений об избытке или перепроизводстве снарядов нет и быть не может». Поэтому необходимо привлечь новые заводы к работе, а на уже работавших заводах использовать полностью оборудование. Обычно чрезвычайно ревниво относясь к заграничным заказам правительства, буржуазия предлагает, помимо развития внутреннего производства, «использовать в полной мере возможность получать снаряды из-за границы» [2].

Так обстояло дело с предприятиями, которые вырабатывали артиллерийское снаряжение. Другие отрасли хозяйства имели военные заказы лишь в незначительном размере. Крупнейшие предприятия металлообрабатывающей промышленности и машиностроения с первых же дней войны получили полную нагрузку. Они были обеспечены казенными заказами не меньше чем на год вперед. К 1 января 1915 г. Сормовский завод имел невыполненных заказов на 40 млн. руб., из которых на долю военных заказов приходилось 0,8 этой суммы. В 1915 г. завод предполагал выпустить продукции на 35 млн. руб. Коломенский завод и Лесснер к началу 1915 г. имели невыполненных заказов на

[1]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 294.

[2]) Докладная записка совета с'ездов представителей промышленности и торговли от 12 января 1915 г.

84 млн. руб. Оба значительно увеличивали выпуск продукции, а Лесснер расширял оборудование [1]). Путиловский и Балтийский заводы также имели огромные военные заказы казны. Следовательно, в записке совета с'ездов речь шла не о крупнейших предприятиях, а о привлечении к работе на оборону предприятий средних, которые раньше не были избалованы казенными заказами.

Весной 1915 г. обнаружилось отсутствие боевого снаряжения армии, винтовок, патронов, артиллерийских снарядов. Вместо предполагаемого наступления пришлось отступать по всему фронту. Имевшиеся по мобилизационным планам запасы были расстреляны, а новые не созданы. Положение было критическое. Нужны были срочные мероприятия для помощи армии. В это время и возникает мысль о широком привлечении частной промышленности к работе на оборону и к приспособлению всего хозяйства страны к потребностям войны.

14 мая 1915 г. состоялось первое заседание, на котором Сухомлинов огласил телеграмму главнокомандующего с последовавшим распоряжением «об образовании совещания с ближайшей задачей изыскать пути к покрытию замечаемого в армии недостатка некоторых предметов артиллерийского снаряжения» [2]). Это был зародыш будущего «особого совещания по обороне».

По мере обнаружения недостатков в других видах снабжения армии расширялись функции особого совещания. Уже 23 мая оно превращается в орган «по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия». В августе 1915 г., когда был организован ряд органов, регулирующих другие стороны хозяйственной жизни, функции особого совещания по обороне были еще более расширены и уточнены. В таком виде оно существовало за все время войны.

22 августа 1915 г. состоялось совместное заседание всех четырех особых совещаний под председательством самого Николая II. Это было единственное заседание за все время войны, и оно показывает «остроту» положения как внутри страны, так и на фронте. В речи, написанной Поливановым, Николай подчеркнул особую важность работы по обороне.

«Дело, которое поручено особому совещанию по обороне государства, самое главное и самое теперь важное». Вновь формируемые войска должны получить полное снаряжение. Военный министр Поливанов особенно ярко отметил необходимость привлечь все народное хозяйство, все производительные силы страны к работе на оборону: «продолжить и довести до крайнего напряжения производительные силы страны, направив их на помощь нашей доблестной армии». Тогда же «особое совещание» превратилось в орган для «обсуждения и об'единения мероприятий по обороне государства». В состав членов этого совещания были включены, — кроме представителей ведомств, государственного совета и думы, — представители «общественных» организаций, банковских кругов — Утин, и промышленников — Путилов.

---

[1]) «Горнозаводское дело», 1915 г., № 27, Перспективы металлообрабатывающей промышленности.

[2]) Архив особого совещания по обороне, журнал заседания № 1.

Буржуазия была представлена в особом совещании очень сильно. Здесь были все будущие «звезды» Февральской революции. Этот орган буржуазия сделала форпостом своего влияния на правительственную политику и защиты своих интересов. Через «особое совещание» миллиарды «военного» фонда текли мелкими ручейками в карманы русской буржуазии. Влияние буржуазной группы особенно усилилось при Поливанове, открыто проводившем буржуазную политику.

«Особое совещание» было тем органом, который при ближайшем участии и содействии самой буржуазии проводил в жизнь мобилизацию промышленности. Оно обладало широкими полномочиями как относительно распределения заказов, так и наблюдения над промышленностью за их аккуратным выполнением. Оно распределяло военные заказы, не считаясь с частными заказами, и требовало выполнения их в первую очередь, устанавливало размер заработной платы для «оборонной» промышленности, могло устранять директоров и членов правления, заменяя их по своему назначению, и, в качестве крайней меры, могло секвестрировать промышленные предприятия.

С самого начала работ особого совещания промышленники выступили с требованием «коренного изменения существующих между военным ведомством и частными предприятиями соотношений». Правительство обещало «тесное сотрудничество» с частной промышленностью, которое потом и выполняло.

При распределении заказов «совещание» исходило из принципа: «Лишь при отсутствии возможности представить заказы полностью в России необходимо прибегать к соответствующим приобретениям за границей» [1]). Но так как наша промышленность была слаба, а многие отрасли производства совсем не были развиты, то естественно очень много заказов шло за границу. Отсутствие достаточного количества материалов, заграничные кредиты союзников, — все это побуждало правительство использовать западный и американский рынки для размещения военных заказов.

Русская промышленность была загружена военными заказами полностью. Заказы носили поощрительный характер. Правительство не стояло за ценой, лишь бы обеспечить возможно большее производство военного снаряжения. Когда выяснилось, что от союзников нельзя получить тяжелую артиллерию, особое совещание набивалось с заказами всем и каждому, но промышленные комитеты и частные предприятия отказывались от них, так как изготовлять легкие снаряды было значительно выгоднее. Законным считалась выдача аванса в $^2/_3$ стоимости заказа, если его выполнение требовало нового оборудования, и 30%, если нового оборудования не требовалось. Крупнейшим предприятиям — Путиловский, Балтийский и др. заводы — аванс выдавался без гарантии банка и залога. От других поставщиков требовали гарантию банка, которая обычно очень дорого стоила правительству, так как стоимость этой гарантии включалась промышленниками в цену заказа. Соединенный банк за гарантию с завода Сан-Галли получил 400 т. руб. «Гаран-

[1]) Журнал особого совещания по обороне, 12 августа 1915 г., № 22.

тия повышает иногда цены на 100—200%» [1]), — фиксирует особое совещание. На военных заказах получали колоссальные прибыли. Напр., фирма Капырина на заказе в 5 млн. руб. (корпуса гранат) должна была получить прибыли 3 млн. руб., и это не единичный случай. Русские конкуренты предложили шведской фирме «отступного» в 1 млн. руб., чтобы только она не сбивала цены на сталь, которую поставляли русские поставщики [2]).

Полная мобилизационная неподготовленность военных органов заставила их «выдавать заказы, что называется, направо и налево, причем не только совершенно ничтожным заводам, но иногда прямо «пустому месту» [3]). По требованию Сухомлинова был дан заказ по повышенным ценам заводу «Промет», который имел только одни стены, а на полученных заказах разбогател, и уже в 1915 г. построил третий завод. (Воспоминания Барта.) Оказывается, что Сухомлинов был крупнейшим акционером «Промета». За большое вознаграждение фирмы приглашали к себе на службу людей со «связями» — генерала в отставке, артистов — «солиста его величества», и через посредство их обделывали свои дела. На «авансы» военных заказов строили новые предприятия. Фабрикант крупнейшего размаха Второв получал десятки миллионов рублей на постройку новых снаряжательных заводов. Военные заказы являлись источником сверхприбылей оборонной промышленности и усиленного накопления, которое происходило за годы войны. За счет разорения масс населения обогащались немногие. Хозяйство расшатывалось и истощалось, а военная промышленность в десятки раз увеличивала свое производство.

По доходности не было большой разницы между предприятиями, работавшими на оборону и на частный рынок. «Доходность, напр., сахарных, спичечных, табачных и целого ряда других предприятий в среднем оказалась не ниже механических, работающих почти исключительно на нужды государственной обороны» [4]). Буржуазия сама не отрицала «значительного обогащения некоторых отраслей промышленности за время войны» [5]). Но она считала эти средства необходимой предпосылкой для дальнейшего расширения национальной промышленности. Перспектива «хорошего заработка» была главной причиной широкой волны учредительства, которая происходила во время войны.

О доходности промышленных предприятий за время войны мы приведем несколько фактов. За последний предвоенный год — 1913/14 — 28 крупных промышленных предприятий с основным капиталом в 280 млн. руб. дали чистой прибыли около 50 млн. руб., что составляло 16—17% на капитал. Доходность этих предприятий была несколько выше, чем средняя доходность всей промышленности. В следующем, 1914/15, году 29 более мелких предприятий с капиталом около 150 млн. руб. дали

---

[1]) Журнал особого совещания по обороне, № 87, 9 июля 1916 г.

[2]) «Былое», № 5 (33), 1925 г., А. Барт, На фронте артиллерийского снабжения, стр. 161.

[3]) А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии, ч. 3, стр. 154.

[4]) «Народное хозяйство в 1915 г.», стр. 321.

[5]) «Промышленность и торговля», № 14—15, 1917 г., передовица.

чистой прибыли 60 млн. руб., или около 38% на капитал. Мы видим, как повышается доходность промышленности с начала войны. Произошло ли это увеличение доходности за счет военных заказов, — категорически ответить трудно. Арский считает, что «увеличились не только доходы промышленности, непосредственно работавшей на оборону, так называемой «мобилизованной», а и доходы всей вообще промышленности» [1]).

Для следующего года Арский дает сведения о 45 предприятиях, еще более мелких, так как их капитал равен всего 83,5 млн. руб., а чистая прибыль — 49 млн. руб., т. е. больше чем 50%. Приведенные цифры довольно показательны. Прибыли промышленников росли — это несомненно, даже если учесть рост дороговизны и обесценения рубля.

Можно привести иные данные, которые более сравнимы и на мой взгляд более правильно отражают действительность. Шарый подсчитал прибыли двух групп промышленных предприятий; первая охватывает 72 предприятия, вторая — 62. Полученные выводы, по его словам, сходны с подсчетами по 791 предприятию, на долю которых приходится $^{2}/_{6}$ акционерных капиталов всей промышленности. Следовательно, они типичны для всей промышленности. Мы приведем только относительные величины, а не абсолютные цифры. Принимая данные 1913 года за 100, будем иметь [2]):

	Основной капитал	Валовая прибыль	Дивиденд
1914 г.	108,7	76	85,3
1915 г.	110,8	188	132,0
1916 г.	116,9	297	200,0

Примерно одинаковые данные по второй группе. На приведенной таблице прежде всего бросается в глаза снижение валовой прибыли и дивидендов в 1914 г. В этом нет ничего удивительного. Промышленный под'ем первой половины года был значительно слабее, даже намечались тенденции наступающего кризиса или депрессии. Об'явление войны сильно ухудшило положение промышленности. Транспортные затруднения, сокращение кредита, мораторий, мобилизация рабочих — все это требовало приспособления к новой обстановке. Поэтому весьма вероятно некоторое сокращение прибылей в первый год войны. В следующие годы промышленность приспособилась к новым условиям. Массовые военные заказы казны, громаднейший рост цен давали возможность получать огромные прибыли. Валовая прибыль 1915 г. выросла на 88%. Если внести поправку на дороговизну, то и тогда военная сверхприбыль будет достигать не меньше 50% довоенных прибылей. 1916 г. дает увеличение валовой прибыли втрое, а дивиденда — вдвое. Опять-таки, несмотря на обесценение рубля, достигшее к январю 1917 г. 50%, чистая доходность промышленности значительно увеличилась. Некоторое сокращение прибылей в 1914 г. оказало влияние на уменьшение учреди-

[1]) «Летопись» № 1, 1917 г., Арский, Военные прибыли.
[2]) «Вестник финансов, торговли и промышленности», № 31, 1917 г.

тельства в следующем году. Только резкое увеличение доходов промышленности, громадные заказы и авансы казны опять способствовали невиданному вложению капиталов, имевшему место в 1916 г.

Доходы текстилей, о которых иногда встречаешь в литературе мнение, будто они ничего не заработали на войне, выросли еще больше, чем в других отраслях. Их прибыль 1914 г. оставалась стационарной, почти совсем не увеличилась, зато в 1915 г. они колоссально заработали. Вместо 55 млн. руб. прибыли 1914 г. хлопчатобумажная промышленность дала 134,5 млн. руб. прибыли, увеличившись за один год на 250% [1]). Надо иметь в виду, что в 1915 г. текстильная промышленность лишь в меньшей мере работала на казну. Следовательно, рост прибыли происходил за счет громадного роста цен на товары, которые реализовались на частном рынке. В льняной и суконной промышленности прибыль еще больше выросла, чем в хлопчатобумажной. Военная сверхприбыль 1915 г. в текстильной промышленности была не менее 100%. Таким образом одной из причин военной дороговизны является громадный рост прибылей за счет повышения цен самими промышленниками. Военная кон'юнктура ими использовалась в первую очередь в интересах наживы. Несколько крупных предприятий льняной промышленности дали в 1915 г. прибыль от 71 до 127% на капитал; в шерстяной — от 95 до 130%. В хлопчатобумажной промышленности были предприятия, которые давали прибыль от 63 до 120% в год.

Металлургию и машиностроение я не буду рассматривать совершенно, так как громадные военные прибыли в этих отраслях промышленности являются общеизвестным фактом. Большое накопление капитала внутри промышленности, манящая перспектива получить военные заказы усилили приток капиталов в промышленность. До войны промышленный под'ем стимулировался вложением иностранного капитала, теперь источниками торгового и промышленного учредительства являлись почти исключительно русские капиталы. Развивались прежде всего отрасли производства, теснее всего связанные с работой на оборону.

Недостаток металла, рабочих рук, затруднения с перевозочными средствами способствовали развитию только оборонной промышленности. Новые акционерные предприятия до 1916 г. появлялись медленно, а 1916 г. дает больший рост организованных новых акционерных предприятий. Таблица это подтверждает [2]).

	1914 г. (5 военных месяцев)	1915 г.	1916 г.
Число предприятий . .	35	138	224
Основные капиталы .	71,15 млн. руб.	189,83 млн. руб.	327,76 млн. руб.

[1]) «Вестник финансов, торговли и промышленности», № 21, 1917 г., Н. Покровский, Военные прибыли главнейших отраслей текстильной промышленности.

[2]) Таблица составлена на основании данных обзоров «Народного хозяйства в 1914, 1915 и 1916 гг.».

За первые 7 месяцев 1914 г. капиталы вновь открытых компаний в два с лишком раза больше, чем за вторую половину этого года. Большее количество средств вкладывалось в следующие отрасли: горное дело, обработка металлов, химическая промышленность, питательные вещества, т. е. те отрасли, которые теснейшим образом были связаны с работой на оборону.

Развитие текстильной промышленности тормозилось из-за недостатка хлопка и топлива.

На-ряду с ростом новых предприятий происходил бурный процесс реорганизации и расширения старых, в которые вкладывалось значительно больше капиталов, чем в новые. Общий итог учредительской деятельности в области промышленности и торговли достиг следующих размеров [1]):

Годы	Млн. руб.
1913	526,03
1914	422,51
1915	409,83
1916	923,53

Несмотря на некоторое сокращение ценности рубля, учредительство в первые два года войны сократилось по сравнению с довоенным годом. Об'ясняется это частично кризисным состоянием промышленности в 1915 г. Зато учредительство в 1916 г. больше обоих предшествующих лет: за один год было вложено только в горную и металлическую промышленность 369 млн. руб. Недостаток топлива, металла, громаднейшие заказы на снаряды и другие предметы обороны, громаднейшие прибыли, доходившие часто до 50% на основной капитал, обесценение рубля, — все это толкало на расширение основного капитала предприятий.

Параллельно с ростом новых и расширением старых предприятий происходил процесс их закрытия. Одни закрывались за отсутствием рабочих, другие из-за отсутствия сырья, топлива и т. д. Совершенно точно учесть количество закрывшихся предприятий нельзя, но данные промышленной переписи 1918 г. совершенно ясно показывают соотношение между тенденцией расширения и сжатия производства. За годы войны промышленные предприятия больше закрывались, чем открывались вновь, но зато открывались предприятия крупные, а прекращали свое существование мелкие [2]) (см. табл. на стр. 85).

Эта таблица отображает те процессы, которые совершались во всей промышленности, и поэтому выводы из нее можно распространить на всю промышленность. Процесс закрытия промышленных предприятий во все время войны шел гораздо быстрее роста новых предприятий. Но если сравнить количество рабочих на открытых и закрытых предприятиях, то только в 1917 г. количество рабочих на закрытых предприятиях было больше, чем на вновь открытых; в предшествующие же годы новые предприятия были в 2—3 раза крупнее закрытых и имели больше рабочих.

---

[1]) «Промышленность и торговля», 1917 г., № 42—43.

[2]) «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», стр. 35.

	1914 г.			1915 г.			1916 г.			1917 г.	
	Заведений	Рабоч. в них	Ср. чис. раб. на 1 зав.	Заведений	Раб. в них	Ср. чис. раб. на 1 зав.	Заведений	Раб. в них	Ср. чис. раб на 1 зав	Заведений	Раб. в них
Предприятия, закрывшиеся или прекратившие свою деятельность	356	16 040	45,1	573	16 468	28,7	298	11 212	37,6	541	37 853
Вновь открывшиеся .	215	19 101	88,8	187	18 100	96,8	276	21 663	78,5	264	21 524

Кроме того, предшествующая таблица об учредительстве показала, что значительный рост его приходится не на новые предприятия, а на расширение старых, поэтому главное увеличение числа рабочих приходится на старые предприятия.

Данные о числе рабочих, занятых в промышленных предприятиях, подкрепляют высказанное нами положение. Согласно промышленной переписи, в 1916 г. рабочих было на 13% больше, чем в 1913 г. [1]). Увеличение числа рабочих при сокращении количества предприятий говорит о процессе концентрации промышленности.

Однако простой рост количества рабочих еще не говорит о развитии промышленности. Во время войны усилилось использование неквалифицированной рабочей силы, производительность труда сильно упала в ряде отраслей, так что единственным средством удержать производство от сокращения являлось увеличение числа рабочих. Поэтому необходимо рассмотреть еще движение промышленной продукции.

По данным Воробьева, общая картина развития промышленности фабрично-заводской и горной представляется в следующем виде [2]):

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Валовая продукция в млн. руб.	5 620,8	5 690,4	6 389,7	6 831,4	4 344,1
В %	100,0	101,2	113,7	121,5	77,3
Рабочие в тысячах	2 598,6	2 667,0	2 641,5	2 926,0	—
В %	100,0	102,6	101,7	112,7	—
Выработка на 1 раб. в рублях	2 163,0	2 134,0	2 419,0	2 335,0	—
В %	100,0	98,6	111,8	107,9	—

[1]) «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», стр. 68. Если сравнить данные заводских совещаний о начале 1917 г. с данными фабричной инспекции 1913 г., то увеличение рабочих достигает еще более внушительной цифры — 27%. См. «Россия в мировой войне», стр. 72—73, и «Данные промышленной переписи», стр. 68.

[2]) Цитирую по «Плановому хозяйству», № 6, 1924 г. Движение ценности валовой продукции у Воробьева приведено в статье, в XIV книге, «Вестника статистики».

Так как эти данные собраны по территории в границах СССР, то на них не отразилось уменьшение территории в связи с войной. Во многих отношениях показателен 1914 г. По всем приведенным в таблице признакам он не показывает значительного продвижения вперед по сравнению с довоенным годом. Выработка продукции на одного рабочего даже упала. Общая же продукция, благодаря росту числа рабочих, увеличилась на 1,2%.

1915 г. дает увеличение продукции на 12,5%. Это такой темп роста, который напоминает предвоенный промышленный под'ем. Особенно характерно то обстоятельство, что в 1915 г. количество рабочих сократилось, поэтому рост продукции происходил за счет увеличения производительности и интенсивности труда. Выработка продукции на 1 рабочего за этот год поднялась на 13,2%.

Такой результат мог получиться только при условии значительного повышения заработной платы рабочих «в тех отраслях труда, которые непосредственно обслуживали войну».

1916 г. обнаруживает значительное ухудшение в положении всей промышленности. Очевидно, уже стало сильно сказываться разрушающее влияние войны. Общая ценность продукции еще увеличилась на 7,8%, но ее рост происходил не за счет увеличения интенсивности или производительности труда, а при их сокращении.

Выработка на 1 рабочего, оставаясь все еще больше довоенной, в 1916 г. сократилась по всей промышленности в целом на 4%. В первый год войны имелось значительное понижение производительности труда лишь в добывающей промышленности: уголь, руда и т. д. В 1916 г. снижение производительности труда стало общим явлением для всей промышленности. Боролись с ним простым увеличением рабочей силы. Поэтому в 1916 г. мы имеем следующие показатели: уменьшение производительности труда на 4%, рост продукции на 7,8% и рост рабочих на 11%.

В действительности, вероятно, дело обстояло еще хуже, так как, хотя подсчет т. Воробьева произведен в довоенных рублях, все же за время войны мы имеем значительное уменьшение покупательной способности золота во всех странах.

Итак, до 1916 г. валовая продукция по ценности из года в год возрастает, и 1916 г. дает ее увеличение на 21,5% по сравнению с довоенным годом; только 1917 г. дал значительное снижение, что свидетельствует о глубоком кризисе, охватившем всю промышленность.

Однако было бы большой ошибкой на основании приведенной таблицы делать заключение о том, что промышленность в целом до 1917 г. развивалась. Рост ценности продукции «в общем» маскирует настоящее положение в отдельных отраслях хозяйства. Оценка хозяйственного положения решительно расходится со всякими заключениями о его «благополучии». Вот, напр., как буржуазия характеризовала итог 1916 г. «Для промышленности основное значение имел военный спрос, поддерживавший и укреплявший мобилизованную с середины 1915 г. промышленность... Однако основные отрасли промышленности под влиянием все возрастающего недостатка в рабочей силе, сырье,

в техническом оборудовании не только не обнаруживали роста, но и до сих пор не могут поднять своей производительности до размеров мирного времени» [1]). Характеристика совершенно верная. Тяжелая промышленность, текстиль и ряд других отраслей промышленности деградировали, они не развивали производства, не поспевали за колоссально выросшим спросом на войну и оказались ниже довоенных норм. Другие же отрасли хозяйства колоссально развили свою производительность. Напр., металлообрабатывающая промышленность увеличила свою продукцию в три раза — с 628,1 млн. руб. в 1913 г. до 1 888 4 млн. руб. в 1916 г.; химическая промышленность выросла в два с лишком раза: 337,7 млн. руб. в 1913 г. и 853,5 в 1916 г. [2]).

Еще ряд отраслей, связанных с работой на оборону, также развили свою продукцию. Выработка предметов вооружения увеличилась на 110%, придметов снаряжения — на 21%; из 2 287 промышленных предприятий, которые непрерывно действовали в течение 1913—1918 гг., только 795 предприятий увеличили ценность продукции с 615,4 млн. руб. в 1913 г. до 1 180,9 млн. руб. в 1916 г., т. е. на 91,9% [3]).

Такая экспансия отдельных отраслей хозяйства создавала видимость общего промышленного под'ема и экономического благополучия.

На-ряду с отмеченной тенденцией расширения производства, в ряде отраслей хозяйства, работавших на оборону, наметилось сокращение производства. Производство тканей в 1916 г. сократилось, по данным промышленной переписи, на 14,3%; 1 492 непрерывно действовавших предприятий с валовой продукцией в 1 203,7 млн. руб. дали в 1916 г. продукцию, равную лишь 995,7 млн. рублей — сокращение достигает 17,3%. Вся группа промышленных предприятий, учтенных по переписи и не участвовавших в работе на оборону, также значительно сократила свою продукцию: в 1913 году она давала 9,6% всей продукции, а в 1916 году — только 7,9%, что дает сокращение примерно на 17% [4]).

Обработка бумаги и полиграфическое производство в 1916 г. сократило производство на 17% по сравнению с довоенным уровнем. Был целый ряд производств, в которых сокращение достигало колоссальных размеров и приняло прямо угрожающий характер. Напр., обработка дерева сократилась на 41%, добывание и обработка камней — на 42%.

Такая важная отрасль народного хозяйства, как пищевая, занимавшая до войны по ценности продукции первое место, сократила свое производство на 22% и т. д.

В оценке общего влияния военной обстановки на промышленность мы согласны с Воробьевым, который в своих исследованиях установил

---

[1]) «Промышленность и торговля», 1917 г., № 1, редакционная ст. «1916 г.», стр. 1—2.

[2]) «Вестник статистики», ки. XIV, ст. Воробьева: Данные в границах СССР.

[3]) «Фабрично-заводская промышлеииость», стр. 37 и 39.

[4]) Там же, стр. 37, 40 и «Вестник статистики», кинга XIV.

двоякое влияние военной обстановки на промышленность: она явилась «началом развития для одних отраслей и упадка для других» [1]).

Одни отрасли хозяйства расширили свое производство, увеличили количество рабочих и продукцию при росте, а иногда и при сокращении производительности труда; другие сократили производство и продукцию при росте, а иногда и при сокращении числа рабочих. Первый процесс — рост производства и продукции — происходил почти исключительно среди отраслей промышленности, работающих на оборону. Промышленные предприятия, не принимавшие участия в работе на оборону, лишь изредка развивали свое производство и то только в первые годы войны. В 1916 г. они сократили производство на 21,9% и опустились ниже довоенного уровня. Развивающаяся разруха и недостаток сырья, рабочих, дезорганизация товарооборота, несмотря на колоссальные прибыли, которые получали эти предприятия, лишали возможности расширять производство.

Сокращение производства охватывает не только отрасли промышленности, работавшие на частный рынок, но и часть оборонной промышленности. Напр., хлопчатобумажная промышленность, работавшая на $^4/_5$ на нужды обороны, сократила производство; шерстяная — работала на все 100% на оборону — также сократила производство; производство пищевых продуктов и горная промышленность, несмотря на значительное увеличение числа рабочих, сократили производство; обработка дерева, животных продуктов, добывание камней, полиграфическая промышленность и ряд других также сократили производство. Участие в работе на оборону еще не гарантировало обязательного расширения производства. Поэтому лишь конкретное исследование развития этих отраслей хозяйства за время войны позволит установить причины, действовавшие на них в сторону снижения производства. Таким образом, рост валовой продукции совершался за счет увеличения количества рабочих и частичного увеличения производительности труда [2]) в некоторых «привилегированных» отраслях производства, теснее всего связанных с изготовлением орудий разрушения. Цены по таким заказам чрезвычайно вздувались, прибыли предпринимателей достигали колоссальных размеров, оборудование предприятий было лучше, а заработная плата рабочих выше.

Промышленное оживление, можно сказать, расцвет ряда производств, был вызван специфическими военными условиями. Не нормальный экономический рост страны и повышение благосостояния народных масс являлось его основой, а рост их нищеты и разорения, потребности государственной обороны. Миллиарды бумажных рублей текли широким

---

[1]) «Фабрично-заводская промышленность», вводная ст. Воробьева, стр. 39.

[2]) По 2 287 предприятиям продукция выросла на 19,6%, а продукция на 1 рабочего увеличилась только на 6,3%; рост валовой продукции был достигнут одновременным повышением числа рабочих и отчасти повышением производительности их труда.

потоком из государственного казначейства в карманы предпринимателей, усиливая их мощь в стране. Военные отрасли промышленности стягивали к себе все материальные ресурсы страны, оголяя даже те производства, сокращение которых в корне подрывало работу оборонной промышленности. Угольная и нефтяная промышленность, железные дороги не получали сколько-нибудь достаточной доли металла, который отдавался почти целиком на изготовление пушек, винтовок, снарядов. Война пожирала все, пред'являя с каждым днем все возрастающие запросы, удовлетворить которые делалось все труднее, а под конец и совсем невозможно. Производство ограничивалось главным образом из-за недостатка сырья. Процесс разрушения, начавшись вне сферы оборонной промышленности, охватывал все больший круг, отражаясь и на военном производстве. Этот процесс аналогично развивался как в русской промышленности, так и в германской. Разница лишь в том, что германский капитализм начал истощаться позднее и медленнее, чем русский.

Война создала привилегированные условия работы для военной промышленности и совершенно невозможные для производств, работавших для удовлетворения потребностей тыла. Транспортные средства они могли получить лишь в последнюю очередь. Уголь и металл им не выдавался, рабочая сила мобилизовалась, сами руководители предприятий забирались в армию. При таких условиях работать было возможно лишь при спекулятивной постановке дела. За материалы частный промышленник платил бешеные цены, перевозил их благодаря подкупам железнодорожных служащих, но за изготовленный продукт он брал столько, сколько хотел. Конкуренции нет, товаров нехватает и получить их неоткуда. Поэтому предприятия, работавшие на население, наживались еще больше, чем те, которые работали на оборону. Но условий для сколько-нибудь нормального развития таких предприятий не было. Все предприятия, работавшие на оборону, очень сильно сократили производство.

За время войны произошло значительное усиление и улучшение технического оборудования промышленности России как за счет усиления ввоза механического оборудования — различных станков, которые усиливали производительность заводов, работавших на оборону — так и развития внутреннего машиностроения.

В первый период — до весны 1915 г. — машиностроительная промышленность России оставалась не мобилизованной. Когда выполнение иностранных поставок задержалось, правительство переменило к ней свое отношение. «С тех пор и началось грандиозное переоборудование металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности России, которое продолжается до сих пор» [1] (май 1917 г. — *А. С.*). За военное пятилетие основные капиталы акционерной промышленности выросли на 7% больше, чем за пятилетие 1908—1912 гг. В техническом отношении оборудование производства совершалось тем же темпом, что и за время под'ема. Вся машино-

---

[1] «Промышленность и торговля», № 16—17, 1917 г., Русское машиностроение и война.

строительная продукция за 1913—1917 гг. достигла 2 841,2 млн. руб., из которых на одно промышленное оборудование приходится 684,3 млн. руб. [1]) (в границах СССР). Соотношение же между привозным и своим оборудованием изменилось в лучшую сторону для внутреннего производства.

В 1916 г. одних станков привезено из-за границы на сумму до 80 млн. руб. или около 20 тыс. станков. Характерно распределение привоза машин по странам [2]):

Страны	1915 г. Млн. руб.	1916 г. Млн. руб.
Соединенные штаты	16,5	99,8
Англия	17,2	31,3
Швеция	9,2	25,2
Франция	1,5	8,6

Главную роль в механизации производства в России играла Америка, а потом Англия. Из указанных 4 стран привезено машин за два года более чем на 200 млн. руб. А всего за 1914—1917 гг. ввезено из-за границы промышленного оборудования на 518,7 млн. руб. (с пошлиной. — *А. С.*), что в переводе на цены 1913 г. дает 317,3 млн. руб. Отечественная машиностроительная промышленность также в значительной мере развила свою производительность, но большая часть ее продукции приходится на предметы обороны. В 1913 г. из 189 млн. руб. общей ценности ее продукции немного больше ¼ приходилось на предметы обороны, а в 1916 г. из 500 млн. руб. — 327,4 млн. руб., т. е. ⅔ всего производства [3]). Сравнивая итоги потребления промышленного оборудования и снабжения им за 1913—1917 гг. тов. Струмилин установил превышение последнего на 23%.

Некоторые сведения о размерах увеличения оборудования нашей промышленности были сообщены проф. Саввиным на II с'езде военно-промышленных комитетов, который происходил в феврале 1916 г., т. е. еще в начале реорганизационной горячки.

Уже к тому времени один из крупнейших заводов израсходовал за время войны на усиление оборудования 17 млн. руб. Он приобрел 1 560 станков, 15 прессов и расширил ряд цехов. Другой завод на Урале затратил на оборудование 14 млн. руб., «приобретая свыше 2 тыс. станков, 7 прессовых агрегатов» [4]). Кроме этих гигантов, 39 других заводов увеличили свое оборудование на 130 млн. руб., из них только 15 заводов приобрели 7 132 станка.

Кроме указанных выше, остальные заводы — крупные, средние, мелкие частные и общественные — истратили на оборудование около 165 млн. руб. Стоимость оборудования частных заводов, занятых во время войны работой на оборону по металлу, удвоилась с 300 млн. руб.

---

[1]) «Плановое хозяйство», № 4, 1925 г., Струмилин, стр. 99.

[2]) «Промышленность и торговля», № 16—17, 1917 г., Русское машиностроение и война.

[3]) «Фабрично-заводская промышленность», стр. 41.

[4]) «Труды II с'езда военно-промышленных комитетов», стр. 435.

до 600 млн. руб. И это еще за год до Февральской революции. Вследствие указанных причин производительность отдельных заводов выросла в десятки раз. Те из них, продукция которых измерялась сотнями тысяч, выросли до десятков миллионов рублей, а 2 крупных завода, в мирное время производившие на 40 млн. руб., должны были в 1916 г. увеличить продукцию до 200 млн. руб. [1]).

Расширение казенных заводов, которое происходило еще более быстрым темпом, дополняет развертывание частной промышленности. Конечно, эта «индустриализация» проводилась капиталистами с целью усиления боеспособности армии и увеличения личной наживы. Но она показывает, каким бурным темпом развертывалось производство, усиливалась производственно-техническая база отдельных отраслей капитализма. После приведенных ранее цифр, едва ли покажется неожиданным тот факт, что к августу 1916 г., по сравнению с 1 января 1915 г., производство удушливых газов выросло в 69 раз, а 3-дюймовых снарядов — в 19, 48-линейных снарядов — в 9 раз, 42-линейных снарядов — в 7,5; 3-дюймовых орудий — в 8,8 раз, починка орудий — в 13,2 раза, производство винтовок — в 4 раза и т. д. [2]).

Теперь перейдем к выяснению доли оборонной промышленности в общей массе промышленности страны.

По этому вопросу имеются лишь отдельные сведения, главным образом, о конце 1916 г. Работа на оборону началась с самого начала войны, постепенно расширялась и в 1916 г. достигла своей максимальной величины.

Из материалов совещания по обороне видно, что в конце 1916 г. из 2 443 тыс. рабочих, занятых в промышленности, 2 018 тыс. чел. работало на оборону, что дает 86% [3]). Если исключить рабочих казенных заводов, то в частной промышленности во всех 12 заводских районах 73,3% рабочих работали на оборону, а остальные — на частный рынок. По отдельным районам этот процент колеблется от 51,3 (Ростовский), до 93 (Ревельский). По Московскому и Ленинградскому районам около $^2/_3$ рабочих были заняты работой в оборонной промышленности. Общий вывод, который вытекает на основе анализа рабочей силы, можно сделать такой: $^4/_5$ всей рабочей силы, занятой в промышленности, работало в предприятиях, полностью или частью работавших на оборону. По частной промышленности это число уменьшается до $^3/_4$.

Относительно продукции оборонной промышленности имеются сведения за весь 1916 г. для 90% частных предприятий, работавших на оборону. Они вырабатывали ежемесячно продукцию в 704,5 млн. руб., из которых на долю частного рынка приходилось 205 млн. руб. в месяц, или 29% общего производства, а на государственное потребление приходился 71%. Если учесть еще ту продукцию, которая вырабатывалась предприятиями, не работающими на оборону и казенными, то, по нашему мнению, в 1916 г. не менее $^2/_3$ промышленной продукции страны

---

[1]) «Труды II с'езда военно-промышленных комитетов», стр. 435.

[2]) «Известия ЦВКП», № 167, 8 ноября 1916 г. Проф. Смирнов, Знаменательное выступление.

[3]) «Россия в мировой войне», таблицы, стр. 70, 71, 73.

поглощалось войной и только около $^1/_3$ шло на удовлетворение частного рынка. Военные потребности удовлетворялись за счет сокращения промышленного и потребительского спроса.

В таком изменении потребления продукции, помимо сокращения производства отраслей, кроется одна из причин дороговизны на фабричные изделия. По подсчетам Воробьева, который обработал материал промышленной переписи 1918 г., размеры оборонной промышленности оцениваются явно преуменьшенно. По его мнению, «государственная оборона» составляла по отношению к общей величине промышленной продукции следующий процент [1]):

Год	%
1913	4,56
1914	6,53
1915	17,68
1916	24,78
1917	28,44

Если для сравнения взять 1916 г., то приведенная цифра 24,78% явно преуменьшена: она не соответствует ни числу рабочих, ни ценности продукции оборонной промышленности. В другом месте Воробьев причисляет к «государственной обороне» только снаряды, оружие и другие предметы разрушения, а все остальные предметы, которые могли употребляться для мирного обихода, исключены из подсчетов в графе «государственная оборона». С такой методологией классификации материала нельзя согласиться. Получается довольно странная картина: пушка — предмет обороны, а металл и уголь, которые употреблены при ее приготовлении, — предметы мирного потребления.

Несмотря на рост работы на оборону, которая давала буржуазии громаднейшие прибыли, осенью 1916 г. она поднимает вопрос о подготовке к демобилизации всей промышленности. Еще в январе 1916 г. буржуазия поставила перед правительством вопрос о необходимости организовать «экономическое совещание», которое должно «обратить особое внимание на заблаговременную подготовку мира» — с широкой программой деятельности. Осенью 1916 г. была организована финансово-экономическая комиссия Н. Покровского. Она и должна была, по мнению буржуазии, разработать «общие основы финансово-экономической политики» и план демобилизации промышленности. Буржуазия исходит из предпосылки, что демобилизацию промышленности без государственного плана провести нельзя, «во-первых, потому, что без разрешения правительства промышленность, работавшая на оборону, не может приостановить свои работы по заказам военного и морского ведомства, а во-вторых, потому, что снабжение заводов сырьем и топливом, а отчасти и рабочею силою сосредоточено в настоящее время в руках правительственных регулирующих органов, без согласия с которыми невозможно будет сразу приступить к работе на удовлетворение

---

1) «Фабрично-заводская промышленность», стр. 41.

нашего изголодавшегося внутреннего рынка» [1]). Вторая отличительная черта демобилизационных настроений заключалась в требовании со стороны буржуазии плановости работы демобилизованной промышленности. Буржуазия указывала на необходимость разработать вопрос не только о демобилизации, «но и дать план будущей работы». Идеальным планом она считала такой, который указывал бы работу «на несколько лет вперед всем отраслям промышленности» [2]).

Конечно, указанные соображения появились в связи с усилением правительственного влияния. Но они относятся к области «предположений» и «пожеланий», которые не реализовались.

Еще один момент необходимо отметить мимоходом — это увеличение влияния банкового капитала на промышленность. Экономические журналы сохранили множество примеров усилившейся диктатуры банков над промышленностью.

То влияние над промышленностью, которое они приобрели еще до войны, постепенно расширялось. Финансирование банками промышленности за время войны увеличилось в два раза. Неменьшую роль в финансировании промышленности, работавшей на оборону, играла казна. Авансы, безвозвратные ссуды, громаднейшие выдачи средств на постройку новых предприятий являлись для части крупнейших предпринимателей источником их независимости от банкового капитала. Вот почему в промышленности мы имеем в это время две тенденции: усиление влияния банков, рост сращивания банкового капитала с промышленностью и одновременный процесс подчинения банков отдельным концернам. Такие концерны создались в сахарной промышленности, в водном транспорте и в других отраслях промышленности. Среди других концернов выделяются «два огромных концерна — Второва и Стахеева, контролирующие десятки обществ, принадлежащих к самым разнообразным отраслям промышленности» [3]).

Второв укрепился в металлообрабатывающей промышленности и опирался к своей работе на Промышленный банк, который он создал. В архиве «особого совещания по обороне» много материалов, дающих возможность понять причины его могущества. Несомненно, Второву удалось развернуться благодаря казенным заказам, по которым он получил десятки, если не сотни миллионов рублей. Появление таких концернов на основе работы на казну усиливало русский империализм и ослабляло зависимость русской промышленности от заграницы. Такие «фигуры», как Второв, опирались на казну в борьбе против банков.

Следует указать, что мобилизация промышленности в России проводилась «не с того конца, что следовало», говорит Левин; ее надо было проводить, «столковавшись» с банками, которые являлись соб-

---

[1]) Архив совета с'ездов представителей промышлеиности и торговли, папка № 4, «К программе работ особой фииаисово-экоиомической комиссии», записка № 36810 от 7 ноября 1916 г. Подаиа депутацией Н. Покровскому.

[2]) Там же, докладиая записка по вопросу о демобилизации промышленности, № 37032, 30 иоября 1916 г.

[3]) Г и и д и н, Баики и промышлеиность, стр. 84.

ственниками большей части промышленности. Русское правительство и с военно-промышленными комитетами и Земгором мирилось как с необходимым злом, всячески остерегаясь усиливать влияние буржуазной оппозиции. Роль банков ограничивалась только финансированием войны, а к организации промышленности они правительством вовсе не привлекались. Это не мешало им играть колоссальную роль и окольными путями оказывать влияние на правительственную политику.

Какой же получился итог влияния войны на промышленность? Уже в конце 1916 г. большинство отраслей промышленности находилось в упадке. «Влияние войны выявилось в полной мере к 1916 г., когда большая часть русской промышленности обнаружила сокращение производства, в то время как чисто военные производства в этом году дали колоссальный рост продукции» [1]). Но и они в следующем году сократили катастрофически свое производство, так как глубокая дезорганизация всего хозяйства лишила их сырья и других необходимых предметов для поддержания производства.

Соглашаясь с Воробьевым, что 1916 г. является, несомненно, годом глубокого расстройства промышленности, мы должны отметить, что процессы дезорганизации всей промышленности им полностью не выявлены. Именно поэтому он делает серьезнейшую ошибку, когда заявляет, что «одна из самых главных причин кризиса промышленности для большинства отраслей русской промышленности заключалась в деформации рабочей силы в количественном и качественном отношении, следствием чего и было падение продуктивности рабочих» [2]). Я нисколько не намерен преуменьшать значение дезорганизации рабочей силы в общем распаде нашей промышленности, но считаю, что не она являлась одной «из самых главных причин кризиса». В данном случае Воробьев об'яснение дезорганизации промышленности переносит в неверную плоскость. Падение продуктивности труда рабочих было лишь выражением общего экономического расстройства страны, которое охватило все отрасли промышленности и выражалось в нарушении правильного и достаточного снабжения производства материалами и инструментами. Падение производства и сокращение производительности труда являются результатом экономического истощения русского капитализма, который благодаря своей слабости слишком большую часть своих средств уделял на удовлетворение потребностей обороны, а в конце 1916 г. потребности войны далеко опередили производственные возможности русского капитализма. Разрушение крупной промышленности увеличивалось еще и потому, что транспорт работал крайне неаккуратно: он не доставлял предприятиям достаточного количества сырья и топлива. Поэтому при наличии рабочих и машин предприятия стояли, железные дороги не подвозили топлива, руды, — отсутствовали такие элементы производственного процесса, без которых останавливалось все предприятие.

---

[1]) «Фабрично-заводская промышленность», стр. 66.

[2]) «Вестник статистики», книга XIV, стр. 148; подчеркнуто мною. — *А. С.*

Предметы обороны производились за счет сильнейшего напряжения всех производственных средств страны, даже — частичного использования основного капитала. Разруха явилась не столько в результате «ошибочной» политики царизма по отношению к рабочей силе (это только углубило кризис), сколько потому, что ряд основных отраслей капиталистического хозяйства — транспорт, металл, топливо — обанкротился. Их производительная способность оказалась недостаточной для удовлетворения пред'явленных потребностей. Некоторые отрасли хозяйства — металлообрабатывающая, машиностроение, химическая — увеличили свою производительную способность, но она была направлена не на усиление всей производственной системы капитализма, а на выработку средств разрушения, да и в этом направлении, не получая достаточно сырья, они не могли полностью развить производство. Понижение производительности труда при такой обстановке (продовольственных кризисов вдобавок) вовсе не первооснова, а необходимое следствие, которое действовало в том же направлении, как и другие процессы, приведшие к общей разрухе.

Теперь о рабочей силе, дезорганизация которой оказала известное влияние на промышленность. Под влиянием количественных и качественных изменений в рабочем классе произошло понижение его квалификации. Кадр наиболее квалифицированных рабочих в начале войны был отправлен на фронт. Из них лишь немногим удалось вернуться обратно на предприятия. Отсрочки стали широко применяться только с 1915 г. К сентябрю 1915 г. отсрочкой пользовались до 300 тыс. человек, занятых на промышленных предприятиях. Но к этому времени мобилизации нанесли уже промышленности тяжелый удар. Из промышленных рядов были из'яты «опытные, обученные рабочие, на пополнение кадра которых требуются десятилетия» [1]). Ушедших квалифицированных рабочих заменяли женщины, менее квалифицированные рабочие.

Для меня является совершенно бесспорным, что буржуазия переоценивала отрицательное значение мобилизации рабочих для промышленности. Мобилизации обостряли кризис рабочей силы, вели к дороговизне труда, поэтому буржуазия возможно громче кричала «караул». Ее крик правительство услышало и провело систему отсрочек. Как раз в 1915 г., когда во всей остроте должен был обнаружиться отрицательный результат мобилизаций в форме понижения производительности труда, мы по всей промышленности видим обратное — рост продукции на каждого рабочего. Следовательно, нельзя, как это делает Воробьев, первопричину распада промышленности в России видеть в дезорганизации рабочей силы и мобилизациях рабочих, тем более, что это — общее явление: во Франции и Германии в начале войны также мобилизовали рабочих. Во время войны произошло значительное уменьшение процента занятых в промышленности мужчин и увеличилось применение женского труда. Следующая таблица [2]) рельефно показывает эти изменения (в процентах):

[1]) Архив ЦВПК, исх. № Р. 7993, статья Розенфельд для «Известий ЦВПК».

[2]) Таблица составлена на основании статистического сборника 1913—1917 гг. (цифры на 1 января 1917 г.) и «Материалов к учету рабочего

	Мужчин		Женщин	
	1913 г.	1 янв. 1917 г.	1913 г.	1 янв. 1917 г.
Во всей промышленности .	68,8	59,0	31,2	41,0
Обработ. металла	94,9	80,2	5,1	19,8
» хлопка	43,5	30,0	56,5	70,0
Механ. обр. дерева	90,0	80,7	10,0	19,3
Пищевая и вкусовая промышленность	82,6	65,0	17,4	35,0

Во всей промышленности произошла передвижка: на 10% уменьшилась мужская часть рабочего класса и на столько же увеличился процент женщин. В среднем, применение женского труда выросло на $^1/_3$ по сравнению с довоенным уровнем. В ряде отраслей промышленности применение женского труда значительно увеличилось: в пищевой — на 100%, в механической обработке дерева — также на 100%, а в обработке металлов — на 400%. Также возросло по всей промышленности использование детского труда. К женскому и детскому труду промышленники прибегали не только вследствие недостатка мужского труда, но и потому, что он был значительно дешевле мужского.

Помимо количественного сокращения, мужская часть рабочего класса претерпела значительные качественные изменения. Мы уже отмечали, что неквалифицированная или малоквалифицированная рабочая сила заменила мобилизованных квалифицированных рабочих. С каждым месяцем войны промышленность все развивалась, требовались добавочные рабочие, поэтому широко развилось применение труда военнопленных и даже желтого труда.

Развитие машиностроения, металлообрабатывающей и химической отраслей промышленности требовало преимущественно квалифицированных рабочих, нужда в которых обострилась со времени мобилизации промышленности. В 1915 г. Урал переживал недостаток рабочих в размере 30% общего количества рабочего состава. Одних квалифицированных рабочих недоставало 12 тыс. человек. В Московском районе в июле 1915 г. при спросе на 10 тыс. рабочих 60% спроса приходилось на квалифицированных рабочих-металлистов. В июле 1916 г. Московское об-во фабрикантов и заводчиков произвело опрос 45 металлообрабатывающих заводов. При выявившемся недостатке в 6 700 рабочих 80% требовалось квалифицированных рабочих. В это же время Об-во заводчиков и фабрикантов констатировало отсутствие на

состава и рабочего рынка», откуда взяты цифры для 1913 г. Для 1913 г. входит и Польша, а на 1 января 1917 г. отсутствуют казенные предприятия.

рынке рабочих кожевенников, текстилей; «таких же специалистов, как паяльщиков, штамповальщиков, медников, жестянников, а также опытных литейщиков, модельщиков и токарей, нельзя найти в настоящее время ни за какие деньги» [1]). В Ленинградском районе недостаток рабочих этих профессий был еще острее.

Вторая характерная черта рабочего рынка — это его текучесть. Частые переходы рабочих с одного предприятия на другое — обычное явление. К предприятиям были более или менее прикреплены только рабочие, пользовавшиеся отсрочками по призыву. Остальные рабочие свободно переходили с одного места работы на другое, где были лучшие условия труда и выше заработная плата. Образчиком такой текучести может служить следующий факт. Менее чем за 1½ года войны крупнейшее предприятие Урала с 24 тыс. рабочих обновило свой рабочий состав 1½ раза, так как было рассчитано за это время 141,8% рабочих. По 19 другим предприятиям убыль достигала 60% всего состава рабочих, из которых только 20% приходится на ушедших по мобилизации, а остальные ушли добровольно. Крупнейшие металлургические предприятия Петрограда обновили свой рабочий состав. Квалификация новых слоев рабочих значительно понизилась вследствие количественного и качественного истощения рынка труда. «На рынке после 2 лет войны качественное истощение оказалось не менее значительным, чем истощение количественное. Рынок истощился не только квалифицированным трудом, но и потерял самые работоспособные элементы в труде простом» [2]). Вследствие низкой квалификации заводы оставляли лишь 40—50% рабочих, посланных биржами. Статистика бирж труда отмечает новые слои рабочих, которые появились в городе только впервые. Это — выходцы из собственнических слоев деревни, привлекаемые высокими заработками и стремлением укрыться от военной службы. Возрастной состав резервного рынка труда значительно изменился, — увеличилось предложение труда подростков и пожилых рабочих. На Морозовской бирже в Москве было безработных:

	в 1914 г.	в 1916 г.
до 17 лет . . .	7,6%	21,0%
от 18 до 40 лет	81%	53,9%
свыше 40 лет	11,4%	25,1%

Обе крайние части увеличились на 100%, а средняя значительно сократилась, так как на эту группу приходилось большинство мобилизаций.

В связи с продолжением войны рабочий рынок оказался настолько исчерпанным, что предложение труда стало меньше пред'являемого спроса. В 1916 г. Московская биржа пред'явила спрос на рабочую силу в 1½ раза больше, чем было предложение; точно такая же картина

[1]) «Материалы к учету рабочего состава», вып. I, стр. 58.
[2]) «Известия ЦВПК», № 139, ст. Д. Полупанова.

была в Петрограде. В Киеве спрос превышал предложение на 5 тыс. человек [1]).

В ходе войны буржуазия добилась квалифицированным рабочим отсрочки мобилизации. Но первые мобилизации рабочих и истощение рынка труда, широкое применение труда пленных, женщин, подростков, — все это деквалифицировало рабочий состав и понижало производительную способность труда. Напряженность же труда за время войны значительно возросла, поэтому ценность вырабатываемой на 1 рабочего продукции не сократилась, а увеличилась.

2. Топливный кризис

Еще до начала войны Россия переживала топливный кризис, следствием которого было повышение цен на топливо и усиление экспорта угля из-за границы. Только 80% потребностей России удовлетворялось своим углем, а 20% — привозным из-за границы. С об'явлением войны топливный кризис обострился, принимая по временам угрожающие размеры. Не один раз оборонная промышленность переживала опасность чуть ли не полной остановки из-за отсутствия топлива. Война внесла большие изменения в снабжение страны топливом и его потребление.

С начала войны мы лишились возможности получать иностранное топливо, затем потеряли Домбровский бассейн. Вследствие только этих двух причин убыль угля доходила до 1 млрд. пуд. Но потеря Домбровского бассейна компенсировалась сокращением потребления промышленностью этого района. Реальной потерей, которую нужно было заменить усилением внутреннего производства, был заграничный экспорт угля. Было бы, однако, неверным об'яснять топливный кризис прекращением ввоза угля. *Основная причина кризиса кроется в условиях производства и распределения топлива, с одной стороны, и в выросшей потребности в топливе — с другой.*

Почти полное прекращение экспорта нефтяных товаров увеличивало топливные ресурсы страны, но они не могли удовлетворить возросшую потребность промышленного производства и железных дорог в топливе, потребление которого вырастало с каждым месяцем. Расширение добычи угля и нефти упиралось в недостаток рабочих рук, в отсутствие металла и машин, транспортные затруднения и падение производительности труда.

Следующая таблица дает представление о добыче угля за военные годы сравнительно с довоенным (см. табл. на стр. 99).

Увеличение добычи в Донбассе и ряде других районов не компенсировало убыли, которая получалась от потери Домбровского бассейна, поэтому в общем итоге получается недобор в 280 млн. пуд. для 1915 г. и 100 млн. пуд. для 1916 г. В 1914 г. снижение незначительное, кроме того, имелись старые запасы топлива и ввоз из-за границы дал

[1]) «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. II, табл. 19, 21, 23.

Добыча минерального топлива в Европейской и Азиатской России с 1913 по 1-е полугодие 1917 г. [1]) (в млн. пудов)

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1-е полуг. 1917 г.
Донецкий бассейн	1 543,79	1 683,78	1 626,58	1 743,89	834,07
Домбровский »	426,31	231,01	—	—	—
Подмосковный »	18,34	18,99	28,41	42,47	23,07
Кавказ	4,30	4,01	4,59	3,88	1,49
Урал	73,46	84,20	78,65	92,28	50,05
Итого по Евр. России . . .	2 066,20	2 021,99	1 738,23	1 882,52	908,68
» » Азиатск. России .	133,15	159,64	181,24	213,65	128,23
Всего	2 199,35	2 181,63	1 919,47	2 096,17	1 036,91

более 200 млн. пуд. Добыча падает, начиная с первых же военных месяцев. Если 1914 г. разбить на два полугодия, то добыча угля в Донбассе даст [2]):

1-е полуг. — 912,63 млн. пуд. при 195,96 тыс. рабочих
2-е полуг. — 798,35 » » » 171,57 » »

Происходит одновременное снижение количества рабочих и добычи угля. Потом количество рабочих увеличивается и превосходит довоенные размеры, но добыча в Донбассе дает увеличение только в 1916 г.

Главным центром снабжения промышленности углем был Донбасс. Производство угля в Подмосковном районе, на Кавказе и Азиатской России имело чисто местное значение. Донецкий бассейн был единственным угольным районом, на который выпала вся тяжесть удовлетворения твердым топливом предприятий, работавших на оборону, железных дорог и морского флота. Особое совещание по топливу сперва регулировало распределение только донецкого топлива и лишь позднее перешло к распределению и другого угля. Ниже мы приводим таблицу, которая дает наглядное представление о движении добычи угля, числа рабочих и производительности их труда в Донецком бассейне [3]) (см. табл. на стр. 100).

По количеству занятых рабочих и 1914 и 1915 гг. превосходят довоенный 1913 г. Убыль первых месяцев войны промышленникам удалось возместить путем привлечения новых кадров рабочих, пленных, путем усиленного применения женского труда. В то же время видно, что

[1]) «Известия особого совещания по топливу», № 5, август—сентябрь 1917 г.

[2]) «Горнозаводское дело», № 6, 1915 г., К вопросу о современном состоянии каменноугольной и антрацитной промышленности Донецкого бассейна.

[3]) «Известия особого совещания по топливу», № 7, стр. 19.

Годы	Добыто в млн. пуд.	Среднее число рабочих		Месячная производительность 1 раб.	
		В тыс.	В %	В пуд.	В % [1]
Весь 1913	1 543,8	168,5	100,0	764	100,0
» 1914	1 683,6	185,8	110,0	755	98,0
» 1915	1 626,6	180,6	107,0	751	98,0
» 1916	1 751,0	235,0	139,8	622	81,4
Январь 1917	156,0	291,3	172,8	534	69,8
Февраль 1917	143,4	291,5	173,0	492	64,4

первые полтора года войны производительность одного занятого рабочего уменьшилась чрезвычайно незначительно — на 2%.

Начиная с 1916 г., происходит усиленный рост занятых рабочих и одновременное падение производительности труда. Ко времени Февральской революции число рабочих выросло на 73%, а производительность труда упала на 35,6%, т. е. больше чем на одну треть. Это об'ясняется ухудшением состава рабочих и изношенностью оборудования шахт. «Производительность труда рабочих понижается от ряда причин, из которых на одно из первых мест следует поставить ухудшение оборудования рудников за невозможностью своевременного ремонта необходимых для добычи угля машин и приспособлений» [2]).

Царский министр промышленности докладывал Николаю после поездки в Донбасс, где имел возможность лично посмотреть условия работы углекопов. Он вынужден признать, что основная причина, тормозящая рост добычи угля, кроется в «ухудшении оборудования рудников». Следствием этой причины и было главным образом понижение производительности труда. Мы уже отмечали неправильную тенденцию свести всю разруху к изменению в составе рабочего класса. Как раз в угольной промышленности Донбасса произошли наиболее глубокие качественные и количественные изменения рабочего состава, но и там значительное падение производительности труда выявилось в 1916 г., когда наиболее полно проявились затруднения в восстановлении технического оборудования шахт. Изменения в составе рабочих имели второстепенное значение.

Увеличение числа рабочих происходило главным образом за счет пленных, женщин и подростков. Из доклада кн. Шаховского Николаю видно, как за один год количество пленных увеличилось на 51 тыс. На 1 января 1917 г. их было 74 тыс. Число женщин и подростков увеличи-

---

[1]) Принимая данные 1913 г. за 100.

[2]) Ленинградское отделение Центроархива, экономический отдел, всеподданнейший доклад министра торговли и промышленности Николаю 20 февраля 1917 г.

лось за год с 15 тыс. до 30 тыс. На пленных, женщин и подростков приходится 86% прироста рабочих за 1916 г.

В 1916 г. Донбасс «приспособился» к военным условиям, поддерживал несколько большую, чем довоенная, добычу путем усиленного использования дешевого труда пленных, китайцев, женщин и подростков. Несмотря на увеличение добычи по сравнению с 1915 г., положение не улучшилось, а ухудшилось, так как недобор угля в 1915 г. по сравнению с предположениями XL с'езда горнопромышленников юга России оказался в 400 млн. пуд. Заседавший в Харькове 24 ноября — 4 декабря 1916 г. XLI с'езд горнопромышленников юга России установил на 1917 г. добычу в 2 082 млн. пуд. с возможным вывозом всех видов донецкого топлива в 1 737 млн. пуд. Но железные дороги не могли перевезти такого количества угля. Как выяснилось «в совещании под председательством тов. мин. пут. сообщ. Кригер-Войновского, максимальная возможность месячного вывоза донецкого топлива определяется в 130 млн. пуд., т. е. в год 1 560 млн. пуд.; эта же цифра устанавливается и комиссией. Получается, таким образом, что даже максимально возможный вывоз 1917 г. не соответствует тому, что бассейн предполагает отправить, считаясь же с тем, что средний вывоз за 10 месяцев текущего года составил всего 115 млн. руб., можно думать, что и в 1917 г. средний вывоз в 130 млн. пуд. фактически выполнен не будет, и таким образом положение с вывозом как бы создает безнадежность положения и подавляет все стимулы к развитию добычи» [1]).

Транспортные затруднения являлись сильнейшим фактором, который действовал отрицательно на расширение добычи угля, — это бесспорно. Но внутренняя дезорганизация производственного процесса зашла так далеко, что предположения с'езда о добыче на 1917 г. оказывались нереальными не столько из-за транспортных затруднений, сколько из-за фактической невозможности увеличить добычу бассейна по условиям техническим, экономическим и тому состоянию рабочей силы, в котором они находились. Через два месяца это принужден был установить кн. Шаховской со слов самих промышленников. В 1916 г. в обстановке более благоприятной лишь незначительно удалось повысить добычу по сравнению с 1915 г.

Продолжающаяся война обостряла хозяйственные затруднения. Кризис металла, продовольствия становился все сильнее и сильнее. Военное ведомство забирало весь металл, отпуская даже первоочередным потребителям чрезвычайно скупо: назначенные минимальные нормы фактически выполнялись на несколько процентов. До войны каменноугольная промышленность Донбасса потребляла ежемесячно 350 тыс. пудов металла, в 1916 г. она могла обойтись при получении 250 тыс. пуд., но ей не давали даже этой скромной порции металла. «На самом деле фактически было получено Донецкой промышленностью: в августе 1916 г. 11% указанной минимальной потребности, в сентя-

[1]) XLI с'езд горнопромышленников юга России, доклад комиссии «о современном положении каменноугольной промышленности в Донбассе, о снабжении потребителей топливом, о распределении его и его перевозке по железным дорогам».

бре — 15,4%, в октябре — 15,8%, в ноябре — 31,9%, в декабре — 28,4% и в январе сего года — 12,2%» [1]). Систематическое недополучение металла не только лишало возможности делать новые разработки, но и производить текущий ремонт. В области снабжения продовольствием рабочих, лесными материалами, кожей, канатами — копей, дело обстояло также из рук вон плохо. Общее расстройство хозяйства постепенно охватывало все новые области, действуя на другие, подрывая основу угольного производства. Шаховской предлагал снабдить угольную промышленность металлом за счет других отраслей, «хотя бы даже и производящих предметы, необходимые для обороны страны». Эти предложения оказались запоздавшими, так как через несколько дней началась революция.

Еще до Февральской революции в области производства угля стали обнаруживаться совершенно явные признаки расстройства этой крупнейшей отрасли хозяйства. Путем крайнего напряжения удавалось поддерживать производство на одном уровне, даже более высоком, чем в 1915 г. Но так как потребление угля за 1916 г. выросло еще больше, то фактически имелся налицо не только кризис «распределения», как пытались изобразить дело углепромышленники, но и настоящий кризис недопроизводства. Топливо распределялось только среди первоочередных потребителей, работающих на оборону, да и тем отпускали в «очередь» и в очень ограниченных размерах, все же остальные потребности промышленности, работавшей на частный рынок, оставались неудовлетворенными.

О размерах возросшего потребления топлива дадим несколько примеров. Больше всего возросло потребление топлива железными дорогами. Если учесть только потребление донецкого угля, то оно достигает по отношению ко всему вывозу следующих размеров [2]):

Год	Млн. пуд.	%
1913	320	27
1914	402	32
1915	481	40
1916	586	44

Сравнивая потребление только 1914 и 1916 гг., получаем увеличение на 37%. А так как доля металлургических заводов все время оставалась неизменной и колебалась около 22—22,5%, то возрастание потребностей железных дорог происходило за счет сокращения потребностей группы «прочих» потребителей, доля которых в донецком топливе сократилась с 1914 по 1916 г. на 11,5%. Если просмотреть нарастание потребления железных дорог по месяцам 1916 г., то мы видим быстрый рост потребления: первые месяцы колеблются от 40 до 48 млн. пуд., а декабрь 1916 г. дает 62,8 млн. пуд., что составляет около 60% всего вывоза донецкого топлива. Создавалась реальная угроза

[1]) Цитированный нами доклад кн. Шаховского Николаю 20 февраля 1917 г.

[2]) «Горнозаводское дело», № 10, 1917 г., Фон-Дитмар, К чему ведет топливная политика железных дорог.

от чрезмерного потребления транспорта, который грозил оставить всю промышленность без топлива.

Железные дороги вовсе не являлись исключением. Потребление Московского и Ленинградского промышленных районов также возросло. По Ленинградскому району — с 163 млн. пуд. до 222 млн. пуд. за 1914—1916 гг., что дает увеличение на 43,6% [1]). По Московскому району абсолютный прирост менее значительный, зато там удвоилось потребление нефти, калорийность которой больше, чем других видов топлива.

Продолжение войны увеличивало потребность топлива во всех отраслях хозяйства. За ростом потребностей производство не поспевало. Пришлось ограничиться в снабжении топливом только предприятий, работавших на военные потребности, но вследствие роста производства, ухудшения машин и качества топлива потребность в топливе все увеличивалась. Производство же угля почти не возрастало; разрушения в области угольной промышленности к началу 1917 г. достигли таких размеров, которые делали невозможным дальнейшее расширение добычи угля. «Ответственные руководители предприятий ответили г. мин. торговли, при посещении им Харькова 10 февраля (1917 г. — *А. С.*), что едва ли можно рассчитывать на увеличение добычи, и что все их старания заключаются в том, чтобы хоть как-нибудь сохранить (добычу. — *А. С.*) на теперешней высоте» [2]).

Положение нефтяной промышленности было несколько более благоприятно, чем угольной. Добыча нефти не сократилась, а увеличилась.

Незначительное снижение добычи 1914 г. об'ясняется длительной забастовкой, которая была до войны. 1915 г. дает увеличение добычи нефти даже сверх 1913 г., а в 1916 г. добыча являлась максимальной, начиная с 1904 г. Прекращение экспорта увеличило предложение нефтяных товаров на внутреннем рынке. Нефть стала заменять уголь. Количество всей добытой нефти было следующее [3]):

Год	Млн. пуд.	%
1913	561,2	100
1914	550,3	98
19 5	568,8	101
1916	602,1	107

1916 г. дает увеличение на 7% по сравнению с довоенным годом. Этот прирост произошел благодаря увеличению добычи в Баку на 26,5 млн. пуд. и в Грозном на 14,6 млн. пуд. по сравнению с 1915 г. Другие районы дали даже незначительное уменьшение.

Параллельно с удовлетворительной добычей происходило свертывание подготовительных работ и бурения. Мы подсчитали бурение для 4

---

[1]) «Известия особого совещания по топливу», № 7. И. Расселевич, К характеристике промышленности Петроградского района.

[2]) «Горнозаводское дело», № 10, 1917 г., цитированная нами ст. Дитмара.

[3]) Там же, 1917 г., № 38—39, Нефтяная промышленность в 1916 г.

старых бакинских площадей, Майкопского и Грозненского районов. Принимая бурение 1913 г. за 100, будем иметь для последующих лет:

Год	%
1914	92
1915	74
1916	63

Начиная с первого года войны, бурение неуклонно сокращается. Вместе с сокращением бурения сокращается количество скважин, на которых производились работы:

На 4 старых бакинских площадях:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Бурилось скважин	602	563	482	433
Начато бурением	319	218	176	149
Закончено нов. скваж.	225	235	179	166

Цифры наглядно показывают тенденцию свертывания работ. Аналогичные явления наблюдались и в других нефтяных районах. Нефтяная промышленность вступила в полосу кризиса, отрицательные последствия которого могли полностью проявиться спустя два-три года.

Промышленники об'яснили это свертывание работ отсутствием материалов, их дороговизной и невыгодностью твердых цен. Правда, твердые цены фактически стали действовать только с февраля 1916 г. Они были установлены 30 декабря 1915 г., но распоряжение правительства не было получено в Баку до 20 февраля 1916 г. Об'ясняется это попыткой нефтяников сорвать твердые цены. «Нефтяное дело» по поводу твердых цен писало, что они приведут к сокращению производства. Буржуазия говорила о двоякой возможности: или правительство и потребитель переплатят на ценах несколько миллионов рублей, но получат большое количество нефти, или — «ограничить прибыль («обуздать аппетиты»), но при этом уменьшить предложение нефти» [1]. Орган нефтяников рекомендует первый выход. Так как твердые цены все же ввели, то у буржуазии явился формальный предлог для оправданий в сокращении подготовительных работ.

Бурение сокращалось до и после фиксации цен, так что ссылка на невыгодность цен, как главную причину сокращения работ, совсем неправильна. Сами нефтяные тузы признавали, что установленная цена 45 к. за пуд в общем была выгодна. Цена 1914 г. была значительно ниже «фиксированной» твердой цены. Только с февраля 1915 г. цены на нефтяные продукты стали быстро подниматься. 13 февраля 1915 г. в московских газетах была напечатана телеграмма председателя Харьковского порайонного комитета, в которой рекомендовалось переходить на другие виды топлива, ввиду невозможности удовлетворить всех донецким углем. Потребители немедленно усилили заготовку нефти.

[1] «Нефтяное дело», № 3, 1916 г., В. Фролов, О фиксации цен на нефть.

Сделки производились не только на наличный товар, но и на срок, вперед на 1915 и 1916 гг. Цены быстро поднимались вверх. Северные железные дороги в январе 1915 г. отказались купить нефть по 50¾ коп. за пуд, считая предложенные цены слишком высокими, а в феврале они заключили сделку на 4,25 млн. пуд. остатков по 63 коп. за пуд, переплатив против «невыгодных» январских цен по 12¼ коп. на пуд [1]). Потребитель боялся остаться совсем без топлива, поэтому покупал, исходя не из «настоящих» цен, а из «будущих», какие могут сложиться в обстановке нефтяного голода. Все переплаты на топливе перелагались на военные заказы, так как подавляющее большинство предприятий работало на оборону, получая колоссальные прибыли. Осенью 1915 г. опять началась вакханалия цен. В течение 30 дней цены на нефтяные продукты возросли на 28,5%. «Это и в области нефтяных цен, где «небывалые» явления на каждом шагу, — все же из ряда вон выходящее явление» [2]). Дело дошло до того, что керосин продавался дешевле, чем сырая нефть, или отбросы производства. Установленная цена в 45 коп. за пуд была, несомненно, очень высокой ценой, но она все же клала известный предел разгоревшимся аппетитам нефтяных королей.

Установив «твердую» цену, правительство все сделало, чтобы не уменьшить прибылей нефтяников. Твердая цена для потребителя поднималась до 72½ коп. пуд, так как была сделана надбавка в 1 коп. с пуда за перекачку нефти, 15 коп. за склад продавца и 10 коп. за «моторные» качества. «Моторные» качества не обозначали особого свойства нефти, так как всякая натуральная нефть горит в моторе [3]). Таково «регулирование» и «обуздание» правительством аппетитов нефтяных королей.

29 декабря 1916 г. особая депутация нефтепромышленников поставила перед министром торговли и промышленности вопрос о необходимости дальнейшего повышения цен. «Князь В. Н. Шаховской заявил, что вопрос о повышении предельных цен на нефть с его стороны не встречает никаких препятствий и, вероятно, будет решен в благоприятном смысле» [4]). Пока правительство разрешало вопрос, нефтяники сами подняли цены. Впрочем с предельными ценами никто серьезно не считался. Они являлись слишком слабым средством регулировки, так как процесс распределения оставался в руках производителей. Нефтяные продукты продавались с «премией» к твердым ценам. Величина этой премии временами доходила до 75% предельных цен. В 1917 г. «ордера нефтепроводных станций, расценивавшиеся в начале месяца с 24½-копеечной надбавкой, к 15 февраля обращались с премией уже в 31 копейку. Затем расценка нефти несколько понизилась, а после 20-го числа вновь начала подниматься; в самых последних числах месяца, благодаря установленным на бирже новым предельным ценам,

---

[1]) «Нефтяное дело», № 1, 1915 г.

[2]) Там же, № 1, 1916 г., стр. 3.

[3]) С. А. Вышетравский, Нефтяное хозяйство России за последнее десятилетие, стр. 75.

[4]) «Нефтяное дело», № 1, 1917 г., О повышении предельных цен на нефть.

премия быстро понизилась на сумму повышения цены и достигла всего лишь 14 коп. за пуд» [1]).

Так обстояло дело с «твердыми» ценами. На самом деле они были далеко не тверды.

В декабре 1916 г. в отделе по топливу Центрального военно-промышленного комитета А. Гукасов сделал доклад о положении бакинской нефтяной промышленности. В прениях по этому докладу другой Гукасов говорил о предельных ценах следующее: «Конечно, было бы абсурдом утверждать, что нынешние цены являются невыгодными для всех, — такого положения и нет. Когда мы говорим о невыгодных ценах, мы говорим о средних величинах, но в данном случае я скажу больше: мы говорим о себестоимости при наименее выгодных условиях» [2]). Наименее выгодные условия производства были на стороне мелких фирм, вот почему всякое повышение цен являлось добавочной сверхприбылью для крупных монополистов. Фактическими хозяевами нефтяного дела являлись крупные монополисты, поэтому ссылка на «невыгодные» условия была лишь средством для получения добавочной прибыли. В области производства мы должны признать значительную дезорганизацию нефтяной промышленности к концу 1916 г. Основная причина этого кроется в общем расстройстве народного хозяйства. Цены на заработную плату, на продовольствие значительно поднялись. Необходимый материал исчез с рынка. Производство работ требовало большого количества металла, которого получали около 50% нужной нормы. Примерно на столько же сократились подготовительные работы на нефтяных промыслах.

«Поскольку нехватает металла, постольку сокращаются и работы» — писали нефтяники. Как и в угольной промышленности, нефтяники говорят не об увеличении производства, а о возможном дальнейшем сокращении. «Развить темп работ при таких условиях, или сохранить тот, который сейчас существует, не представляется возможным... нефтяная промышленность поставлена сейчас в такие условия, где, кроме краха, ей ничего другого не остается» [3]). В такой пессимистической оценке не без преувеличения, но доля истины, без сомнения, имеется. Если кто и был виноват в расстройстве этой отрасли хозяйства, то в значительной мере сама буржуазия, которая не хотела пойти на уменьшение своих прибылей, так как по повышенным ценам кое-что еще можно было достать. Сам А. Гукасов, отмечая нехватку металлов, все же признавался, что она «выражается не в таком количестве, чтобы при желании нельзя было удовлетворить нефтяную промышленность». Гукасов собственно говорит о «нежелании» правительства, но и сама буржуазия приложила большое усердие только для увеличения дивидендов, а не для предохранения промышленности от распада.

[1]) «Горнозаводское дело», № 17, 1917 г.

[2]) «Нефтяное дело», № 2, 1917 г., стр. 8.

[3]) Доклад Гукасова. Цитирую по «Известиям ЦВПК», № 181 от 15 декабря 1916 г.

Первые месяцы войны правительство совершенно не вмешивалось в распределение топлива. Свободная стихия капиталистической конкуренции действовала без всяких ограничений. Когда обнаружился недостаток топлива, указом 4 марта 1915 г. министру путей сообщения было поручено снабжение топливом всех предприятий, работающих на оборону. Был образован особый комитет, который распределял среди первоочередных потребителей перевозочные средства в плановом порядке. Условия производства угля и его цена остались вне правительственного контроля. Неудовлетворительное разрешение задачи комитетом и необходимость организовать все народное хозяйство в соответствии с военными потребностями привели к организации особого совещания. Первой задачей особого совещания по топливу «явилось всемерное смягчение того угольного голода в стране, который принял небывало острые формы осенью 1915 г. в связи с затруднительными условиями железнодорожных перевозок» [1]).

Разрешение топливной проблемы за все время войны непрерывно связано с работой транспорта. Оба эти вопроса теснейшим образом переплелись. Осенью 1915 г. транспорт переживал очень сильный кризис, который отразился на снабжении страны топливом.

Предприятия, работающие на оборону, стали недополучать разверстанную норму топлива. Недогруз достиг очень большой величины.

Ниже приводится таблица назначений и погрузки. Из нее видно, что недогруз за сентябрь равнялся 40%, октябрь — 37%, ноябрь — 35% и декабрь — 20% (см. табл. на стр. 108).

Наиболее острые месяцы кризиса — сентябрь—ноябрь 1915 г. Потом недогруз значительно уменьшается, хотя все еще остается довольно большим. Вывоз угля в период кризиса отставал не только от потребностей страны, но и от добычи, вследствие чего значительно увеличились запасы на копях.

Кн. Шаховской, министр торговли и промышленности, аккуратно информировал о кризисе Николая. 23 ноября 1915 г. он писал, что на 95% кризис об'ясняется недостачей вагонов. Особенно остро кризис отозвался на Московском и Ленинградском районах — центрах нашей оборонной промышленности. В Ленинградский район в сентябре прибыло 65% назначений по наряду, а в октябре поступление топлива уменьшилось до 49% [2]). Крупнейшие потребители остались почти без топлива.

Электрическое общество 1886 г. оставалось с запасом топлива на 2-3 дня. Путиловский завод занял у других предприятий; Вестингауз, Невский судостроительный и ряд других гигантов оставались совсем без топлива, перебиваясь за счет занятого со складов железных дорог. Главную массу топлива потребляли заводы-гиганты. Шесть заводов сжигали 54,6% всего потребляемого районом донецкого топлива, а пять крупнейших предприятий — 59,3% всей нефти. Закрытие не-

[1]) «Материалы по обзору деятельности особого совещания по топливу за первый год его существования», том I, стр. 7.

[2]) Ленинградское отделение Центроархива, экон. отделение, справка № 686, архив м-ва торг. и пром. Справка рассмотрена 2 ноября 1915 г.

НАЗНАЧЕНИЕ И ПОГРУЗКА ДОНЕЦКОГО ТОПЛИВА С СЕНТЯБРЯ 1915 г. ПО 1 МАРТА 1917 г. [1])

Месяц и год	Всего назнач. в млн. пуд.	Всего погружено в млн. пуд.	Недогруз в %
Сентябрь 1915 г.	124,63	74,75	40,0
Октябрь » »	128,96	80,72	37,0
Ноябрь » »	129,30	83,29	35,0
Декабрь » »	127,00	101,51	20,0
Январь 1916 г.	133,80	114,88	14,0
Февраль » »	134,20	106,43	21,0
Март » »	132,00	119,88	9,0
Апрель » »	144,20	109,56	24,0
Май » »	152,15	121,77	20,0
Июнь » »	142,50	119,18	16,0
Июль » »	155,94	123,50	21,0
Август » »	163,50	119,00	27,2
Сентябрь » »	165,70	112,40	32,2
Октябрь » »	167,60	104,90	37,4
Ноябрь » »	169,00	104,20	38,3
Декабрь » »	150,60	105,30	30,0
Январь 1917 г.	159,85	108,50	32,1
Февраль » »	135,00	89,20	33,9

скольких предприятий-гигантов грозило большим ущербом для снабжения армии боевым снаряжением [2]).

Особое совещание по обороне давало следующую картину топливного кризиса в Ленинграде. «Все заводы вообще перебиваются в отношении угля со дня на день; небольшая задержка в текущей доставке расстроит 60% заводских предприятий, в число коих войдут и такие крупные заводы, как Вестингауз, Путиловский, Невский судостроительный, «Феникс», «Вулкан» и т. п. Причем на бездействие будут обречены до 20 тыс. станков и 85 тыс. рабочих. В частности, на Путиловском заводе уже произошла остановка работ одной из мартеновских печей, и для введения ее вновь в действие потребовались экстренные меры» [3]).

[1]) Сведения взяты за сентябрь 1915 г. — июль 1916 г. из «Материалов по обзору деятельности особого совещания по топливу», стр. 84. За остальные месяцы из «Известий особого совещания по топливу», №№ 2 и 3.

[2]) «Известия особого совещания по топливу», № 7.

[3]) Особое совещание по обороне, журнал № 34, 19 декабря 1915 г.

В еще худшем положении оказалась Москва. За сентябрь она получила всего лишь 26% заявленных потребностей, в октябре больше — до 40%. А всего за два месяца прибыло топлива около $^1/_3$ потребного количества. Некоторые группы потребителей, как городское самоуправление, получили совсем ничтожное количество топлива. Больницы уже тогда ломали и жгли деревянные заборы, а пекаря предупреждали «о неминуемой приостановке выпечки хлеба». Крупнейшие текстильные предприятия имели запасов топлива на 1-2 дня. Снабжение других районов находилось, по словам министра торговли и промышленности, «в столь же неблагоприятных условиях», благодаря которым стояли без работы 23 доменных печи. Поэтому на первый план выдвигался вопрос о перевозке, а не о добыче угля, запасы которого поднялись к 1 декабря до громадной цифры 168 млн. пуд. Топливный и железнодорожный кризисы действовали разрушающим образом на всю промышленность, сдерживая подготовительные работы шахтовладельцев. Чтобы не уменьшать добычу, правительство пошло на покупку запасов угля на копях, в счет чего выдавало авансы. За фабрикантами сохранялось право выплатить правительству полученные средства и распоряжаться углем по своему усмотрению. Осенний кризис 1915 г. был грозным предостережением самодержавию. Путем ряда энергичных мероприятий кризис удалось смягчить и отсрочить крушение царизма еще на 1½ года.

Образование особого совещания не внесло никаких изменений в распределение топлива. Попрежнему существовала частная продажа, которая находилась «в неустанном противоречии с существующей системой вывоза» [1]).

В ноябре 1915 г. особое совещание вынесло постановление о всеобщей реквизиции топлива, но благодаря энергичному сопротивлению буржуазии принуждено было отказаться от этого постановления.

Казна оставила за собой лишь право частичной реквизиции топлива, применяя ее в довольно значительных размерах. Правительство в целях поощрения добычи купило запасы каменноугольных копей с выдачей аванса до 70% стоимости, а после отправки угля производился полный расчет; за промышленниками оставалось право обратного выкупа с погашением аванса и внесением процента за использованные средства. В августе 1916 г. правительством был отпущен капитал в 10 млн. руб. для долгосрочного кредита угольных предприятий на нужды оборудования. В области цен особое совещание «не обижало» углепромышленников. Даже реквизиционные цены устанавливались на основе средних цен копей с высокой себестоимостью. У крупных фирм себестоимость угля в 1916 г. определялась в 16—18 коп. пуд, а у мелких — 12—14 коп. [2]). Реквизиционные же цены были значительно выше себестоимости крупных фирм. Все правительственные мероприятия по регулировке топлива останавливались в самом начале, благодаря сопротивлению буржуазии. Между тем обстановка показывала, что обой-

---

[1]) «Материалы по обзору деятельности особого совещания», том I.

[2]) «ССГЮР», вып. II, Таблицы по себестоимости твердого минерального топлива за 1916 г.

тись без полного регулирования процесса производства никак нельзя. Так далеко правительство не думало итти, но осенью 1916 г. возник план создания единого монопольного органа, который бы в своих руках сосредоточил все распределение топлива между потребителями. Это был проект Центроугля. Буржуазия единодушно выступила против этого нововведения правительства. Нефтяники, угольщики, ЦВПК, совет с'ездов, пресса, — все выступили с декларациями против этой точки зрения правительства, хотя в ней ничего страшного для буржуазии не было. Буржуазия увидела в этом устранение ее от руководства хозяйственной жизнью страны.

31 октября 1916 г. состоялось заседание промышленников, на котором обсуждалось правительственное предложение «о государственном регулировании угольной промышленности». Протокол этого совещания оставался секретным и был напечатан лишь после Февральской революции. На этом совещании промышленники единогласно высказались против проекта Центроугля. Главную причину неудовлетворительного положения в угольной промышленности они видели в правительственной политике реквизиции топлива. «Ее и надо устранить. Предлагаемый проект не устраняет этой причины, а расширяет ее, в другом лишь виде вводит реквизицию» [1]. Другие авторы приводили другие мотивы против точки зрения правительства. Главнейшее возражение заключалось в том, что кризиса в угольной промышленности нет, так как производство превосходит вывозную способность железных дорог. «Следовательно, недостаток топлива вызывается не недостатком производства, а тем, что дороги не могут вывезти больше 115 млн. пуд.». Действительно, транспорт находился в состоянии перманентного кризиса, и вывоз отставал даже от минимальной добычи копей. Предполагаемое мероприятие правительства было шагом целесообразным, но оно ограничивало свободу конкуренции, обычную капиталистическую стихию. Поэтому буржуазия единодушно выступила против предлагаемого правительством проекта. Один из ораторов буржуазии заявил: «Правительству надо ответить: или предоставьте нам свободу добровольно об'единиться, или делайте насильно, что хотите». «Свободу» об'единиться правительство не дало, но и «насильно» ничего не предприняло: все осталось как было, по-старому.

На такое же сопротивление приходилось правительству натыкаться при проведении любого мероприятия, которое было направлено на защиту государственного сундука. Как общее правило, правительство отступало, буржуазия наживалась, а народное хозяйство громаднейшими шагами приближалось к кризису.

Начиная с осени 1916 г., недогруз топлива опять начинает усиливаться. В августе он достигает 27%, в сентябре повышается до 32%, в октябре — до 37,4%. Кризис топлива охватывает все отрасли хозяйства и все районы. Особенно он обострился в Москве и Ленинграде. Заготовка дров была недостаточна, запасы угля и нефти истощились, а потребности колоссально выросли. Когда в феврале месяце 1917 г.

[1] «Известия особого совещания по топливу», № 3, апрель 1917 г.

«по причинам небывалых морозов и снежных заносов» вывоз топлива упал до 89 млн. пуд., из которых 55 млн. пуд. потребляли железные дороги, а на долю всех остальных категорий потребителей оставалось всего лишь только 35 млн. пуд., — топливный кризис обострился. 35 млн. пуд. было достаточно только одним передельным заводам, а вся остальная промышленность должна была остановиться. 1 февраля 1917 г. особое совещание по обороне считало, что «положение дела снабжения заводов топливом надлежит признать критическим и внушающим серьезные опасения... Во всяком случае необходимо считаться с предстоящим сокращением деятельности или даже временным закрытием некоторых обслуживающих оборону заводов» [1]).

Так обстояло дело в столице, на снабжение которой было обращено особое внимание. В конце января, Родзянко в своей «записке» Николаю приводил многочисленный список предприятий, прекративших работу. С снабжением топливом оборонных предприятий по другим районам дело обстояло еще хуже. Важнейшие предприятия, как, напр., металлургические заводы, не получили топлива и закрывались. Ниже я привожу телеграмму уполномоченного особого совещания по обороне по Екатеринославскому району, в которой рисуется положение в важнейшем центре металлургической промышленности, который был расположен рядом с местом производства угля, но оставался все же без топлива. В этой телеграмме полк. Панкин сообщает: «Половина всех доменных печей остановлена на неопределенное время ввиду недостатка сырых материалов, остальная половина работает сокращенным ходом, приближаясь к остановке. Большинство мартеновских и прокатных мастерских бездействует. В феврале будет дано около одной трети программного количества металла. Ведомства не могут быть удовлетворены равномерно. Стоят все трубные заводы, дающие до 90% труб России. Остановлены металлообрабатывающие заводы района, остановлено несколько железных рудников Криворожья с угрозой их затопления при дальнейшем отсутствии угля... Требуется безотлагательное принятие совершенно исключительных действий по обеспечению железоделательных заводов и рудников продовольствием и топливом» [2]).

Топливный кризис неразрывно связан с кризисом железных дорог, металла, продовольствия. Разруха охватила уже все отрасли народного хозяйства, вот почему не удалось разрешить топливного вопроса так легко, как осенью 1915 г. После транспорта топливный вопрос имел наиболее актуальное значение для нашей экономики. Расстройство этой отрасли хозяйства неминуемо отзывалось на всей экономике и приводило к остановке нормального хода работ других отраслей хозяйства. Вследствие осложнения с транспортом, топливный кризис с осени 1916 г. принял острый характер и дезорганизовал все народное хозяйство, в том числе и металлургию, целиком работавшую на оборону. Накануне Февраля нельзя уже было «оздоровлять» отдельно от всего хозяйства

[1]) Журнал особого совещания по обороне, № 14, 1 февраля 1917 г.
[2]) АОР, ф. III, оп. 2, дело № 17.

топливную промышленность. Необходимы были мероприятия для полнейшей реорганизации всего хозяйства, в том числе и финансов, и создания государственного капиталистического хозяйства с соответствующей организацией производства и распределения. На такие мероприятия самодержавие не было способно, да они были бы слишком запоздалыми, так как кризис глубоко охватил всю экономику. При этих условиях самым «рациональным» был бы выход из войны, так как дальнейшее напряжение национального хозяйства для военных потребностей приводило к краху всю капиталистическую систему.

3. Металл

Развитие капитализма немыслимо без увеличения добычи металла. Технический прогресс, грандиозные сооружения, все это повышает требования на металл, который является основным продуктом всякого нового строительства. Империалистическая война колоссально расширила применение различных сортов металла: в одно сражение расстреливались миллионы пудов металла; металл стал одним из основных средств империалистической войны.

До войны добыча металла сделала в России громадный скачок вперед, но потребление так быстро расширялось, что добыча не поспевала за спросом. Рынок переживал металлический кризис, который смягчался лишь привозом из-за границы. Война открыла широчайшие перспективы для развития этой отрасли хозяйства. Спрос был громадный, доставка из-за границы затруднилась, поэтому приходилось удовлетворяться добычей металла внутри страны.

Несмотря на наличность твердого спроса, внутренняя добыча металла не только не увеличилась, но даже значительно сократилась. Правда, был потерян Домбровский район, но там добыча была незначительна, и при благоприятных условиях ее легко можно было бы компенсировать.

Ниже приводим таблицу, которая дает представление о выплавке металла по всей стране [1]) (см. табл. на стр. 113).

Основной итог такой: количество действовавших домен в 1916 г. сократилось на 36 по сравнению с довоенным годом; за это же время число рабочих выросло на 40%, а производство продукции сократилось по чугуну на 18,2%, по железу и стали на 17% и полупродуктам на 13%.

Характерен систематический рост рабочих и такое же падение продукции. Расстройство этой отрасли хозяйства было особенно глубоким, и значительное увеличение числа рабочих не предохранило производство от сокращения.

Сокращение добычи металла было вызвано главным образом расстройством транспорта, недостатком руды, угля и падением производительности труда. Первые 7 мес. 1915 г. число рабочих в железной

[1]) «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. I, таблицы 75, 76, 77 Данные приведены за военные годы без Польши.

Годы	Число заводов		Действовавших доменн. печ.	Число всех рабоч. в тыс.	Чугун		Железо и сталь		Железн. и стальн. полупродукты	
	всего	в том числе действовавших			в млн. пуд.	в %	в млн. пуд.	в %	в млн пуд.	в %
1913 . . .	255	165	151	299,8	282,96	100,0	246,55	100,0	300,20	100,0
1914 . . .	253	148	128	259,8	264,25	93,0	240,00	97,0	294,10	98,0
1915 . . .	223	139	120	343,9	225,30	79,0	199,43	80,9	251,40	83,6
1916 . . .	219	145	115	427,5	231,86	81,8	205,86	83,0	260,88	87,0

промышленности было меньше, чем осталось после первой мобилизации [1]).

Вследствие мобилизации рабочих и отсутствия руды и топлива уже к 1 декабря 1914 г. на юге России остановилось 13 печей. На Днепровском заводе остановилась 6 декабря 2-я печь с производительностью 18 тыс. пуд. чугуна в сутки. Отсутствие вагонов для руды, угля и кокса «повело к сокращению общей выплавки чугуна на заводе приблизительно на 40%, по сравнению с нормальной деятельностью. На 9 декабря 1914 г. на складах завода имелось всего лишь около 80 тыс. пуд. кокса, т. е. приблизительно на 1½ суток» [2]). В марте 1915 г. положение еще ухудшилось: вместо 13 печей стояло уже 18. Часть работавших печей была занята не полностью, а только в размере 20—30% своей производительной способности. В середине марта ряд заводов юга полностью или частично приостановил свое производство на неопределенное время из-за отсутствия необходимого сырья. Положение уральской промышленности было еще более тяжелое, чем южной. «Наш богатейший Урал представляет собой какое-то царство недействующих безжизненных заводов и фабрик: в истекшем году там насчитывалось всего 122 доменных печи; из этого числа в действии находилось только 66, т. е. ровно половина. Из остальной половины 13 печей находилось в ремонте, 17 было вполне готовых, но не действовавших, и 26 домен приходилось целиком на бездействующие заводы» [3]). Таково положение через несколько месяцев после начала войны.

1915 г. был особенно «тяжелым» для добычи металла. Поэтому еще в начале 1915 г. заводы выдавали его только тем потребителям, которые работали на оборону, по особым удостоверениям; с организацией заводских совещаний к ним перешел контроль над распределением ме-

---

[1]) «Промышленность и торговля», № 10, 1916 г., Железный рынок за весь 1915 г.

[2]) Там же, № 7, 1915 г., Война и железный рынок России.

[3]) «Горнозаводское дело», № 32—33, 1915 г., К вопросу о недостатке металлов.

талла, а с 17 декабря 1915 г. — к уполномоченному по делам металлургической промышленности. Интересно распределение металла между потребителями. По данным бюро по распределению металла, в 1915 г. государственный спрос составлял 73,65%, а на частный рынок, «в подлинном смысле этого слова», приходилось около 20% [1]).

Одна из важнейших причин сокращения добычи металла на юге в 1915 г. — недостаток топлива.

Месячная потребность металлургических заводов юга в топливе достигала до 33 млн. пудов, вместо которых они фактически получали в 1915 г. 21 млн. пудов, а в 1916 г. — 24 млн. пудов.

В 1916 г. добыча металла несколько улучшается, особенно это заметно на юге, где выплавка чугуна постепенно повышалась с 14 млн. пуд. в январе 1916 г. до 16,5 млн. пуд. в октябре, но уже в ноябре производство сократилось до 14,9 млн. пуд., а в декабре — до 14 млн. пуд. Другой причиной этого сокращения было «резкое падение подвоза железными дорогами минерального топлива, руды и других материалов на заводы при одновременном истощении запасов на заводах и сокращении вывоза с заводов готовых изделий» [2]).

Летом вывоз топлива несколько улучшился, а потому, по предложению председателя особого совещания по топливу, были пущены новые домны, «но ожидания в снабжении топливом на все 54 домны не оправдались». Осенью 1916 г. вследствие расстройства транспорта подвоз топлива опять сократился, была израсходована половина имевшихся на заводе запасов, а потом остановлено 10 работавших домен.

По расчетам XLI с'езда горнопромышленников юга России производительность металла в 1917 г. должна была увеличиться

до 18,35 млн. пуд. чугуна,
» 16,26 » » полупродукта и
» 13,13 » » железа и стали в месяц.

Эта программа в значительной мере превосходила металлическую продукцию юга в 1916 г. Для ее выполнения требовалось получить больше на 14 млн. пуд. в месяц топлива и руды. Представители металлургических заводов, очевидно, считали эту программу невыполнимой, а потому полагали «более соответствующим указать предполагаемую среднюю цифру ежемесячной выплавки чугуна в первые месяцы 1917 г. в 15 млн. пуд.» [3]).

В какой мере производство металла удовлетворяло имеющуюся в нем потребность?

В 1915 г. около $^1/_5$ производства поступало еще в распоряжение частной промышленности, или на вольный рынок. Всякое расширение потребления металла на оборону отражалось на сокращении того количества, которое поступало частной промышленности.

---

[1]) «Промышленность и торговля», № 12—13, 1917 г., Мерцалов, Железный рынок.

[2]) XLI с'езд горнопромышленников юга России. Из телеграммы с'езда предс. совета министров.

[3]) Там же.

В августе 1916 г. выяснилось, что производство металла нехватает для удовлетворения потребностей обороны. Ежемесячно в распределение поступало 15,5 млн. пуд. железа и стали, а потребности обороны исчислялись в 18,5 млн. пуд. [1]). В сентябре главноуполномоченный по снабжению металлами ген. Мышлаевский в совещании по обороне заявил: «Несомненно, что удовлетворить потребности всех ведомств полностью не представляется возможным», поэтому надо экономно расходовать имеющийся металл. Начиная с сентября 1916 г., вопрос о металле не сходит уже с повестки дня совещания по обороне.

В начале октября Гучков поставил вопрос о повышении производительности металлургических заводов, но одновременно заявил, что «во всяком случае без крупного заграничного заказа мы не будем в состоянии выйти из надвигающегося кризиса» [2]).

В ноябре снабжение металлом стало еще более неудовлетворительным. Потребность в металле возрастала, а производство оставалось неизменным, дефицит увеличивался, приходилось ограничивать потребление. В распределение поступало 16—16,5 млн. пуд. металла в месяц, «между тем заявленные на октябрь потребности составляли 21,5 млн. пудов» [3]).

При более полном учете потребностей фронта, ведомств и частично населения «дефицит достигнет 50%, т. е. составит 8 млн. пуд. металла в месяц». Покрытие этого дефицита было возможно только за счет заграничного заказа. «Содоклад» представителя ЦВПК Коновалова подтвердил вышеприведенные цифры. Правительство пробавлялось пока мелкими закупками металла за границей, но дальнейшее ухудшение производства металлов и расстройство транспорта заставили наблюдательную комиссию совещания по обороне принять более решительную резолюцию.

Она подтвердила, что «количество металлов, поступавших за последние месяцы в распоряжение главного уполномоченного, является совершенно недостаточным для удовлетворения потребностей обороны государства».

После этого совещание приняло постановление об отпуске министерству финансов 100 млн. иен для закупки металла в Японии и 240 млн. руб. «для заказов черных металлов за границей» [4]). Однако одно дело принять постановление, а другое дело получить деньги и купить металл. Те 100 млн. иен, которые совещание просило министра финансов отпустить, были еще в распоряжении японских банкиров, а последние до Февральской революции не дали России займа.

Истощение русской металлургии чрезвычайно характерно для всего русского капитализма. Эта отрасль промышленности являлась одной из

---

[1]) «Промышленность и торговля», № 12—13, 1917 г., Мерцалов, Железный рынок.

[2]) Журнал особого совещания по обороне, № 111, 8 октября 1916 г.

[3]) Там же, № 118, 2 ноября 1916 г.

[4]) Там же, №№ 134 и 135.

могущественных в системе русского капитализма. Война поставила ее в такие условия, что она не могла развить свое производство и даже значительно сократилась.

Каковы причины этого? Мы уже указывали, что основная причина лежит в общей дезорганизации экономической жизни, которую вызвала война. Она лишила промышленность квалифицированной рабочей силы, — в металлургии ее осталось только половина довоенной, — и забирала громадную часть всей продукции на удовлетворение потребностей войны.

Расстройство транспорта, топливной промышленности усиливало распад металлургии, помимо тех причин, которые подтачивали ее изнутри. Громаднейшее сокращение добычи руды железорудной промышленности юга ограничивало выплавку металла [1]).

Недостаток металла только для целей обороны подрывал широко-развившуюся военную промышленность и ограничивал размах военных операций. Правительство думало разрешить эту проблему путем закупки металла за границей, конечно, на английские деньги. Прежде Англия финансировала только покупку предметов, которые не изготовляла русская промышленность, а в начале 1917 г. должна была доставлять и металлическое сырье, в количестве нескольких миллионов пудов каждый месяц. Помимо трудностей технического разрешения этого вопроса (фрахт), этот факт поставил бы Россию в полную зависимость от своих союзников.

4. Текстильная промышленность

Из всех отраслей текстильной промышленности мы остановимся только на положении хлопчатобумажной, которая играет главную роль в текстиле.

Хлопчатобумажная промышленность в связи с об'явлением войны некоторое время переживала временное сокращение производства, которое было вызвано разными причинами. Не было достаточного количества хлопка и пряжи, да и перспективы реализации товара не были ясны. Текстильные предприятия Петроградской губ. значительно сократили свое производство, ввиду невозможности отправить готовые товары. Владимирский губернатор сообщает о недостатке пряжи и хлопка и возможном сокращении работ на 26 предприятиях с 53 673 рабочими [2]). Предприятия других районов также сократили производство. «Это сокращение к концу августа достигло в прядильно-ткацкой отрасли 25% в Центральном и 30% в Прибалтийском районах» [3]). Нижегородская ярмарка прошла у крупнейших текстильных фирм с недовыручкой

[1]) «Горнозаводское дело», № 11—12, 1917 г., Железорудная промышленность юга России. Добыто руды в 3 районах в 1915 г. 59% от 1913 г., в 1916 г. — 80%.

[2]) Архив м-ва торг. и пром., отделение страхования от несчастных случаев, дело № 22/14, ч. 1.

[3]) «Известия Общества фабрикантов и заводчиков Центрального района», № 9, 1914 г., стр. 14.

в 30—40% и еще больше у фирм второстепенных, хотя понижения цен не было.

Впрочем, это угнетенное состояние рынка держалось недолго. Кон'юнктура выяснилась: фабриканты ожидали расширения спроса и под'ема цен. Правительство начало раздавать заказы на интендантство, которые получали почти все хлопчатобумажные предприятия. Цены на товары стали подниматься, и работа бумагопрядильных и красильных фабрик развернулась в размере $^2/_3$ своей производительности, а «бумагопрядильные фабрики, заваленные казенными заказами, работают полным ходом, причем на некоторых заведены ночные работы для женщин и малолетних» [1]). Впрочем, в первый год войны казенные заказы составляли только одну четверть производства, а вся остальная продукция реализовалась на частном рынке.

Для работы текстильной промышленности решающее значение имеет привозной хлопок. Война с Германией, а потом и Турцией отрезала Россию от египетского хлопка и затруднила доставку американского. На 1914/15 г. вопрос о хлопке разрешился следующим образом. Новый урожай и ввоз по азиатской границе давали 18 млн. пуд., старых запасов внутри страны было 6 млн. пуд. Получалось на 3,5 млн. пуд. меньше, чем было переработано за предшествующий год; однако при известной экономии можно было натянуть до следующего сезона, тем более, что надежды на американский хлопок не были потеряны. В общем, русских сортов хватало на весь год, недостаток был только в привозном хлопке — американском и египетском. Предприятия, работавшие на иностранном сырье, должны были частично сократить производство. Уже в сентябре 1914 г. 6 мануфактур во главе с Кренгольмской с количеством веретен до 1 млн. «работало всего 4 дня в неделю, и недостаток хлопка может привести к дальнейшему сокращению или даже полной остановке производства». Эти мануфактуры работали главным образом иностранный хлопок. Поэтому приобретение иностранного хлопка выдвигалось советом с'ездов в качестве серьезной задачи. Разрешение ее затруднялось из-за валюты и транспортных затруднений. До 15 февраля 1915 г. было закуплено в Америке хлопка 3,1 млн. пуд. Американский хлопок обходился с доставкой в Москву в 20—21 руб. пуд, а русский в это время поднялся свыше 30 руб. за пуд. К апрелю во Владивостоке было уже выгружено 1,5 млн. пуд. хлопка, но доставка его тормозилась, так как железнодорожное управление давало по 10 вагонов в день, или перевозилось по 5 тыс. пуд. в день — цифра мизерная [2]).

Оценивая общие условия для развития текстильной промышленности, мы должны сказать, что они сложились крайне неблагоприятно. При отсутствии достаточного количества сырья нечего было и думать о развитии производства. Поэтому все возраставший спрос для армии оставлял все менее текстиля для потребления населения. Ввиду недостатка привозного хлопка усилился спрос на русский хлопок, цены на

[1]) «Известия Общества фабрикантов и заводчиков Центрального района», № 11, 1914 г.

[2]) «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», выпуск II, стр. 219.

который стали быстро подниматься. Задержка в доставке внутреннего хлопка еще более усилила спекулятивный под'ем цен.

Включая и налог, цена хлопка в Москве не должна быть выше 19 руб. за пуд, а она дошла до 32 руб. Посредники заработали на реализации урожая хлопка 1914 г. добавочных 50 млн. руб., которые оплатило частью государство, а частью — потребитель. Торговля хлопком была сосредоточена в руках 38 фирм, которые, в свою очередь, находились в зависимости от 7 банков. Спекулятивные операции банков и являлись главной причиной роста цен на хлопок и пряжу, а в конечном счете и на мануфактуру. Недостаток в хлопке не может считаться главной причиной роста цен, так как за 11 месяцев 1914/15 г. хлопка было доставлено 27 млн. пуд., а потреблено 22,6 млн. пуд.[1]).

К лету 1915 г. цены на миткаль и ситец поднялись уже на 50% по сравнению с довоенными. Производство не удовлетворяло полностью спроса со стороны населения, что было использовано фабрикантами. Даже об-во мануфактурных торговцев обратилось с просьбой к правительству обуздать фабрикантов, чтобы те не поднимали цену. Промышленники об'яснили дороговизну ростом цен на хлопок и указывали на необходимость обуздать аппетиты банков и хлопковых торговцев.

В целях борьбы с дороговизной и более планомерного использования наличного сырья в июне 1915 г. был организован хлопковый, а затем и суконный комитет, который начал функционировать с августа. Хлопковый комитет должен был регулировать распределение сырья и цены. Были выработаны и установлены твердые цены на урожай 1915 г., но этого было недостаточно, так как напряженный спрос вызвал сильную конкуренцию, и поэтому покупатель соглашался платить сверх нормированной цены. Постепенно полномочия комитета были расширены, и он превратился в орган, который полностью регулировал хлопчатобумажную промышленность: распределял военные заказы, устанавливал цены, распределял хлопок.

Ни в одной другой отрасли промышленности мы не видим такой широкой компетенции комитета, как в текстильной. Промышленники поддерживали его деятельность, так как при его посредстве они получали сырье по твердым ценам, а часть продукции продавали на частный рынок без всякого ограничения цены. Когда Рябушинский выразил недовольство деятельностью комитета, Шаховской писал Штюрмеру, что комитет основан по инициативе московских фабрикантов. «Через комитет могут быть принимаемы в отношении отдельных отраслей промышленности лишь такие меры, которые соответствуют взглядам промышленников» [2]). И это совершенно верно. Вся деятельность комитета проникнута заботой об охране их интересов. Урожай хлопка 1915 г. был чрезвычайно хороший. Он определялся в 19½ млн. пуд. «В общем, в сезон 1915/16 г. хлопчатобумажные фабрики не только не испыты-

[1]) «Вестник финансов, торговли и промышленности», № 24, 1917 г., Н. Покровский, Нормировка хлопка и ее противники.

[2]) Архив м-ва торг. и пром., № 12/16, 1916 г., об установлении правил о некоторых мерах к упорядочению отдельных отраслей промышленности и торговли.

вали нужды в русском хлопке, но и вступили в новый сезон с запасами этого хлопка в количестве около 7 млн. пуд., из которых свыше 5 млн. пуд. находилось в фабричных складах» [1]). За весь сезон переработано около 21,5 млн. пуд. хлопка, из которых только 7—8 млн. пуд. пошли на частный рынок, а остальные — по заказам казны. Развертывание войны требовало все большего количества материальных ценностей для ее обслуживания. Они забирались, не считаясь с потребностями тыла. В 1915/16 г. хлопчатобумажная промышленность не переработала полностью то сырье, которое имелось в наличности. Об'ясняется это рядом затруднений в связи с недостатком топлива, красок, который тормозил развитие производства.

Распределение хлопка между предприятиями совершалось сперва пропорционально количеству веретен. Сначала распределили по 1,73 пуда на веретено, а в декабре 1915 г. была распределена следующая партия с таким расчетом, что предприятия оказались обеспеченными не менее чем на 65% своей годовой потребности в хлопке. От этого распределения выиграли крупные предприятия с хорошей техникой и большой производительностью. Интересна таблица потребления хлопка на веретено в год при 18-часовой работе [2]).

	Предприятий	%	Веретен	%
От $1^1/_2$ до 3 пудов	29	11,6	2 806 465	40,1
» 3 » 5 »	53	73,5	4 009 267	57,2
» 5 » 6 »	4	4,7	187 187	2,7
Всего	86	около 100	7 002 919	100,0

(По 14 предприятиям не удалось установить производительность веретена.)

Остальной хлопок делится между предприятиями, выполнявшими государственные заказы, пропорционально величине этих заказов, так что «предприятия, более интенсивно участвовавшие в поставках на армию, были в большей доле своей потребности покрыты отечественным хлопком» [3]). Среднее удовлетворение годовой потребности распределенным хлопком достигало 77,9%.

С каждым месяцем обслуживание текстильной промышленностью военных потребностей возрастало. Некоторые экономисты считают, что московские текстили были «обижены» правительством казенными заказами. Это совсем неверно. В начале 1916 г. мануфактурные предприятия обслуживали потребности обороны в размере 40% своей производительности, а 60% доставляли на рынок [4]). Это, конечно, меньший процент работы на оборону, чем, напр., казенные заказы метал-

[1]) «Вестник финансов, торговли и промышленности», № 24, 1917 г., ст. Покровского Нормировка хлопка.

[2]) «Известия Общества фабрикатов и заводчиков Центрального района», 1916 г., № 3, Д. Опарин, Снабжение хлопчатобумажных фабрик русским хлопком.

[3]) Там же, стр. 33.

[4]) Там же, 1916 г., № 1.

лообрабатывающей промышленности. Но на этом фабриканты не теряли, а выигрывали, так как на частном рынке они реализовали продукцию гораздо выгоднее, чем по государственным заказам. Постепенно размер государственных заказов увеличивался, и в 1916 г. эта отрасль хозяйства почти полностью работала на оборону.

Если возьмем промежуток с мая по октябрь 1916 г., то оказывается, что предприятия по военным поставкам сдавали 67,3% своей «нормальной производительности», а на частный рынок оставалось только $^1/_3$. «В действительности же на частный рынок может поступать не более 18—20% производства, так как фактическая выработка тканей на фабриках, ввиду количественного и качественного сокращения рабочего состава и систематического, за недостатком пряжи, простоя ткацких машин, меньше предполагавшейся нормальной выработки на 13—15%» [1]).

Абсолютный недостаток товаров для вольного рынка — вот об'ективная причина того роста цен, который неудержимо происходил на протяжении всего 1916 г. Крупные оптовые фирмы подняли прескурантные цены к осени 1916 г. от 50 до 125%. Но были и такие, которые произвели повышение свыше 150%. В мелочной торговле эти повышения были в несколько раз больше, чем приведенные мною коэфициенты, так как мануфактура стала предметом широкой спекуляции.

Урожай хлопка в 1916 г. был значительно хуже предшествовавшего года, он оценивался в 16 млн. пуд., но хлопок прошлого года не был целиком использован: на 25 августа 1916 г. запасы старого хлопка равнялись 10,2 млн. пуд.; таким образом текстильную промышленность можно считать обеспеченной хлопком на весь год [2]).

К осени 1916 г. правительство проводит ряд важных мероприятий в области усиления регулирования текстильной промышленности. Твердые цены на хлопок нового урожая были установлены в соответствии с интересами фабрикантов в 31 руб. пуд франко-Москва, а не 36-37 руб., как предполагали хлопкоторговцы. Но одного этого постановления оказалось недостаточно, и с 2 декабря 1916 г. сделки на хлопок становятся действительными только с санкции хлопкового комитета. Одновременно проводится регламентация цены пряжи. После этого устанавливается и более строгая нормировка цены готового товара. Сперва правительство нормировало цену товара лишь по заказам правительственных и общественных организаций, остальная часть свободно поступала на рынок и продавалась по вольным ценам. Фабриканты и оптовики наживались, вздувая вольную цену сверх всякой «нормальной» цены. Так как размер свободной продукции был мал, а спрос большой, то сбыт был обеспечен. В конце июля вводится первое ограничение оптовой торговли. 7 декабря 1916 г. издается постановление, которое устанавливает твердые цены уже и на ту часть товаров, ко-

[1]) «Известия Общества фабрикантов и заводчиков Центрального района», № 7, 1916 г., стр. 19, П. Тоболкин, Нормировка хлопчатобумажных тканей.

[2]) Там же, № 12, 1916 г.

торая продавалась для частного потребления. Товары ненормированные могли продаваться по вольным ценам только до 1 февраля 1917 г., после чего остатки берутся на учет комитетом и продаются уже по регламентированным ценам. Последние устанавливались не только для оптовой цены, но и для розничной, путем начисления известного процента на твердые цены.

Установили следующие максимальные надбавки к довоенным ценам (фабричная цена)

Ткани	%
Бельевые	125
Сатиновые	140
Одежные	150
Плательные	135

Если предположить, что эти расценки твердо соблюдались и принять в расчет надбавку для розничной торговли, то повышение цен надо считать на 200% против довоенных. Конечно, буржуазия осталась недовольна твердыми надбавками и стремилась добиться их повышения. Еще с 1915 г. она всячески боролась против регламентации цены товара, но защищала твердую цену на хлопок и пряжу. В конце 1915 г., когда повышение цен было особенно высоко, и хлопок исчез с рынка, «московские фабриканты и торговцы уже начинают склоняться к мысли о неизбежной реквизиции хлопка в крае, в том случае, если сокрытие хлопка станет явлением длительным» [1]). Правительство обеспечило снабжение фабрик хлопком и пряжей по твердой цене, которая была невыгодной для хлопкопроизводителей, так что в 1917 г. можно было ожидать в лучшем случае прекращения расширения засевов хлопка, а в худшем — сокращения [2]). Но, нормировав цену на сырье, правительство вынуждено было нормировать и производственную цену, а потом и продажную цену товара. Тем самым ограничивалась и величина прибыли. Правда, «твердая» цена была достаточно высока, чтобы обеспечить промышленникам и торговцам текстильными изделиями «приличную» прибыль. Все же промышленники начали борьбу за повышение цен. Они просили повысить надбавку по одним сортам на 35%, а на товары, выпущенные во время войны, — на 20% [3]). Отдельные фирмы,

[1]) «Известия Общества фабрикантов и заводчиков Центрального района», № 11—12, 1915 г.

[2]) «Вестник финансов, торговли и промышленности», № 27, 9 июля 1917 г.

[3]) М-во торг. и пром., отдел промышленности, № 3, 1917 г., о деятельности комитета для заведывания снабжением сырьем хлопчатобумажных

присылавшие ходатайства о повышении цен, указывали, что условия производства вздорожали на 210%, и т. д.

Уместно обратить внимание на то обстоятельство, что текстильная промышленность, несмотря на ее сложность, разнообразие сортов товара, оказалась именно той частью капиталистического хозяйства, которая подвергалась более глубокому вмешательству государственной власти, чем другие отрасли. Весь аппарат частной торговли и производства остался, но он выполнял определенные задания правительства. Сращивание государственного аппарата и этой отрасли капиталистического хозяйства произошло наиболее полно именно здесь. Был ряд обстоятельств, которые делали это выгодным для самой буржуазии, но и все же к этому надо добавить то, что за текстилями не стояла мощная система иностранного банкового капитала, который все время восставал против политики регламентации и ограничений, поэтому правительство легче справилось с сопротивлением доморощенной буржуазии.

Возвратимся к положению хлопчатобумажной промышленности. Несмотря на рост государственных заказов, которые достигали $^4/_5$ всего производства, на наличие колоссального рыночного спроса, текстиль не развил своего производства выше довоенной нормы. Потеря Лодзинского района создала благоприятное положение для Центрального и Петроградского районов. Но и в этих районах производство все время поддерживалось на одном уровне. Основным препятствием для расширения было отсутствие сырья. Приходилось в основном держать ставку на русский хлопок. Кроме того, недостаток топлива и рабочей силы, отсутствие металлов, машин, расстройство производственного аппарата все более и более расшатывали эту отрасль хозяйства. Постепенно производство сокращалось, станки останавливались.

К 1 октября 1916 г. мы имеем следующее количество остановившихся станков [1]):

Районы	Всего ткацких станков	Из них стояло	%
Московский	80 325	16 870	21,0
Владимирский	68 779	11 596	17,0
Костромской	26 825	4 210	15,6
Петроградский	14 046	2 110	15,0
Прочие	3 518	1 471	41,9
Всего	193 493	36 257	18,9

фабрик. Записка совета общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности от 16 января 1917 г., № 1415.

[1]) «Известия Общества фабрикантов и заводчиков Центрального района», № 12, 1916 г.

Из всех районов больший процент остановившихся предприятий приходится на мелкие районы, а потом на самые крупные: Московский, Владимирский.

К октябрю 1916 г. хлопчатобумажная промышленность работала только на $^4/_5$, а одна пятая предприятий остановилась. Но, что особенно важно, больше 50% станков остановилось из-за недостатка рабочих рук, и только около 15% стояло из-за недостатка пряжи. Общие условия войны проявлялись довольно разнообразным образом, в том числе и через недостаток рабочих рук, хотя в текстильной промышленности больше, чем в других, применялся женский труд.

Ко времени Февральской революции процент неработавших станков не увеличился, но общая загрузка фабрик достигала лишь 75%, из которых 82—85% тканей поступало на нужды обороны. В снабжении хлопчатобумажными тканями получалось такое соотношение: 8% мобилизованного населения забирало 85% производимых тканей, а на долю остальных 92% тыла оставалось не свыше 15%.

Нужда в хлопчатобумажных товарах страшно обострилась. В это время правительство выступило с проектом организации Центропряжи и Центрохлопка. Оба эти учреждения предназначались для того, чтобы организовать снабжение населения тканями. Буржуазия единодушно выступила против этой правительственной затеи, прикрываясь тем, что пока готовый продукт забирает армия, его не получит население [1]).

Буржуазия предлагала другой путь: сокращение потребления на оборону до 40% производства и развитие производительности фабрик. Собственно о последнем написано только для «порядка», так как увеличение производства хлопчатобумажных фабрик в создавшейся обстановке было нереально. Вот как характеризовалось положение текстильной промышленности самой буржуазией: «Однако при том органическом расстройстве ее, созданном недостаточным обеспечением рабочими силами, слабым поступлением топлива и сырья, почти полным отсутствием машинных частей и материалов, необходимых для технического ремонта, приходится думать лишь о поддержании промышленности на ее теперешнем уровне, а отнюдь не о ее интенсификации. Поэтому единственным средством возможного увеличения контингента тканей, поступающих для частного рынка, должно быть уменьшение работ на оборону» [2]).

Ко времени Февральской революции положение различных отраслей народного хозяйства оказывается одинаковым: топливная промышленность (уголь и нефть) свертывает свою производительность, и промышленники говорят лишь о том, как бы удержать ее на одном уровне; та же картина на транспорте, расстройство которого приняло угрожающий характер; аналогичную картину мы видели в старейшей капитали-

---

[1]) «Известия Общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района», № 1—2, 1917 г., К проекту Центропряжи и Центрохлопка.

[2]) Архив м-ва торг. и пром., заявление комитета по снабжению сырьем хлопчатобумажных фабрик на имя м-ра торг. и пром. от 14 марта 1917 г.

стической отрасли хозяйства — хлопчатобумажной. Война расшатывала основной костяк капитализма.

Комитет, как мы видели, выдвигает задачу удержания производительности фабрик на уровне 75% довоенных. Но окружающие условия складывались чрезвычайно неблагоприятно. В области снабжения хлопком произошли затруднения, которые грозили в ближайшем будущем остановить производство. С октября 1916 г. по февраль 1917 г. было перевезено хлопка вместо полагавшихся 7,6 млн. пуд. только 5,8 млн. пуд., т. е. недовоз достигал 1,8 млн. пуд.[1]). Этого хлопка хватило бы на 1 месяц производства всем фабрикам. К весне 1917 г. вследствие транспортных затруднений текстильная промышленность оставалась без хлопка. Перспектива снабжения топливом была еще более угрожающей. Вместо 34 млн. пуд. жидкого и 15 млн. пуд. твердого топлива, текстильная промышленность Центрального района могла получить в 1917 г. только 10 млн. пуд. жидкого и 8 млн. пуд. твердого топлива. «Вся эта недостача топлива должна повести к сокращению фабрично-заводских работ до 2-3 дней в неделю»[2]). Заводское совещание Московского района признало необходимым среди ряда других мероприятий закрыть часть предприятий, снабжать топливом лишь предприятия, работающие на оборону сверх 50%. Приведенных фактов достаточно для того, чтобы сделать вывод, что крах текстильной промышленности ко времени Февраля еще не наступил, но он совершенно ясно вырисовывался в качестве ближайшей и неминуемой перспективы.

---

[1]) Архив м-ва торг. пром., заявлеиие комитета в отдел промышлениости м-ва торг. и пром. о иеобходимости прииять ряд мер от 8 марта 1917 г.

[2]) «Известия Общества фабрикаитов и заводчиков Московского промышлеиного района», № 1—2, 1917 г.

Глава четвертая

ВОЙНА И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ

1. Железные дороги накануне войны

Среди других видов транспорта железные дороги имеют преобладающее значение для экономического развития страны. Они являются главным средством передвижения грузов и экономической связи отдельных районов между собой. Особенно велика роль железных дорог у нас, в России, при нашем бездорожьи и огромных расстояниях. Готовые товары доходят до потребителя, пробежав тысячеверстные расстояния. Промышленное сырье также перебрасывается с одного конца России в другой, вследствие нерационального расположения промышленных центров. Потоки грузов двигались в двух направлениях: полуфабрикаты и промышленное сырье с окраин в центр, и готовые продукты к потребителю, к периферии. С этой сложной работой железные дороги удовлетворительно справлялись в период депрессии. Во время же предвоенного промышленного под'ема выяснилось, что как постройка новых железных дорог, так и рост пропускной способности существующих отстают от общего темпа развития народного хозяйства.

Что касается новых железных дорог, то прирост их за предвоенное пятилетие равняется 3 694 верстам, что дает в год менее 740 верст. Соотношение между казенными и частными дорогами было такое же, как и по всем линиям: $^1/_3$ построена частными обществами и $^2/_3$ казной. На фоне общего промышленного оживления прирост сети был очень мал: он происходил «медленнее даже, чем в какой-либо другой период последних 40 лет, несмотря на то, что промышленное развитие страны, напротив того, совершается теперь значительно быстрее» [1]).

Даже буржуазия должна была признать, что «нужда в развитии сети остается в значительной степени неудовлетворенной». «В период промышленного под'ема увеличение грузового и пассажирского движения в России происходило быстрее, чем в любой западно-европейской

---

[1]) VII очередной с'езд представителей промышленности и торговли, доклад: «Рост промышленности России за последнее десятилетие», стр. 6. Всеподданнейшие отчеты и доклады министра путей сообщения нами использованы в Эконом. отделен. Ленинградского центроархива.

стране. Количество грузов с каждым годом возрастало. Прирост против предшествующего года достигал следующих размеров (в процентах) [1]):

Грузы	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Товарные	7	5,4	11,1	11,1	10,5
Пассажиры	8,4	11,8	8,2	11,7	12,5

В это же время прирост движения во Франции, Германии и Америке колеблется от 2,5 до 3%.

Прирост грузов опередил не только рост сети, но и рост подвижного состава. Чтобы хоть как-нибудь справиться с массой грузов, железные дороги увеличили нагрузку на ось вагона с 188 пуд. (1909 г.) до 254 пуд. (1913 г.). Нагрузка поезда за то же время поднялась с 14 633 пуд. до 18 472 пуд. [2]).

Если же обратиться к состоянию паровозного парка, то ни численно, ни качественно он не стоял на высоте. Количество паровозов на казенной сети за все пятилетие не выросло, а убавилось на 211 шт., на частных же железных дорогах число паровозов увеличилось за пятилетие на 176 шт. Таким образом общее количество паровозов сократилось, и это, когда «паровозный парк нашей казенной железнодорожной сети отличается большим разнообразием типов, часто весьма устарелых» [3]). Примерно четверть паровозов всего паровозного парка давно уже вышла фактически из строя, так как имела возраст от 40 до 45 лет, в то время как срок службы паровоза в России 25 лет [4]). Относительно вагонов ограничились лишь увеличением грузопод'емности с 750 пуд. до 900. Но это мероприятие могло лишь временно сгладить остроту недостатка товарных вагонов, число которых очень мало увеличилось. За пятилетие с 1909 по 1913 г. вагонный парк увеличивался в среднем на 1,4% ежегодно, и притом такой мизерный рост происходил главным образом за счет частных дорог, где годовой прирост равняется 5%, а на казенных дорогах — только 0,8% [5]).

Такова об'ективная сторона развития железнодорожного хозяйства. Правительство проводило «экономию» во что бы то ни стало. «Экономили» на постройке новой сети, на паровозах, на вагонах, во славу бюджетного благополучия. Естественно, что залежи на дорогах стали обычным явлением. В октябре 1909 г., когда грузооборот не достиг своего максимума, залежи достигли 81 тыс. вагонов. С тех пор до войны «залежи» не переводились. В первой половине 1914 г. количество залежей достигало 39 тыс. вагонов. На одной только Юго-восточной дороге в октябре 1913 г. было 13 тыс. вагонов залежей, к марту 1914 г. их удалось уменьшить до 9 290 вагонов [6]).

---

[1]) Цифры взяты из всеподданнейших отчетов м-ра путей сообщ. за 1909—1912 гг. и «Народного хозяйства за 1913 г.» — для 1913 г.

[2]) «Новый экономист», № 11, 1916 г., ст. В. А. Сокович.

[3]) Всеподданнейший доклад м-ра путей сообщ. за 1911 г., стр. 60.

[4]) И. Д. Михайлов, Транспорт, его современное состояние, стр. 6.

[5]) «Народное хозяйство в 1913 г.», стр. 518.

[6]) Записка совета с'ездов представителей промышленности и торговли о затруднениях в перевозке грузов на сети Юго-восточных ж. д.

Близорукость правительства доходила до того, что оно ничего не сделало для усиления пропускной способности железных дорог хотя бы с точки зрения военностратегической. К войне готовились путем усиления флота, армии, но ничего не сделали, чтобы подготовить железные дороги к той колоссальной роли, которую они сыграли во время империалистической войны. И это в то время, когда железные дороги являлись доходнейшими капиталистическими предприятиями, из которых правительство для бюджетных целей ежегодно выжимало сотни миллионов рублей, а частные предприниматели получали колоссальный дивиденд.

По данным всеподданнейших отчетов министра путей сообщения (за 1909—1913 гг.) чистая прибыль только казенной сети поднялась с 146,7 млн. до 307,4 млн. руб. Прирост более 100% за пятилетие. Такое же явление наблюдалось на частных железных дорогах. За то же время чистая прибыль увеличилась с 97 млн. руб. до 145,5 млн. руб. в год. А всего за пятилетие 1909—1913 гг. железные дороги дали 1 827,6 млн. руб. чистой прибыли [1]).

Железнодорожное хозяйство велось самодержавием без учета интересов народного хозяйства; превалировали интересы бюджета, дыры которого затыкались доходами от эксплоатации железных дорог.

Министерство путей сообщения принимало кое-какие меры, чтобы получить ассигнования на усиление дорог. В 1907 г. оно возбудило ходатайство об отпуске 916,1 млн. руб. на усиление пропускной и провозной способности железных дорог на пятилетие 1908—1912 гг. Но в это время самодержавие само изыскивало средства в Европе; за 1907/08 г. государственный долг вырос на два миллиарда, поэтому естественно, что транспорт денег не получил. В 1910 г. был представлен второй подсчет на 1 085 млн. руб.

«Между тем взамен этого в течение десяти лет, с 1905 по 1915 г. в среднем ассигновывалось ежегодно около 75 млн. руб. вместо намеченных планом 1907 г. 183 млн. руб. в год, т. е. усиление дорог ежегодно отставало, по крайней мере, на 100 млн. руб., и это при необычайном росте экономической жизни страны, который характеризовал последнее довоенное время» [2]).

Буржуазия напряженно следила за железнодорожной политикой правительства и предупреждала, что политика «экономии» неминуемо приведет к кризису. Предложения буржуазии были направлены к тому, чтобы усилить частное строительство и увеличить оборудование существующих путей, «дабы в годы, наиболее благоприятные по количеству перевозки грузов, не получился острый недостаток подвижного состава» [3]). Предупреждения «союзника» не

---

[1]) Данные о доходности взяты из всеподданнейших докладов м-ра путей сообщ., а общая итоговая цифра доходности за пятилетие взята из «Народного хозяйства в 1913 г.», стр. 521.

[2]) Неопиханов, Проблемы планировки и регулировки железнодорожных перевозок, стр. 114.

[3]) «Железные дороги России», доклад V с'езду представителей промышленности и торговли, стр. 59.

повели к переменам. Старая политика без изменения продолжалась до империалистической войны. Буквально накануне войны было заключено соглашение с Францией, которая для усиления стратегических путей в Западном крае соглашалась предоставлять нашему правительству заем в несколько сот миллионов франков ежегодно. Этими субсидиями воспользоваться не удалось. Да и изменить положение к лучшему они не могли. Нужно было широкое новое строительство, укладка вторых путей, усиление узловых станций. В первую очередь надо было усилить дороги Донецкого бассейна и те магистрали, по которым движется колоссальное количество грузов к центру России. В этом отношении ничего не было сделано. Перед войной уже начали сказываться результаты «мудрой» политики Рухлова. «Полностью же плоды этой политики правительство пожало во время войны, которая застала русскую железнодорожную сеть без всякого запаса провозной и пропускной способности, так как перевозочные средства далеко не удовлетворяли и потребностям обычных перевозок мирного времени» [1].

По расчетам Михайлова, для полного использования пропускной способности главных магистралей в 1913 г. нехватало 2 тыс. товарных паровозов и 80 тыс. товарных вагонов.

В качестве общего итога можно сделать вывод, что военные затруднения с ж.-д. транспортом в значительной мере были подготовлены всей предшествующей политикой правительства, которое не оценило той роли, которую транспорт должен сыграть как в подготовке военно-стратегических операций, так и в нормальной работе тыла.

2. Железнодорожный транспорт во время войны

Во время империалистической войны железные дороги находились в состоянии перманентного кризиса. Симптомы этого кризиса проявлялись уже накануне войны, когда выяснилось, что рост сети и подвижного состава из года в год отстает от роста народного хозяйства. Война создала чрезвычайно неблагоприятные условия для работы транспорта, которые привели к обострению кризиса. Она разорвала единую сеть железных дорог с одним регулирующим центром на две части: на дороги тыла и на дороги фронта — с различными управлениями. Можно сказать больше того: железные дороги фронта в организационном отношении не представляли единого целого, — они были разделены между отдельными фронтами, и их управление оказалось подчиненным главным начальникам снабжений. Военные дороги оказались независимыми от министерства путей сообщения, которое, однако, должно заботиться о снабжении фронта всем необходимым оборудованием. Военные действия происходили в районе, наиболее богатом железнодорожной сетью. Несмотря на это, ее состояние «совершенно не соответствовало ожидаемой работе по обслуживанию армий. Железные дороги были недостаточно развиты и оборудованы, их направление и устрой-

[1]) Неопиханов, Проблемы планировки и регулировки ж.-д. перевозок, стр. 114.

ство не отвечали новым грузовым потокам, вызванным войной» [1]). Недостаточная оборудованность железнодорожной сети, вызванная войной разруха и организационная путаница довели до того, что уже в августе 1915 г. генерал Алексеев писал: «Многие дороги стали совершенно непровозоспособными». Они оказались забитыми снабженческими грузами, а оперативные операции армий стеснялись. В качестве примера можно привести железные дороги Галиции, где под «оперативные перевозки предоставлялось не более 10—15% провозной способности, и остальная ее часть вся занималась по снабжению, а при отступлении из Галиции пришлось вывозить многомиллионные запасы, накопленные там в прямой ущерб оперативным перевозкам» [2]).

Мы не будем заниматься изучением влияния железных дорог на военностратегические операции армии. Для нас важно понять и исследовать работу железных дорог и их влияние на хозяйство страны, на хозяйство тыла в первую очередь, так как тыл являлся дополнением фронта, и там создавались материальные средства как для ведения войны, так для снабжения населения.

Железные дороги прифронтовой полосы были приспособлены почти исключительно для военных потребностей и нужд, и с этими задачами они справлялись плохо. Кроме того, благодаря отсутствию единого руководства получалось нарушение «правильного кругооборота вагонов, без коего невозможно рациональное использование железнодорожной сети» [3]).

Чтобы сколько-нибудь согласовать работу железных дорог фронта с общей системой дорог, во главе путей сообщения фронта был поставлен товарищ министра путей сообщения. В его компетенцию входили как военные перевозки, так и оборудование дорог фронта. Эту работу он вел согласованно с начальником штаба и министерством путей сообщения.

Война оказала глубочайшее влияние и на железнодорожный транспорт тыла. Мы не говорим уже об уменьшении подвижного состава на дорогах тыла, — она изменила направление грузовых потоков, что увеличивало пробег грузов и нагрузку отдельных участков пути. Торговые сообщения с союзниками поддерживались через Архангельск и Владивосток. Первый из них соединялся с Вологдой только узкой колеей, которая была переделана на широкую в конце 1916 г., поэтому главная масса импортируемых товаров поступала во Владивосток и оттуда через весь Сибирский путь перебрасывалась в центр. Эти перевозки забили участки Сибирского пути, прекращая нормальный оборот подвижного состава. В Архангельске и Владивостоке образовались громаднейшие скопления грузов, абсолютно необходимых для промышленности, которые нельзя было вывести из-за небольшой пропускной способности ж.-д. линии Архангельск — Вологда и Сибирского пути.

[1]) «Пути сообщения на театре войны 1914—1918 гг.», ч. 1, стр. 10—11.

[2]) Там же, ч. 1, стр. 10—11, прил. №№ 2 и 3.

[3]) Архив особого совещания по обороне, журнал № 23 от 11 ноября 1915 г., доклад Борисова, тов. м-ра пут. сообщ.

Последний был забит в ряде пунктов, а это нарушало нормальную работу всего громадного пути, сводя его до минимума. Москва, Ленинград и окружающие промышленные города превратились в центры оборонной промышленности, в них же подготовлялись комплектования армии. Все это требовало перевозки громаднейшего количества продовольственных и промышленных грузов, в значительной мере превосходившего потребности мирного времени. Военные грузы увеличивались с каждым годом войны и вносили значительные перебои в общий план перевозок. Район с наиболее густой сетью железных дорог был занят противником, что также сильно отражалось на работе транспорта. Громаднейшие потоки грузов текли на запад для прокормления и снабжения армии и населения. Миллионы беженцев забивали десятки тысяч вагонов. Эвакуация одной только Риги потребовала в течение месяца 15 531 вагон под эвакуируемые грузы и около 2 000 вагонов под рабочих и их семьи [1]).

Одновременно с такими ударными моментами работы транспорта, последний должен был выполнять свою нормальную работу: перебрасывать товары, сырье и другие материалы, необходимые для работы военных предприятий и потребителей тыла. Мобилизацию армии транспорт провел удачно, но, конечно, коммерческий грузооборот был остановлен. Железные дороги увеличили свою провозную способность, но она далеко отставала от потребностей страны в транспорте. «За 1914 г. осталось невывезенными до 2 млрд. пуд. частных грузов, перешедших, таким образом, дополнительно на 1915 г. Справиться с этой работой дороги, конечно, не могли, так как около трети всего подвижного состава занято было обслуживанием армии, ныне же не менее половины всех перевозочных средств железных дорог расходуется исключительно на нужды, вызванные войной. Понятно, что для удовлетворения прочих потребностей в перевозках средства дорог оказались недостаточными, несмотря на постоянное развитие их работы. Уже в 1915 г., несмотря на сокращение на 6 тыс. верст сети дорог, во второй половине года погрузка и прием возросли примерно на 10%, сравнительно с 1914 г. С 1916 г. работа дорог еще более возрастает, напр., за март 1916 г. общий пробег вагоно-верст увеличился на 32%. Работа наиболее затрудненных дорог, напр., Николаевской, Курской, Северной и др., поднялась в 1916 г. на 45, 60, а иногда на 135% сравнительно с 1914 г.» [2]). Дороги не справлялись с перевозкой не только обычных частных грузов, но и шедших в адрес оборонных предприятий. Годовой прирост грузов за время войны превосходил довоенный, а по азиатской сети он вырос в 3-4 раза, поэтому там «заторы» движений грузов наступили скорее.

Общее движение перевозок во время войны представляется в следующей таблице [3]) (см. на 131 стр.):

[1]) А. А. Поливанов, Мемуары, стр. 169.

[2]) Архив особого совещания по обороне, журнал № 65, 23 апреля 1916 г., доклад тов. м-ра пут. сообщ. Борисова.

[3]) М. М. Шмуккер, Очерки финансов и экономики железнодорожного транспорта России за 1913—1922 гг., стр. 49 и 53.

По всем дорогам	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Перевезено пассажиров в млн. человек	234,8	264,4	294	347,9
в %	100,0	112,5	125,0	148,0
Перевезено грузов в млн. пудов	13 826	13 737	14 612	17 228
в %	100,0	99,0	105,6	124,6

В 1916 г. работа транспорта увеличилась на 48% по пассажирскому движению и на 25% по грузам. Потребность в перевозках вырастала еще больше. Осенью 1916 г. дороги перевозили продовольствие в размере 50% потребностей армии; металл, топливо и ряд других материалов перевозились в чрезвычайно ограниченном размере, что и вызвало общий паралич хозяйственной жизни в конце 1916 г.

Все же увеличение перевозок в 1916 г. об'ясняется усилением нагрузки вагонов и паровозов за счет увеличения их изнашиваемости.

Соответственно этому увеличился пробег вагонов, паровозов и другие показатели, характеризующие работу транспорта. Военная обстановка требовала максимальной переброски людей и грузов в кратчайший срок. Параллельно с ростом работы увеличивалось и потребление топлива, которое сжигалось железными дорогами. Об этом мы уже частично говорили в главе о топливе. Сейчас представим общую картину потребления топлива [1]).

Годы	Каменный уголь (в млн. пуд.)	Нефть (в млн. пуд.)	Дрова (в тыс. куб. саж.)
1913	556,6	109,7	898,5
1915	676,6	138,1	1 357,2
1916	672,0	169,0	1 615,9
В 1916 г. в процентах по сравнению с 1913 г.			
	120,8	154,5	179,8

Потребление топлива в 1916 г. возрастает на 20,8% по углю, 54,5% по нефти и почти на 80% по дровам. Увеличение потребления угля почти целиком падает на донецкий уголь, который в 1913 г. составлял только 55% в общей массе потребления железными дорогами

[1]) ЦВПК, Потребление топлива железными дорогами за 1911—1916 гг., стр. 14.

угля, а в 1916 г. повысился до 75% [1]). Некоторые исследователи пытаются об'яснить рост потребления топлива ухудшением качества угля, такая точка зрения едва ли верна. Особая комиссия министерства путей сообщения обследовала зольность углей, получаемых транспортом от копей, и установила чрезвычайно незначительное повышение зольности. «Из полученных мною цифр, — пишет кн. Шаховской Николаю, — с ясностью проистекает тот вывод, что затруднения на железных дорогах ни в коем случае не могут быть об'ясняемы ухудшением качества получаемого топлива и должны быть отнесены на счет других причин» [2]). Такими причинами могли быть «изношенность» паровозов и рост движения. В конце 1916 г. процент больных паровозов значительно вырос. Контроль за сжиганием топлива ослабел, и по этим причинам в 1916 г. на 100 паро-верст сжигали топлива на 21% больше, чем в 1913 г. К этой причине надо еще прибавить увеличение работы железных дорог. Пропускная способность и рост перевозок по отдельным магистралям Сибири увеличились от 27 до 65%, в Донбассе — от 33 до 118%, из Петрограда — от 16 до 85%. Особенно сильно выросла работа железных дорог прифронтовой полосы, где потребление топлива дает больший прирост, чем по всем железным дорогам. В 1916 г. по всем видам топлива прифронтовые дороги потребили на 63% больше, чем в 1913 г. [3]).

Общее увеличение работы и провозоспособности транспорта во время войны совершенно бесспорно. Но, несмотря на это, кризис его также очевиден. В основном этот кризис железных дорог выражался в том, что, несмотря на рост провозоспособности железных дорог, они не справлялись с перевозками, которые все возрастали.

Прокопович, а за ним Шмуккер отрицают расстройство железных дорог. По их мнению, расстройства транспорта «фактически нет». «Можно и должно говорить, — пишет Прокопович, — о недостаточности развития сети железных дорог, о недостатке подвижного состава, а не о расстройстве транспорта» [4]). По расчетам Михайлова, железным дорогам империи по нормам движения 1913 г. недоставало 2 тыс. товарных паровозов и 80 тыс. товарных вагонов. Можно ли утверждать, как делает Прокопович, что это не отзывалось на работе транспорта? Конечно, нет. Недостающий подвижной состав пытались заменить путем более интенсивного использования имеющегося. Это приводило к перегруженности, к росту числа больных паровозов, вагонов, к увеличению потребления топлива, наконец, к тому, что железные дороги ни на фронте, ни в тылу не справлялись с своей задачей. В результате получился продовольственный голод в городах и на фронте при наличии больших запасов хлеба в тылу. Металлургические заводы юга остановились при наличии невывезенного угля в Донбассе. Как можно отрицать кризис и расстройство железных дорог, когда Сибирская дорога, игравшая во время войны колоссальную роль, сократила свою пропускную способ-

[1]) «Транспорт и народное хозяйство», вып. II, стр. 5.
[2]) Всеподданнейший доклад Шаховского 20 февраля 1917 г.
[3]) «Потребление топлива железными дорогами за 1911—1916 гг.», стр. 11.
[4]) Прокопович, Война и народное хозяйство, 2 изд., стр. 184.

ность до 10% нормальной? Кризис железных дорог, их расстройство, так полно выявившееся к концу 1916 г., об'ясняются, между прочим, и недостаточностью оборудования транспорта.

Уже в 1914 г. выяснился недостаток подвижного состава на дорогах тыла, что лишь частично об'ясняется тем, что фронт ограбил тыловые дороги подвижным составом. На дорогах фронта было сосредоточено около 7 тыс. паровозов и 218 тыс. вагонов, что давало на 1 версту пути почти в 1½ раза больше, чем на сети тыла [1]). Кроме того, за дорогами фронта образовался большой долг, который к концу первого года войны выражался в 35 тыс. вагонов и 600 паровозов. Начало войны дает увеличение залежей на железных дорогах, которые чем дальше, тем более возрастают. В первой половине 1914 г. они достигли 39 тыс. вагонов, во второй увеличились до 84 тыс. вагонов, к февралю 1915 г. их удалось уменьшить до 65 тыс. вагонов, но к февралю 1916 г. залежи достигают громадной цифры — 150 тыс. вагонов, «из коих 50 тыс. вагонов было грузов внеочередных. Кроме залежей в станционных складах, от 10 до 15 тыс. груженных вагонов стояло на рельсах» [2]).

Залежи стали хроническим явлением, нарушая тем самым нормальный ход экономической жизни страны и работы транспорта.

Слабость железнодорожной сети, недостаток подвижного состава — вот основная предпосылка военного кризиса транспорта. Можно утверждать, что этот кризис в ослабленной форме должен был разразиться и в мирной обстановке. Война его углубила и обострила, так как увеличила спрос на перевозки и забрала материальные средства, необходимые для снабжения транспорта. В распоряжении правительства не было достаточно средств, чтобы парализовать кризис. Нужны были десятки тысяч вагонов, паровозов, миллионы пудов рельс. Наши заводы могли всего этого дать чрезвычайно немного, так как их привлекли к работе на оборону. Транспорт, его ремонтные мастерские также были привлечены к выделке снарядов. Академик Ипатьев считает это самой большой ошибкой, которую сделало царское правительство. Рухлов всячески старался уклониться от этого, но особое совещание 23 мая 1915 г. постановило обратиться к нему с повторной просьбой о содействии в изготовлении артиллерийского снабжения «как путем отложения или передачи с одних заводов на другие заказов по вверенному ему ведомству, так и путем организации производства названных предметов в железнодорожных мастерских казенных, а равно и частных железных дорог» [3]). Трудно сказать была ли от этого большая польза артиллерийскому ведомству, но можно с несомненностью констатировать огромный ущерб, который принесла эта мера железным дорогам.

Недостаток подвижного состава на железных дорогах был отмечен еще в конце 1914 г. 29 декабря 1914 г. совет с'ездов представителей промышленности и торговли обратился к председателю совета ми-

[1]) А. Шмуккер, Очерки финансов и экономики железнодорожного транспорта, стр. 73.

[2]) Там же, стр. 65.

[3]) Особое совещание по обороне, журнал № 3, 23 мая 1915 г.

нистров с докладной запиской по вопросу о транспорте. Отметив очень тяжелое положение с перевозками, которое требовало принятия срочных мер относительно вагонов, записка говорит: «По предварительному подсчету требуется в пополнение вагонов парка, по крайней мере, 70 тыс. вагонов, между тем как все существующие вагонные заводы и мастерские железных дорог могут изготовить в 1915 г. 49 тыс., а ежемесячно около 4 тыс. вагонов, а по более верным сведениям г. министра путей сообщения эти заводы могут выпустить не более 2 500 вагонов в месяц» [1]). Далее записка рекомендует дать полную нагрузку нашим заводам на ряд лет, «не останавливаясь перед стоимостью вагонов», а недостающее количество заказать за границей. Из следующей записки, поданной 12 февраля 1915 г., видно, что заводы получили заказ на 36 115 вагонов. В 1916 г., при полной загрузке и субсидии со стороны правительства, производство вагонов, по мнению буржуазии, могло подняться до 63 тыс. вагонов. За два года наши заводы, при условии аккуратного снабжения необходимым металлом, могли выпустить до 100 тысяч вагонов. По сравнению с производительностью мирного времени эти цифры чрезвычайно велики. Но потребность в вагонах была значительно больше. В общем обе записки совершенно верно оценивают положение: потребность в вагонах была гораздо больше, чем могли доставить наши заводы, работая при полной нагрузке. Хозяйственные затруднения внутри страны — недостаток металла, угля, все большее привлечение промышленности к работе на оборону — сделали невозможным выполнение сколько-нибудь значительных заказов министерства путей сообщения в России. Нормальная работа промышленности была давно нарушена. Как ни срочны и необходимы были рельсы, вагоны и паровозы, но военное ведомство в первую очередь снабжало металлом заводы, изготовлявшие снаряды, отпуская очень скромную норму металла для нужд путей сообщения. Поэтому заказы министерства путей сообщения передаются в Америку. Но отсутствие достаточного количества валюты не давало возможности сделать там значительный заказ подвижного состава. То же, что удавалось получить, шло главным образом для удовлетворения дорог фронта. В тылу снимали сотни верст рельс, скреплений, отнимали паровозы и вагоны, и все отдавали военным дорогам. «Прирост подвижного состава в текущем году (1916 г. — *А. С.*) почти целиком был использован для удовлетворения нужд фронта, так что железные дороги тыла остались при прежнем количестве подвижного состава. Попытки ведомства поместить крупный заказ на подвижной состав за границею встретили затруднения в отношении обеспечения такового заказа валютой и тоннажем» [2]).

До сих пор мы говорили главным образом о вагонах. На самом деле громаднейшая нужда была и в паровозах, рельсах, скреплениях. Особенная нужда ощущалась в рельсах для железных дорог фронта.

[1]) Архив совета с'ездов представителей промышленности и торговли, папка 1, докладная записка № 32737, 29 декабря 1914 г.

[2]) Архив особого совещания по обороне, журнал № 127, 14 декабря 1916 г.

Широко развитая система железных дорог в тылу являлась необходимым условием ведения войны. Нужно было совершать массовые переброски войск, подвозить продовольствие, снаряжение, исправлять испорченный путь. Весной 1916 г. для ближайшего времени, по расчетам начальника штаба верховного главнокомандующего, потребность железных дорог фронта выражалась в 750 паровозов нормального типа, в 25 тысяч вагонов и 5 000 верст рельс [1]. Русские заводы были загружены полностью, и эти потребности могли быть удовлетворены только за счет иностранного заказа. Общие потребности транспорта достигли колоссальных размеров, они значительно превосходили указанные сравнительно скромные цифры дорог фронта. Таким образом «смягчение» кризиса транспорта целиком зависело от наших союзников.

В апреле 1916 г. английскому правительству была представлена нота как раз по вопросу о транспорте. В ней писалось, что «Россия не имеет никакой возможности собственными средствами изготовить требуемое количество рельс, вагонов, паровозов и автомобилей, а также и некоторых других предметов, необходимых для нужд министерства путей сообщения; в этом отношении ее производительность доведена до максимума, которого при всем желании перейти нельзя. Поэтому ей приходится обратиться за границу, чтобы обеспечить правильность перевозки войска и снабжения армии снарядами и всяким провиантом» [2]. К этой ноте был приложен и список необходимых заказов на сумму 136,34 млн. долл. и 422 тыс. ф. ст. Русское правительство просило соответствующих кредитов, чтобы указанный заказ был своевременно выполнен.

От аккуратного выполнения этого заказа зависело развитие военных операций, между тем, английское правительство не торопилось разобрать просьбу русского правительства — ускорить прохождение заказа по инстанциям английских властей. Сентябрьские кредиты 1915 года были израсходованы, а о новых Барк делал только предварительную разведку, которая показала, что выгоднее взять деньги у спекулянтов Америки, чем у «союзного английского правительства».

Пока шли переговоры, выяснились новые потребности транспорта, и указом от 25 июня 1916 г. Николай разрешил министерству путей сообщения «приобрести за границей 1 300 мощных паровозов, 35 тыс. товарных вагонов и 20 млн. пуд. рельс со скреплениями, на общую сумму 288 млн. руб.; независимо от сего ранее было разрешено заказать 6½ млн. пуд. рельс и 8 тыс. вагонов. Заказ этот предназначен в значительной своей части для обслуживания нужд дорог фронта» [3].

---

[1]) Особенная канцелярия по кредитной части, иностр. отдел, переписка м-ра путей сообщения, 1916 г., дело № 62, письмо ген. Алексеева м-ру пут. сообщ. Трепову.

[2]) Там же, нота, составленная 21 марта 1916 г. Н. Щукиным м-ру финансов для представления английскому правительству, которому вручена 19 апреля.

[3]) Там же, письмо Трепова Барку от 27 июля 1916 г., № 979.

Из-за этого заказа произошла серьезная борьба между министерствами финансов и путей сообщения, а с другой стороны, — между русским и английским правительствами. Не имея валюты, Барк просил «подождать» конца финансовой конференции, которая была перенесена из Парижа в Лондон. Между тем положение с рельсами обострилось до крайности. Трепов считал «необходимым прибегнуть даже к такой крайней мере, как снятие их на части некоторых, имеющих более или менее второстепенное значение железнодорожных линий» [1]). Ввиду того, что промедление грозило срывом военной кампании, громадными переплатами и необходимостью отправлять транспортные средства с тыла на фронтовые дороги, Трепов заручился согласием Николая и, не дожидаясь разрешения вопроса о валюте, дал в Америку заказ на 26,68 млн. пуд. рельс, стоимостью около 25 млн. долл., надеясь, что министр финансов «устроит впоследствии вопрос о кредите так или иначе». Барк приехал из Лондона без кредитов; финансовое соглашение было подписано только в октябре 1916 г. От других заказов за отсутствием валюты пришлось отказаться. В это время шла торговля о русском золоте, поэтому англичане не отпускали средств. Они отказались оплатить сделанный Треповым заказ и тем поставили министра финансов в безвыходное положение. 9 августа 1916 г. английское правительство прислало ноту, в которой категорически отказывается от оплаты заказа и от предоставления фрахта. «Лорд Грей уполномочивает посла: 1) раз'яснить, что великобританское правительство не сможет принять на себя по отношению к этим заказам никакой ответственности как в отношении фрахтов, так и их оплаты, и 2) обратить особое внимание на то, что заказы эти совершенно противоречат настоящему соглашению, при том, конечно, условии, что русское правительство не собирается платить за них из других источников, помимо английских кредитов» [2]). Так союзники помогали России укреплять разрушенный войной транспорт. При условии своевременного размещения всего «июньского» заказа он мог быть выполнен не ранее, чем к 1917 г., поэтому никак не мог ослабить транспортный кризис, который особенно обострился с осени 1916 г. Дальнейшее пополнение железных дорог происходит исключительно за счет внутреннего производства да покупки по мелочам за границей. Государственное банкротство, разруха транспорта и промышленности — вот экономическая обстановка, в которой самодержавие находилось за несколько месяцев до своего падения.

В августе 1916 г. министерство путей сообщения купило 80 старых паровозов у бельгийского правительства. Вместо больших заказов пришлось размениваться на мелочи и ими штопать громадные дыры нашего хозяйства.

В октябре 1916 г. был дан в Японию заказ на 27 новых паровозов и 26 старых. Но министерство финансов высказалось даже против этих мелочей, так как отсутствие валюты грозило поставить «русское пра-

[1]) Особенная канцелярия, иностр. отдел, дело № 62, 1916 г., письмо Трепова Барку от 27 июля 1916 г., № 979.

[2]) То же дело, нота английского правительства от 9 августа н. с. 1916 г., за № 364.

вительство в положение неисправимого плательщика по своим обязательствам» [1]).

В конце ноября министерству путей сообщения необходимо было валюты на сумму около 320 млн. руб. больше, чем оставалось всех неизрасходованных средств по английскому кредиту. Получить их можно было только «за счет будущего займа», хотя срок старого соглашения кончался только к 1 апреля 1917 г. Следовательно, нельзя было считать сколько-нибудь реальным получение новых средств. Военное министерство стало проявлять такие строгости, что валютная комиссия отказала МПС выдать 3,8 млн. ф. ст., которые соглашалось уплатить английское правительство. Министерство путей сообщения до 12 февраля 1917 г. получило английской валюты на 362,3 млн. руб., из которых оплачено было 112 млн. руб. Подавляющее большинство заказов приходилось на послефевральский период. Во Франции было получено всего только 22,6 млн. руб. валюты.

Подводя итог, мы должны отметить отсутствие серьезной помощи транспорту со стороны союзников. Англия совершенно не проявляла желания серьезно помочь России, наоборот, по всем документам видно, что она дралась за каждую копейку, которая расходовалась на транспорт. А между тем своими собственными силами Россия была не в состоянии не только увеличить количество подвижного состава, но даже компенсировать ту убыль, которая в 1916 г. достигла довольно значительных размеров.

До 1915 г. включительно количество паровозов и вагонов на железных дорогах растет, а за 1916 г. происходит значительное сокращение подвижного состава и паровозов. Очевидно, усиленная работа очень много вывела их из строя.

По данным статистического сборника за 1913—1917 г., мы имеем следующее движение паровозов и вагонов [2]).

	Паровозы (всех видов)	Вагоны (всех видов)
На 31 декабря 1914 г.	20 071	539 549
На 31 декабря 1915 г.	20 731	575 601
На 31 декабря 1916 г.	16 837	463 419

Цифры показывают громадное снижение к концу 1916 г. количества паровозов и вагонов. Очевидно, за 1916 г. транспорт особенно сильно износился, поэтому количество паровозов уменьшилось на 20% и на столько же сократилось количество вагонов. Это очень показательно. Если до конца 1916 г. кризис транспорта происходил при постоянном возрастании подвижного состава, то в 1916 г. кризис вступил во вторую стадию, более глубокую. Разруха транспорта происхо-

[1]) То же дело, письмо Барка Штюрмеру от 26 октября 1916 г.
[2]) «Статист. сборник за 1913—1917 гг.», вып. II, стр. 143 и 148.

дила так быстро, что производительность соответствующих заводов не успевала компенсировать потерь. Положение транспорта отражало только общее положение всего хозяйства. Империалистическая война потребовала от русского капитализма такого напряжения всех производственных ресурсов, что он не мог совершать просто процесса воспроизводства. Война стала вестись за счет основного капитала страны, который хищнически расхищался. На примере с транспортом это особенно рельефно можно проследить. Всю глубину упадка транспорта можно понять, если принять в расчет следующее. К 1 января 1916 г. было максимальное количество паровозов и вагонов. И при этих «благоприятных» условиях недоставало 128 313 товарных вагонов и 4 477 паровозов [1]). За 1916 г. дело не только не улучшилось, но и значительно ухудшилось. Кроме значительного абсолютного сокращения подвижного состава, происходил рост больных паровозов и вагонов. В августе 1914 г. больных товарных вагонов было 3,7% общего количества, в августе 1916 г. — 5,6%, а в январе 1917 г. — уже 6,9%. За два с половиной года войны количество больных вагонов почти удвоилось. «Больных» паровозов до войны было 16%, в январе 1917 г. — уже 17,5%, а в феврале процент поднялся уже до 22,2 [2]). Особенно бросается в глаза быстрое увеличение процента «больных», что свидетельствует об усилении разрухи в транспорте. Одновременно с увеличением разрушения парового парка и подвижного состава происходит понижение производительности железных дорог: уменьшается погрузка, скорость оборота подвижного состава значительно сокращается. Вот данные: оборот товарных вагонов удлинился с 5,4 суток для всего 1916 г. до 7,2 суток, т. е. на 33%, в январе — феврале 1917 г. Это было равносильно уменьшению работы всего товарного парка на $^1/_3$. За это же время суточная погрузка на 100 верст пути уменьшилась на 22%.

Вследствие разрухи промышленности и сокращения товарооборота значительно сократился грузооборот транспорта. Суточная работа транспорта на 100 верст пути сократилась в январе и феврале на 16%.

Все приведенные показатели о работе железных дорог свидетельствуют о глубоком кризисе, который переживал транспорт. Запасы топлива также значительно сократились. На 1 марта 1917 г. запасы угля на дорогах равнялись 50% того количества, которое было на 1 января 1917 г. и 22% по сравнению с запасами на 1 января 1915 г. [3]).

Несмотря на «бедственное» положение транспорта, военное министерство сделало попытку сократить производство рельс на 50%, обратив освободившийся металл на изготовление тяжелых снарядов.

Осенний кризис 1916 г. вовсе не является чем-нибудь исключительным, наоборот, он является необходимым выводом из того положения,

[1]) Последние две цифры взяты из одной сводки в деле иностранного отдела, которая не подписана, но, судя по общему характеру содержания, она совершенно точно отражает фактическое положение дела, и эти цифры можно считать вероятными.

[2]) А. Шмуккер, Очерки финансов и экономики ж.-д. транспорта, стр 74

[3]) Цифровые данные мною вычислены на основании работы Михайлова «Транспорт».

в котором к осени оказался транспорт. Недостаток подвижного состава, отсутствие металла и других материалов для ремонта, дезорганизация рабочей силы остро чувствовались уже летом 1916 г. Указывая на них, Трепов писал Штюрмеру, что они «в близком будущем могут не только затруднить дальнейшее развитие перевозок, вообще на всех дорогах тыла, но крайне затруднить и поддержание движения в настоящих его размерах» [1]). Никаких мер, которые могли бы уничтожить эти отрицательные явления, не было принято, да и принять их было очень трудно, в силу общей дезорганизации народного хозяйства.

Для организации работы транспорта в августе 1915 г. было создано особое совещание по перевозкам, которое должно было ввести плановость в перевозку грузов. Постепенно в плановом порядке стали перевозиться военные грузы, интендантские, топливо, металл, хлопок, продовольствие для Северного и Северо-западного районов. Военное ведомство настаивало на введении общего плана перевозок. Признавая его весьма желательным, министерство путей сообщения все же не могло провести его в жизнь. В декабре 1916 г., чтобы сколько-нибудь организовать работу транспорта, начальник штаба ген. Гурко предложил «провести спешно в законодательном порядке милитаризацию всех железных дорог империй». Трепов являлся сторонником этой идеи, но практически осуществить ее до Февральской революции не удалось. Кризис транспорта особой остроты достиг за несколько месяцев до Февральской революции, когда месяц за месяцем очень быстро сокращалась провозоспособность железных дорог. Увеличился недогруз угля, железа, продовольствия. Промышленность осталась без топлива, города — без хлеба, металлические предприятия — без металла. Обнаруживался паралич важнейших отраслей хозяйственной жизни. Уже в октябре вырисовывались тревожные симптомы надвигающегося кризиса. Родзянко требует плановости перевозок «без различия районов тыла и фронта». Обследование кавказских дорог в декабре 1916 г. установило, что для улучшения работы их нужны рабочие руки, металл, продовольствие. Провозоспособность Сибирской дороги упала в несколько раз. Она должна была дать 1 200 вагонов в день летом и 1 000 вагонов зимой. Даже эта «нормальная» провозоспособность отставала от потребности, которая измерялась в 1 350 вагонов. Погрузка же во Владивостоке сократилась до 150, потом до 100 и даже до 40 вагонов в день. В январе она опять повысилась до 100 вагонов, что давало всего 10% зимней провозоспособности. Во Владивостокском порту скопилось 26 млн. пуд. чрезвычайно важных грузов, которые не могли быть переброшены внутрь России [2]).

Февраль с морозами и буранами еще ухудшил положение с перевозками. Продовольственный кризис в городах обострился. В течение нескольких заседаний особое совещание по обороне обсуждало создавшееся положение. Буржуазия очень пессимистически оценивала создавшееся положение: «С самого начала войны не было еще такого крити-

[1]) Перепнска между Треповым н Штюрмером.

[2]) Журнал заседання особого совещання по обороне, № 135, 14 января 1917 г.

ческого для России момента, как тот, который переживается нами ныне», говорил Гучков, и он был совершенно прав. С самого начала войны не было еще такого глубокого кризиса транспорта и промышленности, как перед Февралем. Никогда еще продовольственные затруднения не достигали такой остроты как теперь. На-ряду с экономическими затруднениями, буржуазия видела громаднейшую опасность нарастающего революционного движения масс, поэтому принимала все меры к тому, чтобы дело не дошло до открытой революции. Отсюда предложение созыва 4 особых совещаний под председательством Николая, где бы можно было развернуть всю картину экономического краха и политической опасности, чтобы добиться в свою пользу ряда экономических и политических уступок. Чиновники из министерств считали совершенно излишними чрезмерные опасения буржуазного крыла совещания. События в конце февраля опровергли их чрезмерный оптимизм. Расстройство железнодорожного транспорта является одной из важнейших причин того кризиса, который переживало хозяйство России перед Февральской революцией. С разрешением транспортной проблемы русский капитализм не мог справиться собственными средствами. Самодержавию пришлось обратиться за помощью к союзникам, но их помощь пришла слишком поздно: революционная волна уже смыла его своим потоком.

Глава пятая

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС И ДОРОГОВИЗНА

Влияние империалистической войны на всю нашу экономику было крайне многосторонне. Она оказала дезорганизующее влияние на промышленность, транспорт и финансы. Поэтому и для об'яснения причин продовольственного кризиса надо прежде всего ознакомиться с положением сельского хозяйства.

Под влиянием войны сложился целый ряд факторов, которые оказывали глубочайшее влияние на сельское хозяйство. Мы отметим здесь только наиболее главные.

Прежде всего и больше всего сельское хозяйство испытывало влияние войны от мобилизаций, которые отрывали людей, скот и инвентарь. В армию было взято около 15 млн. человек, что составляет 46,8% общего числа взрослых трудоспособных мужчин. Если в первый год войны говорили, что взято только «избыточное» население, то последующие мобилизации забирали основных работников крестьянского хозяйства. Ушедших заменяли старики, дети и женщины, но многие хозяйства, особенно помещичьи экономии, лишились необходимых работников и сокращали засев. В 1915 г. отмечается уже повсеместный недостаток в рабочих руках. Имеющиеся данные рисуют следующую картину: «В 1914 г., несмотря на мобилизацию, недостатка рабочих в сельском хозяйстве в общем не было» [1]). Из 44 губерний только в 14 отмечался недостаток рабочих рук. В 1915 г. картина резко меняется: недостаток рабочих рук был отмечен в 36 губерниях, его не было — в 9 [2]). Применение труда пленных, — осенью 1915 г. в сельском хозяйстве их было занято 266 тыс. человек — не могло заменить миллионов мобилизованных работников, да и получали пленных только помещики и богатые крестьяне.

Недостаток рабочей силы помещики пробовали заменить сельскохозяйственными машинами, но их также оказалось недостаточно.

Внутреннее производство машин и импорт их из-за границы сократились. Почти 50% потребностей мы удовлетворяли привозными машинами. За время войны ввоз сельскохозяйственных машин почти прекратился: 1915 и 1916 гг. дают лишь десятые доли процента довоенного импорта. Внутреннее производство за 1914—1916 гг. дало

[1]) «Труды комиссии по изуч. соврем. дороговизны», вып. III, В. Милютин, Сельскохозяйственные рабочие, стр. 179.

[2]) Там же, вып. IV, В. Милютин, стр. 61.

только 50% по сравнению с 1913 г. Поэтому на-ряду с недостатком рабочих рук была сильная нужда в инвентаре и машинах. Оба эти процесса шли параллельно, усиливаясь с каждым годом войны. По мобилизациям было забрано в армию до 2 млн. голов лошадей, большая часть которых была из'ята из крестьянских хозяйств.

Следствием указанных выше условий было разрушение сельского хозяйства, сокращение посевной площади и уменьшение урожайности.

Необходимо отметить еще одно очень важное обстоятельство: разрыв экономических связей сельского хозяйства с мировым рынком, с которым оно было связано до войны тысячью нитей. Целые районы России работали почти исключительно на экспорт. Украинская пшеница, ячмень, сибирское масло — все это продукты, которые по преимуществу являлись экспортным товаром. Выступление Турции на стороне Германии отрезало наше сельское хозяйство от английского и итальянского рынков. Начался процесс перестройки экономических связей, приспособление их к потребностям внутреннего рынка. Хотя правительственные покупки в значительной мере расширили и углубили покупательную способность внутреннего рынка, но, конечно, они не могли дать того, что давал мировой рынок.

Распад промышленности, отвлечение все большей части ее продукции на удовлетворение потребностей обороны, уменьшение товаров на рынке и переполнение каналов обращения обесценивающимися бумажками, на которые нельзя было купить не только средства производства, но и средства потребления: мануфактуру, сахар, кожу, — все эти обстоятельства уменьшали стимулы к расширению сельского хозяйства.

Выясним количественную сторону упадка сельского хозяйства. Наиболее показательным признаком является изменение посевной площади. При отсталости нашего хозяйства, когда решающую роль в урожае или неурожае играют чисто стихийные явления, очень трудно за 2-3 года проследить, как отразилось на урожае влияние войны. Несомненно, что обработка почвы ухудшилась, а поэтому должен ухудшиться и урожай, но действие этого фактора полностью проявляется только тогда, когда он совпадает с неблагоприятными климатическими условиями, или когда истощение хозяйства заходит далеко, а плохая обработка становится хроническим явлением.

Остановимся более подробно на посевной площади и ее изменении.

Так как данные довоенной сельскохозяйственной статистики подвергались значительным исправлениям, то главное значение для нас будет иметь не абсолютная величина посева, а его процентное отношение. По подсчетам проф. Кондратьева, за исключением оккупированных за время войны областей, посевная площадь 1916 г. по сравнению с довоенным пятилетием сократилась на 6,7%. Его данные самые минимальные. Другие источники дают большее сокращение посевных площадей.

Озимый посев 1914 г. удалось произвести без больших сокращений, так как подготовительная работа к посеву была проделана еще до войны.

В 1915 г. тенденция к сокращению посевов обнаруживается совершенно ясно. По 53 губерниям и областям империи недосев озимых достиг 7,1% [1]). Недосев крестьянских хозяйств — 6,5%, а у частных владельцев — 9,9%.

В 1916 г. посевная площадь под главными культурами уменьшилась еще на 4,9% по сравнению с предшествующим годом. Сокращение посевов приходится главным образом на северные, центральные и восточные районы, а увеличение — на южные и западные губернии [2]).

Если сравнить движение посевов по районам, то получим, что в 1916 г. по сравнению с 1913 г. посевная площадь черноземной полосы сократилась на 9,6%, нечерноземной — на 9,2%, а всего по РСФСР — на 8,4% [3]). Данные указывают, что большее сокращение посевной площади произошло в Европейской России, а в Азиатской она даже немного расширилась.

Из отдельных хлебов увеличился посев льна, подсолнуха, гречи, кукурузы, озимой пшеницы и яровой ржи, а остальные хлеба дали очень большое сокращение: значительно сократился посев сахарной свеклы, которой в 1916 г. было засеяно на 13,5% меньше, чем в 1914 г. Профессор Огановский внес ряд исправлений в средние цифры посевов по районам; на одно из них мы здесь и обратим внимание. По его подсчетам, сокращение посевов не произошло равномерно между черноземной и нечерноземной полосой, как в приведенных мною данных, а в первой — посев сократился на 11%, а во второй — только на 4,9% [4]). Эта поправка весьма существенна. Она подчеркивает ту особенность, что разрушение сельского хозяйства и сокращение посева больше произошли в районе капиталистического земледелия, связанного с внешним рынком. Что касается валового сбора хлебов, то он важен для разрешения вопроса: хватало или нет хлеба для продовольствия страны. По расчетам проф. Кондратьева, валовой сбор хлеба в 1915 г. уменьшился на 9%, а в 1916 г. — на 27,3% по сравнению с довоенным пятилетием. Но в этих подсчетах не учтен один факт — уменьшение сбора хлебов вследствие потери территории. Если внести соответствующую поправку, то общий сбор хлеба в 1915 г. будет даже больше довоенного, а недобор 1916 г., во всяком случае, будет не больше, чем на 15%.

Благодаря прекращению экспорта, от урожая 1916 г., по подсчетам особого совещания по продовольствию, оставалось 444 млн. пуд. ржи, пшеницы и ячменя. Но если в оценке 1916 г. согласиться с Кондратьевым, который насчитывает недостаток в 88,7 млн. пуд., то относительно наличия излишков за два предшествующих года никаких сомнений не может быть. По правительственным расчетам, «общие избытки хлеба в стране в 1915/16 сельскохозяйственном году могут быть выражены

---

[1]) «Известия особ. совещ. по прод. делу», № 22, стр. 68.

[2]) Там же, № 27, стр. 99.

[3]) «Сельское хозяйство в России в XX веке», стр. 109, 111, 113. Необходимо иметь в виду, что РСФСР имеется в виду до образования Союза, кроме того, в подсчет не входят Туркестан, Закавказье и ДВО.

[4]) «Плановое хозяйство», № 2, 1925 г., Н. Огановский, Сельское хозяйство СССР и его ресурсы, стр. 67.

величиной более миллиарда пудов» [1]). Выводы исследования особого совещания по продовольствию не расходятся с подсчетами проф. Кондратьева [2]), по мнению которого, после удовлетворения всех потребностей страны в хлебе, получается для 1914/15 г. излишков (без картофеля) 593,6 млн. пуд., для 1915/16 г. излишков (без картофеля) 944,4 млн. пуд., для 1916/17 г. недостаток (без картофеля) 88,7 млн. пуд.

Суммируя все вместе, получаем хлебных излишков почти 1½ миллиарда пудов. Следовательно, хлеб в стране был, а потому вся проблема о продовольственном кризисе становится не в плоскость отсутствия продовольствия. Россия — единственная из воевавших стран — переживала продовольственный кризис при наличии внутри страны громаднейших избытков хлеба. Об'яснение этого кризиса кроется в разорванности торговой связи между районами производства и потребления, в транспортной разрухе, спекуляции, отсутствии промышленных товаров и, наконец, неудачной правительственной политике хлебозаготовок и регулирования рынка.

Дороговизна и недостаток продовольственных продуктов обнаружились в городах чуть ли не на второй день после начала войны, когда вообще странно было говорить об отсутствии продовольствия. Продовольственные затруднения постепенно расширялись, углублялись и к весне 1915 г. приобрели «всеобщий характер». В 1915 г. уже по 47 губерниям России 88% городов и 82% уездов заявили о недостатке хлеба, соли, сахара и рыбы.

На почве продовольственных затруднений, недостачи продуктов и растущей дороговизны начинается широкая волна «беспорядков». В апреле 1915 г. продовольственное движение было в Москве и Петрограде. В мае 1915 г. продовольственные затруднения явились причиной забастовки и демонстрации протеста иваново-вознесенского пролетариата. В августе — новое столкновение населения с полицией в Москве, которое кончилось расстрелом. В 1916 г. продовольственные движения приняли общероссийский характер. В июне 1916 г. были беспорядки в Канавине, Нижегородской губернии; произошло столкновение с полицией, в результате чего были раненые и арестованные. Продовольственное движение в Сормове захватило около 10 тыс. человек. Откликом сормовского движения явились продовольственные движения в ближайших деревнях. Почти одновременно продовольственные движения были в Харьковской и Саратовской губерниях, в Костроме. В общем «летом 1916 г. почти каждый российский город и городишко знал продовольственное движение», пишет т. К. Сидоров, специально изучавший этот вопрос. Во многих местах причиной движения являлся недостаток сахара или спекулятивные цены, по которым продовольственные продукты можно было достать в неограниченном количестве.

Особенно остро дело обстояло с сахаром, производство которого из года в год сокращалось, а потребление возрастало. Предложение сахара вместе с остатками в 1914/15 г. было 126,6 млн. пуд., а в 1916/17 г.

[1]) «Известия особого совещания по продовольствию», № 23—24, Избытки хлебов в России, стр. 55.

[2]) Проф. Кондратьев, Рынок хлебов, стр. 44.

сократилось до 82—83 млн. пуд. Обнаружился явный недостаток сахара. Поэтому правительство постановило в октябре 1916 г. ввести из-за границы 20 млн. пуд. сахара до 1 сентября 1917 г. Причины сахарного голода заключаются в увеличении потребления, сокращении площади посева и громадной гибели свекловицы. В 1915 г. в поле осталось 11% выкопанной свеклы, а в 1916 г. — 3,7% посева осталось не выкопано. Кроме того, за отсутствием топлива, сахарные заводы не могли переработать даже имевшуюся в наличности свеклу.

Большие затруднения были в снабжении городского населения и армии мясом. На-ряду с этим явлением статистика скотоводства отмечает в 1916 г. рост численности мелкого скота и сокращение крупного всего только на 2 млн. голов. Это сокращение численности скота может быть отнесено за счет уменьшения территории. Истребление скота шло далеко не равномерно. За первые 18 месяцев войны было убито свыше 10 млн. голов скота, что составляло 20% скота по империи и 30% по Европейской России, где количество скота уменьшилось с 40 млн. голов до 31 млн. Здесь война затронула даже основной капитал скотоводства [1]). Лишний скот был на окраинах России, в Азиатской России, откуда очень трудно было доставить его к центрам потребления. Пришлось сократить солдатский мясной паек и ввести мясопустные дни. Снабжение мясом было «монополизировано почти всецело правительственной организацией, взявшей на себя обязательство довольствовать мясом не только армию, но и население страны». Поступление мяса на частный рынок значительно сократилось.

	Петроград		Москва	
	1915 г.	1916 г.	1915 г.	1916 г.
Июнь—июль	58 563 гол.	16 370 гол.	69 971 гол.	14 350 гол.

Правительство не справлялось сколько-нибудь удовлетворительно со своей задачей, поэтому цены на мясо сильно поднялись: июльская цена 1916 г. в Петрограде по сравнению с ценой в июне 1914 г., которая принимается за 100—190%, а в Москве — 215%; в четырех других крупных городах цены на мясо за то же время достигали 180—220%. Кроме сахара и мяса, нехватало коровьего масла. Уже в 1915 г. снабжение армии маслом было признано возможным только при условии использования всех запасов страны, поэтому в сентябре 1915 г. был запрещен экспорт масла за границу.

В начале войны перед правительством стояла сравнительно скромная задача — снабжать армию. С этой задачей оно легко справлялось. Численный состав армии постепенно увеличивался, кроме того, государству пришлось взять снабжение рабочих и городского населения, поэтому заготовительные операции с каждым годом расширялись: «Было заготовлено в первый год 300 млн. с лишним пудов разных хлебов, а во второй — 500 млн. с лишним и предстоит еще заготовить 700 с лишним

[1]) Обзор деятельности особого совещания по продовольствию, стр. 92—93.

млн.» [1]). Заготовительные операции были поручены главноуправляющему землеустройством и земледелием, который через своих уполномоченных вел заготовки. Кроме этого органа, местные власти, городские управления также совершали заготовки и пользовались правом регулировки цен. В августе 1915 г. было создано особое совещание по продовольствию; на местах уполномоченные этого совещания руководили продовольственной работой. Параллельно с этой системой существовали продовольственные органы общественных организаций, городских управ и т. д. Местные организации были слабы экономически, не пользовались доверием правительства. Поэтому главные заготовительные функции лежали на особом совещании, председатель которого пользовался широкими правами регулировки цен. Правильной работе этого органа мешала борьба министерства внутренних дел, которое добивалось перехода всего продовольственного дела в свои руки. В результате получалось такое положение, при котором «продовольствием в России никто не занимался» [2]). Особое совещание без помощи представителей общественных организаций не могло наладить работу; последним тоже не разрешалось широко развить работу и устраивать с'езды, так как на них занимались политикой. В период продовольственного кризиса среди правящих сфер появилась мысль о назначении продовольственного диктатора, которому передавалось все дело продовольствия армии и тыла. Об этом интересном факте Протопопов в своих показаниях рассказывает следующее: «У бывшего царя явилась мысль назначить полномочное лицо для продовольствия армии, флота и тыла, согласовав все элементы этого дела в одних руках. Воейкова предназначили на этот пост... Этот диктатор связал бы, однако, всех работников продовольственной сети в своем лице, не исключая и работу общественных организаций, что дало бы силу этому делу. Мысль эта мне нравилась. Воейков — человек коммерческий, и я надеялся, видеть пользу от такого устройства. Бывшего царя в этой затее я поддерживал, но неудачно, — она не прошла в жизнь» [3]). В декабре 1916 г. этот вопрос был полностью разработан. Чтобы избежать параллелизма, предполагалось, что «верховный начальник по продовольствию» будет и министром земледелия, а по должности и председателем особого совещания по продовольствию Так как предполагаемый диктатор должен быть военным человеком, то ему должны подчиняться и военные власти. Назначение не состоялось, по показаниям Протопопова, ввиду протестов Трепова и Макарова, которые считали, что полномочия диктатора ограничат их компетенцию как министров.

У Протопопова был «свой план» продовольствия страны. Заключался он в том, чтобы ввести разверстку и отменить твердые цены. «Я считал вредным твердые цены, ибо твердые цены не прибавляют количества товаров», показывал на допросе Протопопов. Добившись согласия царя на передачу продовольственного дела в свое ведение, в министер-

1) «Материалы по вопросу об установлении твердых цен», ч. 3, стр. 6, доклад товарища м-ра земл. Глинки.

2) «Падение царского режима», т. V, стр. 284, показания Протопопова.

3) Там же, т. IV, стр. 26.

ство внутренних дел, он потом спасовал и отказался от проведения этого в жизнь.

Поэтому старая система организации продовольственного дела осталась до Февральской революции.

Частичное регулирование цен сельскохозяйственных товаров проводилось путем местных такс, ограничения вывоза хлеба и других обязательных постановлений. В основу такс принимались рыночные цены, бывшие к моменту таксировки; таксы фиксировали повышенные цены. К осени 1915 г. выяснилась недостаточность этих мероприятий, и правительство установило твердые цены, обязательные для закупок правительственных и общественных организаций. По сути дела это была «фиксация корректированных вольных цен», говорит Кондратьев. Они существовали до нового урожая 1916 г., когда вопрос о ценах вновь стал во весь рост. В качестве подсобного средства к твердым ценам существовала реквизиция с понижением твердой цены на 15%. Буржуазия по поводу реквизиций подняла бурю протестов, и об'ясняла чуть ли не все расстройство хлебного рынка реквизициями, хотя они применялись чрезвычайно осторожно. В заготовках 1914 г. было путем реквизиций забрано хлеба 0,1%. 21 сентября 1916 г. министры земледелия и внутренних дел особой телеграммой предупредили об осторожном применении этого метода заготовки. Можно сказать, что правительство слишком покровительствовало торговцам и помещикам, чтобы этот метод широко применить. До кампании 1916 г. «50% хлебов куплено не непосредственно из первых рук производителей зерна» [1]). В заготовительную кампанию 1916/17 г. правительство думало обойтись без посредников, поэтому отвергало предложение банков, хотя и признавало, что в их руках концентрируется громаднейшее количество зерна.

Но прежде всего на с'езде уполномоченных (25 августа 1916 г.) встал вопрос о величине твердых цен. Особое совещание проделало подготовительную работу по их выработке. Места тоже представили свои соображения. Еще до с'езда выяснилось, что аграрии намерены высоко поднять цены. Докладывавший тов. министра Глинка высказался за возможное повышение, не свыше чем на 20—25% против существовавших твердых цен. «Я полагаю, что увеличение стоимости хлеба, каковы бы ни были подсчеты себестоимости производства, не может быть, — по крайней мере, по тем данным, которые я видел до сих пор, — допущено выше 20—25% нынешних твердых цен» [2]). Представитель военного ведомства, передавая точку зрения генерала Алексеева, говорил о «справедливом» повышении цен, так как рабочие относятся к ценам на хлеб «чрезвычайно остро». В секции, где вырабатывались цены, величину «справедливого» повышения определяли в 20%. «Между тем повышение отдельных проектированных цен достигает до 40 и даже до 50%». С'ездом уполномоченных были приняты чрезвычайно высокие цены, которые были проведены через особое совещание по продовольствию.

---

[1]) «Материалы по вопросу об установлении твердых цен до урожая 1917 г.», ч. 3, стр. 8.

[2]) Там же, стр. 10.

Около твердых цен завязалась серьезная борьба между буржуазией и аграриями, которая вышла за пределы только с'езда уполномоченных. Союз городов, ЦВПК, другие буржуазные организации оказывали серьезное сопротивление аграриям. Они понимали, что повышение цен ведет к росту дороговизны, повышению заработной платы, к уменьшению их сверхприбылей, или к забастовкам рабочих, что опять-таки уменьшало их прибыли. С'езд принял постановление, «чтобы правительство не замедлительно установило твердые цены на все продукты массового потребления». Но против такого постановления голосовали представители министерств торговли, финансов, промышленности и контроля. Аграрии вовсе не хотели остаться в долгу перед промышленниками, а потому провели постановление о твердых ценах на промышленные изделия. Практического значения это постановление не имело, но оно намечало тенденцию развития политики регулирования. Твердые цены на хлеб устанавливались как на месте производства, так и потребления. Разница в ценах достигала лишь 5% на накладные расходы и 5% прибыли оптовикам. В особом совещании по продовольствию Громан предлагал повысить цены на пшеницу на 15%, рожь — на 20%, овес — на 20%, ячмень — на 28% против «существующей» твердой цены, но это предложение, как и все другие, направленные на повышение твердой цены, было провалено. Принятое постановление о ценах было многими членами опротестовано и передано на решение военного министра, который признал их «преувеличенными». В особом совещании по обороне было более сильно влияние группы промышленников, а по продовольствию — аграриев. 8 сентября на совместном заседании этих обоих совещаний было с трудом проведено снижение цен: на рожь — 10%, для пшеницы — на 5%, овса — 15% и ячменя — на 5% [1]), против принятых совещанием по продовольствию. Затем вопрос был перенесен в совет министров, который утвердил снижение всех цен за исключением овса, по которому цену снизили вместо 15% на 7%.

Военное ведомство в лице «особого совещания» и министерства торговли и промышленности, выражавшего точку зрения промышленной буржуазии, держалось одних взглядов на политику хлебных цен. Оба эти учреждения были заинтересованы в низких ценах. Высокие цены уменьшали бы прибыль буржуазии, поэтому министерство торговли и промышленности проводило политику «низких» цен. Особое совещание, как заказчик предметов обороны, было заинтересовано в том, чтобы военная промышленность работала без перерыва, без забастовок рабочих. В вопросе о мерах борьбы с дороговизной оба эти учреждения решительно расходились. Буржуазия выступила сторонницей невмешательства государства в экономическую жизнь страны, а военное ведомство, наоборот, защищало государственное регулирование.

Дальнейшая практика заготовительной работы показала, что установленные твердые цены необходимо повысить, так как рост цен на рынке происходил очень быстро, и установленные цены оказались ниже

---

[1]) «Материалы по вопросу об установлении твердых цен до урожая 1917 г,. ч. 3, стр. 180.

рыночных цен. Кроме твердых цен, на 1916/17 г. была установлена разверстка на 771,3 млн. пуд. хлеба, которые должны удовлетворить потребности государства. Для полного удовлетворения всех категорий потребителей требовалось около 900 млн. пуд. Но эта цифра казалась столь грандиозной, что надежд на ее заготовку не было. Первые месяцы заготовительной кампании дали правительству немного хлеба. Провал разверстки выяснился уже в конце 1916 г. 2 декабря 1916 г. Риттих делает распоряжение о прохождении разверстки по всем инстанциям — до села. Интересны результаты. 15 февраля 1917 г., т. е. через полтора месяца после окончания срока разверстки, по уездам был разверстан 91% наряда. В уезды разверстка попала с большим опозданием и с «сомнениями в возможности ее выполнения без ущерба для удовлетворения местных потребностей».

О разверстке по волостям имелись лишь «отрывочные и недостаточные для подведения итогов сведения» [1]), которые ничего благоприятного не обещали. О разверстке по селам и отдельным хозяевам сам министр земледелия ничего не мог сказать. Таковы «успехи» продовольственной политики. Более поздние сведения, полученные уже при Временном правительстве, показывают, что, по данным 2 070 волостей, ими принята разверстка на 118 млн. пуд., из числа которых сельскими сходами было разверстано по домохозяевам 67,7 млн. пуд., а «общие итоги разверстки среди крестьян едва ли достигают 100 млн. пуд., а может быть, и еще меньше» [2]). Это уже в конце апреля и мае 1917 г., когда заканчивался год заготовок. Бумажной «разверсткой» жить было нельзя, поэтому пришлось хлеб изыскивать при помощи других средств. Пока разверстка проходила различные инстанции, пришлось пойти на фактическое повышение цены, так как других средств получить хлеб не было.

Перейдем теперь к выяснению вопроса о ходе заготовок и поставок хлеба.

В 1914/15 г. поставлено хлеба 183 246 тыс. пуд. С сентября 1915 г. по 17 мая 1916 г. министерство земледелия заготовило 407,6 млн. пуд. хлебных продуктов, больше, чем нужно для продовольствия армии, на 88,5 млн. пуд. Из этих заготовок было отпущено общественным организациям почти 43 млн. пуд. Нехватало только овса, которого было заготовлено меньше нормы на 33 млн. пуд. Потребность армии в овсе в четыре раза превосходила размер его вывоза за границу. В январе — июле 1916 г. подвоз интендантских грузов колеблется от 90 до 110% назначенных перевозок, а для населения от 40 до 67%. Эти нормы надо считать очень высокими. Если и были «заминки» с доставкой хлеба, то происходили они главным образом из-за транспортных затруднений, а не из-за недостатка хлеба. За эти годы правительство уступило значительную партию хлеба общественным организациям. Осенью 1916 г. положение с заготовками и погрузками хлеба значительно ухудшается.

[1]) Архив особого совещания по обороне, журнал заседан. № 144, 15 февраля 1917 г., доклад Риттиха.

[2]) «Известия по продовольственному делу», № 1 (32), май 1917 г., Итоги риттиховской разверстки, стр. 11.

Недовоз продовольственных грузов для армии (без Кавказского фронта) [1]):

	%
В октябре 1916 г.	45,0
» ноябре » »	26,3
» декабре » »	67,0
» январе 1917 г.	50,4
» феврале » »	57,7

Поэтому большую часть хлеба, который получало правительство, шло в армию, на фронты, которые в конце января «располагали запасами на 18—30 дней. Наряды же для Петрограда, Москвы и внутренних районов выполнялись лишь в десяти и менее процентах» [2]). За январь — февраль 1917 г. гражданское население получило всего около 25% планового назначения, железные дороги — около 33%. Поэтому город голодал.

В Петрограде уже 23 февраля 1917 г. возникли сильные продовольственные беспорядки, усиливавшиеся с каждым днем.

В районах производства были десятки и сотни миллионов излишнего хлеба, а в городе его не было. Министр земледелия об'яснял это опозданием введения твердых цен и тем, что они оказались «несколько ниже рыночных цен». При условии общего роста дороговизны, падения ценности рубля фиксированные цены всегда отстают от рыночных цен. Продовольственный кризис начала 1917 г. произошел в результате переплетения двоякого рода обстоятельств: разверстка провалилась, заготовительные операции давали незначительное количество хлеба, следовательно, правительству нечего было посылать с мест, а когда хлеб стал появляться, то его очень трудно было доставить из-за транспортных затруднений. Помещики прятали хлеб от разверстки и продавали его частнику по вольной цене. Взять хлеб у крестьянина правительство было не в состоянии, так как для этого надо было посылать отряды солдат, которые и так уже проявляли брожение и недовольство. Поэтому правительство в осенние месяцы очень мало заготовило хлеба. 9 сентября 1916 г. нижегородская городская дума просила разрешения приобрести хлеб по вольным ценам. Городской голова Сироткич писал: «Правительственные и общественные организации бессильны бороться с хлебным кризисом, если не придет на помощь само население. **Путем реквизиции можно бороться только с крупными землевладельцами**, но в их руках всего 20% хлеба, остальные 70% **в руках крестьян**, против которых реквизиции в ход не пустишь» [3]). Действительно, у крестьянства правительство боялось реквизировать хлеб, а помещик мог дать лишь незначительную часть, да и ту он прятал. Поэтому в декабре вводится специальная доплата за провоз хлеба от амбара до станции железной дороги, чего раньше не было. Комиссионеры, которые сдавали партии зерна свыше 1 000 пу-

[1]) Н. Кондратьев, Рынок хлебов, стр. 176, 178 и 179.
[2]) Журнал особого совещания по обороне № 144, 15 февраля 1917 года.
[3]) «Летопись», № 9, 1916 г., Г. Новгородский, В житнице Европы, стр. 305.

дов, получали двойное вознаграждение, а свыше 5 тысяч — тройное. Попытка правительства регулировать рыночную цену кончилась крахом: не государство регулировало цены, а рыночная конкуренция и спекуляция банков «регулировали» политику правительства. Факт широкой спекуляции банков продуктами сельского хозяйства, сахаром совершенно бесспорен. Дело особого исследования выяснить количественную сторону этого явления. П. Гензель следующим образом оценивает роль частных банков: «Ими была проявлена явно спекулятивная тенденция на повышение цен на продукты массового потребления, имевшая широкие последствия» [1]. Дальше Гензель сообщает, что спекуляции с хлебом, сахаром и хлопком происходили при ближайшем участии банков. Заготовки хлеба немного улучшились, когда правительство фактически ликвидировало и разверстку и «твердые» цены. Всего за 8 месяцев — с августа 1916 г. по 1 апреля 1917 г. — правительству удалось реально получить хлеба 365 млн. пуд., «то есть меньше половины того количества, которое нужно было заготовить» [2]. Да и то поступление хлеба улучшилось только в 1917 г., поэтому продовольственный вопрос особенно обострился в конце 1916 г. и первые два месяца 1917 г. При таком незначительном количестве полученного хлеба правительство могло с «грехом пополам» снабжать только войска да некоторые категории рабочих, а вся остальная масса городского населения должна была снабжаться общественными организациями и частными рынками.

Продовольственный кризис являлся одним из важных факторов, ускоривших революционизирование масс. Вызван он в основном не абсолютным недостатком продовольствия, а неуменьем правительства организовать дело снабжения, расстройством транспорта, дезорганизацией рынка и ростом спекуляции.

Особенно остро с продовольствием обстояло в столицах — Москве и Ленинграде. Одна из причин, которая углубляла продовольственные затруднения в городах, — это рост населения, которое в 1915 г. уже увеличилось на 7%. В Москве, а особенно в Ленинграде, население выросло еще больше, так как в этих городах сосредоточена значительная часть оборонной промышленности и войска. Поэтому в столицах продовольственный кризис и дороговизна были особенно сильны. Снабжение их было нормировано: 405 вагонов продовольственных грузов в день для Ленинграда и 480 — для Москвы. В течение шести месяцев, с 1 октября 1915 г. по 1 апреля 1916 г., Ленинград получал только по 358 вагонов в сутки [3]). За последние месяцы 1915 г., к 1 января 1916 г. запасы 9 продовольственных продуктов в Ленинграде уменьшились наполовину и не превосходили месячной нормы. Министерство земледелия из своих запасов уступило Ленинграду 10,5 млн. пуд. продуктов. Положение Москвы было еще более скверно: запасы были только на несколько дней,

---

[1]) «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып. III, стр. 267.

[2]) «Известия по продовольственному делу», № 1 (32), 1917 г., из доклада Шингарева на с'езде уполномоченных продовольственного комитета, стр. 62.

[3]) «Дополнение к обзору деятельности особого совещания по продовольствию», стр. 24.

ежемесячно повторялся недогруз против нормы. Выручали и здесь военные запасы, из которых было передано городу по 1 февраля 1916 г. 31,4 млн. пуд. продовольственных запасов. Во всем об'еме продовольственный кризис разразился только в конце 1916 г., когда разруха транспорта достигла максимума, потребности войны поглощали громадную часть фабричной продукции, правительство было окончательно дезорганизовано и обессилело, борясь с рабочим движением и «общественными» организациями буржуазии. Никакой помощи в это время столицы не могли получить от военного ведомства, так как армия осталась без хлеба, получая в течение многих месяцев меньше 50% нормы. Общественные организации, видя надвигающуюся катастрофу, постарались ее отдалить и предлагали взять на себя организацию продовольственного дела. Так городское управление Ленинграда 1 декабря 1916 г. представило особый проект, на основе которого оно брало на себя организацию всего продовольственного дела столицы на правах уполномоченного особого совещания по продовольствию. Совещание под председательством министра земледелия отклонило это предложение, так как оно не согласовалось с положением об особом совещании по продовольствию. По поводу продовольственного положения в столицах особое совещание 1 февраля 1917 г. установило, что ввиду двухнедельного прекращения пассажирского движения продовольственное положение столиц еще более ухудшится «и Петрограду и Москве придется некоторое время питаться исключительно запасами»[1].

Запасов же к 1 февраля почти не было, так как и в предшествующие месяцы население столиц жило впроголодь. Ленинград получил:

в ноябре	вместо 3 050 тыс. пуд.	хлебных продуктов	всего 465	тыс. пуд.	—15%
в декабре	» 3 740 »	» »	» 524	»	» —14%

В январе поступление «улучшилось»: вместо 89 вагонов муки в сутки, нужных для пропитания, поступало 49 вагонов вместе с рожью[2]. Аналогичное положение было в Москве, где за «благоприятный» месяц январь поступало муки вместо 70 вагонов в день всего только 39 вагонов, а положение с фуражем было еще хуже. Различные лица и представители самого царского правительства и научные исследователи единодушны в об'яснении причин продовольственного кризиса 1917 г., который привел к Февральской революции: главной причиной является развал железных дорог и возникающие отсюда транспортные затруднения. Мы проиллюстрируем только одним примером влияние железных дорог на продовольственные затруднения в столичных районах. Недогруз продовольствия по вине Юго-восточных железных дорог был следующий[3]:

	Декабрь 1916 г.	Январь 1917 г.	Февраль 1917 г.
Московский	47%	46,1%	25,5%
Петроградский	47,3%	51,4%	27%

[1]) Экономическая секция Ленинградского отдела Центроархива, дело № 10, ч. 2.

[2]) Там же.

[3]) «Известия по продовольственному делу», № 2, 1917 г.

За эти три месяца недовоз продовольствия по вине железных дорог в среднем около 40%. На других дорогах положение было не лучше, а хуже.

Остановимся кратко на дороговизне, которая появилась в связи с войной.

Основной причиной военной дороговизны как на продукты промышленности, так и продовольствия является обесценение бумажного рубля, затем недостаток промышленных изделий. В трудах «комиссии по изучению дороговизны» была сделана попытка учесть роль второстепенных факторов, как-то: введение новых налогов, грузового налога, прекращение продажи водки, солдатские пайки. Ученые, занимавшиеся исследованием этих вопросов, признали, что влияние этих причин на рост цен было крайне незначительно, и что без учета таких явлений, как обесценение денег, расстройство транспорта, государственные закупки и широко развившаяся спекуляция, понять и об'яснить дороговизну нельзя [1]).

Рост бумажных денег в обращении являлся основной причиной повышения товарных цен. По расчету Прокоповича, «под влиянием одних расходов на войну цены должны были возрасти в первый год на 31%, во второй год — на 85% и в третий год — на 148%» [2]). По сравнению с этой основной причиной транспортные затруднения и спекуляция, конечно, играли второстепенную роль, действуя в сторону повышения цен. Недостаток промышленных товаров усиливал рост цен на продукты продовольствия, так как «у крестьян просто не могло быть побуждений сбывать весь свой огромный сбор, тем более, что именно производительные свои потребности, на которые крестьяне охотнее всего направляли излишки своих ресурсов, теперь было трудно удовлетворять ввиду крайней дороговизны и недостатка предметов производительного потребления» [3]).

Товарные цены отличались большим разнообразием. Поэтому остановимся лишь на общей тенденции роста цен на продовольствие, по сравнению с прочими товарами. Цены стали расти с самого начала войны. Характерная черта дороговизны первого года заключается в более быстром росте цен на продукты продовольствия, чем на промышленные товары. По исследованию Липкина [4]), к декабрю 1914 г., по сравнению с ценами 1913/14 г., продовольствие вздорожало на 25%, а остальные товары — на 11%. Зимой 1915 г. обнаружились сильные затруднения с транспортом, поэтому к апрелю 1915 г. эта разница значительно увеличилась: хлебные цены выросли на 59%, а остальные, кроме льна и хлопка, — только на 24%.

За второй год войны возрастание цен совершается в обратном порядке: цены на промышленные продукты растут быстрее, чем на зерно-

---

[1]) «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып. IV, Липкин, Цены на хлеб во второй год войны; вып. III, работы Гензеля и Сокслова и др.

[2]) Прокопович, Война и народное хозяйство, изд. 2, стр. 173.

[3]) «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып. IV, стр. 302.

[4]) «Движение цен за 2 года войны», стр. 8.

вые. Первые выросли на 145%, а вторые — только на 122%. Об'ясняется это хорошим урожаем 1915 г., благодаря которому сократилась нужда в привозном хлебе для потребительских районов; с другой стороны, в это время уменьшилось количество фабричных товаров, благодаря мобилизации промышленности и ее работе на оборону.

К концу второго года войны происходит выравнивание цен на продукты промышленности и продовольствия. Если цены 1913/14 г. принять за 100, то к июню 1916 г. мы получим следующее возрастание цен:

6 хлебных продуктов	12 других	18 всех продуктов
189	195	194

Промышленные товары и продукты продовольствия — мясо, сахар, масло — к лету 1916 г. выросли в цене все же больше, чем зерновые продукты, большие избытки которых в стране, несмотря на дороговизну, оказывали сильное понижающее влияние на их рыночную цену. Приведенные выше данные дают довольно об'ективную картину роста дороговизны, они нивелируют те особенности, которые имелись по разным товарам и в различных районах. Дороговизна нарастала отнюдь не равномерно по всей России: в одних товарах ощущалась большая потребность, цена на них быстро росла и выходила далеко за пределы приведенных мною цифр. Вот иллюстрация этого. Если взять московские цены в январе 1916 г. за 100, то через год, т. е. в январе 1917 г., цена будет такая:

Хлеб печеный	141
Мясо	249
Мясн. издел.	252
Рыба	208
Овощи	328
Молоко	191
Молочн. продукты	238 и т. д.

Картина получается довольно пестрая. Общее повышение цен за год достигает от 41 до 200 с лишком процентов [1]). Если взять цены на промышленные изделия, то их колебание было бы еще больше. Все же, если брать не отдельные товары, а целые группы, то получается определенная закономерность. Она выражается, прежде всего, в одинаковом темпе роста дороговизны по Москве сравнительно со всей Россией. До 1 мая 1916 г. индексы цен по России и в Москве одинаковы: 1,75, дальше имеем следующие колебания [2]):

	Москва	Россия
1 августа 1916 г.	1,75	2,16
1 ноября » »	2,68	2,62
1 января 1917 г.	3,15	3,00
1 февраля » »	3,45	3,02
1 марта » »	3,72	3,03

[1]) «Статистика труда», № 1, 1918 г.

[2]) Каценеленбаум, Обесценение рубля и перспективы денежного обращения.

Эта таблица чрезвычайно любопытна. Она показывает двоякие явления, во-первых, расхождение в росте дороговизны в Москве, а следовательно, в Петербурге и других крупных промышленных городах, со всей остальной Россией, а во-вторых, более быстрый рост дороговизны за последние месяцы 1916 г. и первые месяцы 1917 г. Расхождение индексов достигает максимальных размеров, когда обостряется продовольственный вопрос. В ноябре 1916 г. железнодорожный кризис проявляется довольно сильно. Дело продовольствия столиц ухудшается, поэтому дороговизна в Москве начинает нарастать особенно быстро. 1 февраля 1917 г. дает очень большое расхождение индексов Москвы и всей России. Именно в это время особенно значительно ухудшается экономическое положение рабочего класса. Поэтому развивается стачечное движение. Номинальная заработная плата рабочих также сильно повышается, но ее рост далеко отстает от нарастания дороговизны. На основе приведенных индексов мы подсчитали, как росли цены. Получается следующая таблица:

	Рост цен	
	по Москве	по всей России
С 1 января по 1 августа 1916 г.	40%	38%
С 1 августа 1916 г. по 1 марта 1917 г.	70%	52%

За последние 7 месяцев перед революцией дороговизна росла и по Москве и по всей России быстрее, чем за предшествующее время. Общие условия снабжения продовольствием Петрограда сходны с Москвой. Поэтому процесс быстрого роста дороговизны нашел свое отражение в массовом нарастании революционных настроений среди рабочего класса и мелкой буржуазии, которая также сильно страдала от дороговизны.

Интересно сравнить рост дороговизны с ростом заработной платы рабочих. Некоторые категории рабочих за время войны улучшили свое материальное положение путем повышения не только номинальной, но и реальной заработной платы, но эта категория численно была невелика и охватила только квалифицированных рабочих. Но если сравнить общий рост заработной платы всего рабочего класса в целом с ростом дороговизны, то вывод получается такой: положение рабочего класса за время войны значительно ухудшилось. «Экономическое оскудение, — пишет Прокопович, — созданное войной, всей своей тяжестью легло на промышленный пролетариат». Заработная плата рабочих из года в год отставала от роста дороговизны, поэтому экономические забастовки стали обычным явлением. За первый год войны цены товаров выросли на 35%, шесть хлебных продуктов — на 61%, а номинальная заработная плата в бумажных рублях выросла только на 22%. Явное отставание от всей группы товаров и в особенности от роста цен на продукты продовольствия.

В результате войны экономическое положение рабочего класса значительно ухудшилось. Разница в оплате квалифицированных рабочих, а также женского и детского труда еще более выросла. Была лишь небольшая привилегированная прослойка рабочего класса, положение

которой улучшилось. В сентябре 1916 г. на трех заводах заработок квалифицированных рабочих достигал от 10 до 13 рублей в день, у Эриксона 43% рабочих получали от 4 до 7 руб. в день, а 17% — от 7 до 12 руб. У Лесснера — заработок квалифицированного рабочего был от 150 до 200 руб. в месяц. Но если от отдельных заводов и прослоек рабочих перейдем, напр., к Московскому округу, то картина экономического положения рабочего класса получается очень тяжелая. Несмотря на потогонную систему работы, на сверхурочные, на увеличение числа рабочих дней в году, заработная плата рабочих оставалась очень низкой [1]).

Годы	Все производства		Металлисты	Текстили
	(руб.)	(%)	(руб.)	(руб.)
1913	218	100,0	384	210
1914	221	101,3	324	202
1915	248	113.0	445	221
1916	406	186,0	761	320

Чрезвычайно показательно, что повышение заработной платы начинается только с 1916 г., т. е. со времени широкого развития военных заказов. Первые полтора года войны рабочие несли на себе всю тяжесть дороговизны. Их заработная плата увеличилась только на 13%, в то время как индекс цен удвоился. В 1914 г. и у металлистов и у ткачей происходит даже сокращение заработка. Одновременно с ухудшением положения рабочего класса происходил бешеный рост прибылей капиталистов.

Хуже других профессий было положение текстилей. Их заработная плата была ниже по абсолютным размерам, рост ее за время войны далеко отставал от среднего повышения заработка рабочих. Заработная плата текстилей увеличивается всего лишь на 50%, в то время когда общее повышение по всем производствам достигало 86%, а у металлистов — почти 100%. Рябушинские, Гучковы и Коноваловы наживались за счет невиданной эксплоатации, главным образом женского пролетариата. Они имели все основания кричать о войне до победного конца, потому что вся тяжесть войны ими перекладывалась на рабочих.

Рост заработной платы пролетариата Московского округа сравнительно с ростом дороговизны значительно отставал. Данные по всему району можно проверить еще по Прохоровской мануфактуре. Мы берем время наибольшего роста заработной платы: май 1916 г. — март 1917 г. В марте, несомненно, было некоторое повышение заработной платы в результате революции. За указанный промежуток заработок рабочего увеличился [2]) на ситцевой фабрике на 10%, прядильное отделение —

[1]) «Статистика труда», № 5—7, 1919 г.

[2]) Архив народного хозяйства, фонд Прохоровской трехгор. мануфактуры.

38%, ткацкое — 30%, швейное — около 28%. Эти цифры являются мизерными по сравнению с ростом дороговизны. Товарный индекс вырос за это же время не меньше, чем на 100%.

Средний заработок одного рабочего паровозостроительного и механического завода увеличился в 1916 г. сравнительно с заработком 1914 г. всего только на 35%.

Заработная плата рабочих нефтяных промыслов Нобеля вместе с наградными и премиальными увеличилась за время войны всего процентов на 50 — 60. Так как рост дороговизны на предметы продовольствия и снабжения далеко опередил рост заработной платы, то за месяц до Февральской революции рабочие пред'явили требования об увеличении заработной платы от 25 до 100% [1]).

Для полноты картины приведем еще один пример роста заработной платы рабочих-шахтеров Донбасса. Имеющийся материал относится к Обществу южно-русской каменноугольной промышленности. Эти данные будут, вероятно, характерными для всей каменноугольной промышленности в целом. Заработная плата рабочих с начала войны и до 1 марта 1916 г. увеличилась в среднем на 36,7%. Большинство рабочих получило увеличение заработка от 20 до 40%. На 50% и выше заработная плата выросла лишь для четырех групп рабочих, которые имели раньше совершенно нищенскую оплату. Индекс для товарных цен на 1 марта 1916 г. повысился процентов на 60.

Надо считать совершенно доказанным, что общие условия материального положения рабочего класса за время войны значительно ухудшились. Разнообразный статистический материал дает бесспорное основание для подобного заключения. В то время, как доля буржуазии в национальном доходе значительно увеличилась, доля рабочего класса уменьшилась. Ухудшение положения рабочих масс было тем значительнее, что и среди рабочих был слой, который увеличил свою реальную заработную плату.

Война всей своей тяжестью ложилась на широкие рабочие массы. Рабочие и крестьяне являлись одновременно и пушечным мясом и источником покрытия военных расходов. За свою каторжную работу во время войны рабочий класс получал меньше, чем до войны. Увеличились интенсивность труда и эксплоатация. Капиталист получал повышенную прибыль, а рабочему платил бумажными рублями. Государство и рыночные спекулянты довершали грабеж рабочего. Население России потребляло только около 50% довоенной нормы, остальное забирало государство для снабжения войны.

Не промышленники же и банкиры или торговые спекулянты сократили свое потребление? Повышенные военные прибыли давали им полную возможность жить не стесняя себя. Зато широким трудящимся массам приходилось потуже подтягивать пояс.

Продовольственный кризис перед Февралем 1917 г. наиболее ярко выражает дезорганизацию всей хозяйственной жизни страны. Он свидетельствует о неспособности старого правительства организовать тыл

[1]) Архив народного хозяйства, дело м-ва торг. и пром.

обороны и снабжение страны. Разверстка являлась рациональной мерой, но на-ряду с ней нужны были строжайшие мероприятия для регулирования всей экономической жизни страны. Продовольственный вопрос упирался в «общие задачи снабжения» страны, в том числе и продуктами промышленности. «Дать крестьянству железо, керосин, мануфактуру, кожу, бумагу, мыло и другие нужные ему продукты действительно значило бы теперь разрешить продовольственный вопрос», — так писала вставшая у власти буржуазия после Февраля. Совершенно верная постановка проблемы. В этом была суть продовольственного вопроса и до Февраля. Как можно было наладить снабжение деревни — хоть в минимальном размере — продуктами продовольствия без плановости, без организации всего хозяйства в целом?

Буржуазия требовала возврата к «старому» — к восстановлению свободной конкуренции, которая явным образом обанкротилась во время войны, и ее действия во всех воевавших странах было ограничено. Вольные цены не укрепляли экономику, а еще больше ее разрушали. В этом требовании буржуазии был известный политический смысл, но экономически оно было вредно

После Февраля перед буржуазией была поставлена проблема организации хозяйства. Ее идеологи, еще так недавно ратовавшие против политики регулирования, или, как они ее называли, «государственного социализма», стали в один голос утверждать, что спасение хозяйства только в организации хозяйства на основе «государственного социализма».

Недостаток продовольственных продуктов и их дороговизна являлись наиболее полным выражением общей дезорганизации всего народного хозяйства. Разрешить вставшие задачи правительство не могло, а потому так легко и безболезненно было свергнуто революционной волной.

Глава шестая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ ВОЙНЫ

Изучение довоенной экономики показало, что военный кризис транспорта в значительной мере был подготовлен предшествующей политикой самодержавия. Империалистическая война привела к полнейшему расстройству все стороны хозяйственной жизни в России гораздо скорее, чем в других «великих» странах. Ее влияние прежде всего сказалось на финансах. Мы показали, как правительство разрешало эту проблему. По мнению самой буржуазии, мероприятия правительства были недостаточны и неудовлетворительны. Каналы денежного обращения были переполнены бумажками, поэтому обесценение рубля и рост дороговизны были более, чем в других странах. Десятки миллиардов бумажных рублей и краткосрочных обязательств, выброшенных на рынок, создавали видимость благополучия. Прекращение продажи водки и «пайки», по мнению буржуазных экономистов, привели к значительному улучшению положения крестьянства. Они забыли, что были введены новые налоги, посредством которых правительство добавочно выжимало несколько сот миллионов рублей, а продукты промышленности покупались по вздутым, спекулятивным ценам. Денежная инфляция и дороговизна «ударили» в первую очередь по трудящимся, которые теряли и от дороговизны и от обесценения рубля. Буржуазия использовала выгодную кон'юнктуру военного времени, чтобы хорошенько заработать: ее прибыли возросли по сравнению с мирным временем. Банки использовали колоссальные вклады для торгово-промышленного учредительства, спекуляции и «гарантий» промышленников, наживаясь на этих операциях. Каждый новый месяц войны приносил капиталистам большие выгоды. А, между тем, хозяйство страны разрушалось. Материальных, реальных ценностей создавалось все меньше и меньше. Сельское хозяйство теряло основной капитал: волов, лошадей, инвентарь. Промышленное оборудование изнашивалось, не получая достаточного ремонта и нового возмещения. До Февральской революции правительство израсходовало 40 млрд. руб. Это колоссальная цифра, равная всему национальному доходу страны за это же время. Правда, национальный доход за время войны также сократился, и не все правительственные затраты покрывались национальным производством. Все же подавляющую часть материальных затрат для армии брали внутри страны, из «текущего производства», за счет народного дохода.

Хватало ли текущего дохода для покрытия военных расходов, или пришлось затронуть и основной капитал страны?

Экономисты в этом вопросе разделились на два лагеря: одни утверждают, что снабжение войны происходило за счет текущего дохода, другие — за счет основного капитала. По мнению Каценеленбаума, мы израсходовали на войну около одной трети национального капитала. Прокопович по этому вопросу пишет: «Действительно, я исхожу из мысли, что расходы на войну покрываются из национального дохода страны. Проф. Соболев, напротив, считает, что источником для их покрытия служит национальный капитал» [1]). В дальнейшем оказывается, что и Прокопович несколько отступает от своей точки зрения, признавая, «что война несколько затронула национальный капитал... Главная масса материальных ценностей, нужных для войны, берется из текущего народно-хозяйственного производства, из народного дохода страны. Основным экономическим фондом современной войны является народный доход» [2]). Тов. Спектатор считает правильной общую постановку вопроса у Прокоповича, но неприменимой к России. Действительно, с точкой зрения Прокоповича применительно к России согласиться нельзя: даже те цифры, которые он сам приводит, показывают, что война затронула основной капитал страны. Война привела прежде всего к сокращению потребления города и деревни. За счет недоедания, за счет сокращения производительного потребления снабжались военные потребности.

Потребление населения в первый год войны сократилось на 25,3%, во второй год — на 43,5% и в третий год — на 53,6% (Прокопович). Такого колоссального сокращения потребления населения в других странах не имело место. В Германии, по расчетам т. Нахимсона, потребление населения сократилось на $^1/_3$, в Англии — от $^1/_4$ до $^1/_3$. Но даже такое сокращение потребления в России, которое граничило с полной голодовкой, не компенсировало полностью военных затрат, для пополнения которых приходилось прибегать к основному капиталу страны.

Мы воспользуемся опять расчетами Прокоповича, отметив здесь только недостаток его данных. Он исходит из предположения, что народный доход сократился за счет оккупированных областей, предполагая, что в остальной части империи доход остался неизмененным. Это предположение неверно, так как в 1916/17 году мы видим значительное сокращение сборов хлеба, примерно на 15% по сравнению с довоенным, сокращение экспорта; все это привело, несомненно, к значительному сокращению доходов в сельском хозяйстве. Поэтому цифры годового дохода фактически уменьшатся. Точно так же и в подсчет расходов Прокоповичем включены только одни «военные» расходы, что также неверно, так как значительную часть обыкновенных расходов нельзя отделить от военных. Они производились фактически для той же цели. После этих оговорок приводим расчет Прокоповича [3]).

---

[1]) Прокопович, Народное хозяйство, стр. 126.

[2]) Там же, стр. 127.

[3]) Приводимые данные имеют лишь относительное значение. Они показывают, как все бо́льшая часть народного дохода потребляется на военные нужды. — *А. С.*

Годы	Народный доход в млрд. зол. руб.	Потребление населения в млрд. зол. руб.	Военные расходы в млрд. зол. руб.
1914/15	15,8	11,5	4,3
1915/16	13,9	8,7	5,7
1916/17	12,2	7,3	7,1

За вычетом народного потребления за три года войны остается из народного дохода 14,4 млрд. руб., а военные расходы достигают 17,1 млрд. руб. Нехватка в 2,7 млрд. руб., очевидно, была покрыта из основного капитала. По-моему, в силу указанных условий, расходование основного капитала страны имело место уже и до Февральской революции.

Этого явления не было ни в Америке, ни в Англии. Вступление Америки в войну «задержало развитие производительных сил, но не разрушало их. Они после войны оказались больше, чем до нее», — пишет Нахимсон. Военные расходы Америки полностью покрывались из дохода предпринимателей. Сокращение потребления в Англии покрывало около 60% военных расходов, а остальные расходы были покрыты за счет запасов, заграничных займов и т. п. В Германии около 25 млрд. золотых марок было взято из запасов и основных капиталов.

Те отрасли народного хозяйства, значение которых было особенно велико для войны, «затрещали» значительно скорее, чем выявился кризис всего народного хозяйства. В июне 1916 г., т. е. в конце второго года войны, совершенно ясно можно проследить: «истощение» хозяйства. Генерал Алексеев писал в докладной записке царю: «Для заводов, работающих на оборону, транспорт предоставляется с исключительным предпочтением и в несомненный ущерб всему основному. Тем не менее даже особо покровительствуемые казенные заводы не получают всего необходимого им топлива, металлов, предметов оборудования и проч. В среднем, заводы, работающие на оборону, удовлетворяются транспортом всего лишь на 50—60% своей потребности, а для Петроградского района, вместо необходимых 18,5 млн. п., по заявлению министра путей сообщения, возможно привезти лишь 8 млн.» [1]). Дальше Алексеев рисует «трагическое» положение с металлом, которого оборонная промышленность получает лишь 50% потребности. «Истощение» важнейших отраслей хозяйства и общая дезорганизация промышленности и торговли не являются только следствием недостатков организационных мероприятий старой власти, как это пыталась об'яснить буржуазия. Ошибочная финансовая и продовольственная политика самодержавия еще более осложняла кризис, запутывала и обостряла его, постепенно охватывая и здоровые отрасли хозяйства. Но дело было не столько в организационных ошибках, в неумении царизма организовать хозяйство, сколько в неизбежном истощении хозяйства вследствие обслуживания им потребностей обороны. Во всех странах, при-

[1]) «Монархия перед крушением. 1914—1917 гг.», стр. 261.

нимавших участие в войне, развитие промышленности не превышало довоенных размеров, а добыча металла и угля даже сократилась. Во второй год войны в России был даже некоторый рост продукции угля и металла по сравнению с первым, что удалось сделать, несмотря на падение производительности труда, путем массового увеличения числа рабочих. Потребление же возросло настолько, что наличная продукция далеко отставала от роста военных потребностей. Металл забирался целиком на войну; его не оставляли в достаточном количестве для других отраслей хозяйства, где он был необходим. Оборудование постепенно изнашивалось. Ко времени Февральской революции процесс истощения русского капитализма зашел чрезвычайно далеко. Этого не понимали только правящая бюрократия да буржуазия. Записка Родзянко в своей конкретной части блестяще подтверждает мою мысль. Там же, где он пробует «теоретизировать» и об'яснить факт хозяйственной разрухи, он скользит по поверхности явлений, пытаясь все свалить на бюрократию, об'ясняя все беды притеснением общественных организаций.

«Где причины всей этой разрухи? Есть ли это результат какихлибо непреодолимых сил, бороться с которыми невозможно, или мы имеем перед собой творение рук человеческих?» [1]) — вопрошает Родзянко. Он был убежден, что в стране было всего достаточно, но «использовать» наличные ресурсы правительственные чиновники не могут, поэтому «разрешите нам притти к власти», — вот лейтмотив всей его докладной записки. На самом деле как обстояло дело? Продовольственный вопрос «находится в катастрофическом положении». Срыв продразверстки окончательно показал неспособность самодержавия справиться с этой задачей. Но если запасы некоторых продуктов и не были еще полностью израсходованы в стране, то это — запасы хлеба, которого было еще достаточно для того, чтобы накормить население. Других запасов продуктов не было. За последние месяцы перед революцией развал промышленности совершался катастрофически; главная причина остановки предприятий — недостаток топлива, отчего «многие предприятия, даже работающие на оборону, уже остановились или скоро остановятся». Из 73 предприятий, стоявших в декабре 1916 г. в Петрограде, 50 не работали исключительно ввиду отсутствия топлива. Промышленность Донбасса, Московского района со дня на день грозила остановиться вследствие все той же причины. Железные дороги потребляли $^{2}/_{3}$ всего угля, который они вывозили. Однако было ли что вывозить, успевали ли копи выработать достаточно угля, чтобы удовлетворить полностью все потребности? Рассмотрение этого вопроса нам показало, что углепромышленники ставили вопрос не об увеличении добычи, а о стабилизации ее на том уровне, который едва обеспечивал голодную норму военным предприятиям. А Родзянко пишет в своей записке: «Кризис топлива вызван только тем обстоятельством, что железным дорогам не удается перевезти надлежащее количество топлива, хотя оно имеется в наличности». Железные дороги работали скверно, это верно, но стремление ссылкой на железные дороги отвести вопрос

[1]) «Красный архив», № 10, записка Родзянко, стр. 73.

о разрушении угольной промышленности является простой отпиской. В 1916 г. добыча угля оказалась почти на полмиллиарда пудов меньше, чем предполагали промышленники, потому что добиться большей добычи угля не было никакой возможности.

В 1916 г. в Донбассе было выработано угля на 13% больше, чем до войны. Но одновременно с ростом продукции на 13% произошло увеличение занятых рабочих на 73% и падение производительности труда до $^2/_3$ довоенного уровня. Дальнейшее увеличение рабочих компенсировало только падение производительности труда.

Снабжение металлом было катастрофическим уже в июне 1916 года. В январе и феврале 1917 г. оно, можно сказать, было из рук вон плохо. Было признано, что без заграничного металла обойтись нельзя.

Родзянко и в этом вопросе находил утешение в том, что «теоретическая» производительность доменных печей полностью не использована, хотя ему было отлично известно, что она не использовалась полностью и в мирное время, при более благоприятных условиях.

В металлодобывающей промышленности количество рабочих выросло на 42%. Несмотря на это, никакого увеличения добычи продукции не произошло. Выработка чугуна сократилась на 19%, железа и стали — на 16%, а полупродукта — на 13%. Следовательно, цифры находятся в непримиримом противоречии с той оценкой предреволюционной экономической действительности, которую давал Родзянко.

Общий тон записки Родзянко представлял наше экономическое положение скорее более оптимистически, чем оно было на самом деле. Положение транспорта особенно наглядно опрокидывает весь оптимизм размышлений Родзянко о нашем хозяйственном «благополучии» в тылу. Самый острый вопрос для тыла был вопрос о транспорте, положение которого ухудшалось с каждым днем. При наших громадных расстояниях бесперебойная работа железных дорог играла исключительную роль. А между тем движение по ним ослабевало с каждым днем, парализуя сразу хозяйственную жизнь страны, оставляя армию и города без хлеба, фабрики без топлива. М. Н. Покровский резюмирует содержание записки Родзянко, рисующего картину развала, в следующих словах: «Нет ни хлеба, ни топлива, ни железа, ни угля, ни вагонов, ни паровозов. Нет и не будет в ближайшее время: это еще цветочки, ягодки впереди... голод и холод стоят у дверей: темные, ледяные зимы гражданской войны уже отчетливо виднеются впереди в феврале 1917 г., со всей их свитой эпидемий» [1]). Кризис транспорта — это уже предвестник не только краха самодержавия, но и краха всей капиталистической системы. Для поддержания работы боковых линий железных дорог на уровне 1913 г. требовалось 2 000 товарных паровозов и 80 тыс. вагонов. Колоссальность размеров этой цифры можно понять только из сравнения с тем, что дали русские заводы за трехлетие 1914 — 1916 гг. Оказывается, что вагонные мастерские за 3 года произвели вагонов

[1]) «Красиый архив», № 10, предисловие М. Н. Покровского к записке Родзянко, стр. 67.

меньше, чем нужно было дать для под'ездных дорог перед революцией. Производство паровозов, вагонов в 1916 г. значительно сократилось по сравнению с предшествующим годом. Отсутствие металла грозило совсем прекратить производство подвижного состава в тот момент, когда нужда в нем особенно возросла.

Русская промышленность своими силами уже не могла справиться с железнодорожным кризисом. Начиная с первого года войны русский капитализм осуществлял свое воспроизводство на суженной базе.

Рост промышленности, вырабатывающей орудия разрушения, несколько затемнял настоящее положение промышленности. В 1916 г. удалось было парализовать дальнейший распад отдельных отраслей хозяйства, даже добиться увеличения продукции. Но «стабильное» положение продолжаться долго не могло, так как война в громадных размерах пожирала все, что выбрасывала промышленность, лишив все отрасли промышленности необходимых материалов, без которых они не могли поддерживать производство на прежнем уровне. «Хозяйство страны валилось в пропасть. Чтобы остановить падение, нужно было, прежде всего, заключить мир»,— пишет Покровский. В этом «падении в пропасть» хозяйства России и заключается об'ективная причина поворота в мировой политике, о которой писал Ленин в январе 1917 г. Русский империализм скорее, чем империализм других стран, исчерпал все ресурсы. Самодержавие это поняло, и поэтому резко повернуло свою политику в сторону заключения сепаратного мира с Германией. Временно отказываясь от Константинополя, царизм, заключив мир с Германией, вышел бы из войны «усилившись». Этот поворот политики нельзя об'яснить с такой узкой точки зрения, будто помещик-крепостник больше потерял в войне, а империалистическая буржуазия только выиграла. Царизм об'ективнее оценил обстановку, чем буржуазия: он знал больше и «рассчитывал точнее», чем Милюковы и Гучковы, которые «чем меньше знают, тем больше болтают на ветер» (Ленин). Надеясь заключить мир с Германией, царизм был против нарастающей революции и сохранял свои силы для будущей борьбы с Англией. Этот политический маневр не удался, так как царизм слишком долго «тянул». Экономические сдвиги за время войны создали уже «революционную ситуацию» в форме «политического» и «экономического» кризисов. На историческую сцену выдвинулся рабочий класс, который при поддержке армии и «повалил» самодержавие. Сложный переплет классовой борьбы, когда даже русская и иностранная буржуазии, так долго поддерживавшие Николая, готовились выступить против него, был подготовлен экономическим кризисом, который создал предпосылки для буржуазно-демократической революции и ее перерастания в социалистическую революцию.

Глава седьмая

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВА

В настоящей главе мы дадим общую оценку регулирующей политики самодержавия во время войны. Этот вопрос мы частично освещали при рассмотрении отдельных отраслей промышленности. Теперь же остановимся на общем характере регулирующих мероприятий.

Регулирование хозяйственной жизни государственной властью имело место во всех странах, принимавших участие в империалистической войне, конечно, в различной мере. В одних странах государственное регулирование ограничивалось только распределением продуктов и регулированием их цен, в других оно охватывало и производство. Были созданы своеобразные государственные организации для борьбы с разложением хозяйства, чтобы «иметь вообще возможность дальнейшего ведения войны». Война принесла с собой хозяйственную разруху, рост цен, сокращение производства. Из этой «нужды», — пишет т. Нахимсон, — «ввиду недостатка запасов или вследствие полной неспособности частной промышленности удовлетворить потребности военного времени» [1]) и выросло государственное регулирование. Государство стало активно вмешиваться в хозяйственную жизнь, оно произвело «огосударствление» целого ряда функций, которые выполнялись ранее отдельными капиталистами или их об'единениями. Капитализм во время войны в целом ряде стран превратился в госкапитализм, при котором «буржуазный класс в лице его трестов, синдикатов, господствующих групп, так сказать, сливается с государственным аппаратом» [2]). Наиболее полного развития госкапитализм достиг в Германии и Англии. Блокированная со всех сторон Германия вела войну на внутренних ресурсах. Поэтому там госкапитализм характеризуется особенной централизацией и командованием военных. В Германии, «огосударствление» было произведено сравнительно легко, так как предшествующая экономическая история подготовила большую концентрацию производства и мощные капиталистические об'единения. Опираясь на них и через них, государство организовало военное хозяйство. В Англии союзы предпринимателей и другие капиталистические организации пользовались большей самостоятельностью, чем в Германии, но и там вмешательство государства достигло чрезвычайно значительных размеров.

---

[1]) М. Нахимсон, Мировое хозяйство до и после войны, т. II, стр. 48.
[2]) «Вестник Коммунист. академии», № 2, доклад Милютина, стр. 168.

В первые же дни войны железные дороги были подчинены государству. В 1915 г. был введен контроль над судоходством, который постепенно усиливался. Весь пароходный тоннаж был реквизирован. Ввиду роста «цен и волнения рабочих» горное дело было подчинено государству, а в течение 1916 — 1917 гг. государство взяло в свои руки управление копями [1]). Постепенно правительственное регулирование усиливалось. «От контроля государство переходило к регулированию производства, к развитию своего собственного производства» [2]). Под контролем английского правительства в конце 1917 г. находилось свыше 20 тыс. предприятий, где было занято свыше 2 млн. рабочих, из которых почти треть приходится на женщин. «Кроме того, на адмиралтейство работало свыше 700 тыс. человек» [3]). Согласно мобилизационным планам французского правительства, в военной промышленности было оставлено 50 тыс. рабочих. Начиная с 20 сентября 1914 г., после совещания военного министра с представителями крупной промышленности в Бордо, были положены основы фактической мобилизации промышленности, охватывавшей 15 тыс. промышленных предприятий. «К 1 марта 1917 г. число мобилизованных рабочих возросло до 550 тыс. человек, это был максимум» [4]). В германской промышленности число лиц, получивших отсрочку, при начале войны достигало 600 тыс. чел., а ко времени выполнения программы Гинденбурга доходило до 2 100 тыс. человек [5]).

Последние цифры рельефно рисуют об'ем государственного вмешательства в промышленную жизнь, но они еще не полны. Значение государственной организации хозяйства было очень велико. Лишь благодаря ей Германии удалось так долго продержаться против сильных врагов.

В Англии «оно (госрегулирование. *А. С.*), — пишет Нахимсон, — можно сказать, спасло не только военное положение страны, но и основы хозяйства» [6]).

Госкапитализм характеризуется поэтому, кроме сращивания государственного аппарата с верхушкой промышленного и финансового мира, еще усилением планового начала во всем хозяйстве, ограничением свободной конкуренции. В Германии регулирование началось с учета и распределения сырья. По инициативе талантливого Ратенау был организован военно-сырьевой комитет, который регулировал снабжение промышленных предприятий сырьем.

Потом пришли к мысли о необходимости общего плана снабжения страны. Выработать такой план и выполнять при развертывании военных операций, при громаднейшем их росте было почти совсем невозможно. Все же план был разработан на три года, с 1 января 1916 г., но программа Гинденбурга не вмещалась в рамки этого плана, и он был сломан.

---

[1]) Нахимсон, Мировая война, стр. 35—36.
[2]) Там же, стр. 37.
[3]) Там же, стр. 38.
[4]) «Мобилизация промышленности в иностранных государствах», стр. 12.
[5]) Там же, стр. 32.
[6]) Нахимсон, Мировая война, стр. 39.

Для осуществления планового руководства необходим был единый регулирующий орган, которого не было даже в германском хозяйстве. Известную централизацию внесло военное управление, которое ведало милитаризацией рабочей силы, военным и сырьевым снабжением, внешней торговлей и т. д. Несмотря на отсутствие единого органа «планового регулирования хозяйства», все же в Германии было осуществлено максимум централизации, наиболее полное вмешательство государственной власти в хозяйственную жизнь страны, какая только мыслима при наличии частной собственности на средства производства. «Прежде всего транспорт, затем финансы, сырьевое снабжение, внешняя торговля, продовольствие населения, рабочая сила входят поочередно в круг об'ектов планового регулирования государства» [1]). От регулирования распределения государство приходит к регулированию процесса производства. Широко применяется принудительное синдицирование и массовое закрытие менее выгодных промышленных предприятий. В текстильной промышленности из трех тысяч промышленных предприятий государство оставило работать всего лишь 200, а остальные были закрыты.

Были установлены твердые цены, по которым промышленники получали уголь, металл. Снабжение населения продовольствием находилось в руках государства; оно забирало у производителей продуктов сельского хозяйства все излишки сверх известного пайка. Получалась своеобразная продовольственная разверстка, напоминавшая продовольственную разверстку во время военного коммунизма. Военные общества в промышленности напоминали советские главки 1919 г.

Сращивание аппарата управления промышленностью с государственным аппаратом происходило не без борьбы промышленников между собой, с государством и юнкерами.

Вмешательством государственной власти прекращалась «междоусобная» борьба между магнатами капитала. Так было при трениях между Тиссеном и Стиннесом и во многих других случаях.

Находясь в исключительно трудных условиях, Германия создала больше плановости в военном хозяйстве, чем это было в других странах. Но госкапитализм Англии и Германии не произвел резких изменений в социальной структуре общества: частная собственность на средства производства осталась, прибыли капиталистов также, они даже выросли по сравнению с довоенным временем. «Роль государственной власти укрепилась, поскольку все производство только и работало на войну и тем самым стало в зависимость от государства; но материальная основа государственной власти не укрепилась; наоборот, эта власть попадала все больше и больше в зависимость от своих кредиторов и вместе с этим от хозяев промышленности и банков» [2]). Государственная власть наиболее полно срослась с верхушкой финансовой и промышленной буржуазии, что вело к усилению магнатов капитала. Так было в Западной Европе. Я нарочно сделал отступление для ха-

[1]) «Вестн. Коммунистической академии», № 19, стр. 147, Хмельницкая, Плановое регулирование в военном хозяйстве Германии.

[2]) Нахимсон, Мировая война, стр. 39.

рактеристики английского и германского военного хозяйства, чтобы яснее оттенить особый характер регулирования в России.

До весны 1915 г. в России влияние правительства на хозяйственную жизнь страны было очень слабо. Кроме регулирования цен на продовольствие, по государственным закупкам ничего не было сделано. Весной 1915 г. создаются особые комитеты, в ведении которых поступают наиболее угрожающие участки хозяйства, как транспорт, продовольствие, топливо. К осени регулирующая система находит свое завершение в форме 4 особых совещаний, главную роль среди которых играло особое совещание по обороне. Остальные три ведали указанными выше отраслями хозяйства. Таково организационное строение регулирующих органов в центре. В некоторых отраслях легкой промышленности были созданы комитеты со специальной целью при помощи их бороться с дороговизной.

Как далеко пошли регулирующие мероприятия правительства? Они касались, главным образом, распределения продуктов и их цены и почти совсем не задевали производства. Не было ни одной отрасли капиталистического хозяйства, управление которой государство взяло бы в свои руки. Регулирование топливной промышленности ограничивалось твердыми ценами.

К важнейшему вопросу милитаризации промышленных предприятий «особое совещание» вплотную подходит только в августе 1915 г. Еще в мае оно думало проводить ее путем организации на местах комитетов при существовавших уже организациях буржуазии. К августу 1915 г. министерство промышленности разработало проект милитаризации. При его обсуждении наметилось три точки зрения. Большинство «совещания» считало милитаризацию мерой «глубоко-государственной и справедливой... Если практически не представляется возможным поставить в условия военного режима всю экономическую жизнь страны, то является настоятельно необходимым *милитаризовать хотя бы те отрасли промышленности, которые тесно соприкасаются* с военным делом» [1]). Другая часть, во главе с Тимашевым, не высказываясь принципиально против милитаризации, связывала ее проведение с рядом изменений в рабочем вопросе, а так как милитаризация сама по себе не устраняет причин недовольства рабочих, то высказывалась против проекта. Кадетская группа высказалась принципиально против самой идеи милитаризации промышленных предприятий.

Вопрос ставился на обсуждение особого совещания еще несколько раз, и только 19 декабря 1915 г. военный министр утвердил проект мобилизации промышленности. Милитаризация промышленности так и не была произведена, так как она требовала осуществления и милитаризации труда, на что ни буржуазия, ни правительство не пошли. Ввели систему отсрочек для отдельных категорий рабочих, работающих на оборону. Все остальные рабочие могли свободно переходить с одного предприятия на другое.

---

[1]) Журнал особого совещания по обороне, № 2, 29 августа 1915 г.

Буржуазия очень ревниво следила за тем, как бы правительство не слишком много забрало власти в деле управления промышленностью. С каким трудом проводились мероприятия по секвестру отдельных промышленных предприятий, какое упорное сопротивление оказывала буржуазия вмешательству государства в дела промышленности показывает наложение секвестра на несколько промышленных предприятий и среди них на Путиловские заводы.

Путиловский «инцидент» свидетельствует о той огромной силе, которую представляла буржуазия в особом совещании по обороне, а за ее спиной, конечно, скрывался банковый и иностранный капиталы, державшие цепко в своих руках крупную промышленность.

Дело началось с того, что Путиловский завод задерживал выполнение казенных заказов. В заседании 18 июня 1915 г. особое совещание организовало под председательством А. И. Гучкова особую комиссию для выяснения этого вопроса. 31 июля 1915 г. комиссия Гучкова сделала доклад о результатах обследования Путиловского завода. Ею была обнаружена перегруженность завода заказами. Завод не выполнял довоенные заказы как более дешевые. Положение рабочего класса ухудшилось. Правление не приняло всех мер к усилению завода станками. По заслушании доклада «совещание» поручило Гучкову заслушать об'яснение Путилова и представить свое мнение. Одновременно признано необходимым обследовать Обуховский и ряд других заводов. Тем временем на Путиловском заводе начались забастовки.

Такое положение на Путиловском заводе отнюдь не исключение. Комиссия ген. Мышлаевского, обследовавшая 51 завод Московского района, например, относительно Коломенского завода, установила «некоторое излишнее для обороны внимание к коммерческим интересам завода» [1]). Это очень мягкая формула, показывающая по сути дела то, что Коломенский завод, как и Путиловский, не руководствовался соображениями государственной обороны, а предпочитал им интересы своих акционеров. Такие же непорядки обнаружены на Невском заводе, и «особое совещание» от 14 октября 1915 г. высказалось за назначение туда представителей правительства.

Пока Гучков заслушивал об'яснения Путилова, развал Путиловского завода усилился, и 28 октября 1915 г. «совещание» опять обсуждало вопрос о его положении. Общество Путиловского завода прекратило платежи, имея 25 млн. руб. основного капитала. Оно получило 40 млн. руб., авансом по правительственным заказам, 11 млн. руб. — кредита от Госбанка и, кроме того, пользовалось кредитом еще от Азиатского банка с превышением нормы. *Путиловский завод имел невыполненных казенных заказов на 180 млн. руб.* На этом же заседании было решено секвестрировать завод. Представитель министерства торговли и промышленности высказался против секвестра [2]). На этом дело, однако, не кончилось. Власть финансового капитала настолько велика, что она заставила плясать под свою

[1]) Журнал особого совещания, по обороне, № 9, 23 сентября 1915 г.
[2]) Журнал особого совещания по обороне, № 19, 28 октября 1915 г.

дудку особое совещание. В заседании от 7 ноября 1915 г. вопрос о секвестре Путиловского завода вновь ставится на обсуждение. Путилов дает «совещанию» об'яснение о положении завода. Он отмечает большое расширение заводов, произведенное до войны, дефицит от которого достигал 33 млн. руб. Этот дефицит предполагалось возместить путем выпуска новых акций. Однако, предполагаемую реализацию акций на французской бирже, по случаю войны, не удалось осуществить. Путилов отмечает, что производительность заводов в течение нескольких месяцев увеличилась в 2½ раза; сумму дефицита он определил в 46 млн. руб.; сумму непогашенных авансов на 1 окт. 1915 г. — 47 млн. руб. [1]).

Буржуазное крыло совещания, во главе с Родзянко, выступило против секвестра. «Особое совещание» постановило пересмотреть вопрос о секвестре в наблюдательной комиссии. Мнение наблюдательной комиссии (9 — за секвестр, 6 — против) было внесено на заседание совещания от 18 ноября. Все заседание было посвящено обсуждению вопроса о секвестре Путиловского завода. Дирижерская палочка англо-французского финансового капитала чувствуется во всем ходе прений. Недаром Шингарев имел честность заявить: «Из обстоятельств данного дела *обнаружилось влияние на дела государства безответственной, но чрезвычайно могущественной власти банков. Правительство начинает терять государственную дорогу, стесняясь власти плутократии*» [2]).

В качестве аргумента против секвестра в прениях приводили: боязнь испугать промышленников и иностранных капиталистов. Результат голосования дал 16 голос против секвестра и 16 — за. Решено было секвестр все же не производить. В приложенном протоколе наблюдательной комиссии приводятся неотразимые аргументы за необходимость секвестра, даже более того: *комиссия установила факт преступной деятельности завода.*

На 1 октября заводом доставлено вместо 1 208 орудий только 812, вместо 8 миноносцев — 1. Завод «к 1 июля не доставил 150 636 шрапнелей», что послужило «одной из причин к общей недостаче снарядов на фронте, вынудив наши войска к отступлению прошлым летом» [3]).

Долг Путиловских заводов на 10 нояб. достигал 107 284 тыс. руб.

Только в феврале 1916 г., когда забастовки с перерывами продолжались почти весь месяц, было решено секвестрировать завод, повысить расценки и принять меры к переходу заводу в казну [4]). При этом чрезвычайно интересно: Милюков считал требование рабочих о прибавке заработка на 70% справедливым. Только в апреле 1916 г. особое совещание решило взять в собственность казны 3 секвестрированных Путиловских завода.

В октябре 1916 г. (26 октября) «особое совещание» решило немедленно секвестрировать завод «Беккер» и передать его в распоряже-

---

[1]) Журнал особого совещания по обороне, № 22, 7 ноября 1915 г.
[2]) *Там же*, № 25, 18 ноября 1915 г.
[3]) *Там же*, № 25, 18 ноября 1915 г.
[4]) *Там же*, № 51, 17 февраля 1916 г.

ние военного ведомства. Стоимость имущества об-ва — 39,5 млн. руб., долги казне — 28 млн. руб., банкам и частным лицам — 11,5 млн. руб., дефицит не превышает 50% баланса.

В декабре 1916 г. встал вопрос о секвестре Русско-балтийского завода, который при основном капитале в 15 млн. руб. имеет дефицит в 26 млн. руб. и возбудил ходатайство о ссуде в 22½ млн. руб. Решено ограничиться только введением директора. Приведенные примеры очень характерны для деятельности особого совещания и для характеристики влияния финансового капитала на политику органа власти, который руководил всей обороной страны.

В процессы производства государство не вмешивалось. Даже торговля углем оставалась целиком в руках промышленников. Постепенно была введена реквизиция угля для снабжения им железных дорог. Дополнением к «твердой» цене являлась разрешительная система перевозок. В области легкой промышленности были установлены твердые цены на сырье и готовый продукт. То же самое в сельском хозяйстве.

На продукты продовольствия были установлены твердые цены для закупок правительственных и общественных организаций, а остальное население покупало товары по вольным, «бешеным ценам».

Промышленная буржуазия поддерживала мероприятия правительства в деле регулирования цен на сырье, так как это было в ее интересах. Кожа, хлопок и ряд других продуктов промышленники получили по таксированным ценам. То же самое с продовольствием. Буржуазия заявила себя сторонницей дешевых цен на продукты сельского хозяйства. Но она всячески боролась против применения твердых цен и к заводским изделиям, особенно для товаров, выбрасывавшихся на частный рынок.

Железные дороги не были милитаризованы, они даже не имели общего плана перевозок. Внешняя торговля была ограничена: целый ряд товаров был совсем запрещен к вывозу, экспортеров обязали сдавать вырученную валюту государству. Был введен контроль над распределением топлива, металла, хлопка и другого сырья среди предприятий, работавших на «оборону». Правительственный контроль над оборонными предприятиями проводился через «заводские совещания» и ограничивался лишь наблюдением за аккуратным выполнением государственных заказов. В отдельных случаях дело доходило до посылки правительственных директоров и до секвестра предприятий в казну. Но эти мероприятия проводились в качестве репрессий, тогда как в Англии об'единение и подчинение предприятий правительству «никогда не проводилось, как акт вражды против теперешних владельцев или руководителей предприятий».

Самодержавие в известной мере «приспособило» экономику страны к потребностям войны и государственной обороны, но мероприятия эти и по методу их проведения и по самому существу значительно отличаются от госкапитализма Германии или Англии. Государственное регулирование в России проводилось еще более бюрократически, чем там, и по своему характеру было более поверхностным.

Если в Германии пришли к мысли о необходимости создания общегосударственного плана снабжения страны, то в России царизм не до-

шел до планового руководства отдельными отраслями промышленности. В области продовольствия, где было больше всего предпосылок для широкого развертывания работы, правительство ограничилось лишь снабжением армии и части рабочих. В области угольной промышленности и металлургии не было сделано даже попытки активно вмешаться в производственный процесс, дать задание, следить за его выполнением. Правительство распределяло по монопольным ценам (правда, достаточно высоким) то, что капиталистическое хозяйство давало. Не было сделано никаких попыток рационализировать производство. Полнейшая бесплановость, отсутствие учета ресурсов, почти неограниченная свобода конкуренции — вот что представляло наше военное хозяйство. Отдельные элементы плановости и организованности совершенно растворялись в общем хаосе капиталистической конкуренции.

«Вся система правительственного аппарата регулирования,—пишет Рудый, — начиная с совещания по обороне и кончая местными уполномоченными, была построена так, что она была оторвана от массы не только рабочих, но даже буржуазии» [1]). Что аппарат регулирования имел бюрократический, военно-феодальный характер, — в этом Рудый прав, но что в этих органах не была представлена довольно компактно буржуазия, — это неверно. В особых совещаниях была представлена верхушка финансового и промышленного мира достаточно «солидно», чтобы буржуазия могла отстаивать свои интересы. Особенно сильно промышленные элементы были представлены в совещании по обороне. Представительство в «совещаниях» буржуазия использовала для того, чтобы усилить свои позиции и обеспечить «выгодный» ей курс правительственной политики. Когда Поливанов был военным министром, между правительственным и буржуазным крылом совещания по обороне был более тесный контакт. Под руководством самого военного министра буржуазия вела борьбу со всем составом совета министров за установление «легальной» смычки с западно-европейской буржуазией через представительство в Лондонском комитете. «Путиловский инцидент» является достаточно характерным и показательным, чтобы судить о влиянии буржуазии на особое совещание и правительственную политику. Правительство боялось буржуазии, но без нее фактически ничего не могло сделать. Поэтому регулирующие мероприятия носили «невинный» характер. Важнейшие мероприятия правительства, направленные на усиление государственного контроля, срывались. Буржуазия единогласно высказалась против милитаризации труда, и проект милитаризации в совещании по обороне был провален. Когда французский «социалист» Тома давал совет Штюрмеру для усиления работы оборонной промышленности провести милитаризацию рабочих, Штюрмер пришел «в ужас» от этого дружеского совета, так как «боялся» буржуазии. Правительство сделало ряд попыток сосредоточить в своих руках торговлю углем и снабжение населения мануфактурой, но и здесь буржуазия вышла полной победительницей. Вследствие той же самой причины («протест буржуазии») проекты чайной, сахарной, соляной и других мо-

---

[1]) Рудый, Госкапитализм, стр. 46.

нополий не вышли из канцелярий министерства финансов. Наконец, риттиховская продовольственная разверстка потерпела полнейшую неудачу.

Все эти примеры говорят о том, что в России до государственного капитализма западно-европейского типа дело не дошло. А между тем встречаешь характеристику военного хозяйства, как «госкапитализм» без всяких оговорок. «Огосударствление» экономических функций самодержавием было сделано чрезвычайно незначительно. Даже те мероприятия, которые были проведены английским и немецким правительствами, на $^{9}/_{10}$ остались неосуществленными в России. До Февральской революции у нас не было характерного для эпохи госкапитализма факта — сращивания госаппарата с верхушкой промышленной и финансовой буржуазии. С каждым месяцем войны, в связи с ухудшением хозяйственного положения тыла, отношения между крепостническим правительством и буржуазией портились: брешь становилась все сильнее и больше. Крепостническо-помещичья «природа» самодержавия приводила к такой политике, которая со стороны буржуазии встречала сильнейшую оппозицию. Тов. Крицман в следующих словах характеризует отношения между капиталистами и царизмом: «Не было места для сращивания монополий банкового и промышленного капитала с государством, — сращивания, которое предполагает одинаковую социальную природу сращивающихся» [1]). В силу указанного различия тенденция к превращению монополистического капитализма в «государственно-капиталистической» в России не получила большого развития. Характеризуя работу сахарного синдиката до войны, т. Ленин пишет: «Государство уже тогда контролировало, регулировало производство в пользу магнатов-богачей». Во время войны защита интересов буржуазии со стороны государства еще более выросла. Но эта защита интересов буржуазии полнее всего осуществлялась не усилением правительственного вмешательства в производство, а его ослаблением. Дальше введения «твердой» цены, которую никто не соблюдал, правительство не пошло в деле регулирования крупнейших трестов. Этот процесс не получил в России широкого развития. Владимир Ильич так внимательно анализировавший русскую экономику и экономику Германии, в качестве примера госкапитализма берет последнюю страну, а в России, кроме зародышей, элементов госкапитализма не находит. Между тем, если бы образование госкапитализма до Февральской революции в России получило сколько-нибудь значительные размеры, Владимир Ильич, вероятно, призывал бы «учиться государственному капитализму» не только у немцев, но использовать и этот опыт России. В записке Родзянко есть слабые намеки на необходимость госкапиталистической организации хозяйства. «Война потребовала напряжения всех сил страны; на сцену выдвинулась идея защиты интересов ц е л о г о, и эта идея должна поглотить все остальное», — пишет Родзянко. Он считает образцовой организацию хозяйства в Западной Европе. Но там приспособление хозяйства к потребностям обороны проводится при помощи самой буржуазии. У нас

[1]) С. Р о н и н, Иностранный капитал, стр. 4.

этого нет. Отсюда, по мнению Родзянко, вытекает разруха хозяйства. Касаясь такс, он считает нормальным таксировку не отдельных продуктов, а всего рынка. Но такая таксировка возможна, «если за ними стоит всесторонняя организация рынка, если есть возможность наблюдать и за производством и за распределением продуктов. Без участия общественных сил такой контроль осуществлен быть не может» [1]). Выступая защитником организации и учета хозяйства, Родзянко требовал фактически передачи всех экономических функций регулирования самой буржуазии. Во время «керенщины» элементы госкапитализма в русском хозяйстве получили большее развитие, чем до Февраля, но все же к Октябрьской революции нельзя говорить о нашем капитализме как системе госкапитализма.

Чрезвычайно показательна «записка» Степанова, в которой он выступил с планом государственной организации хозяйства на основе госкапитализма. К июню 1917 г. хозяйственное положение страны еще более ухудшилось, чем перед Февралем. «Страна стоит перед экономическим и финансовым крахом», — пишет Степанов. Отвергнув социалистическую организацию хозяйства и «доказав» невозможность «в одной стране» переходить к социалистическому строю, Степанов выступил защитником «государственного регулирования важнейших отраслей народного хозяйства». Планомерное использование материальных ресурсов и рабочей силы для нужд обороны должно проводиться в первую очередь, и лишь «остатки могут направляться в другие отрасли». Усиление правительственного контроля над экспортом и импортом, введение правительственного принудительного синдицирования промышленности, «стеснение» свободы «действий как промышленников, так и рабочих», — вот практические предложения этой «замечательной» записки. Мелкобуржуазная демократия отказалась осуществить эти мероприятия, необходимые с точки зрения левого кадета. Отказавшись осуществить эти мероприятия полностью, правительство все же сделало несколько мелких шагов вперед в области регулирования по сравнению с тем, что было до Февраля. Все же до Октября «госкапитализм» как определенная система хозяйства не получил развития.

Царское правительство понимало необходимость указанной госкапиталистической организации производства, но, чтобы ее осуществить, надо было обладать большей силой, или пойти на серьезные политические уступки буржуазии. С осени 1916 г. самодержавие повернуло руль своей политики в сторону крайних правых. Серьезно рассчитывать на то, что оно пошло бы на большие изменения в области организации хозяйства по английскому или германскому типу, не приходилось. В августе 1916 г. Гучков следующим образом характеризовал положение: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню... мы в тылу бессильны, или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и, при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни

[1]) Записка Родзянко, «Красный архив», № 10, стр. 85.

локализовать» [1]). Контрреволюционер Гучков боится гораздо больше рабочих масс, чем самодержавия, — это ясно. Но он видит развал хозяйства и вытекающую отсюда опасность. Не веря в силы буржуазии, Гучков спрашивает Алексеева: «Можете ли вы что-нибудь сделать?..» Алексеев, фактически руководивший русской армией, еще яснее Гучкова видел не только «гибель» власти, но и развал всего тыла, потому что армия оставалась без необходимых средств борьбы. Алексеев еще в июне разработал проект организации «верховного министерства государственной обороны». Руководитель этого ведомства становился фактическим руководителем всего хозяйства страны. «Диктатор» должен быть ответственным только перед Николаем. Цель организации этого ведомства — наладить работу транспорта, увеличить добычу угля и металла, урегулировать продовольственный вопрос. «Разработать и безотлагательно провести в жизнь милитаризацию наших заводов, работающих на оборону», так как, — далее пишет Алексеев, — она является, «по мнению военного министра, надежным средством против забастовок». Ленин был совершенно прав, характеризуя военно-государственный монополистический капитализм как «военную каторгу для рабочих». Проект ген. Алексеева имел своей целью организацию военного госкапитализма; составною частью этого проекта была милитаризация труда, т. е. превращение рабочих в военных рабов капитала. Кроме того, Алексеев считает необходимым «применить в широких размерах на заводах, работающих на оборону, а также для добывания топлива и металлов, труд тех народностей России, которые не несут воинской повинности, а также труд восточных народов: китайцев, японцев, и пр.» [2]).

Этот проект был утвержден советом министров и Николаем, пост «государственного спасителя» уже занял Штюрмер, и все же он не был проведен в жизнь. «Гниющему» самодержавию нехватило твердости окончательно «поссориться» с буржуазией. Проведение этого проекта означало отмену всех особых совещаний, на что, конечно, буржуазия бы не пошла. Этот проект пришлось бы провести в порядке знаменитой 87-й статьи, что привело бы к серьезному движению «в политических и общественных кругах, в заключение которого — пишет Штюрмер — может выдвинуться вопрос и о закрытии Государственной думы». На этот шаг бюрократия не решалась, поэтому Штюрмеру так и не удалось развернуть свой «талант» на посту диктатора России. Из военных же кругов выходят два дальнейших проекта: милитаризация железных дорог и введение военной продовольственной диктатуры. Как и предшествующий проект, они не получили практической реализации.

Все мероприятия правительства в области регулировки ограничивались одним кругом: регулировка цен и распределение между предприятиями сырья. Сравнивая всю систему отношений между буржуазией и правительством и его регулирующие мероприятия с западно-европейскими, я бы не решился охарактеризовать систему нашего военного хозяй-

[1]) «Монархия перед крушением. 1914—1917 гг.», стр. 282.
[2]) Там же, стр. 265.

ства как госкапитализм. Экономические предпосылки превращения монополистического капитализма в госкапитализм в России были налицо: громаднейшая концентрация капитала и промышленности, монополии банкового и промышленного капитала, широкий охват банками всех сторон экономической жизни страны. Нехватало лишь политических предпосылок. Оппозиция буржуазии, «давление» со стороны иностранного капитала, политическая трусость самодержавия и русской буржуазии, — все эти обстоятельства привели к тому, что милитаризация труда и транспорта не была произведена, банки фактически остались вне сферы государственного воздействия, прибыли капиталистов остались неограниченными, к управлению производством самодержавие не приступило. «Совершенно жалкий вид имели попытки царского правительства в России, продолженные после Февральской революции Временным правительством, использовать методы государственной монополии для предотвращения военного, политического и социального краха, подготовленного еще задолго до войны дружными совместными усилиями помещиков и капиталистов» [1]). Государственное регулирование выразилось фактически в бюрократическом командовании и запрещении вывоза продовольствия из губернии в губернию. В области планомерного использования капитализма почти ничего не было сделано.

Классовая природа русского самодержавия препятствовала широкому развитию плановости и организации хозяйства. Черносотенные помещики, чьи интересы в первую очередь выражало самодержавие, считали чуть ли не красными Гучкова и Милюкова. А императрица высказывала большое желание, чтобы эти персоны были повешены. Ясно, что при таком положении не могло произойти сращивание между государственным аппаратом и буржуазией.

Без тесного сотрудничества с промышленным и финансовым капиталом невозможно было провести организацию хозяйства. С другой стороны, привлечь к работе буржуазию и передать в ее руки организацию хозяйства правительство также не могло, так как это привело бы к усилению позиции буржуазии. Поэтому экономическая политика царизма носила компромиссный характер. Правительство отказалось от введения госкапитализма, но и не дало буржуазии захватить в свои руки мобилизацию промышленности.

Позиция буржуазии была также двойственной. С одной стороны, «борьба» с царизмом, с другой — боязнь рабочего движения. Последнее казалось буржуазии более опасным, чем царизм. Вследствие этого буржуазия пошла на ряд второстепенных уступок царизму. Она сотрудничала с ним в «особых совещаниях», но одновременно организовала военно-промышленные комитеты, чтобы в них сосредоточить руководство мобилизацией промышленности. Из этой попытки буржуазии ничего не получилось. Правительство сохранило в своих руках руководство промышленностью, но государственное регулирование носило чрезвычайно куцый характер.

---

[1]) Цыперович, предисловие к 1 изданию книги Рудого.

К. СИДОРОВ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(1914 — 1917 гг.)

Глава первая

ПРЕДВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ И ОТНОШЕНИЕ РАБОЧИХ К ОБ'ЯВЛЕНИЮ ВОЙНЫ

1. Конкретные данные размаха рабочего движения в годы под'ема

(1912 — июль 1914 г.)

Годы промышленного оживления и под'ема создали сравнительно благоприятную кон'юнктуру для рабочего движения и не только по экономической линии, но и политической. «Внутренний мир» классов, на который рассчитывала буржуазия, идя на сделку с столыпинщиной, оказался непрочен и недолговечен. Рабочий класс, руководимый в то время с.-д. большевистского направления, не мог мириться с третье-июньским режимом. Движение, задавленное политикой «столыпинских галстуков», вновь оживало. Массовые кровопускания, вроде Ленского расстрела, являлись новыми импульсами рабочего движения. Наглядным цифровым выражением этого было резкое повышение количества стачек и качественное изменение их содержания. Тов. Ленин еще в 1912 г. писал, что перед нами стоит полоса массовой революционной стачки, перед нами «начало революционного под'ема». Хотя цифровой материал, показывающий бурный под'ем стачечной борьбы, широко известен, все же мы не можем не привести таблицу, отображающую его. (См. табл. I на стр. 328).

1914 г. в таблице дан целиком, включая и пять месяцев войны, но так как об'явление войны свело почти на-нет стачечную волну, то приведенные данные за 1914 г. на $^9/_{10}$ относятся к семи довоенным месяцам [1]).

В таблице числовое различие забастовок и участников по политическим и экономическим стачкам очевидно. Разница, и очень большая, есть в графе потерянных дней. Политические стачки дают на 1 бастующего в среднем не более 1 дня, тогда как по экономическим — минимум 5,89 и максимум 14,31 дня на 1 рабочего. Это вполне понятно, так как политическая стачка всегда носит характер протеста в виде демонстрации или забастовки солидарности. Такие забастовки непродолжительны по времени. В политической стачке важна не длительность, а скорее ее массовость и организованность. Тенденция массовости по-

[1]) Всего за 5 месяцев (август — декабрь 1914 г.) было 68 забаст. — 34 752 участника и 160 230 потерянных дней.

литических эабастовок видна иэ приводимой таблицы. Чтобы показать организованность, связь забастовочной волны с определенными лозунгами, мы приведем майские стачки за эти же годы.

По данным Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района т. Ленин приводит за 1912 г. [1]) цифру 855 000 чел., бастовавших по политическим мотивам. Из этого числа, по поводу празднования 1 мая бастовало 300 000 рабочих, т. е. больше, чем одна треть. Первого мая 1913 г. происходит 281 политическая забастовка с числом участников 116 276 чел. (из 1 300 забастовок и 502 442 бастующих в году). В 1914 г. — 672 забастовки и 248 265 бастующих (из 2 401 заб. и 985 655 баст.) [2]).

Цифры эти, исключающие казенные заводы и предприятия горнозаводской промышленности, показывают, что стачки по поводу 1 мая, безусловно, являются доминирующими над всеми другими политическими забастовками. По данным т. Димитриева [3]), например, 1 мая 1913 г. в Петрограде бастовало 53 037 рабочих 92 предприятий (надо помнить, что это — цифры официальные и далеко не точные в сравнении с цифрами, приводимыми в рабочей печати), причем из них бастовали в полном составе и весь день 50 714 рабочих. В тех предприятиях, где рабочие бастовали частично, весь день бастовало 1 958 рабочих. Всего бастовавших весь день было 52 672 рабочих, или 99% всех бастовавших 1 мая.

В 1914 г. 1 мая бастовало — 83 990 рабочих, 105 предприятий, из них не работали, предупредив заводоуправления, 18 084 чел. Бастовавших в предприятиях в полном составе и весь день было 44 494 рабочих и ½ дня 6 550 рабочих. Частично бастовавших (не все предприятие целиком) весь день 14 274 рабочих и ½ дня — 588. Всего бастовало 65 906 рабочих (не считая тех, которые о стачке предупредили). Картина, следовательно, еще ярче, чем в 1913 г. Правда, выводы из этой картины распространять на всю рабочую Россию нельзя, но все же как тенденция, как показатель роста политического сознания в рядах пролетариата крупных промышленных центров, это очень убедительно.

У русского рабочего класса, помимо международного дня пролетарской солидарности, были свои революционные годовщины — 9 января, Лена и др., в которые он также напоминал самодержавию о грядущем дне расплаты. Недаром вопрос о политических праздниках уже в 1912 г. подвергся серьезному обсуждению в рядах буржуазии и правительства. Штраф, как мера борьбы с невыходом на работу в пролетарские праздники, разделялся не всеми представителями промышленности. Чтобы свести к нулю революционное значение 1 мая, в некоторых кругах буржуазии его хотели узаконить как табельный праздник. Министерство торговли и промышленности не могло мириться с такой точкой зрения и, готовясь вообще пересмотреть устав о промышленном труде (в интересах буржуазии), в 1913 г. в циркуляре чинам фабричной инспекции и горного надзора предписывало «неуклонно исключать»

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, Фабриканты о рабочих стачках.
[2]) «Красная летопись», № 2 (17), 1926 г., ст. Димитриева.
[3]) Там же, № 2 (17), стр. 79.

празднование 1 мая «из представляемых на их утверждение расписаний нерабочих дней в промышленных заведениях». Все это в достаточной степени говорит о том, что для правительства и буржуазии день 1 мая был больным местом, а для нас это говорит о растущей организованности в рабочем движении и укреплении классового сознания.

2. Удельный вес в движении отдельных промышленных районов и профессий

Приведенными выше цифрами мы охарактеризовали только темп движения, только рост преобладания политических стачек над экономическими и организованность стачечной волны. Необходимо еще указать, что основным ядром движения по своей численности и политической зрелости были рабочие металлисты. Соперничали с ними в этом отношении рабочие бумажно-полиграфического производства, но они численно далеко не имели такого удельного веса в общем итоге движения (см. таблицу II на стр. 329).

Из промышленных центров гегемоном стачечного движения была Петроградская губ. Число бастовавших в ней рабочих как за 1913, так и за 1914 г. превосходит общее число ее рабочих. Это говорит за повторность забастовок. Московская губ., в сравнении с петроградской, в этом отношении играла меньшую роль, а текстильные губ. — Костромская и Владимирская — уже прямо ничтожную роль.

Для характеристики отдельных районов мы приведем табличку за 1913—1914 гг., данные которой нам будут нужны и в дальнейшем (см. табл. на стр. 182).

Какое соотношение имеют данные губернии по своему удельному весу в промышленности и движении, — видно по вертикальным графам. Имея почти одну треть всех заведений, подчиненных фабрично-заводской инспекции, имея половину рабочего состава (на 31 декабря 1914 г. в России было 1 960 860 раб., подчиненных фабр. инспекции), — эти шесть губерний дали ¾ бастовавших заведений и рабочих. Картина концентрированности движения очевидна. Особенно громадную роль играл Петроград. В дальнейшем изложении мы будем касаться именно только таких промышленных центров, которые имели особое значение в рабочем движении.

Мы не касаемся вопроса об общем положении рабочих до войны, о конкретных поводах экономических стачек и их результатах; не касаемся также вопроса о политических стачках в связи с другими датами революционных событий, так как это надолго задержало бы нас. В общем, можно сказать, что стачечная волна предвоенных годов предвещала новую схватку рабочего класса с царизмом, но уже не в таких размерах, как в 1905 г. Не случайно, что сама буржуазия уже накануне войны разочаровалась в чудодейственных свойствах столыпинской политики кнута и виселицы. «Мы идем к неизбежной катастрофе», — говорил в конце 1913 г. Гучков на с'езде октябристов. Кадет Маклаков подтверждал то же в феврале 1914 г., считая, что «вера в возможность мирного исхода уже утеряна».

Губернские центры [1])	Число заведений и рабочих в них		Число забастовок и их участников			
			1913 г.		1914 г.	
	1913 г.	1914 г.	Абс.	В % к общему числу	Абс.	В % к общ. числу
	1 004	1 033	755	75,2	1 772	171,5
Петроградская . .	218 258	217 222	353 662	162,0	726 640	334,5
	1 527	1 527	368	17,6	418	27,4
Московская . . .	384 129	381 160	94 442	24,3	149 124	39,1
	543	588	190	35,0	360	61,2
Бакинская	51 136	51 666	25 852	50,0	47 350	91,6
	352	367	23	6,5	58	15,8
Харьковская . . .	53 225	53 465	7 484	14,1	18 258	34,1
	235	274	13	5,1	45	16,4
Костромская . . .	93 150	95 347	4 794	5,5	53 493	56,1
	453	466	25	5,5	27	5,8
Владимирская . .	208 109	206 146	13 019	6,2	18 322	8,9
Итого в губ.	заведен. рабочих	4 255 1 005 006	Всего бастов.		зав. 2 680 раб. 1 013 187	—

В данных губер. к обще-	Завед.	30,2%	Бастовало завед.	75,8%
росс. итогу	Рабочих в них	51,2%	» рабочих	75,7%

Иначе оценивали такой сдвиг в рабочем движении на другом полюсе.

Сравнивая 1912 г. (т. е. начало под'ема) с 1905 г., Ленин писал [2]), что стачечное движение носит общенародный характер, — общенародный в том смысле, что оно «выражает об'ективные нужды всей страны», направляя удар на самодержавие (политические стачки), тормозившее развитие страны. Мы получим еще больше доказательств для этой правильной мысли, если посмотрим на характер движения последних месяцев перед войной в центре и на периферии.

а) Движение в Петербурге накануне войны

Как нарастала волна забастовок к моменту об'явления войны, — лучше всего проследить по месяцам в крупных промышленных центрах и прежде всего в Петербурге.

Петербургский градоначальник в своем донесении оценивает рабочее настроение в январе 1914 г. как относительно спокойное. 9 января бастовало больше $^1/_3$ всех питерских рабочих (110 000 ч.). На языке высших чинов полиции «относительно спокойно» значило, что особенно крупных событий, которые требовали бы мобилизации всех

[1]) Цифры нами взяты: Архив Н. Х., К. и Б. фонд М. Т. и Пр., папка отчетов фабр. инспекции из «Матер. по статистике труда», вып. VIII, изд. 1920 г.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, Развитие революционной стачки и т. д.

сил полиции, не было. На Невском проспекте 9 января дело доходило до шествия рабочих с красным флагом (числ. 100 ч.)[1].

В феврале также не было крупных событий, которые нарушили бы спокойствие блюстителей порядка, хотя на Путиловском заводе 19 февраля прекратила работу одна смена в 8 783 рабочих и на судостроительной верфи — 4 000 человек.

Март характеризуется значительно повысившимся настроением. На этот месяц падают массовые отравления, массовая истерия на почве истощения организма — на резиновой мануфактуре, на табачной фабрике т-ва Богданова, Шапошникова и К°. Похороны жертв взрыва на Трубочном заводе вызвали героическое сопротивление, оказанное полиции 2 000-ной толпой рабочих, пришедших отдать свой долг погибшим товарищам[2].

Социал-демократическая фракция 12 марта внесла в думу запрос о положении расследования дела о Ленском расстреле и в связи с отравлением на фабриках. 13 марта градоначальник писал, «согласно призыва Петербургского комитета РСДРП в целях поддержки означенного запроса, прекратили работу 53 000 человек рабочих, нарушив нормальный порядок работ в 114 фаб.-заводских предприятиях». В этот день были массовые демонстрации рабочих с пением революционных песен и красными флагами на заводах Айваз, Невском судостроительном, «Вулкан», Гесслер, Металлическом и др.

Характерно для настроения рабочих, что каждая стычка их с полицией кончается не просто «рассеиванием», а обязательно обороной, причем в ход пускались со стороны рабочих камни.

Цифра бастующих 19 марта достигла 73 000 рабочих в 120 предприятиях. Охвачены были главным образом Выборгский и Василеостровский районы. Градоначальник пишет, что «в большинстве случаев рабочие не делали никаких заявлений о причине прекращения ими работ. На некоторых заводах они об'яснили, что забастовкою хотят выразить протест по поводу отравлений рабочих на некоторых фабриках, а по негласным сведениям, часть забастовок стояла в связи с протестом рабочих по поводу Ленских событий».

Буржуазия не могла остаться безучастной в развертывающейся борьбе. От ее временной оппозиции правительству не осталось и следа. Стачечное движение, поскольку оно принимало резкие формы, ее сильно нервировало. 26 марта по постановлению Петербургского общества заводчиков и фабрикантов был об'явлен частичный локаут, охвативший до 60 тысяч рабочих (Путиловский 17 000 рабочих: Российско-американская резиновая мануфактура «Треугольник» 1 200 рабочих; Невский судостроительный 4 400 человек; Балтийский судостроительный 5 600 рабочих и др.). В общем локауту подверглись наиболее мощные по численности заводы, являвшиеся в движении гегемонами, от поведения которых зависело многое.

---

[1]) Архив рев. и в. п., фонд деп. пол., дело № 108, ч. 61, лит. А, 1914 г., настроение населения по С.-Петербургу.

[2]) Погибло от взрыва двое рабочих.

Апрель был несколько спокойнее в сравнении с мартом, но настроение определяется как повышенное. Стачечное движение большой цифры не дает. «День печати» совпал с праздничным перерывом, поэтому Петербургский комитет свой призыв к демонстрациям и протестам против гонения на рабочую печать перенес на 13 апреля, что, конечно, не могло не отразиться на числе участников в стачках. Все же в этот день были революционные выступления на Марсовом поле, Каменноостровском проспекте и др. В конце апреля по поводу исключения на 15 заседаний 21 члена Государственной думы бастовало 38 500 человек.

1 мая дает цифру в 125 000 бастующих рабочих. По районам плотность стачечной волны распределяется так: Выборгский район из 30 000 рабочих дает бастующих 22 000 рабочих, Московский из 63 тысяч — 26 тысяч; Шлиссельбургский и Александро-невский из 48 тысяч — 22 тысячи; Василеостровский из 29 тысяч — 9 и Петербургский из 20 тысяч — 7 тысяч. 19 апреля по поводу суда над четырьмя рабочими [1]) водопроводного отдела казенного Обуховского завода в виде протеста бастовали 72 000 рабочих на 155 предприятиях. Во главе опять стоят крупные заводы — Путиловский и др. Из этой цифры только 7 тыс. бастовали ½ дня, все же остальные — весь день.

Июнь в общем прошел спокойно, но это спокойствие предвещало бурю.

Стачки не прекращались, но они были больше экономического характера и охватывали сравнительно небольшое число рабочих.

Суд над рабочим Трубочного завода Нефедовым, убившим еще в феврале начальника одной мастерской, вызвал стачку протеста 4 504 рабочих.

В июле настроение было «в высшей степени повышенным». Градоначальник пишет, что «начиная с 4 по 10 июля забастовочное движение распространилось почти на все промышленные предприятия столицы, причем общее число бастовавших все время колебалось от 70 до 117 тысяч человек рабочих». Цифры, приводимые газетами, несколько больше, чем цифры охранного отделения, но разница не так уже существенна, ибо и в цифрах охранки динамика достаточно ясная: 1 июля—1 000 человек бастующих, 2-го — 2 800 человек, 4-го — 70 937 человек, 7-го — 110 тысяч, а 9-го — 117 тысяч человек. Эти дни — дни стачек протеста против расстрела путиловцев 3 июля, против издевательств, массовых арестов и выселений по этапу и из квартир бастующих бакинских рабочих. Связь питерской стачечной волны с героической борьбой бакинских рабочих бесспорная. Питерский пролетариат не мог быть равнодушен к событиям в Баку. Особенно бурным было движение с 4-го по 13 июля. Ожесточенность бастующих рабочих и полиции доходила до крайних пределов. Каждое соприкосновение рабочих с полицией кончалось стычками. Об этом говорят ежедневные донесения охранного от-

---

[1]) То же дело. См. донесенне градоначальннка в деп. пол. за май месяц.
Прнмечанне. Там, где нет специальной оговоркн, все факты взяты нами нз дел деп. пол., архнва революц. н вн. пол.

деления. Демонстрации, красные флаги, революционные песни, разгон нагайками, стрельба, раненые и убитые, баррикады и ненависть, классовая ненависть, — вот чем была насыщена жизнь рабочих районов Петербурга.

Буржуазия 10 июля, по мартовскому примеру, об'явила локаут, закрыв некоторые предприятия на неопределенное время[1]). 11 июля уже большинство предприятий повесили замок на заводы и фабрики. Буржуазия и охранка верили в благотворность этой меры для подавления движения. Правда, у департамента полиции был и другой метод борьбы с рабочими, это — провокационный вызов рабочих на такие действия, при которых можно было бы произвести массовое физическое уничтожение наиболее революционных слоев. Тов. Киселев, например, доказывает [2]), что на этот путь она и встала, выпустив прокламацию к рабочим с призывом готовиться и браться за оружие.

При наличии локаута (буржуазия знала, что творит), при слабости своих сил, имея в виду широту движения при его относительной неорганизованности, ПК ничего не оставалось делать, как звать рабочих назад к станкам для сбережения своих сил до более удобного момента.

Но тут ПК встретил оппозицию со стороны части молодых рабочих, которые не так смотрели на ход стачки [3]). С этим связан выпуск прокламации 12 июля, по содержанию противоположной прокламации ПК. Нам думается, что Киселев слишком бездоказательно утверждает о принадлежности прокламации перу охранки. Низшие органы охранки такой смелой задачи на себя не взяли бы, а высшие в то время уже знали, что скоро рабочим будет «организовано» кровопускание в более массовом масштабе (война). Данные же за то, чтобы признать, что прокламация исходила от группы большевиков, арестованных 12 июля в обществе «Наука и жизнь», можно привести только косвенные.

Локаут действовал на рабочих деморализующе. Большинство бастующих встало на работу по призыву ПК. Крупные заводы настаивали на открытии локаутированных заводов, причем в случае продолжения локаута готовы были об'явить всеобщую стачку. Охранка «сердобольно» тоже «заступается» за 77 тысяч локаутированных, требуя у департамента полиции избавить город от новых эксцессов, могущих возникнуть на почве голода и лишений рабочих при локауте. Просить она должна была, так как об'явленная (14 (27) июля) частичная мобилизация требовала спокойствия.

15 июля 20 тыс. рабочих могли уже стать на работу, а 17 июля были открыты все заводы, на которых приступили к работе 43 тыс. рабочих. Несовпадение цифр приступивших к работе с общим числом локаутированных об'ясняется, по всей вероятности, значительным числом раз'ехавшихся домой под влиянием слухов о войне и мобилизации. «За-

---

[1]) Путиловский завод был локаутирован еще раньше, 6 июля, — за самовольное прекращение работ 3, 4 и 5 июля, как говорило об'явление на воротах завода.

[2]) «Пролетарская революция», № 7 (30) за 1924 г.

[3]) См. воспоминания Каюрова, «Пролетарская революция», № 9 (44).

бастовку и локаут надлежит считать совершенно ликвидированными»,— пишет полковник Попов генералу Джунковскому. Это было отчасти верно, так как условия жизни изменились в связи с войной. Но думать, что Петербург сразу превратился в город «гражданского мира», конечно, нельзя. Рабочее движение было только на время приглушено. Во что бы вылилось дальнейшее движение рабочих, если бы не война, — судить трудно, впрочем, к этому мы еще вернемся ниже.

Одно верно: рабочий Петербург накануне войны пережил в высшей степени напряженную революционную ситуацию, сорванную войной. Стачечное движение в авангарде имело наиболее политически сознательных металлистов. Общее руководство движением находилось в руках большевистских организаций.

б) Рабочее движение в провинции

Мы вполне сознательно отвели столько места движению в Петербурге, так как все российское рабочее движение находилось в самой неразрывной связи с движением питерских рабочих. Если взять Москву [1]), то там кривая стачечного движения в 1914 г., по данным охранного отделения, такова: 9 января бастовало 8 500 рабочих; запрос думской фракции о результатах расследования Ленских событий и по делу отравлений на фабриках поддержан стачкой 6 322 рабоч.; исключение депутатов с.-д. фракции и фракции трудовиков Гос. думы на 15 заседаний в апреле вызвало забастовку 24 110 рабочих (в разные числа); 1 мая бастовало 32 000 рабочих. Были и другие забастовки экономического характера, сочувствия бакинцам и пр. С начала года к июлю общее число принявших участие в забастовках равнялось 111 399 чел.

В течение июля в Москве бастовало 57 233 рабочих по политическим мотивам и 10 тыс. по экономическим. Тов. Воинова, подводя итоги движения предвоенных дней, правильно указывает на то, что в Москве оно было только движением протеста, а «в Питере было нечто значительно большее». Не надо, конечно, думать, что протест московского пролетариата выливался только в мирные формы. В отчетах о настроении населения по Москве и губ. за 1914 г. градоначальник [2]) дает очень много фактов о «дерзком поведении рабочих» в типографии Левенсона, в Симоновском рабочем районе, в Бутырках. В общем же Москва очень отставала от Петербурга во всех отношениях и вне всяких цифровых сравнений, хотя и в ней громадное преобладание стачечной волны по политическим мотивам говорило о высоком напряжении борьбы, о высоте сознания пролетариата и связи его с политическими партиями.

В Нижнем-Новгороде [3]) с начала 1914 года рабочие бастовали больше всего по экономическим причинам. Так, на Сормовском заводе

[1]) К. Воинова, Июльские дни в 1914 г. в Москве, «Пролетарская революция», № 7 (30) за 1924 г.

[2]) Дела деп. пол., № 108, ч. 42.

[3]) Там же, № 28, ч. 11, Рабочее движение по Нижегор. губ. за 1914 г.

в июле месяце рабочие требовали увеличения зарплаты по механическому цеху. И чугуно-литейный и механический цехи приостановили работу — бастовало 1 100 рабочих; машинисты кузнечного цеха также требовали прибавки зарплаты. Провинциальные заводоуправления реже всего прибегали к локаутам. Они знали излюбленный метод — это расчет и набор вновь. Они считали, что это действует более разлагающе на рабочих, вызывая озлобление к тем, кто шел вновь записываться на работу. Так поступило и заводоуправление Сормовского завода, когда 12 июля рабочие всех 14 цехов, придя на завод, прекратили работу и вышли на улицу с пением революционных песен. Этим самым они демонстрировали свою поддержку питерскому и бакинскому пролетариату. 14 июля стачка-протест прекратилась, и рабочие стали на работу за исключением рабочих механического цеха, которые за стачку были рассчитаны и при об'явлении нового приема только частично приняты вновь.

Харьков, как областной промышленный центр, по сведениям охранки проявил себя слабо, в связи с обычными датами революционного календаря. Но связь рабочего движения в Харькове с июльскими событиями в Петербурге самая теснейшая[1]). Например, на паровозостроительном заводе, 5 июля, в течение 4 часов бастовали 3 000 рабочих в знак протеста против расстрела путиловцев (характерна быстрота реагирования, так как прокламация ПК с призывом к стачке была выпущена в Петербурге 4 июля). «Паровозовцы митинговали и пели революционные песни. Отмечается разрозненность выступлений; так, на заводе Мельгаза 9 июля утром 200 рабочих, придя на завод, не приступили к работе и разошлись по домам. После обеда на другом заводе Мельгаза прекратили работу 77 чел. и на заводе Блейхера 133 чел.

В Екатеринославе были упорные экономические забастовки в феврале (6-го) и апреле [2]). На Донецко-юрьевском заводе, как пишет губернатор, забастовка 6—8 февраля «носила явно демонстративный характер», ибо рабочие требовали ненаказуемости за забастовку, отмены штрафов за прогулы и даже... «теплых клозетов». Было сильное брожение на заводе Гантке в Нижнеднепропетровском поселке. Упорной была экономическая стачка на Петровском заводе в Юзовке, начавшаяся 16 апреля, причем 20 апреля число бастовавших было 9 000 человек. Дело дошло до схватки рабочих с полицией. Если верить губернатору, то отряд стражников, будучи малочисленен и боясь расправы, отступил под натиском рабочих, но отстреливаясь «вверх». Ранеными оказались один стражник и инженер Толли. Характерная подробность. За эту стрельбу «вверх» досталось и губернатору и нач. губ. жанд. управления, хотя отыгрались на стрелочниках, понизив в должностях нижних классных чинов полиции. Директор департамента полиции Брюн-де-Сент-Ипполит разразился сердитой телеграммой, требуя, чтобы губернатор о происшедшем на Петровском заводе сообщил

[1]) Дела деп. пол., № 83, ч. 11, Рабочее движение по Харьковской губ. за 1914 г., донесения нач. губ. жанд. упр. в деп. пол.

[2]) Там же, № 18, ч. 2, Рабочее движение по Екатеринославской губ. за 1914 г.

«надлежащие сведения, с указанием, по каким именно соображениям стражники, будучи теснимы толпой, стреляли, вопреки неоднократным указаниям, не в нападавших, а вверх». Забастовка была подготовлена социал-демократами, о чем говорит имеющаяся в деле прокламация, где даны все пункты требований, потом пред'явленных рабочими заводоуправлению. Об этом также говорит и арест студента Лукьянова, прибывшего из Петербурга и принадлежащего к с.-д., и арест руководящей местной рабочей верхушки. В деле не указано, когда кончилась забастовка полностью, но она перешла на май, ибо губернатор пишет, что 24 апреля приступили к работе только 400 человек, несмотря на некоторые уступки администрации (о банях, о больнице, о вежливом отношении к рабочим и неувольнении за забастовку). Рабочие хотели большего, а главное они требовали освободить арестованных. Отмеченное движение поставить прямо в связь с общероссийскими политическими событиями нельзя. Оно было скорее местное. За это говорит и то, что в мае в Екатеринославе, в этом рабочем центре, не было забастовок.

Равич-Черкасский [1]) сообщает, что «попытки поднять рабочих на забастовку в день 1 мая со стороны организации (большевиков. — *С.*) не было. Что же касается поддержки петербургских и бакинских забастовок перед самой войной, то по этому вопросу устраивались в июле ночные собрания с участием сотен рабочих из всех заводов. Рабочие отнеслись вполне сочувственно к забастовке солидарности, но разразившаяся война помешала ее осуществлению».

Июльские дни действительно прошли сравнительно спокойнее, и начальник губернского жандармского управления не сообщает о фактах, исключая общего недовольства рабочих (Брянский завод) на почве низкой оплаты труда.

Киевские рабочие, несмотря на более мелкий характер киевской промышленности, оживленно поддержали бакинцев и события в Питере. Были забастовки 14 июля на табачной фабрике Спилиоти, на заводе сеялок Акционерного общества Фильверт и Дедин, у Веллера в котельном заводе, на постройках у строительных рабочих и в мастерских. Местной с.-д. организацией было расклеено много прокламаций.

Текстильный район имел за рассматриваемое нами время большое количество забастовок, но носивших преимущественно экономический характер, в первую очередь из-за вопросов заработной платы, штрафов, общих распорядков труда, взаимоотношений с лицами технического надзора и проч. Главной мерой борьбы со стачками в текстильном районе были увольнение рабочих и набор вновь, о чем мы уже говорили. Таких фактов департамент полиции дает большое количество [2]). Об'яснение этому надо искать, прежде всего, в кон'юнктуре текстильного рынка, так как фабрикантам было невыгодно работать «на полку» в ожидании лучшего положения. Рабочим приходилось защищаться

---

[1]) Летопись революции», № 3—4 за 1926 г.

[2]) Дела деп. пол. по Владимирской губ., № 11, ч. 2, Рабочее движение. Аналогичные сообщения были и по Костромской губ.

самым отчаянным образом. Особенно страдала та часть рабочих, которая, проживая в этом полуземледельческом районе, не была связана с деревней. Конечно, было бы ошибкой не признавать, что стачечное движение текстильного района имело связь с с.-д. руководством. Даже в самом отсталом и заброшенном в глубь лесов Гусевском районе каждая забастовка связывалась с руководящим коллективом, головка которого принадлежала к с.-д. Экономические требования, выдвигаемые рабочими, были в это время пока единственной почвой сближения массы и политически настроенных рабочих, принадлежащих к местным с.-д. организациям. Игнорировать это было бы явной ошибкой. Мы не нашли фактов, которые позволили бы прямо связать движение в районе с тем, что переживала страна, хотя у руководящих верхов рабочих организационная связь с Москвой была.

В Орловской губернии [1]) на Брянском заводе в июне месяце, «итальянили» мастерские, чередуясь друг с другом. Были и настоящие забастовки с расчетом и закрытием цехов (плужный) и увольнением рабочих. Причиной забастовок на заводе были очень низкие расценки. Дирекция шла на закрытие цехов охотно, чтобы свалить всю вину на рабочих, отказываясь платить неустойки по заказам в казну. 12 июля была забастовка 7 000 рабочих в знак сочувствия питерцам. Бастовали два дня и, как видно по числу, бастовали не все, так как всего рабочих было около 13 000.

Тверские рабочие также значительно проявили себя, правда, до июля бастуя больше по экономическим причинам. Восприимчивость к политическим забастовкам, судя по сообщениям губернатора и начальника губернского жандармского управления [2]), особенно заметна на механических заводах. Экономические забастовки чаще всего кончались не в пользу рабочих, так как фабриканты вовсе не были склонны к уступкам, имея в виду кон'юнктуру текстильного рынка. В июле из сочувствия бакинцам и питерцам бастовали Верхневолжский завод железнодорожных материалов, машиностроительный завод Зверинцева, мануфактура Берга.

в) События в Баку и их значение

Что происходило в Баку в июле 1914 г.? В рабочих газетах и некоторых статьях часто приходится читать, что в бакинских событиях большую роль сыграла вспышка чумы в одной из деревень в окрестностях промыслов. Конечно, это не так. Сам по себе факт появления чумы, если оказал влияние, то лишь как непосредственный повод. Дело в том укладе отношений, в тех условиях жизни и труда, которые способствуют возникновению чумы. Такие условия труда и были на бакинских промыслах. Тов. Попов [3]) очень подробно рассматривает причины и весь ход бакинской стачки и дает картину условий труда и общей политики нефтепромышленников. Не случайны, конечно, разноплеменный состав

[1]) Дела деп. пол., № 48, ч. 2, Рабочее движение за 1914 г.

[2]) Там же, № 73, ч. 2, Рабочее движение по Тверской губ. за 1914 г.

[3]) А. Попов, Из истории забастовочного движения накануне империалистической войны (Бакинская стачка), изд. «Красная новь».

рабочих, система наградных, широко практиковавшаяся промышленниками, жилища рабочих на территории промыслов и прочие прелести. Во всем этом видна сознательная политика предпринимателей, которые прежде всего извлекали из этого колоссальную выгоду для себя. Но это же было тем главным злом, устранить которое хотел сознательный бакинский пролетариат. Его попытка 1913 г. (август) не привела к полной победе, так как многие обещания промышленников остались на бумаге. Забастовки, продолжаясь перманентно с 1913 г., вылились, наконец, в всеобщую забастовку в мае 1914 г. Что в забастовке виноваты были промышленники, — признала даже местная полицейская власть. Полицеймейстер Бакинского района в рапорте градоначальнику писал, что многие фирмы не выполнили условий прошлого года, писал о «непростительном поведении» при начале забастовки предпринимателей, не обращавших внимания на требования рабочих. Это непростительное поведение промышленников особенно подчеркивает ездивший ликвидировать забастовку ген. Джунковский (товарищ министра внутренних дел), рассердившийся на предпринимателей за то, что они использовали его, как козла отпущения, а потом положили под сукно все его обещания рабочим [1]). «Я считаю, — писал он министру торговли и промышленности Тимашеву уже во время войны из Минска 22 октября 1914 г., — совершенно недопустимым, чтобы в предстоящем заседании с'езда (нефтепромышленников. — *С.)* не был внесен советом доклад о положении, в котором находится ныне разработка упомянутых вопросов [2]), а также и всех прочих, бывших предметом обсуждения на совещании 15 июля. Подобное умолчание совета (совета с'ездов нефтепромышленников.— *С.*) о предпринятых им действиях во исполнение указаний лица, командированного по высочайшему повелению для умиротворения рабочей жизни в Бакинском нефтепромышленном районе, совершенно подорвет в рабочей среде веру в возможность улучшения их быта, что явилось бы крайне опасным при настоящих условиях, когда правильное добывание и обработка нефти крайне необходимы для обеспечения русской армии бензином». Нам в этой цитате важен факт, констатирующий алчность промышленников, которые отказываются улучшить положение рабочих и кладут под сукно обещания рабочим, как они это сделали и в 1913 г. Чины местной полиции знали аппетиты нефтепромышленников, чем и об'ясняется их «мягкость» в первые дни забастовки. Но когда промышленники «нажали» на чувствительные места царского госаппарата (телеграммы Авдакова, Зиверта и других министру внутренних дел), когда они обвинили местную власть в бездеятельности, угрожавшей их карману, то началась дикая вакханалия каторжных репрессий, приказов и постановлений. За одно появление на террито-

[1]) Дела деп. пол., № 5, ч. 11, т. II, от 1914 г., сведения по Бакинскому градоначальству.

[2]) Об'явлением 17 июля, по приезде в Баку для улажения конфликта, Джунковский обещал, что будут разрешены вопросы: 1) о рабочих поселках вне промыслов, 2) об улучшении путей сообщения в районе, 3) о приведении рабочих жилищ в лучшее санитарное состояние, 4) о достаточном количестве потребительских лавок и 5) об обеспечении промыслов питьевой водой. Нефтепромышленники обещали ему приступить к выполнению этого.

рии промыслов без соответствующего разрешения отправляли в тюрьму, принудительно выселяли из квартир; отказывали в питьевой воде, без чего нельзя было жить на промыслах; отправляли по этапу на родину; переполнили бакинскую тюрьму и арестные дома арестованными; производили ежедневно нагаечные экзекуции, даже над женщинами с грудными детьми. Вот картина средневекового режима на бакинских нефтяных промыслах, против чего восстал пролетариат России.

Поэтому бакинская стачка и нашла отклик в сердцах рабочих других районов, отклик и моральный (протесты и резолюции), и материальный (денежные сборы). Стачкой руководили с.-д. и прежде всего большевики. Во главе ее стоял, хотя формально беспартийный, но целиком правдистский стачечный комитет. В требованиях рабочих (формулированных, безусловно, с.-д. организациями) были пункты ярко политические (требование установления 1 мая табельным праздничным днем, признание рабочих промысловых комиссий), что имело большое всероссийское значение. Остальные пункты местного характера. Забастовка очень характерна своей внутренней историей, изучение которой важно для понимания того процесса в сознании рабочих, который подсказывал им неразрывность экономических требований с политическими, чего не понимало большинство бакинских рабочих еще и в 1914 г. Забастовка, как известно, была обессилена прорывом ее фронта разрозненным поступлением на работу, раздавлена наводнившими Бакинский район воинскими и казачьими частями, обещаниями Джунковского, невиданной по жестокости расправой и войной [1]).

Правда, Джунковский, уезжая 20 июля, конечно, не мог похвастаться царю, что он умиротворил рабочих. Несмотря на патриотические манифестации городских обывателей Баку под его окном и перед зданиями союзных миссий, 8 000 рабочих все же еще не приступили к работе [2]). Если, однако, забастовка 20 июля не закончилась, то все же это была ее предсмертная агония. Война и в Баку вступала в свои права.

Подведем итоги перечню фактов рабочего движения в центре и на периферии. Прежде всего, надо выделить общий вопрос о наступательном и оборонительном характере забастовок. В печати, кажется, особенно оборонительный характер стачек подчеркнул Меницкий [3]). Нам думается, в такой общей форме ставить вопрос нельзя. Прежде всего надо выделить политические забастовки, ибо они требуют особого суждения.

---

1) Обессиленные от истощения и от отсутствия питьевой воды, женщины клали грудных детей под ноги лошадям конной полиции, когда последняя пыталась их разогнать от конторы Нобеля. Об этом говорит протокол от 8 июля помощника пристава кн. Чиковани. Дела деп. пол., № 5, ч. 2, т. III, за 1914 г.

2) См. телеграмму Джунковского царю, архив рев. и вн. п., дело № 5, ч. 11, т. I по Бакинскому градоначальству.

3) Меницкий, Русское рабочее движение и РСДРП накануне войны, изд. «Красная новь», 1923, стр. 68.

Показателями для определения характера движения прежде всего могут служить поводы возникновения забастовок и их результаты. Нам думается, нельзя сослаться только на об'ективные условия промышленного под'ема, который как будто определял наступательность стачек со стороны рабочих. Кроме того, самый характер наступательности различен.

В каждой данной забастовке наступающей стороной могут быть рабочие [1]), но в одном случае для того, чтобы добиться повышения зарплаты, а в другом случае—об'явить забастовку, сопротивляясь уменьшению капиталистом зарплаты (то же с рабочим временем и др.).

Посмотрим, прежде всего, поводы и результаты экономических забастовок:

Периоды	Поводы забастовки	Число забастовок закончившихся:			
		в пользу рабочих полностью или отчасти		против рабочих	
		абс. числ.	%	абс. числ.	%
1908—1911 гг.	Заработная плата	551	54,8	455	45,2
	Рабочее время	53	32,1	112	67,9
	Порядок в зав. и др. усл. быта и труда	72	39,3	111	60,7
1912—1914 гг.	Заработная плата	1 207	57,9	879	42,1
	Рабочее время	81	18,5	358	81,5
	Порядок в зав. и др. усл. быта и труда	138	33,6	273	66,4

Приведенная таблица очень несовершенна, в смысле показательности, но она кое о чем говорит по интересующему нас вопросу. Упорство капиталистов было неодинаково ко всем требованиям рабочих в разные периоды. Забастовки по поводу заработной платы, как основному требованию рабочих, несколько чаще решались в пользу рабочих полностью или частично. Забастовки из-за продолжительности рабочего дня по мере промышленного под'ема встречали более упорное сопротивление со стороны предпринимателей. То же было и при забастовках против тяжелых условий труда и фабричного распорядка. Это вполне понятно, так как от условий распорядка сплошь да рядом зависит прибавку, данную сегодня, свести завтра на-нет, переложив ее обратно в карман предпринимателя.

[1]) Напр., в 1912—1914 гг. из 2 340 экономических забастовок наступательных было 2 234 (95,5%) при 96,3% участников-рабочих. Но это, конечно, еще не значит, что движение было наступательное.

Когда знакомишься с абсолютными цифрами забастовок и бастующих, требовавших увеличения заработной платы, сокращения рабочего времени, улучшения условий труда, то эти цифры несравненно выше, чем число забастовок и бастующих, сопротивлявшихся уменьшению заработной платы и увеличению рабочего времени. Это как будто говорит о наступательном характере экономических забастовок. Когда же смотришь на общие результаты экономических забастовок и бастующих в абсолютных числах, то видишь поразительную разницу между цифрами забастовок, кончившихся в пользу рабочих и против них. Напр., для 1913 г. мы имеем кончившихся в пользу рабочих 114 забастовок с 28 952 раб., компромиссом — 639 забастовок с 116 781 раб., против рабочих — 617 забастовок с 238 921 раб. Для 1914 г. цифры еще показательнее — 89 забастовок с 16 393 участниками в пользу рабочих, 206 забастовок с 69 786 участниками — компромиссом и 674 забастовки с 192 168 участниками — против рабочих. Назвать эти забастовки наступательными, конечно, без оговорок — нельзя. Наступление рабочих в экономических стачках носило, видимо, такой же характер, как наступление воинской части, чтобы отнять отданные вчера позиции. Это особенно относится к промышленным окраинам.

Надо учесть тот факт, что ко времени промышленного под'ема относительные завоевания революции 1905 г. все были обратно отобраны у рабочих буржуазией. Реальная заработная плата, как правило, снизилась по всем отраслям. В текстильной промышленности предприниматели понижали даже и номинальную заработную плату. Факт этот настолько стал ощутителен при первом росте цен на предметы потребления в связи с войной, что текстильщики явились как бы первыми застрельщиками широкого движения, уже в условиях военного режима.

Политические стачки были уже прямым наступлением на самодержавие. Как это ни странно, но в левом крыле буржуазии, связанной более всего с туземным капиталом, одно время эта политическая борьба рабочих перед войной находила даже отклик. Но этот отклик был настолько поверхностным и неопределенным, что предвоенные дни и начало войны быстро заглушили его в патриотическом шуме.

Итак, возвращаясь к выводам, мы находим:

1. Движение предвоенных годов, и особенно последних дней перед войной в своей основе было сосредоточено в политическом центре (и экономическом), которым был Петербург. Целевая установка движения была направлена на нанесение решающего удара самодержавию, т. е. оно шло по линии реализации одного из китов большевистской формулы.

2. В движении иногда преобладали стихийные [1]), т. е. не поддающиеся охвату партийного руководства, моменты (последние недели перед войной), но идейная четкость лозунгов была большевистской.

3. Периферия неодинаково ответила на события в Петербурге и в Баку, но факт несомненный, что все движение носило общенародный

[1]) См. об этом воспоминания участников — В. Каюрова, «Пролетарская революция», № 7 (30), стр. 192, и Юренева, «Пролетарская революция», № 1 (24) за 1924 г.

(общерабочий) характер, который показывал, что «грядущая, вторая революция обнаруживала уже теперь гораздо больший запас революционной энергии в пролетариате», чем в 1905 г. (Ленин о 1912 г., см. Собр. соч. т. XII, ч. 2).

4. Касаясь часто встречающейся в литературе мысли о возможности победы пролетариата в 1914 г., если бы не было войны, надо сказать, что эта мысль неосновательна без учета целого ряда данных, как то: настроения в крестьянстве, армии (а она мало реагировала в 1914 г.), в среде самой буржуазии и даже самого аппарата царизма, всех его материальных и интеллектуальных данных для борьбы с революцией. Несмотря на идейное превосходство и почти полное влияние на пролетариат нашей партии, при об'ективном положении вещей тогда можно было мыслить две перспективы: или самодержавие в самом деле, при помощи какой-нибудь провокации, произвело бы физическое уничтожение цвета рабочего класса, или «разумная» политика здравомыслящих кругов буржуазии и либеральных профессоров встала бы на путь тактики западно-европейской буржуазии, попытавшись из самой рабочей среды, из ликвидаторской, думско-трудовистской интеллигенции найти себе опору, чтобы повести рабочий класс по пути «промышленного мира». Не будем, однако, гадать, а вернемся к реальным фактам.

3. Идейные основы рабочего движения предвоенных годов (1912—1914 гг.)

«Надлежит сказать, что из всех революционных организаций, существующих в России и за границей, единственная, которая не отстала от современного под'ема в рабочем движении, которая успела достаточно сплотиться и зафиксировать свои лозунги и связи и теоретически и практически не отстать от всеобщего оживления — это большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии».

«Наиболее энергичным, бодрым, способным к неутомимой борьбе, к сопротивлению и постоянной организации является тот элемент, те организации и те лица, которые концентрируются вокруг Ленина».

«...Фактически теперь ликвидаторы находятся в парализованном состоянии...»

«В рабочей среде это влияние «Правды» тоже не меньше; так, напр., большевистская «Правда» имеет в будни 32 000 экз., а в воскресные дни 72 000, тогда как ликвидаторский «Луч» расходится только в количестве 12 000 экз.». Все эти оценки принадлежат перу департамента полиции в его докладе (повидимому, для министра внутренних дел) и относятся к 1912—1913 гг. [1]). Если бы ограничиться этим «доказательством от обратного», то можно прямо делать соответствующие выводы. Но поскольку авторитет департамента полиции не надежен, мы еще приведем целый ряд фактов из других источников. Всем известен произведенный тов. Лениным [2]) анализ источников, поддержи-

[1]) «Пролетарская революция», № 2 (14) за 1923 г., стр. 436.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, Рабочий класс и рабочая печать.

вающих рабочую печать, большевистскую и ликвидаторскую. Абсолютные цифры рабочих групп, оказавших денежную помощь большевистским газетам — 5 674 и ликвидаторским — 1 421, говорят о многом. В процентном отношении средства распределялись так: в индустриально-промышленном Петербурге большевики имели 86 %, ликвидаторы—14 %; в Москве — 82 % и 17 %; в провинции — 68 % и 32 %.

Возьмем другой крупнейший факт: профессиональный союз металлистов Петрограда в 1913 г. на первом учредительном собрании 21 апреля в состав правления выбрал 25 чел., из них 13 большевиков, 5 меньшевиков, 1 эсер и 6 беспартийных (председателем был большевик Киселев. — *К. С.).* Ровно через четыре месяца, 25 августа, на выборах правления того же союза на 2-тыс. собрании меньшевистский оратор (бывш. член Гос. думы) Кузнецов был освистан рабочими. Список в правление прошел целиком большевистский, опубликованный в газете «Северная правда» (большевистский орган). А металлисты, как нам уже известно по цифрам, были основным ядром движения. Союз к началу 1914 г. насчитывал 10 273 члена. Он являлся основным руководящим звеном в отмеченной нами стачечной волне. С его именем связана подготовка к всеобщей всероссийской забастовке. Журнал «Металлист» так же, как и «Правда», был очень распространен. Недаром департамент полиции прилагал все усилия к закрытию союза, что ему удалось только в марте 1914 г. [1]).

Влияние большевистской прессы на передовой слой рабочих было огромным, и проникало оно в самую толщу рабочей массы.

Тов. Лебедь пишет, что в Екатеринославе в одних вагонных мастерских Заднепровья было до 300 подписчиков «Правды» и около сотни экземпляров распространялось без подписки. «Одним из сильных средств проведения нашего влияния на рабочие массы была газета «Правда», сменившая тогда «Звезду», — пишет он [2]).

Такую же картину мы имеем в Луганске и в других промышленных центрах.

Вот к примеру выдержка из протокола ротмистра Цихоцкого от 1 июля 1914 г., составленного при разгроме «Бакинского общества рабочих по изготовлению одежды», где он нашел 46 номеров газеты «Путь Правды», 13 экземпляров «Трудовой Правды», «Спутник рабочего», журнал «Металлист» и др. [3]). Поэтому департамент полиции так и стремился разрушить именно большевистские организации, поэтому в дни разгара борьбы, 8 июля, была разгромлена редакция «Трудовой Правды», где взято 30 человек и ночная редакция.

Мы подсчитали в донесениях петербургского градоначальника аресты и штрафы на эту признанную руководящую пролетарскую газету за 1914 г. Картина получилась такая [4]):

---

[1]) «Красная летопись», № 9 за 1923 г., Ф. Булкин, Департамент полиции и союз металлистов.

[2]) «Летопись революции», № 2 за 1923 г.

[3]) Дело деп. пол., № 5, ч. 11, т. I, Бакинское градоначальство 1914 г.

[4]) Там же, № 108, ч. 61, лит. А., Настроение населения по С.-Петербургу, 1914 г.

Месяцы	«Пролетарская Правда»		«Путь Правды»	
	Наложен арест на №№	Приостаиовлено по пост. спб. судебиой палаты	Наложен арест на №№	Приостановлено по пост. спб. судебной палаты
Январь . . .	3, 4, 9, 11, 16, 17 и 18 (конфискованы)	21 закр.	23 и 30	
Февраль . .			10 и 18 денежн. взыск.	
Март		·	7, 20, 23 и 25 коифиск., 1 деиежн. взыск.	
Апрель . . .			12 конфиск., 27 деиежн. взыск.	
Май			1, 18 и 26 конф., 28 адм. взыск.	28 закр.
Июнь . . .	«Трудовая Правда» 15, 17 и 19 конф., 14 адм. взыск.	8/VII закр.		

Всего конфисковано 18
Денежных и административн. взысканий 6
Закрывалось 3

Если присмотреться к датам конфискации, то видно, как они тесным образом связаны то с подготовкой к 9-му января, к кампании в связи с отравлениями, дню печати (12 апреля, так как с 4 апреля по случаю праздников его перенесли), 1-му мая и др.

Имея в виду прямое обслуживание забастовок большевистскими партколлективами, с.-д. прокламационной и листовочной литературой, все кампании, проводимые большевистскими газетами, и отклик на это рабочих (страховая, выборы в думу, о рабочей печати, профсоюзная и др.), выбиравших большевиков в больничные кассы, в страховые присутствия и т. д., кроме того, имея в виду все призывы Петербургского и местных комитетов к массовым демонстрациям в исторические даты (9-е января, 12-е апреля (Ленский расстрел) день печати, 1-е мая, расстрел путиловцев, гонения на рабочую печать и по поводу др. политических событий), а также число рабочих, ответивших на эти призывы дружным протестом, — то вывод из всего этого можно сделать один: рабочее движение шло под идейным и организационным влиянием **большевистских организаций**. Наша партия была сильна тем, что она умела прямо поставить всякий вопрос об отношениях труда

и капитала, что она умела схватывать самую суть злободневных вопросов рабочей жизни, что она не увлеклась фразой, а смотрела в классовый корень вещей. Наша партия была сильна тем, что ядро ее, являясь не большим численно, было крепко спаяно дисциплиной и идеей революционного марксизма.

4. Первые дни об'явления войны. Ответ рабочего класса на об'явление войны

«Порядок», водворившийся с 14—17 июля на фабриках и заводах, был вновь нарушен 19 июля в связи с мобилизацией. Тов. Васильевская [1]) дает цифру бастующих в дни мобилизации в 40 тыс. рабочих и отмечает на улицах Петербурга такую же картину, какая была и в июльские дни. В. Каюров [2]), участник рабочего движения в столице, тоже отмечает факт, что «часть мобилизованных рабочих, как очумелая, ходила по улицам Выборгской стороны с революционными песнями и под крики «ура» патриотической толпы пела «марсельезу». Тов. Воинова [3]) по агентурным запискам приводит факты разговоров среди мобилизованных в Москве об оружии, восстании, говорит о революционных песнях во время манифестации у памятника Скобелева. То же сообщает и т. Меницкий.

Но это, так сказать, факты агентурных наблюдений внешней охраны, шпиков, у которых фантазия, естественно, преувеличивала явления. С.-петербургский градоначальник более точно сообщал в департаменте полиции, что «19 июля в связи с призывом запасных по мобилизации войск возникла забастовка в 21 предприятии с общим числом рабочих до 27 000 человек. Означенная забастовка так же, как и прошедшие (видимо, июльские. — *С.),* сопровождалась демонстративными выступлениями рабочих, причем толпа с фабрики Эриксона, увидев партию запасных около 100 человек, следовавших в сопровождении околоточного надзирателя и 2 городовых на сборный пункт, встретила их криком: «долой войну» и, окружив тесным кольцом, стала сопровождать партию с пением «рабочей марсельезы», требуя от чинов полиции роспуска запасных по домам. Далее означенная партия запасных, частью смешавшаяся с демонстрантами, встретила вторую партию рабочих-демонстрантов «лесснеровцев», которая с криками: «бей полицию» набросилась на чинов полиции, сопровождавших запасных, причем все три полицейских чина были ушиблены камнями, и у одного из городовых, упавшего от удара камнем был кем-то из толпы отобран револьвер и унесен» [4]). Далее очередное сообщение о конной полиции и «рассеянии» рабочих.

---

[1]) Васильевская, Забастовочное движение в Петербурге за 1914—1916 гг., «Пролетарская революция», № 1 (13) 1923 г.

[2]) В. Каюров, Рабочее движение в Питере, «Пролетарская революция», № 9 (44) за 1925 г.

[3]) К. Воинова, Рабочее движение в Москве в 1914—1917 гг., «Пролетарская революция», № 2 (14) за 1923 г.

[4]) Дела деп. полл., № 108, ч. 61, лит. А, Настроение иаселения по С.-Петербургу в 1914 г.

Потом приводится факт шествия рабочих, числом около 50 с красным флагом и пением марсельезы по Невскому проспекту, сзади толпы запасных, шедших из Шлиссельбургского призывного участка. Дело кончилось избиением рабочих патриотически настроенной толпой Невского проспекта.

Тов. Аверин [1]) в своих воспоминаниях о Брянском заводе Екатеринославской губернии отмечает демонстрацию протеста против войны, приведшую к столкновению с полицией и раненым. После арестов ночью 19 июля настроение рабочих пошло на убыль. На Брянском заводе [2]) рабочие, руководимые большевистским коллективом, в момент об'явления войны, об'явили трехдневную стачку протеста и выпустили воззвание против войны.

Приведя данные факты, мы считали бы слишком поспешным приписывать отрицательный взгляд на войну всему пролетариату. Указанное настроение захватило небольшой слой рабочих, тесно спаянных с руководящими большевистскими парторганизациями. Общее же настроение пролетариата, и особенно провинциальных промышленных центров, с об'явлением войны было подавленное. Мы приводим ниже мнения и оценки из ряда источников и по различным районам, чтобы более полно осветить этот вопрос.

Тов. Арский [3]) в «Красной летописи», оценивая общее настроение Петербурга, пишет что «19 июля по ст. ст. началась война, которая разбила все революционное настроение и ослабила его в огромной степени. Десятки тысяч рабочих и сотни тысяч горожан, которые раньше сочувствовали движению, были выбиты совершенно из колеи и покорно шли на призывные пункты». Эту мысль Арский повторяет в своем предисловии к «Хронике Февральской революции» Заславского и Конторовича.

Тов. Кондратьев, воспоминания которого так часто приводят в доказательство наличия большой антивоенной работы в Петрограде, тоже пишет о растерянности в рабочей (партийной) среде. Рядовая же масса прежде всего думала обеспечить себе место на заводе, чтобы укрыться от мобилизации.

«Рабочего стало не оттащить от станка, каждый держался за станок, как утопающий за соломинку, с тем, чтобы как-нибудь удержаться на заводе, так как администрацией был распущен слух, что часть рабочих, подлежащих мобилизации, будет оставлена на заводе» [4]).

Тов. Валявка [5]) в дни мобилизации в Екатеринославе характеризует настроение рабочих так: «В этот день, как и все последующие дни, недели и месяцы, не случилось ничего выдающегося: ни стихийно, ни организованно ничем себя не проявили екатеринославские рабочие». Парторганизации (оба течения) тоже молчали, не выпустив в дни мобилизации ни одной прокламации. «Сильнейший патриотизм, подняв-

[1]) «Летопись революции», № 2 за 1923 г., стр. 100.
[2]) «Из прошлого», вып. I, изд. Истпарта Брянск. губкома, 1924 г.
[3]) «Красная летопись», № 7 за 1923 г., стр. 75.
[4]) Там же, № 5 за 1923 г., стр. 229.
[5]) «Летопись революции», № 2 за 1923 г., Воспоминания, стр. 147.

шийся в начале войны, так или иначе передавался и рабочим массам», пишет о луганских рабочих т. Николаенко [1]).

«Если рабочие завода «Динамо» (в Москве) подобно рабочим других заводов в первые месяцы мировой войны и были увлечены шовинистической волной, то очень скоро отрезвели», пишет тов. Меницкий [2]).

Юренев [3]), отмечая героическую борьбу питерских рабочих за несколько дней до об'явления мобилизации, пишет, что на об'явление войны они, «за редкими исключениями, никак не реагировали».

Тов. Пирейко [4]) хотя и отмечает, как рижский пролетариат в противовес патриотической манифестации устроил антивоенную демонстрацию, но далее утверждает, что хлопоты об оставлении на заводе, о сохранении себя от мобилизации настолько поглощали внимание передовых рабочих, что ни о какой работе против войны нечего было и думать. Спорили только о том, наступательная война или оборонительная. Такую же картину он нашел среди рабочих в Екатеринославе, где тоже «каждый стремился устроиться на заводе в качестве военнообязанного и ускользнуть от мобилизации».

Это, конечно, совершенно не благоприятствовало партийной работе в массах.

В условиях воцарившегося режима войны и затишья в рабочей массе большое оживление проявили черносотенные националистические элементы среди рабочих. Но они далеко не выражали подлинных настроений рабочих, присматривавшихся к обстановке, изменившейся в связи с войной.

Этим и об'ясняется отчасти, например, что старая цитадель революционного движения — Паровозостроительный завод в Харькове — находился недолгое время под влиянием группы рабочего Наливайко из «Союза русского народа».

Тов. Терехов [5]) в воспоминаниях о Берестово-богодуховском районе отмечает всю трудность работы среди шахтеров, так как с началом войны даже на членов партии нашла апатия — «стали ленивы, к тому же неподвижны, да и подвинуть работу было трудно, когда с началом военных действий были все связи потеряны».

В Царицыне в рабочей среде в дни об'явления войны было спокойно, не было выступлений даже тогда, когда у приемного пункта в Алексеевской гимназии расстреляли безоружную толпу женщин, которая избила пристава Гриднева за то, что он на их вопрос о пособиях, порекомен-

---

[1]) И. Николаенко, Революционное движение в Луганске, изд. «МР», 1926 г., стр. 76.

[2]) Меницкий, Завод «Динамо» в 1925 г., «Пролетарская революция», № 1 (13) за 1923 г.

[3]) Юренев, Межрайонка в 1911—1917 гг., «Пролетарская революция», № 1 (24). (Срав. это с донес. охранки об антивоенном выступлении рабочих в дни об'явления войны).

[4]) А. Пирейко, В тылу и на фронте империалистической войны, «Прибой».

[5]) «Летопись революции», № 5 за 1923 г.

довал им заработать подолом (проституцией). Характерно, что первый взвод отказался стрелять, а стрельбу открыла сборная (из национальных частей) команда [1]).

Тов. Бешенковская [2]) отмечает, что война остановила рабочее оживление в Самаре (400 забастовщиков 14 июля) и «патриотический угар и здесь захватил рабочего». Рязань хоть и не промышленный город, но на большом заводе сельскохозяйственных орудий настроение было патриотическое. Тов. Мицкевич даже в своих старых друзьях революционерах в 1916 г. нашел людей, не устоявших перед патриотическим угаром [3]). В воспоминаниях Премудрова [4]) отмечается прежде всего подлая роль ликвидаторов в деле отравления сознания рабочих шовинистическим ядом, но и он говорит, что «сормовцы целиком были захвачены патриотическим чувством». О канавинских рабочих тов. Воробьев говорит, что войну они встретили без всяких выявлений протеста», хотя, — говорит он, — трудно было что-нибудь сделать в этом направлении.

В Николаеве, как пишет редакция сб. «Страницы борьбы», «патриотическое настроение охватило рабочие массы; к концу работы 16 июля вытащены были из контор портреты семьи Романовых, откуда-то появились вдруг национальные флаги, и рабочая масса вышла с пением гимна царю» [5]). Рабочие заводов «Наваль» и «Руссуд» пошли к дому градоначальника, где рабочий Белов (ликвидатор) держал речь и в знак единения с властью публично целовался с градоначальником. Вообще такое настроение подогревалось впоследствии приездом в Николаев царя и затем военного министра Поливанова.

В Москве на заводе «Поставщик» в среду и без того отсталых рабочих «война подлила столько духу патриотизма, что даже самой дирекции пришлось останавливать рабочих во время немецкого погрома» [6]).

То же говорит т. Соколов [7]) о «Динамо», где в 1914 г. настроение было патриотическое; говорить языком интернационализма надо было осторожно. При первых поражениях русских войск в октябре 1914 г. на заводе была большая шумиха, и немцев прогоняли с завода.

Если теперь перейти к оценке настроения рабочих, которую давала охранка, то там мы найдем еще более утверждений о патриотическом настроении. Вместе с тем материалы эти приводят факты, которые об'ясняют, что делала охранка, чтобы добиться «патриотического благополучия». Чудаки из петроградского охранного отделения додумались

[1]) «Наш край», вып. I, изд. Царицынского истпарта.

[2]) «Красная быль», № 1 за 1922 г.

[3]) «Красная быль», сб. 1-й, Рязанский истпарт, 1923 г.

[4]) «Материалы по истории революционного движения», т. IV, изд. Нижегородского губкома ВКП(б), 1922 г., (воспоминания Премудрова и Воробьева).

[5]) «Страницы борьбы», сб. материалов Николаевского отделения Одесского истпарта, 1923 г.

[6]) Сб. ст. «От Февраля к Октябрю в Москве», вып. I, 1923 г., Воспоминания М. Павлова.

[7]) «Динамо», 25 лет революционной деятельности, Воспоминания Соколова Н., изд. «МР», 1923 г.

даже считать, что «небывалый и общий под'ем патриотического энтузиазма (конечно, и среди рабочих. — С.), характеризовавший собой первый период длящейся уже третий год мировой борьбы», был причиной несерьезного отношения к войне с таким серьезным врагом, а отсюда-де развал тыла и неудачи на фронте [1]).

Начальник московского охранного отделения в отчете департаменту полиции за 1914 г., касаясь летних событий в Петрограде, отмечает малоуспешность их отклика в Москве. Причины этого две: своевременное из'ятие части подполья — это во-первых, а во-вторых — вследствие об'явления Германией войны России, каковое обстоятельство вызвало в огромном большинстве рабочих патриотический под'ем [2]).

Такими оценками охранки пестрят все отчеты и серьезно деловые отношения в департаменте полиции первого года войны. Таким образом говорить о полной иммунизации рабочего класса от войны значит не замечать действительности. Лишенный руководства своей партии, загнанной в тюрьмы, оставшись без передового правдистского авангарда, безжалостно из'ятого первыми же мобилизациями, большой слой рабочих был пришиблен войной, а затем и захлестнут мелкобуржуазной оборонческой волной.

Принято считать, что весь рабочий класс был патриотичен в первые два-три месяца войны, а потом опять стал антимилитаристом и интернационалистом. Это, конечно, не так. Наоборот, часть рабочих стала проявлять патриотизм спустя два-три месяца после об'явления войны. Начало широкого поворота к стачкам в середине 1915 г. еще нельзя считать началом общего отказа рабочей среды от войны. Трезвый пролетарско-интернациональный взгляд на войну устанавливался разновременно в разных промышленных рабочих районах. Наиболее стойкими носителями идей интернационализма с первых дней и в период всей войны осталось главным образом то ядро, актив петроградского, а также провинциального пролетариата, которое на своих плечах выносило всю тяжесть организационной, агитационной и пропагандистской работы периода промышленного под'ема. К ним довольно близко примыкала прослойка тех рабочих, которая отличалась меньшей активностью, но участвовала до войны в сознательной политической жизни. Правда, в провинции даже это ядро пережило небольшой период шатаний, неоформленности взглядов, что изживалось по мере роста организационных связей между партийными организациями и по мере получения материалов из центров и из-за границы от Центрального комитета.

Итак, из вышеприведенного перечня фактов мы видим, что в Питере в рабочей среде имелось два течения: «неприятие войны», протест против нее и борьба во имя интернациональных интересов, с одной стороны, равнодушие и принятие войны, как необходимой обязанности защищаться — с другой. В последнем случае тут могли, конечно, переплетаться и свои, так сказать, шкурные интересы и материальные (найти

[1]) См. «Красный архив», т. I за 1923 г., стр. 5.
[2]) Дела деп. пол., № 5, ч. 46. Комитетское дело по г. Москве, 1914 г.

работу с ростом военных заказов). Но приписывать патриотизм в рабочей среде одним шкурным интересам было бы в корне неверно. В провинции (даже включая Москву) такой отчетливости линии в этих двух течениях не было. Но небольшие группы рабочих-большевиков или просто рабочих-«правдистов» стояли в вопросе об отношении к войне на одной стороне, а вся рабочая масса — на другой. Война поставила в порядок дня сближение тех и других, иначе немыслима была борьба с самодержавием. Недаром т. Ленин называл войну «могучим ускорителем», — она именно ускорила процесс сближения партийных рядов с широкой массой, подвергшейся в годы войны сильнейшей трансформации. Наивно было бы обвинять рабочего и требовать от него, чтобы он сразу признал тезис Ленина о поражении своего правительства и лозунг о гражданской войне. Как всем известно, даже большевики-теоретики и крупного масштаба практики, много спорили об этих тезисах, смягчали и исправляли их [1]. Но не в оправдание большевиков-теоретиков, а в оправдание рабочей массы можно сослаться на мысль Ильича, когда он в письме от 31 октября 1914 г., характеризуя данные лозунги, писал Шляпникову, что «никто не решится ручаться, когда и насколько «оправдается» проповедь сия практически: не в этом дело (только подлые софисты отрекаются от революционной агитации из-за неизвестности того, когда будет революция). Дело в такой линии работы. Только эта работа социалистическая, не шовинистическая. И она одна принесет социалистические плоды, плоды революционные» [2].

Вот эта-то ленинская работа за годы войны и Февральской революции принесла свои плоды в октябре.

Не следует забывать, что даже в рядах самой партийной части рабочих, в рядах с.-д., война перепутала все карты. Ведь, прежде всего, на с.-д. (на большевиках, в первую очередь) отразился почти поголовный разгром организаций. Богатая осведомленность охранки через мощный аппарат провокаторов давала возможность перед войной и в дни начала войны, как метлой, вычистить революционное подполье [3]. Если до войны после таких очередных провалов организация быстро восстанавливалась через новые силы рабочих-«правдистов», то в дни войны было далеко не так, ибо наивысшая политическая зрелость и активность были как раз у того возраста, который, в первую очередь, пошел на фронт. Такие опустошения не могли не сделать своего дела. Характерно, что в довоенных «делах» департамента полиции часто встречаешь мысль нач. жанд. упр., что он знает всю работу подполья, потому ликвидацию пока не считает нужным производить. У них были своего рода календарные расписания, когда, кого и сколько надо «из'ять». В годы войны такие соображения были отброшены, чистили организации пачками. Это

---

[1]) В апреле 1915 г. на совещании представителей нелегальных групп в Москве. См. «Социал-демократ», № 51 от 29 февраля 1916 г.

[2]) Ленинский сборник, т. II, изд. 2, стр. 204 (подчеркнуто Лениным).

[3]) См., напр., героические многократные попытки московских большевиков создать Московский комитет и систематические аресты его охранкой Сапронов, Московское Центральное Бюро в годы войны, «Материалы по истории профдвижения в России», сб. 4, изд. ВЦСПС.

и привело к тому партийному «безлюдью», которое поставило перед уцелевшими большевиками задачу кружковой работы для кропотливого создания новых кадров. Каждый губернатор, типа харьковского Кошуры-Масальского, считал своим долгом с корнем вырвать «всякую крамолу» в своей губернии. В этом направлении царский аппарат сделал в годы войны очень многое.

Конечно, характеризуя настроение в партии в первое время войны, сваливать всю вину на об'ективные условия нельзя, несомненно, что имелись налицо и суб'ективные данные. Из об'ективных причин, безусловно, большое значение имела тактика Плеханова, измена делу интернационализма германской с.-д. и вообще западно-европейских социалистов. Но свалить все на этот факт, как делает отчасти Шляпников, нельзя. Это может оправдать временное персональное настроение т. Шляпникова [1]), выразившееся в желании поступить добровольцем в иностранный легион, но не всей партийной массы.

Партийные силы, численно небольшие, пощаженные массовыми арестами и военными мобилизациями, будучи предоставлены самим себе в идейной и организационной работе, находясь в равнодушной и даже враждебной стихии, единственно, что могли делать — это кропотливо вербовать себе союзников. С этим связан почти полный рецидив кружковой работы 90-х гг. Эти кружки, эти большевистские коллективы явились преемниками, продолжателями правдистских традиций в рабочем движении. Такой кропотливой работой и стал выпрямляться и изживаться тот суб'ективный недостаток, который имелся налицо в партийных рядах в первое время войны. Оправляясь, приобретая идейную твердость и оформленность, возрастая численно, становясь во главе стачечного руководства, этот слой стал упорно бороться с вытравливанием из рабочей массы патриотического настроения. Давалось это очень нелегко, ибо годы войны были годами величайшей социально-политической деформации рабочего класса. Годы войны вызвали в гигантских размерах процесс обновления, количественного и качественного изменения, своего рода деквалификации технической, политической и идеологической. Мы думаем, что это один из центральных вопросов, забывать который нельзя, так как он методологически дает возможность установить связь и об'яснить ход событий, — от июльских баррикад 1914 г. через экономическую стачечную борьбу 1915 и 1916 гг., через Февраль к Октябрю 1917 г. К этому вопросу мы теперь перейдем.

---

[1]) См. об этом воспоминании Крестинского, «Пролетарская революция», № 7 (30) за 1924 г., стр. 61.

Глава вторая

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ И КАЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА РАБОЧЕГО КЛАССА В ГОДЫ ВОЙНЫ

1. Динамика состава рабочего класса в годы войны

Экономика военного времени характерна своим двойственным процессом, выражавшимся в быстром росте отраслей хозяйства, призванных с первых дней войны обслуживать военные нужды, и упадке тех отраслей, которые обслуживали внутренние экономико-бытовые потребности. Несмотря на такие противоположные процессы, рабочий класс за годы войны численно значительно вырос. Темп роста нашей статистикой устанавливается неодинаково. Движение рабочих в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции в пределах Европейской России (в тысячах) [1]:

По данным	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Бывш. фабр. инспекц.:				
Абсолютн. числ.	1 926,6	1 925,7	1 899,1	2 093,9
Относит.	100,0	99,9	98,5	108,6
По данным ЦСУ:				
Относит. числ.	100,0	103,2	107,2	113,0

Данные фабричной инспекции говорят о сокращении числа рабочих в первый период войны, а данные ЦСУ показывают хотя медленный, но все же рост. Верны безусловно цифры ЦСУ, так как в данные фабричной инспекции не вошел ряд крупных казенных заводов. Надо иметь в виду, что цифра ЦСУ в 13% роста числа рабочих за годы 1913—1916 является средней цифрой, показывающей только общий темп роста. По отдельным отраслям разница была далеко не одинакова. Напр., производства по выработке предметом вооружения дали увеличение по сра-

[1]) «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. I и II, Фабрично-заводская промышленность в 1913—1918 гг., изд. 1926 г., стр. 68.

внению с 1913 г. на 70,4%, по выработке тканей, наоборот, число рабочих сократилось на 3,9%. Абсолютные цифры фабричной инспекции показывают это так: рабочих по выработке предметов вооружения было в 1913 г. 400,1; 1914 г.—417,5; 1915 г.—483,9 и 1916 г.—638,8 тыс. По выработке тканей за эти же годы общий процесс изменения идет так: 737,3; 724,8 и 724,1 тысячи рабочих. На примере этих двух видов производства (металлургическо-металлическая и текстильная промышленность) мы видим отмеченные процессы, которые при более детальном рассмотрении дают еще более яркую картину. Чтобы иметь некоторое представление об общем числе рабочих в границах СССР, мы приведем цифры за 1913 г. По всем отраслям для европейской части СССР цифра равнялась 2 462 751 рабочему в 15 968 заведениях. Сибирь и Туркестан имели 89 260 рабочих в 1 761 заведении. На первом месте по численности стояла Московская промышленная область, где было 886 453 рабочих. По производствам цифра распределялась так[1]):

	Доб. и обраб. кам., земель и глин.	Горн. и горнозав. обраб. металла и машиностроен.	Обраб. дерева	Хим. пром.	Обраб. пищев. прод. и напитков	Обраб. кож. и др. матер. животн. происх.	Текст. производство	Обраб. бум. и полиграф. произв.	Электр. передача, водоснаб., канал. и проч.	Всего
Число заведен.	1 404	6 099	1 932	407	4 333	602	1 551	1 199	202	17 729
Число рабочих в них .	117 433	1 005 297	103 995	75 521	332 781	45 192	716 527	87 354	7 911	2 552 011

Итак, в промышленности, подчиненной фабричной инспекции, мы имеем двухмиллионную армию, а вообще с горной и горнозаводской 2½ млн. При знакомстве с цифрами стачечной борьбы нам придется больше всего оперировать с первой, так как более или менее сносный учет забастовок в министерстве торговли и промышленности велся именно фабричными инспекторами.

Касаясь главных особенностей нашей промышленности, надо отметить ее концентрированность.

По данным отчетов фабричной инспекции, картина концентрированности промышленности на 31 декабря 1914 г. рисуется в таком виде:

---

[1]) «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. I и II, стр. 94.

Предприят., в которых работ.	Число предприятий	Число наемных рабочих	В %	
			предприят.	наемн. раб.
До 20 наем. раб.	4 638	58 389	33,0 } 78,4	3,0 } 17,8
» 21—50 » »	4 291	141 533	30,5	7,2
» 51—100 » »	2 088	148 954	14,9	7,6
» 101—500 » »	2 253	504 440	16,0	25,7
» 501—1 000 » »	432	296 347	3,1 } 5,6	15,1 } 56,5
Свыше 1 000 » »	344	811 197	2,5	41,4
Всего [1])	14 046	1 960 860	100,0	100,0

Приведем цифры о концентрации на 31 декабря 1914 г., но уже по промышленным округам, тоже только в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции (без Польши и губ., занятых немцами) [2]) (см. табл. на стр. 207).

Таблица показывает очень высокую концентрацию русской промышленности. По этой таблице Московский округ идет впереди, но это получилось от того, что в Петроградском округе не включены казенные заводы (гиганты)... Если в последней группе выделить одни заводы-гиганты, то пальма первенства будет принадлежать Петроградскому округу, вернее, самому Петрограду. В нем на 1 января 1917 г. было 5 предприятий с 82 740 рабочими, 18 предприятий с 74 552 рабочими. Так что Петроград (с окрестностями) являлся самым мощным индустриальным районом, которому принадлежала особо-важная роль застрельщика революции. Преимущество его еще заключалось в том, что его рабочий состав имел мало таких слоев, связь которых с деревней заставляла бы раздваиваться на пролетария и хозяина-собственника. Самый характер производства Петроградского округа требовал длительной выучки и, естественно, вынуждал порывать с деревней, откуда вербовался рабочий класс. Гнездообразное расположение русской промышленности на географически-широком плацдарме, разные экономико-демографические условия, различный технико-экономический уклад, безусловно, играли в рабочем движении значительную роль, влияя на степень интенсивности движения и на самый его характер. К этому мы вернемся ниже, а сейчас посмотрим, какие количественные опустошения произвела военная мобилизация в составе рабочего класса.

---

[1]) Без Польши и губерний, заиятых иемцами. — «Материалы по статистике труда» под ред. Струмилиииа, вып. VIII, изд. НКТ, 1920 г., стр. 76.

[2]) Арх. Н. Х., К. и Б. См. своды отчетов фабричных иистекторов и отделе промышлениости, фоид министерства торговли и промышлеиности.

Округа	Предприят. до 100 раб.		101—500		501—1 000		Свыше 1 000		Всего	
	всего зав.	в них раб.	зав.	раб.	зав.	раб.	зав.	раб.	зав.	раб.
Петроградский	1 716	59 833	542	118 338	91	64 205	80	193 3[illegible]5	2 429	435 771
В %	70,6	13,7	22,4	27,2	3,7	14,7	3,3	44,4	100	100
Московский	1 834	68 023	667	150 894	154	108 512	1 834	99 716	2 838	767 145
В %	64,6	8,9	23,5	19,7	5,4	14,1	6,5	57,3	100	100
Киевский	2 786	6 994	331	85 123	85	54 236	27	53 776	3 229	268 129
В %	86,3	26,1	10,2	31,8	2,7	20,2	0,8	21,9	100	100
Поволжский	1 667	55 396	246	49 150	32	21 561	19	42 902	1 964	169 009
В %	84,9	32,8	12,5	29,1	1,6	12,8	1,0	25,3	100	100
Харьковский	3 014	95 630	467	100 935	70	47 833	35	76 408	3 586	320 806
В %	84,0	29,8	13,0	13,5	2,0	14,9	1,0	23,8	100	100
Итого	11 017	348 876	2 253	504 440	4 327	296 347	344	811 197	14 046	1 960 860
В %	78,4	17,8	16,0	25,7	3,1	15,1	2,5	41,4	100	100

2. Влияние военной мобилизации на состав рабочего класса

«Для того, чтобы успешно вести войну, прежде всего надо обезглавить революцию, т. е. произвести мобилизацию в рабочих районах так, чтобы она коснулась всех рабочих до 40-летнего возраста; оставшиеся же работать на оборону, как военнообязанные, вынуждены будут укротить революционный пыл» [1]). Так говорил один из наиболее яростных врагов революционного движения ген. Ренненкампф, повторяя аналогичное заявление палача Плеве Куропаткину накануне русско-японской войны. Такая линия в политике охранки не подлежит никакому сомнению, так как мобилизация действительно прежде всего очистила рабочие центры. Ошибся только Ренненкампф относительно укрощения революционного пыла рабочих. Не дано было самодержавию такой силы. Даже военнообязанные, понижая первое время активность рабочего движения, потом явились прочной базой революционности.

Какие же опустошения эта «чистка» произвела во взрослом населении страны?

В записке [2]) членов Гос. совета, работавших в «особом совещании по обсуждению и об'единению предприятий по обороне государства», составленной в ноябре в 1916 году, говорилось, что всего людского запаса, способного носить оружие, в возрасте от 18 до 40 лет было 26 млн.

Вся эта человеческая масса делилась по рубрикам на призванных уже в армию и подлежащих еще призыву. Призванных до ноября месяца 1916 г. было 14½ млн., из которых на фронтах, в запасных батальонах, частях и учреждениях внутри страны было 9 млн., а цифрой 5½ млн. определялись потери (в плену, убитыми и ранеными). Из 11 млн. осталось в занятых неприятелем местах эмигрантов и уклонившихся 2 млн.; подлежало освобождению по физической неспособности 5 млн.; работающих для нужд промышленности и железных дорог 3 млн., следовательно, остаток, который можно было еще бросить в пасть войны — 1½ млн. человек. Из этого приблизительно точного перечня цифр, прежде всего, видно, какие опустошения произвела война, и как она привела в движение почти все взрослое население страны. Для нас здесь интересна также цифра 3 млн. человек, о которых пишется в записке, как необходимых для нужд промышленности и железных дорог.

В эту цифру входили рабочие-солдаты (военнообязанные рабочие), которые играли существенную роль в рабочем движении.

Мы уже сказали, что мобилизации не по абсолютному числу, а относительно всей своей тяжестью обрушились на пролетариат. Это вполне понятно, если принять во внимание, какой человеческий материал отбирал капитализм в деревне для работы на фабрике, пропуская рабочих через своего рода «призывные пункты», заводские больничные осмотры.

---

[1]) Пирейко, В тылу и на фронте империалистической войны.

[2]) «Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1918 гг.», вып. I, 1923 г.

Кроме того, сам возрастный состав [1]) русского рабочего класса показывает, откуда был захвачен людской поток для фронта первыми мобилизациями, следовавшими одна за другой, когда об отсрочках для рабочих не было еще и речи [2]).

Тов. Шляпников близок к истине, когда пишет, что мобилизация (первая — 17 июля) произвела опустошения, взяв от тисков и от станков до 40% рабочих. Заведующий отделом по обеспечению промышленных предприятий рабочим составом ЦВПК, Я. С. Розенфельд, в статье, приготовленной для «Известий ЦВПК», писал в январе 1916 года: «С об'явлением войны, когда в армию был призван весь запас военнообязанных, не делалось различия между квалифицированным рабочим и нижним чином запаса, промышленности был нанесен тяжкий удар. Из промышленных рядов были из'яты опытные обученные рабочие, на пополнение кадра которых требуются десятилетия» [3]). У нас нет общих точных данных, показывающих, насколько был оголен рабочий фронт, но имеющиеся сведения по Криворожскому, напр., району говорят очень красноречиво.

В этом районе, давшем 90% добычи железной руды юга и 66% добычи всей страны, в январе 1914 г. было 24 220 рабочих, в июне — тоже 24 043, а в августе — 10 126 рабочих. Аналогичная картина была и в других районах. Может быть, соображения о прекращении классовой борьбы и были удовлетворены для буржуазии таким отливом рабочей силы на фронт, но ее экономические интересы требовали обрат-

---

[1]) Имеющиеся цифры возрастного состава по Московской губ. для 1908 г. показывают, что мужчин в возрасте от 20 до 40 лет было 60%.

[2]) По данным, приведенным в «Трудах комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1918 гг.», мобилизации следовали до 1916 г. в таком порядке:

1914 г. 17 июля	запасные нижние чины	
» » 22 »	ратники I разр., перечисленные из запаса.	
» » 22 »	ратники I разр., не проходившие ряды войск призыва	1913—1910 гг.
» » 20 сентября . .	ратники I разр., не проходившие ряды войск призыва	1913—1909 гг.
» » 1 октября . . .	новобранцы призыва	1914 г.
» » 12 ноября . .	ратники I разр. призыва	1913—1903 гг.
» » 20 » . .	ратники I разр. призыва	1914—1909 гг.
1915 г. 2 января . .		
» » 15 » . . .	новобранцы призыва	1915 г.
» » 1 апреля . . .	ратники I разр., не проходившие ряды войск призыва	1915—1901—1900 гг.
» » 15 мая	новобранцы призыва	1916 г.
» » 7 августа . . .	новобранцы призыва	1917 г.
» » 15 » . . .	ратники I разр., не проходившие ряды войск призыва	1916—1899—1898 гг.
» » 15 сентября . .	ратники II разр. призыва . . .	1916—1917 гг.
1916 г. 25 марта	ратники I разр. призыва	1897—1907—1906 гг.
» » 15 мая	новобранцы II досрочного призыва	1918 г.
» » 25 августа . . .	ратники II разр. призыва . . .	1905—1903 гг.
» » 20 сентября . .	ратники II разр. призыва . . .	1903—1900 гг.
» » 25 октября . . .	ратники II разр. призыва . . .	1899—1896 гг.

[3]) Архив Н. Х., К. и Б., фонд ЦВПК, дела отдела труда.

ного — сохранения рабочей силы как фактора производства. Если рабочих, вырванных по первым мобилизациям, заменили всяким рабочим суррогатом, то этому был поставлен предел условиями, коренящимися в самом производстве и в том характере войны, который она приняла.

Отсюда и всплыла необходимость отсрочек. Правда, вопрос об отсрочках некоторых категорий встал в первые дни войны, но касался он буквально единиц. Только следующие одна за другой мобилизации всполошили буржуазию. Цитированный выше Розенфельд даже писал, что «дело, от которого в значительной степени зависела успешность работ по снабжению армии предметами боевого снаряжения, сохранение для промышленности достаточного контингента работников, могущих справиться с пред'являемыми армией к промышленности требованиями, — этот вопрос долгое время не привлекал к себе достаточного внимания правительственных учреждений». Только в первые месяцы 1915 г. в связи с подготовкой к весенней и летней кампании, вопрос этот был поставлен во всей широте, и уже к сентябрю мес. 1915 г. (если верить отношению управляющего военным министерством на имя Гучкова) цифра военнообязанных, оставленных в промышленности, доходила до 900 000 человек. Гучков эту цифру оспаривает, считая, что она относится вообще ко всем военнообязанным, получившим отсрочку (включая казенные заводы и др. учреждения). Для мобилизованной промышленности, неказенной, он называл цифру в 300 000 человек. Были, правда, попытки получить более точные данные через рассылку анкет в адреса всех военнопромышленных комитетов, но собирание анкет проходило слишком неаккуратно, и то, что получилось для сводки к 22 декабрю 1915 г., устанавливало число военнообязанных, пользующихся отсрочкой, в 285 999 на 2 млн. всех рабочих (круглая цифра), или 14%. Считая несовершенной всю технику с собиранием анкетных сведений и неполную присылку, мы считаем эту цифру явно преуменьшенной. Это смело можно утверждать еще и потому, что секретная справка ЦВПК от 30/VI 1915 г. (разосланная местным комитетам) сообщает о свыше 100 000 рабочих ратников I разр., оставленных на предприятиях. А мы ведь знаем, что еще до периода отсрочек среди них было уже 6 мобилизаций. Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района в конце 1916 г. составило на этот счет анкету, по которой видно, что 328 промышленных предприятий с 146 304 рабочими имели в ноябре 1916 г. 72 645 оставленных по отсрочке военнообязанных. Основной контингент последних составляли металлисты, давая 53 339 на 82 373 раб. Текстильщики имели 7 862 военнообязанных на 32 535 рабочих [1]). Здесь уже значительный процент военнообязанных, работавших на предприятиях по отсрочке. Иначе и быть не могло, так как фронт нуждался главным образом в большом количестве штыков и снарядов.

Проф. Сиринов [2]), беря среднюю годовую рабочего состава одних каменноугольных копей Донбасса за 1916 г., определяет ее в 174 076 ра-

[1]) «Известия общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района», № 1—2 за 1917 г.

[2]) Там же, № 231 за 1917 г.

бочих. Из этого состава 78 457 человек, или 45,7%, были военнообязанные по отсрочке; прибавив к ним 41 691 человек военнопленных, получим 120 048 человек, или 69,96%. Если взять еще 11 147 чел. женщин и подростков с 1 705 беженцами, то уже будет 133 000 чел. из 174 тысяч. В разряд военнообязанных прежде всего попадали наиболее развитые рабочие, что видно из изменения состава рабочих по отдельным видам труда в следующей табличке.

По отдельным категориям труда процентное соотношение было такое:

Вид труда	Общее число рабоч.	В том числе пол. военн. отсроч.		Военнопл.		Пол. отср. и военнопл.	% отн. ко всему числ. раб.
		абс. числ.	%	абс. числ.	%		
Забойщики . . .	30 418	19 885	65,37	4 327	14,22	24 212	79,59
Доставщики . .	27 932	15 187	54,39	5 508	19,72	20 695	74,11
Подготов. раб. . .	14 867	7 649	51,44	2 293	15,42	9 942	66,86

По военным соображениям абсолютные цифры оставленных в производстве по отсрочкам не печатались, а в процентном отношении по приблизительным данным для разных отраслей дело обстояло так: в нефтяной отсрочки доходили до 84%, в каменноугольной — 66%, в механической — 60%, в текстильной — 31%, в цементно-керамической и полиграфической — 25%. Это процент по отношению ко всем взрослым мужчинам, а если брать к общему числу рабочих, то процент значительно снижается, доходя, напр., в текстильной промышленности до 12 [1]).

Следовательно, все эти приведенные нами цифры говорят о том, как глубоко затронула война рабочие пласты, что перевернуло старые количественные, а следовательно, и качественные, соотношения. Мимо указанных изменений в военные годы пройти нельзя, так как они прежде всего наложили свой отпечаток на движение в годы войны и Февральской революции.

Надо сказать, что перспектива «фронта», чем стращали каждого рабочего при малейшем проявлении недовольства на предприятии, была не очень заманчива. «Патриотам» можно было находиться на заводе, где лучше была возможность «окопаться», как выражались тогда, от фронта. Тов. Пирейко и т. Кондратьев, которых мы цитировали выше, были вполне правы, когда утверждали о том, что рабочего не оттащить от станка в первые месяцы войны. Интересный факт, заставляющий обратить на себя внимание. Ведь никто не думал, что возьмут ратников II разр. на войну, не предполагали также, что и новобранцы призыва 1917 г. будут призваны в августе месяце 1915 г., а дело сложилось именно

[1]) «Известия ЦВПК», № 227 за 1917 г., отчет отдела промышленного труда.

так. Сообразительным приходилось заранее думать, чтобы обеспечить себе «тыл». Мы, напр., подсчитали в списках новобранцев, отсрочку которым просил латунный и меднопрокатный Кольчугинский завод, что из 200 чел. поступило в 1915 г. 93, т. е. почти половина. Из 431 ратника II разр. поступил в 1915 г. 321 чел., т. е. 74,5%. Другая картина у ратников I разр., которым прятаться было поздно, так как младшие возрасты из них призывались почти с первых дней войны, да в то время и отсрочек не было. В списке ратников I разр. из 403 чел. поступившими в 1915 г. числится только 2 чел., остальные все старые рабочие: 104 ч. поступили до 1900 г., 114 — до 1905 г., 107 чел. — в 1906—1913 гг. и 76 чел. — в 1914 г.[1]). Мы отмечаем это потому, что военнообязанные, получающие отсрочку, оказывали значительное влияние на ослабление рабочего движения. Приведенные цифры Кольчугинского завода говорят об этом. В данном случае мы имеем дело с явлением или прихода на завод новых слоев из деревни, которых прямо ставили к усовершенствованным станкам, где требовалось не техническое образование, а навык рук, или это были уже работавшие в производстве, но прячущиеся за работой на оборону от фронта. И то и другое предположение для нас одинаково необходимо учесть, так как оно связано с поведением рабочего класса в годы войны.

Итак, правительство, а вместе с ним и буржуазия, считая отправку на фронт одним из средств обезглавить рабочее движение в первое время мобилизации, сознательно отрицательно отнеслось к вопросу сохранения квалифицированной рабочей силы. Квалифицированный труд прежде всего и раньше всего связан с металлургической промышленностью, т. е. с металлистами, как раз с той частью рабочего класса, которая играла решающую роль в борьбе с самодержавием. Только после значительной чистки, когда буржуазия увидела, что дальнейшие мобилизации приведут к полному краху промышленности, она стала яростно отстаивать от мобилизации так называемых «незаменимых» в производстве рабочих, подведя в дальнейшем под это понятие всякого рабочего, стоящего у какого-либо станка. Кроме того, как это показала практика и как мы увидим, оставление рабочего в качестве военнообязанного считалось гарантией против забастовок. Недаром эти слухи о «мирном» поведении рабочих-солдат настроили на хороший лад бывш. царицу, что она в письме к Николаю от 26 июня 1916 г. смакует эту мысль, считая, что все (рабочие) «станут трепетать, как бы до них не дошла очередь»[2]).

Отмечая сильное влияние отсрочек военнообязанным рабочим на активность движения, мы не хотим считать одинаковым действие данного фактора для всех районов и на весь период войны. Наоборот, наряду с отрицательным действием, институт отсрочек (поскольку он был ступенью к милитаризации труда) впоследствии способствовал связи рабочего класса с армией. Как в первые месяцы войны рабочий, становясь солдатом, орабочивал армию, так и впоследствии солдат, ста-

---

[1]) Архив Кольчугинск. завода, д. № 7282, Архив Н. Х., К. и Б.

[2]) «Переписка Романовых», т. IV, письмо № 529, изд. Центроархива.

новясь рабочим, был частью армии. В формуле: рабочий-солдат и солдат-рабочий было заключено одно из основных условий революционизирования армии, что являлось важнейшим фактором победы в феврале 1917 г. буржуазии, боявшейся революции больше, чем ненавистное ей самодержавие, неспособное вести войну.

3. Половое, возрастное и социальное изменения в составе рабочего класса

Вопль промышленной буржуазии о недостатке рабочих рук, естественно, не мог удовлетвориться одними отсрочками. Они стали обращать внимание на усиленное использование рабочей силы, не обязанной воинской повинностью, каковой являются женщины и подростки. Уже законом 9 марта 1915 г., по требованию углепромышленников юга, было разрешено лицам женского пола и не достигшим 15-летнего возроста малолетним заниматься на подземных и ночных работах. Но этим решалась часть вопроса. Проблема состояла в требовании все новых и новых людских сил, в чем нуждалась расширявшаяся база промышленности, вырабатывавшей предметы военного вооружения и снаряжения.

Женщины, подростки, малолетние, пленные, беженцы и инородцы, — вот откуда стала черпать русская промышленность рабочую силу. Как шел этот процесс и в каких размерах, — выяснить мы считаем очень важным, ибо это был еще более важный фактор, чем отсрочки, действовавшие на интенсивность и характер рабочего движения. Приводимая ниже таблица дает общее представление о количественных изменениях полового и возрастного состава рабочих (см. стр. 214).

Таблица показывает, как с ростом абсолютного числа рабочих сокращалось относительно число взрослых в сравнении с подростками и малолетними. Это сокращение было за счет мужской части взрослых, так как рост числа взрослых женщин увеличил роль женского труда от 31% до 40% в общем числе рабочих. Этот удельный вес численного состава женщин доходит почти до 50% всего числа рабочих, если взять для того периода только границы Советской России к началу 1919 года.

Изменение полового и возрастного состава по производствам далеко не одинаково, но общая тенденция (исключая нефтяную промышленность, где труд женщины почти не играл никакой роли) такова, что труд женщины в годы войны приобретал все большее и большее значение. Труд женщины становился неот'емлемым элементом даже в тех отраслях, где раньше он почти не имел места (машиностроение). Для полноты картины и для примера возьмем Петроград с его 200-тысячной армией (круглые цифры) в 1913 г. и 400-тысячной к 1 января 1917 г. (включая и казенные заводы), здесь по отраслям производства получим такое изменение полов в процентном отношении [1].

---

[1]) «Статистика труда», №№ 1—4 за 1919 г.

Процентное распределение рабочих по полу и возрасту в Петрограде

Группы производства	На 1 января 1914 г.			На 1 января 1917 г.		
	Взрослых		Подростки и малолетн.	Взрослых		Подростки и малолетн.
	муж.	жен.		муж.	жен.	
1—5. Обработка волокна	30,1	57,8	12,1	18,7	68,7	12,6
6. Бум.-полигр. произв.	65,1	19,8	15,1	41,3	45,3	13,4
7. Обраб. дерева	93,4	3,7	2,9	71,8	20,8	7,4
8. » металла	89,9	3,2	6,9	73,0	20,3	6,7
9. » минер. вещ.	74,1	16,2	9,7	58,9	20,6	20,5
10. » животн. прод.	68,8	22,1	9,1	46,3	42,8	10,9
11. » вкус. прод.	56,4	35,1	8,5	22,3	65,9	11,8
12. Хим. произв.	57,3	40,1	2,6	46,8	46,7	6,5
13. Прочие	93,2	5,5	1,2	76,9	20,3	2,8
Итого (1—13)...	65,7	25,3	9,0	58,5	33,3	8,2

Из приведенных относительных величин видно, каким был темп роста женского труда в различных отраслях промышленности. Аналогичная картина роста была бы и в российском масштабе, причем надо помнить об абсолютных числах женского труда в разных отраслях, так как они для нас имеют большее значение, чем численность роста. Важно бы проследить возрастное изменение рабочих взрослых мужчин, но вся беда в том, что таких данных нет. Известно, что наибольшая активность в революционном движении (рабочем) присуща возрасту от 19—20 лет до 40 лет. Но вот этот слой рабочих и был наиболее опустошен войной или об'явлен солдатом на предприятии. Имеющиеся у нас под рукой цифры показывают, что для Московской губернии в 1908 г. он равнялся 60% всех рабочих мужчин, а в 1918 г. — 41%. Как известно, московская промышленность не так уж характерна для мужского труда и, кроме того, 1918 г. не характерен для сравнения, ибо мы знаем, что в 1917 г. и 1918 г. было массовое возвращение мужчин-рабочих в производство, что видно на общей тенденции сокращения женского труда в период 1917 г. и особенно после Октябрьской революции. Все же эти цифры характерны.

Мы выше привели общероссийские данные полового и возрастного состава одних только русских рабочих. Теперь мы приведем несколько таблиц, показывающих процесс количественного и качественного изменения по отдельным промышленным районам, включая плен-

ных. Возьмем Донецкий бассейн. Военнопленных было 55 тыс., или 22%, а от числа одних русских рабочих — 25%. Изменение состава за 1917 г. шло так:

	Январь	Май	Октябрь
Всего	213 531	229 065	252 723
В том числе:			
Военнопленных	23 498	34 747	55 051
Женщин	6 050	11 362	12 671
Подростков	8 556	17 222	18 113
Беженцев	2 040	2 398	2 629

Д. Панов [1]), у которого мы заимствуем цифры, писал, что, если темп подвоза пленных будет таким, а в этом не было сомнения, то к концу года процент их будет 25 (66,7 тыс.), а женщины и подростки составят 13,5% (36,7 тыс.). Известно, что в первое время войны Донбасс болезненно переживал отсутствие рабочих рук. Там до мобилизации, в июне 1914 г., было 202 960 раб., а в конце июля — 137 460. Ряд льгот по проезду рабочим, разрешение детского и женского труда под землей, военнопленные и беженцы, — вот за счет кого пополнялся Донбасс. В металлургической промышленности юга наблюдалась такая же картина. Изменение там шло, как и в каменноугольной промышленности (в тыс. чел.):

	В 1916 г. было рабочих	В том числе:	
		военнопленных	женщин и подростков
В январе	97,8	16,1	15,0
» апреле	96,3	14,4	18,4
» июле	106,2	21,5	18,6
» октябре	118,1	29,3	23,2

Например, в Криворожском районе на декабрь 1916 г. было 26 368 раб., из них взрослых русских рабочих было 8 814 чел., или 33%, военнопленных — 15 315 чел., женщин — 1 036, подростков — 1 053 и узбеков — 150 человек [2]). Центрально-промышленный район составом рабочих-военнопленных совсем не характерен. Общее число их там было незначительно (около 12—15 тыс. на 900 тыс. раб.). То

[1]) «Известия ЦВПК», № 195 за 1917 г. Цифры касаются только рудничной промышленности.
[2]) Там же, № 216 за 1917 г.

же, примерно, и в Приволжском районе, где больше оседали беженцы, находящие работу прежде всего в сельском хозяйстве. Урал стал насыщаться пленными раньше всех промышленных районов, так как все первые партии военнопленных отправляли туда, почему и увеличение числа их на работе в предприятиях Урала падает на 1915 г., а не на 1916 г., как на юге. Проф. Сиринов к концу 1916 г. считал цифру рабочих Урала в 178 630 чел., из которых было военнопленных 53 434 и 10 000 китайцев [1]). Д. Панов дает еще ярче цифры, хотя не для всего Урала. На 19 крупных предприятиях Урала с 47,2 тыс. рабочих процент военнопленных доходил до 44. А на одном крупнейшем предприятии с 34,4 тыс. раб. всех русских рабочих, мужчин и женщин, числилось 15,8 тыс., военнопленных — 15,6 тыс. чел. и 3 тыс. китайцев [2]).

Говоря о нефтепромышленном районе, надо сказать, что он в этом отношении отличался от всех районов. Военнопленных там не было, как не было и женщин. Первых не допускали по причинам вполне понятным (как-никак, хоть и пленный, но «враг»), вторых — по причинам социально-гигиеническим. Но состав рабочих нефтепромышленности имел свою особенность: национальную пестроту. Из четырех нефтепромышленных районов мы имеем под рукой цифры о Бакинском, где в сентябре 1914 г. было 44 тыс., а в сентябре 1916 г. — 48,5 тыс. рабочих. Передвижка здесь произошла и в национальном составе. Увеличился процент персов и местных националов, уменьшился процент русских и армян. В общем состав был близок к довоенному положению. Процесс указанных изменений там шел очень медленно и равномерно. Кажется, нефтяная промышленность меньше всего подверглась опустошению мобилизации, ибо там заводские рабочие раньше, чем где бы то ни было, получили отсрочки. Заводские рабочие (в отличие от промысловых) были русские по национальности. Это наложило свой отпечаток на бакинский пролетариат.

У нас нет данных о других районах, поэтому ограничимся общей цифрой военнопленных, работавших в предприятиях по ведомству министерства торговли и промышленности, равнявшейся в 1915 г. 140 тыс. чел., на 1 апреля 1916 г. — 200 тыс., а к 1 апреля 1917 г. — 423 723 чел. [3]). Сюда входят на-ряду с частной цензовой промышленностью все казенные горные и горнозаводские предприятия, порты, торфяные разработки и т. п. С июля 1917 г. состав пленных всюду стал убывать, заменяясь возвращающимися русскими рабочими и вообще сокращаясь за уменьшением заказов.

О беженцах сколько-нибудь показательных данных мы не имеем. Они, лишившись крова, оседали в таких местах, где можно проживать всей семьей. Поскольку в промышленных центрах это сделать было трудно, они больше всего оседали в приволжских, северо-восточных и сибирских губерниях на с.-х. работе. На рабочий состав они почти никакого влияния не оказали.

[1]) «Известия ЦВПК», № 231 за 1917 г.
[2]) «Известия ЦВПК», № 189 за 1917 год.
[3]) «Статистика труда», № 2—3, 1918 г. Ст. А. Аникст.

Процесс размывания основного рабочего состава, следовательно, шел очень быстрым темпом. Мы не привели данных и не отметили шумихи, поднятой буржуазией о ввозе желтого труда. С этой стороны советом министров был дан целый ряд льгот по получению паспортов, проезду, снято также запрещение о применении желтого труда и в европейской части России. Дело доходило до организации специальных вербовочных контор в Харбине и предложений от посла в Пекине и русских консульств о вербовке китайских рабочих в Тяньцзине, Шанхае, Гонконге и др. районах Китая. Значительного применения желтый труд не получил, но, как знамение времени, этот шум характерен.

Поднимался также на I с'езде военнопромышленных комитетов вопрос о труде арестантов, средний суточный состав которых равнялся 160 тыс. человек. Но дальше разговоров дело не пошло. Резервуаром, откуда черпалась рабочая сила, все же оставалась деревня, военнопленные и низшие городские слои.

Нам думается, на-ряду с отмеченными явлениями в рабочем составе, важно бы проследить и показать, как обновлялся наличный состав на предприятиях, какова была текучесть, вызываемая вынужденным и добровольным переходом рабочих с одного места на другое. Априорных утверждений в экономической литературе военных годов об этом достаточно много, но конкретных данных нет. Вопрос этот в высшей степени интересен для рабочего движения рассматриваемого периода [1].

На пленарном заседании с'езда военнопромышленных комитетов 29 февраля 1916 г. представитель рабочей группы Кабцан говорил, что на Путиловском заводе выбыло за 1915 г. 18 828 рабочих, поступило вновь 22 000 [2]. На металлическом вновь поступило 7 544 рабочих. На «Треугольнике» выбыло 10 495 рабочих, а поступило 17 100. Часть этих цифр, несомненно, верна. Особой текучестью отличился и Донбас, о чем жаловались горнопромышленники юга министру торговли и промышленности. Одно время в Петрограде, в 1916 г., на бирже труда скопилось громадное число безработных металлистов, причем оказалось, что многие из них приехали из Николаева по причине низкой оплаты труда. Все эти случайные факты показывают на громадную диффузию в рабочем классе, которую создавали война и следствия, порожденные ею.

Отмеченное явление играло очень важную роль в рабочем движении интересующего нас периода. Ведь надо иметь в виду, что война создавала не только условия для концентрации рабочей силы путем укрупнения фабрик и заводов, работавших на оборону. В годы войны большое значение оказывал на движение также и факт распыления квали-

---

[1]) Наша попытка что-инбудь сделать в этом направленин, хотя бы выборкой по отдельным крупным предприятиям, кончилась неудачей, так как, озиакомившись в Архиве иародного хозяйства с лнцевымн счетамн рабочнх одной из крупных фабрнк, мы убедилнсь, что на эту работу надо затратить очеиь миого времени. Но работу эту выполннть необходимо, ибо другой источннк — больничные листкн — требует тоже не менее кропотливой работы, да и менее точен, чем лнцевые счета.

[2]) Тут иужио иметь в виду массовый расчет после забастовок в 1915 г.

фицированной рабочей силы, факт ее децентрализации. Политически-передовые рабочие Петрограда, Риги и др. эвакуированных заводов, попадая на окраины, играли роль революционизирующего бродила. Мы знаем ряд крупных стачек, где этот пришлый слой рабочих играл первую роль, — роль руководителя. Такие явления не были единичными и случайными.

Мы мало уделили внимания вопросу новых рабочих, только в годы войны вышедших из деревни. Здесь надо сказать, что наше обычное представление о том, будто в город шел безземельный или малоземельный крестьянин — не совсем точно для военных годов. На-ряду с этим слоем, в город еще больше шел средний и зажиточный член крестьянской семьи в поисках спасения от мобилизации и прельщаясь «высокой» зарплатой. Об этом говорят и данные московской Морозовской биржи труда, отмечавшей, что среди рыночных рабочих Москвы процент крестьян-собственников земли возрос к августу 1916 г. до 80%. Это также показывает, до каких глубин деревенского быта вторглась война, выбрасывая в обработку сырой, недисциплинированный материал, являвшийся первое время баластом рабочего движения, а потом баластом революции, дав в первый ее период полное торжество мелкобуржуазной идеологии.

Каков смысл такого юбилия цифр, которыми мы испестрили весь текст изложения?

Смысл тот, что с явлениями, о которых говорят цифры, связан упадок стачечного движения; с ними связано преобладание экономических стачек над политическими в российском масштабе; с ними связано общеполитическое настроение рабочих, давшее питательные соки российскому социал-патриотизму, и с ними же связано настроение рабочих масс в первый период Февральской революции, приведшее к временному торжеству мелкобуржуазного социализма. Этот процесс величайшего опустошения рабочего класса войной, его засорения новыми, необработанными и непрошедшими длительной капиталистической выучки элементами, иногда даже совершенно чуждыми по идеологии — накладывал на него резкий отпечаток. На этой основе создалась политическая и идеологическая деформация в рабочем классе, на время изменившая ту картину, которую мы видели накануне войны.

Глава третья

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ГОДЫ ВОЙНЫ

...Необычайная... политическая отсталость царской монархии вызвала необычную силу революционного натиска масс...

Ленин, Собр. соч., т. XVI, Третий Интернационал и его место в истории.

1. Общее положение и условия труда рабочих в годы войны

В одном из докладов департаменту полиции охранное отделение очень трезво определяло роль рабочей социал-демократической газеты, как коллективного пропагандиста, агитатора и организатора. Нечего доказывать, что охранка имела в виду большевистские газеты, ибо опыт «Звезды» и «Правды» заставил ее понимать это [1]). Выводы, которые делала она из этого опыта, были таковы: не дать вновь возникнуть большевистским газетам. Вообще же в либерализм прессы охранка была не прочь поиграть, но делала она это исключительно с целью приманки неопытных каких-нибудь ликвидаторских «бабочек» на полицейский «огонек». Этим и об'ясняется, что некоторые ликвидаторско-меньшевистские газеты выходили легально и в годы войны. Они были безопасны с политической стороны, стоя на точке зрения защиты отечества, и, кроме того, как мы сказали, были нужны для расширения полицейского кругозора. Не таково отношение было к большевистским газетам, их душили в зародыше («Наша газета»), да и вообще со времени разгрома «Правды», 8 июля 1914 г., им не давали возрождаться. Поэтому в годы войны не было хорошей рабочей газеты. Широко задуманная идея восстановить «Правду» относится уже к предфевральским дням 1917 г., но февральский переворот снял эту задачу с повестки дня в прежнем виде. При военнополицейском режиме, к тому же осадного характера, существовать газете было невозможно. Охранка великолепно понимала значение хорошо поставленной рабочей газеты. Саратовская «Наша газета», вышедшая 8 августа 1915 г., была задушена на десятом номере, ибо в глазах власти она попадала под ту оценку, которую мы приводили. Задачу — быть продолжателем старых большевистских, правдистских традиций пытался взять на себя журнал «Голос печатного труда»

[1]) «Пролетарская революция», № 2 (14) за 1923 г., стр. 457.

в Москве, вышедший в дореволюционных условиях 3 раза [1]). В Кинешме вышел 24 января 1917 г. один номер рабочего журнала «Наше слово».

Можно отметить еще один «долговечный» большевистский журнал — это «Вопросы страхования» [2]). Будучи еженедельным, он фактически становился двухнедельным или даже месячным, но и в этом случае белые полосы иногда занимали $^1/_3$ журнала. Рабочий читатель лишался возможности иметь ясное представление о политическом моменте, о рабочей жизни. Все это усердно вытравлялось военной цензурой. Прав т. Левин [3]), когда утверждает, что «чем реже появлялось издание, чем теоретичнее оно было, тем легче ему было существовать», но тем меньше оно было доступно пониманию рабочих, и тем меньше оно являлось организующим фактором. Нам думается, что «долговечный» журнал «Вопросы страхования» потому и был долговечен, что отчасти подходил под характеристику мало доступного для понимания широким слоям рабочих. К этому приводила об'ективная обстановка военного положения.

Следовательно, духовная пища рабочего, если он читал газеты, изготовлялась главным образом на буржуазно-монархической национал-патриотической кухне. Иного рода литературу от него держали под запретом, а если он когда и имел смелость брать запрещенное в виде листовок партийных организаций, то за это он карался по уголовным статьям уже в «фроловском» толковании [4]).

Отпускать миллионы из народных средств в так называемый рептильный фонд можно было только на национал-монархическую прессу и обслуживавших ее. Рабочая пресса собирала средства, правда, не миллионные, а железные фонды, фонды революции, приводившие в трепет самодержавие.

Еще безотраднее обстояло дело с рабочими организациями, в первую очередь, профессиональными. В «Обзоре» стачечного движения за ноябрь 1915 г., составленном депертаментом полиции, писалось, что у рабочих пробудился интерес к профессиональным союзам и уже подано на утверждение около 10 уставов, хотя ни одна просьба не была удовлетворена. «Несмотря на то, что лица, ходатайствующие об открытии обществ, ведут это дело с большой энергией, до сих пор в Петрограде не возобновилась работа ни одного профсоюза, и во все время войны функционирует только профессиональное общество служащих-фармацептов» [5]).

---

[1]) № 1 вышел 15 ноября 1916 г., № 2 — 23 декабря 1916 г. и № 3 — 30 января 1917 г.

[2]) Первый № вышел 26 октября 1913 г. Всего вышло в довоеный период 38 номеров. Закрыт был 12 июля 1914 г. В годы войны вновь стал выходить с 20 февраля 1915 г.

[3]) «Красиый архив», № 2 за 1922 г.

[4]) Приказы иачальиика Петроградского воеииого округа геи. Фролова, повышающие иаказание по уголовиым статьям закоиа с 4—8 мес. до бессрочной каторги.

[5]) Сборник Цеитроархива, подготовленный Флеером, стр. 227, «Вопросы труда». Специальным письмом товарища м-ра вн. дел Степанов иапомииал иачальнику Петроградского воениого округа, чтобы ие было утверждено

Если Петербург не имел профорганизаций, то провинция тем более. Существовавшие полулегальные, полупрофессиональные организации (Саратов, Харьков) и культурно-просветительные общества, которые хотя и являлись важными опорными пунктами для сосредоточения сил передовых и партийных рабочих, но в силу об'ективных условий не могли в должной мере влиять на рабочее движение.

Власть, имея стройную систему провокаторской сети, пользовалась (а потому и терпела) легальными, культурно-просветительными и другими учреждениями для «уловления» работавших в них и возле них партийных и профессиональных работников. Больничные кассы превратились в «наблюдательные пункты» для охранки, так как за редким исключением в каждом учреждении сидел опытный провокатор. Охранкой оставлялись на местах работники, наиболее лояльные к буржуазии и в своей политической программе признававшие необходимость войны и защиты. То есть оставлялись ликвидаторы, иногда плехановцы. Характерно, что на просьбу делегации от екатеринославских больничных касс оставить на свободе арестованных членов правления, она получила как бы согласие «либерального» губернатора Чернявского, но когда стали называть фамилии необходимых работников, то, относительно освобождения т. С. Гопнер, губернатор категорически отказал (арестован в ночь на 2 февраля 1917 г.). На вопрос рабочего Коненко, почему он освобождает Боголюбову (заядлая меньшевичка), а Гопнер не хочет, губернатор ответил: «Боголюбова — социал-демократка-плехановка, а Гопнер — ульяновка» [1]). Вот именно боялись прежде всего ульяновок, боялись прежде всего ленинцев, так как самодержавие великолепно знало цену разным течениям с.-д.

Картина опустошения правительством даже того, что можно было создать в довоенных условиях, видна из запроса 30 членов Гос. думы 8 декабря 1916 г. [2]). Последние отмечали на конкретных фактах дикий произвол царского правительства по отношению к рабочим организациям.

Со стороны рабочего законодательства годы войны были годами резкого регресса, хотя начало он берет еще в стачечной волне 1913—1914 гг. Уже тогда стоял на очереди пересмотр устава о промышленном труде. Военная обстановка с этой стороны поставила вопрос наступления на рабочих конкретнее. В мероприятиях «законодательного» характера видимый эффект требовался сегодня же. Классическим выражением этого, к примеру, были изменения статей закона о карах рабочих, опубликованные начальником Петербургского военного округа ген. Фроловым в циркуляре к населению Петрограда 2 сентября 1916 г. Ведь только при режиме удушения, при режиме диктатуры военно-монархической клики можно было писать, что «все лица, которые не явятся на работу без уважительной причины, либо самовольно прекратят и остановят работу, либо, явившись на заводы,

---

ни одно общество рабочих, так как право утверждения союзов в годы войны лежало на высшем командовании.

[1]) «Летопись революции», № 2 за 1923 г., стр. 145.

[2]) Сборник Центроархива, подготовленный Флеером, стр. 227.

в действительности к работе не приступят, а равно лица, виновные в преступных деяниях... будут предаваться военно-полевому суду». Таким «законотворчеством» занимался также каждый из провинциальных сатрапов царской власти. Простая итальянская забастовка теперь ставилась в одну рубрику наказаний с политической подпольной работой («преступные деяния»). Из этого видно, что связь самых скромных экономических стачек с политическими требованиями момента была, очевидно, ясна даже для Фролова и ему подобных.

На-ряду с этим в порядок дня ставились как будто настоящие рабочие законы. Напр., был вынут из архива закон о фабричных старостах 1903 г. Его в новой, еще более урезанной редакции хотели ввести теперь, в 1916 г. Тов. Ленин в статье «Эра реформ» (т. IV) в 1903 г. очень подробно разобрал полицейско-классовую суть названного закона. Из фабричных старост делали старых крепостных бурмистров, их хотели превратить в фабричных дворников. Для выборов уполномоченных в целях избежания общего собрания рабочих дробили на разряды. Кандидат, выбранный из среды уполномоченных, должен был утверждаться только управлением завода, а последнее право утверждения оставалось за губернатором. «Назначение старост состоит в том, чтобы быть полезным полиции», писал Ленин в 1903 г. Староста должен быть не моложе 25 лет (молодые, 18—24 лет, более активны и опасны), но право повышать этот возраст законом давалось каждому заводоуправлению. Староста мог делать заявления по делам, касающимся только и с п о л н е н и й условий найма. «Об и з м е н е н и и условий найма (что было предметом ежесточенной борьбы только в 1917 г. — *С.*) старосты д а ж е н е и м е ю т п р а в а и р а з г о в а р и в а т ь». Вот этот-то закон (отвергнутый в 1903 г.) и пыталось правительство, с трусливого согласия буржуазии и при помощи социал-патриотов типа Бройдо, Гвоздева и К°, навязать рабочим.

Обсуждался также закон о примирительных камерах, в котором признаков полицейщины не было. Данный закон должен был служить водворению «промышленного мира», служить к урегулированию отношений труда и капитала. Проведение этого закона в жизнь упиралось в необходимость наличия профессиональных организаций (а их боялись, так как считали политическими организациями), почему и закон остался только прекраснодушной попыткой «европейски»-настроенных дельцов буржуазного лагеря. Подробно об этом мы поговорим в другой связи. Итак, рабочих законов не было, а были скорпионы, которые и власть и буржуазия ставили на каждом шагу рабочему классу и тем революционно-марксистским партийным политическим течениям, деятельность которых протекала в рабочем классе и для рабочего класса.

Если представителей рабочего класса в «парламенте» (думе) хватают и отсылают на каторгу, если его представителей в страховом совете бросают в тюрьму, если разрушают всякие попытки рабочих организоваться, душат рабочую печать, если за попытку устройства экономической стачки судят военно-полевым судом и т. п., — то все

это, безусловно, должно способствовать усилению процесса, оформляющего идеологию пролетариата как класса. Но прежде чем подняться на эту «высшую ступень» своего сознания, рабочий связан целым рядом моментов в самом производстве, как его суб'ект. Надо еще пережить и испытать на себе все прелести капиталистической фабрики и завода, надо, чтобы изменилась прежде всего психология рабочего, как коллективного производителя капиталистического продукта. В этом деле огромное революционизирующее значение играют условия труда, окружающая трудовая обстановка. Это особенно важно еще в такие моменты, когда состав рабочего класса текуч, изменчив, что особенно резко проявляется за годы войны, когда в состав рабочего класса вливаются все новые и новые слои, приходящие из деревень, из пролетаризирующегося городского населения. Продолжительность рабочего дня, отношение администрации к рабочим, штрафы, несчастные случаи, — одним словом, все обыденные мелочи фабрично-заводской жизни играют большую роль в деле переработки психологии этих масс. Война, с ее бешеной погоней за прибылью, с ее устранением понятия о ценности человеческой жизни, с ее основным лозунгом наживы, значительно ускоряла процесс изменения психологии и идеологии. Стоит только посмотреть хронику рабочей жизни ликвидаторской газеты «Рабочее утро», меньшевистского журнала «Наш голос», ленинского «Социал-демократа», журнала «Текстильщик» и др., чтобы убедиться, какая дикая вакханалия шла в вопросе эксплоатации рабочих. Вот фабрика Невской ниточной мануфактуры (2 000 рабочих), где дают плохой товар и берут много штрафов; плохо лечат, грубо обращаются. Такая же картина на ткацкой фабрике Кожевникова (600 рабочих), на фабрике Паля (2 000 рабочих). Корреспондент с фабрики Максвеля приводит пример того, как лечат рабочих, давая «от всех болезней порошок да касторку, иногда мази дадут, но это редко». С Резвоостровской фабрики пишут, что там уволили рабочего, проработавшего 35 лет, и лишь под давлением рабочих приняли обратно. К доктору уже боятся обращаться. Штрафуют за всякую мелочь. С Большеохтенской бумагопрядильни пишут, что простои машин (не по вине рабочих) не оплачиваются. Несчастные случаи растут. С других фабрик пишут об обмеривании (приводят конкретные факты), о хитрых махинациях с военной приплатой, которую переводят в расценки, жмут при всяком случае, не считаясь ни с чем, действуя угрозой расчета и т. п. [1]).

Это в Петрограде, в центре политической жизни, а что творилось в какой-нибудь Кохме или Курлове, или на Мальцевских стекольно-бутылочных заводах!

Уже после Февральской революции, описывая условия труда на костромских фабриках, один член Костромского совета писал: «Я обошел весь большой корпус (фабрики Зотова. — С.) и все время попадал то из пекла в пронизывающие сквозняки, то от удушающего зловония в такие пыльные цехи, что от непривычки дыхание захватывало.

---

[1]) «Текстильщик», № 1, 2 и 3 за декабрь 1915 г., февраль—март 1916 г.

В воздухе носились целые хлопья очески, и люди походили на живые тени, которые бродят в волосатом тумане» [1]).

Где тут устраивать вентиляторы или предохранять от сквозняков, — народу хватит, благо война еще не берет женщин на позиции, а их за воротами фабрики стоит много. Вот какова психология работодателя.

Текстильная промышленность, правда, была больше всего подвержена свертыванию и деморализации, так как благодаря войне сократился подвоз сырья и топлива. Но не лучше обстояло дело и в других отраслях, в которых, наоборот, была слишком большая нагрузка заводов.

Больничная касса завода Эриксон приводит данные заболеваемости рабочих за первую половину 1915 г.: за январь, февраль и март в среднем 175 человек, апрель — 223, май — 296 и июнь — 346 человек.

На Путиловском заводе заболеваемость в 1916 г. достигает 98%, на Металлическом и «Треугольнике» — 87%, на Франко-русском — 60%. Мрачную картину изношенности организма рабочих рисует больничная касса Невского стеаринового завода. Участники Симоновской (в Москве) больничной кассы в коллективном заявлении писали: «Вследствие скверного питания, происходящего из-за дороговизны предметов первой необходимости, скученности квартир, длинного рабочего дня и сверхурочных работ, замечается усиленная заболеваемость рабочих» [2]). Далее они сообщали о переполнении амбулатории больными, об отказе доктора принимать тех, у кого температура ниже 40° и вообще об оставлении больных без всякой медицинской помощи.

На с'езде военнопромышленных комитетов 25—27 июля 1915 г. горнопромышленник Эйлер кричал, что он не имеет права заставлять рабочих работать в воскресенье и требовал, чтобы это право было им дано. Как известно, права были им все даны, только обязанностей по отношению к рабочим не определили. Им дали право на детский и женский труд, право на ночные работы подростков и женщин. Последних эксплоатировали наравне с мужчинами. Это сразу сказалось на росте заболеваемости женщин. По отчету больничной кассы Сумских копей, из 4 150 мужчин заболело в 1915 г. 506, а из 975 женщин — 379, т. е. больше чем $^1/_3$.

Штрафы подстерегали рабочих на каждом шагу. В расчетных книжках горняков в табели о штрафах, утвержденной окружным горным инженером в декабре 1914 г., перечислено столько поводов к наложению штрафов, что кажется надо быть фокусником, чтобы пролезть сквозь такую рогатку и сохранить месячную зарплату.

В Николаеве, по данным больничной кассы Николаевского судостроительного завода, за 1915 г. зарегистрировано 13 941 заболевание, что в сравнении с 1914 г. дает прирост на 42%. Произошло 3 017 увечий, что составляет 21,3% всех застрахованных.

---

[1]) «Северный рабочий», № 40 за 1917 г., г. Кострома.
[2]) «Вопросы страхования», № 7 за 1915 г.

Рабочий день, как правило, почти всюду был удлинен. Рабочий год за время войны вырос с 264 до 276 дней. Всюду росла нагрузка дневного труда еще дополнительными сверхурочными часами. Последние требовались по настоянию администрации в силу спешных заказов, а часто рабочий сам искал их, так как материальная необеспеченность заставляла искать дополнительных средств. Результаты были одни и те же — физическое истощение организмов. С этой стороны годы войны как бы воскресили старые годы истории русской промышленности, которые даны в описаниях первых фабричных инспекторов. Разница была лишь в том, что тогда рабочий класс с большим трудом находил возможный выход из положения. Теперь же была иная политическая обстановка. Среди рабочих плечо о плечо с ними работали десятки, сотни и тысячи закаленных борцов за рабочую долю, — борцов, вышедших из рабочей среды, прошедших славную большевистскую выучку в годы под'ема и получивших в годы войны революционно-марксистскую закалку в ленинском духе. Это в основном охраняло русский рабочий класс, разжиженный в годы войны, от прививки чуждых ему форм сознания и политической тактики, к чему усиленно стремились.

Буржуазия очень строго проводила систему «черных списков». Общество фабрикантов и заводчиков в сентябре 1916 г. разослало всем своим членам специальные циркуляры об общем соглашении и гарантии не брать на работу наиболее активных рабочих, увольняемых за стачки. Ежовые рукавицы буржуазии крепко держали не только военнообязанного (не имевшего права переходить с одного завода на другой), но и свободного от военной повинности рабочего [1]).

Москва в этом также не отставала. Уполномоченный председателя особого совещания по обороне генерал Чердынцев в специальных копиях рассылал по заводам списки наиболее активных рабочих, уволенных за стачку, с предписанием, чтобы их не брать на работу.

Выдвинутый в думе проект милитаризации труда до конца 1916 г. буржуазия, правда, не могла принять. Она была против такой милитаризации, как ее мыслил коронованный маниак — царица и ее клика. Нам думается, т. Шляпников ошибается [2]), когда он утверждает, что буржуазия ходатайствовала о введении милитаризации: не в ее интересах допускать вмешательство военного ведомства в промышленную жизнь. Проект, нам думается, вносили правые. Напр., Коновалов и др. очень часто высказывались против милитаризации труда. Против были и представители буржуазии в особом совещании по обороне, — Дитмар, напр., и др.

Не надо забывать к тому же и о протестах рабочего класса против аракчеевщины. Проекты так и остались проектами, характеризующими только эпоху [3]). Ниже мы еще коснемся этого вопроса, здесь

[1]) Сборннк Центроархнва, стр. 297.

[2]) См. его «Канун 1917 г.», кн. I, нзд. 3, стр. 114.

[3]) Проект относнлся только к предпрнятням, работающим на оборону; рабочнх военнообязанных, работающих на предпрнятиях, предлагалн считать как бы на действительной военной службе.

лишь отметим, что и без «офицерских» полномочий буржуазия завинчивала эксплоататорский винт военно-капиталистического режима.

Военнообязанный, если и не пел по утрам «Боже царя храни» и «Спаси господи люди твоя», то во всем другом был подчинен военному режиму.

Теперь несколько соображений о безработице. Для русской промышленности переустройство ее на военный лад было труднее, чем для западно-европейской. Особенно это сказалось тогда, когда промышленность, получив огромные заказы на войну и миллионные авансы на поставку снарядов и прочее, должна была увеличивать кадры рабочих. Мы знаем, что буржуазия пошла по линии наименьшего сопротивления (женский, детский труд, пленные и ввезенные рабочие), но мы уже сказали, что этой технической деквалификации рабочих был свой предел. Западно-европейская буржуазия этот предел расширяла за счет более высокого органического строения капитала; при нашей отсталости этого делать было нельзя. Когда рассосался весь контингент рабочих, ушедших из Варшавского района, из Прибалтики, из закрывшихся предприятий внутри страны, то при росте военной промышленности потребность в рабочих руках была еще очень большая. Но делать отсюда вывод, что годы войны не знали безработицы, нельзя. Серьезный вопрос во время войны — мобилизация промышленности — требовал прежде всего мобилизации труда, т. е. его организации через биржи труда и другие институты. Для этого в годы войны не было сделано почти ничего, даже больше: буржуазия всячески старалась разрушать то, что создавали разные демократические организации. Буржуазии нужна была «черная биржа», а не организация труда через биржи. Последних в России до 1915 г. почти не было. Существовавшие до войны в Петрограде, Тифлисе и других городах биржи были платные, и к ним рабочий мало обращался. В 1914 г. в Москве городская дума открыла в Морозовском доме биржу труда. Крупная, европейского образца, биржа труда возникла в Петрограде в 1915 г. (февраль). Потом организовались бюро труда при Земгоре и при ЦВПК. Все эти учреждения должны были организовать рабочий рынок, но этого сделано не было. Буржуазия так и не мирилась до Октябрьской революции с биржами, предпочитая им неорганизованную стихию рабочего рынка. Поскольку была нужда в рабочих руках, то и спрос был большим, но характерно, что из посланных на работу процент принятых был невелик. Предложений за период с 1 октября 1915 г. по 30 июня 1916 г. по всем биржам было 313 914 чел., послано на работу 237 883 чел. [1]). Знаток рабочего вопроса военных годов А. Михайлов [2]) отмечает большую разборчивость предпринимателей. Они или брали вне биржи сырой материал или искали квалифицированных рабочих. Благодаря погоне капиталистов за дешевым трудом (малолетние, старые возрасты и женщины) и за единицами квалифицированных рабочих, на бирже создавались большие кадры безработных, которые не могли найти себе работу. Характерно, что с августа месяца 1916 г. стала расти безработица у металлистов.

[1]) Правда, в средине 1916 г. ее закрыли.

[2]) «Экономическое обозрение», № 2 за 1916 г., ст. Михайлова.

Текстильщики провинциальных районов переживали ее перманентно. Так что, как бы ни кричала буржуазия о недохватке рабочих рук, все же мы видим, что в самый начальный период войны (реконструкция на военный лад одних отраслей и закрытие других) и перед революцией страна переживала массовую безработицу, несмотря на бурный рост промышленности обороны. Об этом вполне убедительно говорил представитель Петроградской биржи труда И. В. Чернышев на осеннем совещании военнопромышленных комитетов в 1916 г. Интересна аргументация одного из промышленных зубров, г. Эфрона, который, возражая Чернышеву, заявил: как можно назвать безработицей такое положение, когда он не может найти себе двух порядочных дворников. На бирже труда записаны хулиганы, а не рабочие [1]). Вот две различные оценки безработицы, и где тут лежит истина — доказывать не надо. К тому же надо еще иметь в виду двойственный процесс в самой промышленности, распад и закрытие отраслей «мирной» промышленности. Все это увеличивало безработицу, остро ставило проблему куска хлеба и еще больше способствовало наступлению рабочих против войны, против самодержавия, за революцию.

2. Заработная плата

Когда мы касались вопроса о рабочих организациях, рабочей печати и правового положения рабочих, то роль буржуазии там была несколько менее заметна в отличие от роли полиции. Буржуазия действовала закулисно. Как-никак она ведь была в «конфликте» с самодержавием и ей выступать против элементарных требований всякого буржуазного правопорядка было бы не к лицу. Только в тесных кругах «своих» людей ее представители приподнимали завесу, маскирующую ее истинную физиономию. Такие случаи бывали в 1916 г. при обсуждении вопроса о профсоюзах, об институте старост и примирительных камерах. Как известно, буржуазия шла в этих вопросах не дальше, чем правые монархические деятели Гос. совета и других учреждений. Программа по рабочему вопросу прогрессивного блока Госуд. думы шла не дальше программы министра внутренних дел Хвостова. Теперь мы коснемся области, прямо связанной с карманом буржуазии. Мы говорим о зарплате рабочих в годы войны. В этом вопросе буржуазии нельзя было спрятаться за полицейскую власть. Даже больше: роли прямо переменились. Например, департаменту полиции или его органам на местах, а также и местной администрации приходилось прямо «защищать» рабочих от нападок буржуазии. Департамент полиции в роли защитника экономических интересов рабочих?! Как это ни парадоксально, но это так, и говорит это только о том, как алчна была русская буржуазия, как трусило самодержавие, в лице своего аппарата, перед рабочим движением. В донесениях губернаторов и начальников губернских жандармских управлений в центре о низкой заработной плате рабочих нельзя видеть

[1]) «Известия ЦВПК» от 4 октября 1916 г.

ничего другого, как только желание надавить там, где можно, чтобы создать «нормальную» обстановку в отношениях труда и капитала на вверенной им территории. О низкой заработной плате рабочих, о низких расценках можно найти указания иногда в очень резких выражениях в донесениях властей почти каждой губернии. Даже сам военный министр Поливанов, при посещении в конце июля 1916 г., не ради красивого жеста признал очень низкими расценки на патронном и паровозостроительном заводах в Луганске, тоже и на Донецко-юрьевском металлическом заводе при ст. Алчевской.

Кн. Шаховской, заняв в 1915 г. пост министра торговли и промышленности, при об'езде юга тоже указал на очень низкий уровень оплаты труда. Газета «Южный край» от 28 марта 1915 г., помещая отчет о его речи, передавала, что размеры заработка «стоят на довольно низком уровне и не соответствуют быстрому росту цен на уголь, поднявшихся почти вдвое», а заработок поднялся от 1 до 5%. Об этом говорил и предшественник Шаховского Тимашев, с чем он связывал отсутствие в Донецком бассейне прочного контингента рабочих, бежавших из шахт, как от чумы.

Касаясь конкретно заработной платы в металлургии Донбасса, мы не хотим испещрять текст цифрами заработной платы. Во всех сводках о зарплате, которыми мы располагаем, характерным является то, что зарплата построена на системе премиальности. Отметим, что вопрос о зарплате в южной промышленности встал весной и летом 1915 г. под влиянием роста недовольства рабочих. Вследствие этого, напр., разные цехи Русско-бельгийского металлургического завода устанавливают новые нормы премиальности, относительно снижая количество внепремиальной, основной выработки. Также новая, несколько повышенная премиальная система вводилась на Петровском заводе, на металлургическом заводе общества «Русский Провиданс» и др. Там, где рабочие добивались просто прибавки к основному заработку, эта прибавка обусловливалась определенным количеством рабочих дней в месяц. В случае прогула одного дня «прибавка» давалась в ½ размере, а при двух днях — отменялась вовсе. Такие об'явления мы имеем на Никополь-мариупольском заводе и др. Размеры «прибавки» были максимум 14%, а минимум — 6%, в зависимости от заработка. В требованиях же рабочих, на разных крупнейших заводах, фигурировал максимум от 30 до 50% по низкооплачиваемым категориям рабочих. Предприниматели оказывали сильное сопротивление требованиям повышения основного заработка, но на премию шли более охотно, ибо в данном случае увеличение заработка шло за счет организма рабочих [1]). Такой линии они продолжали держаться и в 1916 г., когда рабочие юга вели упорную борьбу за повышение всех видов расценок как прямого заработка, вне премиальной системы.

Перейдем теперь к зарплате шахтеров. В начале февраля 1916 г. 50 артелей на разных пластах шахты № 30 Рутченковских копей в

[1]) Арх. рев. и ви. п., дела деп. пол., № 18, ч. 2, за 1915 г., Рабочее движение по Екатеринославской губ., л. 107 и др.

Бахмутском уезде имели средний заработок: до 1 р. 50 к. в день — 2 артели, от 1 р. 50 к. до 2 р. — 27 артелей, от 2 р. до 2 р. 50 к. — 17 артелей и свыше 2 р. 50 к. — 4 артели. В сравнении, напр., с рабочими электрического цеха этих же копей заработок шахтеров как будто высок, но надо учесть интенсивность труда при артельной работе, да притом еще сдельной (они получали с вагонетки угля на разных пластах от 55 к. до 1 р. 20 к.). Слесаря названного цеха копей получали от 1 р. 80 к. до 1 р. 30 к., электрики — от 1 р. 90 к. до 1 р. 30 к., кочегары — от 1 р. 20 к., плотники — 1 р. 50 к., каменщики — 1 р. 40 к. и т. д. С 11 февраля 1916 г. по всей линии шла прибавка от 5 до 10 к. в день, а там, где была сдельная работа, 5% в среднем.

Для характеристики темпа роста заработной платы в каменноугольной промышленности мы приведем одну табличку (характерную для всей каменноугольной промышленности), чтобы уж в дальнейшем не останавливаться на цифрах, касающихся юга (см. табл. на стр. 230).

Знаток жизни Донбасса Л. Либерман утверждает, напр., что цены на рабочие руки в 1913—1915 гг. стояли на уровне 1901—1902 гг.

Беря цены на продукты питания и стоимость месячного содержания одного человека, Либерман пишет, что в 1914/15 г., накануне переворота, одинокий горнорабочий Донбасса едва сводил концы с концами своего бюджета. Что касается семейных рабочих, то они продолжали жить «на голодном пайке», добывая нехватающие суммы за счет детского и женского труда [1]).

Итак, для южной промышленности можно констатировать очень низкую заработную плату и как основную характерную черту в политике предпринимателей — усиленную потогонную систему. Вопрос о прибавке впервые за годы войны поставлен летом 1915 г. в связи с начавшимся рабочим движением, в связи с дороговизной, так как не только семейному, но и холостому рабочему становилось трудно сводить концы с концами.

Данных о заработной плате по Бакинскому району у нас нет. В одной из своих докладных записок от 1 июня 1917 г. на имя председателя совета министров нефтяная секция совета с'ездов представителей торговли и промышленности писала, что заработная плата рабочих уже к концу 1915 г. поднялась на 50%, имея в виду наградные и прочие добавочные. Пример роста они показывают на увеличивающемся соотношении всей суммы заработной платы к биржевой стоимости нефти. Для 1913 г. это процентное соотношение было 9,9% заработной платы и 90,1% валовой выручки, а в 1916 г. 22,1% и 77,9%. В докладной записке конца 1916 г. нефтепромышленников министру торговли и промышленности приводится справка роста зарплаты (со всеми видами приплат) у рабочих промысловых, мастеровых и мелких служащих товарищества бр. Нобель. При переводе поденной в среднюю месячную получается, что 1 августа 1913 г. (до забастовки) семейному приходилось 54 р. 69 к., одинокому — 44 р. 60 к.; с 1 августа 1913 г. — 62 р. 43 к. и 51 р. 50 к.; апрель 1915 г.—82 р. 77 к. и 64 р. 14 к.; с 1 октября 1916 г.—

[1]) Л. Либерман, В стране черного золота, Гиз, 1926 г., стр. 50.

Расценка поденным рабочим в шахтах общества южно-русской каменноугольной промышленности [1])

Наименование работ	До войны		На 29 февраля 1916 г.		Увеличено %	1 марта 1916 г.		Увеличено с начала войны %
	Р.	К.	Р.	К.		Р.	К.	
Забойщики поденно . .	1	—	1	30	30	1	50	50
Отгребщики: мальчики	—	60	—	80	30	1	—	65
» взрослые	—	60	1	—	70	1	30	115
Возчики нижних штреков	1	—	1	20	20	1	40	40
Возчики средних штреков	1	—	1	20	20	1	40	40
Насыпщики	—	90	1	10	22	1	30	45
Подгонщики у дучек	1	—	1	10	10	1	40	40
» у ствол.	1	—	1	20	20	1	45	45
Коногоны	1	30	1	40	12	1.65	1.70	30
Тормозные	1	—	1	10	10	1	20	20
Сцепщики	1	—	1	10	10	1	25	25
Бутчики	1	—	1	10	10	1	35	35
Плотники	1	15	1	25	9	1	45	26
Дежурные	1	—	1	10	25	1	25	40
» по путям . .	1	—	1	20	20	1	35	35
Бурильщики	1	20	1	50	25	1	65	37
Стрелочники	1	—	1	—	—	1	20	20
Дверовые	1	—	1	—	—	1	20	20
Магнитчики	—	80	—	80	—	1	—	25
Разбутчики	1	—	1	—	—	1	20	20
Стволовые гор. 80 с. .	—	85	1	30	50	1	43	70
» » 120 » .	1	20	1	40	18	1	53	29
» » 160 » .	1	30	1	40	8	1	53	10
Расценки работающим на поверхности								
Откатчики по эсток . .	1	10	1	20	10	10	36	24
Рукоятчики	1	20	1	32	10	1	45	21
Чернорабочие	—	90	1	—	10	1	15	27

Средний % для всех видов 36,7

[1]) Архив рев. и вн. п., дело № 18, ч. 2, т. I, ф. деп. пол., дело 134, 1916 г. Февраль и март 1916 г. отмечается потому, что эта мартовская прибавка может считаться последней, ибо буржуазия больше уступать не хотела, а если и приходилось еще рабочим увеличить кое-где зарплату, то лишь после упорных стачек.

102 р. 03 к. и 77 р. 93 к.[1]). По их таблице наградные фигурируют на втором месте, как элемент зарплаты. Но если считать основной заработок, то картина получается совсем другая. Нефтепромышленники зачисляли в заработную плату даже все расходы вплоть до оплаты доставки воды для питья рабочим, работающим в жару на промыслах. Основной же заработок бакинского рабочего составлял 31 р. 80 к.; 35 р. 70 к.; 35 р. 70 к. и 43 р. 66 к. Это далеко от оптимистической оценки итоговой средней, которой промышленники «втирают очки» центральной власти, чтобы добиться повышения цены на нефть. Недаром как раз рабочие и мастеровые нобелевских промыслов пред'явили 27 января 1917 г. требование об увеличении зарплаты (на-ряду с другими требованиями) в размере: получающим до 1 р. на 100%; от 1 р. до 1 р. 50 к. — 85%, от 1 р. 50 к. до 2 р. — 50%; от 2 р. до 2 р. 50 к. — 35%; от 2 р. 50 к. до 3 р. — 30% и свыше 3 р. — 25%[2]). Так что и в Бакинском районе дело с зарплатой обстояло очень плохо, и попытки буржуазии прикрасить перед властью и «общественным мнением» положение рабочих разбивались о требования рабочих, сопровождавшиеся большим количеством, правда, первое время очень мелких, экономических стачек.

В Московском промышленном районе общество заводчиков и фабрикантов собрало анкетные сведения из разных отраслей производства за январь и ноябрь 1916 г., касающиеся 263 108 раб. в первом случае и 286 347 — во втором. По численности (вошедших в подсчет) первыми идут металлисты (обработка) — 114 014 чел. в ноябре, вторыми текстильщики — 109 718 чел. Другие производства охватывали от 10 тыс. чел. и меньше. Общая сумма выплаченной зарплаты, включая все виды доплат, сверхурочных, наградных и проч., делилась на число рабочих данной отрасли, и получалась такая картина средней зарплаты в начале 1916 г. и в конце (канун революции)[3]):

Производства	Январь 1916 г.	Ноябрь 1916 г.	Рост в %
	Р. К.	Р. К.	
Обработка волокн. веществ	25—49	39—40	54,5
Добыча металлов	37—04	60—77	64,0
Обработка металлов	51—16	80—70	57,5
Химическ. и парф. производства	31—37	53—94	72,0
Обработка жив. прод.	41—06	69—70	69,7
» пищ. и вкус. вещ.	32—62	53—26	63,2
Доб. и обработка минер.	24—19	41—49	71,5
Обработка дерева	30—91	57—82	87,0
Бумажно-полигр. произв.	35—10	58—83	67,6
Прочие произв.	52—03	94—72	82,0
Произв. электр. энергии	94—19	176—55	87,4
Средняя	37—09	61—14	64,8

1) Арх. Н. Х., дела м-ва торг. и пром., связка отдела промышленности.
2) Дела деп. пол., № 5, ч. 2, за 1916 г., Бакинское градоначальство.
3) Таблица составлена по «Известиям общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», № 1—2 за 1917 г.

Как видно по таблице, передвижка в Московском районе произошла за год значительная, но доверять этому особенно нельзя, потому что сюда вошла оплата сверхурочных работ, которые имели огромнейшее значение в бюджете рабочего.

Для сравнения и большей убедительности мы подсчитали на Прохоровской мануфактуре личный состав рабочих по отделам и, разделив на сумму месячных «дачек», включавших «военную прибавку» и сверхурочные выплаты, получили среднюю на 1 рабочего в таком размере:

Отделы	Средняя месячная «дачка» зарплаты 1 раб.[1]					
	1915 г.		1916 г.		1917 г.	% увеличения за весь период
	Май	Октябрь	Май	Октябрь	Март	
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	
По ситц. фабр. . .	22—89	32—88	35—52	40—80	39—16	71,1
Ткацк. отделения .	26—14	33—22	37—00	46—08	48—44	85,3
Прядильн. отделен.	29—52	30—79	31—63	40—38	43—42	47,1
Швейное »	15—86	21—75	24—32	30—98	30—95	95,1

В Московском районе основную роль играла «военная прибавка» на дороговизну. Другим видом увеличения зарплаты служила сверхурочная работа и вообще месячная трудовая нагрузка. Наградные также являлись как бы подхлестывающим фактором к большей интенсификации труда, так как за администрацией оставалось право лишать наградных нестарательных и забастовщиков. Но это больше в Иваново-кинешемском районе. Вот, напр., в об'явлении на Курловской фабрике Гусевского района (Владимирской губ.) от 28 января 1917 г. главное управление из Москвы писало к рабочим, что «надо бы лишить вас награды за самовольное оставление работы с 19 по 28 февраля 1916 г., но, снисходя к вашим просьбам (рабочих. — *С.*) и тяжелому вследствие войны положению, а также и ходатайству за вас заведывающего фабрикой (?? — *С.),* главное управление решило на этот раз в в и д е о с о б о г о и с к л ю ч е н и я (подчеркнуто в об'явлении) не лишать вас этой годовой награды и выдать ее всем тем, кто в остальном п о д о й д е т под правила о выдаче наградных»... Иначе говоря, лишались наградных прямые «смутьяны» и «зачинщики» забастовки.

---

[1]) Архив Н. Х., фонд Трехгорной прохоровской текстильной мануфактуры, дела о личном составе и месячных дачках. Данный процент под'ема можно распространить на весь текстильный район, значительно понижая его для таких глухих, как гусевские и др., фабрик, преимущественно находящихся в селах Костромской и Владимирской губ., где с «прибавкой» дело шло туго. Военную прибавку там стали давать много позже.

«На будущее время, — стращает главное управление рабочих, — если только рабочие будут отступать от условий 1 февраля 1916 г., то об'явленной 5%-ной награды они будут безусловно лишены» [1]).

Если взять статистический средний годовой заработок по всему Московскому промышленному округу (7 губерний), то средняя для всех производств получается: в 1913 г. — 218 р., 1914 г. — 221 р., 1915 г. — 248 р. и 1916 г. — 406 р. Две основные отрасли, металлисты и текстиль имеют за те же годы: первые — 384 р., 324 р., 445 р. и 761 р., вторые — 210 р., 202 р., 221 р., 320 р. [2]).

По сравнению с уровнем 1913 г., у металлистов зарплата поднялась к 1916 г. на 98%, а в текстильной промышленности — на 65,6%. Если сравнить повышение зарплаты с ростом товарных цен, то разница получится громадная, так как товарные цены в первой половине 1916 г. относились к 1 полугодию 1914 г. как 2,38 : 1, а второе полугодие — как 3,98 : 1 [3]). Следовательно, реальный заработок сокращался у всех групп, а особенно сильно у текстильщиков, как отрасли народного хозяйства, работавшей на оборону меньше, чем металлургия.

Относительно Петрограда можно сказать немного, после широко распространенных цифр Струмилина [4]) о месячной и часовой оплате разных категорий рабочих 7-тысячного завода Парвиайнен. Для Петрограда характерна борьба рабочих за прямую прибавку к основному заработку, а не премиальная система, как в Донбассе, и не строгое деление на военное пособие и старая основная расценка, как в Московском районе. Основные же тенденции точно такие же, как и всюду: под'ем номинальной и упадок реальной зарплаты с различными градациями по отраслям производства. Арский приводит данные из «Дня» относительно Москвы, по которым видно, что с начала войны до мая — июня 1916 г. восемнадцать основных продуктов рабочего питания поднялись на 131%, т. е. почти в два с половиной раза. Приблизительно такая же картина и в Петрограде, для которого он дает цифры, собранные министерством внутренних дел. Средняя повышенная цена предметов питания в Петрограде равна 150%, т. е. на 19% выше, чем в Москве. Мясо почти вышло из рабочего обихода, так как цены на него для рабочих были недоступны. Сравнивая цифры повышения цен на продукты питания с цифрами повышения зарплаты по Петрограду, мы видим, что зарплата поднялась к концу 1915 г. в среднем для всех профессий на 41%, а предметы питания — на 94% [5]). Недаром охранное отделение в докладе особ. отд. деп. пишет в октябре 1916 г., что страна переживает общий кризис. «Год назад рабочие в Петрограде осуждали всякую прокламацию, направленную против войны». Т е п е р ь н е т о, почва теперь бла-

---

[1]) Архив Н. Х., фонд Гусевской фабрики Нечаева-Мальцева, связка рабочих и служащих в 1914—1917 гг.

[2]) «Статистика труда», № 5—7 за 1919 г.

[3]) Проф. К а ц е н е л е и б а у м, Денежиое обращение в России.

[4]) С т р у м и л и н, Заработная плата и производительность труда и т. д., стр. 25.

[5]) См. «Архив труда в России», ки. I, за 1925 г., А р с к и й, Рабочий класс во время войны.

гоприятная для всяких лозунгов, потому что заработная плата поднялась на 50% и лишь у некоторых категорий на 100—200%, цены же на все продукты возросли на 100—500%. По данным, собранным больничной кассой зав. «Треугольник», — пишет охранка, — заработок рабочего до войны, считая посуточно, был:

Чернорабочего	1—1 р. 25 к.	Теперь 2 р. 50 к. — 3 р.
Слесаря	2—2 » 50 »	» 4—5 »
Монтера	2—3 »	» 5—6 »

В то же время стоимость предметов потребления рабочего изменилась следующим невероятным образом:

Угол, оплачив. в месяц	2—3 р.	Теперь	8—12 р.
Обед (в чайной)	15—20 к.	»	1—1 р. 20 к.
Чай	7 к.	»	35 к.
Сапоги	5—6 р.	»	20—30 р.
Рубаха	75—90 к.	»	2 р. 50 к. — 3 р.

«Рабочие уже в массе готовы на самые дикие эксцессы голодного бунта», заключает охранка [1]).

«Дикие эксцессы, голодный бунт» и пр., — все это полицейская лирика. Дело именно в полном несоответствии оплаты труда и стоимости жизненных средств, в силу чего рабочий проедал свой основной капитал — рабочую силу, за счет всяких нагрузок и лишений.

Мы стали бы повторяться, если бы прибавили сюда очень красочные факты с положением зарплаты на Урале, в Нижнем, Брянске и других центрах [2]). Мы также не отмечаем очень бедственное положение с заработной платой у железнодорожников (особенно частных дорог), у рабочих коммунального хозяйства Петрограда [3]), Саратова, Харькова, Москвы, которые боролись с городскими управлениями за ее повышение, на-ряду с рабочим классом цензовой промышленности.

Теперь несколько слов о средних цифрах, показывающих общероссийскую тенденцию в заработной плате рабочих. По данным промышленной переписи 1918 г., которая, как известно, охватывала только часть рабочих и часть предприятий, но все же носила всероссийский характер, мы видим в учтенных и сравниваемых величинах такую картину (см. табл. на стр. 235).

Из таблицы видно, что и номинальная плата отстает от бюджетного индекса статистики труда и реальная зарплата пала в 1917 г. в сравнении с довоенной. Здесь мы также отмечаем еще раз тот факт, что повышение средней номинальной и реальной

---

[1]) «Красный архив», т. XVII за 1926 г., стр. 11.

[2]) «Борьба за повышение заработной платы на Брянских заводах». Дела деп. пол., № 48, ч. 2, за 1916 г., по Орловской губ. Архив рев. и вн. п. См. также доклад рабочей группы Пермского областного военно-промышленного комитета о заработной плате на крупнейших заводах среднего Урала. Арх. рев. и вн. п., дела деп. пол. № 347, о рабочей группе при ЦВПК.

[3]) См. обращение рабочих главной водопроводной станции к городск. голове в мае 1916 г., где писалось «о грязных углах, босых и голых детях» и питании. «Архив труда в России», кн. X за 1923 г., ст. Гордона.

Завед. и раб.	Годы				
	1913	1914	1915	1916	1917
Число заведений	2 331	2 331	2 331	2 331	2 331
Число раб. в тыс.	859,9	883,1	908,4	956,6	992,0
Заработок в бум. руб. (абс.). .	258	275	365	573	1 703
В процентах	100,0	106,6	141,5	222,1	660,1
Заработок в довоен.руб.(абс.).	258	272	281	278	220
Индекс (средн. год.)	1,00	1,01	1,30	2,06	7,75
Средний за декабрь 1916 г. по Москве	—	—	—	2,96	—

зарплаты в данной таблице в первую очередь окупалось интенсификацией труда (сдельная работа), загрузкой сверхурочного времени и премиальной системой. Об этом, между прочим, очень ярко говорят цифры среднего числа рабочих и валовой продукции на 1 раб. в отраслях, работавших на оборону [1]). Напр., среднее суточное число рабочих, вырабатывавших предметы вооружения, в относительных величинах было таково: 1913 г. — 100; 1914 г. — 112; 1915 г. — 136; 1916 г. — 167; норма же валовой выработки на 1 раб. в те же годы росла так: 100; 106,5; 160,6 и 210,1 [2]). Конечно, в отраслях «мирных» такой картины не было. Тот факт, что дополнительные нагрузки, так называемые сверхурочные работы, играли большую роль, мы можем видеть еще на типичном факте, взятом нами из массовых данных; квалифицированный слесарь гусевских фабрик П. Фомин с июля 1916 г. по июль 1917 г. (272½ раб. дня) получил основного заработка 991 р. 07 к., сверхурочных 642 р. 14 к. и плюс военная прибавка 90 р. 75 к.

Тенденция данной таблички была бы сильнее выражена, если бы перепись охватила все окраинные районы промышленности. Как правило, в провинциальных промышленных центрах зарплата была далеко ниже. Следовательно, при переписи больше приняты во внимание показатели Петроградской и Московской губ., а в них, как известно, отрицательные явления в области оплаты труда были менее остры. Часто это различие забывают и грешат некоторыми обобщениями, основанными, допустим, на изучении только одних петроградских условий, распространяя их на всю страну. Здесь мы имеем в виду мысли т. Струмилина [3]) о сближении «ножниц» в заработной плате у квалифицирован-

---

[1]) «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. I и II, стр. 39.

[2]) Там же, т. XXVI, вып. I и II, стр. 57.

[3]) Струмилин, Заработная плата и производительность труда в русской промышленности 1913—1918 гг., 1923 г.

ных и «чернорабочих», в силу чего доказывается мысль о благополучии чернорабочих в отличие от квалифицированных. Пример завода Парвиайнен — нехарактерен, так как завод этот новый, технически оборудован станками по последнему слову техники. В нем деление на чернорабочих и квалифицированных очень условное. Распространять это [1]) на текстильную промышленность, на труд горнорабочих (несдельный) нельзя. Тов. Граве, разбирая цифры т. Струмилина, неверно говорит, что «в каждой почти отрасли положение квалифицированных рабочих значительно ухудшилось, особенно по сравнению с чернорабочими [2]). Прямо это ниоткуда не следует. Довод т. Граве об изменившемся процентном соотношении заработка текстильщиков по сравнению с другими отраслями для 1914 и 1915 гг., нам думается, неубедителен. Прежде всего неверно приравнивать текстильщиков просто к чернорабочим. Между прочим, т. Граве с данной мыслью связывает свой взгляд на корни гвоздевщины, которая, по ее мнению, опиралась на рабочую аристократию, на-ряду с неквалифицированными рабочими. Нам думается, факты противоречат этому. Текстильщики, зачисленные ею в менее квалифицированные рабочие, правда, чаще боролись за повышение заработка, но они же первые подали протест против войны. Правда, они не поддерживали забастовкой разгон думы, но это надо им поставить не в минус, а в плюс. На двух случайных цифрах, показывавших сближение «ножниц» в оплате текстильщиков по отношению к печатникам и электрикам, указанных выводов делать нельзя. Вообще мысль о сближении раствора «ножниц» квалифицированных и чернорабочих правильна, но ведь отсюда еще не следует, что положение одних ухудшалось, а других улучшалось. Это противоречит оценке самих рабочих, которые, как известно, в каждом требовании, при каждой стачке, выдвигали градуированную скалу процентного повышения оплаты труда. Чем ниже заработок, тем выше требование нормы прибавки. Это и понятно, так как чернорабочий был более подвержен «доброй воле» предпринимателя. Сближение «ножниц» в период войны только наметилось под влиянием борьбы рабочих, и лишь Февральская революция усилила темп данной тенденции [3]).

Мы согласились бы с точкой зрения т. Граве, если бы данное ею утверждение перенести в плоскость анализа рабочего бюджета. Надо было показать, какие совершились передвижки в расходных частях бюд-

---

[1]) Т. е. не то обстоятельство, что разиица в оплате сближалась, — это верио, — а то, что положеиие чериорабочих было лучше, чем квалифицироваииых. Особеиио подчеркивает это Граве.

[2]) Граве, К истории классовой борьбе в России, стр. 60.

[3]) Автор, исследовав специальио вопрос о заработиой плате, пишет как раз обратное утверждеиие Граве: «Таким образом, от войиы ие пострадала лишь (да и то времеиио) квалифицироваииая верхушка рабочего класса, в то время как большая его часть, в лице малообучеииых и иеобучениых и квалифицироваииых рабочих, заиятых в «мириой» промышлеииости, поиесла иа себе все тяготы и лишеиия империалистической войиы чуть ли ие с первых месяцев после ее иачала». С этим вполие иадо согласиться, да и это подтверждает мысль т. Граве иа стр. 54—57. См. Вл. Лавреитьев, Заработиая плата в России прежде и теперь, изд. «Пролетарий», 1926 г., стр. 51.

жета, в какую сторону и за счет чего. Такой анализ открыл бы нам картину, которая косвенно действительно показывает, что общее положение квалифицированного передового рабочего ухудшилось. Та часть его бюджета, которая шла на культурные нужды и т. д., стала все более и более поглощаться частью продовольственной. Дороговизна все более и более поглощала ее, требуя для рабочей семьи дополнительного труда подростков, жены-хозяйки и т. д. Тут война провела очень глубокую борозду, в сравнении с «нормальным» временем капиталистической эксплоатации. Чернорабочий, особенно если он только что пришел из деревни, с этой стороны находился в «лучших» условиях и имел возможность даже «накоплять», отсылая в деревню бумажные рубли, правда, все больше и больше терявшие свою реальную ценность. Труднее обстояло дело у постоянных и потомственных чернорабочих и малоквалифицированных рабочих, уже потерявших связи с деревней. Недаром при каждой стачке квалифицированным приходилось выдвигать нисходящую скалу требований прибавки по мере увеличения получаемого заработка. Мы нигде не встречали, чтобы требовалась единая прибавка. Мало того: мы знаем, как уже в 1917 г. на Харьковском паровозостроительном заводе пришлось бороться за повышение оплаты труда чернорабочих. Так что, нам думается, положение Граве не соответствует логике борьбы рабочих и фактам.

Факты говорят об одном: бюджет рабочего при страшной дороговизне явно трещал по швам и особенно у малоквалифицированных рабочих. Квалифицированный слой рабочих военных отраслей был в более приличных условиях, хотя относительно и его положение ухудшалось. В данном вопросе оперировать теми или другими средними цифрами было бы трудно, ибо слишком много было различий в условиях российской промышленной действительности. Было бы также неверным переносить динамику явлений с индивидуального факта на общее, вне учета места и времени. Недооценивать тот тупик, куда уперлись взаимоотношения труда и капитала в вопросе оплаты труда, нельзя. Некоторые товарищи принимают снижение реального заработка на пять — двенадцать процентов и т. д., беря только средние проценты. Против резкого падения заработной платы выдвигают также довод, по которому следует, что тогда-де рабочий класс совершил бы революцию в начале 1916 г. Кроме этого, указывается на всероссийские индексы, которые не позволяют как будто утверждать о резком расхождении между приходной и расходной частями бюджета. Этот последний довод явно несостоятелен, ибо ниже мы покажем темп падения цен и более конкретные передвижки в повышении оплаты труда в сравнении с бюджетными индексами статистики труда. Нельзя также считать серьезным довод о революции, являющейся в результате низкой заработной платы. Ленин учил нас, какие надо брать основные факторы, чтобы характеризовать ими непосредственно революционную ситуацию, из которой следует революция (см. Собр. соч., т. XIII, Крах II Интернационала). В 1916 г. этого еще не было. С октября 1916 г. можно было уже считать назревание этой непосредственно революционной ситуации. Но об этом ниже.

Буржуазия в зависимости от условий районов имела различные основные линии в политике зарплаты. Основная суть этой политики сводилась всюду к одной формуле: как можно меньше уступать рабочим. Только натиск стачечной волны понуждал ее к уступкам. К середине 1916 г. она хотела положить конец притязаниям рабочих, но это вызвало большую летнюю и осеннюю стачечную борьбу. Рабочий класс в своей основной массе увидел к осени 1916 г., что вне прекращения войны, вне свержения царизма нет выхода из того тупика, куда зашли взаимоотношения труда и капитала в вопросе оплаты труда. Ведь не случайно, что вскоре же после Февральской революции рабочие многих отраслей требовали и добивались увеличения зарплаты больше чем в 2-3 раза. Это была решительная попытка восстановить соответствие между необходимой расходной частью бюджета и доходной.

3. Дороговизна в годы войны и рабочий класс

Экономические стачки в годы войны имели основой своей прежде всего и больше всего требование повышения зарплаты. Следовательно, экономическая борьба велась за сжатие или за остановку расхождения раствора «ножниц» между получаемой заработной платой и ее реальным выражением в предметах первой необходимости. Проще говоря, в условиях войны, в условиях общего расстройства народного хозяйства (транспорта в первую очередь) вопрос экономической борьбы сводился к продовольствию. Для промышленных центров в потребляющих районах данный вопрос в движении занимал решающее значение.

Становиться «целиком и полностью» на продовольственную точку зрения в об'яснении Февральской революции, как делает департамент полиции, мы, конечно, не намерены, но громадное значение продовольственного вопроса подчеркиваем. Подход наш и к продовольственной разрухе и к борьбе с дороговизной должен укладываться в рамки классово-выдержанных лозунгов и тактики, содержанием которых была борьба с самодержавием и борьба против войны. Лозунг против войны воплощался в действительность тогда, когда проникал во все, даже самые будничные вопросы рабочей жизни. Хлеба и сахара тебе, рабочий, не дают потому, что его спрятали банки, на нем спекулируют, а тебя обманывают; твои просьбы, твои требования, твоя самодеятельность, твои организации и т. д. разрушаются, подавляются и не принимаются в расчет потому, что это невыгодно власть имущим, благополучие и интересы которых охраняются всей совокупностью системы царизма, в интересах которых и ведется война, — долой войну! [1]). Приблизительно через такую логику жизненных фактов большевистские лозунги становились могучими факторами движения в революции, — движения, в котором некоторые хотят видеть одну только слепую

[1]) Очень интересно описывает т. Базанов громадное влияние бесхитростных речей рабочих-большевиков в отличие от меньшевистской учености на Харьковском паровозостроительном заводе., см. «Пролетарская революция», № 9 за 1922 г., стр. 130.

стихию или сцепление ряда счастливых случайностей, сваливших самодержавие.

Чтобы не быть голословными в вопросе о важном значении продовольственного вопроса, мы перейдем к доказательствам от... полиции. Вместо «ура» теперь кричат «караул», — пишет петроградское охранное отделение в докладе за октябрь 1916 г. «Продовольственный вопрос имеет сейчас если не единственное, то во всяком случае первенствующее и преобладающее значение». Массы пойдут за тем, кто их накормит, это учитывается всеми политическими партиями, наперебой предлагающими свои рецепты от продовольственной разрухи [1]).

Так, «центр» характеризовал положение, и сам тут же предвещал возможность крушения всей политики. Периферия не отставала. Костромской губернатор тоже считает продовольственную дороговизну основным вопросом внутренней жизни. Замечается, — пишет он в департамент полиции, — что в забастовках на этой почве «женщины проявляют гораздо больше упорства, чем мужчины». В другом месте он сообщает, что «все движение рабочих в г. Кинешме в 1916 г. стоит в связи с увеличением дороговизны на предметы первой необходимости».

Из соседней, Владимирской, губ. идут аналогичные сообщения от начальника губ. жанд. упр. Рабочие-де с Пасхи 1916 г. выйдут на работу, «так как все они ввиду недостатка харчей голодают, и многие питаются почти одним хлебом». Он далее радуется тому, что пока движение рабочих идет против фабричной администрации, так как она вместо увеличения расценки на работы обязалась доставлять продукты по пониженной расценке, а теперь заявляет, что не может подвезти их по независящим от нее причинам [2]). Харьковский губернатор еще в 1915 г., сообщая управляющему министерством внутренних дел о положении в губернии, пишет, что, по донесениям полиции, ожидается выступление рабочих, причиной чего он считает «замечаемое ныне вздорожание продуктов и предметов первой необходимости». Причину вздорожания он видит в сокращении подвоза и злонамеренной спекуляции [3]). Такие оценки о важности продовольственного вопроса, являвшегося подпочвой экономических волнений, можно встретить в делах всех губерний. В нашу тему не входит задача анализировать причины дороговизны. В основном эти причины коренились в общем напряжении народного хозяйства, обслуживающего войну. Конкретно дороговизна зависела от падения курса рубля, развала транспорта, разрыва экономических связей между отдельными районами, от неумелой, бессистемной и насквозь противоречивой продовольственной политики царизма, а также развернувшейся бешеной спекуляции, заразившей весь торговый аппарат, начиная от приемных министров, бирж, контор и т. д. вплоть до последней канцелярии городских управ и мелкого лавочника. Все мероприятия по урегулированию продовольственного вопроса, начиная от частой смены министров земледелия и создания всевозможных комиссий до таксировки

---

[1]) «Красный архив», т. XVII, стр. 22.

[2]) Дела деп. пол., № 11, ч. 2, по Владимирской губ. за 1916 г.

[3]) Архив рев. и вн. п., дела деп. пол., № 33, ч. 2, за 1915 г.

цен городскими управами, достойны пера анекдотиста. И это не преувеличение. Вся серьезная экономическая литература кричала в один голос о беспочвенности мероприятий центральной власти, местных земств и городских управ[1]). В продовольственном вопросе боролись различные тенденции, которые вытекали из разных групповых и классовых интересов. Рабочему классу и вообще городской бедноте приходилось на своих плечах выносить тяжесть и всю неустроенность потребительского рынка. Вся шумиха, особенно так называемых комиссий по борьбе с дороговизной и по изучению современной дороговизны, не облегчала положения рабочих. Все это было платонической возней левых слоев городской буржуазии и демократически и патриотически настроенной интеллигенции.

В чем конкретно выражалась дороговизна? Для каких районов больше всего? Как влияла она на рабочего, его сознание, активность и т. д.? — Вот ряд вопросов, интересующих нас.

Когда мы приводили цифры о движении зарплаты, то все данные говорили о том, что в своей массе, беря все существующие прибавки, она поднялась к осени 1916 г. от 20% (глухие места) до 60%. Только отдельные категории рабочих-специалистов, работавшие урочно, довели увеличение до 100%. Другая картина получается при рассмотрении расходной части бюджета рабочего. В 1917 г. буржуазия особенно яростно нападала на рабочий класс за его требование увеличить заработную плату, аргументируя тем, что увеличение ее является причиной дороговизны. Все беды, по ее мнению, были от «высокой» зарплаты рабочих. В 1915 г., когда рабочий класс только еще начинал расправлять плечи от временной летаргии, когда не было налицо никаких прибавок, дороговизна уже давила во-всю низшие слои населения. Н. А. Рожков[2]), беря цены 1913 г. за 100, показывает, как росли цены на предметы питания в это время:

	Декабрь 1914 г.	Декабрь 1915 г.		Декабрь 1914 г.	Декабрь 1915 г.
Пшеница	107,9	162,2	Сахар раф. . . .	115,6	155,6
Пшеничная мука .	107,2	150,9	» пес.	107,6	144,9
Рожь	133,6	178,5	Мясо	94,6	136,7
Ржаная мука . .	127,0	189,9	Масло	106,6	195,4
Овес	162,9	224,1	Соль	140,3	242,8
Ячмень	103,9	140,9	Гречн. крупа . .	148,6	222,7
Пшено	145,5	200,8			

Это — общие данные. Рост цен по отдельным районам для разных видов продуктов обозначался резче. Говоря в скобках, Рожков вопрос об обособленности отдельных районов прямо модернизирует в обратном

[1]) Проф. Воблый, К вопросу о современной дороговизне, «Известия Киевской городской думы», № 1 за 1915 г.; «Экономическое обозрение», № 1 за 1916 г., ст. Прокоповича; Архив Н. Х., К. и Б., фонд м-ва торг. и пром., дело № 29, отдел торговли, «Городское дело», № 9 за 1915 г.

[2]) «Летопись», кн. V за 1916 г. Его ст. «Дороговизна».

смысле, считая, что Россия с этой стороны была отброшена «лет на 200 назад», что явно преувеличено и в чем явно принижена и умалена роль действующих суб'ектов (торгово-промышленной буржуазии) в угоду географическим факторам. Не надо забывать сознательной политики, сознательной игры на повышение цен [1]). Ведь в спекуляции и нарушении твердых цен замешаны были даже многие лица из «сфер» и сам министр земледелия Риттих.

В Ярославской губ. [2]) цены на предметы потребления поднялись с 100 в 1914 г. до 227 к апрелю 1916 г. На мануфактуру 100 и 283, а аптекарские товары 100—639. Если же взять заработок сельскохозяйственного рабочего (а в текстильном районе он был в это время недалек от заработка рабочего на фабрике), то вырос он со 100 до 142. Данные по Петрограду, приведенные тов. Шляпниковым [3]), тоже говорят, что цены от довоенного уровня поднялись к декабрю 1916 г. в 2—6 раз, смотря по продукту.

Надо отметить, что в 1916 г. цены еще интенсивнее шли вверх, несмотря на хороший урожай хлебов в 1915 г. Взятые за 100, январские цены 1916 г. по Москве к февралю 1917 г. дают: хлеб печеный и крупа разная (таксированн. цена) — 141, мясо разное — 249, мясные изделия — 252, рыба разная — 208; овощи к январю 1917 г. — 328, молоко — 191, молочные продукты — 238. Общее повышение по всем видам за год (от января до января) 100—197 [4]).

Интересные данные приводит петроградское охранное отделение о ценах 1914 и 1916 гг. (к 1 ноября), заимствованных им из таблиц, собранных петроградскими биржами. Поскольку цены в данных таблицах очень конкретны, так как фиксировались на биржах, мы их целиком приведем и в абсолютном и процентном росте. Прежде всего пищевые продукты (см. табл. на стр. 242).

Приведя цены, охранка пишет, что доходы в такой пропорции, помимо мародеров, ни у кого не возросли. Интеллигенция — чиновник, учитель, художник, писатель — увеличила свой заработок на 50—75%; приказчики, ремесленники, мелкие торговцы — на 100—150%; рабочие специалисты предприятий, работающих на оборону, — на 150—200%, но лишь единицы могут сказать, что их заработок вырос на 200%, следовательно, единицы могут жить так же, как жили раньше. Удел широких слоев городского населения, в первую голову рабочего, — стоять у лавок в хвостах и мерзнуть, чтобы получить булку цвета «хаки» и колбасу из... картошки [5]).

По этим цифрам уже можно себе представить картину под'ема цен потребительского рынка. Передвижка их в сторону увеличения к концу 1916 г. громадная. Если с этим увеличением цен сравнить уве-

---

[1]) Об этом см. ст. проф. Огановского Врачу исцелися сам, газета «Волжский день», ст. 1 марта 1917 г.
[2]) «Экономическое обозрение», № 1 за 1916 г., стр. 178.
[3]) «Канун 1917 г.», кн. II, стр. 62.
[4]) «Статистика труда», № 1 за 1918 г.
[5]) Архив рев. и вн. п., дела деп. пол., № 347 за 1916 г., особ. отд. о рабочих группах при военно-промышленных комитетах.

	1914 г. Р.	1914 г. К.	1916 г. Р.	1916 г. К.	Повыш. в %		1914 г. Р.	1914 г. К.	1916 г. Р.	1916 г. К.	Повыш. в %
Молоко бут.	—	8	—	20	150	Кильки	—	25	1	—	400
Мясо	—	24	—	48	100	Селедки	—	8	—	30	360
Хлеб черн.	—	2½	—	6	125	Шпроты	—	40	1	60	400
» бел.	—	5	—	25	500	Грибы	—	45	4	60	1000
Масло стол.	—	48	4	—	830	Куры 1 шт.	—	90	4	—	400
Ветчина	—	60	1	48	130	Цыплята 1 пара	—	80	4	—	500
Колбаса копч.	—	60	4	—	660	Огурцы 1 шт.	—	2—3	—	10—12	500
» чайн.	—	36	—	72	100	Варенье 1 ф.	—	25	2	—	800
Сыр швейцарск.	—	40	2	—	500	Карамель 1 ф.	—	30	1	20	400
» голландск.	—	30	1	50	500	Шоколад лом	—	40	2	—	500

Обувь, одежда

	1914 г. Р.	1914 г. К.	1916 г. Р.	1916 г. К.	Повыш. в %		1914 г. Р.	1914 г. К.	1916 г. Р.	1916 г. К.	Повыш. в %
Сапоги высок.	10	—	40	—	400	Перчатки	1	—	5	—	500
Штиблеты	8	—	30	—	350	Руб. полотно	1	50	6	—	400
Брюки	8	—	40	—	500	Носки прост.	—	20	1	—	500
Костюм (тройка)	25	—	100	—	400	Чулки	—	40	2	—	500
Пальто зимн.	50	—	150	—	300	Воротн.	—	45	—	90	100
Шляпы мягк.	3	—	9	—	300	Галстук	1	—	7	—	700
Галоши	1	50	9	—	600	Платки пух.	4	—	20	—	500
Детская обувь	2	—	10	—	500	Ремешки	—	20	1	—	500
Туфли мягк.	—	30	2	10	700	Шнурки	—	5	—	40	800

Другие предметы первой необходимости

	1914 г. Р.	1914 г. К.	1916 г. Р.	1916 г. К.	Повыш. в %		1914 г. Р.	1914 г. К.	1916 г. Р.	1916 г. К.	Повыш. в %
Стекло для ламп	—	10	—	75	750	Газеты	—	—	—	—	100
Керос. 1 ф.	—	5	—	10	100	Часы-будильник	1	50	9	—	600
Ножи и вилки. 1 дюж.	2	—	12	—	600	Стул гнутый 1 шт.	2	—	8	—	400
Ложки чайные 1 дюж.	1	20	7	20	600	Дрова бер. 1 саж.	7	—	28	—	400
Тетради	—	3	—	10	330	Дрова сосн. 1 саж.	4	—	20	—	500
Каранд.	—	5	—	15	300	Гребенки	—	15	1	—	650
Чернила	—	5	—	20	400						

личение заработка рабочих, то картина получается другая. Поденный заработок рабочих основных производств равнялся:

Группы производств	1914 г. в зол. коп.				1916 г. в кредитн. коп. [1])				
	Число обслед. рабоч.	Взрослые		Все рабоч. (включая подрост. и малолет.)	Число обслед. рабоч.	Взрослые		Все рабоч. (включая подрост. и малолет.)	Для всех рабочих, 1914 г. в зол. за 100, дает в 1916 г.
		м.	ж.			м.	ж.		
Обработка волокнистых веществ	604 447	101	72	80	574 516	179	117	129	161,0
Производство бумажное и полиграфическое	32 829	144	67	112	29 450	246	114	174	155,3
Производство машин и орудий	190 000	202	83	185	307 393	419	189	350	189,2
Химич. производство	41 834	139	89	112	46 649	276	184	217	190,0
Все гр. промышленн.	1 058 426	141	72	107	1 136 171	298	128	203	190,0
Число взрослых рабочих в процентах	—	54,3	34,4	—	—	46,0	40,7	—	—

Хотя и суммарная, но все же динамичная, таблица показывает, насколько увеличилась к концу 1916 г. зарплата рабочих от золотой копейки к бумажному рублю. Закономерность движения заработка в отдельных группах также верная. «Мирная» бумажно-полиграфическая отрасль меньше увеличила заработок. Следующей идет текстильная промышленность, как наиболее наводненная женским трудом. Выше всего по химической промышленности, выдвинувшейся в годы войны на первое место, где труд более всего опасен и требует так же, как и в металлической и механической, определенной квалификации. Итак, средняя роста дает для всех производств — 90%. Если мы сравним с ней бюджетный индекс статистики труда и Госплана, то различие между ними будет очень резкое. Стоимость бюджетного набора, взятая для 1913 г. за 1, на 1 января 1917 г. уже равняется 2,94 для СССР и 3,06 для Москвы [2]).

Чтобы сравнить темп роста стоимости бюджета и заработка, надо еще иметь в виду, что бюджетные цены несколько ниже конкретных рыночных цен.

---

[1]) «Наемный труд в России», вып. I, под ред. Струмилина, изд. «Вопросы труда», стр. 29.

[2]) Там же, стр. 52.

Если указанный в таблице средний дневной заработок промышленных рабочих показать диференцированно, в зависимости от величины, то картина получится еще интереснее, ибо она позволяет проследить движение заработка у разных категорий труда рабочих. Беря те же отрасли, что и в первой таблице, мы получим:

Группы производства	Число раб., вош. в подсчет	Из них % рабочих с дневным заработком								
		До 50 к.	50—75 к.	75 к.—1 р.	1 р.—1 р. 50 к.	1 р. 50 к.—2 р.	2 р.—2 р. 50 к.	2 р. 50 к.—3 р.	3 р.—4 р.	4 р. и выше
1914 г.										
Обр. волокн. вещ.	604 447	20,14	34,42	24,04	16,63	3,24	0,96	0,30	0,18	0,09
Буман.-полигр. . .	32 829	18,74	22,85	17,68	18,02	10,78	5,54	3,03	2,22	1,14
Обработ. металла, производ. маш. и оруд.	190 000	4,58	8,20	9,69	22,58	19,24	14,15	8,94	7,91	4,71
Химич. произв. . .	41 834	14,67	19,25	16,28	30,66	10,03	4,75	2,46	1,42	0,48
По всем 14 произв.	1 058 426	16,41	25,99	20,53	19,40	7,95	4,32	2,39	1,93	1,08
1916 г.										
Обр. волок. вещ. .	574 516	4,50	11,32	21,35	35,55	15,32	5,52	2,17	1,50	0,77
Бум.-полигр. . . .	29 450	8,87	11,40	14,11	22,03	15,03	8,45	6,81	7,46	5,84
Обработ. металла, производ. маш. и оруд.	307 393	0,85	2,15	4,19	12,05	11,39	11,10	10,72	15,76	31,79
Химич. произв. . .	46 649	3,48	6,54	9,08	19,27	18,10	13,53	10,49	9,50	10,01
По всем 14 произв.	1 136 171	3,72	8,36	14,70	27,73	14,36	7,92	5,62	6,77	10,82

Интерес таблицы несомненный, ибо она показывает корни экономических стачек текстильщиков, пассивность печатников (до конца 1916 г.; в январе 1917 г. они себя очень проявили). Таблица показывает также, в каких отраслях могла быть тоненькая прослойка рабочей аристократии, давшая вождей российского социал-шовинизма.

Как известно, вопросы питания рабочих для буржуазии были очень серьезными и потому, что надо поддержать их организм, как рабочую силу, и потому, что для капиталиста было не безразлично, куда идут средства, отдаваемые им рабочим в качестве зарплаты. Как правило, каждый предприниматель старался снабжать своих рабочих сам. В годы войны это приняло особо выдающееся значение, в связи с дезорганизацией рынка. На этом снабжении буржуазия вела очень тонкую политику борьбы с забастовочным движением и ловко, как аферист, наби-

вала свои карманы, обкрадывая и без того нищенский бюджет рабочих. Отличались в этом особенно провинциальные промышленные центры. Этим об'ясняется, что там движение в первое время носило характер борьбы за хлеб, и только тогда, когда рабочие убедились, что в хлебе скрыта политика, что мораль буржуазии о желании накормить рабочих есть гнусная фальшь, — провинциальный пролетариат дал образцы политической непримиримости к буржуазии, дал образцы великого героизма и жертв, обгоняя иногда в этом столицы.

Начальник Орловского губернского жандармского управления сообщает, что «рабочие Брянского завода волнуются, так как им завод продает муку плохого качества. По докладу пунктового унтер-офицера (жандармского. — С.), продаваемая мука слежалась камнем, прогнила; приказчики и пленные австрийцы эту муку разбивают железными ломами и деревянными кувалдами на глазах у мастеровых, и продают ее последним». Это в сентябре 1916 г., а 15 ноября он же пишет, «что среди рабочих Брянского завода имело место до 500 случаев разных желудочных заболеваний, будто бы от грязной питьевой воды, но так как у окрестного населения таких заболеваний не было, то сами рабочие держатся другого мнения, что это от хлеба, покупаемого в заводском магазине, а также от муки, которую рабочие покупают там же» [1]).

Все это говорит за то, что дороговизна, вызванная войной, всей своей тяжестью легла на рабочий класс, проникала и разрушала его быт, подрывала его здоровье, индивидуально и как класса в целом. Каждый проработанный день приносил рабочему все новые и новые доказательства, что война — это грабеж, что власть и ее видимая забота (борьба с дороговизной) — лишь фикция, потому что она касается лавочника, а не торгово-промышленных акул, спокойствие которых и призвана охранять власть. Видя это, рабочий класс делал отсюда соответствующие выводы, изменяя свой взгляд на окружающие его явления.

В об'яснительной записке к смете министерства торговли и промышленности на 1917 г. питанию рабочих отводилось большое место, так как стачечная волна рабочих требовала не только репрессий, но и трезвой политики. Названное министерство было с давних пор министерством буржуазии, поэтому, отмечая необходимость организации фабричных лавок, потребительских товариществ рабочих и служащих, центр всей этой системы организации отдавался в монопольное владение буржуазии с участием правительственных фабричных инспекторов и горных инженеров. Министерство считало, что «государственное вмешательство в дело разрешения рабочего вопроса при нормальном ходе промышленности имеет свои границы, ибо известная свобода действий как рабочих, так и предпринимателей является необходимым условием здорового развития промышленной жизни. С другой стороны, не все элементы положения рабочих, требующего улучшения, могут составить предмет законода-

[1]) Дела деп. пол., № 48, ч. 11, т. II, Рабочее движение по Орловской губ., за 1916 г.

тельного воздействия» [1]). Здесь, как видим, откровенное признание в том, что рабочий класс — это предмет заботы самих предпринимателей.

Совещанием в ставке 28—29 июля 1916 г. было решено снабжать рабочих и их семейства всех заводов, работающих на оборону, из запасов военного ведомства в размере солдатского пайка. Предполагалось, что сюда войдут все заводы и фабрики Москвы и Петрограда, все казенные заводы артиллерийского ведомства вне Петрограда и Москвы и до 30 металлургических заводов и горнопромышленных предприятий юга, работающих на оборону. Всего с числом рабочих до 700 тыс., а с членами семей около 2 100 000 чел. [2]). Переводить всех рабочих на солдатский паек боялись из-за возможной недостачи продуктов и потому, что не все заводы к этому подготовлены, так как в них нет соответствующих складов, лавок, хлебопекарен, а если и есть, «то носят больше показной характер и своими ничтожными размерами не отвечают широте проектируемого мероприятия». Названные мероприятия были изложены в «правилах» о порядке, норме и проч. условиях снабжения. Поскольку вся эта шумиха исходила из военного ведомства, то «правила» и весь вопрос называли шуваевским проектом (военный министр Шуваев). 23 сентября 1916 г. «правила» обсуждались на заседании особого совещания по продовольствию. Председателя Бобринского (министра земледелия) замещал А. Н. Неверов (товарищ министра земледелия), который, изложив суть вопроса, просил членов совещания высказаться. Прежде всего надо сказать, что проект основной своей целью ставил «борьбу с необеспеченностью заводских рабочих и их семей и (борьбу. — С.) с забастовочным движением». После председательствующего Неверова слово взял председатель совета с'ездов горнопромышленников юга России, член Гос. совета, Дитмар. Он доказал, что означенные «правила» идут вразрез с уставом о промышленности и обрушился на них со всей свойственной ему резкостью. Строить лавки, склады, хлебопекарни, кипятильники, ставить плиты для разогревания рабочим холодной пищи и т. д.! Да что вы?! Да где это в законе сказано? Да как можно это проводить без законодательной санкции?! «Если даже означенные обязательства будут возложены на фабрикантов и заводчиков новым законом, то все-таки, по существу, они окажутся неисполнимыми. У заводов и фабрик нехватит ни сил, ни средств, ни помещений. И такой порядок внесет лишь обострение в отношения фабрикантов и заводчиков и рабочих, которые, основываясь на законе, пред'явят к ним совершенно невыполнимые требования. Военное министерство не должно касаться внутреннего распорядка в отношении фабрикантов и заводчиков к рабочим. Правительство должно озаботиться поставкой продуктов на фабрики и заводы, дальнейшее же распределение продуктов должно

---

[1]) «Известия ЦВПК», № 25, от 21 февраля 1917 г.

[2]) Архив Н. Х., фонд м-ва торг. и пром., дело № 2, доклад по главному интендантству.

лежать на заводоуправлении непосредственно» [1]). Далее, чувствуя, что он слишком «загнул», он требовал, чтобы «правила» были предварительно обсуждены обществом фабрикантов и заводчиков Петрограда и Москвы, советом с'ездов горнопромышленников юга и Урала, советом с'ездов биржевой торговли и др.

Дитмар в первую очередь был поддержан представителем министерства торговли и промышленности И. К. Окуличем, который тоже считал, что кормежка рабочих — дело заводоуправлений. Выдвигая другие мотивы, но по пути присоединяясь к Дитмару, говорили против проекта член Гос. думы Востротин, П. Б. Струве, Воронков, Д. И. Шаховской, Громан и др. Возражал всем им и настаивал на скорейшем осуществлении мероприятий по питанию рабочих пом. главного интенданта генерал Акимов, мотивируя свои доводы необходимостью наилучшего обеспечения армии, избежания остановки заводов и предотвращения забастовок.

Со всякими благовидными оговорками была принята такая резолюция, которая удовлетворила всех. Вопрос был положен пока под сукно.

Мы не будем останавливаться на вопросе эволюции взглядов буржуазии (она, как известно, несколько времени спустя согласилась на проект Шуваева) [2]), характерно только то, что данным шуваевским проектом подводилась некая база под необходимость милитаризации труда. Буржуазия, как известно, относилась к милитаризации ранее отрицательно. Это убедительно доказал и Дитмар своим выступлением, так как было ясно, что проект милитаризации означал вмешательство военного ведомства в отношения труда и капитала. Военное ведомство при министре Поливанове (которого буржуазия считала все же больше своим) само отрицательно относилось к милитаризации. Шуваев был креатурой «сфер», которые хотели милитаризации, и поэтому решение ставки о пайке для рабочих военное ведомство теперь так рьяно защищало, ибо это подводило базис под милитаризацию. Об'яснение смене взглядов буржуазии надо искать в военных проблемах и в сильной волне стачек, которые напугали буржуазию. «Внутренний мир» на зиму 1916/17 г., нужен был для подготовки запасов к весенней кампании на германском фронте. Мы не сомневаемся в том, что план этот нашел бы ту или иную реализацию, если бы не «но»... Это «но» заключалось в том, что все планы строились вне учета и помимо воли рабочего класса.

Рабочий класс, в лице своих представителей, еще на московском совещании по борьбе с дороговизной говорил о бесплодности всех полулиберальных, полуученых разговоров о «борьбе» с дороговизной. «Рабочие в подходе к решению вопроса дороговизны стоят на классовой точке зрения, — говорила резолюция московских большевиков на совещании по борьбе с дороговизной. — Организация и ведение войны

[1]) Архив Н. Х., фонд м-ва торг. и пром., д. № 2 (подчеркнуто нами).

[2]) Лесницкий, Социал-демократы и революционное подполье Москвы, стр. 150.

не есть наша задача. Наша задача — добиться во что бы то ни стало мира, а осуществить его можно путем восстановления международного Интернационала и воздействием об'единенных рабочих на правительства всех стран» [1]). Петроградец-рабочий Кисленко прямо говорил в прениях, что дороговизна лежит в основе капиталистического строя, война ее только усугубила. Рабочий класс понимал, что дело не в хороших речах о дороговизне и не в том, что кто-то допустил ошибку в плане снабжения продовольствием населения. Все эти Кривошеины, Наумовы, Бобринские, Риттихи, Протопоповы и пр. суть пешки. За ними стоят группы, классы. «Беда не в Протопоповых и не в том, чтобы требовать их смены», говорил от имени всего рабочего класса рабочий Лесснеровского завода Самодуров 25 февраля 1917 г. на заседании Петроградской городской думы, тогда, когда уже в продовольственном вопросе был безвыходный тупик. Беда не в них, а в системе. «Дела мы не поправим, если на современный государственный аппарат будем накладывать заплаты; его надо уничтожить до основания. Только тогда наступит успокоение, если современная правительственная система будет вырвана с корнем» [2]).

Из того, что сказано представителем рабочего класса, видно, как правильно поставлен диагноз. Оставалось только приступить к ампутации больного органа.

Процесс вызревания сил для решительной ампутации абсолютистской системы все же требовал времени и в такой обстановке, как империалистическая война, и рабочий класс, на-ряду с политической борьбой, вел борьбу и на продовольственном фронте, создавая потребительские общества, рабочие кооперативы и т. д. Надо сказать, что в литературе нет хоть сколько-нибудь собранных материалов, выясняющих размах кооперативного движения. Несомненно только то, что за годы войны рост рабочей кооперации получил большой размах. Такие кооперативы, как на Выборгской стороне в Петрограде, как «Об'единение» в Харькове (25 000 членов), как «Самопомощь» в Саратове, были уже в большом числе. Важно, что рабочая кооперация освобождалась или, вернее, раскрепощалась от сотрудничества с предпринимателями. А. Николаенко [3]) приводит на январь 1917 г. цифру кооперативов до 20 000 с числом членов не менее 7 млн. человек. Как велика была в этой цифре чисто рабочая кооперация, — сказать трудно. Важно отметить, что дело было поставлено на правильные рельсы в экономическом смысле, хотя с политической точки зрения взгляд даже на рабочую кооперацию не всегда был такой же, какой высказан в резолюции представителями рабочих на московском совещании в июле 1915 г. Этим, между прочим, об'ясняется, что ПК (большевиков) осторожно подходил к вопросу кооперативного строительства. Правильно считая, что одним из исходных пунктов революционной

---

[1]) Лесницкий, Социал-демократы и революционое подполье Москвы, стр. 150.

[2]) Шляпников, «1917 г.», кн. I, прил. 21 (подчеркнуто нами).

[3]) См. его «Краткая история рабочего класса», изд. «Гудок», 1926 г., стр. 269.

борьбы является растущая дороговизна и усиленный рост налогов, которые ложатся тяжелым бременем на трудящиеся массы и (которые) способны двинуть их на революционную борьбу. ПК предупреждает членов партии и агитаторов, чтобы они, принимая активное участие в кооперативном строительстве, не забывали о самом главном — о «революционной организации населения». ПК указывал, что с точки зрения движения революции «организация населения, как потребителей, — это линия наименьшего сопротивления». Организация населения для ПК была не самоцель, что преследовали социал-патриоты, а необходимая предпосылка для революционных действий против самодержавия и буржуазии. Вне этой борьбы продовольственный кризис был неразрешим. Радикальное лечение может совершить революция. По такой линии и была установка ПК (б), коренным образом отличаясь от рецептов, предлагавшихся всеми оттенками меньшевизма.

В связи с вопросами дороговизны питания представляет интерес продовольственное движение, начавшееся в годы войны. Выливаясь часто в форму погромов, оно, естественно, не носит на себе черт политической осмысленности, но, с другой стороны, являясь единственно доступной и наиболее эффектной (по результатам) формой для действующих масс, продовольственное движение имело громадное агитационно-воспитательное политическое значение. В столкновениях на продовольственной почве карательная власть теряла позицию за позицией, а за ней теряла всякую базу в населении и власть верховная. Фетиш власти или символ власти (как любил выражаться Милюков) был окончательно подорван в годы войны в широчайших слоях населения. Для революции это — важный и психологический и политический факт.

Такие «продбеспорядки» Петроград первый начал 6 апреля 1915 г.; 8—9 апреля в Москве, на Преображенском рынке, дело кончилось избиением градоначальника Модля. 20 мая и 19 августа волнения были тоже в Москве, причем в последнем случае с убитыми и ранеными. 7 августа в Колпине — серьезные волнения, 26, 27, 28 и 29 мая 1915 г. весь иваново-вознесенский пролетариат бастовал или протестовал и демонстрировал на площади перед домом гор. управы по поводу дороговизны и отсутствия продуктов. Причем дело быстро дошло до обострённых отношений рабочих к приехавшему вице-губернатору [1].

2 июня 1916 г. большие беспорядки были в Канавине, Нижегородской губ., дошедшие до столкновений: были ранены чины полиции и произведены аресты. То же в селах Молитовке, Гордеевке, Бор. Давались приказы полиции прекратить беспорядки решительно, без колебаний и применяя, в случае надобности, оружие. 4 июля вспыхнуло продовольственное движение в Сормове, охватившее более 10 тыс. чел., с арестами до 100 чел.; 6 июня в с. Кантаурове было чисто женское волнение на почве дороговизны и спекуляции сахаром; 8 июня — в селе Хохломе; 9 июня — в с. Нурихе; 11 июня — в с. Якшени и Больш. Морелье. В Хохломе были избиты урядник и стражник, и отнято у них оружие. Характерно, что движение в селах — это уже был ответ, под-

[1]) Дела деп. пол., № 11, ч. 2, Владимирская губ., л. 77.

держка сормовского движения. В Вольске, Саратовской губ., 10 июля движение женщин, избиение городового, разгром лавок. В Сумах, Харьковской губ., 16 июня разгром магазинов и ранение исправника. 17 мая в Юнаковке движение женщин-солдаток с разгромом лавок и оказанием сопротивления полиции. 18 мая разгром в Лебедяни с избиением городового, а 19 мая там же движение новобранцев; 30 мая в г. Старобельске; 1 июля в Ахтырке; 12 июня в с. Александровском крупный разгром торговцев; 17 июня на ст. Великокняжеской погром с многотысячным убытком; 24-го в Таганроге разгром магазинов и раздача сахара женщинами-участницами. Причина,—как пишет во всех донесениях местная полиция,—«беззастенчивая спекуляция» и халатное отношение городских управ к нуждам населения. Действующими лицами как в Нижегородской, так и в Харьковской губ. были женщины, часто в роли руководителей были вернувшиеся с фронта солдаты. В Сумах толпа была так настроена против полиции, что при виде побитого исправника кричала «ура». Только вмешательство юнкеров из кадетского корпуса под командой подполковника Боярского положило конец движению.

27 и 28 июня в Костроме было большое продовольственное движение. Причина и в Костроме по таксе — нет сахара, хлеба, мыла и др., а за 70—80 коп. сахара можно получить сколько угодно. Одним из крупнейших, как мы уже говорили, было движение 14—16 февраля 1916 г. в Баку, с массой разбитых складов, магазинов, лавок, винных подвалов. Женщины беспощадно избивали полицию. Успокоилось или, вернее, подавлено движение было 17 февраля. Арестовано 100 мужчин и 68 женщин. Раненые — как с той, так и с другой стороны. Погром отличался резкостью и упорством столкновений, так как терпению массы пришел конец [1]).

Короче говоря, летом 1916 г. почти каждый российский город и городишко знал продовольственное движение [2]). Не разбираясь в вопросе об участии рабочих в данном продовольственном движении и о размерах этого участия и т. д., надо сказать, что размах движения в деле активизации масс сыграл большую роль. Как бы отрицательно мы ни относились к продпогромам как формам движения, но, поскольку они тысячами нитей связаны с рабочим настроением, обойти их нельзя, ибо социальным суб'ектом продовольственного движения был часто сам рабочий или его собрат по городским условиям жизни, которому грозил голод, вымирание. Все это, несомненно, ускоряло процесс революционизирования масс, приобщало массы практически к начальным и элементарным формам гражданской войны. Продовольственное движение в величайшей степени способствовало работе революционной партии, как Ленин писал: «Раз'яснить массам, что налицо есть величайшей силы исторический двигатель, который порождает невиданный

[1]) Факты этих страниц о движении заимствованы нами из очень точных сведений, какими являются рапорты уездных исправников, как непосредственно соприкасающихся с массой.

[2]) Роль женщины во всей этой волне движения достойна кропотливого собирания материалов для будущей истории о роли женского пролетариата в Октябрьской революции.

кризис, голод, неисчислимые бедствия. Этот двигатель — война... Он заставляет народы напрягать до последней степени все свои силы, он ставит в невыносимое положение, он ставит на очередь дня не осуществление каких-нибудь теорий... а проведение самых крупных крайних практически возможных мер, ибо без крайних мер — гибель, немедленная и безусловная гибель миллионов людей от голода [1]).

Несомненно, это стремление спасти себя от голода лежало в основе продовольственного движения городского населения. Но этот фактор стал основным стержнем революционной борьбы тогда, когда в него были внесены политические стремления, когда массы уяснили тесную связь продовольственного кризиса с войной и со всем социально-политическим строем России. Такая картина уже накануне Февраля говорит о более мощной базе революции, чем в 1905 г., что заранее давало все шансы на ее быстрый и бескровный успех.

---

[1]) Ленинский сборник, т. II, стр. 354, изд. 2, Письма издалека.

Глава четвертая

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ ОТ НАЧАЛА ВОЙНЫ ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Общая оценка стачечной волны от начала войны до Февральской революции

Тов. Ленин в своей статье «О стачках», написанной в 1899 г.[1], писал, что «стачка учит рабочих понимать, в чем сила хозяев и в чем сила рабочих, учит думать не об одном только своем хозяине и не об одних только ближайших товарищах своих, а о всех хозяевах, о всем классе капиталистов и о всем классе рабочих». Стачка открывает глаза на классовую суть законов и правительства. Ленин назвал стачку «школой, в которой рабочие учатся вести войну против своих врагов за освобождение всего народа и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капиталистов».

С 1899 г. много прошло времени. Рабочее движение за эти протекшие годы именно показало как стачка являлась школой, где русский рабочий класс учился вести непримиримую борьбу с царизмом и капитализмом.

Вне этой школы, вне классово-революционного руководства стачками правдистски-большевистскими слоями рабочий состав военных годов дал бы более обильную пищу российскому социал-патриотизму, чем это имело место.

Но не только это. Пролетариат оправдал и дальнейшую мысль Ленина, показав мировому рабочему движению, что стачка — это только одно из средств борьбы, — одно, но не единственное, почему уже в 1905 г. она переходила в высшую ступень движения — вооруженное восстание.

Переходя теперь к самой картине стачечного движения, мы должны прежде познакомиться с общим ходом движения, выраженным в сравнительном цифровом материале[2]). Общая картина движения военных годов видна из таблицы (см. табл. IV, в приложении).

Данная таблица показывает тенденцию стачечной волны, переход от борьбы экономической к политической, «за освобождение всего на-

---

[1]) «Три неизданные статьи», «Пролетарская революция», 8—9 за 1924 г.

[2]) Цифры, которыми мы будем оперировать, являются цифрами официальными и касаются предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции.

рода и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капиталистов». На-ряду с этим таблица дает представление об абсолютных и относительных величинах, о их тенденции по годам. Надо иметь в виду, что картина была бы более рельефной, если бы в подсчет включить данные о казенных заводах. Иметь это в виду надо обязательно, так как в приведенной таблице 32% участников забастовок за январь — февраль 1917 г. по отношению к общему числу рабочих — цифра далеко не точная.

Мы считаем, что годовые итоги менее показательны, поэтому общую сумму годовых цифр мы дадим в другой комбинации (см. табл. V, на стр. 330). Диктуется это тем, что непосредственно революционную ситуацию можно и должно связывать не со всем 1916 г., а только начиная с октября. Октябрьские стачки 1916 г, — вот, по нашему мнению, начало революции, так как к этому времени стал более прочным союз рабочих и армии.

Таблица показывает три, конечно, условно, но ярко очерченных периода в стачечной волне за годы войны. Мы сказали «условно» потому, что, напр., в 1915 г. сентябрьские стачки дали 87 621 участника по политическим мотивам, из которых 62 221 участник падает на Петроград. Но это не дает нам оснований считать, что здесь мы имеем дело с началом всеобщей стачки, с началом революции. Это было позже, осенью 1916 г.

Каждый из отмеченных на таблице периодов имеет свои особенности. В самом деле, первый период массового разгрома рабочих организаций, массовых арестов рабочих, партийных коллективов; период замешательства общих рядов по поводу войны и крупнейших фактов из области международного движения (поведение II Интернационала, поведение Плеханова и др.) — все это нашло свое выражение в упадочности настроения и движения за указанные первые восемь месяцев. Горизонтальные ряды цифр как в первой годовой таблице, так и данной по периодам говорят за это. Сложнее дело обстоит со вторым периодом, поскольку он охватывает вдвое большее число месяцев.

Прежде всего, это — период поворота от вынужденного затишья к широкому движению. Это период роста дороговизны, обострявшегося продовольственного вопроса для рабочих районов (текстильный), установления полукрепостнических условий труда и милитаристического режима и т. д. и т. п. Преобладающий экономический фон борьбы подтверждает это. Стачки носят широкий характер, но сильна еще сопротивляемость государственной власти с ее атрибутами насилия. Третий период меняет картину. Вся периферия подготовлена к восприятию революции, но нанесение решающего удара достается больше всего на долю петроградского пролетариата. В октябре он уже имеет яркие примеры установившейся связи с армией, в лице полковых частей гарнизона. Движение в своей целеустремительности идет на революцию. Данный период совпадает с численным ростом, организационным и четким идеологическим оформлением партийных организаций. Рабочий класс не мог мириться со своим материальным положением; он не мог терпеть несоответствия дороговизны и получаемой зарплаты; он не мог снести

того, что под шум о «патриотическом долге» и пр. основную тяжесть войны буржуазия возложила на него. Рабочий класс видел, как попирались элементарные гражданские и политические права его, как класса, разнуздавшей себя военной диктатурой помещичье-буржуазного самодержавия. На это он ответил бурной волной экономических и политических стачек. По мере хода войны и углубления вызываемых ею противоречий и обострения положения, необходимость свержения самодержавия становилась все очевиднее для самых отсталых слоев рабочих. Отсюда все напряжение, с которым направлялся удар рабочих против царизма, и отсюда отрезвление от патриотического угара и рост протеста против войны за об'единение с рабочими других стран... Об этом, и только об этом, говорят приведенные общие цифры. Как стачечная волна нарастала, как конкретно выливалось настроение рабочих в требованиях, в лозунгах стачечной борьбы, — мы скажем ниже. Теперь познакомимся с итогами экономических забастовок. Что они дали рабочим? В чью они пользу кончились? Приведенная ниже табличка дает некоторый ответ на эти вопросы [1]).

Годы	Всего эконом. забастов. и число участв. в них	В пользу раб.		Компромисс.		Против рабоч.	
		абсол. числ.	%	абсол. числ.	%	абсол. числ.	%
1914	969 / 278 347	89 / 16 393	9,2 / 5,9	206 / 69 786	21,2 / 25,1	674 / 192 168	69,6 / 69,0
1915	737 / 360 682	232 / 73 121	31,5 / 20,3	320 / 200 864	43,4 / 55,6	185 / 86 697	25,1 / 24,1
1916	1 026 / 637 791	275 / 153 230	26,8 / 24,0	402 / 283 977	39,2 / 44,5	349 / 200 584	34,0 / 31,5
1917 (январь—февраль)	190 / 101 481	38 / 15 480	20,0 / 15,2	99 / 62 395	52,1 / 61,5	53 / 23 606	27,9 / 23,3

Таблица эта красноречиво говорит об эффективности забастовок. Касаясь во второй главе вопроса о наступательных или оборонительных стачках, мы отметили, как обстояло дело с 1913 г., и сказали, что буржуазия очень упорствовала, не уступая требованиям рабочих. Теперь, за 1914 г. исход забастовок говорит еще выпуклее об этом, так как довоенная кон'юнктура и особенно ближайшие месяцы перед войной грозили промышленным кризисом, почему буржуазия не могла итти на уступки рабочим так «охотно», как в предшествовавший период. Графа в «пользу рабочих» показывает, как колебалась уступчивость бур-

[1]) Составлена на осиоваиии «Материалов по статистике труда», вып. VIII, 1920 г. Верхние цифры, как абсолютиые, так и относительные, озиачают число забастовок, а иижиие — участников в них.

жуазии. Наибольший процент уступчивости буржуазии дал 1915 г., что вполне понятно, так как это — полоса всеобщего повышения цен на предметы потребления, что не могло не отразиться на некоторой уступчивости буржуазии. Вопиющее несоответствие роста рабочего заработка по отношению к росту цен на средства существования первое время буржуазия не могла не смягчить. Мы сказали также, что в разных районах эта прибавка к заработку рабочих проводилась не одновременно. Зависело это, безусловно, от степени активности рабочих в том или другом промышленном районе. В глухих пермских районах, на Гусе-Хрустальном, на стекольных фабриках, Мальцевских заводах рабочие только в конце 1915 г. и начале 1916 г. добились прибавки. Характерно, что уступчивость буржуазии к концу 1916 г. и началу 1917 г. дает снижение. Цифры за четыре месяца 1916 г. наглядно позволяют доказать это упорство капиталистов, которые считали, что в общем, уровень заработка в конце 1916 г. достаточен и прибавлять больше не следует, — отсюда рост безрезультатных стачек и компромиссных.

К тому же сама промышленность начинала переживать или чувствовать конвульсии то топливные, то сырьевые. В конце 1916 г. и начале 1917 г. печать тревожно смотрела на перспективу хозяйственного развития и особенно демобилизации промышленности. Страхуя себя от возможных капризов рынка, буржуазия не хотела поступиться своим кошельком, перенося всю тяжесть на спины рабочих и думая на них отыграться. Итак, эти четыре месяца показывают рост упорства. И что важно, — неудачей кончаются более крупные забастовки.

Месяцы и год	Всего возникло экономич. стач. и уч. в месяце	Из них кончились [1]		
		Полным удовлетвор. рабочих	Частично	Отказом
Январь 1916	128 / 74 961	28 / 18 838	55 / 35 357	25 / 7 428
Апрель	150 / 96 302	43 / 12 451	44 / 41 803	40 / 14 130
Май	153 / 117 448	49 / 29 127	45 / 47 301	43 / 25 649
Октябрь	79 / 48 603	17 / 7 877	23 / 12 569	32 / 27 269

Указанные месяцы мы взяли не просто по случайному совпадению неуступчивости буржуазии в общей сумме экономических забастовок к концу 1916 г. Нет, это об'ективная тенденция в политике бур-

[1] Несовпадение итоговых цифр стачек и участников означает, что часть возникших в отчетном месяце забастовок не заканчивается и, следовательно, попадает в отчет следующего месяца.

жуазии, которая с середины 1916 г. думала покончить с притязаниями рабочих на повышение зарплаты.

Мы говорим о повышении оплаты труда потому, что для 1914 г. из всех экономических забастовок — 474 (48,9%) возникали по поводу зарплаты, в 1915 г. — 520 (72,7%); в 1916 г. — 871 (83,6%), а в 1917 г. (январь — февраль) — 148 (77,9%), с основным численно преобладавшим большинством участников всех экономических забастовок.

Касаясь других причин забастовок, нельзя не отметить одного явления: в 1914 г. было 349 забастовок из-за продолжительности рабочего дня, в 1915 г. — 18, 1916 г. — 19, а в 1917 г. — 1 забастовка. Вопрос о рабочем дне, как причине протеста, отпал в связи с войной.

Дают увеличение забастовки, вызванные тяжелыми условиями труда, фабричного быта и распорядка. По годам это выражается так: в апреле 1916 г. мы имеем 7 забастовок с 1 383 участн., в мае — 12 заб. с 9 078 участн., а в октябре — 16 забастовок с 21 619 участниками. В мае требования этого характера преобладали в Петрограде, а в октябре — в Твери, Костроме и Петрограде. Рабочий класс уже настолько вырос, настолько стал чувствителен к поведению мастеров, высшего технического персонала, правилам общего распорядка и т. д. (к примеру: новая редакция какого-нибудь важного пункта в расчетных книжках вызывала отпор), что стал все чаще реагировать на устранение этого.

Нам думается, что рост такого вида требований имеет свою логику, основа которой — безвыходное положение рабочих и неуступчивость капиталистов в повышении зарплаты.

Исход политических стачек не мог реализоваться непосредственно после каждой стачки. Они выполняли свое дело расшатывания устоев царизма, они вырывали у него из-под ног всякую производственную и политическую базу. Если буржуазия, отказавшись от самодержавия, могла бы помириться с конституционной монархией [1]), то рабочий класс на такое ублюдочное решение вопроса не пошел. Это показали мартовские дни. Политические стачки, как мы уже сказали, растут во втором периоде, но в мощное движение они развертываются в третьем периоде. Второй период дает 30,5% политических стачек к общему числу, а третий — 85%. Одно это сравнение говорит о силе и мощи размаха движения. Надо еще иметь в виду, что политические стачки второго периода (30,5%) были на протяжении 18 месяцев, тогда как стачки третьего периода (85%) — в течение пяти месяцев, а если исключить относительно спокойный декабрь, то в четыре месяца конденсация энергии рабочего класса происходила гигантскими шагами. Говоря попутно, нам непонятны проценты политических стачек т. Граве, когда она утверждает, что в 1916 г. было 52% политических забастовок

[1]) Бьюкеиеи говорил царю, если ие от имеии всей буржуазии, то по крайией мере выражал ее мысли, что, дескать, помаии, уступи и дай реформы, оии завтра упадут иа колеии перед тобой, и все будет тихо. См. Бьюкенеи, Мемуары дипломата, Гиз, 2 изд., 181 стр и др. Еще ярче передает Палеолог иастроеиие «комаидиых» верхов буржуазии в дии революции. См. «Россия накануие революции», глава «Революция».

и 56% участников в них [1]). Откуда она это взяла, — нам неизвестно. Если сюда включены сведения о стачках горных и горнозаводских предприятий, то это усилило бы процент экономических, так как там они имели преобладающее значение. Не имея налицо ссылок и оговорок, мы обязаны считать, что Граве оперирует тоже числами о предприятиях и рабочих, подчиненных надзору фабричной инспекции. Тогда такой процент политических стачек и участников ниоткуда не следует. Опечаткой эту цифру тоже нельзя считать, так как данное место автором подчеркнуто. Приведенные ею цифры далеко не отвечают действительности, и мы не нашли им оправдания и в таблицах самой Граве. 18,9% забастовок и 30,5% [2]) участников, — вот цифры политической борьбы для 1916 г. Другое дело, если мы выделим один Петроград, — там политическая борьба носила выпукло преобладающий характер.

Возвращаясь к изложению, нам, для полноты картины, необходимо провести аналогию движения военных годов с предшествовавшими периодами. Если взять годы первой революции (1905—1907) и годы промышленного под'ема (1912—1914 включительно), которые характерны своим размахом движения, то сравнение с военным периодом примет такое цифровое выражение [3]).

Годы	Общее число забастовок				Общее число участвов. в них рабочих				В средн. на 1 забаст. участв.	
	Экономич.		Политич.		Экономич.		Политич.			
	абсол. числ.	%	абсол. числ.	%	абсол. числ.	%	абсол. числ.	%	Экон.	Пол.
1905—1907	7 708	32,5	15 974	67,5	1 678 236	35,7	3 033 417	64,3	218	19,0
1912—1914	3 071	38,5	4 899	61,5	838 679	28,4	2 111 366	71,6	273	43,1
1915—1917 [4])	1 946	54,9	1 596	45,1	1 126 463	52,0	1 041 046	48,0	579	65,2

Сравнение, как видно из таблицы, по проценту преобладания экономических стачек в годы войны и по меньшим абсолютным размерам, не в пользу интересующего нас периода. Годы первой революции являются в этом отношении непревзойденными. Годы под'ема по числу участников политических забастовок в абсолютных числах близко подходят к 1905—1907 гг. и даже стоят впереди в процентном отношении. Это вполне понятно, так как рабочее движение предвоенных годов находилось под самым ближайшим руководством «правдистских организа-

[1]) Граве, К истории классовой борьбы в России, 68—69 стр.

[2]) По новым данным в кн. «Наемный труд в России» 32,6% участников политических стачек, см. 152 стр.

[3]) Таблица составлена по материалам «Статистики труда», вып. VIII, 1920 г.

[4]) За 1917 г. данные касаются января — февраля.

ций». Следовательно, сила рабочего движения в годы войны несколько слабее, что связано с уже рассмотренным нами вопросом количественного и качественного изменения состава рабочих. Но движение военных годов имеет свои преимущества, о чем говорит графа среднего числа участников на одну забастовку. Средние данные последнего периода превосходят те же данные за годы первой революции по участникам в экономических стачках в 2½ раза, а в политических — в 4 раза. Канун второй революции дал картину невиданного упорства в экономических стачках и ударности в политических на более крупнейших предприятиях. Движение в этот период не было так разбросано географически, как в 1905—1907 гг. Там стачечная волна, имея общенародный характер, вовлекла в движение все мелкие и мельчайшие предприятия, а в 1915—1917 гг. оно более концентрировалось по предприятиям-гигантам и особенно в таких центрах, как Петроград (игравший основную и решающую роль) и Москва с текстильным районом. Напр., за октябрь 1916 г. из общего числа 198 забастовок Петроград дал 122, т. е. 62%, а по участникам из 187 134 раб. — 141 719 чел. Особенно велико его значение было в феврале. Этим мы не хотим отрицать гегемонии Петрограда и в 1905 г., но говорим, что движение 1905 г. носило более децентрализованный характер. Если мы в последней таблице указали на меньшее абсолютное число стачек и участников в годы войны по сравнению с предыдущими периодами, то не надо забывать, что стачки последнего периода протекали в условиях военного режима. Война 1905 г. по сравнению с империалистической войной кажется микроскопическим событием, да к тому же в бурные дни 1905 г. война уже была кончена. Указать на это необходимо по двум причинам: стачку начинать в условиях действия военно-полевых судов труднее, но раз она началась, и к тому же в административно-промышленных центрах в первую очередь, то она вносит больше паники и дезорганизации в ход политической жизни помещичье-буржуазного государства. С этим собственно связано то, что самодержавие, не ведя войны, могло бы еще дать бой рабочим без риска потерять власть. В 1917 же году оно уже не в силах было этого сделать, ибо слишком далеко зашел процесс разложения народного хозяйства и политического строя, с одной стороны (царизм), и революционизирования масс (рабочие, армия), — с другой.

В нашей общей оценке движения мы не можем обойти такого в высшей степени важного вопроса, как участие и удельный вес в забастовочном движении рабочих разных производств.

Широкое рабочее движение военных годов начато текстильщиками, а завершали его перед революцией металлисты. Тов. Ленин, посвящая стачкам металлистов в 1912 г. специальную статью, писал, что «петербургские металлисты играют роль авангарда по отношению к металлистам всей России. Металлисты же вообще играют ту же самую роль по отношению к рабочим остальных отраслей промышленности» [1]. Приведенная в конце таблица это иллюстрирует с очевидной нагляд-

[1] Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 217.

ностью. В самом деле, и по абсолютным числам и по сознательности (громадное преобладание политической борьбы) металлисты стоят в авангарде. Роль гегемона в движении им принадлежит как в количественном, так и в качественном отношении уже во второй период движения. Перед мартом 1917 г. почти целиком она принадлежит металлистам. В графе политических стачек за 1917 г. они дают 256 253 участника, а все прочие вместе взятые — 318 552 участника. Цифры эти еще увеличатся, если сюда прибавить крупные металлургические и механические казенные заводы, которых в самом Петрограде было несколько и которые, как известно, в ведение фабричной инспекции не входили. Важно отметить также и то, что «зачинщиками» в 1915 г. были текстильщики.

Мы не будем касаться вопроса о цифровом выражении упорства стачек, о преобладании стачек в более крупных предприятиях, о более детальном выяснении связи экономических стачек с политическими, об удельном весе отдельных районов и т. д. Отчасти ряд моментов выявлен уже приведенными цифрами данной главы, отчасти мы будем иметь еще суждение об этом ниже.

Теперь несколько соображений о движении горнорабочих, которых почему-то все историки рабочего движения незаслуженно обходят. Правда, движение горнорабочих, если верить менее точным, чем у фабричных инспекторов, отчетам окружных горных инженеров, — есть движение сугубо экономическое. За 1915 и 1916 гг. отмечаются только две забастовки политического характера [1]). Несмотря на это, мы все же думаем, что движение горнорабочих надо осветить. Их экономические стачки были настолько упорны как со стороны рабочих, так и со стороны предпринимателей, что приобретают громадное значение. Они (стачки горняков) показывают, как экономическая стачка (больше всего из-за зарплаты и отчасти условий труда) теснейшим образом переплетается с политической, как она в нее переходит, как эта же стачка (при грубом издевательстве власти и буржуазии) готовит борцов за революцию. Всего забастовок в горной и горнозаводской промышленности было: с начала войны до января 1915 г. две забастовки с 2 460 рабочими; за весь 1915 г. — 30 забастовок с 17 649 участниками при 79 590 потерянных днях; в 1916 г. — 126 забастовок с 84 539 участниками при 574 953 потерянных днях; за январь — февраль 1917 г. числится 12 забастовок с 5 326 рабочими и с 15 396 потерянными днями. По средним данным стачечная борьба горняков является наиболее упорной из стачек рабочих всех других производств. Напр., в 1914 г. на одну забастовку приходится 1 230 участников,

[1]) На Петровском заводе Западно-екатеринбургского горного округа возникла забастовка в августе 1914 г. и кончилась в начале февраля 1915 г. Забастовка была очень характерна по упорству, так как при 1 500 рабочих официальные сведения считают 46 500 потерянных рабочих дней. Очень жаль, что нельзя было найти сведений о том, какие собственно политические мотивы лежали в основе этой забастовки. Другая забастовка была всего один день, охватила 1 134 рабочих Нижегородского горного округа судостроительной верфи Кулебакского горного завода, где рабочие 19 февраля 1915 г. требовали «празднования дня освобождения крестьян».

в 1915 г. — 553, а в 1916 г. — 671, но среднее число потерянных дней на 1 рабочего для этих же годов будет 19,3; 4,5 и 6,8, что говорит об очень большом упорстве борьбы.

Из районов движения горных и горнозаводских рабочих основную роль играл Юг. Если мы возьмем 1916 г., то за январь месяц бастовали в Екатеринославской губ. 6 900 рабочих, потерявших 49 047 раб. дней. Другие районы дают только 179 бастовавших рабочих. В апреле Екатеринославский горный округ дал 7 000 бастовавших рабочих, причем забастовка длилась 1 месяц (с 1 по 29 апреля). Там же, на юге, в Алмазном и Мариупольском горных округах, бастовало 2 900 рабочих 2 дня. Следовательно, из 12 673 участников в 9 забастовках в апреле основная масса падает на промышленный Юг. За май стачечное движение усилилось в абсолютных числах (49 забастовок, 36 436 участников и 271 600 потерянных рабочих дней), но основная роль остается за районом промышленного Юга, так как из указанного числа на все другие районы падает 30 забастовок с 10 952 участниками. Следовательно, и в мае южный угольный и металлургический район дал более $^2/_3$ участников при $^2/_5$ забастовок. В октябре имели место стачки в предприятиях горного надзора, но по количеству участников очень незначительные. Только в декабре опять вспыхнули три забастовки в Горловском горном округе из-за тяжелых условий труда и против повышения рудничной администрацией цен на отпускаемые рабочим жизненные продукты.

Приведенные цифры говорят о том, что в предприятиях, подчиненных горному надзору, общий размах стачек был не очень велик, но по характеру борьбы упорный, чем вообще отличалось провинциальное рабочее движение. Волной стачек захвачен был преимущественно горнопромышленный Юг.

Причины такого слабого участия горняков в общей борьбе надо искать в самом составе рабочих. Как это было отмечено выше, применение работы военнообязанных в горной и горнозаводской промышленности было очень сильно развито. Кроме того, рабочий состав был пополнен свежим пришлым из деревень элементом, пленными и женщинами. Текучесть рабочего состава больше всего имела место в горной промышленности. Все это безусловно влияло понижающим образом на активность рабочей массы. Отмечая это, мы напоминаем, что конкретный ход стачек иногда показывал примеры яркого классового героизма в рабочей среде горняков, примеры чего мы приведем ниже.

Итак, общий обзор стачек, как политических, так и экономических, говорит о нарастании стачечной волны и упорстве рабочих, говорит об ожесточенности буржуазии и репрессиях полицейской власти. Стачки все больше и больше учили массу на опыте необходимости политической борьбы, свержения самодержавия. Борьба, вовлекая все новые и новые слои, снижалась иногда качественно в сравнении с довоенным временем, но, как мы говорили, об'яснялась появлением нового слоя рабочих, пришедших в производство, и, кроме того, тяжелым материальным положением рабочих.

Политическое сознание рабочих росло. Отсталые слои подтягивались. Роль ударного кулака играли основные промышленные центры, в первую голову Петроград, а следовательно, авангард петроградской промышленности — рабочие-металлисты.

2. Фактическая сторона рабочего движения за годы войны

а) Движение в Петрограде

Как уже сообщалось, с августа 1914 г. по июль 1915 г. было почти полное затишье в рабочем движении. Петроградский градоначальник в своих месячных отчетах в департамент полиции до самого июля 1915 г. сообщает, что «положение в столице следует признать спокойным» [1]). Наблюдаемые частичные забастовки, — пишет он, — очень незначительны и относятся к самым обыденным конфликтам на экономической почве, преимущественно требования повышения зарплаты. «9 января» 1915 г. имели место забастовки в 14 предприятиях с 2 528 рабочими. Основная часть не вышла на работу с утра, а небольшое количество рабочих бросило работу после обеда. Бастовали предприятия не целиком в полном составе, а небольшими частями из общего количества рабочих (сознательная часть). С самодовольством охранка отмечает полное спокойствие в день суда над большевистскими депутатами Гос. думы (10 февраля 1915 г.). День 1 мая отмечен выступлением 859 рабочих из разных предприятий, самая крупная цифра падает на завод Айваз (280 чел.), где часть рабочих бастовала весь день. В отчетах фабричных инспекторов отмечена часовая забастовка 400 рабочих Русского общества для изготовления снарядов.

Все это безусловно говорит о штиле в рабочем движении Петрограда первой половины 1915 г. Поворот к нарастанию повышенного настроения и движения градоначальник отмечает с июля.

В июле забастовки охватывают крупные заводы, как «Новый Лесснер», Невский судостроительный, Эриксон, «Промет», б. Дюфлон, Лебедева, Сампсониевская мануфактура и др. Всего 14 забастовок с 14 153 рабочими. Это уже — внушительная цифра, которая не позволяла градоначальнику думать, что все спокойно.

Рабочие проявляют необыкновенное упорство, что для власти и буржуазии было очень не по вкусу, так как это портило патриотический концерт, внося в него резкие диссонансы. Вывешенное директором Невского судостроительного завода 13/VII об'явление о закрытии завода и расчете рабочих, если не встанут после обеда на работу, никакого действия на рабочих не имело. Уже эти первые стачки сразу вызвали необходимость прибегать к введению полиции в мастерские заводов, запугивать отправкой на фронт, расчетом и т. д. Расчет части рабочих уже в июле имел место у Эриксона. Рабочих Петрограда, видевших более грозные перипетии борьбы в 1914 г., это не могло испугать.

[1]) Дела деп. пол., № 108, ч. 61, лит. А, Петроград, 1915 г.

Тов. Кондратьев [1]) в своих воспоминаниях говорит, что это был первый сдвиг в рабочей массе от десятимесячной спячки после об'явления войны. С этим связано и оживление в самой партийной среде, несмотря на майский разгром. Уже при забастовке на «Новом Лесснере» 4 июля была обнаружена в уборной гектографированная с.-д. прокламация, призывавшая рабочих почтить день 4 июля прекращением работ, в память расстрела путиловцев в 1914 г.

Бастовавшие рабочие требовали повышения зарплаты на 30% (Невский судостроительный завод) или выдвигали градуированную скалу повышения зарплаты, устанавливая 100% для получающих до 1 р. и далее, чем выше заработок, тем ниже норма требования прибавки («Нов. Лесснер»). Необходимость повышения зарплаты диктовалась возраставшей дороговизной, от которой рабочий бюджет трещал по всем швам. Большевистская Ораниенбаумская конференция Петроградской организации, — как пишет т. Кондратьев — «правильно учла настроение рабочих масс — их желание повысить заработную плату — ближе и теснее спаяла каждого работника (в результате под'ема настроения рабочих. — С.) в одной и той же мысли вести упорную, систематическую борьбу с шовинистическими настроениями в рабочем классе, путем выдвигания экономических требований» [2]).

Экономическая борьба рабочих дала возможность большевикам восстановить порванные в период разгрома и шовинистического угара связи с рабочими массами. Руководство стачками было также почти монопольным правом фабрично-заводских большевистских коллективов. В дальнейшем этому еще содействовала общая обстановка общественного оживления в связи с поражениями на австро-германском фронте. Далее кампания по выборам в военно-промышленные комитеты также явилась благодарной почвой (несмотря на все полицейские рогатки) для общественно-политического оживления в передовой рабочей среде.

Во время выборов рабочая масса встряхнулась, продумала вопрос о войне, и уже вся передовая часть рабочих стала относиться более сознательно, принимая ту или иную точку зрения.

Вторая половина 1915 г. протекала очень бурно. Особенно август и сентябрь дали наибольшее число политических забастовок, явившихся ответом на расстрел рабочих в Иваново-Вознесенске. В середине августа было крупное продовольственное движение женщин и городского населения, что тоже не могло не отразиться на настроении рабочих, почему мы и видим бастующими один за другим заводы-гиганты. Бастуют теперь уже не частично и по цехам, а за редким исключением всем составом рабочих данного завода в целом. 2 сентября забастовал Путиловский завод в полном составе (около 20 тыс.) по поводу ареста в ночь на 31 августа рабочих руководителей. 3 сентября весь Выборгский район примкнул к путиловцам. 4 сентября число бастующих составляло 65 тыс., главным образом в предприятиях, работавших по заказам воен-

---

[1]) «Красная летопись», № 7, 1923 г., ст. Кондратьева.

[2]) Там же.

ного ведомства. 5 сентября были об'явлены каторжные законы начальника Петроградского военного круга, о которых мы уже говорили выше.

Самой охранке пришлось отмечать в каждой забастовке, что рабочие «при прекращении работ устраивали летучие сходки, выносили резолюции с пред'явлением чисто политического характера требований» и обязательно при выходе пели революционные песни. Полиция была беспощадна к рабочим: при всяком ослушании приказа разойтись следовала пальба. Рабочие, даже будучи ранены, не оставлялись в покое. Напр., рабочий Петров с «Нового Лесснера» пришел для перевязки стреляной раны (в бедро) в Петропавловскую больницу, и оттуда об этом «немедленно сообщили чинам полиции». Рабочие не оставались в долгу, осыпая градом камней полицию там, где это было удобно. Полиция действовала с полного благословения также и буржуазии, которой стачки в это время были не по вкусу. Правда, тем предприятиям, где были довоенные невыгодные заказы, от которых всячески увиливали предприниматели, забастовки позволяли сваливать вину за просрочку и срыв заказов на бастующих рабочих. Характерно уже и для этого периода, что ратники, отправляемые на фронт, часто шли на стычки с полицией. «Фараоны», «дармоеды», «вас бы на позицию» и плюс к этому камни, летевшие в головы полицейских, — вот чем преследовали полицию отправляющиеся на фронт ратники. В сентябре у Николаевского вокзала на этой почве было форменное побоище, и полиция, загнанная во двор вокзала, вынуждена была стрелять в ратников. С плохим настроением уезжал на фронт солдат, когда он видел, что в него «дома» стреляли.

Как быстро росло сознание рабочих в такой острой борьбе, — видно хотя бы из требований рабочих. Путиловцы 19 августа, прекратив работу, выдвинули требования: 1) освободить из ссылки пять депутатов Гос. думы; 2) продлить деятельность Гос. думы; 3) удалить с завода германских и австрийских подданных, перешедших в русское подданство; 4) призвать полицию из внутренних городов в армию и заменить ее инвалидами войны и теми, кто неспособен быть на поле брани; 5) свобода печати; 6) всеобщее избирательное право до 18 лет включительно и 7) убрать казаков с завода.

Данное требование, хотя и резко враждебное существующему строю, еще нельзя квалифицировать, как высокосознательное. Те же путиловцы 2 сентября, прибавив к своему требованию пункты об ответственном министерстве и прибавке зарплаты, пункт об удалении австро-германцев, перешедших в русское подданство, выбросили. На заводе «Промет» 26 октября также бастовали, причем одним из пунктов требований рабочие выдвинули: выбор комиссии из рабочих и признание за ней функций приема и увольнения рабочих. Здесь мы видим заложение элементов будущих фабрично-заводских комитетов, ибо практика буржуазии — выбрасывать при всяком случае политически-неугодных рабочих — требовала отпора. Естественно, что такие комиссии, как предшественники ф.-з. комитетов, были поставлены в порядок дня процессом борьбы. Прецедентом к этому пункту требований

на том же «Промете» было увольнение двух работниц, — одной из них за то, что пропустила два дня работы.

В событиях лета и осени 1915 г. уже видны железная спаянность рабочих, классовое чувство и стремление отвечать на удар ударом; заметно, как опять пролетарские ряды начинают выковывать новых бойцов и охранять их от репрессий со стороны полиции и администрации. Возрастающее число таких борцов восстанавливало равновесие между массой (класс) и ее руководящим авангардом, нарушенное войной и разгромами. А это важнейший фактор в смысле руководства стачечной борьбой и оформления политического сознания рабочих.

Наступает 1916 г. Тов. Кондратьев пишет, что 9 января бастовало около 100 тыс. рабочих. Дело доходило до стрельбы в рабочих завода «Нов. Лесснер». В день суда над депутатами были частичные забастовки. В марте у тех же лесснеровцев была 2-недельная забастовка, проигранная рабочими, ибо в результате было выброшено 5 000 человек, и часть сдана в армию. 1-е мая отмечено лишь рядом незначительных массовок. Отмеченная Кондратьевым мартовская стачка у ново-лесснеровцев показывает яркий пример того, как сознательная партийная верхушка становится во главе движения.

Надо сказать, что градоначальник о конкретной стороне сообщает лучше и подробнее, чем даже такие участники, как т. Кондратьев. Правда, цифры бастующих в его сообщениях несколько ниже, чем в воспоминаниях участников [1]). Для 9 января 1916 г., напр., в донесении указано не 100 тыс., как у т. Кондратьева, а 66 767 раб. в 55 предприятиях. Отмечается революционная активность, красные флаги и пение песен, а также и факт столкновения ново-лесснеровцев с полицией. Во время этой свалки на Б. Сампсониевском проспекте в группу конных жандармов врезался военный автомобиль и свалил одного жандарма с лошадью. Обрадованные этим рабочие закричали «ура», на что шесть нижних чинов, сидевших в автомобиле, сняв головные уборы, тоже ответили криком «ура». Такие случаи братанья солдат с рабочими имели место и в демонстрациях 9 января. Присутствие солдат в рядах рабочих действовало на полицию расхолаживающе, и она не делала диких расправ, боясь озлобления масс.

«Айваз» тоже вел себя революционно. Характерно, что усмирял айвазовцев отряд полиции во главе с «графом Татищевым». Начало февраля характерно движением у путиловцев, закрытием завода, частичным расчетом и, наконец, секвестром завода 27 февраля в казну. Забастовка, продолжавшаяся на заводе почти весь февраль, самым теснейшим образом связана с деятельностью «ленинской группы», как пишет охранка. Февральская прокламация ПК не оставляет сомнения в этом, точно так же как и арест в ночь на 6 и 8 февраля видных большевистских работников. 1 марта путиловцев, из солидарности, поддерживали стачкой 28 предприятий с 36 554 раб.; 2 марта — 18 000 раб.

[1]) Приводимые ниже цифры и факты, относящиеся к рабочему движению за январь—октябрь 1916 г., заимствованы из местных сводок петроградского градоначальника, хранящихся в Арх. рев. и вн. п.

на 24 предприятиях, 3-го — 15 000. В некоторых пунктах рабочие стреляли в полицию из засад. Такая запоздалая поддержка путиловцев другими заводами об'ясняется тем, что первое время его не хотели поддерживать ввиду того, что он работал 9 января текущего года.

Апрель имел ряд крупных забастовок политического (Ленский расстрел) и экономического характера, сопровождавшихся расстрелом рабочих и закрытием некоторых заводов.

Май — сентябрь 1916 г. продолжалась перманентная стачечная борьба, но больше всего экономическая.

Забастовки очень часто кончаются поражением рабочих. Обе стороны не идут на уступки. Напр., даже такая категория рабочих, как кондуктора трамвая, находящиеся в наиболее тяжелых условиях в смысле оплаты, заменяются во время сентябрьской стачки городовыми (239 чел.). Стачки захватывают крупные предприятия. Основной лейтмотив требований — это борьба за повышение зарплаты. Иногда бывают требования, которые продиктованы намеренным нерациональным или халатным ведением дела на предприятии, отчего задерживается выпуск военного снаряжения. Против этого часто возникают стачки с требованием удаления технических руководителей. Считать это вытекающим из большого патриотизма рабочих нельзя. Здесь больше говорила в рабочем профессионально-классовая честность к тому виду труда, в котором он участвует.

Октябрь 1916 г., которым начинается третий период, период непосредственного нарастания революции, настолько богат событиями, притом настолько красочными, что мы также считаем необходимым дать больше фактов и наиболее ярких моментов обостренной борьбы, показывавших близость революции.

Начались октябрьские стачки еще в первых числах. 13 октября митинговая полоса захватывает ряд крупнейших заводов, причем после митингов рабочие бросали работу. Толчком к митингам были прокламации ПК и Межрайонки. ПК большевиков писал, что правительство неспособно справиться с продовольственными трудностями, которые коренятся в самой империалистической войне, посему и призвал к борьбе против войны [1]). Стачки носили исключительно политический характер. Неправ и т. Романов (который ссылается на Шляпникова) и Шляпников, когда считают началом стачки в октябре — 17-е октября и первым выступившим — завод Рено. Переоценивают они также и стихийные моменты. Ясно, что ПК не мог организационно охватить стотысячный размах движения, но ведь стачки всюду начинались после митингов и после сознательного решения самими рабочими прекратить работу. Стачка тем сильна, что она единовременно возникает, показывая свою солидарность и готовность к борьбе. В октябре именно так и было. Еще 13 октября [2]) на заводе Эриксона был митинг (сходка) по вопросу о дороговизне. Вечером на заводе Русского о-ва соединенных механических за-

[1]) «Красная летопись», № 2 (11), 1924 г., ст. В. Романова, Канун семнадцатого года.

[2]) Дела деп. пол., № 108, ч. 61, лит. А, Настроение населения по г. Петрограду.

водов (4 000 раб.) тоже был митинг, а 14 октября рабочие уже вышли с завода с пением «марсельезы». Был митинг у «Феникса». Митинговала также дневная смена путиловцев. На углу Б. Сампсониевского пр. громадная толпа рабочих на призыв оратора к забастовке ответила громким «ура». 13 октября при выходе с работы дневной смены завода «Айваз» один из активных руководителей рабочих собрал митинг и призывал «мобилизоваться» для борьбы «против войны» и «не давать наших товарищей на бойню». Призыв его был встречен аплодисментами. 17 октября 5 000 раб. минного завода Русского общества по изготовлению снарядов в 11 час. утра ушли с завода с пением революционных песен. Рено прекратил работу только в 3 часа дня 17-го. Рабочие «Нов. Лесснер», видно, сознательно поставили своей задачей произвести насмычку, почему около 6 ч. вечера, прекратив работу (17 октября), направились прямо к казармам 181-го пехотного полка. Градоначальник не досказывает всего и говорит только, что солдаты «перелезли через забор и опрокинули проходивший мимо трамвай», предварительно прогнав полицию и ранив трех полицейских камнями. Полковнику Володкевичу двое из рабочих нанесли ранение в ногу. Дело, видно, было не в «лазании через забор»: очевидно, забор был разрушен, и солдаты серьезно думали встать плечо о плечо с рабочими, ибо для усмирения 181-го пехотного полка прибыл л.-гв. Московский полк. О революционности 181-го пехотного полка говорят и последующие факты нападения солдат на полицию (18 октября).

Но не один только 181-й пехотный полк, но другие полки тоже были непрочь разделаться с полицией. Палеолог в своих мемуарах отмечает о двух полках. Его показания, как «постороннего» наблюдателя, очень интересны. Рабочие «всех заводов Петрограда» покинули мастерские, «не выставляя никакого мотива», пишет он. Вызвал их на улицу простой сигнал «таинственного комитета» (как он, видимо, квалифицирует ПК).

Когда Палеолог одевался к очередному ужину, к нему явились взволнованные два директора автомобильного завода Рено (Выборгская сторона) и рассказывали ему, что рабочие их завода не имели повода быть недовольными. «Они и на этот раз отказались принять участие во всеобщей стачке... Сегодня днем, в то время как работа шла полным ходом, толпа стачечников, пришедших с заводов Барановского, окружила нашу фабрику, крича: «долой французов», «довольно воевать». Наши инженеры и директора хотели поговорить с пришедшими. Им ответили градом камней и револьверными выстрелами. Один инженер и три директора-француза были тяжело ранены. Подоспевшая в это время полиция скоро убедилась в своем бессилии. Тогда взвод жандармов кое-как пробрался через толпу и отправился за двумя пехотными полками, расквартированными в близлежащих казармах. Оба полка прибыли через несколько минут, но вместо того, чтобы выручать, они стали стрелять по полицейским.

— По полицейским?

— Да, господин посол. Вы можете притти посмотреть на стенах нашей фабрики следы залпов... Упало много горо-

довых и жандармов. Затем произошла крупная свалка... Наконец, мы услыхали галоп казаков, — их было четыре полка. Они налетели на пехотинцев и ударами пик загнали их в казармы. Теперь порядок восстановлен» [1].

Немедленно сообщив об этом председателю совета министров Штюрмеру, Палеолог был удивлен, что тот назвал это событие «эпизодом», тем более что ему градоначальник звонил по телефону о принятых к охране завода мерах. Но Палеолога, как монархиста в республиканской коже, волновала не сама стачка на заводе, а факт стрельбы солдат по полиции.

«— Все же остается факт, — говорю я (Штюрмеру. — *С.*), — что войска стреляли по полицейским. А это важно... очень важно.

— Да, это важно (отвечал Штюрмер. — *С.*), но репрессия будет беспощадная».

Эти диалоги промышленников с послом и посла с главой царского правительства в высшей степени интересны. Между прочим, данная запись Палеолога [2] и даты о выступлениях других заводов до 17 октября достаточно ясно опровергают взгляд Шляпникова, что октябрьская забастовка началась 17 октября у Рено.

18 октября бастовало 29 935 раб., 19-го — 59 625 раб., а 20-го — 36 653 раб. Прекратившаяся на 3—4 дня стачка опять вспыхнула 26 октября, в виде протеста против суда над матросами с «Гангута» и нижними чинами 181-го пехотного полка. Ликвидаторы всех толков и оттенков, особенно официальное и легальное ликвидаторство, в лице «рабочей» группы ЦВПК, пытались взывать к рабочим, чтобы они не слушали «демагогии» отдельных лиц и групп (делая намек на ПК), но это было жалким бредом социал-патриотов, потерявших почти всякую опору в рабочей массе. 27 октября бастовало 27 796 раб., а 28-го — 31 838. Официально, по распоряжению начальника Петроградского военного округа, а негласно — по требованию общества фабрикантов и заводчиков 28-го были закрыты 13 предприятий с 36 537 раб. 29 октября бастовало 17 165 раб., не считая локаутированных. Всего бастовало за октябрь, по официальным данным, 145 596 раб. в 125 забастовках, политических из них — 115 с 138 076 участниками. Цифра на самом деле больше, так как в этот подсчет не вошло много повторных стачек.

И не только это одно важно, но и то, что основным рычагом, действующим в смысле революционизирования масс в октябрьской стачке, охранка считает «ленинское подполье». Тут и использование «продовольственных затруднений», «агитация за фабрично-заводские комиссии» и т. д. Еще в 1915 г. в большевистском Выборгском районе обсуждался вопрос об общегородском стачечном комитете, который «впоследствии должен принять на себя функции Совета рабочих депутатов».

---

[1]) Палеолог, Россия накануне революции, стр. 229—230, запись от 31 (18) октября 1916 г.

[2]) Искажать факты Палеологу цели не было, но тщательной проверки его запись, безусловно, требует. См. «Красная летопись», № 1 (10), 1924 г., воспоминания А. Иванова.

На запрос кн. Шаховского (министра торговли и промышленности) о причинах движения была дана справка, что забастовки 26 — 21 октября «производились с демонстративными целями», по одной версии, как протест против военно-полевого суда над матросами, а по другой версии, как протест против военно-полевого суда над призванными на военную службу военнообязанными, имевшими столкновения с полицией в казармах на Б. Сампсониевском пр. (т. е. 181-м пехотным полком. — С.), близ завода «Русский Рено». Сам министр в своем докладе царю дает более определенную формулировку, считая, «что движение это совершенно не имело связи собственно с внутренним строем заводской жизни. Со стороны рабочих не пред'являлось заводоуправлениям никаких требований об увеличении заработной платы или об улучшении условий труда. Разбросанные по заводам прокламации и произносившиеся на сходках рабочих речи позволяют заключить, что коренной причиной первой забастовки (13 — 21 октября) являлась политическая агитация, стремившаяся, на почве испытываемых рабочими затруднений в продовольственном деле, поднять рабочие массы на политические выступления [1]. Вторую забастовку (26 — 29 октября) он считает ответом на репрессии против участников первой забастовки.

1 ноября были открыты и локаутированные заводы, и в промышленной жизни Петрограда временно, до января 1917 г., получился перерыв в стачечной борьбе (ноябрь — декабрь). Перерыв — характерный усиленной деятельностью политических партий и общественных организаций в борьбе за овладение массой.

Судя по утверждению самого Шаховского, заводчики и высшая полиция действовали в тесном контакте, поставив своей целью задушить стачку. Рабочие кварталы настолько усиленно были заняты войсками и полицией, что представляли собой военный лагерь. С закрытых заводов, в назидании другим, были уволены все военнообязанные и новобранцы двух младших возрастов и переданы в распоряжение воинского начальника для отправки на фронт. Уволенных заменили нижними чинами запаса из Кронштадта и др. мест. Так усмиряли питерских рабочих заводчики и полиция.

В январе перед самой революцией петроградские пролетарии бастовали почти каждый день. Мы имеем в виду здесь крупнейшие заводы. Путиловский, напр., спорадически бастуя, встал в конфликт с дирекцией и в феврале (22-го) был закрыт, хотя, надо сказать, с точки зрения политической активности этот гигант стоял далеко не в первых рядах рабочей армии города-борца.

9 января, несмотря на арест листовки ПК (распространена была листовка Межрайонки), сама охранка считает, что бастовало «около 150 тыс. рабочих на 114 предприятиях». Исполнительная комиссия ПК в письме ЦК РСДРП (б) писала, что «9-е января 1917 г. по своим разме-

---

[1]) «Красная летопись», № 2 (11), 1924 г., стр. 205.

рам превзошло вообще все стачечные выступления в годы войны» [1]). В политическую забастовку вовлечены были даже мелкие предприятия, не бастовавшие с 1905 г., даже арсенал. Настроение рабочей массы при таком успехе 9 января было «очень бодрое, политически-сознательное и открывает широкие революционные возможности», писала та же комиссия, оценивая итоги дня.

Дальнейшая перспектива движения рисуется революционной и по причинам экономических затруднений, так как самый конец 1916 г. и начало 1917 г. показали, что расцвет «военной промышленности» недолговечен. Остро стоял не только продовольственный вопрос, но и проблема сырья для промышленности, проблема финансовая. Буржуазия не могла выбросить из своего кармана те военные прибыли, — львиная доля которых к тому же «ушла» за границу, — чтобы оживить производство. На этом собственно об'ективном факте покоится причина меньшей уступчивости предпринимателей рабочим в экономических стачках указанного периода.

Петроград, как центр движения, нанесший основной удар царизму, а потом буржуазии, естественно, интересует нас больше всего, поэтому приведем официальные цифровые данные, которые, нам думается, представляют интерес, если их сопоставить с такими же всероссийскими данными.

Начиная с июля 1915 г., по месяцам движение в Петрограде выражалось в таком виде [2]) (см. табл. на стр. 270).

Сравнивая эти цифры с приведенными выше годовыми общероссийскими данными, мы видим, какую громадную роль играл Петроград. Из этих цифр видно также, как общероссийские данные сглаживают характер движения в Петрограде, делая его более экономическим, тогда как на самом деле число участников в политических стачках было в два с лишком раза больше числа участников стачек экономических.

Судя по цифрам, остается бесспорным факт, что пролетариат подошел вплотную к революции. Она не могла быть поставлена в порядок дня только потому, что еще недостаточным был организационный охват рабочей массы руководством, еще не закончился процесс революционизирования армии и провинции. Правда, Петроградский комитет (большевиков), в отличие от Москвы и др. городов, несмотря на ряд арестов со всей техникой и связями, — деятельность свою не прерывал, но этого было недостаточно. Поэтому как в июле 1914 г., так и в октябре 1916 г. ПК пришлось бить отбой. Видя, что дальнейшее развитие стачки «принимает стихийный характер и сеет в рабочих рядах иллюзию, что вот уже бьет час революции, что наступил момент решительной схватки с царизмом, тогда как рабочие массы еще не организованы, не сплочены, провинциальное рабочее движение носит зачаточный характер», ПК

[1]) По наблюдениям участников, цифра бастовавших 9 января определяется в 300 тыс. рабочих. См. Шляпников, 1917 г., кн. I, изд. 1923 г., стр. 24.

[2]) Таблица составлена на основании данных месячных отчетов по Европейской России, помещенных в сборнике Центроархива, подготовленном М. Г. Флеером.

Месяцы и годы	Политич. стачки		Экономич. стачки	
	Число забастовок	Число участн. в них	Число забастовок	Число участн. в них
1915				
Июль	—	—	17	14 490
Август	16	18 067	4	2 172
Сентябрь	33	62 221	10	3 906
Октябрь	1	1 900	14	12 001
Ноябрь	1	5 720	8	2 384
Декабрь	1	959	11	4 451
1916				
Январь	31	45 155	11	5 586
Февраль	4	9 450	16	25 437
Март	39	48 086	7	10 100
Апрель	5	14 200	23	11 328
Май	—	—	26	19 836
Июнь	2	1 100	17	14 600
Июль	—	—	14	5 911
Август	—	—	10	5 000
Сентябрь	—	—	18	10 425
Октябрь	115	138 076	10	7 520
Ноябрь	—	—	10	10 088
Декабрь	—	—	—	—
1917				
Январь	117	142 337	15	20 550
Итого	365	487 271	241	185 785
%	60,0	72,4	40,0	27,6

решил звать рабочих обратно к станкам, чтобы продолжать укрепление своих рядов для предстоящих боев. Так писал «Пролетарский голос», и он был прав [1]). Не случайно, что т. Ленин эти организационные задачи в рабочей среде особенно выпукло поставил перед всей партией на второй же день февраля [2]).

Прежде чем подвести маленькие итоги, отметим тот факт, что в движении 1916 г. стачечная активность проявляется даже среди военно-

[1]) «Красная летопись», № 1 (10), 1924 г.

[2]) Ленинский сборник, т. II, письмо «О пролетарской милиции», стр. 347—348.

обязанных. Мы утверждали выше, что они действовали понижающе на стачечную волну, но опыт Петрограда показывает, что это не носило всеобщего характера и было очень относительным. Эксплоатация ведь остается и для военнообязанных, поэтому они также не могли оставаться в стороне. Мало того: будучи солдатами на работе, военнообязанные перед революцией много сделали для связи рабочих с гарнизоном. Данный вопрос требует, безусловно, специального исследования, напр., путем анализа социального состава и настроений некоторых из более революционных полков, чтобы проследить, насколько городской рабочий революционизировал армию, насколько крестьянский состав полков влиял на революционизирование деревни. Мы здесь только отмечаем, что эта социально-политическая диффузия для революции имела первенствующее значение. Категория военнообязанных в промышленности послужила мостом для упрочения союза между армией и рабочими. Они были цементирующим элементом армии и рабочих. Ведь их прежде всего за стачки отправляли на фронт и в воинские части, а это была рассылка агитаторов и пропагандистов против войны, за революцию.

Из сухого перечня фактов видно, каким тернистым путем шел петроградский пролетариат к Февралю. Идея защиты страны, сидевшая в сознании некоторых слоев рабочих, выветривалась под жестокими ударами действительности. В процессе борьбы численно восстанавливался кадр рабочих-революционеров, ряды которых были опустошены войной. Теперь уже почти каждый завод имел свой большевистский коллектив, хотя небольшой численно, но крепкий еще «правдистской» закалкой, обогащенной в новых условиях революционной марксистской теорией, через кружковую работу, а главное, самой практикой борьбы за эти кошмарные два с половиной года войны.

б) Движение в Москве и Московском промышленном районе

Целый ряд обстоятельств обусловил то положение, что пролетариат Москвы стоял не на такой высоте, как пролетариат Петрограда. Мы уже говорили о различном характере промышленности (в Москве много текстильной с трудом низкой квалификации) и мелкобуржуазном крестьянско-деревенском окружении. Это относится еще в большей степени к промышленности всей области. Часто рабочий текстильного района имел не только свой домик, но и свой клочок земли. Вообще весь состав рабочих множеством нитей связан с деревней. Деревня его «окружает». То же, напр., мы имеем в Орловской губ., на Брянском заводе, в Нижнем-Новгороде. Нельзя отрицать (особенно в годы войны) и того, что Москва, будучи более «национальным» и патриотическим городом, сосредоточила в себе все оппозиционные элементы против неумелых практических мероприятий власти, которые, по их мнению, не укрепляли, а унижали национальное достоинство. В Москве прежде всего собралась «оппозиция», в связи с начавшимися неудачами на фронте. Патриотическая шумиха исходила больше всего из ее среды. К 1916 г. Москва, напр., прямо попала в разряд крамольных городов и (если верить Палеологу) собиралась «растерзать» царицу за ее

немецкую ориентацию, если бы она показалась в Москве [1]). Петроград — город более «интернациональный» во всех отношениях. Москва была приютом всех организаций, выросших в годы войны, которые, несмотря на их спекулятивный характер, все же были притягательным центром для многих даже социал-демократов. Кроме того, Москва была городом сплошной провокации, что давало в руки власти очень сильное оружие в борьбе со всякими возбудителями рабочего и вообще революционного движения. Москва была сильна также церковными, монархическими и патриотическими организациями, ведшими широкую агитацию в массах. Надо иметь в виду, что процесс качественного изменения пролетариата (и так невысокого качества по своему сознанию в массе), его засорения чуждыми пролетарской идеологии элементами был сильнее в Москве и районе, чем в Петрограде. Передовой по своему политическому развитию пролетариат печатного труда в Москве был к тому же ликвидаторско-меньшевистским. Нельзя забывать также и того факта, что угроза безработицы ввиду сокращения производства в первый период войны (особенно в текстильной промышленности) действовала понижающим образом на проявление активности рабочих.

Совокупность указанных фактов создала общую отсталость московского пролетариата. Тов. Лацис прав, когда пишет в своих воспоминаниях о «периоде мертвого застоя» в Москве. «Революционные праздники проходили без знамен, без песен, без листовок. Снаружи московской организации не чувствовали. Народные массы угонялись на убой, на пушечное мясо, в угоду русским империалистам. И ни одного отклика, ни одного раз'ясняющего слова» [2]). Рабочий Петроград дает яркие примеры того (воспоминания Кондратьева и др. — лучшее тому доказательство), как тесно спаяны были рабочие ленинцы с массой, как упорно сопротивлялись они двум фронтам одновременно: фронту буржуазии с властью и фронту социал-шовинистов. Особенно упорна была борьба с последними за то, чтобы не дать возможности привязать рабочий класс к национал-либеральной клике, к империалистической колеснице, под лозунгом борьбы за думу и т. п. мишуры. В Москве этого не было. Напрасно поэтому т. Воинова [3]) вслед за т. Меницким утверждает, будто рабочие об'явление войны встретили надеждой, что запасные, получив оружие, «поднимут восстание». Это — настроения отдельных рабочих. Масса все же была первое время настроена несколько более оборончески.

Мы уже приводили из воспоминаний о Москве, как встречена была война рабочими. Мы далеко не склонны такое состояние приписывать всему московскому пролетариату и на весь период войны, но факт несомненный, что «говорить пораженческим языком» в первый период войны в рабочей массе было иногда не совсем безопасно, главным образом, со стороны поднявших голову активно-черносотенных и патриотических элементов. Даже в партийной интеллигентской среде,

---

[1]) Палеолог, Россия накануне революции, стр. 263.
[2]) «Пролетарская революция», № 2 за 1921 г., ст. Лациса.
[3]) Там же, № 2 (14) 1923 г., стр. 469, ст. К. Воиновой.

как говорит тот же Лацис, произошел «раскол» при обсуждении вопроса о подготовке 1 мая 1915 г. (вопрос о сходке или выступлении с знаменами). Шатаний у московских большевиков было больше, чем в других промышленных центрах. Без своего же собственного твердого взгляда нельзя было итти к передовым слоям рабочих, собиравшимся в кружки (в Москве, по сравнению с Петроградом, кружковая сеть была значительно слабее развита). Насколько, однако, неглубоким было это настроение рабочих, — можно судить по тому, как быстро изживались шатания и полуоборончества. Пораженческие взгляды московскими партийными группами усвоились более определенно только к весне 1915 г. Отдельные признаки оживления и отрицательного отношения к войне имели место еще раньше. В отчете департаменту полиции о деятельности «партийных учреждений РСДРП за 1914 г.» сообщается, что за последнее время (в конце 1914 г.) ленинцы Москвы «открыто стали против войны, об'явив своим лозунгом «война войне». Этому, конечно, способствовало получение в Москве «тезисов» Ленина. В самое последнее время ленинцы довольно энергично начали работать, создав, наконец, «Центральное Бюро профессиональных союзов», во главе с исполнительной комиссией из трех лиц, а также особую «руководящую группу», которая должна была играть роль «Московского комитета» [1]). Работу ликвидаторского течения отчет характеризует «бесцветной» и не заслуживающей внимания.

Эта оценка охранкой деятельности партийных верхов вполне правильна, но рабочая масса стояла несколько в стороне от этого начавшегося оживления, после полосы разгромов и репрессий, накануне и в первый период войны. Сознательная, шедшая за большевиками, и большевистски-настроенная часть рабочих была немногочисленна, хотя на каждом данном предприятии эти группы упорно боролись с националистическим угаром, охватившим рабочую Москву и др. окружающие ее районы. Там, где война скоро сказалась на материальном положении рабочих, быстро удалось достигнуть отрезвления. Даже немецкий майский погром, — не доценивать в котором роль рабочих нельзя, — был фактором, отрезвляющим от националистического дурмана. Чтобы представить себе хотя бы в основном этапы развития революционного сознания пролетариата Московской области, надо познакомиться с некоторыми основными фактами. В Москве и губернии до сентября 1915 г. имело место несколько политических забастовок, причем одна только крупная (1 242 раб.) в середине февраля на Динамо [2]); все остальные были экономическими, преимущественно по поводу зарплаты [3]). Были и

[1]) АОР, фонд деп. пол., с.-д. ком. — дело по г. Москве, № 5, 1914 г. Об этом же см. «Материалы по истории профдвижеиия в России», сб. IV, изд. ВЦСПС, ст. тов. Сапроиова.

[2]) Динамо бастовал по поводу вынесениого приговора большевикам депутатам Гос. думы.

[3]) По сведениям департамента полиции, 1 мая (18) апреля в Московской губ. на 1½ часа прекращал работы завод акционерного общества Зиигер, См. сборник Центроархива, стр. 210. Ш. Ибрагимов пишет о нескольких стачках, которыми праздновался «мировой пролетарский праздиик», см. «Путь к Октябрю», вып. V, изд. «МР», 1925 г., его статья.

другие «политические» забастовки, но из патриотических побуждений, напр., в августе 1914 г., т. е. в самом начале войны, на заводе «Дангауер и Кайзер» 450 рабочих бастовали ½ дня за отказ заведующего пустить сборщиков пожертвований на войну, продававших флажки. Много было забастовок в связи с требованием удаления лиц технического персонала, подданных воюющих с Россией стран.

В феврале 1915 г. на фабрике (бумаготкацкой) «Ф. Щербаков и Сыновья» 2½ дня бастовали 4 171 рабочий, требуя повышения зарплаты на 10% и квартирных на 10%. То же в Даниловской мануфактуре (2 822 чел.), но уже требовали повышения зарплаты на 25%. Эти первые две крупные стачки с требованием повышения зарплаты показывают, как давала себя чувствовать поднявшаяся дороговизна. Часть рабочих Коломенского завода бастовала в феврале, требуя удаления расценщика (1 224 раб.), а 1 433 раб. их поддерживали из солидарности. Ряд более или менее крупных предприятий бастует продолжительное время, и большинство из забастовок кончается не в пользу рабочих. На Даниловской мануфактуре забастовка началась в феврале, а кончилась в марте, но рабочие ничего не выиграли. На Вознесенской мануфактуре тоже (2 092 чел.) началась 28 февраля, а кончилась в марте расчетом рабочих и набором вновь, устраняя «зачинщиков» и активных рабочих. По новому договору прибавки получили всего 8% (просили 20%). В апреле политических забастовок в Москве не было, а экономических было 18 с 22 783 участниками. (Коломенский, напр., опять забастовал в полном составе с 11 085 раб.). Это — первая сильная и очень упорная волна экономической борьбы московского пролетариата. На требование, напр., коломенцев от 25 до 50% прибавки в конце концов дирекция согласилась дать 15 к. семейным и 10 к. холостым в день. Это не удовлетворило рабочих, и забастовка фактически осталась неликвидированной в течение этого месяца. За май в Москве было экономических забастовок 11 с 9 351 участником. Июнь тоже дал только экономических 10 с 4 848 рабочими.

В общем мы уже из этого перечня цифр видим, что поворот к оживлению борьбы наметился очень сильный, причем характерной чертой является то, что борьба была исключительно экономическая и малоуспешная для рабочих.

Москва, по официальным данным, не ответила заметным протестом против расстрела в Костроме 5 июня, так же, как и против августовского расстрела в Иваново-Вознесенске. Если петроградские политические стачки в августе имеют прямую связь с расстрелом в Иваново-Вознесенске, то Москва молчала. Серьезно выступила она лишь по поводу роспуска Гос. думы в начале сентября. Тут Москва дала 22 092 рабочих в 76 бастующих предприятиях, плюс к тому по экономическим мотивам бастовало около 12 000 рабочих. Корреспондент из Москвы писал в «Социал-демократе» (№ 51 от 29 февраля 1916 г.) о 90 тыс. рабочих, принявших участие в протесте, но эта цифра явно преувеличена. Правда, ораторы на митингах говорили против думы и против «всей реакции», но отношение массы к думе было более доверчивое, чем в Петрограде.

В это время в связи с крупными неудачами на фронте и вообще всей неумелой политикой царизма в Москве шла очень оживленная деятельность либералов всех оттенков. Проходит целая серия совещаний, заседаний, до тайных собраний на квартире Коновалова включительно. Городская дума даже приняла «политическую» резолюцию. Настроение это передавалось и в верхушки рабочих кругов через «Русские ведомости» и «Русское слово» [1]).

Что касается отношения рабочих Москвы к думе (в связи с выступлением в сентябре по поводу ее роспуска), то, в отличие от других районов, оно было более доверчивое. В Москве умами рабочих до весны 1916 г. сильно владели ликвидаторствующие рабочие вроде Черегородцева и др., составлявших потом ядро и вошедших в контакт с буржуазией на предмет участия в военно-промышленном комитете. Петроградский пролетариат не был заражен иллюзиями надежд на думу.

Мы вполне согласны с т. Граве, что оборонцы и оппортунисты пытались связать рабочее движение с поддержкой думы. Это — бесспорная истина. Но нельзя не отметить указанной нами доверчивости к думе московских верхушечных слоев рабочих. Довод против этого о преобладании в сентябрьских стачках в Москве металлистов будет несостоятелен. В ноябре 1916 г. почти те же заводы, как и в сентябре, выступили в политической стачке в виде протеста по поводу предполагавшегося роспуска думы и за поддержку думы в борьбе против правительства. Октябрьская же политическая борьба питерского пролетариата поддержана москвичами не была. Также в марте 1916 г. только два завода (Гантерт и Динамо) ответили забастовкой-протестом против военного суда над рабочими московских трамвайных парков за забастовку, имевшую место в октябре 1915 г.

Одно из серьезных событий, имевших место в Москве в сентябре 1915 г., кончившееся побоищем у Страстного монастыря (убито 4 и ранено более 25 чел.), тоже носило подкладку более патриотическую, чем политическую. Поводом к побоищу было столкновение солдата, георгиевского кавалера, с городовым. За солдата вступился студент, а потом частная публика. Масса рабочих приняла участие. Дело кончилось свалкой и настоящей охотой за «фараонами». Из этого видно, что горючего материала в Москве было более чем достаточно, но он мало использовался Московской организацией.

Теперь о немецком погроме в мае 1915 г. Нам нечего доказывать общеизвестный факт, что погром связан с полицией, что она, в лице градоначальника Адрианова, была душой погрома. В «Вестнике Европы» приведены очень наглядные иллюстрации из рапорта сенатора Крашенинникова. Даже городовой оказался умнее Адрианова, защищая дом испанского консула [2]). На Мясницкой, когда хотели итти проверять документы

[1]) В хронике «Социал-демократа» из Москвы сообщали даже не без некоторой гордости, как на фабрике Ронталера боролись за право чтения указанных либеральных газет.

[2]) «Вестник Европы», кн. II. Консул имел немецкую фамилию, что послужило поводом остановиться у дома, но городовой указывал на флаг дружественной державы.

в одном магазине, Адрианов, предводительствовавший толпой, сказал, обращаясь к ней: «Господа, это — фирма русская, пойдем дальше». На просьбу фабриканта Прохорова остановить это движение он ответил: «Когда толпа ходит с портретами государя и поет «боже, царя храни», — тогда я готов перед ней выстроиться и разгонять ее не стану». Далее, на его глазах громили магазин «Эйнем», на его глазах убили Карслена и еще двух женщин. Так что попытка полиции разжечь шовинистическое чувство, чтобы отвлечь внимание от поражения на фронте, тут ясна. Что погром привел как раз к обратному, — это тоже не требуется доказывать. Относительно участников погрома сама охранка говорит, что это были «подонки».

Экономической основой, толкавшей рабочих Москвы на поиски какого-нибудь выхода своему недовольству, безусловно, был тот удар, который нанесла война мирным отраслям промышленности, характерным для Москвы. Но это основа, которая создавала возбужденное настроение рабочих и мелкобуржуазных слоев, отчасти лишившихся заработка и угнетаемых условиями войны. В таком движении, как погром, нужны были поводы. Военная обстановка взвинчивает восприимчивость до болезненности. Серия очевидных фактов и неочевидных слухов, показывающих причастность немцев к каким-либо событиям, — значит, «бей немцев». Завтра другие факты создадут настроение, выдвигающее другой лозунг: «бей фараонов и торговцев». Так вот и мечется мелкобуржуазно-настроенная стихия, заражая своим настроением пролетариат. Поводов для того, чтобы взвинченное настроение вылилось в каком-нибудь эксцессе, военная обстановка давала много.

Работая перед войной и в первые три месяца войны на Шлиссельбургском пороховом заводе в качестве подручного слесаря, я сам видел картины и факты, которые являлись причиной увеличения толпы манифестирующих, антинемецки-настроенных рабочих. Прежде всего, большинство администрации и технического персонала завода были австронемцы, затем неравная оплата труда рабочих русских и немцев. Автогенный сварщик-немец получал у нас 6—7 р. в день, а русский — 2 р. 10 к.—3 р. Об этом при каждом случае говорили рабочие. Слух перед войной о возможном взрыве завода — и массовый уход рабочих в связи с этим. Серия пожаров, причем логика их не оставляла сомнений, что они велись по строго рассчитанному плану. Первым было уничтожено огнем пожарное депо. Пожар всего хлопкового и селитрового склада. Далее самый опасный момент — пожар торфяников на недалеком расстоянии от мелинитовых складов, взрыв которых угрожал не только Шлиссельбургу, но и Петрограду. Вот, повторяю, одна часть фактов, которая не могла не создать у рабочих завода антинемецкого настроения и бросила их на улицу в ряды патриотических манифестаций.

Тов. Фокин [1]), рассказывая о московском погроме, пишет, как они стыдливо принялись за «работу», уничтожая домик какого-то химика-немца. Это ведь на рабочей окраине. «Препятствовать этой силе, пытаться воздействовать на нее, отвлечь от погрома не было возмож-

[1]) «Путь к Октябрю», вып. III, изд. «МР», воспоминания.

ности»... «Открыто выступить против взволнованной массы значило рисковать собой в то время», пишет он. За революцию рабочие стали, по его утверждению, к концу 1916 г. Даже самый революционно-настроенный Динамо, судя по воспоминаниям Соколова [1]), имел сильное патриотическое течение и часто обсуждал вопрос об изгнании немцев. В дни погрома попытка большевиков (Борисова, Соколова и др.) направить настроение рабочих в другую сторону не удалась, так как им рабочие не давали говорить. Они сделали это только спустя несколько времени после погрома. Это же пишет динамовец т. Уханов. Революционной заслугой динамовцев они считают то, что рабочие в дни погромов не ходили в город. Погромным было настроение и в таких рабочих районах, как Благуша, Даниловка. 22 мая на одной из окраин была 8—10-тысячная манифестация, толпа из которой ворвалась на фабрику Циндель, в поисках немцев. На фабрике Шредера убит управляющий. Надо отметить, что движение началось не с центра, а с окраин, особенно бурно проявилось, когда была разбита водочная фабрика Шустера и ряд винных погребов.

Провокация погрома, имевшего целью отвести подымающееся настроение рабочих, если на время и удалась, то все же цели не достигла. Рабочие массы тут же почувствовали всю нелепость погрома, чем и об'ясняется их злоба на полицию. Охранник «Захарьин» писал, что «применение (полицией. — С.) вооруженной силы... лишь обозлило массы и придало повсеместно разлитому напряженному состоянию какой-то оттенок революционности. Сознание, что, борясь с немцами, они борются уже с правительством, «состоящим из немцев», распространялось в народных кругах» [2]). Перемена настроения вылилась в столкновения с полицией. Злоба с немцев перенеслась на нее, и уже сам градоначальник отмечает попытки строить 29 мая баррикады и попытку революционных кругов дать движению иное направление. Недаром кадеты, перепугавшись революционного оттенка, который мог вылиться в угрозу собственности не только немецкой, но и вообще всякой, на своей конференции 6 июля обрушились на события. Также яростно оправдывал действия полиции на заседании городской думы Гучков, после того как в результате «усмирения» было убито 6 человек и ранено 31. Милюков взывал к делегатам конференции, что «не поддерживать сейчас правительство — это значило бы шутить с огнем»... «Пусть скажут делегаты с мест, чего можно ждать на почве только одной дороговизны жизни. Здесь напряжение достигло последнего предела, здесь все в таком состоянии, что достаточно неосторожно брошенной спички (лозунг о собрании думы явочным порядком. — С.), чтобы вспыхнул страшный пожар. И храни нас бог, увидеть этот пожар. Это не была бы революция, это был бы тот ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный, который приводил в трепет еще Пушкина. Это была бы вакханалия черни, свидетелями которой мы были только что в Москве.

---

[1]) «Динамо, 25 лет революционной деятельности», изд. «МР», воспоминания Борисова, Солокова и Хренова.

[2]) Меницкий, Рабочее движение и революционное подполье, стр. 122.

Это была бы новая волна той мути, поднявшейся со дна, которая погубила прекрасные ростки революции 1905 г. Какова бы ни была власть, худа или хороша, но сейчас всякая твердая власть необходима более, чем когда-либо [1]).

Со стороны революционных партий была попытка дать движению другое направление, но само движение только под конец приняло революционный оттенок. Рабочий к станкам возвращался придавленный. Сознание заработало в ином направлении.

Антинемецкое настроение в такие формы, как в Москве, больше нигде не выливалось. В Харькове, где антинемецкое движение захватило даже такой завод, как паровозостроительный, с господствовавшими на нем небольшой период времени «союзниками», во главе с Наливайко, рабочие тоже были взбудоражены, и положение грозило кончиться волной погрома, но сознательная часть рабочих не могла допустить до этого. Сам Кошура-Масальский, сообщая об этом министру внутренних дел, пишет, что в предупреждение погрома он принял ряд мер, начиная с высылки немцев из Харькова и усиления полиции до вызова «наиболее видных представителей рабочих, а именно, членов правлений больничных касс и подробно раз'яснил им о необходимости поддерживать полный порядок в переживаемый момент»... Последние дали ему полное обещание «повлиять на рабочий класс в благоприятном смысле» [2]).

Петроград и здесь оказался на высоте своего пролетарско-революционного положения, так как попытки революционно-настроенных рабочих клонились к тому, чтобы вызвать движение в Петрограде, «но уже не на почве вражды к австро-германцам, а исключительно под флагом революционных противоправительственных выступлений и протестов против продолжения войны...» [3]). Надо отметить, что это утверждение охранки вытекало не из априорных предположений, а было основано на конкретном наблюдении фактов. А факты были таковы, что большевистское подполье Петрограда имело ряд собраний, где обсуждался вопрос о московских событиях. Были посланы делегаты в Москву для связи и постановлено обратить серьезное внимание на организацию на фабриках и заводах кружков, ячеек и об'единения их в центры, чтобы тем самым теснее связаться с рабочей массой и более усиленно влиять на нее, внедряя антивоенные лозунги. Предчувствуя возможные активные события уже революционного характера, охранка поспешила обезвредить большевистское подполье и в ночь на 6 июня «ликвидировала» ее верхушку, взяв 20 чел., в том числе Куйбышева В. В., Плетнева, Соколова, Евдокимова [4]) и др. Этот могучий аргумент в руках охранки всегда являлся на протяжении войны спасаю-

---

[1]) Меиицкий, см. прил. о речах на конф. кад. парт.

[2]) Дела деп. пол., № 83, ч. 2, Рабочее движение по Харьковской губ. за 1915 г., л. 19—20.

[3]) Арх. рев. и ви. п., дела деп. пол., № 108, ч. 61, лит. А (подчеркиуто иами).

[4]) Дела деп. пол., № 343, ст. 3, О деятельиости революциоиных партий в связи с войной.

щим средством, парализовавшим героически-революционную работу «ленинцев».

В дальнейшем стачечная борьба в Москве и губернии носила по преимуществу экономический характер и отличалась своим упорством. Признаком охвата партийной частью рабочей массы служит активное выступление 9 января 1916 г. Динамо (700 чел.). Всего по политическим мотивам бастовало 3 078 раб. Некоторое отражение динамики движения в 1916 г. мы уже видели в цифрах общей оценки. Относительно 1 мая сообщить нам нечего, так как во всероссийском масштабе он отмечен был в некоторых местах только воскресными прогулками, небольшими шествиями с пением революционных песен, расклейкой листовок и вывешиванием на видных местах красных флагов. Массовых выступлений, показательных как смотр пролетарской солидарности и готовности бороться с самодержавием и против войны, не было, так как 1 мая был воскресный день. В Москве, как и в других городах, охранка приняла предварительно ряд предупредительных мер (аресты), но факт все же неоспорим, — массовых политических выступлений не было, о чем сообщается в отчетах фабричных инспекторов. Все движение в течение мая было исключительно на почве требования повышения зарплаты [1]).

Об'яснение такому «экономизму» коренится, безусловно, в низкой оплате труда в Московском районе. Характерна прямая связь между высотой зарплаты и забастовочной активностью рабочих. Это видно на примере хотя бы Коломенского завода, по оплате труда стоявшего ниже всех из крупных машиностроительных заводов Московской губернии.

Этот отмеченный «экономизм» движения только в январе 1917 г. переходит в резкий политический антивоенный протест. Тов. Воинова приводит цифру выступивших 9 января в 30 тыс., а всего с экономическим движением в течение месяца бастовало 35 143 раб. Охранка сообщает более точно, указывая цифру бастовавших 9 января — 31 662 раб., хотя она и утешает себя тем, что это-де 10% [2]) от всего рабочего состава Москвы. Выступления, как на Динамо (руководили большевики), в Сокольнических трамвайных мастерских (руководили партийные, большевистские кружки), или собрания на Страстной и Театральной площадях — были очень резки. Всюду рабочие выступали с пением революционных песен, красными флагами и с лозунгами «долой войну». Градоначальника Мартынова это очень тревожило, так как ему видно было, что все движение идет под очевидным влиянием сорганизовавшейся «ленинской» группы («несмотря на аресты»), об'явившей себя «Московским комитетом РСДРП». Об этом говорили также листовки, выпущенные Московским комитетом и районами. В это время даже и в ликвидаторских кругах, группировавшихся вокруг рабочей группы Московского военно-промышленного комитета, шло оживление, и даже они высказались за стачку, толкаемые к тому общим настроением рабочих.

---

[1]) См. ст. К. Воиновой, «Пролетарская революция», № 2 (14), 1923 г.
[2]) Тов. Шляпников считает 30%. См. «1917 год», стр. 26.

Такой сдвиг в сторону боевого настроения говорил, что и московский рабочий вступал на путь революции. Тов. Шляпников очень ярко описывает момент январского настроения рабочих Москвы. Важно здесь то, что оживление рабочего движения пошло параллельно с оживлением работы Московской организации в рабочей среде. Мы прямо склонны сделать вывод и приписать на-ряду с указанным выше, как одну из причин бледности движения в Москве в период 1915 г. и преобладания экономических стачек 1916 г., и то, что работа и положение самой Московской организации с организационной стороны были очень бледны и неустроены. В такой момент, когда война поглощала весь интерес рабочих; когда дороговизна разрушала все бюджетные соображения рабочих; когда полиция душила всякое проявление политической самодеятельности, — значение связи организации с массами и агитация за конкретные лозунги приобретают особо решающее значение. В Москве эта сторона хромала на обе ноги, а отсюда большая часть тех зол, о которых мы писали.

Итак, рабочее движение Москвы, как промышленного центра, характерно большей отсталостью в сравнении с Петроградом. Поворот к движению после затишья наметился в апреле, что связано с расстройством некоторых отраслей из-за войны и с безвыходным положением рабочих. Особые условия окружающей рабочих обстановки, а отчасти их состав, разжиженный за войну непролетарскими элементами, облегчили засорение рабочего движения таким наносным явлением, как антинемецкое движение. Дороговизна, репрессии полиции — его постепенно рассеяли. Слабость рабочей большевистской организации, оторванность интеллигентской ее верхушки от массы, сплошные периодические разгромы партрядов, массовые аресты передовиков-рабочих ослабляли политическую струю движения, и оно носило более экономический характер. Такое положение давало возможность ликвидаторам временно завладеть умами рабочих. Мы говорим «временно», ибо уже в начале 1916 г. пролетариат Москвы резко отмежевался от так называемых военно-промышленных социалистов, сидевших в областном военно-промышленном комитете.

Политическая струя движения не чужда была парламентских иллюзий, что видно на примере сентябрьских и ноябрьских политических стачек протеста против разгона думы. Ярко революционным, направленным против царизма, как системы, включая и помещичье-буржуазную Гос. думу, движение становится в самом конце 1916 и начале 1917 г. Это оживление и революционная окраска движения имели под собой об'ективную почву, в основном сводившуюся к трем факторам: 1) войне с ее дороговизной, низкой заработной платой и каторжными условиями труда; 2) общеполитическому бесправию рабочих и 3) росшей активности большевистских коллективов на заводах-фабриках и всей Московской организации в целом. Экономический характер стачек перерастает в политический, что и приближает московский пролетариат к роли активного выполнителя общероссийской задачи — свержения самодержавия.

в) Металлисты и текстильщики Центрально-промышленной области (без Москвы)

Кон'юнктура текстильного рынка, как известно, накануне войны была не из блестящих, несмотря на возрастающий экспорт на восточные рынки. Особенно плохо приходилось рабочим тех фабрик, которые были зависимы от крупных, работали по их заказам и из их фабрикатов и полуфабрикатов. Расположенные и разбросанные по селам и деревням Владимирской и Костромской губерний, фабрики вели бесшабашную эксплоатацию полукрестьянского, полурабочего труда. Недалеко в этом отношении ушли от них и крупные самостоятельные фабрики. Не случайно, что текстильный район, борясь за повышение зарплаты, численно дал больше всего забастовок по условиям труда. Такая же картина была и на механических и др. нетекстильных предприятиях данного района. Несколько фактов помогут нам оживить картину отношений труда и капитала в названных губерниях. В феврале 1914 г. рабочие Переяславской бумаго-прядильной фабрики (1 500 чел.), бастуя 11 дней, в одном из пунктов требовали сменить всю администрацию и директоров, а фабрику передать правительству. Бастовали против введения новых правил на бутылочном заводе в Муромском уезде. В Коврове на фабрике Треумова, — пишет губернатор, — рабочие жалуются на тяжелые условия. На фабрике т-ва Каретниковых в Тейкове, Шуйского у., предполагали перевести ткачей с 3 станков на 4, чтобы сократить рабочих. В Кохме, на ткацкой фабрике Ясюнинских, ввели новую табель, против которой в «ретирадных местах» вывешивались обращения, призывающие рабочих бороться против нее. На меднопрокатном и латунном Кольчугинском заводе ввели новые правила и уменьшение расценок. Под влиянием снижения расценок и ухудшения условий труда был заметен массовый уход рабочих с механических заводов в Ригу и другие города в поисках лучшей работы. Как правило, на пасхальные праздники рабочие получали расчет, а при новом наборе после праздника наиболее недовольных отсеивали и заключали новые договоры, чтобы избежать требований повышения платы. На Гусевской фабрике после Пасхи не приняли 350 ткачих, из них 180 по причине «преклонного возраста». На фабрике Терентьева в Шуе безрезультатно бастовали в мае по условиям труда. Известен нам длительный конфликт на Гусевской фабрике наследника Мальцева графа Игнатьева [1]) по поводу зверского обращения директора Араповского, отвечавшего рабочим, напр., так: «если вам некуда девать детей, то бросайте их в реку». Конфликт тянулся больше года, и только под давлением губернатора Араповский в 1915 г. был перемещен. Весь июнь заполнен крупнейшими конфликтами на Меленковской мануфактуре, у Гандуриных, на Тынцовской мануфактуре, на фабрике т-ва Балин (1 000 ткачей). Боролись против увольне-

[1]) В архиве гусевских фабрик сохранилась переписка графа с администрацией фабрик и рабочими, характеризующая титулованного эксплоататора. А ведь это не мешало ему хвастаться своим либерализмом и «крестниками из деревни». См. «Падение самодержавия», т. VI, Показание гр. Игнатьева.

ния рабочих, увеличения числа станков на 1 ткача, против слабости к женскому полу администрации, против штрафов и пр. Борьба кончалась закрытием фабрик, на других — увольнением основной части рабочих и набором новых, на третьих — полным поражением рабочих.

Аналогичная картина была и в Костромской губернии. Об'явление войны еще больше ударило по рабочим текстильного района, и без того находившимся в тяжелом материальном положении. Владимирский губернатор, предвидя остроту возможных осложнений, указывает на причину застоя в делах от сокращения подвоза хлопка и сокращения выработки пряжи на крупных фабриках, питавших все ткацкие фабрики района. Массовое сокращение рабочих «фабрикантами будет предпринято в скором времени (пишет он 30 июля), независимо от сокращения подвоза пряжи, так как в настоящее время стал замечаться застой в торговых делах». В августе (12-го) он уже мог осязать конкретную цифру рабочих, равнявшуюся 53 673 раб., которым предстоит быть выброшенными на улицу. Посему он пишет министру внутренних дел, что «такое положение может вызвать брожение среди совершенно необеспеченных рабочих, имеющих единственным средством к существованию заработок на местных фабриках и заводах». Далее он просит каких-нибудь заказов. Такое «рабочелюбие» губернатора Крейтона диктовалось, конечно, полицейскими соображениями, так как совместить рабочелюбие с расстрелами нельзя. В дальнейшем, военные заказы смягчили и до известной степени устранили кризисное состояние в текстильной промышленности, но на сцену выступил другой фактор, явившийся результатом войны, — продовольственный вопрос. Для данного района (как для всех других промышленных губернских центров) — это один из серьезнейших вопросов, с которым связано рабочее движение.

Как пример для характеристики движения в связи с продовольственным кризисом, показательно майское движение 1915 г. в Иваново-Вознесенске. «Началось движение с фабрики Куваева, рабочие которой 25 мая пытались вызвать на общую забастовку рабочих фабрики Маркушева. Не будучи допущены на фабрику, они разошлись, а 26 мая, в час дня во время смены, рабочие многотысячной толпой направились к городской управе, требуя отмены новой таксы на продукты питания. Все переговоры с местной властью не увенчались успехом. Простояв до 11 часов вечера, рабочие разошлись. 27 мая вновь явились в 8 часов утра к управе, куда в это время прибыл вице-губернатор. Хотя последний и дал на своей визитной карточке заверение рабочим, что их уполномоченные не будут арестованы, все же рабочие отказались от их выборов. К вечеру на-ряду с требованием понижения таксы они потребовали освобождения одного арестованного рабочего. Такса рабочих оказалась неприемлема и для городских заправил (управа была в руках фабрикантов), а «требование же освободить арестованного» оценивалось полицией как демонстрация против власти, ибо «арест рабочего последовал дней на 10 ранее этого выступления, за нарушение обязательного постановления г. владимирского губернатора, за подстрекатель-

ство рабочих к забастовке...» [1]). Отсюда мы видим, как на протяжении дня у рабочих, участвовавших в этом экономическом конфликте, пробуждается сознание: при аресте рабочего рабочие не бастовали, а теперь в процессе столкновения и обсуждения вопросов в связи с дороговизной они выдвигают политическое требование, ибо арестованный для полиции был опасен, как руководитель. Пусть они не добьются своего требования, но оно уже будит их политическое сознание. 28 мая в среде бастовавших рабочих «слышались призывы к насильственному освобождению арестованного». Усилением полиции, войска и частичными уступками по снижению таксы и другими обещаниями рабочих вынудили на уступки. Были выбраны уполномоченные из их среды, и на совместном заседании в городской управе 29 мая они пред'явили еще требование о повышении зарплаты, вежливом обращении с рабочими и др. Управа вопрос о зарплате отказалась обсуждать, пойдя на уступку в снижении таксы на продукты питания и обещая привезти в Иваново-Вознесенск продовольствие. 30 мая рабочие стали на работу, и на время забастовку можно было считать ликвидированной. Местная охранка не только принялась выуживать руководителей, но и «поставила задачей отклонить вопрос об освобождении арестованных», т. е. убедить рабочих, что этот вопрос не относится к делу.

Руководителями движения были, по утверждению самой агентуры, «по большей части сознательные товарищи». Забастовки на этой почве имели место и в Шуе, на крупнейших фабриках Горелиных, Гандуриных, Терентьева, Зуброва и др. (с числом рабочих от 2 100 до 4 300).

В 1915 г. в текстильном районе имели место два крупнейших события, которые получили отзвук далеко за пределами Костромы и Владимира. Мы говорим о расстреле рабочих 5 июня в Костроме и 10 августа в Иваново-Вознесенске.

Первый расстрел связан с забастовкой на фабриках Б. Костромской льняной мануфактуры, рабочие которых (6 611 человек) требовали увеличения квартирных денег в размере 75 коп. малолетним, 1 руб. подросткам и 2 р. в месяц взрослым. Требование рабочих директор Шевалдышев считал возможным удовлетворить, но при условии снижения зарплаты на 10%. Это было насмешкой над рабочими, ибо их требования были самые минимальные. Издевательство фабрикантов, в лице Шевалдышева, было вызовом рабочим, брошенным с целью проучить рабочих, ибо перманентный «стачкизм» рабочих стал нервировать фабрикантов. Тем более, что к тому времени текстильная промышленность стала оправляться от кризиса, получив ряд заказов военного ведомства на суровые ткани для нужд армии. Кострома и Иваново-Вознесенск — вот два текстильных центра, откуда шло концентрическими кругами забастовочное влияние. Эти два центра и должны были получить «урок» от полиции, работавшей рука об руку с фабрикантами.

Безвыходное положение заставило рабочих Костромской мануфактуры выйти на демонстрацию протеста против дороговизны. К ним

[1]) Архив рев. и вн. п., дела деп. пол., № 11, ч. 2, Рабочее движение по Владимирской губ. 1915 г., л. 77.

присоединилась часть рабочих Бельгийской мануфактуры. Снесшийся с полицией директор Шевалдышев (он же и городской голова Костромы) требовал локализации забастовки [1]). Собравшиеся рабочие направились далее к Зотовской мануфактуре. Там их встретила конная и пешая полиция, которая, бросившись на них, смяла их ряды, но оттеснить от фабрики не могла. Часть рабочих проникла во двор фабрики, где они были арестованы с и д е в ш е й в з а с а д е п о л и ц и е й. Узнав об этом, стоявшие у ворот фабрики рабочие стали требовать их освобождения. На отказ полиции рабочие заявили, что они не уйдут до тех пор, пока не освободят арестованных. Тогда полиция открыла стрельбу. По официальным данным, убито 4 и ранено 9, а по данным запроса депутатов Гос. думы, убито 12 и ранено 45. После этого уступка в требовании квартирной платы была сделана на другой же день. Теперь «жертва» со стороны фабрикантов была омыта рабочей кровью, но рабочие Зотовской и других фабрик ответили забастовкой протеста против такой расправы. Издевательства полиции продолжались и после расстрела над родственниками убитых — массовыми арестами и разгоном рабочих, собравшихся на похороны.

Иваново-вознесенское событие было много крупнее по своим размерам и последствиям. Выступили почти те же фабрики, которые мы видели в мае на площади перед городской управой. Расстрелу предшествовала всеобщая политическая забастовка, главная подоснова которой была та же, что и в мае — продовольственная, но теперь рабочие уже не апеллировали к «управе», шедшей на поводу у фабрикантов, а протестовали и п р о т и в в о й н ы. Здесь уже был конкретный лозунг, внедрявшийся в сознание рабочей массы в результате упорной работы Иваново-Вознесенской большевистской организации. По данным инспекторов, в этой политической забастовке участвовало в Иваново-Вознесенске 25 182 человека. Забастовка была сугубо политической. Ответом на расстрел были такие же политические забастовки в Петрограде (около 20 тысяч участников) и отчасти в Москве и др. местах.

Самый факт расстрела произошел при еще более зверских обстоятельствах, ибо в Костроме полиция предварительно попыталась не допустить рабочих до слияния с «зотовцами», здесь же прямо из-за угла предательски открыла огонь по безоружной толпе, шедшей к тюрьме с попыткой освободить арестованных товарищей.

Тов. Андрианов [2]), как участник стачки и очевидец расстрела, передает очень яркие подробности, которые лучше всего вскрывают, как на протяжении небольшого периода времени э к о н о м и ч е с к а я с т а ч к а п е р е р а с т а л а в п о л и т и ч е с к у ю. Крик «хлеба, хлеба» становился синонимом лозунга «долой войну». По словам т. Андрианова, так и было. В июльской стачке рабочие и работницы стояли еще перед управой и кричали «хлеба». Местная буржуазия, заседавшая

---

[1]) Сборник Центроархива, Рабочее движение в годы войны, стр. 77, 211 и 215.

[2]) А. А н д р и а н о в, 10 августа 1915 г. (воспоминания участника и очевидца), сб. «Текстильщик», изд. «Мир», 1925 г., М.

в управе, на третий день стачки и под давлением вице-губернатора объявила о снижении цен на муку в размере 20—40%. Временно работы возобновились. Желая разделаться и обезопасить себя впредь от стачек и думая, что у рабочих стачечное настроение прошло, полиция в ночь на 9 августа арестовывает виднейших руководителей — Зиновьева, Кадыкова, Краснова, Колесникова и др. Полиция просчиталась. 10 августа все фабрики стали. Иваново-вознесенский пролетариат слишком чувствителен, чтобы позволить оскорблять себя. Демонстрация и протест испугали власть: Зиновьева и двух других товарищей полицеймейстер освобождает. Рабочие не уходят с площади, требуя освобождения всех. К управе были стянуты войска. В толпе ныряли переодетые шпики, выслеживая и отговаривая рабочих отказаться от требований. Один шпик был опознан и избит. За поздним временем руководивший рабочими Зиновьев просит разойтись. Рабочие упрекают его за трусость и считают своей обязанностью настойчивее требовать и не уходить с площади, пока не освободят арестованных. В это время был брошен слух, что арестованных из тюрьмы увозят. Масса бросила клич: «к тюрьме». Далее случилось то, что готовила рабочим буржуазия вкупе с полицией: летом, в теплый августовский вечер повторено было новое «9-е января». Отстоять борьбой своих арестованных товарищей иваново-вознесенскому пролетариату не удалось. Первое «пли» вырвало руководителя Зиновьева и других. Обезумевшая от ненависти ткачиха бросилась вперед, обнажая грудь, с криком: «стреляйте». Второй залп снес ее и других товарищей. Что случилось — передать трудно. «Приказный» мост, ров, прыгающие люди, стоны, кровь, а в это время с тыла врезались в толпу рабочих казаки. В результате 25 изуродованных трупов и ранено около 30 рабочих. Вот самые грубые мазки картины события 10 августа 1915 г. в Иваново-Вознесенске. Сюжет ее показывает, как рабочий класс брал первые уроки гражданской войны, героев в которой немало дал иваново-вознесенский пролетариат.

Из переписки управляющего делами министерства внутренних дел с князем Щербатовым (заместитель военного министра Беляева) выплывает один интересный момент, по которому видна связь и причастность к движению рабочих и солдат местного гарнизона, в большинстве уроженцев Иваново-Вознесенска, находившихся в 1-м и 199-м запасных батальонах. Последних, в числе 350 чел., перевели из Иваново-Вознесенска и расформировали по разным батальонам, пригнав на их место другие части. «Зараза», видимо, пустила корни, так как в отношении пишется, что для окончательного обезвреживания части делаются дальнейшие распоряжения [1]). Следовательно, орабочивание армии сразу сказывалось на ее политическом настроении, что являлось важнейшим залогом успеха революции.

Фабриканты из расстрелов, видимо, сами извлекли урок, и поэтому бросается в глаза перемена их тактики по отношению к рабочим. Обещать продовольствия, накинуть процентики на дороговизну, а завтра —

[1]) Дела деп. пол., № 11, ч. 2, за 1915 г., Рабочее движение Владимирской губ.

на отпускаемые из фабричной лавки товары, — вот новая тактика, рассчитанная на умиротворение движения.

В январе 1917 г. движение опять стало принимать формы, предвещавшие бурю. Напр., пролетариат Владимирской губ. дал в январе 1917 г. по очень неполным данным 35[1]) забастовок с 47 657 участниками, превзойдя все районы количеством потерянных дней (упорство забастовок) — 456 240. На одного участника приходилось 9,5 дня. Эта губернская средняя является рекордной для имевших место годовых средних российского масштаба, начиная с 1895 г. (для промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции).

Если бы мы построили кривую движения рабочих в указанных двух губерниях по месяцам на протяжении августа 1914 г. — января 1917 г., то картина получилась бы очень красноречивая, говорящая о том, что удельный вес стачечного движения в них очень большой. Владимирская губерния шагает почти в ногу с Московской. Важно еще то, что эти две губернии дали максимальную цифру забастовок и участников за первые месяцы войны, тогда, когда другие еще не выступали. Связано это, безусловно, с тем состоянием текстильной промышленности, о котором мы уже упоминали. Ведь не мог не реагировать текстильщик, когда на-ряду с каторжным режимом труда он не только в реальном заработке, но и в номинальном стал получать меньше. Прежняя средняя заработная плата ткача с 19 р. 36 к. в месяц в январе 1915 г. стала 16 р. 17 к. Это при выросших ценах, когда мука ржаная с 1 р. 15 к. за пуд стала 1 р. 60 к., гречневая крупа — с 1 р. 70 к. до 2 р. 70 к., керосин — с 4 к. до 6 к. за фунт и т. п.

Говоря об удельном весе движения рабочих текстильного района в военные годы, мы приведем таблицу, которая позволит сравнить его с движением в других главных центрах и с общероссийским итогом. Несмотря на официальное происхождение цифр, интерес таблицы несомненный, так как одной из характерных черт движения в годы войны была концентрированность его в основных политико-экономических центрах. Таблица, не охватывая движения в горных и горнозаводских предприятиях, об остальном движении для сравнения дает полное представление[2]) (см. табл. на стр. 287).

Этой таблицей мы не хотим сгладить роль Петрограда, ибо наши вертикальные графы процентного отношения стушевывают его удельный вес. О Петрограде мы уже говорили, и здесь абсолютные цифры политического движения говорят сами за себя. Тексильный район «Русский Манчестер» дал почти одну треть по потерянным дням и участникам и около одной четверти забастовок к общему их итогу. Из цифр видно, какова роль всех остальных промышленных центров, помимо этих четырех, особенно по политическим стачкам. Характерны цифры: 66,7, 84,0 и 75,3%. По их сравнению с политическими и экономическими

[1]) Арх. истории труда в России, кн. VI—VII, за 1923 г.

[2]) Таблица составлена по сборнику Центроархива, подготовленному к печати Флеером, и «Материалам по статистике труда», вып VIII, 1920 г.

ГУБЕРНИИ	Политические забастовки			Экономические забастовки			Всего			% отношение забастовок, участник. и потер. дней к общему итогу		
	Число забастовок	Число участн. забастовок	Общая продолжит. забаст. в рабоч. днях	Число забастовок	Число участн. забастовок	Общая продолжит. забаст. в рабоч. днях	Число забастовок	Число участн. забастовок	Общая продолжит. забаст. в рабоч. днях	% забастовок	% участн.	% потер. дней.
Владимирская . . .	33	22 282	45 464	372	264 866	959 597	405	293 148	1 005 061	17,7	19,2	15,1
Костромская	2	3 124	2 008	138	159 752	1 093 098	140	162 876	1 095 106	6,1	10,7	16,4
Московская	113	39 279	61 215	364	271 295	1 389 905	477	310 574	1 451 120	20,9	20,3	21,7
Петроградская . . .	256	348 118	740 079	242	167 860	732 826	498	515 978	1 472 905	21,9	33,8	22,1
Всего по 4 губерниям	404	418 803	848 766	1 116	863 773	4 175 426	1 520	1 282 576	5 024 192	66,7	84,0	75,3
По России	463	469 086	895 823	1 817	1 056 889	5 777 118	2 280	1 525 475	6 672 941	100,0	100,0	100,0
В % 4 губ. к общему итогу	87,2	89,3	94,7	61,4	81,7	72,3	—	—	—	—	—	—

стачками, взятыми врозь, видно преобладание в других районах мелких забастовок.

Заканчивая обзор текстильного района, скажем несколько слов в оправдание «экономизма» стачечной борьбы текстилей данного района. На-ряду с отмеченным выше влиянием войны на текстильную промышленность, две причины обусловили преобладание экономических стачек. Прежде всего тяжелое продовольственное положение района и женский состав пролетариата. Однако экономическая борьба в процессе хода одной стачки быстро перерастает в политическую. В самом деле, при создавшейся естественной (транспорт) и искусственной (запрещение вывоза хлеба из губерний) разорванности сельскохозяйственных рынков для текстильного района вопрос о хлебе принимал решающее значение в смысле влияния на забастовочное движение, давая ему в условиях войны политическую окраску и политическое значение. Борьба за продовольствие была ступенью к борьбе против войны и самодержавия. Этого не надо забывать. Значительно преобладавший женский пролетариат района на забастовках за хлеб и условия труда рос и закалялся. Несомненно также и то, что стачечная борьба, невиданная в прошлом для этого района, в период войны делала свое дело. Женщина становится борцом и идет плечо к плечу с передовым рабочим. Об упорстве и даже влиянии женщин на забастовки неоднократно указывали губернаторы Владимирской, Костромской и Тверской губерний. Список убитых и раненых во время расстрела в июне и в августе тоже говорит за это... В списках арестованных за подстрекательство к забастовке и агитацию на собраниях мы опять видим женщин. На бумаго-ткацкой Гусевской фабрике банкоброшницы упорно боролись в ноябре 1916 г. против ночной работы для женщин. Своим упорством они остановили всю фабрику, которая за отсутствием ровницы не могла работать, а все же добились своего. В Твери на мануфактуре Берга работница Чередникова явилась предметом переписки департамента полиции за ее активность в октябрьской забастовке 1916 г. Только непосредственная борьба с ее победами и поражениями способствовала втягиванию качественно отсталых слоев в общие ряды рабочих, в их борьбе против войны и самодержавия. Очевидность этого видна на примере текстильного района, хотя процесс формирования революционного сознания как для данного, так и для других районов не закончился еще до Февраля. Он пока уперся в одну основную социально-политическую преграду, стоявшую на пути развития страны, — это вековое самодержавие. Его и штурмовал рабочий класс в феврале 1917 г.

Теперь о двух губерниях, расположенных в противоположных сторонах от Москвы, — Тверской и Тульской.

Отличие Твери от рассматриваемых двух губерний в том, что здесь фабрики находятся в самом губернском центре. Следовательно, они ближе связаны с политической жизнью и не только губернии, но и страны. Тверской пролетариат (текстильщики и металлисты по преимуществу) вступает позже в русло движения, но политическое сознание его выше. Политические выступления в пролетарские праздники и революционные даты рабочая Тверь знала больше (май 1915 г., 9 января 1916 г. —

бастовала Рождественская мануфактура — 3 837 раб.). Крупные экономические забастовки в 1916 г. имели место на мануфактурах Рождественской, Морозова, Зологина, Тверской, на Русско-балтийском заводе и др. Забастовки принимали очень обостренный характер. Тверская организация с.-д. большевиков всеми мерами содействовала освобождению рабочих от патриотических иллюзий. Ее прокламации губернатор Бюнтинг называет «возмутительными, призывающими путем забастовок и об'единением рабочих всех стран добиться мира» [1]). Одним из значительных факторов движения и здесь был продовольственный вопрос. Но рабочие боролись не только за хлеб, а протестовали и против бесправия, против бесчеловечной эксплоатации гг. Рябушинских, Смирновых и др. Рабочие требовали человеческого обращения со стороны администрации, отпуска женщин для кормления грудных детей и др. Октябрь 1916 г. в Твери был аналогичен октябрю в Петрограде (в маленьком масштабе), что тоже свидетельствовало о революционных тенденциях движения.

Ряд причин военного характера, более сильная социальная «увязка» тульских заводов с деревней, — все это не могло не наложить своего отпечатка на Тулу, как промышленный центр. За годы войны о Туле можно говорить лишь в связи с забастовкой в июне 1915 г. и январской забастовкой 1916 г.

Поводом к июньской забастовке было требование рабочих повышения зарплаты. На путь «прибавки» по случаю войны и дороговизны Тульский завод вступил 12 июня, о чем было об'явлено рабочим. Но «прибавки» носили характер кнута, подгоняя рабочих к интенсивности труда — пропуск рабочих дней лишал прибавок. Такая механика рабочим была ясна: работницы патронной, снаряжательной и п а ч е ч н о й мастерских бросили работу, требуя повышения р а с ц е н к и. Заводоуправление пересмотра расценок не хотело, а опять согласилось дать «добавочное вознаграждение» в размере от 10 до 20 к. мужчинам и 13 к. женщинам в день. Рабочих такая «милость» вновь не удовлетворила, и 25 июня они уже прекратили работу в числе 10 748 человек [2]). Правление проделало еще маневр, обещав рабочим прибавку в виде определенной годовой суммы. Этим маневром думали прекратить дальнейшее требование повышения зарплаты. Кроме того, имелось стремление внести раздор в рабочую среду при распределении этой прибавки. Рабочие также отвергли эту комбинацию и продолжали бастовать. Дальше применен был уже знакомый метод. Заводоуправление и местная полиция перешли в контр-наступление, и рабочий фронт был разбит. Об'явление заводоуправления 29 июня о расчете, если не встанут на работу, и передаче ратников в распоряжение военных властей внесло дезорганизацию в ряды рабочих. Часть мастерских вышла на работу, часть продолжала бастовать. Бастовавшие сняли работавших в пачечной и снаряжательной мастерских. Другие мастерские работали. Новое об'явле-

---

[1]) Архив рев. и вн. п., дела деп. пол., № 13, ч. 2, за 1916 г., Рабочее движение Тверской губ.

[2]) Сборник Центроархива «Рабочее движение в годы войны», стр. 74.

ние правления об увольнении первой смены гильзовой и пульной мастерской, об'явление полицеймейстера о мобилизации ратников сделали свое дело: большинство стало на работу. Забастовка была разбита. 2 июля все мастерские пошли полным ходом. Тов. Бригадиров [1]) в своих воспоминаниях почему-то называет эту забастовку успешной, тогда как она была по всему фронту разбита. «Успех» ее заключался только в том, что правление бросило рабочим «уступку», которую в других предприятиях вводили без борьбы. Подлинный же успех, без кавычек, заключался в другом: забастовка выколачивала патриотизм, сидевший в мозгах рабочих. 1916 г. тульский пролетариат в известной своей части встретил уже не таким, как он был в 1915 г. Неподдержка июльской забастовки оружейным заводом, отсутствие сплоченности в среде бастовавших после первого об'явления, слабое руководство забастовкой со стороны передовых рабочих, — все это было минусом в забастовке. Неслучайно, что активность в забастовке была на стороне женщин-работниц, а не мужчин. Разрозненность выступлений была характерна и в последующих забастовках.

В январской забастовке 1916 г. были очень тревожные для власти симптомы, которые дают повод считать забастовку возникшей на политической подкладке. Министр внутренних дел Хвостов сам это признает в письме к Штюрмеру, отмечая, как рабочие в присутствии тульского губернатора выкрикивали: «Зачем нам Двинск? Зачем нам Рига?» Виновниками забастовки он считает «30 главарей, агитация которых возбуждала рабочую заводскую массу в 12 тыс. человек» [2]). Основным требованием в забастовке было увеличение зарплаты от 40 до 75%, установление минимальной зарплаты для поденных женщин и чернорабочих, вежливое обращение, передача лечебного дела в руки больничной кассы и др. Методы борьбы дирекции завода и полиции с забастовкой были такие же, как в июне 1915 г., как и всюду, — расчет, закрытие и отправка на фронт. Этому, правда, предшествовало обещание дирекции ходатайствовать перед правлением об улучшении положения, которое, как и обычно, никогда не выполнялось.

19 января рабочими было пред'явлено требование, 21-го и 22-го не работали, а 22-го вечером уже появилось об'явление о расчете и призыве к воинскому начальнику первой смены рабочих. Такая легкость и быстрота, с которыми правление такого важнейшего завода решило об'явить расчет, очень характерны. Таких явлений в 1916 г. было очень много. 25-го было дано согласие на прибавку, а 26-го вновь прекратились работы, потому что условия выполнения прибавки не давали рабочим надежды на ее получение. 27 января меднопрокатные и патронные заводы были закрыты. Яркий образец военно-административной расправы с рабочими передает сам Хвостов: «Тульский губернатор ходатайствует всех военнообязанных (3 500 человек) рабочих призвать к исполнению воинской повинности, не давая им трехдневного срока для

[1]) «Революционное былое», № 3, 1923 г., орган Тульского истпарта.

[2]) См. письмо Хвостова в сборнике Центроархива «Рабочее движение в годы войны», стр. 251.

устройства домашних дел, но так как без части этих военнообязанных заводам немыслимо работать, то после призыва, по выбору заводской администрации, командировать их к работам на заводах, подчинив военному режиму и поставить под угрозу предания военнополевому суду, если они не станут исправно работать» [1]).

Вот классово-полицейские скорпионы, которые обрушивались на рабочих, имевших смелость просить «вежливого обращения»...

Забастовка здесь тоже была быстро разбита. К об'ективным причинам поражения (драконовские меры борьбы с забастовкой) надо прибавить и то, что не весь тульский пролетариат участвовал в забастовке. Оружейный завод, напр., «раскачался» только накануне Февраля. Затем само руководство стачкой находилось в недостаточно твердых руках, нелегальное правление тульского союза металлистов было сплошь меньшевистским, а это много значило в смысле подготовки и ведения забастовки, так как руководство зависело от союза. Не был сагитирован оружейный завод, не было настойчивости. Не случайно, что сейчас же после забастовки правление получило вотум недоверия и было полностью заменено большевиками (включая только одного эсера). Работа большевистского правления подготовила то, что к 1917 г. «раскачался» оружейный завод. Уже в февральской стачке 1917 г. участвовал и оружейный завод. Эта последняя стачка стоила рабочим разгрома всей большевистской головки в правлении союза металлистов [2]).

Хотя медленно, но под логикой фактов классовой борьбы патриотизм выветривался даже у самых темных слоев рабочих, очищая тем самым дорогу антивоенному настроению. Ударами удачных и неудачных забастовок выколачивались из сознания отсталых и новых слоев пролетариата узко-цеховые, шкурнические и всякие другие взгляды на войну. К этому же времени относится и рост подпольной организации большевиков на заводе, имевшей постоянно работавший коллектив [3]). Революция была и в Туле не за горами.

Крупнейшей вехой в истории рабочего движения является забастовка на Брянском заводе Орловской губ. (апрель — май 1916 г.). Расположение завода, состав рабочих, общие условия и характер производства были на нем аналогичны Сормовскому заводу Нижегородской губернии и Тульским заводам. Эти признаки создавали много сходства в формах движения на протяжении войны, как мы увидим ниже.

Промышленность Орловской губ. в годы войны почти не видела движения до 1916 г. Это не значит, что положение рабочих в губернии было блестящее. Как раз наоборот, оплата труда была очень низкая. На стекольных Мальцевских заводах она доходила прямо до грошовой. На Брянском заводе в 1916 г. было 15 000 человек, из них женщин — 998, подростков — 1 986, чернорабочих — 3 688.

Затишье движения в первые полтора года войны было связано с составом рабочих, в значительной своей части имевших тесную связь

---

[1]) См письмо Хвостова в сборнике Центроархива «Рабочее движение в годы войны», стр. 251.

[2]) «20 лет тульского союза металлистов», изд. Тульск. истпарта, 1926 г.

[3]) А. Сорокин, Из истории 1917 г. в Туле.

с деревней, окруженных деревенской обстановкой и с «оборонческим» настроением. Рабочий состав таких раойнов дальше, по времени, находился в болоте бессознательного шовинизма и выносил условия гнета военного режима. Движение в таких случаях труднее раскачать, но, возникнув, оно может долго и упорно держаться, пока противные силы не сломят его. Победа забастовки и поражение одинаково толкают рабочих более революционно оформлять свое сознание и расширять кадр борцов от станка против самодержавия, против буржуазии.

«Забастовка на Брянском заводе возникла и протекала под руководством партийной части рабочих. На заводе было около шести ячеек, об'единявших до 50 человек, аккуратно плативших членские взносы», пишет т. Шоханов в своих воспоминаниях о забастовке.

Этот вот партийный кадр вдохновлял и руководил забастовками. Активный участник забастовки, Шоханов, показывает и убедительно доказывает, как иногда ошибаются, когда, не зная внутренней истории и хода стачки, об'ясняют ее стихийным взрывом [1]). Мы напоминаем еще раз об этом потому, чтобы подчеркнуть неверность точки зрения, к о т о р а я и д е т п о л и н и и н а и м е н ь ш е г о сопротивления, давая экономическим забастовкам сплошную оценку как стихийным. Стихийными забастовками можно назвать те из них, которые в моменты широкого массового движения, выступления захватывают пролетариат в бурном протесте, или (октябрь 1905 г., февраль 1917 г.), когда доведенные до отчаяния рабочие какой-нибудь фабрики или фабрички бросаются на технический персонал или разрушают орудия производства. Как можно назвать стихийной забастовку, когда задолго до нее собирается головка передовых рабочих и решает все вопросы о подготовке к ней [2]). Как можно считать стихийной забастовку, когда даже предрешается кандидатура в уполномоченные от рабочих еще до забастовки.

Началась забастовка 23 марта 1916 г. [3]) приостановкой работ в плужной и механической мастерских (2½ тысячи рабочих). Затем к ним 24-го и 25-го примкнули цехи, а 26-го завод встал весь.

Администрация пошла на уступки рабочим в их требованиях, и рабочие 28 марта стали было на работу, но ввиду неясности с уступками администрации 29 марта вновь бросили работу. Только после приезда губернатора и после его об'явлений, что уступки будут выполнены, 30 марта после обеда рабочие стали на работу, так как получили удовлетворение ряда своих требований. Кроме того, губернатор, несмотря на свой либерализм, терроризировал рабочих целым рядом об'явлений, с угрозами всяких кар за стачку.

Несмотря на «авторитетное» вмешательство губернатора, обещания остались обещаниями. Рабочие требовали прибавки зарплаты от 10 до 100%, выдачи продуктов по удешевленным ценам, улучшения условий

---

[1]) «Пролетарская революция», № 9 (56) за 1926 г., ст. Шоханова.

[2]) «Революционная борьба рабочих Брянского завода и Мальцевщины в годы империалистической войны», Брянск, Губком, 1926 г.

[3]) Между прочим, как здесь, так и всюду приводятся даты старого стиля.

труда работниц, улучшения и расширения бань, введения института старост, неприменения репрессий за забастовку и т. д.

Свое обещание удовлетворить ряд требований рабочих дирекция обусловила так, чтобы его не выполнить. Напр., повышение расценки «должно было быть сделано заводоуправлением после совместного обсуждения вопроса о размерах этого повышения со старостами рабочих». Рабочие же не хотели выбирать старост без обсуждения кандидатур и круга вопросов, в которых будет компетентен институт старост [1]). Это было на руку директору, ибо затяжка вопроса была основой его тактики. На этой почве 25 апреля забастовка разразилась вновь. На этот раз уже не для того, чтобы получить фиктивные обещания, а чтобы бороться до конца.

Для характеристики поведения администрации во время забастовки возьмем мнение губернатора. Последний писал в департамент полиции, что «заводоуправление до настоящего времени не выполнило обещаний, данных 29 марта при ликвидации предшествующей забастовки. А между тем, при личном посещении мною Брянского завода 29 марта директор Буховцев сам открыто признал материальное обеспечение рабочих при современной крайней дороговизне жизни недостаточным и дал в положительной форме обещание увеличить заработную плату всем рабочим от 5 до 20%. Теперь же при возобновлении работ «своих обещаний не выполняет» [2]). Далее он упрекает его в затяжке вообще переговоров и стремлении сорвать прибавку.

Рабочие, первое время ухватившись за институт старост, потом отказались от этого, видя, что это мертворожденное детище военно-промышленной буржуазии ничего им не даст. Отказ рабочих от выборов старост дал повод директору совсем отказаться от выполнения обещаний. Но чтобы привлечь на свою сторону часть рабочих, чтобы расколоть единый фронт квалифицированных с остальными, директор стал давать частичные прибавки, выбирая персонально более лойяльных рабочих, дав прибавку, по его заявлению, около 1 500 рабочим.

Такая тактика губернатору, как малоискушенному в эксплоататорских махинациях, была непонятна, ибо, — писал он в центр, — на заводе не 1 500 человек, а «до 17 тысяч, и им всем была обещана немедленная прибавка». Это заступничество за рабочих губернатора очень характерно. Дело, конечно, тут не в личном антагонизме директора Буховцева с губернатором Араповым, а глубже: оно — в действительно тяжелом положении рабочих, в боязни массовой вспышки и столкновений в резкой форме, чего губернатор не хотел допустить у себя в губернии.

Далее он считает, что проектируемые прибавки чернорабочим «опять-таки ничего реального не дают при их нищенском положении». «Слишком ничтожным плюсом в скудном бюджете рабочего» считает он также только предполагаемую прибавку каждому рабочему от 10 до

[1]) Как известно, институт старост по закону 1903 г. рекламировался социал-патриотами из рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета и этим последним.

[1]) Архив рев. и вн. п., дела деп. пол., № 48, ч. 2, 1916 г., лл. 102—105.

20 коп. в день, настаивая на выполнении процентной прибавки. По мнению губернатора, образ действий Буховцева, «игнорирующий самые жизненные интересы рабочих и тем самым парализующий все начинания, направленные к устранению создавшихся затруднений на заводе» [1]), является тормозом к прекращению конфликта...

Вообще вся переписка губернатора с центром особенно подчеркивает тяжелое материальное положение рабочих, что подтверждает собранная и опрошенная им агентура. Чтобы существовать, рабочие должны были работать всегда сверхурочно. В бедственном положении особенно находились чернорабочие.

Ведь на Брянском заводе рабочие вынуждены были покупать и есть хлеб, испеченный из муки, которую австрийские пленные разбивали кувалдами на глазах рабочих! Ведь у «брянцев» были массовые резкие желудочные заболевания от питания суррогатами! Поэтому «рабочелюбец»-губернатор и нападает на директора в своем отношении в департамент полиции, считая его виновником забастовки.

Между прочим, этот господин директор еще в 1915 г., когда только впервые поднялся разговор о милитаризации труда в Петрограде, убедил начальника местного гарнизона издать приказ, которым доводилось до сведения ратников ополчения и новобранцев, что они числятся на действительной военной службе с откомандированием их для работ на заводе. В приказе требовалось, чтобы эти рабочие носили на головных уборах ополченские кресты и кокарды. Все их возможные проступки подводились под действие военного суда. Если буржуазия в целом и отрицательно относилась к милитаризации труда из боязни вмешательства военного министерства в промышленность, то фактически милитаризация существовала. Приказы Буховцева, то бишь начальника брянского гарнизона, — тому доказательством. Приезжавший на завод генерал Чердынцев [2]) держался методов директора, а не губернатора. Генерал считал выходом из положения следующее: немедленно рассчитать всех рабочих, взять два последних призывных возраста в войска, арестовать и отправить к воинскому начальнику 36 раб., проявивших наибольшую активность в последней забастовке, а затем, «по освобождении завода от наиболее беспокойного элемента, об'явить новую запись на работу». Вот «классические» методы борьбы со стачкой (надо иметь в виду, что большинство чернорабочих получало по 65 коп. в день. Позорно также вели себя и гг. фабричные инспектора (вообще, если можно говорить о каком-нибудь непозорном их поведении). Рабочие в телеграмме министру внутренних дел писали о формальном уклонении последних даже от своих чисто официальных обязанностей.

Возвращаясь к забастовке, приходится отметить быстроту хода событий, что говорит об озлобленности и той и другой стороны. Приехавший на завод председатель правления Кошкарев обещал дать прибавку тем, кто не хочет получать продукты из заводской лавки, от

[1]) Архив рев. и вн. п., дела деп. пол., № 49, ч. 2, 1916 г.

[2]) Председатель заводского совещания по Московской промышленной области, уполномоченный на эту должность военным министром, как председателем особого совещания по обороне.

20 до 30 копеек одиноким и 40 копеек семейным в день. Рабочие бедствовали. Губернатор просил департамент полиции воздействовать на заводоуправление, чтобы выдать рабочим хотя бы некоторую авансовую сумму в счет будущей надбавки.

На об'явление Кошкарева рабочие ответили отказом, и 5 мая завод был закрыт. Между прочим, параллельно вспыхнула забастовка в арсенале (около 2 500 раб.) под влиянием брянцев, но там расправлялись с рабочими чисто по-военному, и рабочие, будучи наполовину военнообязанными, раскололи забастовку, и она была буквально разбита чер пять дней после начала. Совместное выступление арсенала с брянцами также говорит о подготовке забастовок руководящей верхушкой рабочих.

После закрытия завода генерал Чердынцев, вновь прибывший в Бежицу с особыми полномочиями, распорядился о призыве в войска рабочих двух призывных возрастов и т. д., — одним словом, принялся осуществлять свой план, о котором сообщено выше. Директор, принадлежа к матерым волкам аппарата капиталистической машины, очень тонко и злобно вел наступление на рабочих. Политика вбивания клина ему в первое время не удалась, — рабочие были очень дружны. Тогда он стал яростно нападать лобовой атакой, действуя через воинского начальника (отправка в ряды войск), и арестами руководителей. Кроме того, со стороны генерала Маниковского, командующего Минским военным округом, ему была оказана полная поддержка. Губернатор не нашел себе последователей в обвинении заводоуправления.

8 мая был об'явлен расчет всем рабочим. Рабочие пришли к конторе, но получать его отказались. Аресты и отправка в войска не пугали рабочих, хотя застрашивания и запугивания привели к тому, что 10 мая стало на работу 230 человек. Воинственно настроенный Чердынцев об'явил всем военнообязанным, чтобы они 13 стали на работу. К воротам явилась толпа в несколько тысяч человек, но после митинга разошлась. На работу никто не стал, исключая указанных 230 человек. Среди рабочих пошли упорные слухи, что завод будет отобран в казну, если они продержатся еще несколько дней. Этот слух старший фабричный инспектор Варенцов и ген. Чердынцев об'явлением от 13 мая опровергли, сообщая рабочим, что казна не возьмет завода. 14 и 15 мая взяло расчет до 7 тыс. рабочих, а затем расчет продолжался. С 20 мая всех, вновь не записывающихся на работу, лишали продовольственных карточек и preписывали очищать квартиры, принадлежащие заводу. Большинство рабочих, как известно, жило в заводских квартирах. Такое распоряжение не могло не напугать, и менее выдержанные рабочие стали отходить от стачки. Губернатор сообщает, что 17 мая стало на работу до 900 человек. Работающих охраняла полиция. Бастующие клеймили их позором, но, несмотря на это, число приступающих к работе росло. 20 мая работало уже 3 450 раб., 23 мая — 8 140 раб., 26-го — 8 925 раб., 3 июня — 9 320, а 7 июня — 10 550 раб. Кажется, на этой цифре можно уже считать забастовку ликвидированной. Забастовка была разбита. На фронт было забрано свыше 2 000 раб., не принято при новом наборе неблагонадежных около 500 человек. Часть партийных товари-

щей скрылась от арестов и часть перешла на нелегальное положение, — пишет Шоханов. Подпольная организация была также разбита, ибо члены ячеек прежде всех попали в ссылку и в армию. Такие уроки классовой борьбы получил пролетариат Мальцевщины в 1916 г.

Удар для передовых рабочих в связи с проигранной забастовкой был очень тяжел. Они, можно сказать, жили этой борьбой, связывали с ней много надежд не только потому, что рабочим удастся добиться повышения расценок, новых бань и т. д., но и потому, что в связи с забастовкой им удастся очистить сознание рабочих от патриотического дурмана, имевшегося в рабочей среде, — удастся разоблачить всю лицемерность и лживость «царских подарков» старым рабочим [1]). Передовая партийная часть рабочих вполне правильно считала, что всякая забастовка во время войны на заводе, работающем военное снаряжение, есть протест против войны.

Надо сказать, что хотя забастовка и была разбита, но часть этой работы она сделала. На общем заводском собрании, где решалась судьба забастовки, рабочий Серганов правильно отметил эту сторону. Отрывок его речи нельзя не привести, ибо он отражает настроение передовой части рабочих (Серганов был беспартийным рабочим, связанным с партийной организацией, он пользовался уважением всех рабочих). «Скажите, товарищи. — говорил он, — чего мы требуем? Мы требуем самого малого, мы требуем хлеба, чтобы иметь возможность работать у станка. Капиталисты и этого не дают. Они получают такие доходы и столько барышей, не работая, а рабочий весь свой век трудится и не имеет в волю куска хлеба. Нам говорят: бастовать нельзя (местные меньшевики и эсеры были на этом собрании против забастовки, яростно доказывая вред ее во время войны. — С.), — война, надо делать снаряды. Нам угрожают отправкой на фронт. Но мы ведь и так послали на войну отцов, братьев и сыновей. Мы все отдали на войну, а они, капиталисты, что? — Ничего. Войны нам не надо». Бурные аплодисменты и громовые крики десятитысячной массы поддержали слова оратора. Эти аплодисменты и крики рабочих свидетельствовали о том, что они избавились от угара патриотизма [2]). В этом выводе заключалось громадное значение разбитой в мае 1916 г. «экономической» забастовки рабочих Брянского гиганта-завода. Она дает также богатый материал для доказательства прочной связи партийной среды с рабочей массой. Под влиянием этой партийной и передовой группы рабочие отказались от выборов в буржуазно-полицейский институт фабричных старост. Затея Коновалова—Гучкова и социал-патриота Гвоздева не находила отклика в массе, так как рабочая масса хотела иметь нечто большее, чем фабричных «бурмистров», как когда-то назвал Ленин фабричных старост, выбираемых по закону Плеве.

Нижегородская губерния пережила в годы войны такие же явления, которые присущи были и другим губерниям, имеющим крупные заводы.

[1]) При совещании в мае 1915 г. Николай дарил серебряные часы старым рабочим механической мастерской.

[2]) «Пролетарская революция», № 9 (56) за 1926 г., стр. 218.

Надо сказать, что в отличие от рядом расположенных губерний, промышленность Нижнего-Новгорода значительно выросла, так как она была с первых дней войны связана с обслуживанием военных нужд. Это наложило на рабочее движение свой отпечаток: оно долго находилось в стадии полного затишья, нарушенного рядом крупных конфликтов в 1916 г. на почве заработной платы [2]).

С июльских дней 1914 г. до июля 1916 г. Нижний-Новгород, как промышленный центр, не знал крупного движения, если не считать волнений населения на почве дороговизны. В этом смысле этот промышленный центр напоминает Брянский, Орловской губ.

Мы не будем останавливаться на хронологии движения в Нижнем-Новгороде, а остановимся на одном крупном факте, который характерен по целому ряду вопросов российской действительности военных годов в отношениях труда и капитала, в отношениях рабочих и власти. Этим фактом была июльская забастовка 1916 г. Сормовского завода (около 24 тысяч рабочих).

В отчетах фабричной инспекции забастовка значится в разряде политических. Об'ясняется это тем, что поводом к ней была рабочая солидарность — борьба за товарищей. Это отмечают, между прочим, в своих воспоминаниях тт. Кузнецов и Премудров [2]). Мы считаем, что это так, но только как повод к забастовке. Подоснова ее лежит глубже. Несоответствие заработной платы с дороговизной на все предметы потребления, политическое бесправие и тяжелые условия труда были этой основой. Прямых лозунгов против войны забастовка не дала, но она характерна уже отмеченной солидарностью и тесной спайкой руководящей верхушки сознательных рабочих со всей массой.

Начало забастовки балахнинский исправник датирует 20 июля. Два токаря, Н. Куприянов и Ф. Медведев, за требование повышения расценки (и «дерзости» с администрацией) были уволены и переданы в распоряжение воинского начальника. Цех, узнав об этом, прекратил работу. 20 июля в 8 часов утра пошли к заведующему с требованием оставить в цехе отправляемых токарей. На все требования разойтись, рабочие не обращали внимания, как не обращали внимания «на требования полиции ввиду незаконного характера сходки». После переговоров с комендантом Хоментовским, причем последний обещал, что он поднимет вопрос об оставлении уволенных по приезде в Нижний полковника Яковлева, рабочие стали на работу. На протяжении всей недели, с 20-го по 26-е, рабочие, руководимые группой передовых активистов, несколько раз собирались и обсуждали вопрос об уволенных и, кроме того, о расценках на заводе. На просьбу рабочих созвать общее собрание комендант ответил отказом, указывая, что это зависит от губернатора. Все дальнейшие переговоры с Хоментовским не привели ни

[1]) См. донесения губернатора и начальника губернского жандармского управления в департамент полиции. Дела деп. пол., № 43, ч. 2, Рабочее движение по Нижегородской губ. за 1916 г., лл. 37—42 и др.

[2]) «Материалы по истории революционного движения в Нижнем-Новгороде», т. I, изд. 1920 г. См. воспоминания С. К. и Премудрова.

к чему. 24 июля рабочие разных цехов, численностью более тысячи, «подстрекаемые отдельными агитаторами поддержать требование забастовкой, остановили электрическую станцию». Губернатор забил тревогу. Телеграммы летели в центр товарищу министра внутренних дел, самому министру. Судя по рассылке копий телеграмм Шуваеву, Шаховскому, Штюрмеру, Веселаго и др., в центре не без паники встретили известие о забастовке.

Остановленная станция была пущена вновь при содействии войск, а рабочие ушли обедать, но после обеда больше половины на работу не явилось. Пришедшие, — пишет губернатор, — «работали неохотно, вяло, ссылаясь на возможность мести бастующих». В этот день военные власти спешно, в бешеной горячке наводняли завод военной силой и еще затребовали ее у командующего войсками Московского округа.

Начальник губернского жандармского управления сообщает, что инициатива всего движения исходит от старого механического цеха (Сормовский завод за время войны расширился), как важнейшего цеха. Руководителями забастовки являлись рабочие П. Премудров, Н. Пономарев, Коршунов, Годяев, Сухонин, Шаманин и др. Важно отметить, что указанные рабочие-руководители в большинстве были большевики [1]).

26 июля [2]) почти все смены явились на завод, но к работе не приступили. Вечером у губернатора Гирса был «военный совет», на котором решили: 1) издать об'явление к рабочим и к населению, 2) занять все цехи военной силой (изгнав с завода всех бастующих и обеспечив охрану желающим работать), 3) приступить к арестам заводского актива. В ночь на 27-е арестовали 25 человек. Об'явление губернатора, сообщая о воспрещении сходок, собраний, демонстраций, ношения оружия, подстрекательств, ослушания полиции и т. д., — грозило 3-месячным арестом или штрафом до 3 тысяч рублей. Виновных за стачку на заводе, имеющем государственное значение, подводили под военный суд в порядке 17 и 18 ст. ст. положения о чрезвычайной охране.

27 июля рабочие пришли опять все на работу и стали по местам, но в 8 час. утра механический цех вышел на улицу, куда стали собираться и другие цехи; в 9 час. к ним вышли директор завода Хренников и фабричный инспектор Киселев для переговоров и предложили им выбрать уполномоченных. Последние в 11 часов явились в контору и предложили выработанные и принятые общим собранием рабочих требования. В своих требованиях «общее собрание рабочих завода акционерного общества «Сормово» считало: 1) что призыв в солдаты двух рабочих, Медведева и Куприянова, является одним из ряда фактов, показывающих бесправие русского пролетариата; 2) что установленные заводоуправле-

---

[1]) «Материалы по истории революционного движения в Нижнем-Новгороде», т. IV и I.

[2]) Арх. рев. и вн. п., дела деп. пол., № 43, ч. 2, 1916 г., Донесение и телеграмма губернатора. В телеграммах почему-то нет сообщений о 25-м июля; работали рабочие в этот день или нет, — неизвестно.

нием расценки далеко не соответствуют современной, все возрастающей дороговизне». Отсюда они требовали:

1) Немедленного возвращения Куприянова и Медведева в завод.

2) Увольнения заведующего механическим цехом Скворцова.

3) Обязательство, чтобы никто из рабочих завода не был рассчитан или арестован за забастовку.

4) Следующего повышения расценок:

Зарабатывающие на день				Повышение расценок (%)
От р.	к.	До р.	к.	
1	—	1	50	150
1	50	2	—	120
2	—	2	50	100
2	50	3	—	80
3	—	3	50	60
3	50	4	—	45
4	—	4	50	30
4	50	5	—	20
5	—	5	50	10

Наименьший заработок мастерового . . . 5 руб. 50 коп.
Чернорабочего . . . . 3 » 50 »
Женщины чернорабочей . . . . 2 » 50 »

В случае ремонта станка, недостатка инструмента и материала за отсутствием работ заводоуправление обязано им уплатить их наименьший заработок, указанный выше.

5) Свободного перехода из одного цеха в другой.

6) Вежливого обращения с рабочими со стороны администрации.

7) Отмены сверхурочных и праздничных работ.

8) Улучшения санитарно-гигиенических условий в цехах:

а) устройства ватер-клозетов (уборных) и установка умывальников в тех цехах, в которых их не имеется;

б) устройства бани и выдачи мыла;

в) устройства и улучшения вентиляций и т. п.

Рабочие Сормовского завода доводят до сведения заводоуправления, что они не приступят к работам впредь до удовлетворения указанных выше требований» [1]).

Требования рабочих очень ярко отражают политически-классовую чувствительность, выросшие запросы в требовании улучшения элементарных культурно-бытовых и профессиональных запросов рабочих, отсутствие которых унижает личность и сводит ее на положение пария. Характерна также скала относительно заработной платы, говорящая о том, как далеко отстал бюджет рабочих, особенно низших категорий, от дороговизны. Отметим также то, что автором (или авторами) требований были политически-передовые и партийные рабочие, находившиеся в тесной связи с Нижегородским комитетом социал-демократической партии.

---

[1]) Архив рев. и вн. п., дела деп. пол,. № 43, ч. 2, 1916 г., донесения.

Попытки фабричной инспекции убедить рабочих в невыполнимости первых пяти и седьмого пунктов ни к чему не привели. Рабочие разошлись домой. После обеда пришло около тысячи, которые, не приступая к работе, ушли обратно. Вечерние переговоры тоже не сдвинули конфликта с места, и власть принялась вести переговоры посвоему. Ночью 27-го все выступавшие на дневном заводском собрании ораторы были арестованы и заключены в тюрьму. Рано утром расклеили по Сормову и заводу об'явления губернатора, призывавшего рабочих стать на работу. Повторены были мысли первого об'явления, а главное, полиции было дано право приказывать появляющимся рабочим становиться на работу. Жест губернатора с напоминанием «о долге и родине» обусловлен был требованием к рабочим о подчинении полиции. В противном случае это приказание будет поддержано «силою оружия». Неставших на работу до 12 час. 28-го грозили уволить и рассчитать, а о военнообязанных сообщить военным властям. Гарнизон был усилен еще несколькими прибывшими ротами войск. Утром, ко времени начала работы, завод напоминал военный лагерь. Все входы у цехов были заняты военной силой. Рабочих штыками гнали на работу. Механический цех в виде протеста вновь стал собираться для обсуждения вопроса о забастовке. «Явившийся в цех немедленно наряд полиции арестовал выделившегося от общей среды оратора, рабочего Буканина. Рабочие пытались выйти на улицу. Войсками не были пропущены» [1]). Картина достойна петровских времен, когда хватали в городах «солдатских женок» и отправляли на фабрики. Собрание разрешили сделать в пушечном и механическом цехах, прямо при направленных дулах ружей нарядов полиции, охранявших исправника, директора, полковника Яковлева и... прокурора, символизировавших своим присутствием на собраниях цехов самодержавие. Арестован был еще большевик Макаров, призывавший к продолжению забастовки, даже в присутствии таких «гостей» на собрании. Потом еще вырвали 12 человек, из наиболее активных руководителей, и руководство забастовкой было обескровлено, а сама забастовка буквально *раздавлена военной силой*.

Такие вспышки рабочих, с такими методами воздействия властей, при руководстве и агитации со стороны передовой, политически развитой части рабочих вытравляли из сознания нового слоя рабочих имевшиеся пережитки, развивали его сознание, а главное, ставили конкретным порядком дня борьбу против войны и против самодержавия. Факт сопротивления такого завода-гиганта отправке двух рабочих на фронт уже сам по себе был *демонстрацией против войны*. Несомненно, как мы предполагаем, рабочие, руководившие забастовкой, это и имели в виду. О забастовке до сих пор всесторонне освещающих ее материалов нет, а они показали бы это с очевидностью. Воспоминания Премудрова о Сормовской большевистской организации, ее связи с рабочими и с вышестоящими парторганизациями не оставляют сомнений в этом. Неуспех забастовки связан с тем, что

[1]) Архив рев. и вн. п., дела деп. пол., № 43, ч. 2, 1916 г., донесения.

уж слишком жестока была обстановка и жестоки методы борьбы Гирса и ему подобных, которые, оторвав от забастовки руководящую часть рабочих, тем самым обескровливали движение и разбивали его по частям. Это предрешило исход и безрезультатность забастовки, но делало ее крупной вехой на пути к революционизированию сознания массы.

В конкретном изложении хода забастовок мы не выделяем вопроса о роли отдельных профессий рабочих потому, что само наше районно-экономическое изложение целиком отображает эту картину, не претендуя, конечно, на полноту. К примеру, в Саратове мы познакомимся с рабочими железнодорожных мастерских. Мы не будем касаться общего движения в губернии: оно в апреле 1915 г. уже захватило рабочих лесопильных заводов в борьбе за повышение зарплаты и за изменение условий труда.

При станции Бекетовке, на лесопильных заводах, напр., забастовки были очень затяжные и причинили немало хлопот даже военному ведомству, так как недостача распиловочного леса задерживала постройку бараков для войск.

Металлисты, текстильщики и печатники также не отставали, бастуя периодически за повышение зарплаты. Характерного в движении названной губернии ничего нет, так как промышленные предприятия в ней по преимуществу некрупные. Политическая забастовка на некоторых предприятиях была в ноябре 1915 г.; поводом к ней было желание принять участие в процессии, при проводах тела с.-д. члена Гос. думы Ломтатидзе. Крупный царицынский завод Донецко-юрьевского металлургического общества несколько раз бастовал, требуя повышения зарплаты.

Если заработок саратовского трамвайного служащего был грошевый, то не завидный был он и у рабочих железнодорожных мастерских. Мастерские принадлежали частной железной дороге. Еще в 1916 г. многие мастеровые железной дороги получали в день 50—60 к., большинство — 70—80 к. и сравнительно небольшая часть — 1 р. 20 к. — 1 р. 30 к. В январе 1916 г. рабочие сразу запросили прибавки на 100%. С начала войны им увеличили оплату всего лишь на 10%. На их запрос о прибавке 7 января министерство путей сообщения ответило телеграммой о том, что «вопрос рассматривается». Такой ничего не дающий ответ не удовлетворил рабочих, и 11 января 1 500 рабочих бросили работу. Губернатор Тверской в телеграмме на имя министра внутренних дел несколько раз повторяет о «крайне серьезном положении». «Признавая существующую зарплату, ввиду увеличивающейся дороговизны жизни в Саратове, совершенно не обеспечивающей существование значительной части рабочих и их семей, прошу распоряжения, в. в-ва о скорейшем благоприятном разрешении вопроса о прибавке зарплаты рабочим» [1]), писал губернатор. Боясь серьезного конфликта, он просил точно сообщить ему даже день возможного приказа по всем железным дорогам о прибавке. Сооб-

[1]) Дела деп. пол., № 62, ч. 2, 1916 г., Рабочее движение в Саратовской губ.

щая в центр о положении рабочих, губернатор просил прибавить хотя 30%, доказывая, что рабочие помирятся и на этом.

Бояться губернатору надо еще было и потому, что в забастовке были замешаны и партийные работники. В телеграммах, напр., упоминается, что марксистский кружок Саратова, руководимый главным образом помощниками присяжных поверенных Антоновым и Оппоковым, направил члена своего, Ильинского, в мастерские для агитации. По донесению начальника губернского жандармского управления, остановка работ в мастерских произошла именно по причине агитации в среде мастеровых. 11 января рабочие бросили работу прямо под влиянием агитации Ильинского, предлагавшего не верить обещаниям из центра, а бастовать.

Вечером 11-го по постановлению особого железнодорожного комитета мастерские были закрыты, а рабочим об'явили, что кто не явится 13-го, то будет уволен и предан суду, а запасные нижние чины и ратники ополчения будут сданы в войска. Вечером в этот день пришла телеграмма из Петрограда, сообщавшая об увеличении пособия на время войны, «доводя это пособие до норм, установленных на казенных дорогах». В целях сохранения движения, депо работу не прекращало. 13 января утром было общее собрание рабочих в присутствии полиции и администрации. Раз'ясняя прибавку по смыслу вчерашней телеграммы, власти просили рабочих стать на работу. Послушались 500 человек, а 1 000 — ушли с завода. Угрозы и раскол среди бастующих (треть рабочих стала на работу) не дали забастовке развернуться. 14 января мастерские уже работали. От работы отказались только 66 чел., которых 14 января привлекли к ответственности «для примера другим». Зимнее время очень невыгодно для экономических забастовок, почему так быстро данная забастовка и была разбита, показав наглядный урок и рабочим и саратовским подпольным кружкам, как недостаточно была подготовлена поддержка забастовки рабочими других фабрик.

Итак, в провинциальных промышленных центрах движение рабочих имеет много общих черт. Исключая текстильный район, всюду движение несколько запоздало. Это говорит, что оборонческое настроение рабочих там проходило медленнее. Характерна жестокость расправы с рабочими. Характерна продовольственная окраска движения. Самым важным является, безусловно, перерастание экономической стачки в политическую. Это ярко выявлено в иваново-вознесенских и костромских стачках. Преимущество провинциальных рабочих перед столичными в том, что в их среде не было даже намека на какие бы то ни было иллюзии вроде доверия к думе. «Аполитизм» их оказался большим плюсом, так как передвижка революционности масс после февраля отчасти, несомненно, связана с этим. Петроградский, а тем более московский пролетариат в известной своей части отдавал дань «ответственным министерствам» и думе. Рабочий провинции, бастуя более всего и прежде всего по экономическим поводам, проходил суровую школу, лишенную всяких смягчающих дикий произвол моментов. Он видел одних заступников — это своих передовых товарищей, стано-

вившихся во главе стачек и в большинстве своем принадлежавших к местным партийным коллективам [1]).

В фактах стачечной борьбы мы встречаемся с руководством не только большевистским, но и меньшевистским. Будучи верны своей социал-оппортунистической природе, эти последние в практической работе, где решались классовые споры, чувствовали себя не на месте и терпели крах. Надо и можно определенно подчеркнуть тот неоспоримый факт, что рабочее движение хотя и дало в дни Февраля господство мелкобуржуазной идеологии, все же в своей предфевральской борьбе меньше всего было заражено меньшевистскими методами разрешения конфликтов. Особенно в этом отношении выделялся «Русский Манчестер».

Мы видели, как там экономическая стачка перерастала в политическую, кроме того, стачка как фактор борьбы переходила в высшую форму — в политическую демонстрацию. 1905 г. еще свеже сохранился в памяти текстилей, и за таких товарищей, как убитый тогда «Отец», пролетариат готов был уже отомстить в дни августа 1915 г., если бы имел оружие.

Мы можем отметить и подчеркнуть, что оценка текстильщиков, как малоквалифицированных рабочих, как менее сознательных и т. д., должна быть выброшена из литературного обихода, особенно тогда, когда с этим связывают стачечную активность. Мы ни на одну минуту, конечно, не забываем роли и значения металлистов в рабочем движении России, но на-ряду с этим хотим отвести должное место и текстильщикам как по их удельному весу в движении, так и большевистскому характеру борьбы.

Надо сказать, что иногда та или другая квалификация сама по себе не является зарядкой для революционной активности. Квалификация может быть связана с культурностью рабочих, но, как известно, иногда культурность рабочих в условиях капитализма бывает обратно пропорциональна их революционной активности. К примеру, мы имеем в виду печатников. Они стоят, безусловно, и по квалификации и по культурности высоко, но их поведение после Февраля в смысле решения общих задач рабочего класса было социал-оппортунистическим.

Мы приводили выше таблицу о движении в Костромской и Владимирской губ. (см. I глава) до войны и в данной главе таблицу движения во время войны — разница в сдвиге громадная. Причину этого взмаха надо искать в условиях труда текстильщиков, заработной плате и их приблизительно однородном составе по положению. В таблице диференцированной оплаты труда мы видели, как мало в их среде привилегированной верхушки, могущей так или иначе сдерживающе влиять против стачечной активности. В том же направлении действовал характер труда текстильщика, который, нам думается, наиболее тяжел и изнурителен. Исключая ручную художественную набивку, труд текстильщика

[1]) Воспоминания С. Зрячкина, Орехово-зуевская организация с конца 1915 г. до февраля 1917 г. Сб. «Путь к Октябрю», вып. IV, изд. «МР», 1925 г.

есть труд автомата в тяжелой, жаркой и пыльной обстановке. Даже труд металлиста допускает личное творчество рабочего, чего текстильщик не знает. Все это, приводя к слишком обнаженным классовым противоречиям, дает законченный тип протестанта против капиталистической системы, хотя общий культурный кругозор основной их массы, конечно, не велик в сравнении с другими профессиями. Отсюда мы считаем, что Иваново-Вознесенск не случайно был оплотом большевизма в прошлом. Только политическим нулям и шарлатанам от... социализма могло казаться, что большевизм — это проявление отсталости рабочих (тут не без кивка на текстильщиков). Если эти господа имеют в виду под большевизмом только практику борьбы русских рабочих (а они это имеют в виду), то в дофевральский период она почти не знала других форм, как только большевистскую. Приведенные факты об этом убедительно свидетельствуют.

г) Движение на Юге

Если взять два крупных южных административно-промышленных центра — Харьков и Киев, то их удельный вес в движении совершенно различен. На совершающиеся в центре события киевские рабочие реагировали только «разговорами». Некоторые рабочие круги даже осуждали, напр., московских рабочих за отсутствие у последних патриотизма, в связи с сентябрьскими политическими стачками в 1915 г. Так оценивает настроение рабочих Киева начальник губернского жандармского управления. Не верить такой оценке нельзя. Всякое иное настроение нашло бы себе выражение в стачках, демонстрациях и т. д. За исключением небольших конфликтов киевских печатников и рабочих некоторых сахарных заводов, стачек Киев не имел, а если они и были, то по экономическим причинам. Киевские рабочие держались на войну более всего плехановских взглядов. Сказалась тут, конечно, прежде всего близость фронтовой полосы, а затем сам состав рабочих. В 1916 г. настроение резко изменилось, но еще не отрешилось от тактики «гражданского мира» во время войны. Резко приподнятое настроение было у рабочих арсенала, сыгравших позже, в Октябрьской революции такую важную роль. Одной из первых причин повышения настроения в Киеве было также несоответствие рабочего заработка с ростом дороговизны. Напр., рабочие и мастеровые депо Киев 2-й в своем прошении утверждают, что заработная плата 1906—1907 гг. была выше, чем в настоящее время. Основной заработок рабочего и мастерового теперь 70 к. — 1 р. 50 к. в день, тогда — 2 р. Помощник слесаря получает в данное время—45—46 к., чернорабочий—50—65 к. В сравнении с этим хлеб 1 ф. вместо 3 к. стал 7, соль — вместо 2 к. — 6 к., обувь — вместо 10 р. — 30 р. Если депо Киев 2-й в смысле такой мизерной оплаты труда в 1916 г. не характерно для Киева, так как на фабриках и заводах плата была несколько выше, все же характерно в данном случае то, что один из отрядов рабочего состава Киева получает такую низкую оплату и апеллирует «прошением», а не действием.

«Мы и наши семьи голодаем», вот что писали они, и это в Киеве! Просьба их выразилась в требовании увеличения заработка на 65%.

Резкую противоположность Киеву составлял Харьков. Правда, харьковские рабочие отдали также обильную дань патриотизму в первый период войны, что мы уже отмечали. Особенно рабочие харьковских «провинциальных» заводов, канатных и сахаро-рафинадных. Слой рабочих данных предприятий представляет категорию труда, наиболее отсталого, полудеревенского, крестьянского. В Киеве это также влияло на активность рабочих. Разница между Киевом и Харьковом та, что в первом нет таких крупных заводов, как во втором. Киев — город мелкой и средней промышленности, а там, где была сколько-нибудь крупная цифра рабочих, как арсенал, господствовал военный режим.

Когда мы говорим о дани патриотизму рабочих Харькова, то мы имеем в виду не только рабочих сахарной промышленности, но в известной мере и крупных механических заводов в самом Харькове. Налет оборонческой идеологии харьковские рабочие получили через таких ликвидаторских столпов, как Моносзон, И. А. Соломон и др. Между прочим, их заботам был обязан, напр., паровозостроительный завод введением института старост, — института еще в духе старой стряпни Плеве, воскрешенного в годы войны Коноваловым, вкупе с социалистами из так называемой «рабочей группы» ЦВПК.

В литературе нет достаточных данных, чтобы проследить процесс выветривания из рабочих такого настроения. Воспоминания т. Базанова дают момент конца 1915 г., когда рабочие Харькова своим отрицательным отношением к участию в военно-промышленном комитете выявили свой отрицательный взгляд на войну. Но на-ряду с этим мы не видели на протяжении всего периода войны политических выступлений до 9 января 1917 г. Исключением может быть выступление в ноябре 1914 г. харьковских печатников (72 раб.) по поводу ареста большевиков-депутатов Гос. думы. Такая же политическая забастовка была в мае 1915 г., когда бастовало 434 раб. с двух заводов и трех типографий. При наличии таких больших заводов, как паровозостроительный, ВЭК, Гартмана и др., при наличии уже в 1915 г. вновь возродившейся парторганизации после разгрома в начале войны, — такую слабую политическую активность можно поставить в «упрек» харьковскому пролетариату. Но экономическую борьбу за заработную плату, за улучшение условий труда, харьковский пролетариат вел ожесточенную. Кроме того, ряд забастовок если и не был связан прямо с революционными датами и событиями, то они по своим поводам числились политическими. Так, напр., — забастовки протеста против ареста члена больничной кассы на паровозостроительном заводе (бастовало 119 раб.). На паровозостроительном же заводе в июне 1916 г. бастовало 4 680 раб., с требованием освободить старосту инструментального отдела. Такими же были забастовки солидарности в июле и августе (1916 г.) опять на том же паровозостроительном заводе Гельферих-Саде, с требованием принять уволенных рабочих. Так что пробел в политических выступлениях по поводу революционных дат восполняется политическими выступлениями из солидарности. Кроме того,

непрерывно продолжавшаяся экономическая борьба, в которой принимало участие до $^1/_3$ всего рабочего состава Харькова, как, напр., в сентябре 1916 г., свидетельствует о глубоком процессе революционизирования в его среде, несмотря на всю работу антистачкистов и социал-патриотов. Бастовали уже знакомые нам крупнейшие заводы с сильными большевистскими организациями. Причем забастовки были очень длительные, принесшие много урона Харьковской организации большевиков от арестов (завод ВЭК и паровозостроительный). Этой «чисткой» руководящих парткружков и передовых рабочих об'ясняется отчасти тот факт, что в октябрьском движении харьковцы не участвовали, оставаясь внешне пассивными и в последующие два месяца. В январе 1917 г. цифра бастовавших опять вскочила до 10 тыс. с лишком участников. Нельзя не отметить резкой разобщенности стачечных выступлений. Отношение к стачкам в рабочей среде было неодинаково у разных возрастов рабочих. Примером разобщенности может служить январская стачка на паровозостроительном заводе, в связи с требованием повышения зарплаты от 10 до 50%. Совещание рабочих в столовой 21 января по отношению к стачке было неединодушно: старики — против стачки, молодежь — за [1]). Ушло с работы в этот день 3 594 чел. из 6 500 рабочих завода. 23 января число неработавших выросло до 4 835 рабочих. Забастовка все же была разбита. Другие заводы не поддержали ее. Таким же неединодушным было выступление 9 января 1917 г., хотя работали, повидимому, только военнообязанные и наиболее отсталые подсобные рабочие. Напр., на паровозостроительном заводе бастовало 5 380 рабочих, а работало 1 119. На ВЭК бастовало 2 405, а работало 800 человек. Но как бы то там ни было, очевидность наличия воли бороться с самодержавием в рабочей массе уже преобладала над всякими другими цеховыми и экономическими соображениями. Революция и в Харькове надвигалась.

Переходя к угольным и металлургическим промышленным районам Юга, надо отметить, что там за годы войны движение рабочих по своему удельному весу было гораздо ниже, чем положение и удельный вес промышленности Юга во всей стране. Сказанным мы не хотим утверждать, что в природе вообще существует такая фаталистическая закономерность между этими двумя сторонами.

Металлический, механический и каменноугольный Юг, несмотря на это, дал ряд крупнейших и наиболее ярких примеров борьбы. Мы уже сказали, что на примерах такой экономической борьбы прежде всего видно, как перерастает, как увязывается экономическая стачка с политической борьбой.

В стачечной борьбе Юга, захватившей большие рабочие районы, доминирующим поводом была низкая заработная плата при бешеных прибылях, примеры чего мы уже приводили. Борьба принимала широкие размеры, вовлекая крупнейшие заводы и рудничные районы. Чтобы дать некоторое представление, напомним о крупнейших экономических

---

[1]) Дела деп. пол., № 83, ч. 3, 1917 г., отношение начальника губернского жандармского управления от 25 января 1917 г.

стачках, начало которых относится к концу марта 1915 г. Начались забастовки на Голубовском руднике, Голубовско-марьевском, Максимовском, в Петро-марьевских каменноугольных копях, Екатеринославской губернии. В это же время были стачки в Луганском и Мариупольском округах на Рутченково-чулковских копях, на Вознесенском руднике и др. Всего, по официальной статистике, стачки охватили около 6 тысяч участников. Закончились они числа 4 апреля. Эта волна, начавшаяся в апреле, перекинулась в Таганрогско-хрустальный горный округ. Вся переписка начальников донского и екатеринославского губернских жандармских управлений, а также екатеринославского губернатора Колобова с департаментом полиции приписывает причину забастовок газетным статьям «Южного края». Не отрицая резкости мыслей газетки против угольных магнатов, их алчности и варварского отношения с рабочей силой, они все же газету, как фактор агитации, переоценили: к стачкам толкнула прежде всего сама действительность с ее дороговизной и мизерной оплатой труда, а также передовые слои рабочих.

Выдержки из газет (речь Шаховского о низкой оплате труда, Тимашева и др.) были только доказательством, что рабочие правы в своих требованиях, что положение с оплатой катастрофическое. В мае 1915 г. 3 790 рабочих завода Таганрогского металлургического общества, бастуя 6 дней, требовали увеличения зарплаты на 30%, добившись частичной прибавки. Заимствуя факты и цифры из официальной правительственной статистики, отмечаем, что она неполна не только по количественному учету участников, но и по самим фактам. В донесениях начальника екатеринославского жандармского управления имеется перечень фактов о перманентном брожении на Петровском заводе летом 1915 г. (рабочих 8½ тыс.), то по поводу некоторых новых пунктов в расчетных книжках, то по поводу злоупотреблений с повышением оплаты по выбору, то выражалось враждебное отношение рабочих к директору Потье и инженеру Шлюппа, заподозренным в германофильстве. В Луганске на заводе Гартмана и в Славяно-Сербске на Юрьевском велась активная подготовка к забастовке протеста против расстрела в Иваново-Вознесенске. На фабрике Асмолова в августе и сентябре два раза вспыхивала забастовка (1 034 раб.), кончившаяся удовлетворением требований о повышении зарплаты.

Начало 1916 г. ознаменовалось крупнейшей забастовкой николаевских рабочих завода «Наваль» (10 797 раб.), продолжавшейся около 45 дней и кончившейся полным разгромом рабочих и закрытием завода. В этом же месяце 4 дня бастовали 6 900 раб. Днепропетровского завода Екатеринославской губ. Февраль дал 1 600 забастовщиков преимущественно в рудниках Мариупольского и Донского горных округов. В апреле мы видим опять повторение забастовок почти в тех же копях и рудниках Алмазного горного округа, что и в 1915 г. (2 тыс. участников). Вновь бастует гигант — Днепропетровский завод — в с. Каменском, но уже не 4 дня, как в январе, а весь апрель, с 1-го по 29-е. Из общего числа 9 282 раб. бастовало 7 тыс. Май был еще более бурным по числу участников, по остроте конфликтов и по продолжительности.

На антрацитовом руднике Парамонова — 4 тыс. рабочих бастуют 11 дней; на рудниках Ауэрбаха — 2 276 раб. 11—16 дней; в Горловке — 4 850 раб. от 13 до 16 дней; на Никитских каменноугольных копях — 2 963 раб. 10 дней; также на Государево-байракском руднике 1 500 раб. бастовали 10 дней и на других мелких рудниках. К забастовщикам применялись самые драконовские меры вплоть до расстрела, о чем мы скажем ниже.

Донецко-юрьевский завод в июне бастовал 6 дней с 3 500 участниками и добился прибавки. С 5 по 18 бастует машиностроительный гигант — Гартман — в Луганске (5 131 раб.), добившись успеха, но заплатив за это арестом руководителей и отправкой на фронт.

Сентябрь — декабрь отмечены рядом крупных выступлений на руднике Франко-русского общества (1 700 раб.), на фабрике Асмолова (1 300 раб.), на руднике Южно-русского общества (920 человек), на Ясинском руднике 600 раб. и др. мелкие.

Выступлений, непосредственно по политическим мотивам, как видно отсюда, нет. Только 3 220 работниц и рабочих табачной фабрики Асмолова 3 июля бастовали один день, требуя освобождения арестованной работницы, выбранной для переговоров с администрацией. Других политических выступлений весь обширнейший район не знал.

От такого количественного перечня крупнейших экономических стачек, показывающих степень их распространения и широту охвата рабочих, перейдем к выяснению некоторых внутренних сторон, вскрывающих глубину и остроту классовой непримиримости и влияние ее на сдвиги в массовой психологии. Этот второй вопрос должен ярко выявить, что если поводом к движению было требование хлеба, зарплаты и др., то характер, в который выливалось это требование, говорил о воле класса, о стремлении борьбой отвоевать свои права. Рабочий класс России за годы войны показал, что он своего социально-политического и исторического «первородства» не продаст за чечевичную похлебку социал-оппортунистических реформ и не склонит головы перед репрессиями власти. Даже экономическая борьба шахтеров и металлистов юга России тому доказательством.

В главе о заработной плате мы приводили примеры заработка рабочих на некоторых больших заводах и шахтах Екатеринославской губернии. Цифры оплаты сообщала местной полиции сама администрация. На самом деле картина была печальнее. И губернатор и начальник жандармского управления сообщают в департамент полиции и министру внутренних дел, что с оплатой труда обстоит дело катастрофически. Мало того: рабочих обсчитывают при приеме выплавки. На этой собственно почве произошла забастовка на Днепропетровском заводе 4—10 января 1916 г. Видно, как по одним и тем же ступеням идет развитие сознания рабочих, если мы вспомним стачки на Сормовском, Брянском и др. заводах. Первая забастовка, захватывая весь завод, обычно быстро прекращается. Рабочие еще допускают мысль о наличии некоторой честности у представителей власти и администрации. Дальше этой веры уже нет и следа, и они борются за свои требования. На Днепропетровском заводе 5 января утром новомартеновский цех прекратил работу, а вече-

ром арестовывают двух рабочих электрического цеха. 7-го встал электрический цех, а потому и все цехи, протестуя против произвола и требуя повышения зарплаты. Территория завода была занята ротой пехоты и отрядом коннополицейской стражи, но все же 8-го арестованных освободили. Приехавший губернатор и чины горного надзора через выборных от рабочих уполномоченных уговорили всех рабочих стать на работу. Вопрос о зарплате остался в стадии обещаний и «проработки». Правление признало возможным дать групповую прибавку, а не общую, так как последняя требовала «всестороннего обследования». И, кроме того, в групповом повышении оплаты преследовалась политика клиньев в рабочей среде. 10 января вечером завод заработал. Рабочие «заступники» от полиции, как начальник губернского жандармского управления и губернатор, пассовали и не были последовательными в констатировании факта тяжелого положения рабочих.

Так было в январе. Ход и исход забастовки пока «нормальный». В апреле картина другая. Забастовка начата 5 апреля котельным цехом, директор ответил на нее об'явлением о категорическом отказе в прибавке и расчете всех бастующих. Следствием этого было то, что к котельному цеху примкнуло еще около 3 тысяч рабочих. Рабочие выявили грязную и мошенническую подделку веса при приеме болванок, почему каждый месяц из их заработка уплывало в карманы заводских дельцов до 4 тыс. руб. Это констатирует и сам губернатор и начальник жандармского управления. Вообще вся система расчетов с рабочими основана на сплошных подделках и подлогах с премиальными, с весами, с переводами веса и т. д. Но виноватыми остаются все же рабочие, которых рассчитывают и отправляют к воинскому начальнику, сперва 45 человек, а потом все младшие призывные возрасты. Наступила полоса арестов. Рассчитали доменный цех. Старший фабричный ревизор Котельников все же имеет наглость писать в министерство торговли и промышленности, что «огульных прибавок, на чем настаивают рабочие, делать рискованно», так как это вызовет забастовки на соседних заводах и рудниках. Предприниматели Юга были спаяны взаимными гарантиями не повышать зарплаты без общей санкции. Не случайно, что апрель—май 1916 г. — это месяцы бурных протестов в горной и горнозаводской промышленности [1]). К концу месяца забастовка была разбита: 28 апреля завод заработал опять.

Забастовка рабочих общества Николаевских судостроительных заводов, верфей в г. Николаеве, Херсонской губ., вице-адмиралом Муравьевым рисуется так [2]): «11 января 4 тыс. рабочих, пред'явив требование о повышении зарплаты и не дожидаясь ответа, прекратили работы. Затем к бастующим примкнули остальные рабочие. Власть встала на путь строгого «действия по закону». Переговоры не дали результатов. «Парламентариями» для переговоров между рабочими и администрацией было несколько лиц, начиная от приезжавшего из

---

[1]) Арх. рев. и вн. п., дела деп. пол., № 18, ч. 2, т. I.

[2]) Сборник Центроархива «Рабочее движение в годы войны», забастовка рабочих завода «Наваль», стр. 241.

Петрограда социал-патриота и провокатора Абросимова из «рабочей группы» ЦВПК и кончая помощником прокурора севастопольского военно-морского суда. В думском запросе от 14 июня 1916 г. [1]) вскрывается отчасти истинное положение рабочих, послужившее поводом к забастовке. Ведь только невероятным напряжением сил, путем дополнительных нагрузок приходилось рабочим искать выхода из дефицитного бюджета. Но и это не помогало, а только приводило к истощению, к разрушению организма, что и отмечается больничной кассой г. Николаева в гигантски выросшей заболеваемости рабочих на почве переутомления. А вице-адмирал находит, что правление завода здесь ни при чем.

При затяжке забастовки военное министерство отдает приказ закрыть завод, но потом временно от этой меры отказалось, считая, что рабочие сдадутся, если почистить их верхушки. В связи с этими решениями заводоуправлением были рассчитаны 377 человек, из коих 187 военнообязанных направлены в распоряжение войскового начальника; далее 73 раб., виновных в подстрекательстве, были привлечены к уголовной ответственности, а 38 военнообязанных, не исполнивших приказания заведующего мобилизационной частью стать на работу, арестованы и преданы военно-полевому суду. Однако это не оказало ни малейшего влияния. Ожесточенность рабочих (индивидуальная) вылилась, напр., в акте убийства злостного штрейкбрехера выстрелом из револьвера. Расчеты, аресты и отправка на фронт продолжались непрерывно. Об'явление, вывешенное 22 февраля, о прибавке 2—4 к. в час не нашло отклика. 23 февраля приехал морской министр Григорович и, «находя создавшееся положение совершенно недопустимым (42 дня бастовали рабочие. — С.), приказал завод закрыть и рассчитать всех мастеровых». Надо подчеркнуть, что рабочие сами при начале стачки постановили, чтобы снарядное отделение работало во время стачки, с той целью, чтобы отвести обвинение в том, что они срывают дело обороны. Когда же, по распоряжению министра, завод был закрыт, то и они бросили работу. Этот в высшей степени знаменательный факт свидетельствовал о том, как в условиях обостренной классовой борьбы быстро улетучивалось «оборончество» рабочих.

Касаясь оценки забастовки, Муравьев считает грубейшей ошибкой местной власти и жандармерии, что они считали забастовку экономической. Вслед за администрацией завода он отвергает это. Забастовка политическая, — пишет он. В доказательство он приводит два довода: 1) рабочие выдвинули явно неприемлемые требования и 2) тактика местного подполья, которое не может выдвинуть прямо политические лозунги, а действует по линии экономической.

Первый довод явно несостоятелен и ложен, ибо директор Юренев первое время категорически отказывал в какой-нибудь прибавке, потом пошел на уступки и предлагал прибавить 30 к. в день каждому. Прежде думали взять рабочих измором, но этим их не сломили. Обещанных же уступок было жаль, и администрация топталась на месте, все

---

[1]) Сб. Центроархива «Рабочее движение в годы войны», стр. 297.

затягивая, обещая и применяя крутые репрессии. Рабочий уже разучился верить обещаниям. Этот же господин Юренев на совместном заседании 3 февраля с приехавшими представителями ЦВПК Казакевичем и Абросимовым (от рабочей группы) и рабочими эти обещания завуалировал в такую форму, из которой ясно было только одно [1]): вставайте на работу, а о прибавке будем говорить потом. Не помогли речи «соловьев» из центра, хотя один и носил ярлычок «социалиста» (провокатора). Таким же «успехом» закончилась речь местного краснобая из ликвидаторствующих, рабочего Белова. Представители от рабочих увидели, что это не те «песни», которые им нужны. В этот же день на митинге рабочие постановили продолжать забастовку.

Другой довод до известной степени правилен. Парторганизации именно становились на эту точку зрения, ставя своей задачей втянуть рабочих в борьбу и вытравить остатки патриотизма через экономические требования. Жаль только, что литература воспоминаний не дает описаний внутренних пружин забастовки. Здесь, забегая вперед, надо указать, что «навальцы» бойкотировали работу в военно-промышленных комитетах, и выбранные ими 7 человек прочитали 9 января общему заседанию Николаевского комитета свою декларацию с такими мыслями: «Бесправие, рабское положение рабочих до войны после ее об'явления стало беспросветным, малейшая попытка рабочих осмыслить все происходящее душится в самом начале, все их стремления к общественности неизбежно влекут за собой тюрьму, ссылку и каторгу» [2]). Декларация вскрывает всю гнилость буржуазных лозунгов «все для победы». Теперь близок суд истории над этим лицемерием. Вот почему, желая переложить часть вины на рабочих, буржуазия зовет их в военно-промышленные комитеты, — правильно рассуждали они. «Навальцы» отказались работать на войну вместе с буржуазией, остались работать 3 депутата от других заводов. Этот штрих говорит, что довольно значительная часть рабочих завода (из 14 тыс. раб. около 3 тыс.) была высоко развитой в политическом отношении и свободна от оборончества. Они являлись костяком в стачке. Остальная масса была далеко не такой, составляя набор местного и пришлого населения, укрывшихся от фронта, недавно пришедших из деревни и т. д. Эта среда и понижала политическое качество забастовки. Сравнивая состав рабочих в Южном районе, мы можем отметить значительное превосходство «навальцев» перед другими заводами: во главе передового состава рабочих стоял чисто пролетарский пришлый элемент из Петрограда и других центров. Администрация в борьбе с «навальцами» имела одним из козырей тот факт, что соседний завод «Руссуд», имея заработки ниже, молчал и даже не поддержал «навальцев» во время стачки. Не поддержал их и Екатеринослав с его заводами, хотя т. Валявка в своих воспоминаниях утверждает, что их организация «больше интересовалась николаевской забастовкой, чем идейной борьбой с меньшевиками по поводу военно-промышленных ко-

[1]) Дело № 347 о рабочей группе при военно-промышленном комитете, 1916 г.

[2]) Там же, ос. отд. 1916 г., О рабочей группе при ЦВПК.

митетов» [1])... Но одно дело интересоваться, другое — поддерживать. На это нехватило ни сил, ни смелости у всех окружающих рабочих районов, а потому «навальцы» были буквально разгромлены. Забастовка явилась лишь изолированным одиноким эпизодом, но таким, который составляет одну из светлых и крупнейших страниц борьбы труда и капитала.

Два случая, которые мы описали, относятся к истории заводских стачек. Один из крупнейших фактов, на котором мы думаем остановиться, относится к рабочим угольных шахт.

С 15 по 27 апреля 1916 г. перманентно продолжались стачки в шахтах Бахмутского уезда. С особенной силой они разразились в Щербино-горловском районе. Основной причиной стачек была необеспеченность рабочих, что выливалось в требование повышения платы от 25% до 50%. Движение грозило принять угрожающие размеры, почему г-р Колобов поторопился выехать на Орловку сам. Приехав 26 апреля туда, — пишет он министру внутренних дел, — «я застал на выгоне неприязненно настроенную толпу до семи тысяч рабочих Горловского и соседних рудников с котомками в руках, намеревавшихся в таком виде итти пешком в Бахмут к воинскому начальнику, снимая по пути рабочих других предприятий. Указанный беспорядок был вызван неправильными действиями воинского начальника, об'явившего всех, прекративших работу, изменниками и подлежащими явке двадцать шестого числа в Бахмут для приема в войска» [2]).

Если Колобов не врет, то надо ему отдать справедливость, что он умел «уговаривать» рабочих: шахтеры разошлись на работы. Но, не усмирив еще окончательно эту забастовку, он «одновременно получил телеграмму о забастовке 3 тыс. рабочих Петровских заводов».

Мы были бы наивны, если бы допустили, что он только «уговаривал». Обычно для «уговора» он стягивал «стражу других уездов», потом приступал к «аресту зачинщиков и выяснению остальных». Такие методы уговаривания дают себя быстро знать. В данном случае стоило лишь губернатору уехать, как вновь «агитация с низов оказалась сильнее», ибо рабочие потребовали 50% прибавки. На об'явление местного пристава о незаконности и запрещении сходок рабочие не обратили внимания. 2 мая мы видим опять в этом же самом месте «из рудников Щербиновского, Ртутного, Фурсовского, Ауэрбаха, Байракского и Горловского начали стекаться громадными партиями забастовщики к назначенному месту сходки возле Горловской шахты № 5». Далее он сообщает об атаке полиции, аресте одной толпы и стычке с другой толпой, в результате чего было «убито пять шахтеров». Дав распоряжение о посылке казаков, он обещает министру выехать туда, «чтобы с прибывающими силами окончательно завтра утром подавить возникшие беспорядки».

[1]) «Летопись революции», № 2 за 1923 г., Из революционной деятельности екатеринославских рабочих.

[2]) Телеграмма министра внутренних дел от 3 мая 1916 г., подана в 3 ч. 50 м. пополуночи. Дела деп. пол., № 18, ч. 2, т. I, л. 66.

Случай вооруженного столкновения в Горловском районе настолько интересен, что мы позволим себе из других источников привести некоторые подробности, меняющие в корне картину, узость которой в телеграммном изложении слишком очевидна. Документ вышел из-под пера прокурора екатеринославского окружного суда, в его «представлении» прокурору харьковской судебной палаты. Оказывается, что район фактически находился на военном положении. В одном из рудничных пунктов стоял исправник с военной силой. И вот сюда, «где стоял исправник с главными силами», стали с 9 ч. утра стекаться рабочие. Сначала исправник посылал «конные раз'езды» рассеивать толпы, но, видя, что сила солому ломит, он «уже не решился отделять части от своего отряда и таким образом ослаблять его». Далее уже дело пошло по всем правилам боя с осадой, наступлением, пленными и контр-атакой. Прокурор описывает дело так: «К 10 часам утра на расстоянии саженей 300 от местонахождения отряда, в промежутке между железнодорожной линией и крестьянскими шахтами, скопилась толпа рабочих человек в 400, а саженях в 100 от этой толпы рабочих — человек до 100—150. В это время, увидев, что указанная выше толпа человек в 400 двинулась по направлению к отряду войск, исправник Яновский приказал командующему отрядом конных стражников поручику Беюлу выступить с стражниками вперед и преградить дорогу наступающей толпе, и сам, выехав вместе со стражниками вперед, пытался увещаниями образумить толпу и заставить ее разойтись, но толпа не хотела слушать никаких увещаний и напирала на стражников уже вплотную, причем у некоторых из толпы были в руках палки, а другие бросали в стражников камни; в этот момент исправник, видя, что при дальнейшем промедлении толпа сломит стражников, приказал им итти на толпу в нагайки; стражники пошли в нагайки, толпа отхлынула и частью собралась на высокой насыпи отработанной породы, находившейся возле крестьянских шахт, частью отбежала дальше. Собравшиеся на насыпи породы, рабочие стали бросать в стражников камнями и в то же время криком и знаками стали звать себе на помощь толпу рабочих тысячи в полторы человек, состоявшую, повидимому, из рабочих соседних рудников и находившуюся от места происшествия на расстоянии около версты за балкой. В это время исправник Яновский, приблизившись к насыпи из породы, на которой находились рабочие, снова стал уговаривать их, прося образумиться и подумать, что они делают, заявив, вместе с тем, что в противном случае он принужден будет прибегнуть к содействию вооруженной силы и для большей убедительности своих слов направился вслед за тем к стоявшей вдали роте пехоты. Увидев это, находившиеся на насыпи рабочие сбежали с нее и укрылись в смежном дворе отдельно стоящей крестьянской шахты. Заметив это, исправник немедленно приказал поручику Беюлу оцепить этот двор стражниками и затем заявил окруженным таким образом рабочим, что они будут переписаны и что те из них, которые не виноваты, будут отпущены, но что сейчас они все должны быть отведены в Горловку. Рабочие, которых было окружено человек 200, видя, что дальнейшее

сопротивление бесцельно, заявили, что они готовы подчиниться требованиям исправника. Поручив Беюлу оцепить стражниками задержанных рабочих и вести их в Горловку, а поручику Лосиевскому с ротой итти позади арестованных, дабы отразить в случае надобности натиск приближавшейся к ним на выручку из-за балки полуторатысячной толпы, исправник Яновский с начальником сыскного отделения Кирстою и 4 стражниками отправился вперед, чтобы очистить мост, через который надо было вести арестованных, и приискать для них в Горловке подходящее помещение. Вслед за тем бежавшая на выручку полуторатысячная толпа рабочих почти вплотную приблизилась к арестованным, и скоро в солдат из толпы полетели камни, некоторые же из толпы стали хватать солдат за шинели и винтовки, крича в то же время арестованным, чтобы они разбегались. Поручик Лосиевский, видя, что несколько солдат уже получили ушибы камнями и ему самому камень попал в указательный палец правой руки, сначала крикнул толпе, что будет стрелять, а затем, после троекратного сигнала к стрельбе на рожке, приказал задней шеренге солдат открыть огонь по тем рабочим, которые особенно приближались к солдатам, бросали в них камни и вообще вели себя наиболее вызывающе. Еще до начала стрельбы, один из солдат крикнул поручику Лосиевскому: «ваше благородие, берегитесь», после чего Лосиевский, обернувшись, увидел одного из бывших в толпе рабочих, который выстрелил в него два раза из револьвера, но промахнулся. Солдатами всего был произведен 21 выстрел, причем из толпы нападавших рабочих было убито четверо [1]), в том числе и тот рабочий, который стрелял в поручика Лосиевского и двое из толпы были тяжело ранены, а из нижних чинов получили ушибы камнями 9 человек. Во время этого столкновения с толпой арестованные бросились в разные стороны, и большая часть их успела разбежаться, так что в Горловку были доставлены только 23 человека» [2]).

Здесь прокурор умышленно выставляет невиновность полиции,— она-де предупреждала и т. д. Вечером ведь 1 мая у всех начальников военной силы и местной полиции был «генеральный совет», на котором постановлено «перейти от слов к делу» и дать рабочим острастку. Наступление рабочими для того, чтобы отбить товарищей, велось с тактической стороны чисто по-военному. Безотрадно то, что их попытка сагитировать солдат («хватали за шинели») не увенчалась успехом, но несомненно, что часть выстрелов была направлена у более сознательных солдат вверх. О настроении солдат говорит также то, что из 200 задержанных доставлено 23 рабочих, а ведь был конный наряд полиции и 2 взвода солдат. Судя по ранам у убитых, рабочие находились вплотную к шеренге солдат. Не подлежит сомнению, что убиты

[1]) Тов. Шляпников дает также подробное описание этой схватки и число раненых рабочих определяет в 20 человек. Безусловно, раненые были, полиция сама это допускает, считая, что рабочие легкие раны скрывали, чтобы избежать ареста. См. «Канун 1917 г.», ч. 1, изд. 3, стр. 214.

[2]) Арх. рев. и вн. п., дела деп. пол., № 18, ч. 2, т. 1.

4 человека были рукой пристава, ворвавшегося в толпу и стрелявшего в упор.

Начальник губернского жандармского управления пытался факт столкновения приписать недоразумению, случайности. Климович (директор департамента полиции), как старый, опытный волк, не поверил этому и на донесении написал резолюцию, что факт не освещен агентурно. «Обратить на это внимание начальника Управления и предложить напрячь все усилия, дабы каменноугольный район был освещен, ибо партийная работа в нем, несомненно, есть» [1]).

Он, конечно, был прав: партийная работа в Екатеринославской губ. велась в это время почти во всех районах. Правда, в ней не было общей организационной увязки, различны были методы воздействия, методы вовлечения массы в борьбу. На таких заводах, как Гартмана и патронный в Луганске (правда, у Гартмана было в то время засилие меньшевиков-ликвидаторов типа Руденко, но все же все летние стачки 1916 г. прошли под большевистским руководством) [2]), Шодуар, Трубочный и др., парткоялективы росли численно и идейно крепли. К этому времени (апрель) мы имели, напр., такое донесение губернатора в связи с арестом 26 апреля тт. Соломченко, Валявка, Власенко, Медведева, Корецкого и Яшина. «Названные выше лица, по достоверным агентурным сведениям, принадлежат к РСДРП пораженческого течения и за последнее время принимали деятельное участие в местной партийной работе. Причем указанный Соломченко являлся правой рукой видного деятеля названной партии среди рабочих заводов в поселке Амур-Нижнеднепровск, крестьянина Степана Власенко». Далее идет изложение того, что названные лица «задались целью использовать повышенное настроение рабочих местных заводов в своих преступных целях, взяв в свои руки руководство рабочим движением». Главное, что пораженцы пользовались успехом, как, напр., на заводе Шодуар, где рабочие после речи Соломченко отказались от посылки подарков в армию к Рождеству 1915 г. К Пасхе 1916 г. подарки приготовили, причем ехать намеревался на фронт тот же Соломченко «с целью вести на фронте пропаганду о заключении мира» [3]).

Эти факты относятся к заводам, но и на рудниках, в угольном районе картина была аналогичная. Тов. Р. Я. Терехов в своих воспоминаниях пишет, как, после патриотической волны в массе и апатии в партийных рядах, с середины (апрель) 1915 г. «повеял ветерок», к апрелю 1916 г. выросший в «шторм». Уже в ноябре 1915 г. по инициативе Берестово-богодуховского партколлектива в «Холодной балке», между Юзовкой и Макеевкой была организована массовка, куда пришло около 6-7 тыс. рабочих. Из изложения не видно, как отнеслись рабочие, но доклад был о войне. В 1916 г. уже весь район покрылся сетью партийных ячеек. В Берестово-богодуховском руднике 5 ячеек, на Пастуховском — 2, ячейки Горпенковская, Игнатьевская, Щеглов-

[1]) Дело № 18, ч. 2, т. I, 1916 г., донесение от 6 мая.
[2]) См. воспоминания Гамбарова, «Летопись революции», № 4 за 1923 г.
[3]) Дело № 18, ч. 2, т. I, 1916 г., л. 77.

ская и др. Ячейки были уже численно мощные, напр., Богодуховская имела 80—90 человек. Если им не удалось провести забастовку 9 января, — пишет Терехов, — то апрельско-майское движение прошло под их руководством. «В день 1 мая [1]) колеса шахт не крутились (а начальник губернского жандармского управления пишет 2 мая, чтобы затушевать политический характер забастовки.—С.), клети снизу вверх и сверху вниз не ходили; по всем рудникам прокатилась первомайская забастовка, которая приняла затяжной характер; тогда нашей организации пришлось выработать экономические и политические требования: прекращение войны, 8-часовой рабочий день, надбавки в 30%, улучшение квартир и т. д.» [2]). Как была разбита волна забастовок — мы уже видели, причем имело место и штрейкбрехерство, срывавшее забастовки.

Это отступление мы сделали сознательно, чтобы показать, как неправ был г. полковник, сообщая только об экономической подкладке движения, игнорируя факт наличия партработы в среде горняков. Очень жаль, что т. Терехов не развил более детально наличие политических требований. Все имеющиеся в нашем распоряжении требования рабочих угольных районов и заводов не дают этого. В какой форме был заявлен протест против войны, как относилась к нему масса, — все это остается неосвещенным.

(Нас интересует вопрос начала стачечной волны 18 апреля. Не связана ли эта дата с 1-м мая по новому стилю? 1-е мая 1916 г. пришлось на воскресенье, и в отчетах, какие имелись в департаменте полиции и министерстве торговли и промышленности, этот день отмечен относительным спокойствием. Начальник губернского жандармского управления свои предположения об экономическом характере стачки делает со слов низших агентов полиции и основываясь на выкриках рабочих. Просьбы, напр., инженеров Окружного и Петровских заводов (последние имели свои рудники) не привели ни к чему. Обычно в такой форме стачки связаны с протестами. Мы думаем, что Терехов прав: стачка была политической именно потому, что носила скрытый п р о т е с т п р о т и в в о й н ы. Нельзя, конечно, оценить ее как вполне удавшуюся и организационно-оформленную, но это оправдывается тем, что стачка была первая с начала войны, раскачавшая рабочих на дальнейшую борьбу. Стачка показала, что горняки умеют не только просить и требовать, но и бороться за свои требования, не останавливаясь перед схваткой с полицией и войсками, еще служившими царизму.)

Так как рост рабочих запросов и их положение частью отражается в требованиях, мы приведем одно наиболее общее и типичное из них, тем более, что угольно-рудничный район представляет, несомненно, большой интерес. Напр., один из рудников пред'явил такие требования: «Ввиду создавшейся дороговизны, которая не соответствует нашему заработку, мы, рабочие Александровского угольного рудника, вынуждены пред'явить администрации нашего рудника требование

[1]) Может быть, в рудниках воскресного отдыха не было? 1 мая было в воскресенье.

[2]) «Летопись революции», № 5 за 1923 г., воспоминания Р. Я. Т е р е х о в а.

о прибавке заработной платы и других условий, создающихся по вине нашей администрации.

1) Прибавка 50% заработной платы всем без исключения как в шахте, на поверхности, так и в мастерских. Прибавка должна быть внесена в расчетные книжки и в табель расценков.

2) Отмена всяких премий и всяких подгонных систем, которые вредно отзываются на нашем здоровье.

3) Отмена принудительных выходов на работу.

4) Устройство бани с ящиками для белья, а шахтерам достаточным количеством воды и тазов.

5) Питьевую воду развозить по квартирам и в достаточном количестве.

6) Уголь доставлять своевременно и в достаточном количестве.

7) Инструмент должен быть конторский на всех работах.

8) Доставка леса забойщикам к месту работ.

9) Улучшение санитарных условий в поселке рудника.

10) Освещение всего поселка рудника.

11) Улучшение медицинской помощи рабочим.

12) Квартиры должны быть бесплатные.

13) Отмена спускных и выездных контрамарок.

14) Вежливое обращение администрации с рабочими.

15) За забастовку никто не должен пострадать.

16) За дни забастовки уплатить полностью» [1]).

Итак, описание событий и на Юге показывает несколько более поздний, чем в центре, громадный сдвиг в движении как с количественной стороны участников движения, так и качественной — протест против войны, неподчинение и сопротивление власти. Кроме того, факты подтверждают, какая теснейшая зависимость существует у большевистских организаций с рабочей массой. Оживление рабочего движения действует на оживление деятельности партколлективов и обратно. Даже там, где обстановка не позволяет выдвинуть политический лозунг, само об'ективное положение военной обстановки являлось необходимой предпосылкой, чтобы экономическая борьба увязывалась с политической. На примере стачек горняков Донбасса это видно очень ярко. Не беда, что стачечный размах временами уменьшался и даже прекращался. Положение горняков во многом отлично от положения рабочих городской промышленности, так как, будучи разбросаны по рудникам, они более предоставлены произволу, чем в городах. Вся суть стачек и особенно таких, с которыми мы здесь знакомились, в том, что они дают сильную революционную закваску, плоды которой сказываются медленно, но верно.

д) Движение в Баку

У нас нет данных относительно движения в годы войны на Урале, но мы знаем, что крупного движения там не было. Конечно, это не означает, что на Урале царила «сплошная» гармония в отношениях

[1]) То же дело по Екатеринославской губ.

рабочих с предпринимателями и властью; это не значит также, что положение рабочих там было блестящее. Мы знаем, напр., революционность рабочих Урала в 1917 г. Эту оговорку мы делаем потому, что выше касались Урала с точки зрения количественных и качественных изменений в рабочем составе за годы войны. В этом вопросе надо искать ключи к об'яснению причин того, что Урал мало видел стачек в годы войны. Без сомнения это так, хотя были и другие причины. Оседлость коренных рабочих Урала в сочетании с страховкой от «фронта» по случаю работы на оборону делали наиболее квалифицированный слой рабочих покорным и молчаливым. Кроме того, при низкой технике на Урале преобладал слой подсобных рабочих, которые трудно поддавались организации и обработке, следовательно, числиться активным слоем не могли.

Революционное настроение у уральского пролетариата поднялось в начале 1917 г. Особенно Урал проявил себя после Февральской революции, дав образцы героизма и стойкости, борясь за конкретные лозунги — сохранить производство.

О рабочей армии, работавшей в нефтяной промышленности, мы имеем несколько фактов, которые постараемся в более краткой форме передать, чтобы подойти к общим выводам о конкретной стороне движения.

Рабочие нефтяной промышленности были прежде всего освобождены от мобилизации, что оказало влияние на активность рабочих. Кроме того, тактика предпринимателей с наградными также была одной из мер, предупреждающих стачки.

Тов. Попов, особенно т. Сеф [1]) правы, когда отмечают эволюцию во взгляде рабочих на наградные в период между двумя крупными стачками 1913 и 1914 гг. Доказательством т. Сефу служат пункты требований в первой и второй стачках. Мы должны сказать, что если требования в великой июльской стачке 1914 г. и исключали систему наградных, то преемственности эта мысль в дальнейшем не получила: наградные также играли крупнейшую роль в требованиях рабочих в военные годы. Это уже была традиционная «слабость» разношерстного по виду труда и по нацсоставу бакинского пролетариата.

Бакинский градоначальник ежемесячно отправлял за 1915 г. ведомости о движении рабочих на промыслах. За год все 12 ведомостей дают 2 300 бастовавших рабочих. В среднем на одну забастовку приходится 76 раб. Из крупных предприятий в 1915 г. бастовали: рабочие нефтепромышленного о-ва «Кавказ» (329 раб.) по поводу наградных за вторую половину 1914 г.; ткацкий отдел бумагопрядильной фабрики Тагиева (419 раб.) и еще механические мастерские т-ва Нобель (320 раб.). Остальные стачки были очень незначительные. Длительных стачек также не было. Предприниматели старались избегать конфликтов, поэтому требования рабочих удовлетворялись иногда полностью или компромиссами.

[1]) А. Попов, Из истории забастовочного движения в России накануне империалистической войны, и Сеф, Из истории бакинского рабочего движения, «Пролетарская революция», № 7 (54) за 1926 г.

Характерно, что бакинские власти единственные пошли из всех местных властей на архидемократические реформы в деле снабжения и распределения продовольствия для населения. Разговоры и с'езды летом в Москве — в Баку нашли реальное выражение в попытке создания 17 районных и одного центрального комитета по борьбе с дороговизной. История царизма не знала такого явления, чтобы состав комитетов определялся выборными без различия пола, возраста и звания. Постановка обещала принять широкий оборот, судя по всем пунктам системы контроля торговли снизу доверху. Но, но... наместник наложил свое вето на эту, кажется, серьезную затею.

Мы об этом напоминаем потому, что такие продовольственные комиссии были бы местом легальной работы с.-д. Между прочим, это и было одним из поводов отмены их. Начальник губернского жандармского управления, разделяя взгляды наместника, констатировал, что вся предвыборная кампания прошла под знаком «местных революционных деятелей».

А в рабочих районах на состоявшихся 25 октября 1915 г. выборах «прошли многие партийные лица, главным образом из с.-д. и некоторых дашнакцаканов».

Вопрос снабжения продовольствием при той рыночной анархии и бешеной спекуляции, которые царили в годы войны, для Баку имел громаднейшее значение. Если 29 октября 1915 г. наместник отменил демократические комиссии, то плоды этого он получил уже в феврале 1916 г. В провинциальных центрах еще мы не видим продовольственного движения, — оно было в мае, вообще летом, — а в Баку уже произошел грандиознейший погром, не имевший себе подобных, если не считать в Москве немецкого погрома.

Рабочие в погроме безусловно не участвовали. Об этом во всех своих донесениях свидетельствует начальник губернского жандармского управления, но для рабочих погром прошел не бесследно, ибо они с городом связаны всеми нитями. Активную роль русских женщин особенно подчеркивают все донесения, а ведь русские женщины — это жены заводских рабочих. 14 и 16 февраля Баку представлял не город, а боевой лагерь. Стрельба в толпу, стрельба в казаков, схватки, военные совещания всех властей (губернатор Альшевский, контр-адмирал Клюпфель, прокурор и проч. и проч.). Центральная власть тоже «дыбом» встала от такого первого провинциального штурма, и прямо и косвенно отражавшего отношение населения к войне.

Всего разбито было: продовольственных складов, магазинов и лавочек — 45, лавок на зеленном базаре — 24, фруктовых — 8, галантерейных магазинов — 11, винно-гастрономических складов и магазинов — 7, посудно-хозяйственных — 4, ювелирных — 7, обувных — 3, мельниц — 2, кондитерских — 2, ресторан — 1, ковровый магазин — 1. Ряд показаний владельцев о погроме был явно преувеличенный и даже лживый, так как они претендовали под шумок получить из казны что-нибудь за убытки и т. д. Погром, конечно, был продовольственный, а не ювелирный. Рабочие настолько насторожились после погрома, что полковник Шатров боялся их. Если уж очень круто повести репрессии

против громивших, то это «может вызвать протест (со стороны рабочих. — С.), который выльется в забастовку и пред'явление требований». Этот испуг даже отразился на деятельности агентуры, которая временно оставила рабочую среду. Несмотря на то, что среди передовых рабочих стал распространяться «манифест интернациональной конференции в Циммервальде», вопрос об арестах и обысках был временно отложен. Дел было и так много. Убитые, раненые, умершие от ран, 123 арестованных мужчин и 83 женщины (потом цифра увеличилась), ушибы камнями у 21 казака и 50 офицеров[1]).

Теперь, что касается стачечного движения в 1916 г., то оно в количественном отношении далеко шагнуло в сравнении с 1915 г.: забастовки приходятся на каждый месяц года. Даже в зимние месяцы, обычно не стачкистские, рабочие бастуют, так как как раз заканчивается календарный год, что служит почвой для требования наградных. Основное содержание борьбы — требование повышения зарплаты. Крупное место занимает борьба и за изменение условий труда.

Официальная цифра (исключены, по всей вероятности, предприятия, не заслуживающие быть отмеченными) на 1916 г. дает 77 забастовок с 11 664 раб. Эта цифра с невошедшими в подсчет приблизительно составляет ¼ всего бакинского пролетариата. На одну забастовку в среднем в 1916 г. приходится 152 раб., уже в два раза больше, чем в прошлом году[2]). Наикрупнейшую цифру в месяцах года дает декабрь (около 1 800 раб.), что очень характерно для росшего революционного настроения рабочих. В декабре вообще движения почти не было в других центрах.

Январская война 1917 г. еще больше усилилась. По самым минимальным подсчетам было 87 забастовок и 22 293 участника[3]) с 79 708 потерянными рабочими днями. Бакинские предприниматели, наученные горьким опытом большой стачки 1914 г., стали более благоразумны (имея в виду ажиотаж на нефтяном рынке и ажиотаж с бурением новых скважин) и заранее стремились накладывать пластыри на больные места. Теперь на уступки шли более охотно, чем в 1914 г. Рабочих подрядного бурения, как ниже оплачиваемых, сами предприниматели постановили подтянуть прибавкой, чтобы только избежать стачек. В это время в связи с льготами казны была особенная жадность на бурение новых участков.

В общем 1916 г. — это год широкого оживления движения с вовлечением рабочих крупных фирм, как Манташева, Бенкендорфа, Нобеля и других. В январе 1917 г., напр., в Балаханах на промыслах Нобеля бастовало 1 258 рабочих и у Бенкендорфа — 807. Характерная черта, что забастовки раньше протекали очень разрозненно и по времени и по месту. Это, безусловно, говорит о низком качестве их. Главное же в отличие от других районов состоит в том, что в донесениях бакинской власти нельзя никак нащупать политики в движении. Все

---

[1]) О Баку см. Арх. рев. и вн. п., № 5, ч. 11, за 1915/16 г.
[2]) Цифры см. сборник Центроархива «Рабочее движение в годы войны».
[3]) «Архив истории труда в России», кн. V—VII за 1923 г.

движение окрашено в ярко экономический цвет. Январь 1917 г. и здесь пробивает брешь.

В связи с арестами в январе в рабочей среде, в стачках первым пунктом стояло требование их освобождения. В требованиях видна направляющая и руководящая линия со стороны с.-д. Примерное требование, пред'явленное в январе некоторыми промыслами, говорило о связи и руководстве забастовками со стороны. Напр., нижеприводимое требование мастеровых и рабочих механических мастерских товарищества Нобель 27 января 1917 г. выдвигалось и другими промыслами.

1) Освободить арестованных рабочих.

2) Признать промысловые рабочие комиссии и совет уполномоченных (это — корни фабзавкомов. — С.).

3) Прибавка зарплаты всем рабочим и мастеровым в таком размере: получающим до 1 р. — 100%; от 1 р. до 1 р. 50 к. — 85%; от 1 р. 50 к. до 2 р. — 50%; от 2 р. до 2 р. 50 к. — 35%; от 2 р. 50 к. — до 3 р. — 30%, свыше 3 р. — 25%.

Как видно из этого, основной заработок бакинца для начала 1917 г. был мизерным. Выручала потогонная система наградных и премиальных. Рабочие только после Февраля отбросили эту унижающую достоинство человека систему, о чем они сами заявили.

Из этого видно, что Бакинский район по количеству промышленных конфликтов стоял не на последнем месте. Вместе с тем, как и на Урале, армия нефтепромысловых рабочих вступила в полосу обостренной борьбы тоже в 1917 г., отдав в первую его половину обильную дань политиканству Рамишвили и т. п. глашатаев промышленного мира. Увидев всю бесплодность жалкого крохоборчества и трусость политики социалистов в великом летнем конфликте о зарплате, бакинский пролетариат встал под знамена местной большевистской организации.

Итак, заканчивая обзор фактической стороны движения, мы видим, как весь промежуток времени от начала войны до Февральской революции характерен тремя периодами.

Первый период связан почти с полным затишьем движения. Это период разгрома легальных и подпольных рабочих организаций, период опустошения наиболее активного состава рабочих мобилизациями. Продолжался он для разных районов во времени неодинаково. В силу особых условий своего положения первым выступил текстильный пролетариат, повторяя тем самым, но уже на высшей ступени своего развития, в новой политической и экономической обстановке, то же, что было у истоков рабочего движения до 1905 г. Вторым из районов выступил Петроград, затем идут Москва, горнопромышленный Юг и др. В общем, рабочее движение, несмотря на режим военно-полевых судов и дикой полицейщины, с июля 1915 г. выступило вновь на широкую дорогу. Второй период можно считать длящимся с апреля 1915 г. до октября 1916 г. Этот период характерен вызреванием рабочего сознания для подготовки его к непосредственно-революционной ситуации, сложившейся, безусловно, только в третьем периоде. Этот период характерен преобладающей экономической борьбой, которая являлась

стачечной школой для вновь влившихся в промышленность различных слоев населения (крестьянства прежде всего). Анализируя экономические стачки накануне войны, т. Ленин писал, что в таких случаях эти новые отсталые слои «может разбудить лишь самое экстренное обострение движения; а иначе, как с экономическими требованиями, отсталые слои не могут втянуться в борьбу».

«Без экономических требований, без непосредственного и немедленного улучшения своего положения масса трудящихся никогда не согласится представлять себе общий процесс страны» [1]).

Цифровые таблицы показывают, как отмеченный нами период близок к характеристике Ленина.

Конечно, такой район, как Петроград, уже и в этом периоде имел мощную политическую струю в движении, превосходившую экономическую по числу участников и по цифре бастовавших рабочих на одно предприятие [2]).

Из цифр текста мы знаем, что основным контингентом участников стачечного движения в Петрограде были металлисты, отсюда и понятна преобладающая струя политических стачек для данного района. Металлист стоял на более высокой ступени культурного и политического развития (мы не говорим о печатниках, — они в годы войны, будучи в тяжелом материальном положении, мало проявили себя), отсюда характер их требований не мог не иметь преобладающей политической окраски.

На-ряду с этим и относительно более лучшая материальная обеспеченность делала их политическими борцами в общей стачечной борьбе в отличие от других районов. Они не могли мириться с положением лишенных всякого элементарного права гражданства в сравнении с рабочим классом буржуазных стран.

Отмечая это, мы все же не можем данное явление считать решающим в том смысле, что такой характер борьбы ставил в порядок дня и мог бы обеспечить успех свержения самодержавия уже во втором периоде. Петроградский комитет РСДРП(б) даже в грандиознейший размах октябрьских стачек (1916 г.) вполне правильно снимал с повестки дня данный вопрос. Без обеспеченного союзника в лице крестьянской армии, без подготовленных резервов провинциальных рабочих — петроградский пролетариат не мог это сделать. Всякий процесс имеет свою внутреннюю логику, вернее, диалектику: без подготовки сознания новых слоев рабочих, без протрезвления от патриотического угара громадного большинства рабочих провинциальных центров, а также и в самом Петрограде, без широкого вовлечения в движение рабочих центров и всего населения — ставить вопрос о свержении самодержавия было нельзя. Надо иметь еще в виду самый факт переплетения борьбы с самодержавием с вопросом войны. Война, с одной стороны,

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 167, изд. 1924 г.; там же, стр. 159.

[2]) По официальной статистике, с июля 1915 г. до октября 1916 г. в Петрограде было 133 политических забастовки с 206 855 участниками и 206 экономических забастовок с 147 627 участниками.

была «величайшим ускорителем» процесса революционизирования масс, расширяла размах движения, делая его всенародным, с другой стороны, она, несомненно, затрудняла борьбу с самодержавием [1]). Ведь на этом вопросе временно наживали себе политический багаж ликвидаторы (растерявшие его в годы под'ема), отвлекая рабочих от стачек и политической борьбы, спекулируя на популярном первое время лозунге «защиты отечества». Кроме того, когда смотришь на экономическую борьбу даже петроградского пролетариата в этот второй период, то она, будучи по размерам меньше и слабее, носит упорный, систематический характер. Политическое же движение идет скачками. Оно больше приурочивается к событиям, к датам. Лишь с октября 1916 г. такого колебания не было. Бурный под'ем политстачек в октябре сменился сравнительным двухмесячным затишьем и в экономической и в политическом движении, — затишьем как бы перед бурей, чтобы потом разразиться в январе и феврале сплошной политической стачкой, перешедшей в всеобщую политическую демонстрацию, а в дни 26—27 февраля в восстание и победу над царизмом [2]). Этим характерен третий период, — период непосредственно-революционной ситуации.

Сравнивая текстильный район с Петроградом, мы видим, как медленно нарастал процесс формирования пролетарской идеологии, в смысле политической четкости, у текстилей в сравнении с металлистами. Металлисты скорее, чем другие, восстановили провал, разделявший июльскую борьбу 1914 г. с предфевральским движением. Им для этого потребовалось меньше времени, чем другим рабочим. Это понятно, если принять во внимание характер промышленности Петрограда, состав его рабочих и значение Петрограда, как политического центра.

Текстильный район так и не вышел до Февральской революции из стадии экономической борьбы. Стачки текстильного района создают видимость незавершенного процесса: стачечная активность всей рабочей массы текстильщиков опиралась еще не на прочный базис сознания о необходимости разрушения самодержавия, хотя потенциальные силы, таившиеся в этой массе, были очень велики и с очень большим коэфициентом революционной полезности. Металлисты и печатники с этой стороны были далеко впереди текстильщиков. По отношению к царизму, в массе взгляд их был один — уничтожить, чего еще не было по отношению к капитализму. Правда, говоря словами т. Сталина [3]), кто ударял по царизму, тот ударял и по капитализму и империализму, и не только русскому. В то время такая форма мышления была уделом меньшинства рабочих. Отличаясь в этом, текстильщики

[1]) Затрудняла не потому, что к самодержавию еще кто-нибудь мог относиться так, как до 1905 г., а потому, что страна вела войну, требовавшую больших напряжений. Мы знаем, как часто на этом играли гг. директора фабрик и заводов и как часто им удавалось «втирать очки» рабочим.

[2]) Противопоставляя так экономической политическую борьбу, мы не забываем их неразрывной связи.

[3]) «Об основах ленинизма», стр. 79, изд. 1926 г.

имели и преимущество, которое после Февраля сказалось в том, что семена большевистской пропаганды падали в их среде на почву, хорошо взрыхленную предшествующей острой экономической борьбой, на более девственную и более чистую от каких-нибудь других политических плевел. Большевикам после Февраля пришлось бороться за массы в текстильном районе только с эсерами, для которых почва там хотя и имелась, но не глубокая. Не то у металлистов и печатников. Тут политические течения в сознании масс переплетались. В одних местах они давали перевес формам сознания большевистским, в других — меньшевистским. Формы эти причудливо переплетались по районам с перевесом в ту или другую сторону, имея за собой традиции и корни прошлой истории борьбы. Надо сказать, что при царизме была важна не эта линия политического водораздела в массовой работе, а общая задача расшатывать, вырывать основы и уничтожать самодержавие. Для периода царизма было достаточно и таких форм сознания, чтобы стоять на дороге к социализму. Послефевральский период требовал большей отчетливости и ясности политической мысли, а это пока было дано не всякому даже и в рабочем классе. Старые закваски в разных его слоях, обусловливаемые различным положением, прежде всего в центре и в новых условиях обстановки, в определенной прослойке рабочих, имели тенденцию ужиться в рамках послефевральской буржуазной России.

Как видно из изложения, мы почти не касаемся рабочего состава других отраслей. Одна из приложенных таблиц отвечает, почему это так. Если взять 1915—1916 гг., то из 1 488 223 участников забастовок 83,1% падает на металлистов и текстильщиков. Совершается значительная передвижка, значительный сдвиг в движении рабочих других отраслей только в 1917 г. Если взять цифру участников за 1915/16 и 1917 гг. (январь — февраль), то уже из 2 167 509 участников на долю металлистов и текстильщиков падает 74,4%. Январь и февраль значительно подняли на активное выступление рабочих «прочих отраслей» и, что важно, именно на политические выступления. Мы уже выше отмечали, как текстильщики отступили в этом третьем периоде назад. Рабочий состав бумажного и бумажно-полиграфического производства, будучи одним из активных слоев в движении до войны, в годы ее проявил себя очень слабо. Теперь, в дни января и февраля, и они выдвинулись по политическим выступлениям далеко вперед.

В цифровом соотношении таблиц бастовавших по производствам только одни металлисты показывают роль бессменных борцов. Оценка цифр участников у металлистов показывает о их громаднейшей роли как авангарда всего рабочего класса. За 1915/16 и 1917 гг. они дали 982 953 участника, или к всероссийскому итогу 45,3%. У металлистов и в общем итоге преобладают политические забастовки над экономическими. Размах борьбы металлистов явился сокрушающим ударом.

Почему не было такого размаха движения в Западной Европе в условиях военной обстановки? Почему наш рабочий класс первый

пришел к протесту против войны, к революции против царизма, а потом и буржуазии? Общий ответ на часть данного вопроса надо искать в историческом прошлом русского рабочего класса, в своеобразии его экономики, в соотношении классовых сил страны, в ее политическом строе и в наличии революционной пролетарской партии. Конкретно в годы войны революционное движение ускорялось еше об'ективной причиной бедственного положения рабочих. Западная Европа не пережила такого расхождения «ножниц» в заработной плате и в ценах на продукты питания. Заработок и бюджетный индекс там двигались более параллельно, чем у нас. Власть и буржуазия там умели накладывать своевременно заплаты на больные места рабочего вопроса. Не надо забывать также и более глубоких шовинистических корней у рабочего Западной Европы. Особенно это выпукло проявилось в Германии. В последней рабочий класс в смысле питания и дороговизны нес большие лишения, но рукой военной власти, умевшей несколько сильнее обуздать аппетиты отдельных слоев населения, создавалась видимость, что эти лишения несут все классы. Будучи глубоко-патриотичен, следуя за изменившими делу социализма вождями, германский рабочий поэтому проявил больше терпения, больше покорности, пока вступление Америки в войну не подорвало окончательно его силы и уверенность в победе.

Касаясь России, т. Ленин писал и часто подчеркивал: «Нам легче было начать, во-первых, потому, что необычная для Европы XX в. политическая отсталость царской монархии вызвала необычную силу революционного натиска масс» [1]). И в другом месте: «В силу ряда исторических причин — большой отсталости России, особенных трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 г. — в России раньше других стран вспыхнула революция» [2]).

Тов. Ленин в 1913 г., возражая ликвидаторскому «Лучу», выступившему против массовых стачек, писал: «Нигде в Европе стачки в XX в. не имели и не имеют и не могут иметь такого значения, как в России переживаемой нами эпохи. Почему?

Да потому, что во всей Европе давно абсолютно закончен период демократических глубоких преобразований, а в России на очереди стоят — в историческом значении этого слова — именно такие преобразования» [3]). Политические стачки военных годов, являясь продолжением борьбы годов под'ема, добивались именно этих демократических преобразований. Свергнув царизм и завоевав буржуазные свободы, рабочий класс принялся строить свои широкие организации, давно присущие буржуазным государствам. Вопрос о дальнейшей борьбе рабочий класс отодвигал (не снимая его совсем с повестки дня), а это «отодвигание» вопроса (у меньшевиков снятие его) было основой мень-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, Третий Интернационал и его место в истории.
[2]) Там же, т. XIV, Грозящая катастрофа и как с ней бороться.
[3]) Там же, т. XII, гл. II, Кое-что о стачках.

шевистской схемы революции. Вот почему мы писали выше, что первая половина 1917 г. была одним из опасных периодов в истории борьбы русского рабочего класса.

Иногда приходится встречать мысли о возможности революции в 1916 г. и даже ранее. Это, конечно, неверно. Несомненным является то, что в рабочих требованиях, хотя и глухо, но упоминалось о рабочем контроле и вмешательстве государства в производство.

О советах говорилось лишь в передовых парторганизациях, как Петроградский комитет РСДРП (б). Вообще процесс, за которым следует взрыв, был еще незакончен. Даже октябрь 1916 г. не мог дать победы, хотя уже и тогда мы имели многие случаи смычки рабочих с солдатами. Верно только то, что страна вступила в полосу революционной ситуации, признаки которой констатирует т. Ленин уже в 1915 г.

Признаки революционной ситуации: 1) «Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство: тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение в силу указанных причин активности масс, в мирную эпоху дающих грабить себя спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими верхами к самостоятельному историческому выступлению» [1]).

Из отмеченных т. Лениным признаков революционной ситуации в 1916 г. не все еще находились в такой стадии развития, чтобы перейти непосредственно в революцию. Власть переживала кризис, часть господствующего класса уже не могла сохранить неизменным свое господство, — трещин создалось много. Выше обычного обострились нужда и бедствия. Но если уже все «низы не хотели» так жить, то еще не все «верхи не могли». К концу 1916 г. относится легальное и нелегальное упрашивание «верхами» царя переменить политику, сменить некоторых лиц. Недостаточно еще выросла активность масс, если взять ее в целом. Рабочей массе надо было пережить еще октябрь 1916 г. с локаутами и началом тесной связи с армией; надо было пережить 9 января 1917 г.; надо было пережить предметный урок бесплодности таких затей, как «рабочий социализм» (рабочие группы) на службе империалистической войны; надо было пережить шумиху с ноябрьскими речами «верхов» и «хождения» к думе; надо было дожить до крайностей продовольственной нужды, — чтобы затем, став под красные знамена старых и новых поколений революционеров и, соединившись с армией, раздавить царское самодержавие.

Это и сделал русский рабочий класс в феврале (марте) 1917 г. Но сделал не так, как предполагали «верхи», — сделал против их воли,

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, Крах II Интернационала.

так, как учил его величайший «опыт» 1905 г., так, как учила его эпоха «Звезды» и «Правды», как учило его «правдистское направление» рабочих-революционеров в условиях кошмарнейшей империалистической войны.

Успех этой борьбы зависел, прежде всего, от того, что на всем протяжении она освещалась правильной революционной ленинской теорией о характере, путях и движущих силах русской революции.

Таблица 1

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ИМПЕРИИ, ПОДЧИНЕННЫХ НАДЗОРУ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ.

ДАННЫЕ О ЧИСЛЕ ЗАБАСТОВОК И ИХ УЧАСТНИКОВ И ПОТЕРЯННЫХ РАБОЧИХ ДНЯХ ЗА ПЕРИОД 1910 — 1914 ГГ. (ПО ГОДАМ)[1])

Годы	Забастовки экономического характера				Забастовки политические и другие, не экономического характера				Всего		
	Число забастовок	Число бастовавших рабочих	Число потерянных рабочих дней	Средн. число потер. рабоч. дней на одного забаст.	Число забастовок	Число бастовавших рабочих	Число потерянных рабочих дней	Средн. число потер. рабоч. дней на одного забаст.	Число забастовок	Число бастовавших рабочих	Число потерянных рабочих дней
1910	214	42 846	252 636	5,89	8	3 777	3 749	0,91	222	46 623	256 385
1911	442	96 730	782 783	8,09	24	8 380	8 280	0,98	466	105 110	791 063
1912	732	175 678	1 863 113	10,65	1 300	549 813	512 493	0,93	2 032	725 491	2 375 606
1913	1 370	334 654	3 336 656	8,67	1 034	502 442	526 601	1,04	2 404	887 096	3 863 257
1914 [2])	969	278 347	3 984 015	14,31	2 565	1 059 111	1 771 057	1,67	3 534	1 337 458	5 755 072
1915	715	383 587	1 642 103	4,28	213	155 941	221 289	1,42	928	539 528	1 863 392
1916	1 041	641 395	3 976 217	6,20	243	310 300	673 101	2,17	1 284	951 695	4 649 318
1917 (янв.-февр).	190	101 481	532 429	5,02	1 140	574 805	2 469 004	4,29	1 330	676 286	3 001 433

[1]) Архив Н. Х., К. и Б., фонд министерства торговли и промышленности, отдел промышленности, и по «Материалам по статистике труда», вып. VIII, ред. Струмилина.

[2]) Без Варшавского округа.

Таблица II

ЧИСЛО БАСТОВАВШИХ РАБОЧИХ ПО ГРУППАМ ПРОИЗВОДСТВ И ХАРАКТЕРУ ЗАБАСТОВОК[1])

Годы	Хлопчатобумажная промышленность				Полиграфическое и бумажное производство				Металлообрабатывающая промышленность				Прочие производства			
	Экономич.		Политическ.		Экономич.		Политическ.		Экономич.		Политическ.		Экономич.		Политическ.	
	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%
1910	18 364	100,0	—	—	769	82,5	163	17,5	8 018	69,10	3 592	30,9	15 695	99,9	22	0,1
1911	46 495	100,0	—	—	2 205	91,1	215	8,9	17 921	74,10	6 270	25,9	30 109	94,1	1 895	5,9
1912	41 709	30,9	93 270	69,1	8 531	20,4	33 242	79,6	60 084	16,02	310 587	83 8	65 354	36,7	112,714	63,3
1913	115 793	64,1	64 757	35,9	7 282	23,3	23 972	76,7	124 668	26,80	340 977	73,2	136 911	65,3	72 736	34,7
1914	94 661	42,4	128 731	57,6	4 565	5,9	72 582	94,1	87 773	11,70	661 436	88,3	91 348	31,8	196 362	68,2
1915	205 578	87,8	28 627	12,2	1 962	22,7	6 673	77,3	82 240	43,60	106 552	56,4	93 807	86,9	14 089	13,1
1916	296 645	94,1	18 469	5,9	4 261	77,6	1 232	22,4	221 136	44,00	280 943	56,0	119 353	92,5	9 656	7,5
1917 (ян.-фев.)	35 289	44,3	44 293	55,7	451	1,8	24 061	98,2	35 826	12,30	256 254	87,7	29 919	10,7	250 198	89,3

Таблица III.

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ РАБОЧИХ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ В ПРЕДПРИЯТИЯХ, ПОДЧИНЕННЫХ НАДЗОРУ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ К КОНЦУ 1914 г. И НА 1 ЯНВАРЯ 1917 г.[2])

Возраст	Численность рабочих по всей России в предприятиях, подчиненных фабричному надзору												В Сов. России без Украины, Кавказа, Дона, Новороссийска, Литвы, Балтики и Арханг. губ. для 1917 г.			
	Обоего пола в 1914 г.		Обоего пола на 1 янв. 1917 г.		Мужчин в 1914 г.		Мужчин в 1917 г.		Женщин в 1914 г.		Женщин в 1917 г.		Мужчин		Женщин	
	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%
Взрослых	1 746 112	89,1	1 801 040	86,0	1 208 444	61,6	1 083 906	51,8	537 468	27,40	717 134	34,2	671 761	45,5	595 156	40,2
Подрост. (15-17л)	183 285	9,3	242 866	11,6	111 199	5,7	141 849	6,8	72 086	3,66	101 117	4,8	94 249	6,4	78 018	5,3
Малолетних . . .	28 873	1,6	49 956	2,4	18 397	0,9	28 873	1,4	13 066	0,70	21 083	1,0	21 026	1,4	17 528	1,2
Итого . . .	1 960 860	100,0	2 093 862	100,0	1 338 240	68,24	1 254 628	60,0	622 620	31,76	839 234	40,0	787 036	53,3	690 702	46,7

[1]) См. «Материалы по статистике труда», вып. VIII, изд. НКТр., 1920 г., ред. Струмилина, стр. 26.

[2]) Таблица составлена на основании «Сборника материалов к учету рабочего состава и рабочего рынка», изд. ЦВПК, Петрогр., 1916 г., вып. I, и журнала «Статистика труда», № 11—12 за 1919 г.

Таблица IV

ДАННЫЕ О ЧИСЛЕ ЗАБАСТОВОК, ИХ УЧАСТНИКОВ И ПОТЕРЯННЫХ РАБОЧИХ ДНЯХ В ПРЕДПРИЯТИЯХ, ПОДЧИНЕННЫХ НАДЗОРУ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦИИ ЗА ГОДЫ ВОЙНЫ (АВГУСТ 1914 г.—ФЕВРАЛЬ 1917 г.)[1]

ГОДЫ	Число забаст. за указанн. период (заводы, охваченн. стачкой)						Общее число бастовавш. рабочих						Общее число потерянн. раб. дней					
	Абсол. число забаст.	В % к общ. чис. завед.	Из общ. числа забаст. было: экономич. абсол. числа	%	политич. абсол. числа	%	Абсол. число бастов. раб.	% к общ. числу раб.	Из общ. числа раб. бастовало: экономич. абсол. числа	%	политич. абсол. числа	%	В средн. на 1 забаст.	Всего потерянн. дней	Из общ. числа потерянн. дней было: экономич. абсол. числа	%	политич. абсол. числа	%
1914 (август—дек.)	68	0,48	61	89,7	7	10,3	34 752	1,77	31 907	91,8	2 845	8,2	511	160 231	158 798	91,1	1 433	0,9
1915	928	7,30	715	77,0	213	23,0	539 528	28,10	383 587	71,0	155 941	29,0	581	1 863 392	1 642 103	88,1	221 289	11,9
1916	1 284	10,30	1 041	81,1	243	18,9	951 695	45,40	641 395	69,5	310 300	30,5	741	4 649 318	3 976 217	85,5	673 101	14,5
1917 (январь-февр.)	1 330	10,60	190	14,3	1 140	85,7	676 286	32,30	101 481	15,0	574 805	85,0	508	3 001 433	532 429	17,7	2 469 004	82,3

Таблица V[2]

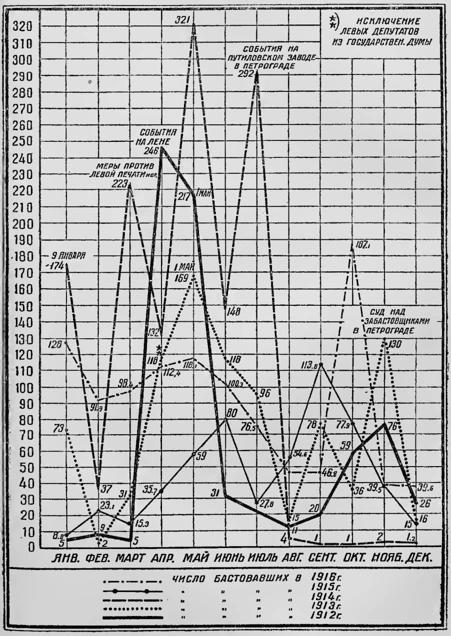
ПЕРИОДЫ	Экономические забастовки					Политические и др. не экономические забастовки					В среднем на 1 мес.		
	Число забастов.	Число бастовав. рабоч.	Число потер. рабоч. дней	Средн. число участн. на 1 забаст.	Средн. число пот. раб. дн. на 1 уч.	Число забастов.	Число баст. рабочих	Общее число потер. рабоч. дней	Средн. чис. участ. на 1 забаст.	Сред. число пот. раб. дн. на 1 участн.	Забастовок	Участн. забастов.	Потер. дней
С авг. 1914 по март 1915 г. вкл. (8 мес.)	116	68 739	293 706	592	4,27	26	13 338	7 225	513	0,54	18	10 260	37 616
С апр. 1915 г. по сент. 1916 г. вкл. (18 м.)	1 744	1 018 260	5 083 949	584	5,00	305	306 231	516 610	1 004	1,70	114	73 583	311 142
С окт. 1916 г. по февр 1917 г. вкл. (5 м.)	377	218 312	952 150	629	4,30	1 274	724 213	2 840 765	570	4,00	330	188 505	758 583

[1]) Таблица составлена по сборнику Центроархива «Рабочее движение в годы войны», «Материалам по статистике труда», вып. VIII за 1920 г., и журналу «Статистика труда», № 11—12 за 1919 г.

[2]) Составлена по сборнику Центроархива «Рабочее движение в годы войны».

Таблица VI

Число фабрично-заводских рабочих, бастовавших в 1912, 1913, 1914, 1915 и 1916 годах по месяцам (в тысячах) [1])

[1]) С 1914 года без Варшавского округа.

Д. БАЕВСКИЙ

ПАРТИЯ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ОТ АВТОРА

Настоящая работа представляет попытку осветить работу большевиков в годы империалистической войны. Значительное место уделено выработке позиции партии по отношению к войне и оценке предстоящей революции, так как теоретическая работа, проделанная партией в этот период, имеет огромное значение и для тактики партии в России и для всего международного рабочего движения. К вопросу о выработке позиции партии мы привлекли не только руководящие статьи из ЦО, но и ряд партийных документов, выработанных на местах. В этой части работа базируется на вполне достоверных источниках. Этого нельзя сказать об источниках для остальной части работы. Эти последние распадаются на три основные группы: 1) письма в ЦК и ЦО (главным образом по архиву Истпарта ЦК ВКП(б)) и корреспонденции в нелегальной печати[1]); 2) документы департамента полиции; 3) воспоминания. Из печатных работ по этому периоду имеются: А. Г. Шляпников, Канун 1917 года, ч. I и II; Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов (1914—1917 гг.), том I и II и брошюры И. Вардина, Г. Флеера, В. Яковлевой, К. Шелавина, сб. документов, составленный А. Шиловым, «Памятники агитационной литературы РСДРП», том VI, вып. I. Наиболее ценной является последняя работа, охватывающая, к сожалению, лишь период до конца 1914 г. В книге А. Шляпникова много ценных материалов мемуарного характера и документов из партийных архивов и архива департамента полиции, которыми мы и пользуемся. В самих мемуарных материалах А. Шляпникова иногда отражаются оборонческие шатания автора первых месяцев войны или его махаевские взгляды (напр., в вопросе о разногласиях между ЦО и группой Бухарина, которые он считал интеллигентской склокой). Несмотря на все эти недостатки, книга А. Шляпникова является ценным, местами для данной работы незаменимым источником, правда, требующим к себе критического отношения. Ценность остальных печатных работ для настоящей работы незначительна.

Несмотря на обилие публикуемых в книге Меницкого документов, мы прибегали к ней очень редко, так как она составлена на редкость неряшливо. Из печатных работ надо еще отметить хорошо составленную хрестоматию Истпарта «Революция и РКП», кн. VII. Перечислен-

---

[1]) Информация в легальной печати имеет для этого периода небольшое значение.

ные печатные работы не составляют особой группы источников, так как они распадаются по указанным выше трем группам.

Для освещения жизни организаций наиболее ценны письма в ЦК и ЦО, корреспонденции в нелегальной печати и воспоминания. Для установления фактов наиболее ценны данные департамента полиции, так как они составлены из донесений агентов охранки, зафиксированных большею частью в день того или иного события. Поэтому в них даты, место, участники и т. п. фиксируются обычно правильно, хотя бывают и исключения. С достаточной достоверностью возможно установить факты лишь в случае сопоставления всех трех групп источников, но это обычно не представляется возможным, так как сплошь и рядом организации, хорошо освещенные охранкой, очень мало освещены в воспоминаниях и корреспонденциях, и наоборот. Наконец, недостаток времени не позволил нам исчерпывающе проработать всю истпартовскую литературу и соответствующие фонды архива департамента полиции.

Данная работа представляет лишь черновую разработку этого важного периода в истории партии и революции. Юбилейный характер работы обусловил выпуск ее в свет без достаточной обработки и более или менее исчерпывающего использования источников. Характер работы (статья для сборника) обусловил ее предельный об'ем, вследствие чего опущена глава об идеологии социал-шовинизма, не разработан вопрос о работе партии по сплочению левых интернационалистических элементов Интернационала и бегло освещена партийная работа в первый год войны, работа и позиция Межрайонки и т. д. и т. п. По тем же причинам пришлось совершенно выкинуть страницы, посвященные: обзору состояния парторганизаций по районам; транспорту нелегальной литературы и технике печатания; обзору подпольной и легальной большевистской печати; характеристике методов агитационной и партийно-воспитательной работы и проч.

Автор сознает, что задача научной проработки материала выполнена им лишь в незначительной степени, но, при отсутствии исследований в этой области, надо полагать, что и подобная работа может быть полезной для товарищей, интересующихся историей партии и пред'историей Октябрьской революции.

Как и всякая работа по истории партии, настоящая работа нуждается в указаниях участников подпольной работы данного периода, которые автор рассчитывает получить после опубликования ее.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

История рабочего движения в эпоху империализма развертывается в борьбе между двумя тенденциями:

«С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплоатации негров, индейцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденции м а с с, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистических войн, скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию» [1]).

Оппортунизм, доросший до социал-шовинизма, является выразителем первой тенденции в рабочем движении, а революционный марксизм-коммунизм — второй. Борьба между «буржуазными рабочими партиями» и партиями революционно-социалистическими приобретает решающее значение не только для международного рабочего движения, но и для судеб всего человечества.

Война 1914 г. открыла эпоху империалистических войн, которую пролетариат стремится превратить в эпоху гражданских войн, в эпоху социальной революции. Война 1914 г. показала, что только большевистская партия смогла выступить как выразитель интересов не только русского, но и международного пролетариата в его борьбе за свержение капитализма. Война, поставившая в порядок дня социальную революцию, сделала большевиков представителями интересов масс угнетенных и эксплоатируемых империализмом, так как большевистская партия стала ядром мировой партии социальной революции — III Интернационала. При всей своей малочисленности и малой влиятельности среди масс (исключая Россию) именно она, а не социал-шовинисты, была выразительницей интересов широчайших масс трудящихся. Почему? Потому, что она учила «массы распознавать их действительные политические интересы, бороться за социализм и за революцию через все долгие и мучительные перипетии империалистических войн и империалистических перемирий» [2]). Поэтому Ленин называл большевиков представителями «революционного массового потока» в рабочем движении. Говоря о крахе II Интернационала, Ленин не утверждал, что социал-реформистские партии уже отошли в прошлое.

---

[1]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 479.
[2]) Т а м ж е, стр. 482.

«Мы не имеем ни тени основания, — писал он, — думать, что эти партии могут исчезнуть до социальной революции. Напротив, чем ближе будет эта революция, чем могущественнее разгорится она, чем круче и сильнее будут переходы и скачки в процессе ее, тем большую роль будет играть в рабочем движении борьба революционного массового потока против оппортунистического, мещанского» [1]).

Деятельность партии в этот период в основном протекала по линии борьбы «революционно-массового потока» против «оппортунистически-мещанского». Борьба большевиков с социал-шовинизмом в России и за границей была основным содержанием работы партии в этот период. Вне этой борьбы невозможна была ни организация победы над царизмом в России, ни борьба за социалистическую революцию в Европе.

Почему партия пролетариата России стала авангардом международного пролетариата в его борьбе с империализмом? Потому, что она была партией наиболее революционного (в силу двойного гнета царизма и капитализма) пролетариата, наименее связанного, даже в своей верхушечной части, со своей империалистической буржуазией, наиболее свободного от фетишизирования легальности и буржуазной демократии.

Некоторые особенности развития России, как страны, стоящей на границе между Европой и Азией, — страны соединяющей последнюю фазу капитализма с пережитками феодализма, обусловили неизбежность перерастания борьбы пролетариата России за улучшение своего положения в борьбу против царизма и против международного империализма. В России наличие огромных отрядов рабочих-металлистов, собранных в стенах гигантов-заводов, совмещалось с пережитками крепостничества в экономике, в политике и в быту. После революции 1905 г. рабочие России особенно остро чувствуют это противоречие в развитии страны. В эпоху реакции все чаще и чаще рабочие в своей повседневной классовой борьбе наталкиваются на произвол царизма. На-ряду с новейшими способами эксплоатации на русской фабрике после революции 1905 г. восстанавливаются добрые старые порядки: произвольные штрафы, ругань, мордобой и пр. Русский рабочий испытал на своей спине эту связь хозяина с полицией, капиталиста с правительством, экономики с политикой. Поэтому экономическое движение нигде так легко не перерастает в политическое, как в России, в годы предвоенного под'ема и войны. Русский пролетариат, отстаивая свои интересы, не мог не бороться против царизма.

Развитие России нераздельно связало борьбу рабочих против царизма с их борьбой против мирового империализма. Разве не французские банкиры помогли царизму задушить революцию 1905 г.? А проценты, которые царизм должен был платить за эту «услугу» парижских биржевиков, выколачивали разве не из тех же рабочих и

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 481

крестьян? Именно они, эти иностранные капиталисты, были заинтересованы в сохранении в России монархии.

«Но из этого следует: кто хотел бить по царизму, — пишет т. Сталин, — тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо, кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка» [1]).

Добить царизм нельзя было, не придя в столкновение с империализмом.

Война сделала вопрос борьбы с империализмом для пролетариата России вопросом самосохранения и непосредственной задачей его борьбы. Война до победного конца для Антанты значила: война «до последнего русского солдата». Царизм поставлял «пушечное мясо» такими колоссальными партиями, что для пролетариата и крестьянства России лишний год войны значил потерю сотен тысяч людей, т. е. больше того, что потребовала бы наиболее кровопролитная революция.

Победоносная революция пролетариата в такой стране, как Россия, была немыслима без поддержки его крестьянством. Империалистическая война облегчила осуществление боевой смычки пролетариата и крестьянства. Как говорили солдаты: «На военном огне в единый нас брусище спаяли, а этот брусок себе же на голову» [2]).

Но борьба его не могла быть успешной, если бы у него не было партии, твердо и определенно взявшей курс на восстание не только против царизма, но и против империализма.

Курс партии был, понятно, курсом на Октябрь, путь к которому лежал через Февраль. Но и к Февралю партия шла не с теми лозунгами, под знаком которых шла демократия в первые месяцы 1917 г. Партия призывала пролетариат и крестьянство к революции не только против царизма, но и против войны. Массы шли в бой с царизмом под знаменем борьбы за мир, за хлеб и за землю. Мир, который нужен был трудящимся, это не был мир империалистический, Версальский мир, чреватый новыми войнами и бесчисленными бедствиями. Восставшие против войны массы восставали против империализма. Поэтому Февраль был лишь преддверием Октября, носил на себе печать социальной революции.

Эта мысль выражена М. Н. Покровским в следующем замечании:

«Поскольку эта революция, как социальная революция в основе, хотя она в феврале носила еще буржуазный характер, была революцией против империализма, она не могла не быть революцией против войны».

А вся деятельность партии в этот период была направлена именно на борьбу с империализмом. Тактика партии определялась лозунгом «превращение империалистической войны в гражданскую».

---

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1926 г., стр. 79.

[2]) С. Федорченко, Народ на войне, М., 1925 г., «Никитинские субботники», т. II, Революция, стр. 36.

Поэтому партия большевиков, которая во время «всенародного торжества» февральско-мартовских дней, казалось, отошла в тень, уступая место таким «героям революции», как Керенский, была в действительности истинным руководителем революции 1917 г. не только на ее октябрьском, но и на ее февральском этапе. Это было неизбежно, так как партия большевиков была партией восстания и против империализма и против царизма.

Глава первая

I. НАЧАЛО ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ПОЗИЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

1. Об'явление войны и отношение к ней в рабочих массах

Июль 1914 г. По всей России перекатываются волны забастовок. Начавшееся с 1911 г. нарастание рабочего движения достигает такого напряжения, какого не было после 1905 г. Но против самодержавия стоит один лишь пролетариат. В стране нет значительного крестьянского движения; городская мелкая буржуазия, интеллигенция более или менее инертны. Интеллигенция отошла от революции, — в столыпинской России нашлось и для нее место «под солнышком». Буржуазия целиком на стороне самодержавия в его борьбе с рабочим классом.

Правительство и господствующие классы чествуют в Петербурге «дорогих» гостей — представителей французских биржевиков и банкиров, во главе с президентом республики Пуанкаре. Под звон бокалов, при звуках «марсельезы» и «боже царя храни» происходит закрепление крупнейшей коммерческой сделки. Франция может быть спокойна, что «в случае непредвиденных осложнений» она будет обеспечена пушечным мясом, она получит миллионы русских солдат, которые «так любят умирать за своего царя»...

А в рабочих районах Питера в это время происходят сражения...

Поглощенные борьбой с правительством и хозяевами, рабочие мало внимания уделяли надвигающейся войне... «Об'явление войны, — пишет т. Кондратьев, — было для рабочих полной неожиданностью. Никто не ожидал, что после июльских дней царское правительство пустится в новую авантюру»...

Понеся большие потери во время разгрома стачечного движения, пролетариат России в дни мобилизации принужден был отдать почти все свои лучшие силы в ряды армии. В массах под'ем сменяется растерянностью и подавленностью. «Тревожно-унылое настроение сковало всех», пишет А. Г. Шляпников.

Организованного противодействия войне русский рабочий класс не смог оказать. В дни всеобщей патриотической свистопляски он хранил угрюмое молчание. Протест его был пассивным, так как для активного протеста не было ни под'ема в массах, ни достаточно сильного руководства массами со стороны партии, разгромленной правительством и застиг-

нутой врасплох событиями. И активно-патриотические и активно-революционные выступления рабочих в дни мобилизации были исключением. Революционная демонстрация при проводах запасных (Петербург), избиения черносотенцев в Екатеринославе, избиения полиции в Баку — все это были одинокие вспышки уходящей грозы. Надвигался мертвый штиль. Среди передовых рабочих отношение к войне было большею частью отрицательное, но и тут не было четкого сознания, как действовать. Много споров возбудил вопрос: являться ли на призыв по мобилизации или нет. В Риге, по воспоминаниям Пирейко, решение партийного комитета по этому вопросу так и не было вынесено. В Питере среди арестованных большевиков и эсеров шли споры о том, как противодействовать войне. Эсеры, по словам т. Киселева [1]), предлагали дезертировать и оказывать пассивное сопротивление войне. Большевики отстаивали необходимость итти в армию, чтобы потом повернуть оружие против своего классового врага. И в Питере и в Москве, по донесениям охранки, были среди мобилизованных разговоры о необходимости использовать оружие для «освобождения славян в самой России», т. е. для свержения царизма. Мысль о превращении империалистической войны в гражданскую мелькала у отдельных рабочих-передовиков и партийных работников, но эта мысль не была и не могла быть достоянием масс.

С разгромом рабочей печати и легальных рабочих организаций пролетариат России был лишен возможности высказать свое отношение к войне. Единственным рупором рабочего класса могла служить большевистская фракция Гос. думы. В момент мобилизации в Петрограде из депутатов был только т. Бадаев. К нему обратились корреспонденты петроградских буржуазных газет (даже от черносотенной «Земщины») с вопросом об отношении с.-д. думской фракции большевиков к возникшей войне.

«Я заявил им, — пишет т. Бадаев, — что мы, думские большевики, будем бороться против войны, сколько будет у нас на то сил и возможности»[2]).

Нечего и говорить, что в печати это интервью с Бадаевым не появилось.

По мере приезда депутатов шли совещания думской «крайней левой» об отношении к происходящей войне. На этих совещаниях Керенский, по словам Бадаева, сразу же заявил: «Раз война есть, а германская социал-демократия голосовала за военные кредиты, — значит, нам руки развязаны, надо воевать».

Уже тогда ясно было, что большевикам не по пути с меньшевиками и правыми народниками. По предложению А. Бадаева, тт. Крестинский и Арский подготовили проект большевистской декларации [3]), но за основу был взят проект, написанный К. С. Еремеевым.

На совещании обеих фракций, где депутатов меньшевиков было больше, ими был внесен абзац о «защите культурных благ народа». Прочесть декларацию было поручено меньшевику Хаустову (рабочему).

[1]) «Пролетарская революция», № 7 (30) за 1924 г., стр. 53.
[2]) «Красная летопись», № 1 (10) за 1924 г., стр. 86.
[3]) Там же, стр. 59—60.

«В виде эквивалента, — пишет т. Крестинский, — от меньшевиков добились обязательства голосовать против «военных кредитов» [1]).

Депутаты-большевики были недовольны этой декларацией. «Мы думали, — пишет А. Бадаев, — что в этой думской декларации не выражено вполне отношение самой рабочей массы к войне и неточно формулировано н а ш е отношение к войне» [2]).

И все же под давлением большевиков и из боязни лишиться доверия рабочих даже фракция Чхеидзе на заседании 26 июля вела себя так, что показала, что «единственным классом России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат» [3]).

Заседание 26 июля, на котором перед самодержавием пали ниц представители всех партий, включая и представителей думской «левой» — кадетов, было настоящим триумфов для Горемыкиных и Сазоновых. Даже представители буржуазии угнетенных наций всеподданнейше целовали сапог самодержавия и клялись защищать верой и правдой свое «отечество». Так выступал депутат от евреев Фридман, встреченный благосклонными хлопками со скамей правых.

Вслед за ним Милюков от имени русской либеральной буржуазии заявил о полном отказе даже от оппозиционных выступлений против правительства на время войны во имя завоевания Россией того «положения в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами». Трудовик Керенский «от имени российской демократии» заявил: «...Мы непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами даст решительный отпор нападающему врагу (рукоплескания слева, в центре и справа) и защитят свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений» [4]).

Выступление Хаустова было встречено думой очень холодно и даже враждебно. Хаустов в своей весьма умеренной декларации не проявил патриотического восхищения грядущей войной. Вот отрывки из его декларации:

Х а у с т о в (Уфимская губ.). «Гг. члены Гос. думы. От имени социал-демократической фракции и Российской социал-демократической Рабочей фракции я уполномочен заявить нижеследующее: «Страшное небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира...

...Настоящая война, порожденная политикой захватов, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих стран. Пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили. (Рукоплескания.)

...И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами, а самим народом; и вместе с тем мы высказываем глубокое убеждение, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилий и угнетений, от ко-

[1]) «Пролет. революция», № 7 (30) за 1924 г., стр. 54.
[2]) «Красная летопись», № 1 (10) за 1924 г., стр. 87.
[3]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 111, 112.
[4]) «Стенографич. отчет Гос. думы 4-го созыва, заседание 26 июля 1914 г., стр. 18—19.

торых они страдают, и что теперешняя вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой» (рукоплескания на отдельных местах крайней левой; шиканье справа)» [1]).

Эта декларация, с ее скорее буржуазно-пацифистским, чем пролетарским «неприятием» войны, была встречена шиканьем и свистом на правых скамьях и ледяным молчанием на скамьях, занимаемых октябристами и кадетами. Комедия «всеобщего патриотического порыва» была сорвана. В знак протеста против принятия кредитов с.-д. фракция покинула зал заседаний [2]) (о чем, кстати, умалчивает стенографический отчет).

После голосования германской социал-демократии 4 августа это выступление российских социал-демократов имело огромное значение. Даже в этом бледном отражении позиция российского пролетариата по отношению к войне произвела большое впечатление на Западе.

Неудовлетворенными остались депутаты-большевики. «В нашей пятерке, — пишет т. Бадаев, — не раз после 26 июля говорилось, что эта, так сказать, об'единенная социал-демократическая декларация о войне н и ч е г о не говорит рабочему классу, не говорит ему, как надо действовать. Мы тогда решили слово претворить в действие» [3]).

Депутаты-большевики сказали свое слово не в стенах думы, а на фабриках и заводах, на нелегальных массовках [4]). Они претворили слово в действие.

Большевистские организации в разных концах России активно выступили против войны. Свидетельством этого являются прокламации, выпущенные этими организациями. Кроме Петебурга и Москвы, выступили [5]) в период июля — октября 1914 г. (т. е. до появления манифеста ЦК) следующие организации: Бакинская (20—21 июля), Екатеринославская организация (в момент мобилизации), Костромская (19 июля за подписью «группы служащих»), Киевская организация (в 20-х числах июля), Самарская группа (20 октября), Уральская группа с.-д., Харьковская организация (23 июля), — это организации, прокламации которых попали в дела департамента полиции и перепечатаны или упоминаются Шиловым в «Памятниках агитационной литературы». Кроме них, один из обзоров департамента полиции упоминает о прокламациях организаций Владимирской губ.

В Самаре были выпущены даже 2 номера большевистской газеты «Заря Поволжья» со статьями против войны [6]).

Если принять во внимание трудность выпуска прокламаций и тот факт, что многие прокламации остались неизвестными департаменту

[1]) «Стеиографич. отчет Гос. думы 4-го созыва», засед. 26 июля 1914 г.

[2]) Голосоваиия, по сообщению Крестииского, ие было, см. «Пролетарская революция», № 7 (30), стр. 60.

[3]) «Красиая летопись», № 1 (10) за 1924 г., стр. 87.

[4]) Характерио для позиции «пятерки» ее обращение к с.-д. Германии и Австрии через головы воюющих правительств.

[5]) Некоторые из перечислеииых организаций ие смогли выпустить в свет прокламации вследствие захвата ее во время печатанья.

[6]) «Красная быль», сб. Самарского бюро Истпарта, № 1, стр. 46, воспоминания Бешеиковской.

полиции, надо считать, что значительное число местных большевистских организаций ответило на об'явление войны призывом к рабочим бороться против войны и против царизма.

Некоторые из большевистских организаций, обсуждая факт об'явления войны, пришли к выводу, что война не отдаляет, а приближает революцию и что война благоприятствует развитию революционной пропаганды в войсках. Таково было мнение, высказывавшееся московскими большевиками на собрании 20 июля 1914 г. в с. Крылатском [1]). Даже в далекой Сибири, даже в ссылке большевики умудрились выпустить прокламации против войны. Так в одном из писем в ЦК [2]) упоминается о том, что «Александровская централка и Иркутская группа еще в августе выпустили листовку против войны». Тов. О. Пятницкий отмечает в своих воспоминаниях:

«Во время путешествия по этапу в Красноярскую пересыльную тюрьму мне пришлось видеть многих бундовцев, латышских и польских с.-д. и сторонников других партий. Ни у одной из вышеперечисленных не было такого ясного и у всех одинакового взгляда на войну, как у большевиков, которых немало я встречал на этапе, хотя последние были в разных местах России и друг с другом не были знакомы [3]).

Ясный и одинаковый взгляд на войну отличал большевиков с первых же дней войны от многих с.-д. групп, течений и социалистических партий, считавших себя представителями интернационалистической мысли.

Среди части большевиков, правда, были в первые месяцы войны шатания в сторону оборончества. Шатания и неуверенность некоторых партработников не меняют, однако, факта, что партийные организации в России, еще до получения манифеста ЦК, заняли определенно антивоенную позицию. Какова же была непосредственная реакция пролетариата России и его партии на об'явление войны?

В массах об'явление войны создало резкий перелом от под'ема к пассивности. Это надо об'яснить не только неожиданностью и грандиозностью факта войны. Движение июля 1914 г. было надломлено еще до начала войны. Размах движения пролетариата не соответствовал общему положению в стране: пассивности в низах и известной устойчивости наверху (этого не понимает т. Троцкий, когда в «Уроках Октября» пишет о рабочих советах июля 1914 г.). Июльские баррикады были стихийной вспышкой. В партии не было двух мнений по вопросу о несвоевременности вооруженного восстания. Эта вспышка угасла сама. Кривая стачечного движения в июле 1914 г. должна была надломиться. Война лишь способствовала этому. Она способствовала «успокоению» пролетариата, взятого с первых же дней войны в железо и лишенного своего штаба, каким был «Правда». Пролетариат России в первые дни войны еще не был заражен социал-шовинизмом, но и активно про-

[1]) Меницкий, ч. 1, стр. 65.
[2]) Хранящихся в архиве Истпарта.
[3]) О. Пятницкий, Записки большевика, стр. 170, 171.

тестовать против войны он не мог. Он протестовал своим молчанием. Только думская фракция получила возможность протестовать, но и ее протест был бледным, пассивно-интернационалистическим.

Активный протест против войны готовили лишь большевики, опирающиеся в это время на слой правдистских рабочих в несколько десятков тысяч. Ни июльские поражения, ни об'явление мобилизации не сломили этого слоя. Из него раздались голоса о необходимости активного протеста: сейчас — в виде прокламаций с протестом против войны, а позже — в виде вооруженного восстания. В отличие от некоторых эсеров, большевики были за то, чтобы итти в армию, взять винтовку и использовать ее для превращения империалистической войны в гражданскую. В отличие от либералов, народников и меньшевиков большевики с первых же дней войны стали на путь нелегальной работы, направленной против войны. Они начали организовывать пролетариат для активного противодействия войне, для борьбы против царизма и против империализма.

Этим большевики еще раз доказали, что партией пролетариата в России являются они, и только они. Это в сущности признали и изучавшие революционное подполье чиновники департамента полиции; в одном из их обзоров мы читаем:

«Ленинцы, приобретшие доминирующее значение в партии, имеющие за собой в России преобладающее большинство подпольных социал-демократических организаций, выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (как то: Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губ., Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем эта работа имела своим осязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков.

Ликвидаторы, руководимые с.-д. думской фракцией, проявили свою деятельность преимущественно в сфере «легальных возможностей (больничные кассы, с'езды, профессиональные общества)»[1]).

Когда стала совершенно невозможной революционная работа в легальных организациях, большевики-ленинцы усилили подпольную работу среди пролетариата. Они укрепляли старую партию и сплачивали вокруг нее революционных рабочих для борьбы против империализма и царизма. Меньшевики и в годы войны работали главным образом в легальных организациях. Они уходили все дальше от старой подпольной партии и строили свою легальную гвоздевскую партию.

2. Шовинизм в рабочих массах и партийная работа в первый год войны

С наступлением войны нелегальная партийная работа была поставлена в неслыханно тяжелые условия: весной и летом 1914 г. были крупные разгромы организаций, была закрыта почти вся ле-

[1]) Дело деп. пол., особый отдел, № 5 за 1915 г., л. 193.

гальная рабочая пресса [1]), было разгромлено много легальных рабочих организаций, в которых большевики закрепились за последние годы, и, наконец, военное положение во многих рабочих центрах, мобилизации, которые вырвали многих активных работников и придавили массу угрозой отсылки на фронт. Реакция первые месяцы войны безраздельно торжествует. Революционные организации разгромлены, к.-д. отказались от оппозиции правительству, расцветает махровый шовинизм.

Победы первых месяцев войны поддерживали это беспросветно шовинистическое и верноподданническое настроение буржуазии и мелкой буржуазии. «Защита отечества» толкнула либеральную буржуазию на путь превознесения православия и самодержавия. Писания Струве, Изгоева и других кадетских литераторов полны панславистско-православной фразеологии. В этих писаниях обнаруживается сугубая реакционность русского национал-либерализма.

Национализм в XX веке в большинстве стран Европы утратил свой прогрессивный характер. Национализм французов, англичан, немцев — это идеология подавления национально-освободительного движения, идеология сохранения и расширения. Шовинизм русской буржуазии и интеллигенции был именно такого порядка. «Для народа» гг. Струве на свой дарданельский шовинизм наводили православно-панславистский лоск [2]). Рабочим шовинизм преподносился уже под марксистским соусом и с приправой из «авторитетнейших» Плехановых и Гедов. Это уже был социал-шовинизм — идеология прикармливаемой империализмом рабочей аристократии и интеллигенции. Не для всех слоев рабочих России нужен был шовинизм, сдобренный идеями «демократии» и «марксизма». То «сырье», которое хлынуло на фабрики из деревни и мелкобуржуазных низов города, могло вполне довольствоваться «борьбой с немецким засильем» и т. п., т. е. зоологическим национализмом и социал-демагогией бульварной и черносотенной прессы.

И шовинизм и социал-шовинизм проникали в рабочий класс через мелкую буржуазию, но разную мелкую буржуазию: шовинистически настроенные деревенские и городские «низы», с одной стороны, и великодержавно-империалистически настроенную интеллигенцию — с другой. Шовинизм в рабочих массах можно характеризовать двумя явлениями: немецким погромом в Москве в мае 1915 г. и гвоздевщиной. Это явления не одного и того же порядка. Шовинизм и социал-шовинизм (или оборончество) — это не одно и то же: шовинизм — явление, существующее с незапамятных времен, оборончество — продукт оппортунистического перерождения «верхов» рабо-

[1]) Нелегальная большевистская газета «Социал-демократ», ЦО партии, не выходила почти год, до 1 ноября 1914 г.

[2]) Вот образец этого словоблудия: «Кроме великой России, есть святая Русь, — писал П. Струве. — Если в великой России для нас выражается факт и идея русской силы, то в святой Руси мы выражаем факт и идею русской правды»... И дальше: «Там, на полях брани и смерти, в бесконечном подвиге бесчисленных и безымянных героев серой крестьянской армии осуществляется религиозное чудо слияния силы и правды, разрешается величайшая загадка истории».

чего движения в эпоху империализма. Этого не понимает М. В. Джервис [1]), когда он, взявшись трактовать тему о «пораженчестве» и «оборончестве» в рабочих массах, подменяет оборончество шовинизмом и связывает его целиком с улучшением положения чернорабочих и притоком на предприятия мелкобуржуазного «сырья» [2]). Естественно, что для т. Джервис «революционный шовинизм» — вещь непостижимая, естественно, что он считает, что с весны 1915 г. оборончество отмирает, а пораженчество побеждает по всему фронту. В действительности же и «пораженчество» и «оборончество» вполне созревают лишь к осени 1915 г., когда начинается борьба между большевизмом и гвоздевщиной — борьба, протекающая на фоне революционного под'ема. Но об этом дальше. Сейчас нас интересует шовинистический угар в рабочих массах в первый год войны. Он охватил не только мелкие и средние предприятия, но и некоторые крупные металлургические заводы [3]): Бромлей, Динамо, Богатырь (в Москве), паровозостроительный завод (в Харькове), завод «Наваль» (в Николаеве) и др. Наиболее типичным проявлением германофобства в рабочих массах было требование удаления с завода технического персонала или администрации из немцев. Иногда это требование относилось и к рабочим-австрийским и германским подданным, напр. завод Динамо (в Москве), что можно об'яснить отчасти недовольством привилегированным положением рабочих-иностранцев.

Шовинизм часто служил уродливым проявлением протеста против эксплоатации рабочих капиталом. Это была «легальная возможность» для выражения социального протеста. Характерен в этом отношении документ, приводимый в той же статье т. Джервис. Это — прошение рабочего немецкой булочной Гулль петроградскому градоначальнику. В нем, между прочим, автор пишет: «Ранее был продавщицам дан один день отдыха, а теперь она (хозяйка) отняла. Конечно, продавщицы бы ушли, но некуда, так как в Петрограде большая половина немецких булочных, и, утомленные, с провалившимися щеками и боками от переутомления, они терпят от немцев в России, когда их братья и мужья борятся за родину с немцами» [4]).

Шовинистическая волна, захлестнувшая пролетариат, в первый период связана с почти полным затишьем в рабочем движении. Забастовочная кривая падает с 190 тыс. в июле 1914 г. до 24 тыс. в августе

[1]) «Каторга и ссылка», № 1 (30) за 1927 г., стр. 44 и сл.

[2]) Здесь надо отметить, что оборонцы основные свои кадры вербовали из интеллигенции и части рабочей верхушки. Массы, идущие за оборонцами, вербовались главным образом из рабочих мелких предприятий и низкооплачиваемых слоев рабочих. Основной опорой большевистской партии была большая часть квалифицированных рабочих-металлистов и средние слои рабочих. Об этом свидетельствует и письмо Е. Б. Бош в ЦК 10 сентября 1915 г., где говорится, что в средних слоях рабочих начался поворот от оборончества к пораженчеству. (Архив Истпарта, фонд ЦК, № 724.)

[3]) Факты имеются в делах московского охранного отделения, № 25, т. I, за 1914 г., и в ряде воспоминаний, см. также прокламации в «Памятниках агитационной литературы», т. VI, стр. 127.

[4]) «Каторга и ссылка», № 1 (30) за 1927 г., стр. 45.

1914 г. До лета 1915 г. она не дает значительных под'емов. Первый год войны — это год всесторонней реакции, охватившей страну и давившей на рабочий класс. Эта реакция не исчерпывалась правительственными репрессиями, в ней немалую роль играло и доверие буржуазии к правительству. Ее усиливала реакция в Европе: безраздельное господство империалистической военщины и беспросветное лакейство социал-патриотов. Наиболее сознательные слои рабочих России были подавлены фактом измены вождей германской социал-демократии, голосовавших 4 августа за военные кредиты, и отсутствием какого бы то ни было протеста против войны в рабочих массах Англии, Франции и Германии. Разочарование русских рабочих-передовиков, с уверенностью утверждавших [1]) в первые дни войны, что пролетарии других стран не допустят мировой бойни, выражено хорошо в следующих словах т. Кондратьева:

«Впоследствии мы говорили, что ошиблись: пролетарии других стран не протестовали, а, наоборот, передовой авангард поддерживал войну, голосовал за военные кредиты; и мы были в таком состоянии чувства, что находимся как бы у разбитого корыта» [2]).

И все-таки рабочие-большевики устояли против заразы шовинизма и задолго до получения директив от своего заграничного центра организовали антивоенную пропаганду.

Антивоенная позиция, занятая большевистскими организациями, крайне затрудняла возможность вести работу среди одурманенных шовинизмом рабочих. Можно было ждать, что сами рабочие либо арестуют, либо поколотят того, кто выступит против войны.

Об этом пишет в своих воспоминаниях о подпольной работе в Харькове т. Балтин-Блюм:

«Назвать себя «большевиком» или «пораженцем» в это время никто не смел, даже в рабочей среде, не подвергаясь риску быть арестованным или избитым самими же рабочими» [3]).

Большевикам приходилось итти против течения, имея против себя не только весь правительственный аппарат, не только всю буржуазную прессу, всех агентов буржуазии в революционном и рабочем движении, но и часть рабочих. Буржуазия одержала временную победу над пролетариатом — «захлестнула его мутным потоком национализма и шовинизма» [4]).

Это было положение, подобное тому, которое было после Февраля 1917 г., когда буржуазия тоже на время победила пролетариат настолько, что кое-где рабочие были готовы растерзать «ленинцев, этих немецких шпионов». Положение нашей партии и в это трудное время,

---

[1]) См. «Памятники агитационной литературы», т. VI, ч. 1, стр. 84; «Красная летопись», № 5 за 1927 г., стр. 321; «Красная быль», № 1, Самара, 1922 г., стр. 46.

[2]) «Красная летопись», № 5 за 1922 г., стр. 232.

[3]) «Летопись революции», № 5 за 1926 г., стр. 3.

[4]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 212.

однако, в корне отличается от положения народников-пропагандистов 70-х годов, шедших в народ с пропагандой идей, чуждых крестьянину, как мелкому производителю.

Идеи большевиков никогда не были чужды пролетариату, который и в это время был единственным классом России, противостоящим интересам империалистической буржуазии. Мало того: к началу войны у большевиков была прочная база в рабочем классе. Этой базой было поколение рабочих «правдистов». «Правдистские газеты и работа «мурановского типа» создали единство $^4/_5$ сознательных рабочих России. Около 40 000 рабочих покупали «Правду», много больше читали ее. Пусть даже впятеро, вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он проникнут революционностью и антишовинизмом» [1]).

Это утверждение Ленина может быть подтверждено фактом непрекращающейся работы нашей партии. Бесконечные провалы и мобилизации не могли уничтожить большевистских организаций; они восстанавливались снова и снова, так как существовал целый слой большевистских рабочих, который нельзя было уничтожить.

В Питере, в Москве, в Иваново-Вознесенске, в Самаре, в Харькове, в разных местах России большевики неутомимо проделывали свою работу революционной бациллы.

В Самаре большевистская организация, напр., умудрилась, кроме прокламаций выпустить еще 2 номера легальной газеты, которая выступила открыто против войны.

«Патриотический угар захватил и рабочие массы, — пишет т. Бешенковская, — но наша организация не поддалась общему настроению. В № 26 «Зари Поволжья» была статья против войны, за которую были арестованы Белов, Станкевич и А. Буянов. № 27 был заполнен исключительно статьями против войны. Это был последний номер «Зари Поволжья», увидевший свет» [2]).

Работа партии в этот период представляла ряд отдельных вспышек, которые проявлялись то здесь, то там. Даже в тех рабочих центрах, где большевики проявляли признаки жизни, не всегда можно было найти партийную организацию. Иногда это были небольшие группы товарищей, берущие на себя инициативу выпуска листовок от имени того или иного комитета партии [3]).

Вот как оценивает т. Блюм общее положение партийных организаций в первый период войны:

«Вызванный войной сильный поворот политического настроения рабочих, мобилизация лучших партийных работников в армию, шатания и неуверенность оставшихся членов партии и, наконец, суровые репрессии привели к тому, что партийные организации в конце 1914 г. почти во многих городах распались или же были настолько ослаблены,

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 57.

[2]) «Красная быль», № 1, стр. 46.

[3]) См., напр., воспомин. Антонова-Саратовского в «Пролетарской революции», его же книгу «Под стягом пролетарской борьбы», стр. 12.

что органически не могли проявить сколько-нибудь заметной деятельности» [1]).

Общая картина для этих месяцев такова, что на фоне затишья в рабочем движении, на фоне разгула шовинизма, при сильно развитой провокации, при усилении репрессий правительства [2]), при непрекращающихся мобилизациях, вырывающих лучшие элементы рабочего класса, партийные организации в одних местах не проявляют сколько-нибудь заметной деятельности, в других — ведут свою работу, но с небольшими результатами.

По воспоминаниям т. Кондратьева можно проследить, как кампании, проводимые Петебургским комитетом в течение первого года войны, давали, несмотря на все усилия партийной организации, очень небольшие результаты.

В конце 1914 г. работа ПК и отдельных районных комитетов сосредоточивается главным образом на подготовке и праздновании 9 января. Эта кампания приобретает особое значение в связи с арестом большевиков-депутатов. Подготовительная работа по Городскому району идет по профессиональным группам, для чего выпускаются специальные листовки. Выходит подготовительная листовка ПК, и, наконец, в день 9 января, выходит листовка ПК, призывающая питерских рабочих к протесту. Тов. Кондратьев пишет, что «подготовительная работа к 9 января, продленная городским районом, несмотря на выпущенные Петербургским комитетом две листовки, дала весьма незначительные результаты. Помню, в этот день почти целиком районный комитет отправился на Невский с полной уверенностью, что пролетариат с фабрик и заводов выйдет на улицу и громогласно, открыто будет заявлять свою волю. Но напрасны наши ожидания... Искрестив весь Невский вдоль и поперек, мы только встречали наших товарищей, которые в этот день частично бросили работу. Весь остальной индустриальный петеребургский пролетариат попрежнему угрюмо молчит». Большинство мелких предприятий точно так же работало в этот день. Бастовали частично булочники, преимущественно пекаря и портные, общей сложностью примерно около 500 человек.

Результаты работы ПК, таким образом, были очень незначительны. Сыграли свою роль и аресты, происшедшие накануне 9 января, но основная причина — это затишье в рабочем движении, наступившее после июльских бурь. Такая же картина была и в день суда над депутатами, когда призыв ПК к стачкам и демонстрациям не вызвал отклика в рабочих массах. Женский день и годовщина Ленского расстрела дают маленькое оживление, но массовые выступления отсутствуют. 1 мая

---

[1]) «Летопись революции», № 5 за 1926 г., стр. 3.

[2]) Мы ие согласиы с Флеером, который пишет в № 4 «Красиой летописи» за 1926 г., стр. 201: «причииой затишья был и е м и и м ы й п а т р и о т и ч е с к и й п о д ' е м, а в и е ш и и й р а з г р о м п а р т и й и ы х о р г а и и з а ц и й». Дело ие в одиом виешием разгроме. Если патриотического под'ема и не было, то было зиачительиое распростраиеиие шовииизма и внутреииий кризис движеиия.

в Питере прошло почти так же, как и 9 января, но с тем, что булочники с большею активностью приняли участие в праздновании маевки [1]). Бастовало около 1 000 чел.

3. Работа думской «пятерки» и ее процесс

Огромное значение в жизни нашей партии приобретает в эти месяцы думская «пятерка» большевиков-депутатов. Это была крупнейшая «легальная возможность», которая еще сохранилась, к сожалению, не надолго, для партии. Депутаты, посланные рабочими, оказались в этот момент настоящими представителями пролетариата. Вместо того, чтобы «просиживать думские кресла» и делать «большую политику» в кулуарах думы, они стояли в первых рядах борющегося пролетариата. Летние каникулы думы для них были страдной порой. В Питере, в Баку, в Екатеринославе, Харькове, в Самаре, на Урале, в Иваново-вознесенском районе, — везде, где шла забастовочная борьба, появлялись депутаты-большевики.

Муранов об'езжает Поволжье и Урал. В записной книжке Муранова, взятой при обыске на его квартире в Харькове, намечен следующий маршрут: после ряда заводов Урала — на Челябинск, Златоуст, Уфу, Самару, Сызрань, Пензу, Саратов, Астрахань, Баку, Ростов и Таганрог. В другой его записной книжке, извлеченной из клозета дачи в Озерках, где были арестованы депутаты, видно, что Муранов об'ездил следующие пункты: Пермь, Мотовилиху, Лысьвенский завод, ст. Чусовую, Надеждинский завод, Екатеринбург, Верх-исетский завод, Нижне-Тагильск, Калатинский завод, Невьянский завод, Тюмень, Челябинск, Златоуст, Миньярский завод, Уфу, Самару, Сызрань и Саратов [2]).

Поездка Муранова была связана с подготовкой к международному конгрессу и партийному с'езду. Муранов провел ряд массовок и установок связи, помог сорганизовать ряд ячеек на уральских заводах, в Самаре помог сделать газету «Заря Поволжья» большевистской, связал ряд организаций ЦК, делал отчеты рабочим о деятельности «Правды» и т. д. В Саратове его застала мобилизация. 20 июля была назначена массовка, но в эту же ночь Муранов был арестован на ночлеге и едва скрылся. После заседания Гос. думы 26 июля Муранов побывал в Харькове, где организовал обсуждение ответа Вандервельде местной большевистской организацией.

Шагов работал в июле 1914 г. на фабриках Костромской губ. (теперь Иваново-вознесенской), в Родниках и др. пунктах. Бадаев служил связующим звеном и для Петербургской организации и для «пятерки». В июле он ездил в Баку, где провел несколько партийных собраний. Петровский об'ездил ряд организаций Донбасса и Украины. Тов. Самойлов тотчас по возвращении в Россию из Швейцарии, где он ле-

---

[1]) «Красная летопись», № 5 за 1922 г., стр. 239.

[2]) «Право», № 8, стр. 548, 549. Этот перечень пунктов дает некоторое представление о состоянии парторганизаций на Урале и о количестве связей партийного центра.

чился, поехал в Иваново-Вознесенск. Здесь он провел собрание, на котором познакомил партийную организацию со взглядами ЦК на войну. После совещания 30 сентября он снова поехал в Иваново-Вознесенск, где провел выборы на партийное совещание, 1 — 4 ноября, и ознакомил с выпущенной ПК прокламацией. Думская «пятерка» в целом входила в состав бюро ЦК [1]) партии вплоть до своего ареста. Совместно с уполномоченным ЦК, Л. Б. Каменевым, депутаты-большевики организовали несколько совещаний с партийными работниками для формулировки принципиальной линии по отношению к войне.

Документом, формулирующим принципиальную линию «пятерки» и ряда руководящих работников, является ответ Вандервельде, принятый в окончательном виде на совещании в Финляндии, на квартире Л. Б. Каменева. Совещание это происходило 30 сентября — 1 октября.

На нем присутствовали, по данным охранки [2]): Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов, Л. Б. Каменев, Н. П. Яковлев, тов. «Елена» (С. И. Дерябина) и из петербургских работников: Н. Д. Соколов, М. В. Ильина, В. Д. Бонч-Бруевич, А. Н. Винокуров и Н. Н. Крестинский [3]). Кроме того, по воспоминаниям т. Самойлова, Бадаева и Шляпникова, в это время у Каменева были: Ю. Стеклов, Н. Иорданский и Финн-Енотаевский (т. е. небольшевики). В повестке дня стояли два вопроса: 1) обсуждение ответа Э. Вандервельде, 2) доклад о текущем моменте и ближайших задачах и тактике партии в связи с текущими событиями.

Текст ответа уже обсуждался в Петербурге, Москве, Харькове [4]). В предложенный депутатами текст ответа существенных изменений не было внесено. Этот текст был передан А. Шляпникову, отправлявшемуся за границу для связи с заграничной частью ЦК. Он был напечатан (с поправками) [5]) в № 33 ЦО от имени ЦК РСДРП.

Из двух дошедших до нас документов, принятых на совещании 30 сентября — 1 октября, видно, что совещание безоговорочно заняло отрицательную позицию по отношению к войне 1914 г. Эти два документа: текст ответа на телеграмму Э. Вандервельде [6]) от имени Бюро ЦК и резолюция по вопросу об отношении к сборам в пользу жертв войны. Первый документ говорит о недопустимости поддержки царского правительства пролетариатом России и необходимости использовать военный кризис «в интересах российской свободы» и, в конечном счете, в интересах всего Интернационала. — Второй начинается слова-

---

[1]) «Красная летопись», № 1 (10) за 1924 г., стр. 89, воспоминания А. Бадаева.

[2]) См. сообщение Юрия Новина, там же, стр. 42, сб. «Большевики», сост. Цявловский, изд. «Задруга», М., 1918 г., стр. 152.

[3]) По указанию т. Крестинского, его на совещании 30 сент. не было, см. «Пролетарская революция», № 7 (30) за 1924 г., стр. 64.

[4]) См. А. Шляпников, Канун 1917 г., т. I, 1920 г., стр. 29, «Памятники агитационной литературы», стр. 279; «Право», № 8 за 1915 г., стр. 547. В Москве было совещание в 20-х числах сентября по инициативе Смидовича, в Харькове его провел Муранов, привезший с собой резолюцию, где обращение Вандервельде осуждается как антипролетарское.

[5]) «Красная летопись», № 1 (10) за 1924 г., стр. 102—104.

[6]) См. «Памятники агитационной литературы», т. VI, ч. 1, стр. 91—93.

ми: «Рабочий класс не может ни в каком виде поддержать правительство и войну».

На этом же совещании решено было созвать через месяц совещание с представителями ряда промышленных районов для обсуждения вопроса об отношении партии к войне.

На второе совещание прибыли делегаты: от Иваново-Вознесенска — рабочий И. А. Воронин, из Харькова — В. И. Яковлев, из Риги — Линде и петербургские делегаты: рабочий Путиловского завода И. Л. Козлов и Н. К. Антипов.

Местом совещания была назначена дачная местность под Петроградом — Озерки. Началось совещание 4 ноября, так как т. Каменев задержался, то в первый день обсуждались мелкие вопросы: проект прокламации к студенчеству и пр.

Основной задачей конференции было обсуждение тезисов Ленина о войне и, очевидно, полученного уже манифеста ЦК об отношении к войне. Этот пункт должен был обсуждаться в присутствии Л. Б. Каменева.

На следующий день прибыл т. Каменев, который сделал обстоятельный доклад о войне и революционных перспективах [1]). После доклада Каменева обсуждались вопросы об отношении к сборам в пользу семей запасных и доклады с мест.

В ночь на 5 ноября в квартиру, где происходила конференция, нагрянул наряд полиции с жандармским полковником и заведующим наблюдением петербургской охранки. Все присутствующие были обысканы и, кроме депутатов, тут же арестованы. Депутатов отпустили, ввиду их «депутатской неприкосновенности», которой хватило еще на пару дней, когда следователь по особо важным делам Машкевич, на основании представленных ему охранкой и полицией «материалов, из'ятых при обыске, ввиду обвинения по признакам преступления, предусмотренного ст. 102 уголовного уложения», предписал арестовать депутатов Самойлова, Шагова, Бадаева, Муранова и Петровского.

Правительство давно уже подготовило арест депутатов-большевиков, ввиду их активного участия в нелегальной работе и руководящей роли в забастовочном движении. Еще 15 мая 1913 г. департамент полиции разослал жандармским управлениям и охранным отделениям циркуляр [2]), где говорилось, что в связи с антиправительственной работой с.-д. депутатов во время думских каникул следует иметь в виду, что их можно задержать и обыскать, если они будут задержаны на месте преступления; арест же их может произойти по постановлению судебных властей. С момента об'явления войны депутаты-большевики постоянно находятся под наблюдением. О каждом их перемещении, известном охранке или жандармерии, летят телеграммы в Петербург. По делу департамента полиции о с.-д. думской фракции можно проследить

[1]) Судя по воспоминаниям Ф. Н. Самойлова, «Процесс думской фракции», стр. 9, это сообщение вызывает сомнение.

[2]) Циркуляр департамента полиции № 168466, от 15 мая 1914 г. (дело московского охранного отделения, фонд агентурн. отдел.), № 11, т. II, за 1914 г.

каждый шаг депутатов не только в общественной, но и в личной жизни. Правительство, главным образом, через провокаторов Шурканова (Петербург) и Романова (Москва) подготовляло «результатную ликвидацию» их с материалами, могущими дать основание для громкого процесса о государственной измене. Еще накануне совещания 30 сентября — 1 октября начальник московского охранного отделения запрашивает телеграммой своего петербургского коллегу: «Предположена ли вами в эти дни ликвидация в связи с начинаниями Петровского? Выезд сотрудника возможен только в случае, если он не подвергнется задержанию». На что был получен успокоительный ответ: «Ближайшее время никакой ликвидации не будет».

В октябре вопрос об аресте был уже предрешен, и департамент полиции на подобный же запрос московского охранного отделения шлет 23 октября телеграмму: «Участие агентуры на с'езде нежелательно, необходимо приблизить ее к участникам с'езда, чтобы могли своевременно узнать место и время от'езда». Провокатор Романов («Пелагея»), чтобы выведать точное время партийного совещания (охранке было известно, что оно назначено через месяц после 1-го, т. е. около 1 ноября), шлет телеграмму депутату Г. М. Муранову: «Не поздно ли, телеграфируй», и получает ответ: «Оставайтесь дома», из чего Романов и его патрон заключили, что совещание уже началось, о чем и было сообщено в Петербург [1]). 4 ноября была произведена та «результатная ликвидация» большевиков, которую долго подготовляло правительство. Депутаты, после провала совещания в Озерках, хотя и были отпущены, но их судьба была предрешена. 5 ноября, рано утром, возвращаясь в трамвае домой, они рассказывают кондуктору об обыске, просят его осведомить об этом рабочих.

На квартирах у себя депутаты производят очистку от нелегальщины, но для полиции все же осталось еще немало существенного материала, в том числе и записная книжка Г. И. Петровского, с вырванными им записками о последних днях. Интересно, что правительство не решилось одновременно с арестом совещания произвести обыск на квартирах депутатов и дало им все же возможность уничтожить наиболее компрометирующие рукописи, документы и пр. С этого дня депутаты окружаются толпами шпиков, открыто следующих за ними по пятам. Очевидно, это была предварительная мера к изоляции депутатов.

В Таврическом дворце депутаты буржуазных партий проявили главным образом любопытство по поводу происшедшего. Милюков, вместо того чтобы возмутиться «нарушением основных законов», прочел депутатам-большевикам «отеческую нотацию» в таком духе:

«...Эх, мол, господа, господа, вы все еще мечтаете о разных нелегальных способах борьбы с реакцией, вооруженных восстаниях и революции, — бросили бы это, бесполезно; ведь все равно ничего не достигнете».

Депутат от евреев Фридман говорил: «Зачем теперь бороться против войны, ведь прекратить ее все равно невозможно, бессильны мы

[1]) Сб. «Большевики», сост. Цявловский, М., 1918 г., стр. 174.

в этом. Теперь нам остается одно — помогать нашим страдающим воинам перевязывать им раны и только» [1]).

Империалистическая буржуазия, в лице своих представителей в думе, была вполне солидарна с правительством, «ликвидировавшим» большевиков, осмелившихся выступить против войны.

С этой стороны правительство не ожидало никакого оппозиционного шума. Чего оно опасалось, — так это протеста рабочих. Этим следует об'яснить особую «царскую милость» в виде указа о перенесении дела из военного суда в гражданский.

Во время следствия Каменевым и депутатами (кроме Муранова) была допущена тактическая ошибка: они не отказались от дачи показания. Хуже того: некоторые из них в этих показаниях указали на свое несогласие с тезисами Ленина о войне и с манифестом ЦК.

На поведении депутатов во время следствия и на суде сказались два обстоятельства: 1) общая политическая обстановка и затишье в рабочем движении; 2) поведение Л. Б. Каменева.

Какова была обстановка в течение первого года войны, — мы уже писали. Тов. Самойлов в своих воспоминаниях об'ясняет поведение депутатов «той небывало-тяжелой политической обстановкой, в которой происходил наш процесс и которая характеризовалась как правительственной реакцией, так и, в особенности, той грязной шовинистической волной, которая захлестнула тогда всю страну и в первое время сильно задела не только крестьянство, но и часть рабочего класса» [2]).

Как видно из воспоминаний Кондратьева, попытки ПК вызвать протест рабочих по случаю ареста и суда над депутатами не имели сколько-нибудь значительных результатов. Это следует об'яснить отчасти и обратным действием поведения депутатов на суде, что видно из следующих слов корреспонденции в ЦО:

«...Протестующее движение тормозили усиленно распространяемые слухи о якобы совершившейся перемене во взглядах депутатов».

«...Сам судебный процесс депутатов прошел в атмосфере неясности и колебаний. Позиция, занятая депутатами на суде, вызывала недоумение» [3]).

Позиция, занятая депутатами на суде, была обусловлена в значительной степени позицией т. Каменева. Он был уполномоченным ЦК. Депутаты старались его всячески выгородить, и он сам стремился к этому же, прибегая к таким приемам, как категорическое отрицание своей солидарности с позицией, занятой ЦК партии по отношению к войне. Так, в показаниях, данных им во время следствия, он заявил, что «содержание приобщенных к делу документов, в которых излагается отношение Российской Социал-Демократической Рабочей Партии к военным событиям, решительно противоречит его взгляду на текущую войну» [3]).

---

[1]) «Право» за 1915 г., стр. 556.
[2]) Самойлов, Процесс большевистской фракции, Гиз, 1927 г., стр. 62.
[3]) Сборник «Социал-демократ», № 1, стр. 37.

Кроме того, т. Каменев, чтобы доказать суду, что он не более как журналист марксистского направления, не причастный ни к какому пораженчеству, ссылался на свой разговор с Н. Иорданским, тогда крайним социал-шовинистом. Подобные выступления позволили врагам партии утверждать, что между ЦК и партией большевиков в России существуют разногласия в вопросе об отношении к войне. Ленин назвал в статье, посвященной урокам процесса, поведение Каменева недостойным революционного социал-демократа. По отношению к выступлению депутатов на суде т. Каменев занял позицию, недостойную руководителя и представителя ЦК. Это видно из следующего факта, приводимого в воспоминаниях т. Самойловым:

«Во время самого ознакомления с делом мы кое о чем сговорились по части нашего поведения на суде. Так, мы ознакомились с проектом речи Петровского на суде. Проект этой речи через дневального уголовного арестанта Петровский посылал к т. Каменеву на просмотр, но т. Каменев этому вопросу почему-то должного внимания не уделил. По словам Петровского, он ни поправок, ни изменений никаких не внес, а ограничился только общим одобрением» [1].

Таким образом, в этот трудный момент депутаты-большевики встретили со стороны т. Каменева какое-то уклончиво-безразличное отношение к решающему выступлению т. Петровского на суде.

В своем выступлении на суде тт. Петровский и Муранов подчеркнули, что всегда держали связь с рабочими и по всем важным вопросам с ними совещались. По обвинению их в принадлежности к «противоправительственной» партии Петровский об'ясняет, что им, как депутатам, приходилось прибегать к «указаниям сведущих лиц», которые сотрудничали в рабочих газетах и способствовали их распространению.

М. И. Муранов в своих об'яснениях подчеркнул, что он не скрывает своей внедумской работы, что он считает ее первой обязанностью депутата-большевика, как представителя рабочих.

Между прочим, М. И. Муранов об'ясняет, что когда была распущена Государственная дума, он, чтобы не терять даром времени, решил поехать к избирателям. «Я считал нужным ехать к ним даже тогда, когда они не звали, — говорит он. — Отобранные у меня в книжке адреса и были теми явками, куда я обращался по приезде в город». Дальше он говорит, что «считает позорным скрывать, что он занимался внедумской деятельностью». На вопрос председателя, развивал ли он там с.-д. программу, Муранов отвечает: «Это ясно из того, что массовки были в лесу, а в лесу — свобода слова». На вопрос председателя: «Призывали ли вы организоваться в с.-д. партию?» Муранов отвечает: «Я призывал организоваться. Существуют профессиональные, кооперативные и просветительные рабочие организации». «Я не скрывал, — говорил он дальше, — что, согласно постановлению конференции, с.-д. должны употребить все усилия, чтобы получить в этих организациях влияние. Я считал своею обязанностью создавать такие организации, а делать их социал-демократическими было дело других лиц. Свою дум-

[1] Ф. Н. Самойлов, стр. 62.

скую деятельность я считал совершенно автономной («Право», № 9, 1915 г., стр. 643).

Это мужественное выступление т. Муранова имело, по словам Ленина в его статье «Что доказал суд над РСДР Фракцией», всемирно-историческое значение. Для русских рабочих суд над депутатами и ссылка их в Сибирь имели очень большое значение. Этот суд подчеркнул неизгладимой чертой в сознании рабочих, что их представители, представители рабочего класса, преследуются буржуазией за то, что они пошли против правительства и господствующих классов в вопросе о войне, а значит, война не создала «единения всех элементов населения». Если декларация Хаустова в заседании 26 июля не сказала рабочему классу, что ему надо делать, то нелегальная работа депутатов и суд над ними сказали ему, что его дело — это дело борьбы против войны.

Как относились рабочие к ссылке депутатов-большевиков, видно из следующего выступления самарского рабочего:

«...Рабочий-столяр Тихон Скачков призывал пред'явить требование о возвращении из ссылки и освобождения из тюрем пяти членов IV Гос. думы, «приговоренных за их правду, отстаивавших права и силу рабочих России»[1]). Так сообщала «агентура» охранки. А вот что пишет об отклике рабочих на арест «пятерки» рабочий-большевик Пирейко:

«...Арест с.-д. большевиков-депутатов Гос. думы создал у рабочих настроение в пользу большевиков. Многие рабочие-меньшевики, бывшие раньше оборонцами, сплошь и рядом переходили по вопросу о войне на сторону большевиков. Однако войной все было так сковано, что это особенно не бросалось в глаза...»[2]).

Рабочие поняли, что депутаты-большевики это не изменники, а выразители интересов и защитники «права и силы рабочих России». В этом огромное революционизирующее значение суда и приговора над депутатами. Процесс большевистской «пятерки» помог рабочим разобраться «в том, кто друг и кто недруг», кто стоит «за правду», т. е. за интересы пролетариата, и кто помогает правительству и буржуазии, пославшим в Сибирь на вечное поселение тех, кто поднял свой голос против войны. Этот судебный процесс помог большевикам в их борьбе с социал-шовинизмом и гвоздевщиной.

Когда до Швейцарии дошли вести о суде над депутатами, когда в руках т. Ленина оказалось достаточно материала, чтобы судить о значении процесса думской «пятерки», он дал в № 40 ЦО от 29 марта 1915 г. передовицу под заглавием: «Что доказал суд над РСДР Фракцией».

«Что же доказал суд над РСДР Фракцией?», спрашивает Ленин.

«Во-первых, отвечает он, он показал недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной социал-демократии

[1]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 75, Отнош. начальника самарского жандармского управления 29 октября 1915 г.

[2]) Пирейко, В тылу и на фронте империалистической войны, стр. 13.

России. Подсудимые преследовали цель затруднить прокурору раскрытие того, кто был членом ЦК в России и представителем партии в известных сношениях ее с рабочими организациями. Эта цель достигнута. Для достижения ее и впредь должен быть применяем на суде давно и официально-рекомендованный партией прием — отказ от показаний. Но стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал т. Розенфельд, или свое несогласие с Центральным комитетом, есть прием неправильный и, с точки зрения революционного социал-демократа, недопустимый».

В первую очередь т. Ленин подчеркивает теневую сторону процесса — ошибки, допущенные депутатами на суде. Вскрывая слабые стороны процесса, партия в своем центральном органе выбивает тем самым оружие из рук врагов партии, которые приняли, якобы, всерьез мнимый конфликт между партией и фракцией, уверяя, что подсудимые давали свои показания совсем не страха ради «судейска». Ленин всегда считал вредным замалчивать имена «конкретных носителей зла», и в данном случае он конкретно указывает на т. Каменева (т. Розенфельд), который вел себя на суде недопустимо, недостойно большевика. Это указание на личность вызвало протест со стороны т. Каменева и некоторых других товарищей. В одном из писем из России в ЦК [1]) говорится, что тут, дескать, допускается неправильность: «Чуть ошибся человек, а его уже в передовице пропечатали». Ошибка — ошибке рознь. Такие ошибки, которые разоружают пролетариат, ослабляют его партию, не могут замалчиваться. Известно, что в момент самой острой борьбы, в октябре 1917 г., Ленин в обращении к массам заклеймил своих ближайших сотрудников, Каменева и Зиновьева, дезертирами.

Выступление на суде должно было дать материал «в миллионном числе экземпляров, распространенных по России», о позиции большевиков; и если в этом выступлении известный работник «Правды» и член ЦК заявляет о своем несогласии с позицией ЦО и свою солидарность с социал-патриотом Иорданским, то этим самым он призывает пролетариат России ориентироваться на Иорданского, а не на ЦО партии, призывает рабочих итти за оборонцами, т. е. за империалистической буржуазией. Поэтому в первую очередь Ленин считает необходимым подчеркнуть «недостаточную твердость данного передового отряда революционной социал-демократии России» и заклеймить поведение т. Каменева, как небольшевистское.

Во-вторых, — пишет Ленин, — суд развернул невиданную еще в международном социализме картину использования парламентаризма революционной социал-демократией.

«Подняться выше — к званию влиятельного в «обществе» депутата или министра — таков на деле был смысл «европейского» (читай: лакейского) «социалистического» парламентаризма. Спуститься ниже — помочь, просветить и об'единить эксплоатируемых и угнетенных — вот какой лозунг выдвинут образами Муранова и Петровского.

И этот лозунг получит всемирно-историческое значение».

---

[1]) Из архива Истпарта, см. ниже письмо от 23—28 апреля 1915 г.

Для одних война послужила толчком к открытому союзу со своей буржуазией, для других война послужила сигналом к усиленной революционной работе в массах, направленной против войны, против империализма, против своей и международной буржуазии. «Парламентская деятельность одних, — пишет т. Ленин, — приводит их на министерские кресла, парламентская деятельность других приводит их — в тюрьму, в ссылку, на каторгу. Одни служат буржуазии, другие — пролетариату. Одни — социал-империалисты, другие — революционные марксисты».

«Суд над депутатами разбил создаваемую буржуазной прессой иллюзию общенационального под'ема, единения всех классов общества и так далее. Этот суд сказал рабочему классу, что ему надо делать».

Такова положительная роль суда. Его отрицательная роль в том, что он дал возможность врагам партии говорить о несогласии большевиков в России с линией заграничного ЦК, о том, что т. Каменев не только страха ради судейска, но и на деле был несогласен с линией ЦК. Об этом же говорит и следующее место из письма в ЦК, датированного 23—28 апреля 1915 г.

«Юрий (Каменев. — *Д. Б.*) оправдывается. Просит передать товарищам, что: 1) он не представлял себе до получения обвинительного акта размера процесса, 2) что депутаты (Бадаев, Шагов) так струхнули, что не пошли бы на придание ему более яркого характера, и 3) что вы виноваты, выпустив тезисы и статью в 33-м номере за подписью Ц. К., в то время как был де уговор тезисы без совета со здешними не выпускать.

Тоже несогласен с местом относительно поражения ц[ари]зма. Очень странные, по моему, претензии! Говорит, что базироваться на ответе Вандервельде было нельзя, п[отому] ч[то] было выпущено «бюро» Ц. К., а напечатано от Ц. К., это значило бы то же, что признать и передовицу, а на это бы депутаты не пошли. Пришлось взять за базу думскую декларацию. По-моему, он зря валит на депутатов» [1]).

Это письмо, написанное после получения № 40 «Социал-демократа», передает впечатление, произведенное передовицей этого номера, посвященной итогам суда над думской фракцией. Каменев, как видно из письма, был несогласен с лозунгом поражения, из чего, понятно, не следовало, что он должен был об этом несогласии говорить на царском суде. Дальше, он обвиняет тт. Ленина и Зиновьева в том, что они напечатали в № 33 ЦО от имени ЦК статью «Война и российская социал-демократия», тогда как обсуждение тезисов в России еще не было закончено, а декларация Вандервельде была, дескать, не от ЦК, а от «бюро» ЦК. Как обстояло в действительности дело с выработкой этой статьи, известной как манифест ЦК? Как шло оформление позиции партии по отношению к войне?

---

[1]) Архив Истпарта ЦК ВКП (б), расшифрованное письмо без подписи 23—28 апреля 1915 г. фонд ЦК, № 718.

4. Как шла выработка позиции большевиков по отношению к войне

В первые недели войны обмен мнений между организациями с целью выработки общепартийной позиции был невозможен. Несмотря на это, ряд организаций (см. выше, стр. 344) высказался категорически против участия пролетариата в войне. Общим лозунгом для всех этих прокламаций и статей был лозунг: «долой войну», «война, войне», т. е. активное противодействие войне. В некоторых из них выражалась уверенность в том, что пролетариат других воюющих стран выступит с протестом против войны. Как на пример, можно указать на листовку, выпущенную в конце июля в Питере, в которой говорилось:

«В Австрии, Германии, Англии рабочие открыто протестуют против войны, несмотря на все принятые против них меры». В самарской большевистской газете «Заря Поволжья», в № 26 за 19 июля, статья «Снова война» кончалась словами: «Пролетариат немецкий и французский ответил уже на новую авантюру громадными митингами протеста против новой бойни народов» [1].

Когда эта уверенность передовых рабочих России не подтвердилась, когда пришли вести о голосовании 4 августа, о позиции Э. Вандервельде, Ж. Геда, Плеханова и др., — тогда вопрос о выработке общепартийной позиции встал особенно остро. Антивоенная позиция большевиков подверглась крупнейшему испытанию: ничего не зная о позиции, занятой Лениным и заграничной частью ЦК, имея в виду выступление крупнейших вождей Интернационала в защиту своих «отечеств», местные большевистские организации вынуждены были выбирать между сохранением занятой в первый момент войны позиции с опасностью остаться в одиночестве в Интернационале и присоединением к Плеханову и другим «авторитетам». Приходилось выбирать между активным противодействием войне и активной или пассивной поддержкой этой войны. Трудность момента ярко выражена в выступлении А. Г. Шляпникова на совещании у Н. Д. Соколова (повидимому, в начале августа старого стиля). По воспоминаниям Н. Н. Крестинского, он говорил примерно следующее: «Первые дни все было ясно. Мы призвали рабочих нашей Выборгской стороны демонстрировать против войны и мобилизации... Но сейчас встает вопрос, что делать дальше, и я скажу: если бы я был на месте Жюля Геда, я поступил бы так же, как он, — вернее, если бы я был сейчас во Франции, я поступил бы добровольцем в иностранный легион» [2]. Это временное колебание т. Шляпникова, бывшего все время войны проводником директив ЦК в России, характерно именно для этого критического момента. Толчком к оформлению позиции большевиков послужила телеграмма Э. Вандервельде, призывавшего к поддержке Антанты и разгрому Германии. «Обсуждение телеграммы, — пишет Н. Н. Крестинский, — должно было выявить вообще точку зрения уцелевших в Питере работников-большевиков на войну и на задачи партии в связи с войной» [3].

---

[1] «Красная быль», № 1, Самара, 1922 г., стр. 46.
[2] «Пролетарская революция», № 7 (30) за 1924 г., стр. 61.
[3] Там же, стр. 60.

Обсуждение шло в течение августа (ст. ст.) и по заводам Питера и на совещаниях партработников с марксистской интеллигенцией. Из последних известны два: на квартире у Н. Д. Соколова и в библиотеке адвокатского клуба в Басковом пер., № 2. Первое было в начале августа, второе — в конце. На первом совещании высказывались в духе активной поддержки войны, но большинство собрания непоколебимо стояло на антивоенной позиции. Составление проекта ответа Вандервельде было поручено товарищам Н. Н. Крестинскому, Г. И. Петровскому и П. И. Стучке. Проект ответа, выработанный ими, не найден. Он отличался от опубликованного в № 33 ЦО, по словам Н. Н. Крестинского, тем, что он исходил «главным образом из невозможности для пролетариата той или другой страны, в том числе и для пролетариата России, выступать совместно со своей буржуазией на защиту отечества против другого буржуазного государства» [1]).

Для обсуждения проекта ответа Вандервельде собралось в 20-х числах августа второе совещание — в библиотеке адвокатского клуба в Басковом переулке. Состав собрания был в значительной степени новый, и прения об отношении к войне начались не с обсуждения проекта. Проект, повидимому, обсуждению так и не подвергался. На этом собрании [2]) был ряд видных большевиков-литераторов и партийных работников. Прения, по свидетельству А. Шляпникова, отличались «большой пестротой и колебаниями». В частности, колебался А. Шляпников, как это видно из воспоминаний Н. Н. Крестинского и указания М. С. Ольминского. «Пестрота» определялась тем, что были и патриотические речи (А. Блюм) и колебания (Н. Д. Соколов) и выдержанно интернационалистические выступления, но при всей этой разноголосице большинство, судя по указаниям тт. Ольминского и Крестинского, стояло на непримиримо-антивоенной позиции. Эта антивоенная позиция нашла свое выражение в ответе Вандервельде.

Обсуждение позиции партии по отношению к войне, под видом обсуждения ответа Э. Вандервельде, шло в течение сентября в ряде организаций: в Москве, Харькове и др. В Москве, кроме того, были представлены на обсуждение в конце сентября тезисы Н. Г. Смидовича. Совещание 30 сентября — 1 октября думской большевистской фракции с партийными работниками подвело итог этому почти двухмесячному обсуждению на местах и оформило позицию партии в окончательной редакции ответа на телеграмму Вандервельде. Экземпляр этого ответа отвез за границу в ЦО А. Г. Шляпников. В первом же вышедшем № ЦО был помещен этот ответ большевиков на телеграмму Вандервельде с некоторыми редакционными изменениями [3]) за подписью Центрального комитета. Параллельно шла выработка позиции партии по отношению к войне и за границей. Она началась с первых дней войны, и с

---

[1]) «Пролетарская революция», № 4 (30) за 1924 г., стр. 62.

[2]) А. Г. Шляпников, Канун 1917 г., 1920 г., ч. I, стр. 33 (изд. 2, стр. 29); «Красная летопись», № 1 (10) за 1924 г., стр. 88; «Пролетарская революция», № 7 (30) за 1924 г., стр. 63—64.

[3]) Разночтения, см. в «Памятниках агитационной литературы», т. VI, ч. 1, стр. 91—93.

приездом Ленина сконцентрировалась вокруг выдвинутых им тезисов. Историю возникновения этих тезисов освещает в своих воспоминаниях т. Шкловский. Как видно из этих воспоминаний [1]), основные положения их были выработаны Лениным в первые же дни войны. Впервые поделиться с партийными товарищами т. Ленину пришлось в Берне, куда он приехал тотчас после освобождения из-под ареста в Австрии.

«Уже на вокзале в Берне, куда я явился, — пишет т. Шкловский,— чтобы встретить Ильичей (в узком кругу мы так обычно называли семью Владимира Ильича), мне в упор был задан вопрос: «Како веруешь?» Для знавших Ильича такой вопрос не мог быть неожиданным, и я принялся докладывать ему о положении дел и о нашей Бернской секции». В разговоре с т. Шкловским Владимир Ильич заявил: «Тот не социалист, кто во время империалистической войны не желает поражения своему правительству, не борется со своими шовинистами, с империализмом своей буржуазии и своего правительства. Если каждый социалист исполнит свой долг внутри своей страны и поведет войну против своего империалистического правительства, тогда война империалистическая превратится в войну гражданскую. А этого мы должны добиваться» [2]).

В этих интересных воспоминаниях зафиксирован момент обмена мнений между одним из партийных товарищей и вождем партии в период крупнейшего перелома в истории человечества. В лаборатории ленинского мозга были сделаны уже все основные выводы из происшедшего. Это были те мысли, которые, став достоянием партии и рабочего класса, приобрели огромное значение в судьбах человечества. Эти мысли стали предметом горячего обсуждения товарищей, наиболее близко находящихся в этот момент к Ильичу. «С приездом Ильича жизнь у нас закипела. Чуть ли не на второй день состоялось собрание в лесу... где Ильич делал доклад на единственно возможную тогда для нас тему об отношении к войне».

Вслед за этим собранием в лесу произошло обсуждение тезисов на квартире у Шкловского.

«Через день-другой, — пишет т. Шкловский, — т. е. числа 6 — 7 сентября, на моей квартире состоялось более узкое совещание, на котором Ильич представил тезисы о войне. Кроме Ильича, Зиновьева и Надежды Константиновны, присутствовали еще тт. Самойлов, Сафаров, Лилина, возможно и т. Инесса. На этом совещании тезисы Ильича никаких возражений ни в ком не вызвали, и они были целиком приняты. С этими тезисами уехал через несколько дней через Италию и Балканы в Россию т. Ф. Н. Самойлов» [3]).

Эти тезисы, появившиеся 6—8 сентября нов. ст. за подписью «группа членов партии», т. Самойловым недели через три были доставлены в Россию. В половине сентября 1914 г. (по старому стилю, а предыдущие

[1]) «Пролетарская революция», № 5 (40) за 1925 г., стр. 135—136.
[2]) Там же, стр. 137.
[3]) Там же, стр. 137—138; см. также Ф. Н. Самойлов, Воспоминания, ч. III, стр. 89, 90 или «Пролетарская революция», № 3 (26) за 1924 г., стр. 179.

даты по новому) т. Самойлов зачитал эти тезисы на собрании Иваново-вознесенской организации.

«На собрании выяснилось, — пишет т. Самойлов, — что, несмотря на почти полную оторванность организации от высших руководящих партийных центров, все же иваново-вознесенские товарищи в отношении к войне занимали уже вполне определенную отрицательную позицию, выражавшуюся в лозунге «война войне». Я изложил им точку зрения ЦК партии по этому вопросу, которая в общем и целом совпадала с их точкой зрения. Иваново-вознесенские товарищи чутьем рабочих, классовым инстинктом пролетариев нащупали правильный путь и определенно стали на него еще в первые месяцы войны. Нехватало только санкции высшего партийного органа, ЦК партии. С моим приездом санкция эта была получена, организация начала подниматься на ноги и повела работу в духе противодействия войне» [1]). Итак, иваново-вознесенские большевики стали целиком на позицию ЦК. При ознакомлении с тезисами Ленина в одной из старейших большевистских организаций не было, повидимому, возражений против лозунга «поражения». О дальнейшем ознакомлении с тезисами известно, что они были перепечатаны на машинке и разосланы в крупнейшие организации. Во второй половине сентября эти тезисы были переданы т. Каменеву. В октябре они обсуждались в Москве. Были они, судя по данным департамента полиции, и в Баку [2]). В Петебурге рабочие доставили Петровскому резолюции из семи пунктов об отношении рабочих к войне, совпадающие с отношением Центрального комитета [3]), т. е., повидимому, тезисы Ленина (из 7 пунктов) обсуждались и были приняты на ряде питерских заводов.

Одновременно шло обсуждение тезисов Ленина и за границей. После собрания в Берне тезисы Ленина обсуждались и в других эмигрантских колониях. Об этом свидетельствует письмо т. Ленину секретаря женевской группы т. Карпинского [4]), где было указано, какие именно пункты тезисов встретили больше всего возражений. Помимо рассылки тезисов по эмигрантским большевистским группам, они были представлены 27 сентября нов. ст. на обсуждение членов итало-швейцарской конференции в Лугано [5]). В конце сентября и первой половине октября (до 17 октября) [6]) Владимир Ильич совершил референтную поездку.

По возвращении из этой поездки, Владимир Ильич получил письмо от приехавшего из Петрограда за границу (в Стокгольм) А. Г. Шляпникова и при нем текст ответа Вандервельде. Этот ответ не вполне удовлетворил т. Ленина. К письму Шляпникову от 17 октября был

---

[1]) Ф. Н. Самойлов, Воспоминания, ч. IV, стр. 5.

[2]) «Памятники агитационной литературы», стр. 257.

[3]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 53; показания Петровского на суде по отчету газеты «День», № 40.

[4]) Архив Истпарта, письмо т. Карпинского, 27 сентября 1914 г., фонд ЦК, № 803-а.

[5]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 14.

[6]) Ленинский сборник, т. II, стр. 194.

приложен разбор Владимиром Ильичем этого ответа, но это приложение к письму не сохранилось. «Моя критика ответа, — писал В. И., — конечно, дело приватное, предназначенное исключительно для друзей в целях установления полного взаимопонимания» [1]). Документ, доставленный А. Г. Шляпниковым, не шел в разрез с тезисами, но и не совпадал полностью с позицией Ленина: он был составлен в революционном и антивоенном духе, но в нем не было еще тех лозунгов, которые отделяли позицию большевиков от остальных «интернационалистов» и «неприемлющих войну». Во всяком случае та позиция, которую заняли большевики в России в первые месяцы войны, была, по выражению Н. Н. Крестинского, «полностью покрыта лозунгами, данными Владимиром Ильичем» [2]). Лозунги заграничного центра шли гораздо дальше того, на чем остановилась партийная мысль авторов проекта декларации депутатов, прокламаций и ответа Вандервельде. Поэтому тезисы Ленина вызвали у отдельных товарищей ряд возражений. Больше всего было возражений по поводу лозунга «поражение», который, по словам А. Г. Шляпникова, вызвал «недоумение». Представитель ЦК в России, т. Каменев, был, по словам того же т. Шляпникова, не совсем согласен с тезисами Ленина [3]). Как шло обсуждение тезисов в провинции, за исключением Иваново-Вознесенска, нам неизвестно.

В конце октября [4]) т. Ленин написал в виде передовой статьи «Война и российская социал-демократия» в № 33 «Социал-демократа» манифест ЦК, окончательно оформивший позицию большевиков. Этот манифест представляет обработку тезисов из 7 пунктов. Одновременно с ним, тоже от имени ЦК РСДРП, был опубликован ответ Вандервельде. № 33 ЦО в целом является основным партийным документом, определяющим позицию большевиков по отношению к войне. На нем, однако, не приостанавливается коллективная работа партии над развитием и уточнением лозунгов партии по отношению к империалистической войне. Она продолжается в течение последних месяцев 1914 г. и первых месяцев 1915 г. Так как партийное совещание 1—4 ноября было сорвано арестом его участников и другое такое же созвать в России в ближайшее время было невозможно, то ЦК пришлось созвать совещание заграничных большевистских групп и поставить на нем, на-ряду с эмигрантскими вопросами, вопрос о тактике партии по отношению к войне. Это совещание, известное под названием «Конференции заграничных секций РСДРП», состоялось в Берне в конце февраля и в начале марта 1915 г.

На конференции были представлены Парижская, Цюрихская, Женевская, Бернская, Лозаннская и Божийская группы [5]). Кроме того, на

---

[1]) Ленинский сборник, т. II, стр. 194.

[2]) «Пролетарская революция», № 7 (30) за 1924 г., стр. 64—65.

[3]) Шляпников, Канун 1917 г., изд. 3, ч. 1, стр. 32.

[4]) В предисл. к 1 (заграничному) изданию брошюры «Социализм и война», см. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 92. Там Ленин пишет, что манифест был составлен в сентябре, но это явно относится к тезисам.

[5]) «Пролетарская революция», № 5 (46) за 1925 г., статья тов. М. Сыромятниковой. Мандат Лондонской группы по указанию т. Шкловского

конференцию прибыли бежавшие из ссылки Ю. Пятаков и Е. Б. Бош. В порядке дня стояли вопросы: 1) отчеты с мест, 2) война и задачи партии, 3) отношение к другим политическим группам, 4) задачи заграничных организаций, 5) ЦО и новая газета, 6) отношение к колониальным делам, 7) выборы Комитета заграничных организаций большевиков, 8) разное.

Большая часть вопросов повестки дня была посвящена, таким образом, эмигрантским делам («колониальные дела» — дела эмигрантских колоний). Вопрос о новой газете выдвинулся в связи с претензиями Божийской группы на издание своего органа — газ. «Звезда».

По вопросу об отношении к войне докладчиком был т. Ленин, который развил основные положения тезисов и манифеста. Большинство конференции стало на точку зрения т. Ленина. Резолюция конференции, составленная т. Лениным, является новым шагом в развитии и уточнении позиции большевиков в отношении войны. Первые два пункта дают анализ эпохи империализма и на основе этого анализа доказывают несостоятельность лозунга — «защита отечества».

Резолюция уточняет и раз'ясняет лозунг «поражения», как лозунг, общий для всех империалистических стран, связывает его с лозунгом гражданской войны. На этой конференции лозунг «поражения» подвергся критике со стороны так называемой Божийской группы. Эта же группа взяла под свою защиту лозунг «борьба за мир» и лозунг «Соединенных Штатов Европы», не включенный в резолюцию конференции и вскоре снятый редакцией ЦО. В этом своем выступлении оппозиция на Бернской конференции приблизилась к позиции газеты Троцкого «Наше слово». Она прикрыто предлагала в своей резолюции об'единение большевиков с группой газеты «Наше слово», т. е. с группой Троцкого. Конференция целиком встала на точку зрения редакции ЦО. Разногласия не носили резкого характера, и представитель оппозиции, т. Бухарин, был включен в комиссию по выработке резолюции. В основу резолюции конференции лег манифест ЦК, опубликованный в № 33 «Социал-демократа». Бернская конференция была новым шагом к развитию и оформлению позиции большевиков, определенной в основном антивоенными выступлениями большевиков в России и теоретически намеченной в тезисах т. Ленина.

Через несколько месяцев после Бернской конференции (в августе 1915 г.) Лениным и Зиновьевым была написана брошюра «Социализм и война», комментирующая основные документы большевизма по вопросу об отношении к империалистической войне. Эта брошюра, переведенная на немецкий, французский и норвежский языки и распространявшаяся в Германии и Франции нелегально, была, по существу, основным наброском программы III Интернационала. В ней дан ленинский анализ не только данной войны, но и всей эпохи, — эпохи империалистических и гражданских войн, эпохи империализма и социальной революции. Она является ступенькой к работе Ленина «Империализм как новейший

был передан Н. К. Крупской. По записке заведующего заграничной охранкой Красильникова, эта группа была представлена на конференции т. Литвиновым (д. № 5 за 1915 г., л. 9).

этап капитализма». Итак, в течение всего первого года войны шла огромная теоретическая работа партии, — работа, которая подвела теоретическую базу под тактику не только нашей партии, но и всего III Интернационала. История партии этого периода напоминает искровский период, когда шла борьба за революционную марксистскую теорию и за самостоятельную особую пролетарскую партию. Работа Ленина и ленинских кадров в этот период приобрела международное значение. Большевизм, бесспорно, становился мировым явлением.

Каково идейное наследство этого периода? Что дал российской и мировой революции большевизм в этот период? Как развивались и уточнялись лозунги большевизма, ставшие лозунгами эпохи?

Для ответа на эти вопросы надо обратиться к изучению ряда документов. В число этих документов мы считаем необходимым включить и те, которые вырабатывались не теоретиками, а практиками-партийцами, которые вырабатывались не в руководящем центре партии, а в местных организациях. Эти документы, понятно, уступают по силе теоретического анализа тем, которые вышли из-под пера Ленина. Их ценность в том, что это не парламентские декларации, а памятники революционного действия. Они неотделимы от подпольной противовоенной работы, которую с первых же дней мировой бойни повели большевики.

Эти документы являются величайшим свидетельством зрелости партии, способности «правдистских» кадров в труднейшей обстановке без указания из центра, без обмена мнений и без партийной печати, правильно наметить линию и проводить ее в жизнь, не останавливаясь ни перед чем.

Революционное действие против своего правительства и против своей буржуазии — вот основное в позиции большевизма в годы войны. Это основное имеется уже в первых прокламациях. От первых наспех написанных выборгскими комитетчиками листков до написанной год спустя первоклассными теоретиками партии брошюры «Социализм и война» — все эти документы пронизаны единством мысли, единством воли, воли к революционному действию. Поэтому они и составляют нераздельное целое.

Такое об'единение документов имеет и другое значение. Оно наглядно показывает, что лозунги партии не рождаются готовыми. Даже в ленинских документах имеются детали, которые, по мере уяснения и уточнения позиции, отпадают (лозунг «Соединенных штатов Европы), а в листовках и тезисах местных организаций ошибок не только в частностях, но иногда и в основном, понятно, немало. Лишь в течение ряда месяцев, в результате большой коллективной работы, из грубого литья получились чеканные формулы и лозунги.

5. Основные лозунги большевиков

Проследим развитие и уточнение позиции партии по следующим трем основным вопросам: 1) оценка характера войны и отношение к лозунгам «защита отечества», 2) признание краха II Интернационала и лозунг борьбы за III Интернационал, 3) лозунг превращения импе-

риалистической войны в гражданскую и вытекающий из него лозунг поражения.

Большевистские организации в России, выступившие с первых же дней войны против войны, против поддержки трудящимися этой войны, должны были обосновать, мотивировать свое отрицательное отношение к настоящей войне. Большевики выступают не как противники в с я к о й войны, не как пацифисты, а как революционеры, противодействующие попытке реакции использовать в своих интересах трудящихся. Единственный документ этой эпохи с пацифистским, а не революционным отрицанием войны, к которому большевики имели некоторое отношение, это общая с меньшевиками декларация думских депутатов на заседании Гос. думы 26 июля 1914 г. Первые прокламации против войны еще носят следы борьбы против самодержавия, они говорят о крови питерских рабочих, обагрившей улицы столицы, о призывах к борьбе бакинских рабочих. Естественно, что они призывают рабочих противодействовать войне, п о т о м у ч т о е е в е д е т ц а р с к о е п р а в и т е л ь с т в о, не откликаться на призыв «все на защиту отечества», потому что он исходит от правительства, лишь вчера нападавшего на рабочих. Прокламация, за подписью Петербургского комитета, написанная в день мобилизации[1]), разоблачает ложь буржуазной прессы о якобы освободительном и оборонительном характере войны.

«Нам говорят об освобождении славян, но мы видим здесь, — говорит прокламация, — лишь жажду захвата новых владений».

Война, которую ведет царское правительство, глубоко реакционна, так как «правительство помещиков не может быть освободителем: всюду, куда оно проникает, оно несет кабалу, нагайку, свинец»...

Почему рабочий класс не может поддерживать данную войну? Потому, что ее ведет реакционное царское правительство, кровный враг пролетариата России и «жандарм Европы».

Резолюция партийного совещания 30 сентября — 1 октября «об отношении к сборам и материальной поддержке в связи с настоящей войной»[2]) говорит: «Рабочий класс не может ни в каком виде поддерживать правительство и войну», т. е. вопрос о поддержке войны тесно связан с поддержкой царизма, а потому эта война не может не встретить отрицательного отношения со стороны революционных рабочих.

Целый ряд прокламаций первых дней войны написан в этом же духе. Документ, обсуждавшийся в течение двух месяцев и принятый партийным совещанием 30 сентября — 1 октября — ответ с.-д. большевиков на телеграмму Э. Вандервельде — весь проникнут этой же мыслью.

Русские большевики в своем ответе бельгийскому министру указывают на то, что не только прусское юнкерство, но и русский абсолютизм — оплот реакции в Европе, что война является «прямым результатом мирового империализма», что правительство обрушило ряд репрессий на рабочие организации. Поэтому русский пролетариат не может ни

---

[1]) «Памятники агитационной литературы», т. VI, ч. 1, стр. 80.
[2]) Т а м ж е, т. VI, ч. 1, стр. 99.

при каких условиях итти рука об руку с правительством, не может заключать с ним никаких, хотя бы и временных, перемирий и не может оказывать ему никакой поддержки [1]).

Очень важно сообщение Н. Н. Крестинского о том, что первоначально был составлен проект, в котором центр тяжести лежал не в невозможности для русских рабочих поддерживать царское правительство, а в невозможности для пролетариев каждой из воюющих капиталистических стран «выступать совместно со своей буржуазией на защиту отечества против другого буржуазного государства» [2]).

Разница в постановке вопроса огромная. Остановиться на позиции этого второго, принятого на совещании 30 сентября текста ответа Вандервельде — значит не отгородиться от русских шовинистов-революционеров и от шовинистов республиканских стран. Если русский пролетариат выступает против войны лишь потому, что поддержать ее — значит поддержать царизм, то не значит ли это, что, когда в России на место царя станет буржуазия и будет установлена республика, пролетариат должен выступить на защиту этой республики? Не значит ли это, что рабочие должны встать на защиту республиканской Франции? Хотя в этом ответе Вандервельде и говорится, что данная война является «прямым результатом мирового империализма», но в мотивировке отказа в поддержке Антанты ударение сделано на реакционности царизма, что оставляет еще возможность говорить о прогрессивном характере войны со стороны других держав. Подчеркивание феодально-реакционного характера России оставляет возможность говорить о национально-освободительном характере войны со стороны ее противников. Здесь нет анализа эпохи, нет перехода от анализа характера войны к анализу характера эпохи. Без этого нельзя было притти к правильным лозунгам.

Это лучше всего видно на целом ряде документов, в которых империалистический характер войны достаточно подчеркнут, но правильного понимания новой эпохи нет, а потому нет и правильного понимания задач пролетариата. В прокламациях октября — ноября Харьковской организации, Уральской группы возникновение войны об'ясняется не только интересами царизма, но, в основном, интересами господствующих классов, приказчиком которых является правительство. «Пусть солдаты знают, — говорит прокламация Харьковского комитета, — что они сражаются не за родину, не за свои семьи, а ради благосостояния кучки богачей помещиков и их слуг — правительства» [3]). В листке Самарского комитета, выпущенном в конце октября и носящем характер внутрипартийного документа, говорится, что эта война является «типичным проявлением империалистической политики правящих классов», что она «является неизбежным последствием захватной политики капиталистических государств, вечно стремящихся к приобре-

[1]) «Памятники агитационной литературы», т. VI, ч. 1, стр. 91—93.

[2]) «Пролетарская революция», № 7 (30) за 1924 г., стр. 62. Второй текст ответа составлен в духе позиции Каменева — непонимание значения борьбы не только против царизма, но и против империализма.

[3]) «Памятники агитационной литературы», т. VI, ч. 1, стр. 242.

тению новых рынков и расширению своего экономического господства» [1]). Несмотря на то, что в документе указано, что «только окончательная победа социализма положит конец милитаризму» и что «эта война... подкапывается под самые устои буржуазного общества и открывает рабочим новые виды в их борьбе за социализм» [1]), авторы его в своих выводах останавливаются на призыве к борьбе с шовинизмом и укреплении партии.

Несмотря на то, что самарский листок в анализе характера войны не только правильно оценивает войну как империалистическую, но и подходит вплотную к вопросу об империализме как последнем этапе капитализма, в выводах о задачах пролетариата и его партии он не доходит до лозунга превращения империалистической войны в гражданскую.

То же можно сказать и о прокламации за подписью «Руководящий коллектив Московской и окружной организации РСДРП» [2]), где говорится:

«...Эта война своим размером и формой свидетельствует о чрезвычайно важном факте: она серьезная трещина в самом буржуазном порядке, которая напоминает о более или менее близком его крушении».

А в заключение, отвечая на вопрос «Что же делать нам?» и предлагая «бросить клич: «долой войну! да здравствует братская солидарность народов!», автор листка призывает не верить тем, кто говорит, что мы этим «ослабляем наши силы в борьбе с германским правительством» и помнить пример революционных войн Франции. Заключительная часть листка содержит таким образом: 1) отрицание пораженчества, 2) не дает ответа на вопрос, при каких условиях мы будем за защиту отечества, т. е. дает возможность понимать ее в духе защиты буржуазной республики. Наиболее интересным в этом отношении является документ, вышедший тоже в Москве и принадлежащий, по данным охранки, перу П. Г. Смидовича. Это пространный доклад [3]), предназначенный для обсуждения его в организации. Он был прочитан, по тем же данным, 30 сентября, т. е. в то время, когда тезисы Ленина уже были доставлены в Россию [4]).

Каковы особенности данной войны? «Мировая колониальная политика капитализма, — отвечает в докладе т. Смидович, — вот настоящая неприкрашенная основа того, что мир брошен во все ужасы взаимного истребления народов» [5]).

«Во главе современного капитализма стоит финансовый капитал, — пишет дальше т. Смидович, — стремящийся захватить все новые и новые рынки» [5])...

---

[1]) «Памятники агитационной литературы», т. VI, ч. 1, стр. 217—218.

[2]) Там же, стр. 127—128. Прокламация была составлена А. Сольцем и захвачена полицией до выхода в свет.

[3]) Там же, т. VI, ч. 1, стр. 128—143.

[4]) В Москве они обсуждались, по данным охранки, в конце октября. См. «Памятники агитационной литературы», стр. 257.

[5]) «Памятники агитационной литературы», т. VI, ч. 1, стр. 128—143.

Что же должен делать пролетариат, чтобы бороться с империалистической войной? Он не должен искать совместно с буржуазными пацифистами рецептов к предохранению от войн. «Прежде всего мы должны признать, — пишет т. Смидович, — что особых специфических средств для уничтожения войны нет, помимо коренного видоизменения капиталистического строя».

Вот здесь, казалось, т. Смидович подходит к положению о необходимости превращения империалистической войны в гражданскую, как единственному средству против повторения подобных войн.

Но нет, он говорит, что социальная революция еще не стоит на очереди, так как капитализм еще не созрел, — нет еще «внутреннего переворота в отношениях», обусловливающего ее.

Автор этого документа, таким образом, не выходит из круга идей Гильфердинга-Каутского. Поэтому и лозунг, выставляемый им, сводится: 1) к последовательному проведению демократизации, 2) к «контролю народного представительства над всей деятельностью государственной власти», 3) к «необходимости предпринять теперь же шаги к прекращению войны и разрешению международных вопросов путем арбитража [1]. Таков путь, который пролагает дорогу более широкому лозунгу — лозунгу «Об'единенная Европа».

Лозунги, выставленные т. Смидовичем, не соответствуют вводной части его доклада, где говорится о том, что пролетариат не должен впадать в буржуазный пацифизм. «Каковы способы достижения этих лозунгов? При нас остаются испытанные классовые способы: агитация, пропаганда и организация наших сил». О вооруженной борьбе, об использовании оружия, полученного от буржуазии против нее, об агитации в армии доклад не говорит.

Хотя П. Г. Смидович и говорит о «новой эпохе», но выводов из этого в духе ленинских лозунгов не делает. В своих выводах он не выходит за пределы социал-пацифизма [2]) («контроль», «международный арбитраж и т. п.). Обращает на себя внимание фраза: «Таков путь, который пролагает дорогу более широкому лозунгу — лозунгу «Об'единенная Европа». Она напоминает лозунг «Соединенных штатов Европы», выставленный и в первых ленинских документах. Но, как мы сейчас увидим, там этот лозунг выставлен совсем по-иному.

В составленных Лениным 6—8 сентября нов. ст. тезисах из семи пунктов (см. приложение) говорится: «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистическо-династической войны [3]). Борьба за рынки и грабежи стран, стремление одурачить, раз'единить, перебить пролетариат всех стран... таково единственное реальное содержание и значение войны». Ленин называет войну «империалистическо-династической». Что это значит? Это значит, что на-ряду с империалистиче-

[1]) Курсив мой. — *Д. Б.*

[2]) Кроме вывода о крахе II Интернационала и необходимости борьбы за III Интернационал.

[3]) Курсив мой — *Д. Б.*

скими и династические интересы сыграли некоторую роль в возникновении данной войны. Лучше всего смысл этого определения раскрывает то место манифеста ЦК, которое развивает этот первый пункт тезисов. Вот что оно гласит:

«Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, *империалистической* [1]) стадии развития капитализма *передовых стран, династические интересы* наиболее *отсталых восточно-европейских монархий* неизбежно должны были привести и привели к этой войне [2]). Таким образом слово «династический» в тезисах относится к «отсталым восточно-европейским монархиям», которые втянуты в войну не только в силу чисто империалистических побуждений, но и благодаря «династическим интересам». Уже в этом документе Ленин диференцированно подходит к «эпохе империализма», отмечая, что в силу неравномерности капиталистического развития в империалистическую политику (и экономику) вплетается и докапиталистическая.

Именно в этой связи и надо брать выставленные во 2-й части 7-го пункта тезисов следующие задачи:

«Пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республик немецкой, польской, русской и других на-ряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные штаты».

Надо обратить внимание на слова: «как одного из *ближайших* лозунгов». Лозунг республиканских Соединенных штатов Европы дан вслед за лозунгом пропаганды социалистической революции и призывом «направить оружие... против реакции буржуазных правительств и партий всех стран», т. е. смысл его таков, что и свержение монархий в России и Германии должно быть прологом социалистической революции.

В «Манифесте ЦК» Ленин уточняет и развивает это место тезисов следующим образом:

«Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных штатов Европы, причем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут раз'яснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» [3]).

Что здесь внесено нового по сравнению с тезисами? Прежде всего подчеркнуто, что лозунг имеет *политический* (как позже писал Ленин, «односторонне политический») характер. Вместо слов: «пропаганда республик» — «революционное низвержение монархий германской, австрийской и русской» и явное отмежевание от социал-пацифистов и либеральных буржуа. В тезисах П. Г. Смидовича «Об'единенная Европа» — это венец целого ряда демократически пацифистских мер, в тезисах Ленина — *республиканские* (ударение на респуб-

---

[1]) Курсив в этой цитате мой. — *Д. Б.*
[2]) *Ленин*, Собр. соч., т. XIII, стр. 5.
[3]) *Там же*, стр. 10.

ликанских) Соединенные штаты Европы лишь ступень к социалистической революции. В резолюцию Бернской конференции лозунг Соединенных штатов Европы не включен, и вскоре (в № 44 «Социал-демократа») Ленин доказал экономическую неправильность этого лозунга.

В резолюциях Бернской конференции пункт о характере войны имеет следующий вид:

«Современная война имеет империалистический характер. Эта война создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития; когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернационализации хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений; когда вполне созрели об'ективные условия осуществления социализма» [1].

Итак, война «создана условиями эпохи», — эпохи империализма, «когда вполне созрели об'ективные условия осуществления социализма». Определение эпохи, данное в этой резолюции, было развито брошюрой «Социализм и война» и в книге «Империализм как новейший этап капитализма» и вошло в программу первой коммунистической партии — в программу ВКП(б).

В первой из указанных работ Ленина, в разделе «Принципы социализма и война 1914—1915 гг.», характер эпохи оттенен сопоставлением с эпохой национально-освободительных войн: «Капитализм из прогрессивного стал реакционным, и человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу великих держав за искусственное сохранение капитализма»... Настоящая война открывает эпоху империалистических войн, которую рабочие должны стремиться путем гражданских войн превратить в эпоху социальной революции, в эпоху перехода к социализму. В резолюции специальный раздел посвящен критике лозунга «защиты отечества», как лозунга, имевшего прогрессивное значение в эпоху национально-освободительных войн, а в эпоху империалистических войн являющегося средством идеологического подчинения масс империалистической буржуазии.

Брошюра «Социализм и война» идет дальше Бернской резолюции и, подчеркивая неравномерность развития капитализма, говорит о том, что в эпоху империализма лозунг защиты отечества может быть прогрессивным, если речь идет о национально-освободительной войне угнетенной нации или колонии против империалистической страны.

Отметая утверждение о незрелости капитализма для перехода к социализму, ставя в порядок дня социалистическую революцию, Ленин во всех рассмотренных документах избегает говорить о «новой эпохе», как о сплошном империализме, которая через «чистую социальную революцию» придет прямо к социализму. Он берет импе-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 47.

риализм во всей его конкретности, в переплетении его с докапиталистическими формами и предвидит переплетение борьбы с империализмом с борьбою с феодализмом и наоборот.

Применительно к России из ленинского анализа эпохи вытекала необходимость борьбы не только против царизма, но и против империализма. Эту мысль не усвоили многие крупные партийные работники (подошедшие к революции 1917 г. с «старобольшевистской» меркой 1905 г.), что создало в апреле 1917 г. некоторые «идеологические ножницы». Эти «ножницы» существовали, несомненно, и в годы войны. Это видно из различия в анализе характера войны в документах, вышедших в России, и в документах заграничного центра. Это различие говорит о том, что партработники в России еще не дошли до ленинского понимания эпохи. Здесь, кстати, надо отметить, что книга Ленина «Империализм как новейший этап капитализма», написанная весной 1916 г., была напечатана лишь в апреле 1917 г., а брошюра «Социализм и война» попала в Россию в нескольких экземплярах и переписывалась от руки, т. е. того теоретического освещения империализма, которое сейчас стало достоянием партии, тогда еще не было. Партийным кадрам нехватало того теоретического «довооружения», которое дали партии работы Ленина эпохи империалистической войны.

Различие в степени понимания новой эпохи сказалось и в вопросе о крахе II Интернационала. Из документов, вышедших в России, лишь в тезисах П. Г. Смидовича выдвигается положение о замене II Интернационала новым — III Интернационалом.

«Жизнь подвергла суровому испытанию Второй Интернационал, — говорится в тезисах, — и теперь наступает новая эпоха в жизни международного пролетариата, встают грандиозные задачи и встанет новый — III Интернационал, более мощный, более сплоченный, который явится непосредственным преемником II Интернационала и закончит начатое историческое дело»...

В ленинских тезисах (6—8 сентября 1914 г.) гораздо резче и определеннее дана критика социалистов обеих воюющих сторон и вслед за тем (в пункте 4) говорится: «Измена социализму большинства вождей II Интернационала (1889—1914 гг.) означает [1]) идейный крах этого Интернационала». Причина краха — «преобладание в нем мелкобуржуазного оппортунизма», что связано с фетишизированием «буржуазной легальности». Тезисы вскрывают оппортунизм центристов и выставляют «задачей будущего Интернационала... избавление от этого буржуазного течения в социализме».

Лозунг борьбы за III Интернационал здесь еще не вполне оформлен. Он дан в следующих словах: «Задачей будущего Интернационала должно

[1]) В экземпляре тезисов, перепечатанном в «Памятниках агитационной литературы», перед словом «идейный» стоит слово «частичный», которого нет в экземпляре, доставленном в Архив Истпарта т. Карпинским. Письмо Карпинского Ленину (см. ниже) подтверждает, что слово «частичный», по-видимому, вставлено позже. Оно выражает точку зрения не Ленина, а некоторых товарищей, к которым примыкал тогда и т. Карпинский. См. «Памятники агитационной литературы», т. VI, стр. 6; Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 465. См. примечания к приложению № 1 к данной статье.

быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме», т. е. необходим разрыв не только идейный, но и организационный с оппортунистами, создание новых партийных организаций, которые возглавит «будущий Интернационал».

Встретило ли это положение о крахе II Интернационала возражения в России, — нам неизвестно, но за границей среди большевиков нашлись несогласные с этим пунктом тезисов. Об этом свидетельствует письмо т. Карпинского [1]) 27 сентября 1914 г., сообщающее мнение Женевской группы по поводу тезисов т. Ленина.

«Относительно п. 1 мы полагаем, — пишет т. Карпинский, — что происшедшее в Интернационале было бы преувеличением определить как «идейно-политический крах» его. Ни по об'ему, ни по содержанию такое определение не соответствовало бы происшедшему. Интернационал переживает тяжелый кризис, если угодно, он потерпел идейно-политический крах, но только в одном вопросе — военном. В остальном нет оснований считать идейно-политическую позицию Интернационала поколебленной, более — совершенно разрушенной. Это значило бы, потеряв один редут, сдать без всякой нужды все форты.

...Мы склонны считать происшедшее временной капитуляцией перед оппортунизмом в данном вопросе, об'ясняющейся чрезвычайной сложностью, запутанностью, остротой, грандиозностью обстоятельств, временным возобладанием, как бы атавистической отрыжкой буржуазной идеологии вообще».

Итак, Женевская группа считала, что крах Интернационала «частичный», несостоятельность его обнаружилась лишь в данном вопросе — в военном. Измену вождей II Интернационала группа склонна об'яснять временной капитуляцией перед оппортунизмом. Для этих товарищей, таким образом, в то время было еще спорным, надо ли поставить крест на Втором Интернационале и бороться за Третий.

В манифесте ЦК необходимость решительного разрыва с оппортунизмом и раз'яснения массам неизбежности его фиаско ставится как основная задача революционной социал-демократии в настоящее время. Не надо «прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала. Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран».

Вопрос о крахе II Интернационала и о необходимости создания III Интернационала в резолюции Бернской конференции целиком связывается с ленинским анализом эпохи. II Интернационал — «продукт предыдущей «мирной» эпохи развития рабочего движения». Социальной базой оппортунизма во II Интернационале являются «известные слои рабочего класса (бюрократия в рабочем движении) и рабочая аристократия, которой перепадала частица доходов от эксплоатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом

[1]) Архив Истпарта.

рынке, а также мелкобуржуазные попутчики внутри социалистических партий»[1])...

Крах II Интернационала был обусловлен особенностями предыдущего развития и созданием слоя «рабочей аристократии». Создание III Интернационала необходимо в связи с тем, что новая эпоха обусловливает нарождение «социализма повстанческого», который должен найти свое организационное выражение в создании новых пролетарских организаций. Резолюция Бернской конференции намечает путь к созданию III Интернационала через «сближение всех антишовинистических элементов Интернационала». Брошюра «Социализм и война» ставит конкретно вопрос о том, какие именно элементы можно привлечь к созданию ядра будущего Интернационала. Предвидя большие трудности на пути откола революционных элементов от оппортунистов, Ленин в брошюре «Социализм и война» пишет, что, во всяком случае, «*наша* партия в *нашей* стране... своей повседневной деятельностью будет создавать российскую секцию *марксистского* Интернационала»[2]).

Ленин допускал возможность того, что если условия для создания III Интернационала еще не созрели, «тогда наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала, пока в различных странах не создастся база для международного товарищества рабочих, стоящего на почве революционного марксизма» [3]). Это было написано еще до созыва Циммервальдской конференции. Ленин считал в это время возможным, во имя завоеваний и сплочения левых элементов социалистических партий Запада, временно остаться во II Интернационале. Собирание и сплочение действительно интернационалистических элементов Ленин считал возможным на основе программы революционного действия. Лозунгом революционного действия Ленин считал превращение империалистической войны в гражданскую.

В лозунге превращения империалистической войны в гражданскую нашла свое концентрированное выражение позиция большевиков по отношению к войне. Этот лозунг и связанный с ним лозунг поражения являются водоразделом между революционными марксистами и самыми левыми центристами, вроде Троцкого. Выдвигался ли этот лозунг большевиками до выхода манифеста ЦК? Имеется ли в документах, вышедших в России, приближение к этому лозунгу?

Хотя лозунг, как таковой, дан впервые заграничным центром, но в позиции, занятой большевиками с первых дней войны, были все основные элементы тактической линии, намеченной позже ЦК. Выше уже говорилось, что большевики сразу же стали на путь активного противодействия войне. Войну и военный кризис большевики считали необходимым использовать в интересах революции. Никакого перемирия с царизмом. Никакого, хотя бы и временного Burgfrieden'а. Этим проникнуты все основные документы, вплоть до ответа на телеграмму Вандервельде. Эта тактическая линия определила всю деятельность дум-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 50.
[2]) Там же, стр. 122.
[3]) Там же.

ской большевистской «пятерки», вплоть до ее ареста. В активной антивоенной работе в момент борьбы с внешним врагом несомненно имеются основные элементы пораженчества.

Для характеристики настроения революционных рабочих России в первые дни войны интересно сообщение А. Шляпникова о том, что в Питере на некоторых предприятиях появились надписи: «Товарищи, если Россия победит, нам лучше не будет, нас будут еще сильнее давить». В прокламации Харьковской организации говорится: «Если война будет выиграна... это укрепит положение господствующих паразитов».

В этой же прокламации проводится мысль о необходимости повернуть данное правительством рабочим и крестьянам оружие против эксплоататоров:

«...Надо, — говорит прокламация, — брать это оружие, но не для того, чтобы итти в чужие страны и позорно там убивать таких же угнетенных... а для того, чтобы избегнуть господства эксплоататоров и в славном бою добиться... демократической республики»[1]).

Еще ясней эта мысль высказана в прокламации ПК, утвержденной на совещании 30 сентября 1914 г. В этой прокламации, обращенной к солдатам, говорится:

«Нет, если уж нужно умирать, то умрем за народное дело, а не за дело Романовых и черносотенных дворян. Они дают нам в руки ружья: будем же людьми и воспользуемся этим оружием для того, чтобы завоевать русскому рабочему классу новые условия жизни, жизни прекрасной и свободной»[2]).

Идея активной антивоенной работы и необходимость обращения оружия против своего правительства в достаточной степени ясно высказаны в большевистских партийных документах, вышедших в России до появления манифеста ЦК. Ленинский лозунг, однако, не исчерпывается этим. Он шире. Он является лозунгом международным и лозунгом эпохи. Он включает идею подготовки социалистической революции.

В тезисах Ленина 6—8 сентября законченного лозунга «превращение империалистической войны в гражданскую» еще не дано, но имеются уже два основных положения, определяющие содержание этого лозунга: 1) пропаганда социалистической революции, 2) обращение оружия «против реакции буржуазных правительств»[3]). Классовая борьба не только не прекращается во время войны, — она обостряется. В нее должна быть втянута и армия.

Законченное выражение этот основной большевистский лозунг получил лишь в манифесте ЦК, который в заключение дает обобщающий лозунг:

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный базельской (1912 г.) резолю-

[1]) «Памятники агитационной литературы», т. VI, ч. 1, стр. 238.
[2]) Там же, стр. 98.
[3]) Там же, стр. 6.

цией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и в той или иной форме, более или менее быстро сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму»[1]).

Манифест конкретизирует лозунг гражданской войны примером Коммуны. Необходимость этой войны вытекает из особенностей данной эпохи, «как новейшей империалистической стадии развития капитализма».

Резолюция Бернской конференции раз'ясняет различия в содержании лозунга гражданской войны в передовых капиталистических странах и в России: «Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России... за республику в отсталых монархических странах»[2]).

Резолюция намечает путь осуществления этого лозунга:

«Как первые шаги по пути превращения современной империалистической войны в гражданскую войну, надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира» (bloc national, Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братанья солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений вообще» [3]).

Раз'яснение, даваемое резолюциями Бернской конференции по вопросу о гражданской войне, является весьма существенным, но путь от тезисов до этой резолюции есть путь главным образом к о н к р е т и з а ц и и лозунга «гражданской войны»; содержание его дано было уже в тезисах.

Гораздо значительней работа партии по развертыванию, уточнению и оформлению лозунга поражения.

В тезисах 6—8 сентября лозунг поражения дан как лозунг «поражения ц а р с к о й м о н а р х и и». «С точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск»...

Итак, лозунг поражения дан: 1) в применении к царизму, 2) поражение царизма — есть н а и м е н ь ш е е з л о.

---

[1]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 11—12.
[2]) Т а м ж е, стр. 49.
[3]) Т а м ж е.

При обсуждении тезисов в Женевской группе было предложено перередактировать пункт о поражении (п. 6). В своем письме в ЦК т. Карпинский от имени группы пишет:

«По вопросу о поражении царской монархии нет возражений по существу, а имеется существенная редакционная поправка:

В п. 6 следовало бы изменить редакцию так, чтобы устранить повод толкования этого места в том смысле, будто русские с.-д. желают победы немцев и поражения русских. Заметьте тогда возможную связь: немецкие с.-д. борются с русским царизмом, русские с.-д. приветствуют победу немецкого оружия. Надо формулировать так: что означала бы победа русского войска? Что означало бы его поражение?» [1]).

Товарищи из Женевской группы считали, таким образом, необходимым уточнить формулировку лозунга «поражения» с тем, чтобы его нельзя было истолковать в духе германофильства.

В России лозунг поражения встретил ряд возражений. На совещании 3—4 ноября, судя по пометкам на экземпляре тезисов рукой Г. И. Петровского, предлагалось изменить редакцию этого пункта следующим образом: заменить приведенную выше формулировку словами: «с точки зрения интересов рабочего класса и трудовых масс всех народов России особенно опасно усиление победоносной царской монархии» [2]). Таким образом было стремление устранить из тезисов самое слово «поражение», как наиболее одиозное.

В письмах к Шляпникову 17 и 31 октября Ленин, очевидно, на основе тех возражений, которые ему пришлось слышать и читать, продолжает развивать и уточнять лозунги «гражданской войны» и «поражения». В письме 17 октября (нов. ст.) Владимир Ильич пишет:

«Неверен лозунг «мира», — лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну. Это превращение может быть долгим, может потребовать и потребует ряда предварительных условий, но всю работу надо вести по линии именно такого превращения, в духе и направлении его».

«Наша безусловная обязанность» — борьба с шовинистическими софизмами. «А чтобы борьба шла по точной и ясной линии, нужен обобщающий лозунг. Этот лозунг для нас, р у с с к и х, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса России, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что н а и-

---

[1]) Архив Истпарта, письмо Карпинского 27 сентября 1914 г.

[2]) См. обвинительный акт по делу «пятерки», «Право» за 1915 г., стр. 542. Ф. Н. С а м о й л о в, Процесс большевистской фракции IV Гос. думы, Гиз, 1927 г., стр. 130. В обвинительном акте речь идет не о поправке, а о в с т а в к е между словами «Россия» и «наименьшим злом», но из речи защитника Н. Д. Соколова видно, что речь идет о поправке («Право» за 1915 г., стр. 824). Защитник Керенский при опросе подсудимого Петровского доказывал суду, на основании осмотра вещественных доказательств, что речь идет о поправке, меняющей весь смысл п. 6 резолюции («Право» за 1915 г., стр. 637). По характеру пометок Г. И. Петровского скорее можно предполагать з а м е н у слова «поражение», чем дополнение к этой формулировке.

меньшим злом было бы теперь и тотчас поражение царизма в данной войне. Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма»[1]).

Лозунг «поражения» не есть самостоятельный лозунг, он у Ленина неотделим от лозунга гражданской войны. Ленин подчеркивает, что не для всех социалистов, а именно для русских — содействие поражению царизма является действительно революционным действием, так как это есть содействие поражению своего правительства. Для русских социалистов не может быть ничего хуже победы царизма.

Лозунг «поражения» и «гражданской войны» — это единственно революционный лозунг. Поэтому в одном из следующих писем (31 октября) Владимир Ильич обстреливает тех противников лозунга «гражданская война», которые говорят, «будто сей лозунг неподходящий и т. д. и т. п.». «Никто не решится, — пишет Ленин, — ручаться, когда и насколько «оправдается» сия проповедь практически; не в этом дело (только подлые софисты отрекаются от революционной агитации из-за неизвестности того, когда будет революция). Дело в такой линии работы. Только эта работа — социалистическая, не шовинистская. И она одна принесет социалистические плоды, плоды революционные.

Лозунг мира теперь нелеп и ошибочен (особенно после измены почти всех вождей, вплоть до Геда, Плеханова, Вандервельде, Каутского). Он на деле означал бы мещанское нытье. А мы и на военной почве должны остаться революционерами и в войске проповедывать классовую борьбу»[2]).

Нельзя, понятно, вести в войске проповедь классовой борьбы без того, чтобы не способствовать поражению своего правительства. Несмотря на возражения части своих единомышленников, Ленин не считает лозунг поражения «неподходящим». Ленин отвергает беспринципный «практицизм» тех, кто считает, что нельзя отталкивать массы такими лозунгами. Ленин считает, что партии придется итти против течения, чтобы «возбудить течение встречное». Манифест ЦК РСДРП о войне, с его лозунгами «поражения» и «гражданской войны» вызвал своим появлением не только злобный вой среди врагов, но и недоумение среди части друзей. В манифесте ЦК лозунг поражения дан почти в той же формулировке, как и в тезисах:

«При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что, с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии» [3]).

В манифесте еще больше, чем в тезисах, подчеркнуто, что поражение царизма — в интересах именно пролетариата и трудящихся России. В нем нет еще ответа на вопрос, должен ли пролетариат каж-

[1]) Ленинский сборник, т. II, стр. 195.
[2]) Там же, стр. 204—205.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 10.

дой из воюющих стран содействовать поражению своего правительства, или речь идет только об особо реакционном царском правительстве. В этом смысле резолюция Бернской конференции делает большой шаг вперед. В этой резолюции лозунг поражения царской монархии дан как частный, вытекающий из более общего положения: «В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны». «Поражение, — говорит дальше резолюция, — облегчает гражданскую войну против правящих классов» [1]), т. е. оно есть средство превращения империалистической войны в гражданскую.

Резолюция развивает лозунг «поражения» в двух направлениях: 1) делает его обобщающим лозунгом («в каждой стране») и устраняет возможность толкования его в смысле содействия победе Германии над Россией; 2) она связывает его с лозунгом гражданской войны, подчиняет его лозунгу «превращения империалистической войны в гражданскую», как основному, обусловленному характером всей эпохи.

Эту неразрывную связь и подчиненное значение лозунга «поражения» не хотела понять оппозиционная Божийская группа, выступавшая на Бернской конференции со своей особой резолюцией. В этой резолюции лозунг «гражданской войны» она принимала и даже пыталась его «углубить»:

«Вполне солидаризируясь, — писала она в своей резолюции, — с лозунгом «гражданской войны», как единственно правильным пролетарским лозунгом, отвечающим условиям наступающей новой эпохи империалистических войн, Божийская группа считает, однако, существенно необходимым определить границы, в которых этот лозунг, как лозунг агитационный и лозунг сегодняшнего дня [2]), может быть выдвигаем и защищаем сейчас, а именно:

1) Группа ни в коем случае не согласна с таким пониманием этого лозунга, которое бы сводило все его содержание к простому требованию замены господствующей политики «национальных блоков» — политикой «классовой борьбы вообще». Считая, что в революционную эпоху и классовая борьба должна принимать революционные формы, всякое иное понимание и попытку иначе истолковать этот лозунг группа считает и будет считать прямым отказом от этого лозунга, против чего будет самым решительным образом протестовать» [3]).

Дальше резолюция развивает положение о необходимости совместить лозунг «поражение» с лозунгом «борьба за мир». Последний, по мнению Божийской группы, имеет «крупнейшее агитационное и революционное значение на-ряду с лозунгом «Соединенные штаты Европы».

«Группа категорически отвергает, — говорит дальше резолюция, — какое-либо выставление в качестве лозунга для России так называемого

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 51.

[2]) Курсив мой. — *Д. Б.*

[3]) Архив Истпарта, резолюция Божийской группы. См. «Пролетарская революция», № 40 за 1925 г., стр. 170—171.

«поражения России» и в особенности в той постановке, в какой это выставлено в № 38 ЦО»[1])...

В № 38 ЦО, в статье «Война и судьбы нашего освобождения», т. Зиновьев развивал лозунг «поражение царской монархии» в духе принятой на конференции резолюции.

«Да, против царизма, — писал т. Зиновьев, — не только против царизма, а и против кайзеризма, шире — против империализма: и германского, и английского, и французского, и бельгийского. Мы переживаем типичную империалистическую войну, войну начала конца капитализма... «Против царизма и против буржуазного империализма» — таков наш лозунг»[2]).

Выводы статьи: 1) рабочие каждой страны должны содействовать поражению своего правительства и 2) «шансы революции (в России) после военного разгрома царизма будут гораздо больше, чем после его победы»[3]).

Эти, казалось бы, бесспорные положения статьи встретили резкую критику со стороны Божийской группы. Эта критика сводится к тому, что если русские революционеры будут «не только желать» поражения царизму, то... они должны принять активное участие в войне (?!). Имеется в резолюции и аргументация против лозунга «поражение» революционным возмущением, которое последует за ним.

«...Абсолютная невозможность агитации в этом духе, — гласит резолюция божийцев, — заставляет a limine отвергнуть такого рода агитацию за поражение. Констатируя, что в указанной статье граница между об'ективной и вполне допустимой правильной оценкой положения и агитацией за поражение совершенно не проведена, группа полагает, что настоятельной необходимостью является, чтобы всякая путаница и неясность в этом вопросе была самым решительным образом устранена» [4]).

Из этой достаточно путаной критики Божийской группой лозунга «поражения» (сходной с критикой Троцкого) видно, что даже те, кто говорили о новой эпохе об «эпохе империалистических войн», не всегда по-ленински понимали особенности этой эпохи (об этом см. III главу) и не всегда умели преодолеть предубеждение самых «левых» интернационалистов против лозунгов, содержащих призыв к революционному действию «против своей буржуазии и своего правительства».

Не случайно, что именно лозунг «поражения» встретил больше всего возражений и среди наиболее радикальных интернационалистов (вроде т. Троцкого), и среди части большевиков.

К чему сводились эти возражения, — видно из следующих слов т. Шляпникова:

---

[1]) Архив Истпарта, резолюция Божийской группы, см. «Пролетарская революция», № 40 за 1925 г., стр. 172.

[2]) Зиновьев, Собр. соч., т. V, стр. 51.

[3]) Там же, стр. 53.

[4]) «Пролетарская революция», № 40 за 1925 г., стр. 170, 171.

«Тезисы Ленина отвечали и настроению и мышлению тогдашних партийных работников, но вопрос о «поражении» вызывал недоумения. Товарищи не хотели свою тактику связывать с стратегическим положением армий, но в то же время искренно никто не желал ни малейшей победы Николаю II, так как всем было ясно, что победа значила бы усиление отвратительнейшей реакции» [1]).

Некоторым товарищам казалось, что лозунг поражения связывает тактику партии со стратегическим положением на фронте. Это показывает лишь, что не все члены партии усвоили мысль об особенностях данной войны, как империалистической, которую партия должна стремиться перевести в гражданскую (вернее, эпоху империализма превратить в эпоху гражданских войн, т. е. эпоху социалистической революции), а из этого лозунга, как практическое его применение, вытекал лозунг содействия поражению своего правительства. Тактика партии должна была обусловить «стратегическое положение армий», а не наоборот. Были возражения против лозунга поражения и иного порядка. Считали, что он может оттолкнуть массы, так как партия, проповедующая поражение не только царской монархии, но и ее войск, состоящих ведь из рабочих и крестьян, не может не вызвать против себя возмущения. Лозунг мира будет гораздо более популярным в массах, а потому и будет иметь большее революционизирующее действие.

Ряд воспоминаний [2]), материалы процесса думской фракции и некоторые письма в ЦК говорят о том, что не только при обсуждении тезисов были возражения по этому пункту, но и ряд товарищей остался несогласным с этим пунктом тезисов вплоть до революции 1917 г. Об этом свидетельствует следующее письмо из Москвы, пересланное из Стокгольма в ЦК:

«Дорогой Владимир Ильич.

Получил письмо из Москвы с кое-какими известиями, которое привожу с некоторыми «комментариями».

Семья дяди Володи [т. е. ваша] устроилась в Москве в общем хорошо, хотя живут разобщенно. Письма от дяди получают довольно редко, что, конечно, их беспокоит. Но несмотря на все уважение к нему, его пресловутый совет продать дом [очевидно, лозунг «поражения»] не встретил отклика. Дети [т. е. товарищи] говорят, что денежные дела их не касаются. У них такое настроение: продадут дом или не продадут и кому именно он достанется, — нам безразлично [т. е., что тактика не зависит от оценки результатов войны]. Вы напишите об этом дяде. Видно без него это дело не пойдет» [3]).

Обращает на себя внимание пометка на письме, сделанная рукой Г. Зиновьева: «Совсем так же, как у Николая Ивановича [Бухарина],

---

[1]) А. Шляпников, Канун 1917 г., ч. 1, стр. 33.

[2]) Напр., т. Кондратьева в «Красной летописи», № 7 за 1922/23 г., т. Бригадирова (Тула) в сб. «Революционное былое», № 3 за 1924 г.

[3]) Архив Истпарта, письмо из Стокгольма (без даты). Возражения московских товарищей примерно такого же характера, как и приведенные выше в выдержке из книги А. Шляпникова.

Экое счастливое совпадение». Бухарин и был автором приведенной выше резолюции Божийской группы.

В Московской организации и в 1916 г. «антипораженчество» было еще значительным явлением, что видно из корреспонденции из Москвы, частью напечатанной в № 56 ЦО 6 ноября 1916 г. [1]), в других организациях были отдельные товарищи, главным образом, из партийной интеллигенции, но не только из интеллигенции, а из среды старых большевиков-рабочих. Тов. Бригадиров пишет о том, что в Тульской организации были некоторые «активные работники 1905 г., в это время отошедшие от активной работы», среди которых «точка зрения Ленина о войне не встретила сочувствия, но и оборончества они не приняли» [2]). Очевидно, здесь сказалось то отставание некоторых партийных работников, которое в апреле 1917 г. вылилось в возражение Ленину «старых большевиков», к резолюции 1917 г. подходивших с меркой большевистских лозунгов 1905 г. Отставание выразилось в непонимании необходимости борьбы не только против царизма, но и против империализма, не только во имя демократической республики, но и во имя свержения буржуазии пролетариатом. Антипораженчество было предтечей антиленинского «старобольшевистского течения в 1917 г. Говорить, однако, об «антипораженчестве» в годы войны, как о течении в партии, не приходится.

Позиция ЦК, выраженная в статьях № 33 «Социал-демократа», стала позицией всей партии. Появление манифеста ЦК в России дало большевистскому подполью новый заряд революционной энергии. Как встретили его низовые партработники — рабочие, — можно судить по воспоминаниям т. Кондратьева, который пишет:

«В это время (начало ноября) мы получили через Москвина — «Приятеля» — 33-й номер «Социал-демократа», в котором напечатана декларация Центрального комитета нашей партии. Помню, какое грандиозное впечатление произвело на нас это известие. Оно дало нам свежую струю, ободрило и окрылило нас, зажгло наши сердца непреодолимым желанием двигаться дальше, не останавливаясь ни перед чем. Оно нас укрепило в мысли, что вся наша работа, проделанная нами, была по существу правильная, что мы шли по верному, хотя трудному и тернистому пути. Помню, этот номер мы зачитали до того, что нельзя было уже больше прочесть, невозможно различить буквы от засаленности и ветхости этого номера» [3]).

Рабочим-партийцам, тому слою рабочих-правдистов, которым крепка наша партия, манифест ЦК дал уверенность в правильности взятой ими линии, он зажег в их сердцах непреодолимое «желание двигаться дальше, не останавливаясь ни перед чем» [4]).

---

[1]) Архив Истпарта, фонд ЦК, № 724, письмо Г. Зиновьеву Н. Бухарина. Слова «за исключением поражения» вставлены в тексте тем же почерком и чернилами.

[2]) «Революционное былое», № 3 за 1924 г., стр. 6.

[3]) «Красная летопись», № 5 за 1922 г., стр. 236.

[4]) Характерно, что несогласие с точкой зрения Ленина было как раз у товарищей, отошедших от активной партийной работы, о чем пишет в

Манифест ЦК дал теоретическое обоснование занятой большевиками с первого дня войны антивоенной позиции.

Манифест ЦК и резолюции Бернской конференции оформили позицию большевиков как пораженческую. Этим самым была проведена черта генерального межевания между революционными марксистами и последовательными интернационалистами и теми, вполне приемлемыми для империалистической буржуазии «интернационалистами» и «противниками войны», которые не прочь были повздыхать против ужасов войны, против хищничества империалистов и благочестиво помечтать о честном демократическом мире, после которого будут и волки сыты и овцы целы. Пораженчество — это единственный вид интернационализма, который исключает возможность такой овечье-волчьей идиллии. Поэтому оно было неприемлемо даже для самых левых каутскианцев, включая Троцкого.

Эта позиция была единственной последовательно-революционной. «Революционная борьба против войны, — пишет Ленин, — есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое такие мастера герои II Интернационала, *если* под ней не разуметь, революционные действия *против своего правительства* и во время войны». «Превращение империалистической войны в гражданскую не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции, — оно *вырастает* из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистической войны. И такое вырастание *невозможно* без ряда военных неудач и поражения тех правительств, которым наносят удары *их* собственные угнетенные классы» [1]).

Пораженчество связано с революционным *действием* и с решительным разрывом со своей буржуазией. На это способен *лишь пролетариат и его партия*, а самые левые, самые радикальные интеллигентские группки не решаются перейти этот рубеж, отделяющий пораженцев от всего «мыслящего человечества», от «общества», т. е. от буржуазии. Вызвать ненависть масс к *своей* буржуазии — при мысли об этом у «интернационалистов» и «революционеров» вроде Чхеидзе темнело в глазах.

Рабочих-большевиков не пугало «пораженчество». Им оно не казалось ни «смешным», ни «нелепым», ни «нетактичным», потому что они были кровно связаны с революционным классом.

То, что для буржуазии было противоестественно, «чудовищно», то было вполне естественно для ее антипода — пролетариата. Пролетариат России, выросший под небывалым давлением сгустившейся революционной грозой атмосферы, был особенно восприимчив к пропаганде этой «беспочвенной и чудовищной» теории [2]). Это отметили даже

своих воспоминаниях о Тульской организации Н. Бригадиров («Революционное былое», № 3 за 1924 г., стр. 6).

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 81.

[2]) Восприимчивым к пропаганде пораженчества в первый период войны был главным образом слой правдистских рабочих. В данном случае оттеняется, что пораженчество нашло почву именно в пролетариате России.

наблюдатели из царских застенков. Вот что писал один из них в своем обзоре, посвященном пораженчеству:

«...Эта общая для всех стран картина отказа пролетарских масс от исповедывавшегося ими социалистического идеала... почему-то не нашла отклика лишь в рядах передовых и наиболее сознательных элементов молодого русского пролетариата, до сего времени упорно не соглашающихся примириться с совершившимся фактом — полным крушением самой идеи «Интернационала» — и в силу изложенного оказавшихся сторонниками беспочвенной и чудовищной тенденции «пораженчества» [1]).

При наличии «благополучного» перехода всех вождей II Интернационала на сторону империалистической буржуазии только российский пролетариат пошел против течения.

Международное значение декларации большевистского ЦК в том, что это был единственный голос против войны, единственный последовательно марксистский документ в те дни. Провозглашая лозунг гражданской войны, наша партия становилась ядром будущей партии мировой революции — Коминтерна.

«Вне гражданской войны за социализм нет спасения от одичания, нет возможности прогресса в Европе» [2]), а потому «старайтесь развить массовые революционные действия против своего правительства и своей буржуазии» [3]). С таким призывом обратилась к трудящимся мира наша партия.

Ее призыв не был революционной фразой, революционным жестом группки «безответственных» эмигрантов. ЦК с первых же дней принимает меры к международной пропаганде идей борьбы за превращение эпохи империализма в эпоху социальной революции. ЦК с первых же дней предпринимает шаги к собиранию всего, что есть интернационалистского и революционно-марксистского в социалистических партиях Запада. Тов. Ленин и Зиновьев завязывают связь с швейцарской и итальянской партией. Они привлекают на свою сторону редактора бернской социалистической газеты «Бернер Тагвахт» Роберта Гримма, они устанавливают связь с ЦК Итальянской социалистической партии. Используя эти связи, наш заграничный центр готовит созыв международной социалистической конференции. На конференции в Лугано итальянской и швейцарской партий (6 сентября 1914 г.) зачитываются тезисы т. Ленина. Тов. Шляпников выступает с разоблачением социал-шовинистов на с'езде шведских с.-д., т. Литвинов (Максимович) выступает с большевистской декларацией на конференции антантовских социалистов в Лондоне и т. д. Начинается медленная, черновая, кропотливая работа по собиранию сил. Используется всякая связь, всякая «веревочка», которая сможет пригодиться для построения III Интернационала.

---

[1]) Дело деп. пол., № 5 за 1916 г., л. 13.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 88.
[3]) Там же.

В целях теоретического обоснования позиции большевиков (и III Интернационала), брошюра Ленина и Зиновьева «Социализм и война» переводится на немецкий, французский и норвежский языки и нелегально распространяется в этих странах левыми интернационалистами.

Ведется пропаганда в лагерях среди военнопленных. По инициативе ЦК созывается весной международная конференция женщин-работниц, а затем молодежи. Обе конференции проходят под пацифистскими лозунгами. Достижением является то, что на этих конференциях удается собрать социалистов обеих воюющих коалиций.

В то время как официальные организаторы Циммервальдской конференции были сильно заняты уговариванием германских центристов и французских социал-патриотов, т. Ленин «занялся организацией последовательно левых интернационалистов. Он разыскивал их во всем мире, списывался с ними, пересылая им манифест ЦК, брошюру Зиновьева и Ленина «Социализм и война» и другие издания, старался иметь с ними личные свидания и совещания» [1]).

Из этих лево-интернационалистских элементов удалось сколотить «Циммервальдскую левую» — этот зародыш III Интернационала. В борьбе с международным оппортунизмом, при большой работе по собиранию интернационалистских сил, заграничный центр партии подготовляет создание III Интернационала.

Наша партия и в России и за границей ведет работу против войны, против империализма. Она много делает для идейного и организационного сплочения революционных элементов в рабочем классе не только России, но и других стран. Она проделывает огромную работу по высвобождению пролетариата из-под влияния империалистической буржуазии и ее агентов — социал-шовинистов. Вне борьбы и победы над социал-шовинизмом невозможна была бы ни победа пролетариата России над царизмом, ни его борьба в союзе с передовыми отрядами рабочего класса других стран против империализма под знаменем III Коммунистического Интернационала.

---

[1]) Г. Шкловский, Циммервальд, «Пролетарская революция», № 9 (44) за 1925 г.

Глава вторая

ПАРТИЯ В БОРЬБЕ С ГВОЗДЕВЩИНОЙ

Империалистическая война сорвала покровы с буржуазного общества, разбила и разоблачила ряд иллюзий. Разоблачила война и международный оппортунизм. Скрытое до войны под марксистской фразеологией перерождение основных кадров II Интернационала стало явным и очевидным после перехода социал-шовинистов на сторону своей буржуазии против интересов международного рабочего класса, после провозглашения ею Burgfrieden'а и открытой и полуприкрытой поддержки захватнических стремлений своей буржуазии. Поэтому Ленин сказал о социал-шовинизме, что это есть «законченный оппортунизм». До войны «союз с буржуазией был идейный, тайный. Он стал открытым, грубым» во время войны... «Силу социал-шовинизму дал именно союз с буржуазией и генеральными штабами» [1]). Открытый переход на сторону своей буржуазии, даже затушевываемый социалистическими фразами и революционными жестами, не мог не ослабить позицию оппортунистов в рабочем классе. «Европейская война принесла ту великую пользу международному социализму, — писал Ленин, — что наглядно вскрыла всю степень гнилости, подлости и низости оппортунизма, дав тем великолепнейший толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза» [2]).

Но это ослабление компенсировалось «гигантской силой», которую дал социал-шовинистам их союз с буржуазией, правительствами и генеральными штабами.

Понятно, что агенты буржуазии, которые не умеют обманывать рабочий класс, приспосабливать пропаганду буржуазных идей к рабочей аудитории, не могут быть агентами буржуазии. Поэтому даже наиболее откровенные социал-империалисты типа Зюдекума — Плеханова прикрывают свой переход на сторону буржуазии «марксистскими» положениями о заинтересованности пролетариата в развитии производительных сил своей страны. Для рабочей аристократии такого «марксизма» предостаточно, так как она и на деле заинтересована в укреплении мощи своей буржуазии, но для рабочего класса в целом, не получающего от империалистической войны ничего, кроме добавочных тягот и усиленной эксплоатации, позиция Зюдекумов неприемлема.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 1, стр. 558.

[2]) Ленинский сборник, т. II, стр. 22.

Здесь выступают на сцену Каутские, порицающие Зюдекумов за их оппортунизм, но признающие их «законным оттенком» в рабочем движении, требующие сохранения за ними их места в рабочих партиях. Каутскианство — это прикрытие для социал-патриотов, обеспечивающее успех их работы в рабочем классе. В этом его raison d'être.

«Каутскианство не представляет никакого самостоятельного течения, не имея корней ни в массах, ни в перешедшем к буржуазии привилегированном слое. Но опасность каутскианства в том, что оно, пользуясь идеологией прошлого, силится примирить пролетариат с «буржуазной рабочей партией», отстоять единство его с ней, поднять тем авторитет ее» [1]).

Каутскианство имеет свою положительную программу. Оно написало на своем знамени: «Мир на земле!» Лучшей приманки для масс на крючок социал-шовинизма и не придумаешь. Социал-империализм прикрывается социал-пацифизмом.

Пацифизм есть необходимый спутник империализма. Между тем и другим существует, как показал Ленин, следующее разделение труда: «Правительство и военная клика, опираясь на миллиардеров, на всю «деловую» буржуазию, ведут войну, а либералы утешают и одурачивают массы национально-оборонительной идеологией войны, посулами демократического мира и т. д.»[2]). Каутскианцам остается только отделать пацифистскую идеологию «под социализм», и получается идеология, «необходимая и достаточная для одурачения рабочих» [3]).

Такова роль оппортунистов в годы войны в передовых капиталистических странах. В России, отличавшейся своей «самобытной» отсталостью, их роль была несколько иная. В данном случае своеобразие России сводилось в основном к следующему: 1) она не была достаточно передовой и привилегированной страной, чтобы иметь сколько-нибудь значительный слой рабочей аристократии, 2) самодержавный режим не давал почвы для создания фетишизма легальности, а соединение капиталистических и докапиталистических методов эксплоатации делало ее пролетариат особенно революционным.

Этим надо об'яснить иное соотношение сил в российской социал-демократии, чем в западных рабочих партиях. Там хозяином положения были оппортунисты, а революционное крыло было слабой оппозицией, у нас, особенно после 1912 г., оппортунисты перешли на положение оппозиции, а партию представляли большевики. В предвоенные годы все более определенно намечался «союз буржуазной интеллигенции против рабочих», в виде блока ликвидаторов с народниками. Война укрепила эту тенденцию, а революция 1917 г. и годы гражданской войны еще более сблизили обе партии в их борьбе с рабочим классом.

Буржуазная интеллигенция, как с л о й, была оппортунистической и патриотической. После революции 1905 г. она именно как с л о й обуржуазилась и порвала со своим революционным прошлым. Ее демократизм

---

1) Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 481.
2) Т а м ж е, стр. 181.
3) Т а м ж е, т. XX, ч. 1, стр. 544.

уложился в рамки 3-июньского режима. Она нашла себе в столыпинской России место под солнышком. Годы войны, создавшие «земгоры», «согоры» и всякие «попечительства», давшие толчок развитию кулацкой кооперации, еще больше закрепили интеллигенцию как социальную группу за буржуазией.

Именно в этом слое Ленин видел «источник известной общественной силы и влияния ликвидаторского течения». Это не значит, что Ленин считал оппортунизм и социал-шовинизм не имеющими никаких корней в рабочем классе России. Он писал:

«Европейский тип развития, когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенция, и ничтожная доля рабочей аристократии могут «попользоваться» привилегиями «великодержавного» положения «своей» нации, не мог не сказаться и на России» [1]).

И в России не мог не создаться известный слой рабочей аристократии. Ленин еще до войны указывал на существование рабочих ликвидаторов (Чиркиных, Булкиных, Кабцанов и др.) именно как слоя, хотя и очень тонкого. Работа на оборону дала этому слою хорошие заработки, избавила его от необходимости итти на фронт и т. д., т. е. война укрепила союз рабочей аристократии с буржуазией. Сильный приток мелкобуржуазных элементов в русский рабочий класс тоже расширил базу для шовинизма в рабочем классе.

Рабочий класс России, как класс, остался враждебен социал-шовинизму и империализму. Поэтому его не только полиция и буржуазия осуждали за «чудовищное пораженчество» («совсем не как у людей»), но и социал-шовинисты упрекали его в «обывательщине» (!), в отсутствии «гражданственности» и истинного (т. е. патриотического) интернационализма. Потресов пишет, что образцом для пролетариата должна быть интеллигенция:

«От одиночек (как Радищев) через группы декабристов» мы приходим к различным формам патриотической гражданственности целого слоя разночинной интеллигенции, готовой душу свою положить за други своя, т. е. за преображение отечества на началах справедливости» [2]).

Потресовы в хоре русского социал-шовинизма играли первую скрипку, но они были лишь одним из оттенков многоцветного спектра российского оппортунизма. На крайне правом крыле его находились плехановцы, они же «призывцы» (по имени эсеровско-ликвидаторской газеты «Призыв»). Они и по идеологии и даже по фразеологии примыкали к Струве и Милюкову. «Сначала победа, потом революция» (вернее — реформы), — такова их платформа. Ближайшими их соседями были сторонники «Самозащиты». Они на первый план выдвигали не прогрессивность борьбы Антанты, до полного сокрушения (до победного конца), с прусским империализмом, как это делали плехановцы, а идею обороны, права на «самозащиту» «подвергшейся нападению» вероломного Вильгельма нации. Они очень много потрудились для «интернационалисти-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 181.
[2]) Сборник «Самозащита», стр. 20—21.

ческого» обоснования своего патриотизма. Короче «нашедельство»—это социал-шовинизм; более отделанный под марксизм и интернационализм. Открытый либерализм, безоговорочный патриотизм делали идеи Плеханова малопригодными к распространению среди рабочих. Даже охранка отмечала, что течение Плеханова среди рабочих почти не имеет сторонников, в то время как нашедельство было наиболее влиятельным из всех разновидностей оборончества. Об'ясняется это тем, что «Наше дело» сохранило за собой ту идейную и организационную базу, которую имела ликвидаторская «Наша заря». Идеология «Нашего дела» была необходимой и достаточной для обоснования либеральной рабочей политики и одурачения в интересах империализма некоторой части рабочих. Для этой последней цели «Наше дело» и газета «Утро» («Рабочее утро») выдерживали радикально-оппозиционный тон, играли на «боевизме» русских рабочих, а главное — умело заслоняли союз с буржуазией во имя победы, как стержень своей политики, разговорами о важности для рабочего класса организации для предстоящей борьбы.

Непосредственно примыкающей к «Нашему делу» является группа Мартова, Мартынова и т. д., иначе группа Организационного комитета («Августовского», а затем «Брюссельского» антипартийного блока). Эта группа имела своим органом «Известия заграничного секретариата ОК» и выступала на страницах самарской газеты «Наш голос». Это была маловлиятельная группа меньшевистских «генералов без армии». Она стояла на «интернационалистической» позиции, критиковала позиции «Самозащиты», но молчаливо поддерживала «нашедельцев» во всех практических вопросах и, разумеется, считала их законным оттенком в партии. В чем значение этой группы? В том, что «с слишком откровенным шовинизмом к русским рабочим не сунешься. И тут-то позиция центра, которая уже начала проводиться ОК, будет сущим кладом для Потресовых, Череваниных, Ежовых, Левицких и К°» [1]), т. е. для «нашедельцев».

Ленин коротко и метко определил значение группы Мартова в письме к Шляпникову: «Мартов — «наживка» на крючок для рабочих от Потресовых».

На центристских позициях пребывал и Чхеидзе с частью думской фракции (часть ее тяготела к «Нашему делу»). Максимум революционности фракции Чхеидзе заключался в лозунге «да здравствует революция... ради победы». Под «революцией» фракция Чхеидзе, шедшая за буржуазией, предполагала дворцовый переворот. Эти «революционеры» больше всего боялись выступления масс. Их интернационализм выразился в том, что они благословили вхождение рабочих в военно-промышленные комитеты, а потом стали к гвоздевцам в позу оппозиции.

Наиболее левую центристско-каутскианскую позицию занимали Л. Троцкий и его группа, имевшая в Париже газету «Голос», а потом «Наше слово». Это течение, устоявшее в первый момент войны против волны социал-шовинизма, вскоре скатилось к центризму. Эта позиция Троцкого была предопределена его предыдущей «внефракционной» при-

---

[1]) Зиновьев. Собр. соч., т. V, стр. 182—183.

миренческой позицией. Троцкий критиковал ОК столь же энергично, как и ОК критиковал «Наше дело», но на деле и Троцкий и ОК вели борьбу против раскольничества ленинцев, т. е. отстаивали союз с «Нашим делом», отстаивали право на существование в партии «Нашего дела», т. е. право пропаганды им идей социал-империализма под флагом рабочей партии. Троцкий во время войны, как и до войны, пытался найти среднюю линию между меньшевизмом и большевизмом.

«Взять кусочек от ликвидаторов и кусочек от правдистов, «пролезть» между ЦК и ОК — в этом вся немудреная философия троцкизма».

...«Положение, созданное войной, побудило Троцкого пока только к одному: приспособить «троцкизм» к новой ситуации, отыскать «среднюю» линию для российской социал-демократии при новых обстоятельствах. Ни к чему иному, кроме безыдейнейшей позиции «каутскианства», на русской почве это привести не могло» [1]).

...«Троцкизм привязан к ОК и социал-шовинизму, как колодник к тачке, как прикован был Троцкий к ликвидаторству до войны» [2]).

Этим, понятно, не исчерпывается роль троцкизма. «Левая фраза» и «левый жест», переходящие в «революционный авантюризм», роднили Троцкого с «левой» оппозицией в большевизме и в Циммервальдской левой (Пятаков, К. Радек, Р. Люксембург). Об этом придется говорить дальше в связи с разбором проблемы революции в российской социал-демократии.

Троцкизм — чрезвычайно ценный для социал-шовинизма «оттенок». Для проведения буржуазного влияния на наиболее революционный российский пролетариат он был особенно ценен. «Левизна» на словах необходимое свойство оппортунистов тогда, когда пролетариат достаточно революционен и недостаточно опутан «традициями» буржуазной демократии. Чем больше рушится демократических иллюзий, чем ближе пролетариат к решающим боям, тем все большее значение приобретают «левые» разновидности оппортунизма: уменьшается значение Каутского, растет значение Отто Бауэра. От Отто Бауэра роль «левого» прикрытия II Интернационала может передвинуться и дальше влево, напр. к современному троцкизму.

«Левые слова» и «правые дела» — это неот'емлемое свойство всякой жизнеспособной разновидности оппортунизма. Без «левого» облачения нельзя проникнуть в стан революционного пролетариата, нельзя быть полезным буржуазии.

Даже II Интернационал выносил в свое время революционные резолюции, но на деле он их проводить не стал. Ленин в статье «Крах II Интернационала» в 1915 г. писал:

«Самые «левые», архиреволюционные резолюции — и самое бесстыдное забвение их или отречение от них — вот одно из самых наглядных проявлений краха Интернационала...» [3]).

[1]) Зиновьев, Собр. соч., т. V, стр. 184.
[2]) Там же.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 135.

И троцкизм, критикуя II Интернационал, на деле остался в стане социал-шовинистов, в стане врагов пролетариата.

Если о российской социал-демократии в годы империалистической войны судить по литературе, то можно подумать, что в ней боролось множество течений, а большевизм был лишь самым левым из них. На деле же существовали лишь два течения: оборонческое, во главе с «Нашим делом», и пораженческое, во главе с большевистским ЦК. Революционные действия против своего правительства и своей буржуазии, в данном случае «пораженчество», — вот что отделяло всех «левых социалистов» и «интернационалистов» от большевизма. При первой же практической проверке оказалось, что один лишь большевизм стоит на последовательно-интернационалистической позиции. Этой практической проверкой оказались выборы представителей рабочих в военно-промышленные комитеты.

Осенью 1915 г. в связи с этими выборами развернулась борьба партии с буржуазией и ее агентами за влияние на рабочий класс.

Лето 1915 г. встряхнуло всю страну, привело в движение все классы.

Военный разгром усиливал хозяйственный и политический кризис, на почве которого в массах растет глухое раздражение. Начинают поругивать и правительство и купцов-спекулянтов. Рабочие, особенно в легкой промышленности, чувствуют сильный нажим капитала. До военного разгрома лета 1915 г. идет сжатие промышленности, увольнение рабочих и снижение заработной платы. Вплоть до конца 1915 года сокращается число рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, 1914 г. дает непрерывное снижение реальной заработной платы, которое в шерстяной промышленности продолжает снижаться и в годы войны. С весны 1915 г. начинается оживление рабочего движения. Прокатываются одна за другой две забастовочных волны: в апреле, мае и июне бастуют, главным образом, текстильщики, в августе, сентябре, октябре — главным образом металлисты. Забастовочное движение, имевшее вначале оборонительно-экономический характер, принимает затем ярко-политическую окраску.

К этому времени буржуазия добилась утверждения думой и царем так называемых военно-промышленных комитетов с рабочими группами при них. Рабочие группы должны были быть органами «контакта» и сотрудничества буржуазии и социал-соглашателей и примыкающего к ним слоя рабочей аристократии. Привлечь социал-шовинистов к работе в этой хозяйской организации оказалось совсем нетрудно. Они, как мы видели, считали своей обязанностью «толкать буржуазию к власти» в ходе сотрудничества и совместной борьбы с правительством. Для них представлялась возможность легализовать под крылышком буржуазии либеральную рабочую партию, и, наконец, была найдена точка приложения их «патриотического зуда», найдены были организационные формы приобщения пролетариата к «защите отечества».

Со своей стороны, русская промышленная буржуазия после революции 1905 г. быстро прогрессировала в отношении введения «европейских» демократических методов обмана и эксплоатации рабочих.

В годы войны, когда перед ее глазами был опыт использования «социалистов» в интересах империализма на Западе, русская буржуазия также искала форм привлечения рабочих к участию в «обороне страны». Интересы организации победы и интересы организации наживы одинаково требовали напряженной и беспрерывной работы предприятий.

Характерным является следующий факт: во время кампании выборов в рабочую группу Оренбургского военно-промышленного комитета «на цеховых собраниях выступал заместитель городского головы Иванов, который призывал рабочих, по примеру Германии, организоваться в социал-демократическую партию. Партия эта очень хорошая и сейчас очень она хорошо помогает правительству» [1]).

Факт несколько анекдотический, но характерный. Хотя Иванов и заявил судебному следователю, что он-де это сделал «по неразумию», но в этом «неразумии» видно прекрасное разумение интересов своего класса.

Правительство, с своей стороны, не без основания косилось на рабочие группы. Оно понимало, что если через них буржуазия обуздает и нейтрализует рабочий класс, то это ей развяжет руки в борьбе с «правительством измены». Прихлопнуть рабочие группы в момент их возникновения правительство не посмело, так как ему приходилось лавировать в очень трудной обстановке. Но с первого же дня существования рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета у правительства чесались руки покончить с ней, что видно из следующего отрывка письма министра внутренних дел А. А. Хвостова председателю совета министров Б. В. Штюрмеру 10 февраля 1916 г. По поводу декларации Гвоздева в заседании ЦВПК 3 декабря было совещание под председательством министра юстиции в присутствии Хвостова и Белецкого.

«Совещание это пришло к заключению, что хотя указанное воззвание рабочей группы и содержит признаки деяния, предусматриваемого 102 ст. угол. уложения, но что принятие по отношению ее, до фактического проведения ею в жизнь проектированных мероприятий, являлось бы преждевременным, в особенности, учитывая исключительные условия момента» [2]).

«Исключительные условия момента» заставили правительство терпеть рабочие группы вплоть до решительной схватки в феврале 1917 г. Обстановка, в которой происходили выборы в рабочие группы военно-промышленных комитетов, была действительно «исключительной». Это понимало и правительство, которое, как это видно из следующего отрывка из обзора департамента полиции, считало политическую кон'юнктуру «неустойчивой».

«Постепенное и все увеличивающееся нарастание дороговизны жизни, создающее для крупнейших общественных центров страны

---

[1]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 104, перлюстрированное письмо в самарскую газету «Наш голос» из Оренбурга от Северного.

[2]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 185.

если и не перспективу, то во всяком случае угрожающие признаки неизбежного в ближайшем будущем голода; изменчивость и капризы фортуны на театре военных действий, затянувшей таким образом время окончания грандиозной кампании и заставившей многие робкие умы начать сомневаться даже в возможности конечной победы; использование означенной усложнившейся обстановки оппозиционными элементами, стремившимися путем усиленной агитации дискредитировать авторитет правительства и захватить власть в свои руки; обстановка заседаний июльской сессии Государственной думы, носившая явно антигосударственный характер и об'единившая в стремлении «свалить власть» прогрессивно-оппозиционные группы с лево-революционными,— все это в конечном результате к осени минувшего 1915 г. и создало обстановку изменения и перелома общественных настроений в сторону ныне наблюдаемой неустойчивой политической кон'юнктуры» [1].

«Содействующие» оппозиционной буржуазии «деятели подпольных революционных партий» — это будущие социал-соглашатели, меньшевики и эсеры. Им пришлось выдержать ожесточенную борьбу с большевиками в ходе кампании выборов представителей рабочих в военно-промышленные комитеты. Агенты буржуазии в рабочем движении встретили серьезное сопротивление пролетарской партии большевиков.

Осенью 1915 г. произошла мобилизация в лагере всех трех основных сил: буржуазии, правительства и пролетариата. Тогда же определенно наметился «предреволюционный кризис», из которого каждая из этих трех сил стремилась найти выход, способный укрепить ее позиции. Это была репетиция того столкновения классов, которое началось в феврале 1917 г. и было завершено Октябрьской революцией.

Для большевиков это была проба сил, это была первая крупная схватка с агентами русской буржуазии и мирового империализма. «В жизни российской социал-демократии самый крупный факт теперь, — писал в декабре 1915 г. т. Ленин, — выборы питерских рабочих в военно-промышленный комитет. Впервые за время войны и только эти выборы притянули действительно м а с с ы пролетариев к обсуждению и решению основных вопросов современной политики, показали нам настоящую картину т о г о, ч т о е с т ь в социал-демократии как в массовой партии»... [2]).

Выборы в рабочие группы показывают нам п а р т и ю в д е й с т в и и, в момент перехода к широко развернутой (по условиям подполья и войны) борьбе за массы рабочего класса. Выборы показали «настоящую картину того, что есть в социал-демократии как массовой партии». Они показали, что из великого множества групп, оттенков и оттеночков центристского типа в социал-демократии существуют и борются между собой д в а т е ч е н и я: оборонческое и социал-империалистическое и большевистское антиимпериалистическое. До некоторой степени выборы вскрыли соотношения сил обоих течений в том

---

[1]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 246.
[2]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 216—217.

или ином промышленном районе. Именно «до некоторой степени», так как борьба происходила в неравных условиях, так как на стороне оборонцев в их борьбе с большевиками была вся буржуазия и вся буржуазная и даже черносотенная печать, военная цензура и т. д. Выборы происходили не во всех промышленных районах, а в центрах милитаризованной, главным образом тяжелой, индустрии. Центрально-промышленный район, где меньшевизм был всегда очень слаб, а большевизм силен, остался почти вне сферы борьбы, а юг, где соотношение сил было обратное, дал больше всего рабочих групп. (Из 52 групп на Юг падает 22) [1]).

Самый факт возникновения рабочей группы при местном военно-промышленном комитете еще вовсе не говорит о победе социал-шовинистов над большевиками в данном промышленном районе, так как во многих местах «выборы» происходили «втемную», а иногда это была просто фикция. Показательны результаты выборов (с вышеприведенными поправками) только в тех пунктах, где в эти выборы была вовлечена масса рабочих, и оба течения в социал-демократии имели возможность выступить перед рабочими. Огромное значение имеет именно ход кампании по выборам представителей от рабочих в военно-промышленные комитеты. Партия впервые связалась с массами и получила возможность познакомить массы со своими взглядами на войну.

Вопрос об участии в первой стадии выборов обсуждался в ряде местных организаций (Петербург, Харьков, Урал, Тифлис) [2]). В сентябре, октябре, ноябре 1915 г. ряд местных организаций вынес по этому вопросу следующее решение: «В военно-промышленных комитетах участие рабочих считать недопустимым, выборную кампанию использовать».

ЦО в № 47, от 13 октября 1915 г., дал следующую директиву: «Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистическую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, напр., за участие в первой стадии выборов только в агитационных и организационных целях».

Легальный большевистский журнал «Вопросы страхования» в № 7 (45) от 31 августа высказался против участия в военно-промышленных комитетах.

Это было ответом рабочей группы страхового совета заправилам Центрального военно-промышленного комитета на их обращение к ней и к некоторым больничным кассам Петрограда. В своем ответе (негласном) она указала, что решить вопрос об участии в войне — дело самих рабочих, к которым и нужно обратиться непосредственно на фабрики и заводы. В том же духе ответили на обращение Гучкова и К° больничные кассы. Это было в начале августа, через неделю после с'езда представителей военно-промышленных комитетов. К концу августа (27 августа) было проведено через думу и утверждено царем «положение о военно-промышленных комитетах», предусматривающее существование

[1]) 13 августа 1916 г., по списку рабочих групп, составленному секретариатом «рабочей группы» ЦВПК.

[2]) «Красная летопись», № 7, ст. 37. «Сборник «Социал-демократ», № 1, стр. 82 и 84. Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 13.

при них рабочих групп, и Гучков принялся хлопотать о разрешении выборов по заводам. Он «категорически потребовал от правительства полного невмешательства в ход кампании полиции и охранки. Только при этом условии он ручался за успех» [1]).

Идя на такой шаг (предоставление питерским рабочим на время кампании фактической свободы слова и собрания), буржуазия и правительство переоценили силу социал-шовинистов и слабость большевиков К августу 1915 г. был довольно основательно разгромлен ПК, а на заводах «в течение всего года войны охранка «снимала» всех более или менее заметных и авторитетных в массах рабочих, которых подозревала в симпатии к большевизму» [2]). Но здесь получился «просчет».

К моменту предвыборной кампании в Питер приехали такие крупные работники, как В. Залежский («Владимир»), В. Шмидт и Богдатьев («Сергей Нарвский») и другие товарищи, прибывшие из ссылки и из других городов. Они приняли в кампании самое горячее участие и сыграли в ней крупную роль.

«На заводах же на место из'ятых охранкой ветеранов рабочих-большевиков быстро рос революционный молодняк, энергичный, смелый, беззаветно преданный идее». На некоторых заводах у большевиков создался солидный «кулак», так, напр., на заводах «Новый Лесснер» была ячейка в 100—150 чел. [3]), а там, где было слабей, туда присылались «подкрепления» ПК.

Недооценка сил противника ослабила оборонцев. Они были вполне уверены в своей победе «и ходили, что называется, козырем». Гвоздев самоуверенно заявил в ответ на вопрос одного рабочего, не боятся ли его единомышленники успеха большевиков: «Ну, что тут, у них ведь сейчас никого нет»...

К началу кампании у большевиков были, таким образом, существенные плюсы, хотя перевес сил был все же у противника. Благоприятным для партии было и настроение рабочей массы: летние стачки и расстрелы в Иваново-Вознесенске и Костроме накануне сентябрьской стачки, военные разгромы и летняя сессия Гос. думы, растущая дороговизна, исчезновение мелкой серебряной монеты и целый ряд других факторов будили массу от почти годовой спячки. За год войны «в умах рабочих все яснее и ярче обрисовалась мысль о необходимости борьбы. Ярче выступал на поверхность действительный враг и виновник войны» [4]).

В такой обстановке в начале кампании собирается расширенный пленум ПК с представителями районов. На этом пленуме партийная организация наметила тактическую линию в развертывающейся кампании. Вопрос об участии в кампании вызвал ожесточенные прения, так что собрание затянулось до утра.

---

[1]) Из статьи В. Залежского, перепечатанной в хрестоматии «Революция и РКП», кн. VII, стр. 197.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) «Красная летопись», № 7 за 1923 г., стр. 54, воспоминания Кондратьева.

«В горячих прениях, где почти что все члены ПК по очереди выступали, выдвигались две точки зрения: первая — использовать кампанию, но выборов на общегородское совещание не производить; вторая — использовать кампанию, произвести выборы уполномоченных, на общегородском собрании дать бой, развить нашу точку зрения по отношению к войне, в выборах в комитет не участвовать или голосовать против. Помню эти два предложения несколько раз ставились на голосование, но ни то, ни другое предложение не получало абсолютного большинства. Наконец, к самому утру приняли предложение второе с дополнением Владимира о том, что в случае большого под'ема революционного движения уполномоченные должны стараться оттянуть вопрос о выборах и об'явить себя Советом рабочих депутатов» [1]).

О бойкотизме не было и помину. Дебатировался не вопрос — участвовать или не участвовать в кампании, а вопрос, до какого момента выборов допустимо участие в них большевиков. Решение ПК участвовать в общегородском собрании выборщиков имело, как видно будет из дальнейшего, огромное значение, оно дало большевикам победу на собрании 27 сентября.

К моменту пленума уже был опыт предвыборной борьбы на некоторых заводах. Так, напр., на заводе «Новый Лесснер» ячейка отказалась от вхождения в заводскую выборную комиссию и этим самым дала козырь в руки гвоздевцев.

Пленум ПК после тщательного обсуждения выработал наказ большевиков в этой кампании. Перед кампанией Петербургский комитет выпустил ряд листовок. Взяты были на учет все агитаторские силы.

«Пленум ПК принял, — пишет т. В. Залежский, — самое энергичное участие в разворачивавшейся кампании, но слабая наша сторона заключалась в численном недостатке опытных агитаторов и в отсутствии по ряду заводов солидных кандидатов. Поэтому пришлось основное свое внимание сосредоточить на крупнейших заводах, как Путиловский, Старый и Новый Лесснер и др., а митинги по остальным заводам обслуживать или местными, относительно слабыми партийными силами данного завода или агитаторами со стороны, что тоже имело свое отрицательное влияние при выборах: в то время, когда кандидат социал-патриотов выступал сам перед рабочими, делал им доклад, отстаивал платформу, — за нашего кандидата это часто делал пришлый агитатор» [2]).

Проделанная охранкой «чистка» большевиков и приготовленные ею для пораженцев скорпионы давали перевес гвоздевцам, но зато настроение рабочих масс на крупных заводах было более благоприятно для большевиков. Интерес к кампании был огромный. Напр., на заводе «Новый Лесснер», металлургическом гиганте с 7 тыс. рабочих, на собрании участвовал почти весь завод, борьба между большевиками и меньшевиками затянулась на ряд собраний. В конце концов меньшевики, проделав кое-какие махинации, получили на 50—60 голосов больше, чем

---

[1]) «Красная летопись», № 7 за 1923 г., стр. 37.
[2]) «Революция и РКП», кн. VII, стр. 198.

большевики. При голосовании наказа выборщикам прошел большевистский наказ, выработанный ПК [1]). Таким образом настроение рабочих было на стороне большевиков, что видно было из ряда фактов на предшествующих собраниях (принятие большевистской резолюции на 1-м собрании, выборы президиума и порядок дня на 2-м).

Настроение рабочих, благоприятное большевикам, и энергичная деятельность партийной организации, с одной стороны, и ряд преимуществ у меньшевиков, обусловленных их патриотической позицией, создали такое положение, что силы у обеих сторон были примерно равны.

Меньшевикам приходилось лавировать, чтобы спасти свое положение. Напр., на заводе Эриксон они прикинулись революционерами-практиками, возражающими лишь против утопизма большевиков, не согласных использовать такой случай для организации сил пролетариата. Вот что пишет, напр., один рабочий «К—ч» в ЦК:

«На выборах в военно-промышленный комитет (в заводском здании было около 1 000 человек) происходила ожесточенная борьба «пораженцев» и «оборонцев». Большевики говорили о гнете капиталистов и правительства и что выборщики должны об'явить себя Советом рабочих депутатов, и большинство рабочих было так и настроено, но выступали социал-патриоты, во главе с Гвоздевым. Не опровергая сказанного большевиками, он прибавлял, что все-таки поколотить немцев нужно в целях избавления нашей промышленности от засилья немецкой промышленности, а для этого нам необходимо ввиду нашей дезорганизованности итти в военно-промышленные комитеты, об'единиться с буржуазией, напрячь силы, дать армии все необходимое, поколотить германцев и после этого повернуть штыки и потребовать от правительства хотя бы даже буржуазной республики (все же, говорят, лучше современного строя), называя большевиков утопистами, горячими головами по отношению к демократической республике.

А главным образом, пассивную рабочую массу увлекли приманкой контролирования и возможности войти в курс дела обороны страны, действий правительства, распределения заказов и всероссийским с'ездом рабочих демократов, — на этих последних лозунгах они и получили перевес.

Пассивные ушли. Осталось 560 чел. Прошла резолюция большевиков, но ликвидаторы не признали правомочным собрание и покинули его с гиком и свистом» [2]).

Гвоздевцы и в выступлениях на заводах и в печати скрывали свое отношение к войне. Они даже готовы были скрыть свое намерение работать в ЦВПК. Кондратьев, напр., пишет:

«Везде, по всем заводам, на собраниях происходит бой об отношении к войне и участию или неучастию в ЦВПК. Меньшевики и эсеры,

---

[1]) Между прочим, такое же явление было и на других заводах, см. «Социал-демократ», № 48.

[2]) Архив Истпарта, фонд ЦК, письмо рабочего «К—ча».

видя, с какой упорностью ведется борьба, переменили тактику и уже не заикались об участии в работе комитета, а настаивали на том, чтобы только довести выборы до общего городского совещания, на котором потребовать созыва всероссийского рабочего с'езда» [1]).

Это же подтверждает и Залежский, который подчеркивает, что бой был неравный, между прочим, и потому, что меньшевики старались затушевать свое отношение к войне.

«Они никогда не говорили, что идут в комитет для «защиты страны», они обычно развивали ту мысль, что надо использовать представившуюся легальную возможность: создать в лице рабочей группы военно-промышленного комитета открытый центр организации рабочего класса и, проникнув в тайны работы буржуазии, разоблачать их перед рабочим классом. Это прельщало многих рабочих, и «военно-промышленные социалисты» имели успех среди наиболее отсталых заводов» [2]).

Гвоздевцы прельщали рабочих возможностью организации и умело играли и на боевом настроении питерских рабочих, предлагая им, если их не пустит буржуазия в военно-промышленные комитеты, если она захлопнет перед ними двери, «мозолистыми руками самим отворить их затворы». Гвоздевцы были серьезными врагами, которых не так легко было «закидать шапками», как это кажется теперь некоторым «историкам».

В ходе предвыборной кампании гвоздевцам не удалось победить большевиков, перетянуть на свою сторону рабочих. Им удалось провести большее количество своих (вместе с эсерами) выборщиков, чем это удалось большевикам, но настроение рабочих, в том числе и выборщиков, было не в их пользу. К концу кампании 19 сентября петроградская охранка доносит, что «общий характер отношения будущих выборщиков к работе военно-промышленных комитетов, по данным агентурного совещания, носит скептически отрицательный характер».

В материалах департамента полиции [3]) имеется перечень заводов, где прошла резолюция ПК. Это большею частью крупнейшие предприятия Питера: Путиловский, Парвиайнен, «Новый Лесснер», Франко-русский, Эриксон, «Скороход», «Вулкан», «Феникс», Гейслер, Семенова.

Кроме того, на заводах: «Старый Лесснер», Петроградский металлический (Барановского), Айваз, Нобель, Дюфлон, «Треугольник» и др. прошла резолюция, близкая к резолюции ПК. «Мы за рабочее отечество против пушечного отечества фабрикантов, мы за отказ от выборов в ЦВПК, если не будут удовлетворены требования свободы слова, собраний и т. д. [4]).

Это подтверждает правильность слов тов. В. Залежского, что оборонцы имели успех среди более отсталых заводов.

---

[1]) «Красная летопись», № 7, за 1923 г., стр. 51.

[2]) Хрест. «Рев. и РКП», т. VII, стр. 198—199.

[3]) Дело деп. пол., № 347 за 1915 г.

[4]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 17, доклад начальника петроградского охранного отделения м-ру вн. дел от 25 сентября 1915 г.

Из 198 выборщиков большевиков было всего 60 чел., а у ликвидаторско-народнического блока был 81 чел. и довольно солидное «болото» — 57 чел., тяготевших к блоку.

Накануне собрания 27 сентября состоялись частные совещания у меньшевиков и народников, где обсуждалась общая декларация. По сообщению агентуры петроградского охранного отделения, «при обсуждении этой декларации, возникли разногласия, и «блюк» выступил на арену борьбы с трещинкой.

ПК также провел предварительные совещания с 60 выборщиками.

«На этих предварительных собраниях, — пишет Богдатьев, — была изложена предполагаемая схема поведения партии и ее сторонников на собрании уполномоченных; тут же было указано на необходимость с точки зрения ПК выставить на собрании таких ораторов, которые могли бы без лишних слов смело и отчетливо изложить точку зрения интернационалистов на происходящую войну, и как следствие отсюда — неучастие рабочих в военно-промышленных комитетах. Чтобы привести эти намерения в исполнение, удобнее всего было провести на собрании в качестве ораторов лиц, не избранных на заводах».

Двумя ораторами от ПК, прошедшими по мандатам рабочих Кудряшева и Дикова, были члены ПК тт. Богдатьев и «Владимир» (Залежский).

«Я, — пишет Залежский, — сошел за т. Дикова вполне благополучно, не возбудив никакого сомнения в своей «самоличности» со стороны стоявших на контроле у входа Гвоздева и К°. Тов. же Богдатьев всей своей наружностью типичного интеллигента определенно бросался в глаза. Однако... упоенные своим численным перевесом, социал-патриоты сознательно закрыли глаза на то, что Кудряшев не «самоличен». Я сам слышал, как среди демократов с любопытством посматривавших на фигуру т. Богдатьева, говорили: «Сам ПК большевиков» послал своего оратора. Уверенные в победе социал-шовинисты захотели сыграть в благородство» [1]).

Выборы президиума усилили уверенность ликвидаторов в своей победе. Они получили 128 голосов против 70 голосов за большевистских кандидатов. Тогда они решили сыграть в великодушие и уступили большевикам два места из пяти в президиуме. Место товарища председателя занял т. Богдатьев-Кудряшев умело «дирижировавший» большевистской фракцией из-за стола президиума.

Докладчиком выступил оборонец Абросимов [2]), сделавший доклад кое-как. После него содокладчиком выступил «Диков» — Залежский.

«После первых же вступительных фраз моей речи, — пишет т. Залежский, — зал насторожился, а в рядах меньшевиков изумление скоро перешло в полную растерянность.

Чувствуя, что я захватил зал, я развернул во-всю позицию Петербургского комитета, комментируя его наказ, который я параграф за параграфом оглашал. Чем дальше, тем все больше меньшевики начи-

[1]) Хрест. «Революция и РКП», кн. VII, стр. 198.

[2]) Активный член рабочей группы ЦВПК — провокатор.

нают нервничать, а зал слушает, затаив дыхание. Когда я, говоря о том, что в случае перехода войны в революцию Николай и Вильгельм бросятся друг другу в об'ятия, употребил выражение: «Николай первый бросится целовать сапог Вильгельма с просьбой о помощи», Гвоздев не выдержал, позвонил в свой председательский колокольчик и призвал меня к порядку. Этот момент был переломным в настроении беспартийной части собрания. Я протестовал против замечания председателя, защищавшего на рабочем собрании «честь царского имени», и рабочие поддержали меня аплодисментами.

После моей речи начали растерянно выскакивать на трибуну и меньшевики и эсеры, всего, кажется, не менее 10 человек. С нашей стороны говорил еще только Кудряшев» [1]).

В ходе дальнейшего собрания большевистская фракция выступает на редкость дисциплинированно и выдержанно. На попытку оборонцев сорвать собрание внесением на обсуждение (к концу собрания, около часа ночи) вопроса о некоторых арестованных рабочих, собрание отвечает дружным голосованием за предложение Богдатьева-Кудряшева. Ставятся на голосование платформы оборонцев и «пораженцев». Большевистская получает 95 голосов, а меньшевистская — 81 (вместо 128 голосов, которые были у них в начале собрания). Меньшевики поднимают «бузу». Часть делегатов в это время расходится. При повторном поименном голосовании большевики получают 90 голосов, а ликвидаторы 81 голос. Собрание приняло резолюцию, в которой говорится, что «на завоевание власти путем гражданской войны должны быть направлены все усилия пролетариата. Лозунг «долой войну!» пролетариат должен осмыслить и углубить кличем «да здравствует социальная революция».

Оборонцы, потерпев поражение, пытаются взять реванш при содействии охранки и Гучкова. Через несколько дней Гвоздев пишет в газету «Рабочее утро» открытое письмо-донос о том, что по мандату Кудряшева прошло «постороннее лицо». Богдатьева охранка арестовывает, но ПК использует этот донос для разоблачения ликвидаторов. Гвоздев начинает совместно с Гучковым подготовлять новые выборы.

Срок назначения новых выборов держится ими в тайне, чтобы застать врасплох ПК. Извещение о собрании выборщиков, назначенном на 22 ноября, появляется в газетах за несколько дней до назначенного срока. Однако из-за отсутствия помещения пришлось собрание отложить на 29-е, и большевики получили, таким образом, неделю для работы с выборщиками.

«Таким образом, помимо воли ликвидаторов перед рабочими была целая неделя. За эти дни выборщикам-интернационалистам собраться в большом количестве не удалось, за ними усиленно следили. Охранное отделение старалось обеспечить «свободу» гвоздевской кампании. У некоторых товарищей были произведены обыски. Из выборщиков было из'ято к этому времени не менее 5 человек. Оставшуюся неделю рабо-

---

[1]) «Революция и РКП», кн. VII, стр. 200.

чие некоторых заводов, где победил «ликвидаторско-народнический блок», как, напр., у Айваза, устраивали собрания и снимали с выборщиков полномочия участвовать во вторых выборах [1]).

Враждебное отношение рабочих к гвоздевцам перенесено было и на их союзников эсеров. Это заставило часть народников перейти на сторону большевиков. Об этом сообщает в своем донесении от 3 декабря 1915 г. петроградская охранка:

«Среди соц.-революционеров в отношении к военно-промышленным комитетам замечается раскол: часть народников стоит за участие и во время первых выборов даже заключила блок с социал-демократами меньшевиками и ликвидаторами, намереваясь вести с последними совместную работу. Перед вторыми выборами отношение соц.-рев. к комитету резко отклонилось в отрицательную сторону, и количество сторонников участия в комитете резко уменьшилось и почти свелось на-нет, ввиду лишения рабочими выборщиков социалистов-революционеров данных им полномочий» [2]).

Таким образом, пораженческое настроение рабочих и активная работа ПК помогли сорганизовать интернационалистические элементы партии эсеров. В борьбе с агентами империализма партия сплачивала все действительно революционные и интернационалистические элементы подполья.

ПК выработал для выборщиков-интернационалистов текст «заявления» об отказе участвовать во втором общегородском собрании. К нему, как видно из донесения охранки [3]), примкнули «почти все выборщики-народники и некоторая часть с.-д. меньшевиков», — очевидно, «межрайонцев».

На собрание 29 ноября явилось всего 153 выборщика вместо 213, в то время как на первое собрание явилось 198 из 220 чел. Причиной повысившегося абсентеизма надо считать террор охранки, «из'явшей» одних и запугавшей других.

До открытия собрания большевики потребовали слова для внеочередного заявления. В этом заявлении группа выборщиков подчеркивала отрицательное отношение петроградского пролетариата к работе в военно-промышленных комитетах, клеймила «изменниками всех способствовавших этой закулисной сделке». «Мы поведем с ними, — гласило заявление, — упорную борьбу во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места».

После представителя большевиков выступает рабочий Корякин от народников с заявлением в том же духе, но с добавлением требования созыва рабочего с'езда.

После этого заявления большевики и часть народников ушли. Часть левых народников осталась было с информационной целью, но после

[1]) Шляпников, Канун 1917 г., ч. 1, стр. 98.
[2]) Дело деп. пол., № 347, за 1916 г., л. 144, докл. петроградского охранного отделения 3 декабря.
[3]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 123, донесение начальника петроградского охранного отделения 25 ноября 1915 г.

*26

выкрика Бройдо о хулиганстве и «нахальном поведении» ушедших и они уходят. Ушло сначала 79 человек [1]), а затем — 89 [2]).

По данным охранки, ушло сначала 79 человек из 153 делегатов, т. е. больше половины собрания. По подсчету Гучкова, произведенному после возвращения части ушедших делегатов (для присутствия с информационной целью), ушло 67 человек, а осталось 109. Ушедшие с собрания были почти все партийные, а на собрании 27 сентября партийное ядро у большевиков было 70 человек (при голосовании президиума у большевиков было 70, а у ликвидаторов — 128 голосов). Надо считать несомненно увеличение пораженческого крыла собрания за счет оборонческой части. Силы большевиков пополнились делегатами-народниками и меньшевиками, которые под давлением рабочих-избирателей откололись от гвоздевского блока.

В результате «пересмотра» состава выборщиков рабочими, с одной стороны, и охранкой — с другой, перевес оказался все же на стороне большевиков.

Ликвидаторы после ухода всех выборщиков-интернационалистов сами себя выбрали в центральный и областной военно-промышленные комитеты. Цель их была достигнута: Гучков получил 10 «представителей» рабочих, во главе с К. Гвоздевым.

ПК выпустил прокламацию от имени 84 выборщиков, разоблачившую эту комедию «выборов». На ряде заводов рабочие выносили протесты и требовали отозвания самозванных представителей питерского пролетариата.

Резкий характер принимает протест рабочих на заводе «Промет» и Барановского, где рабочие высказываются за подготовку активных выступлений (по данным охранки). На заводе «Новый Лесснер» рабочие требуют от Бройдо, выбранного в ЦВПК, отказаться от избрания, на что он заявил, что не сложит полномочий, так как выбирали его в ВПК не лесснеровцы, а общегородское собрание. Принимается постановление, что меньшевики не выполнили наказа, а Бройдо исключается из рабочей среды, т. е. лишается права участвовать на общих собраниях завода» [3]).

После этого Бройдо, которого постоянно встречали свистом и гиканьем, «увял» и не появлялся больше на заводских собраниях. А по данным охранки, «Бройдо, Божевальникову и Гвоздеву на заводах «Новый Лесснер», Нобель и Эриксона было пред'явлено требование отказаться от избрания или их вывезут с завода на тачке». Так чествовал петроградский пролетариат «своих» избранников. В Питере гвоздевцы одержали «победу» в результате большой раскачки масс, перед которыми был поставлен вопрос об отношении пролетариата к войне. В победе, к которой гвоздевцы пришли *таким путем*, были заложены элементы окончательного поражения гвоздевщины.

---

[1]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 134, донесение петроградского охранного отделения 30 ноября.

[2]) *Шляпников*, Канун 1917 г., ч. 1, стр. 98 (1 издание).

[3]) «Красная летопись», № 7, стр. 54.

В провинции буржуазия и гвоздевцы не пошли по этому пути, они проводили выборы «втемную», но и здесь были исключения. Таким исключением являются те города, где выборная кампания встряхнула массу и дала возможность и оборонцам и пораженцам выступить перед рабочими с изложением своих взглядов. Обычно же выборы проходили без всяких «инцидентов», т. е. при полной пассивности рабочих масс. Типична в этом отношении Казань. Здесь на некоторых заводах выборов не было вовсе (на Пороховом), а на других (Крестовникова, Алафузовский) рабочие отнеслись к выборам без всякого интереса. Избранным от завода Крестовникова оказался беспартийный рабочий, «сильно пьющий». В общем «выборы» обычно превращались в подбор военно-промышленными комитетами «благонадежных» рабочих. «Втемную» прошли выборы в таком крупном центре, как Москва (там «инциденты» начались после выборов). В Москве среди выборщиков (особенно металлистов) настроение было «бойкотистское», как сообщает об этом охранка. Поэтому «выбранные» в Московский областной военно-промышленный комитет встретили враждебное отношение со стороны московских рабочих. В Баку рабочие согласились на выборы в обстановке разгрома «втемную», так как «изголодались по организации». Однако выборщики не признали себя полномочными и разошлись с требованием новых выборов.

«Инциденты» имели место обычно там, где большевистская организация проявила способность участвовать в кампании. Напр., в Ростове-на-Дону на выборах боролись большевики и меньшевики. От рабочих были выбраны представители в военно-промышленный комитет, но они «под влиянием большевика, прис. повер. М. В. Смирнова, решили пред'явить военно-промышленному комитету такие требования, которые должны были повести к разрыву рабочей группы с местным военно-промышленным комитетом». Впрочем, рабочая группа была почти целиком арестована и «... вопрос оказался исчерпанным». В Николаеве выбранные в военно-промышленный комитет рабочие от завода «Наваль» вынесли декларацию с требованием созыва рабочего с'езда. После этого выступления 7 человек из 10 ушли, и рабочая группа перестала функционировать. В Ревеле выборов не было, а было назначение 3 рабочих Балтийского завода. Из них один отказался, а двум был об'явлен бойкот.

Из провинциальных городов активную работу в период выборов большевики развили в Харькове, Самаре, Нижнем-Новгороде, Саратове, Тифлисе, Ростове-на-Дону и др. городах. В Харькове, Саратове, Нижнем-Новгороде и Баку большевики добились отказа рабочих от участия в военно-промышленном комитете.

Для выяснения соотношения сил большевиков и меньшевиков важен не только исход, но и ход выборов. Там, где выборы проходили в более или менее «свободных» условиях, где кампанию удалось растянуть, и местная партийная организация смогла ее использовать в своих целях, результаты кампании для укрепления организации и усиления ее влияния на массу были значительны, несмотря на то, что конечная победа осталась за оборонцами. Бывало и наоборот: конечная победа

оставалась за большевиками, но использовать кампанию в интересах партии удавалось мало благодаря «зажиму» местных властей. Показательны для обоих случаев выборы в Самаре и Харькове.

В Самаре выборы растянулись на пять месяцев, в течение этого времени было проведено больше 20 собраний рабочих и служащих, на которых выступали и большевики и меньшевики. Оживлению партийной борьбы способствовало наличие в Самаре поднадзорных меньшевиков, во главе с известным ликвидатором-рабочим Кабцаном. Военно-промышленный комитет в Самаре обратился за «содействием» в деле создания рабочей группы к деятелям больничных касс. 13 сентября 1915 г. было созвано собрание членов больничных касс, на котором было решено созвать «общее собрание» рабочих г. Самары [1]). Была выбрана комиссия для «организации рабочих масс, в особенности заводских рабочих, для предстоящего общего собрания». Вскоре от общего собрания пришлось отказаться, и комиссией был организован ряд групповых собраний и собраний по предприятиям.

На этих собраниях рабочие имели возможность высказать свое отношение к войне и к вопросу об участии в военно-промышленных комитетах. Интересны в передаче охранки выступления рабочих за и против участия в военно-промышленных комитетах.

Приводим некоторые из этих выступлений за участие в военно-промышленных комитетах.

За участие:

Булочник Горбунов. — Мы, господа, как злые собаки, должны первоначально наброситься на германца и загрызть его, а потом теми же острыми зубами загрызть и тех, кто нам внутри страны мешает организоваться.

Рабочий Трубочного завода Кузьмин. — Нам говорят, что мы идем в комитет, — да пошлите к чорту этот комитет вместе с Гучковым, нам нужны возможности, которые дает нам комитет. Не добьемся этих возможностей (организации), тогда и обвиняйте, но только тогда.

Против участия:

Рабочий-булочник Минеев. Нам в военно-промышленном ный комитет в данное время итти не следует, так равно не следует и просить что-либо у правительства, так как, когда германец придет в Минск и Москву, то правительство само даст все то, что нам нужно.

Рабочий булочник Минеев. Нам в военно-промышленном комитете делать нечего, так как там сидят одни только мерзавцы да мошенники, и мы пойдем только тогда, когда военное вооружение будет передано в руки рабочих.

Несмотря на то, что организация большевиков в июне 1915 г. была основательно разгромлена и ее руководители были освобождены лишь в сентябре, когда началась уже кампания, им удалось провести свои резолюции на крупных фабрично-заводских предприятиях. Так,

[1]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., лл. 14—16.

на фабрике Зимина, где на собрании присутствовало 600 рабочих, прошла резолюция большевиков: «Считаем неуместной работу с буржуазией в военно-промышленных комитетах». Кабцан был возмущен, пытался выступить против решения, но это ему не удалось.

«Собрание 18 января рабочих гранатной фабрики прошло бурно. Рабочие настроены против войны и выборов в ВПК, что видно из наказа и соответствующих выступлений. Кабцан едва уговорил не отказываться от выборов, а добиться разрешения собрания, на котором была бы допущена свобода слова».

Трубочный завод долго оставался в стороне от кампании, так как не разрешены были собрания на заводе с присутствием посторонних лиц.

24 февраля на Трубочном заводе состоялось собрание рабочих по выборам в ВПК, присутствовало около 4 000 чел., причем преобладали бойкотисты. Из 12 выступавших ораторов были 7 бойкотистов с.-д. и 2 бойкотиста эсера и 3 сторонника участия (меньшевики). Выборщики были избраны для того, чтобы заявить протест и уйти.

На собрании рабочих мелких предприятий победили меньшевики. 28 февраля 1916 г. состоялось общее собрание выборщиков, на котором из 65—70 человек делегатов — булочников было 22—25 человек. Меньшевики прошли главным образом от типографий, мелких предприятий и торгово-промышленных служащих. Перевес на их стороне получился благодаря тому, что норма представительства была для крупных предприятий один от тысячи, а от мелких тоже по одному человеку от каждого предприятия. На этом собрании была вынесена резолюция: «Мы идем в ВПК не для того, чтобы ковать пушки, а для того, чтобы организоваться» и т. д. в меньшевистском духе [1]).

Избрано было 12 представителей, из них 10 меньшевиков. Рабочая группа просуществовала недолго, так как была 26 апреля 1916 г. арестована [2]).

Иная картина выборов и их результатов получилась в Харькове. Здесь царил жестокий административный зажим, проводимый знаменитым в свое время Кошура-Мосальским. В Харькове была сильная большевистская организация, пополнявшаяся большевиками поднадзорными и рабочими из Прибалтийского края. Она имела прочную базу на некоторых заводах, в том числе на большом заводе ВЭК. Никаких собраний в связи с предстоящими выборами на заводах разрешено не было. 29 августа 1915 г. неожиданно для организации в клубе «Рабочий дворец» правлением клуба и желтым союзом торговых служащих устраивается общее собрание рабочих г. Харькова. Организация считала это собрание провокационным. Большевики не могли выставить ораторов в силу полицейских условий, но была проведена некоторая предварительная работа: выработана и отпечатана на машинке резолюция и проделана подготовительная работа среди рабочих, через заводские

---

[1]) Все данные о кампании выборов Самарской рабочей группы взяты из донесений начальника самарского жандармского управления в деп. пол., имеющихся в деле деп. пол. за № 347, за 1915 и 1916 гг., и из воспоминаний.

[2]) «Красная быль», № 1, стр. 7.

ячейки. И все же организация не могла ожидать успеха, так как ни о какой открытой борьбе с оборонцами и черносотенцами не приходилось и думать.

На собрание пришло много рабочих, и даже часть осталась за бортом. Выступил ряд ораторов-оборонцев и черносотенцев, соревновавшихся в патриотизме и способности сочинять зловонную клевету на «пораженцев». Неожиданно выступил большевик — пролетарский поэт Поморский, разоблачающий истинный характер войны и т. п.

«После выступления т. Поморского выступали еще два или три оратора, трактовавших о безответственности и демагогичности большевиков, но их уже никто не слушал. С мест то-и-дело раздавались возгласы: «врете!», «довольно!» и т. п. Со всех сторон посыпались записки о прекращении прений».

Председатель собрания, меньшевик, заявил сначала, что потерял, а потом, что не может прочесть (напечатанную на машинке) резолюцию большевиков и предложил тому, кто ее подал, выйти и прочесть ее. Собрание на эту провокационную выходку ответило невообразимым шумом. Чтобы не дать возможности сорвать собрание, т. Базанов, накинув на себя студенческую тужурку и шапку, вскочил на трибуну и прочел большевистскую резолюцию. Последние слова резолюции были встречены рабочими громом аплодисментов, но полицеймейстер прихлопнул собрание. С пением «марсельезы» стали выходить на улицу, где рабочих встретила полиция и конная жандармерия.

Выборы были сорваны. На дальнейшие попытки промышленников провести выборы и уговоры члена рабочей группы ЦВПК Абросимова рабочие Харьковского паровозостроительного и др. заводов ответили отказом. Из 26 выборщиков от этого завода 15 человек, т. е. абсолютное большинство, были, по сведениям охранки, определенные «ленинцы-пораженцы». Это было большой победой партии, так как в начале войны, по свидетельству т. Блума [1]), рабочие были настроены патриотически, и никаких признаков политической жизни на заводе не было.

Хотя Харьковская организация и одержала победу, добившись отказа от выборов, но все же кампания выборов не дала организации такой возможности связаться с рабочей массой, развить перед ней свои взгляды, как в Петербурге и Самаре. А самое основное для большевиков было как можно шире развить пропаганду пораженчества и установить связь с массами. Под этим углом зрения надо судить о результатах этой кампании.

Кампания выборов в рабочие группы военно-промышленных комитетов, задуманная буржуазией в целях дезорганизации рабочего движения, отклонения его от классового и революционного пути на путь либеральной рабочей политики дала обратные результаты, так как помогла революционной пролетарской партии большевиков укрепиться и связаться с массами. Борьба с империалистической буржуазией и ее агентами в рабочем движении была авангардной смычкой решительных

[1]) «Летопись революции», № 5, за 1923 г., стр. 5.

боев периода февраля — октября 1917 г. До решительной победы «пораженчества» было еще очень далеко. Осень 1915 г. — это только начало революционной раскачки рабочих. Настроение рабочих даже в Питере было недостаточно определившееся. Это видно из следующего замечания т. А. Шляпникова в его письме в ЦК 30 ноября 1915 г.:

«На некоторых заводах выбирают меньшевика, а наказ ему дают большевистский. Так было на трех заводах. Бывали, положим, случаи, что и большевику давали меньшевистский наказ. Настроение рабочих хорошо не разберешь» [1]).

Да и по ходу выборов было видно, что решительного перевеса у большевиков еще не было [2]).

В некоторых центрах, несмотря на «инциденты», т. е. политическую борьбу вокруг выборов, рабочие группы все же были созданы. Каковы же результаты всей кампании? Что получили социал-шовинисты и их патрон Гучков в результате усилий по созданию рабочих групп? То, что через год после начала выборов, к августу 1916 г., по сведениям секретариата рабочей группы ЦВПК, существовали 52 рабочих группы [3]).

Много это или мало?

Об этом можно судить по справке, составленной для ЦВПК несколько раньше — 25 апреля 1916 г. По этой справке [4]) рабочих групп оказалось всего 36. На какое количество военно-промышленных комитетов приходятся эти 36 групп?

Оказывается, что «из общего числа в 239 областных и местных комитетов выборы производились в 70 комитетах, причем рабочие представители выбраны только в 36 комитетах: центральном, 8 областных и 26 местных.

Причиной того, что всего лишь при 15% всех комитетов были созданы рабочие группы, является противодействие этой гучковско-петресовской затее со стороны и промышленников, и рабочих, и правительства. Об отношении рабочих мы уже говорили. Отношение правительства, разумеется, было тоже неблагосклонное. Даже в среде самой буржуазии эта затея показалась слишком «передовой». Одни комитеты отказались от производства выборов «по местным условиям», другие —

---

[1]) Архив Истпарта ЦК, письмо Шляпникова 30 ноября 1915 г., частью перепечатанное в «Социал-демократе».

[2]) Убеждение т. Граве в том, что «рабочие в подавляющей массе категорически отказывались от выборов представителей» и что во «всех промышленных центрах» «выборщики вместо назначения кандидатов оглашали революционные декларации, в которых клеймили предательскую политику соглашателей», — это убеждение, к сожалению, ни на чем не основано. Факт существования 52 зарегистрированных рабочих групп к августу 1916 г. говорит против такого утверждения. Беглый просмотр хода выборов, который мы сделали выше, тоже не говорит в пользу этого утверждения т. Граве. В большинстве случаев рабочие отнеслись к выборам пассивно, а о «революционных декларациях, клеймящих и т. д.», не было и речи. (См. Б. Граве, Из истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны, Гиз, 1926 г., стр. 116.)

[3]) Дело деп. пол., № 347, за 1916 г., л. 61.

[4]) «Дело», № 1, за 1916 г., стр. 67.

более решительно выступили против самого начинания Гучкова. Напр., Поплавский, представитель о-ва заводчиков и фабрикантов в Москве, говорил: «Не выйдет толку из этой свадьбы рабочих и промышленников, которая совершена в Петрограде»... Были и такие случаи, что промышленники не отказывались от выборов, но и «представители» рабочих к участию в работе комитета не привлекались. В Казани, где рабочие массы проявили мало интереса к выборам, заправилы местного комитета не стали торопиться с приглашением «избранников». Последним пришлось в местной газете поместить письмо, в котором они жаловались: «Вот уже около двух месяцев, как мы избраны представителями от рабочих в Казанский военно-промышленный комитет... Но за эти два месяца мы ни разу не были приглашены на заседания комитета»...

На совещании рабочих групп областных военно-промышленных комитетов при рабочей группе ЦВПК оказалось, что в большинстве рабочих групп «положение дел мертвое» [1]).

«Наше дело» пыталось доказать обратное: «работа кипит», «связи с массой растут и ширятся», но из конкретных примеров «деятельности» видно, что она сводилась к крохоборческим попыткам помочь рабочим. Эта помощь заключалась в разборе всяких недоразумений с паспортами, с вербовкой рабочих, в советах отдельным рабочим по вопросу расторжения «договора о найме», справках и советах рабочим военнообязанным и т. п. Из крупных начинаний рабочих групп надо отметить попытку восстановить институт фабрично-заводских старост, создать примирительные камеры, организовать биржи труда.

Занятые делами государственной важности, гвоздевцы не уделили достаточного внимания лишь стачечной борьбе рабочих. Здесь они были или позади всех или в рядах штрейкбрехеров.

На деле рабочие группы имели значение главным образом как легальные опорные пункты нелегальных меньшевиков-оборонцев. Недаром «Социал-демократ» поздравил меньшевиков после выборов рабочих групп в ЦВПК с тем, что они «вползли в легальность». Для ликвидаторов рабочие группы были ячейками либеральной рабочей партии, через которые можно было связаться с рабочими. Благодаря им меньшевики могли не только быть в курсе политических начинаний буржуазии в целях координации действий, но и получать денежную поддержку от буржуазии. Ряд крупных меньшевистских деятелей поступил на содержание военно-промышленных комитетов в виде секретарей рабочих групп (Б. О. Богданов, Евг. Маевский, Ф. Булкин и др.). За счет военно-промышленных комитетов совершался об'езд местных организаций. Наконец, через рабочие группы меньшевики получали суммы от промышленников для поддержки членов своей организации. Вот что рассказывает, напр., т. Бешенковская в своих воспоминаниях о самарских меньшевиках.

«Поведение меньшевиков в тюрьме было крайне нетоварищеское: получая громадные передачи из кассы военно-промы-

[1]) Дело деп. пол., № 347, за 1916 г., стр. 95.

шленного комитета, они не делились с другими. Деньги, присылавшиеся на имя газеты, распределялись только меньшевикам, и если их не было в тюрьме посылали в ссылку»[1]).

Т. е. меньшевики распоряжались полученными от военно-промышленного комитета средствами, как средствами своей партии.

Под видом комиссий при рабочей группе ЦВПК созывались легальные совещания членов группы с рабочими. Из руководящих партийных работников и членов группы был создан рабочий центр.

Созданием рабочих групп меньшевикам удалось наполовину легализовать либеральную рабочую партию. Увенчать это дело должен был рабочий с'езд, созыв которого они надеялись осуществить при поддержке некоторых представителей крупной буржуазии. «Счастливая мысль П. Аксельрода» могла быть претворена в жизнь... если бы во главе правительства стал Гучков. Гвоздевцы содействовали этому, как могли.

Как истинные буржуазные парламентарии, они по окончании избирательной кампании сменили многообещающую программу «для народа» деловой программой сотрудничества с буржуазией, — сотрудничества прежде всего в деле «защиты отечества». Как образец перемены позиций гвоздевцев до и после выборов можно привести следующие две выдержки из речей ближайших сотоварищей Гвоздева, Васильева и Бройдо, накануне выборов в ЦВПК на собрании 29 ноября:

«Вопрос о войне — праздный, — говорил Васильев, — и все мы относимся отрицательно, никто не стоит на точке зрения национальной обороны — это ложь. Военно-промышленные комитеты помогут делу революции».

«Война — одно, — заявлял Бройдо, — мы к ней относимся отрицательно, но нам надо бороться за вопросы внутренней жизни»[2]).

А председатель московской рабочей группы Черегородцев, игравший роль московского Гвоздева по сообщению агентуры московского охранного отделения, заявил на пленарном заседании Московского военно-промышленного комитета, «что его товарищи и их выборщики, несмотря на все те утеснения, которые испытывал рабочий класс в деле свободного устройства своей участи и своих взаимоотношений с работодателями, тем не менее жаждут довести войну до победоносного конца, чем и об'ясняется их участие в деятельности комитета»[3]).

И буржуазия, и охранка, и рабочие организации выдали рабочей группе аттестат на звание тушителя стачечного пожара. И в выступлениях Коновалова в Гос. думе в 20-х числах февраля и в «некрологе», выпущенном ЦВПК после ареста рабочей группы, буржуазия воздает должное своим верным слугам: «Группа и отдельные члены ее оказывали комитету самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, занятых в предприятиях, работаю-

---

[1]) «Красная быль», № 1, стр. 49.

[2]) А. Шляпников, Канун 1917 г.

[3]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 156, донесение московского градоначальника 7 декабря.

щих на оборону. Приэтом группа решительно высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы. Группа обсуждала и далее ряд мер по улучшению положения рабочего класса и по предотвращению конфликтов рабочих с предпринимателями и вносила свои предложения в комитет. Так, при действительном участии рабочей группы были выдвинуты и разработаны вопросы о рабочих старостах, примирительных камерах и о биржах труда» [1]).

На примере конфликта на заводе «Наваль» и ряде других видно, что «примирительная суета» гвоздевцев часто никаких реальных результатов не давала. Буржуазия не считала нужным итти на уступки, а рабочие постепенно убеждались, что имеют дело с хозяйскими агентами. Рабочее движение шло мимо миротворческих гвоздевцев.

Вся эта деятельность гвоздевцев была не более как попыткой ложкой масла успокоить разбушевавшееся море. В обстановке нарастания движения, в обстановке перекатывающихся из конца в конец страны огромных стачечных волн им приходилось выступать против стихии со слабо замаскированным штрейкбрехерством. Выступая против стачки, гвоздевцы заявляли, что они являются противниками не стачек, а «стачкизма», как никуда негодный формы рабочего движения.

«Единственная форма движения, которую с помощью большевиков и тянувшихся за ними полубольшевиков издавна усвоили некоторые круги (?) петроградских рабочих — стачкизм, по мнению группы и ее сторонников, для данного времени в условиях войны, остро поставившей перед страной задачу самозащиты, представлял собой форму движения наименее активную (?!) и наименее действительную (?!)» [2]).

Такова теория гвоздевщины. На практике в разгар забастовки Гвоздев выступил с осуждением стачечной стихии, — выступление, которое было подхвачено всей буржуазной прессой. На совещании областных военно-промышленных комитетов в Петрограде 24 мая 1916 г. Гвоздев, по сообщению агентуры «Промышленник», заявил, что «рабочие группы осуждают происходящие ныне повсеместные забастовки» [3]).

Неверно сообщение «агентуры», что это выступление было самовольным, так как, по сведениям петроградского осведомителя охранки (Абросимова), «24 мая было второе совещание по вопросу о выступлениях в областных комитетах и о самостоятельности в деятельности рабочих групп. Как итог этого дня: 1) твердо решено стать на позицию обороны (на собрании представителей ОК не было); 2) по вопросу о забастовках решено таковые осудить и потребовать введения примирительных

[1]) Шляпников, 1917 г., ч. 1, стр. 281—282.

[2]) «Канун революции», стр. 8, предисл. Е. Маевского.

[3]) Дело деп. пол., № 347, за 1916 г., 1 мая, л. 42, агентурные сведения «Промышленника», московское охранное отделение. О более крупном штрейкбрехерском выступлении гвоздевцев в конце 1916 г. мы будет говорить дальше.

камер и института старост; 3) по вопросу о самостоятельности групп было признано желательным, чтобы совещание областных комитетов высказалось за самостоятельность групп» [1]).

Таким образом выступление Гвоздева совпало с решением рабочей группы ЦВПК 8 июня.

Это выступление Гвоздева обсуждалось в рабочей группе Московского областного военно-промышленного комитета. По этому вопросу председатель группы заявил, что «хотя он лично и против происходящего ныне стихийного забастовочного движения, как недостигающего цели», но все же неудобно «представителю рабочих» К. Гвоздеву выступать против стачек, а потому он предлагает осудить поведение Гвоздева. В ответ на это секретарь группы, кандидат прав Моносзон, заявил, что «история с выступлением Гвоздева является просто печальным недоразумением, ибо Гвоздев в своей речи осуждал не забастовки, а лишь стихийность их»... Когда вопрос был поставлен на голосование, за порицание поведения Гвоздева голосовал один лишь Черегородцев.

Рабочие массы на выступление Гвоздева никак не могли смотреть глазами Моносзонов. Меньшевизм, дошедший до «гвоздевщины», все более разоблачал свою социал-предательскую сущность.

Имеется ряд указаний на прямое штрейкбрехерство меньшевиков-оборонцев. Вот пример штрейкбрехерства в Сормове.

«...Особенно среди меньшевиков штрейкбрехерство было заметно во время войны, когда они с пеной у рта предательски сеяли среди незначительной части рабочих лозунги буржуазии. В таких случаях борьба с меньшевиками мало чем отличалась от борьбы с полицейскими властями» [2]).

Рабочие не особенно церемонились с идейными штрейкбрехерами. Они их иногда избивали так же, как и простых штрейкбрехеров, шпиков и полицейских. Вот описание «сражения» с гвоздевцами на заводе Эриксон, где работал «сам» К. Гвоздев.

«9 января 1916 г. у Эриксона произошло прямое столкновение наших с гвоздевцами. Собравшись утром, наши решили снять гвоздевцев с работы. На требование рабочих прекратить работу гвоздевцы отвечали бранью и пустили в ход табуретки и гайки... Много раненых и сильно избитых с той и с другой стороны» [3]). Поскольку результаты усилий гвоздевцев потушить забастовочное движение были ничтожны, им приходилось «ломать» его, т. е. штрейкбрехерствовать. Так война разоблачала оппортунистов, делая их союз с буржуазией «открытым и принудительным» (Ленин).

Победа гвоздевцев, осуществление ими «смычки» с буржуазией путем участия в военно-промышленных комитетах, временно усиливая социал-шовинистов, помогали их окончательному разоблачению и потере влияния на рабочий класс. Вспышка демократических иллюзий

[1]) Дело деп. пол., № 347, за 1916 г., л. 93.
[2]) «Материалы по истории революционного движения» Нижегородского Истпарта, т. I, стр. 139.
[3]) «Социал-демократ», № 53, за 1916 г., стр. 2.

после победы революции в феврале 1917 г. лишь отсрочила их политическую смерть [1]) на несколько месяцев.

Штрейкбрехерская деятельность гвоздевцев облегчала борьбу партии за вытеснение их из рабочего движения, за изоляцию их в рабочем классе. Легче всего было изолировать московскую группу. Этому способствовало то, что выборы в Москве проходили «втемную», связи рабочей группы с массой были незначительны, и рабочие организации были настроены «антигвоздевски».

По донесениям начальника московского охранного отделения можно проследить, как одна за другой разбивались попытки московских гвоздевцев установить связь с какой-либо рабочей организацией.

О целом ряде профессиональных организаций сообщается, что они «отказались от совместной работы» или «отказались признать рабочую группу представительницей рабочих Москвы» по этому же пути пошли и культурные (клуб и просвещение) и всякие иные рабочие организации.

Сведения из партийных источников вполне подтверждают освещение охранки. Вот что пишет, напр., в письме о положении дел в Москве Н. И. Бухарин:

«Имеются союзы: металлистов, печатников, портных, поваров, ткачей и другие. Некоторые довольно многолюдны. Открытые выступления (напр. общие собрания) минимальны. *Верхи союзов настроены в большинстве своем антиликвидаторски.* Некоторые из союзов заняли самую *непримиримую позицию по отношению к рабочей группе военно-промышленного комитета, вынося резолюцию, что эта группа не может ни в коем случае считаться выразительницей мнения московских рабочих.*

...Из числа вопросов, волновавших профсоюзы в последнее время, следует упомянуть: о восстановлении института старост, об обществе «Кооперация» и о «санитарных попечительствах» и т. д.

К восстановлению института *старост*, что предлагал рабочей группе военно-промышленный комитет, *профсоюзы отнеслись резко отрицательно*, как к фальсификации рабочего представительства, тогда как «рабочая группа» хотела *таким путем установить связь с заводами*» [2]).

Отчаявшись в возможности связаться с рабочими, председатель группы Черегородцев даже поднял вопрос о выборах.

Неудачными для рабочей группы оказались и выборы в страховое присутствие. Начальник московского охранного отделения в донесении от 24 августа 1916 г. сообщает в департамент полиции:

«Относительно указания на то, что за последнее время популярность рабочей группы московского областного военно-промышленного

[1]) Как представителей пролетариата.

[2]) Архив Истпарта, письмо Н. И. Бухарина Г. Зиновьеву, частью перепечатанное в «Социал-демократе». Фонд ЦК, № 729.

комитета возросла до внушительных размеров, на что, между прочим, будто бы, указывают и результаты выборов представителей от рабочих в московское столичное страховое присутствие, считаю необходимым доложить, что рабочая группа вышеназванного комитета попрежнему не пользуется никаким авторитетом и совершенно игнорируется рабочими организациями.

Доказательством этому может служить то обстоятельство, что решительно все обращения рабочей группы военно-промышленного комитета к профессиональным обществам или отклоняются последними, или даже просто не рассматриваются» [1]).

Вся эта цепь неудач заставила даже Черегородцева поставить вопрос о необходимости перевыборов [2]). Устройство перевыборов зависело не от воли рабочей группы, а от разрешения хозяев и правительства. Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета считала, со своей стороны, что не следует считаться с «отзовистскими» настроениями в рабочем классе.

Изоляция «самого» Гвоздева и его группы началась на другой день после их избрания. Даже заводы, где были выбраны гвоздевцы, быстро отходят от них. Вот что пишет, напр., рабочий К—ч о положении дел на заводе Эриксон: «Прошло около месяца, а от восседавших на мягких креслах военно-промышленного комитета гвоздевцев ни слуху, ни духу, кроме разве известия о телеграмме сочувствия Англии и Франции «от имени пролетариата».

«Такая деятельность скоро сказалась, рабочие протрезвели, и ситуация налицо: гвоздевцы задумали создать организацию помощи женам запасных и беженцев. Градоначальник разрешил собрание, на него пришли все рабочие зав. Эриксон, и президиум был демонстративно избран негвоздевским» [3]).

На многих заводах и фабриках рабочие выносили постановление об отзыве представителей из военно-промышленных комитетов. Выборы в страховой совет прошли под знаком изоляции гвоздевцев.

Они приняли характер «антигвоздевщины». На платформе борьбы с гвоздевщиной об'единилось большинство представителей больничных касс и провели в качестве «заместителей» 8 человек своих, и, вместо одного об'единенца, не пришедшего на собрание, прошел один ликвидатор» [4]).

Против гвоздевцев выступили даже меньшевики из инициативной группы. Они выпустили специальную прокламацию, в которой сообщалось, что «организованные меньшевики, стоящие на точке зрения Интернационала (т. е. циммервальдисты. *Д. Б.*), постановили подавляющим большинством голосов рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете отозвать», а так как рабочая группа «отказывается внять голосу организованных рабочих», то заявляем,

[1]) Дело деп. пол., № 347, за 1916 г., л. 125.
[2]) Шляпников, Канун 1917 г., 2 издание, ч. 2, стр. 18.
[3]) Архив Истпарта ЦК, письмо рабочего К—ча в ЦК.
[4]) «Социал-демократ», № 53, стр. 2.

что... «ни в какие соглашения по вопросам рабочего движения с ними не входить».

Гвоздевцы, несмотря на все попытки «уйти» их, твердо решили остаться на своем посту. Чем же они мотивировали свое решение?

«Рабочая группа должна подчеркнуть, что требования об уходе группы из Центрального военно-промышленного комитета раздаются исключительно со стороны товарищей, не признающих точки зрения обороны. Таким образом требование ухода надо рассматривать как один из фактов непрекращающейся борьбы двух идейных течений в рабочем классе России. Рабочая группа имеет серьезные основания отказаться от ухода по чисто принципиальным соображениям. Во всяком случае правильный исход столкновения двух точек зрения не может быть получен путем организационного удаления одной из сторон от той базы, на которой она практически воплощает свои взгляды. Уйдет ли группа из Центрального военно-промышленного комитета или останется в нем, — этим все равно та или иная точка зрения не добьется торжества. Разница будет заключаться лишь в том, что из-под определенной части рабочего класса исчезнет та организационная почва, которая дается пребыванием в военно-промышленном комитете»[1]).

Итак, гвоздевцы признали, что рабочие группы являются лишь «организационной почвой» для меньшевиков оборонческого толка. Хотя большинство рабочих стоит за отозвание «военно-промышленных социалистов», но это большинство выражает лишь точку зрения одного из борющихся идейных течений. Гвоздевцы отказываются от роли «представителей пролетариата» с тем, чтобы сохранить за собой те «легальные возможности» (и доходные притом «возможности»), ту базу, на которой легализованная гвоздевская партия сможет разворачивать свою деятельность.

Задача рабочих групп «организовать» рабочее движение, т. е. подчинить его планам Гучковых и Коноваловых, установить «смычку» пролетариата с буржуазией, таким образом, сорвалась. Рабочее движение пошло мимо рабочих групп, рабочий класс в целом не пошел за гвоздевцами. Буржуазии удалось установить смычку лишь с небольшой прослойкой оборончески настроенных рабочих и с группой крупных меньшевистских литераторов-легалистов. И те и другие были полезны буржуазии для «гальванизации трупа войны», они были очень ценным придатком к аппарату буржуазной печати, Государственной думе и прочим средствам воздействия буржуазии на массы. При отсутствии легальной печати у рабочей партии, при непрекращающихся разгромах ее рядов эти опорные пункты социал-шовинизма имели немалое значение. В революционные массы шовинизм легче всего было накачивать по каналам гвоздевщины, так как гвоздевцы соединяли идею защиты отечества с наиболее решительной (из всех видов буржуазной оппозиции) критикой правительства (внешней революционностью).

[1]) А. Шляпников, Канун 1917 г., ч. 2, стр. 19—20.

Гвоздевцы были проводниками идей революционного оборончества, идеи «революции ради спасения страны от гибели», т. е. от поражения. Революционное оборончество не было результатом Февральской революции, оно появилось раньше свержения царизма. В революционом под'еме 1915/16 г. имеются уже элементы революционного шовинизма. Рабочие группы, где они имели какое-нибудь значение, стали опорными пунктами революционного оборончества. Они были теми организационными центрами социал-шовинизма, которые помогли оборонцам овладеть руководством Советами и сделать их рассадниками революционного оборончества.

Гвоздевцы показали себя серьезными врагами большевиков и хорошими агентами буржуазии, именно потому, что они были революционными шовинистами. Для влияния на рабочий класс у гвоздевцев были преимущества перед другими разновидностями революционного шовинизма (трудовиками, с.-д. фракцией Чхеидзе и т. п.). Они персонально были связаны с рабочей массой в своей повседневной работе, а главное умело спекулировали на потребности рабочих в организации для борьбы с хозяевами и царизмом. Но при чем же здесь гвоздевщина, ведь рабочие группы были органами гражданского мира? Это для рабочих в то время еще не было самоочевидной истиной. Гвоздевцы говорили: мы идем не ради обороны, не пушки ковать, а ради организации сил пролетариата, ради разоблачения хозяев. Этим они и брали. Вспомним, как один самарский рабочий говорил: «Нам говорят, что мы идем в комитет, да пошлите к чорту этот комитет вместе с Гучковым, — нам нужны возможности, которые дает нам комитет. Не добьемся этих возможностей, тогда и обвиняйте, но только тогда». Далеко не все передовые рабочие поняли классовую суть затеи организации рабочих групп при военно-промышленных комитетах, а отбросить в сторону такую огромную легальную возможность, не попытавшись ее использовать, это для изголодавшихся по организации русских рабочих было нелегко. Кто кого использует в своих интересах: буржуазия пролетариат, или наоборот, — это не было ясно, даже для части передовых рабочих.

Была и такая прослойка рабочих, которая стояла за выборы не только в интересах организации сил рабочего класса, но и в интересах «защиты родины». Кампания выборов дала возможность для этих сознательных гвоздевцев сорганизоваться, что имело немалое значение для заражения рабочих социал-шовинизмом [1]).

Организованные социал-шовинисты, опирающиеся на прямой союз с империалистической буржуазией, держали в подчинении буржуазии часть рабочей массы из наиболее отсталых, «обывательских» и политически сырых слоев рабочего класса, — тех слоев, из которых вышло в дни керенщины немало добросовестных оборонцев.

Революционный под'ем, начавшийся с лета 1915 г., способствовал изживанию в рабочем классе того реакционно шовинистического

[1]) Слова Ленина о том, что пролетариат России в общем и в целом оказался иммунизированным от этой заразы, еще вовсе не говорят о том, что все слои рабочего класса иммунизированы.

настроения, которым в первые годы войны была заражена часть рабочих. Война, как ускоритель бега истории, начала проявлять свое действие и на состояние сознания широких масс. Социальный протест их принимал все более революционный характер. Но в широких массах не только мелкой буржуазии, но и наиболее отсталых слоев рабочего класса были колебания между революционностью (революцией против царя и против войны) и шовинизмом. Шовинизм в рабочих массах в конце 1915 и 1916 г., поскольку он сохранился, принимает иные формы (от немецких погромов к петиции в Думе), иное социальное содержание. Сознательные оборонцы, оформившиеся к концу 1915 г., пристегивают наиболее отсталую часть рабочих масс к движению буржуазии. Можно сказать, что шовинизм в массах становится еще менее черносотенным и еще более буржуазно-оппозиционным. Вместе со всей буржуазией гвоздевцы направляют недовольство масс против измены неугодных буржуазии министров, против царицы-немки и т. п.

В самом таком подчинении буржуазии части рабочих есть уже элементы высвобождения их, так как буржуазия волей-неволей содействовала пробуждению масс, поддерживала в них недовольство существующим правительством, недоверие к нему и т. п.

В тех реальных достижениях, которые дала блоку буржуазии и социал-шовинистов гвоздевщина, имеются элементы отрицания этих достижений. В обстановке революционного под'ема, вызванного кризисом не только царизма, но и отчасти российского капитализма, гвоздевщина не могла дать буржуазии того, чего она добивалась. Гвоздевщина оказалась между молотом пролетарской революции и наковальней царизма. Она была прообразом керенщины. Оба эти явления в истории русской революции, имея ряд крупных отличительных особенностей, сближаются двумя основными чертами: 1) использование революционного под'ема в массах в интересах продолжения империалистической войны, 2) попытка коалиции крупной буржуазии с мелкобуржуазными партиями.

И гвоздевщина и керенщина, внешне тормозя развитие революционного движения, по существу способствовали углублению его, изживанию массами иллюзий буржуазной демократии, обнажению под острым скальпелем революционного опыта глубочайших противоречий классовых интересов.

Гвоздевщина, эта, по внешности, смычка буржуазии с рабочими, эта попытка подчинения рабочих буржуазии, лишение рабочего движения самостоятельности, несла в себе элементы усиления размычки — ожесточенных боев пролетариата против господствующего класса, его самостоятельного исторического выступления против царизма и против империализма. Готовя гражданский мир, буржуазия приближала гражданскую войну.

Глава третья

ПАРТИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ

1. Предреволюционный кризис и роль пролетариата и его партии

К осени 1915 г. для всех стало ясно, что царская Россия переживает всесторонний кризис. Следующие месяцы войны увеличивали хозяйственную разруху, обнажали банкротство правительства, обостряли политический кризис и давали все более широкий размах массовому движению. Не только русское самодержавие, но и российский капитализм не выдержали испытания мировой войны. Происходит деградация народного хозяйства России, выражающаяся в разрушении основного капитала, непроизводительном уничтожении потребительных ценностей и разрыве рыночных связей.

На почве политического кризиса и хозяйственной разрухи недовольство масс растет и вширь и вглубь. Вширь потому, что захватывает самые глухие углы во всех концах России, втягивает в политику самые отсталые, забитые, аполитичные слои населения. Вглубь потому, что об'ектом недовольства становится не только правительство со всем его административно-политическим аппаратом, но и господствующие классы. Растут не только антиправительственные, но и антивоенные настроения. Не только правительству и правым партиям становится не под силу ввести в русло контрреволюционных выступлений бурные чувства масс, но и для буржуазии использование недовольства масс в «общенациональных» интересах становится все трудней.

Продовольственный кризис больше всего способствует росту трещины в общенациональном «единении» и левению мелкобуржуазных масс. Он показывает, что в бедствиях военного времени виновно не только правительство, но и буржуазия.

Отношение правительства к спекуляции, его бессилие и нежелание проводить твердые цены, реквизицию и т. п. подчеркивали еще более связь правительства и буржуазии. Вот характерное сообщение охранки из Ростова-на-Дону:

«К заботам правительства против дороговизны бедные и средние слои населения относятся недоверчиво. Говорят, что богатые классы и отдельные капиталисты пользуются как бы покровительством власти; городские самоуправления состоят из тех же представителей и сами способствуют повышению цен на продукты»... «У населения замечается уже настроение в сторону захвата продовольствия в свои

руки, именно созданием соответствующих органов власти и реквизицией у буржуев»[1]).

При таком настроении масс партия могла вести их в решительные схватки.

Вследствие отсутствия легальной прессы и легальных организаций возможности партии руководить движением, собирать и организовывать силы революции были ничтожны. Тем не менее у большевиков к этому времени создалась прочная связь с рабочим классом, образовался слой «правдистских» рабочих, были ячейки на предприятиях, органически связанные с жизнью и борьбой рабочего класса. Эта особенность большевистской партии, имевшая решающее значение, давала ей перевес перед оборонцами, пользовавшимися содействием буржуазии.

Сила партии была в силе рабочего движения. Только рабочее движение завоевало для партии накануне войны широчайшие (для старого режима) легальные возможности. *Только рабочее движение в годы войны позволило партии собирать и организовывать силы революции.*

Дороговизна, как конечное проявление общей дезорганизации хозяйства, как явление, связанное со всем существующим строем, способствует превращению экономического движения пролетариата в политическое. Отчаянное положение масс и крайняя дезорганизация всей жизни делают их в последние годы войны чрезвычайно подвижными, легко возбудимыми, чутко реагирующими на политические события и на репрессии правительства. Дороговизна сливает движение рабочих с общим возмущением мелкобуржуазных масс. Дряблость буржуазной оппозиции привлекает к рабочему движению все, что осталось решительного и подвижного в лагере буржуазии, в частности учащуюся молодежь.

Рабочее движение через армию находит свой отклик в деревне. Армия облегчает смычку пролетариата и крестьянства. Собранные в промышленных районах в большом количестве крестьяне-солдаты все более сочувственно начинают смотреть на борьбу рабочих с «фараонами».

Обстановка военного времени облегчает проникновение значительных кадров революционных рабочих, находящихся под влиянием партии, в армию. Через них партия получает возможность оказывать революционное пролетарское влияние на армию и на деревню. Призыв рабочих в армию, особенно карательные призывы военнообязанных забастовщиков, ослабляя рабочее движение, в то же время усиливали революционное брожение в армии и в стране, цементировали его, насколько это было возможно.

Обстановка военного времени способствовала *концентрации* рабочего движения, сосредоточению его в нескольких (по указанию Флеера — в четырех) губерниях. Эвакуация предприятий с окраин, создание новой военной промышленности — все это способствовало концентрации забастовочного движения.

---

[1]) *Граве*, К истории классовой борьбы в России, стр. 157.

Хозяйственный развал, неспособность и нежелание господствующих классов наладить народное хозяйство вносят новые элементы в классовую борьбу пролетариата. «Рабочее движение, — правильно замечает т. Граве, — помимо обычных форм борьбы за улучшение условий труда, постепенно приобретает характер борьбы за регулирование производства и распределения и превращается в предсоциалистическую борьбу, которая особенно ярко выявилась в предоктябрьский и послеоктябрьский период» [1]).

Кроме того, рабочее движение приобретает все более антивоенный, антимилитаристический характер. К этому ведет не только правильная классовая оценка войны, не только отчетливое сознание передовыми рабочими невозможности улучшить существующее положение вне выхода из войны, но и борьба широких масс против попыток закрепощения их путем милитаризации. Движение пролетариата, сплачивая широкие массы демократии для натиска на 300-летнюю монархию, приобретает все более антиимпериалистический и предсоциалистический характер.

2. Проблема революции в РСДРП в 1915/16 г.

Рабочий класс России всей его борьбой в предвоенный и в военный периоды был подготовлен к быстрому переходу от борьбы за демократию к борьбе за социализм. Позиция партии по вопросу о характере революции соответствовала и об'ективной обстановке (деградация капитализма) и суб'ективной зрелости пролетариата. Уже события осени 1915 г. показали, что Россия вошла в полосу революционного кризиса. Партии необходимо было наметить тактическую линию в связи с надвигающейся революцией. Эта линия была дана в вышедшем в октябре 1915 г. № 47 «Социал-демократа», в статье «Несколько тезисов», излагающей позицию заграничного центра партии в ответ на запросы и указания товарищей из России. Появление этой статьи т. Зиновьев [2]) связывает с ситуацией осени 1915 г.:

«Нам было, конечно, ясно с самого начала, что война означает неминуемую гибель царизма в России, но только к концу 1915 г. к нам донеслись первые известия из России, показывавшие, что революционный кризис развивается с большой быстротой. В октябре 1915 г. очертания надвигающейся русской революции впервые стали обрисовываться более или менее ясно. В результате этого появилась статья «Несколько тезисов» [3]).

Конкретная постановка вопросов тактики партии в связи с революцией была дана лишь тогда, когда ясно наметилась революционная ситуация. Позиция партии по отношению к империалистической войне нашла в этих тезисах свое развитие и конкретизацию (о гвоздевщине,

---

[1]) Граве, К истории классовой борьбы в России, стр. 3.
[2]) Зиновьев, Собр. соч., т. V, стр. 9, 10.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 207.

о революционном шовинизме). Лозунги революции 1905 г. и послереволюционного периода были в них уточнены применительно к новой обстановке (об Учредительном собрании, о Советах рабочих депутатов, о бойкоте Гос. думы). Вновь поставлено и развито положение о перерастании буржуазной революции в России в социалистическую. Впервые поставлен вопрос о том, что будет делать партия, «если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне».

Самая постановка этого вопроса как одного из «злободневных вопросов социал-демократической работы» в России говорит за то, что большевики в корне расходились с меньшевиками в вопросе о перспективах революции в России, в вопросе о ее характере и движущих силах.

В следующем (48-м) номере «Социал-демократа» т. Ленин полемизирует с Плехановым «о двух линиях революции» [1]). Плеханов, оперируя цитатами из Маркса и ссылками на примеры предшествующих революций, обосновывал меньшевистскую тактику подталкивания буржуазии к власти. В ответ на его исторические аналогии и рассуждения о «стратегических понятиях» Ленин дает анализ двух линий в русской революции 1905 г.: первой — линии решительной борьбы пролетариата, увлекающего за собой крестьянство, и второй — линии поведения либеральной буржуазии, линии компромисса капитализма с крепостничеством, буржуазии с монархией. «Теперь мы снова идем к революции... И опять перед нами те же две линии революции»...

Война облегчает задачу пролетариата сплотить вокруг себя мелкую буржуазию, повести за собой крестьянство. Правда, мелкая буржуазия колеблется между шовинизмом и революцией, но «военный кризис усилил экономические и политические факторы, толкающие ее — и крестьянство в том числе — влево. В этом об'ективная основа полной возможности победы демократической революции в России» [2]).

Ленин подчеркивает, что ни столыпинская реформа, ни империалистическая война не сняли с очереди в России «крестьянской войны», которая должна поддержать восстание пролетариата для того, чтобы довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России. Гегемония пролетариата в революции, при сдвиге мелкой буржуазии влево, — а война содействовала этому сдвигу влево, — обеспечена. Борьба за гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции является попрежнему линией межевания между пролетарской партией большевиков и мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров.

Плеханов, исходя из оценки предстоящей революции, как буржуазной, приходит к выводу о том, что во главе этой буржуазной революции должна стоять буржуазия, что задача пролетариата сводится к подталкиванию кадетов к власти. Ленин, исходя из оценки предстоящей революции, как буржуазной, приходит к выводу о сугубой важно-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 210.
[2]) Там же, стр. 213.

сти самостоятельной[1]) линии пролетариата и необходимости высвобождать революционную мелкую буржуазию из-под влияния крупной буржуазии.

Меньшевизм в годы войны сильно шагнул вперед в развитии тактики подталкивания буржуазии к власти. В годы войны был осуществлен первый, поставленный в большом масштабе, опыт этой тактики в виде практической деятельности рабочих групп военно-промышленных комитетов. Чтобы дать о ней представление, приведем следующую выдержку из речи одного из представителей рабочих на заседании ЦВПК 21 декабря 1915 г.:

«Вы, члены Центрального промышленного комитета и главным образом входящие в таковой представители буржуазии, видите, каково положение и обязаны теперь заговорить языком, достойным вас и настоящего положения дел. Вы должны потребовать, чтобы ныне существующая бюрократическая власть сошла со сцены, уступив свое место вам, как наследникам настоящего строя»[2]).

Если полицейский источник и допустил некоторую неточность в передаче речи, то духу тактики гвоздевцев она, несомненно, соответствует. Ее можно было бы подкрепить рядом выдержек из гвоздевского сборника документов «Канун революции».

Меньшевистский теоретический орган (фактически ЦО гвоздевской партии) журнал «Дело» по поводу этого блестящего применения в жизнь принципов меньшевизма пишет, что время способствовало отрезвлению пролетариата, изживанию им революционного «утопизма». «Нетрудно видеть, что от прямолинейной тактики прошлого десятилетия, от тактики, отвергавшей всех союзников, произошел переход — не на бумаге только, а на реальной работе — к новому, более плодотворному методу «координации усилий»[3]).

Нашедельцы торжествовали по случаю «полевения» буржуазии и «отрезвления» пролетариата и считали, что «теперь, слава богу, не 1905 г.», что наступила, наконец, в России эра коалиций и «координации усилий». Насколько основательно было их торжество, — показала жизнь.

Большевистская тактика исходила из противоположных положений. Послереволюционные годы и первый год войны, в частности, целиком оправдали большевистский прогноз о переходе русской либеральной буржуазии в лагерь контрреволюции.

«Русская либеральная буржуазия, — писал Ленин, — окончательно стала на путь контрреволюции.

---

[1]) Вот как пояснила редакция «Социал-демократа» в тезисах о самоопределении в № 1 «Сборника «Социал-демократа», что значит самостоятельность пролетариата в борьбе за демократию:

«...Пролетариат может сохранить свою самостоятельность лишь подчиняя свою борьбу за все демократические требования, не исключая и республики, своей революционной борьбе за свержение буржуазии».

[2]) Дело деп. пол., № 347, за 1915 г., л. 254, донесение начальника петроградской охраны от 19 января 1916 г., за № 35.

[3]) «Дело» № 1, за 1916 г., стр. 72.

Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России» [1]).

На основе опыта первого года войны, когда либеральная буржуазия безоговорочно обещала свою поддержку правительству, Ленин писал, что русская буржуазия стала окончательно контр-революционной. Что война, способствовавшая завершению превращения русских либералов в национал-либералов, еще более связала русскую буржуазию с монархией, сделала ее врагом всякой решительной ломки этой монархии, т. е. врагом революции. Таким образом, ленинское понимание буржуазной революции допускает возможность демократической революции не только без буржуазии, но, в известной степени, и против буржуазии, поскольку она предпочитает старое — третьеиюньскую монархию, — новому, путь к которому лежит через революцию.

Вопрос о войне и «защите отечества» связывал крепко русскую буржуазию с международным империализмом и с правительством, пока последнее не показало себя окончательно неспособным довести войну до победоносного конца. Империалистическая буржуазия с помощью идеологии «защиты отечества» пытается закрепить за собой (и за Антантой) мелкую буржуазию и часть пролетариата.

В то время как пролетариат и его партия стремятся использовать военный кризис в своих интересах, в интересах проведения своей линии в буржуазно-демократической революции, буржуазия, с своей стороны, использует его для направления революционного под'ема масс в шовинистическое русло, для связывания решительности наступления масс на самодержавие угрозой усилить внешнего врага.

«Долой монархию, долой войну, да здравствует революция!» — вот лозунг пролетариата. «Долой правительство измены, да здравствует правительство доверия, правительство спасения страны!» — лозунг буржуазии.

Лозунг «долой правительство измены!» был лозунгом не только мелкобуржуазных народников, но и меньшевиков всех течений от Плеханова до Чхеидзе. Несмотря на различие оттенков, все они сходились на формуле «долой правительство измены».

«Успех революционной демократии в ее борьбе за свои общесоциальные и политические требования будет зависеть от энергии ее участия в самозащите народа от неприятельского нападения. Путь, ведущий к победе, является и путем, ведущим к свободе» [2]). Так гласила резолюция конференции группы «Призыв» (Плеханов, Алексинский и правые с.-р.) 5 — 10 сентября. Эта либеральная разновидность русских социалистов стала на кадетскую точку зрения: сначала победа, а потом свобода.

А вот как ставили вопрос о революции и обороне меньшевики потресовско-гвоздевского толка:

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 111.

[2]) Приложение к циркуляру деп. пол. № 175651 от 9 ноября 1915 г., дело агентурного отдела московского охранного отделения № 19, ср. журн. «Призыв», № 1, 1 октября 1915 г., стр. 8, резолюция совещания с.-д. в Лозанне 23 сентября 1915 г.

«Оборона — это раньше всего организация масс для низвержения самодержавия, неспособного спасти страну», и дальше:

«...Демократизация страны не может быть отделена от ее защиты. Демократизация и защита — две стороны одного и того же дела. Защитить страну при теперешних условиях, значит ее демократизировать, демократизировать страну значит ее защитить [1]).

И наконец, циммервальдисты-интернационалисты из ОК в выпущенной ими прокламации пишут:

«Пролетариат кровно, более чем имущие классы, заинтересован... в предотвращении надвигающейся опасности, грозящей всему его будущему»...

«...Страна на краю гибели! Спасение ее требует прежде всего свержения существующего правительства».

«...Пролетариат должен занять место авангарда всенародной революции, спасающей страну и от гибельного самодержавия и от внешнего разгрома. Долой правительство измены» [2]).

Этот лозунг у меньшевиков покрывает все различие в оттенках от либерального до революционного. Наиболее полезным для буржуазии в данном случае был именно революционный (по фразеологии) оттенок меньшевизма. Революционный шовинизм мелкобуржуазных социалистов был необходим для сохранения ее влияния на мелкую буржуазию и часть пролетариата. Революционный шовинизм был отражением классовой позиции мелкой буржуазии, которая колебалась между буржуазией и пролетариатом, между шовинизмом и революцией.

Борьба большевизма с меньшевизмом в годы войны не была простым воспроизведением борьбы 1904 — 1908 гг. Ее социальное содержание и историческое значение стало несравненно глубже и шире. Эта борьба осталась по своему об'ективному значению борьбой двух линий в русской буржуазно-демократической революции: пролетарской и либерально-буржуазной. «Большевики сознательно помогали пролетариату итти по первой линии, бороться с беззаветной смелостью и вести за собою крестьянство. Меньшевики скатывались постоянно на вторую линию, развращая пролетариат приспособлением его движения к либералам...» [3]). Содержание борьбы в годы войны не ограничилось вопросом о двух путях буржуазной революции в России, не ограничилось вопросом, быть ли коренной ломке всех пережитков крепостничества, во главе с царизмом, или не быть ломке, не быть «французской передряге», а быть гнилому компромиссу прусского образца. Разрешение проблемы «война и революция» ставило вопрос о борьбе за гегемонию пролетариата по-новому. Свержение царизма еще не разрешало задачи выхода из войны, задачи разрыва с международным империализмом. Русская революция для полного своего завершения должна была быть революцией не только демократической, но и антиимпериалистической. А меньшевики были не только непоследовательные де-

[1]) Сб. «Канун революции», стр. 5, предисловие Е. Маевского.

[2]) Арх. рев. и вн. п., прокламация ОК. См. «Интернационал и война», № 1, 1915 г., изд. ЗПСК, стр. 144.

[3]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 212—213.

мократы, но и активные помощники империализма русского и антантовского. Их лозунг был «долой правительство измены». В нем сочетался и компромисс с монархией («правительство доверия» при монархии) и сохранение верности интересам Антанты и «гальванизация трупа войны» во что бы то ни стало. Нельзя было бороться за гегемонию пролетариата, не борясь с социал-шовинизмом. Нельзя было бороться с шовинизмом, не беря прицел дальше буржуазно-демократической республики. Поэтому-то в тезисах Ленина в № 47 «Социал-демократа» к «трем китам» добавлена борьба против социал-шовинистов и за социалистическую революцию[1]). «Если бы в России победили революционеры-шовинисты, — читаем мы в этих тезисах, — мы были бы против обороны их «отечества в данной войне». Наш лозунг: против шовинистов, хотя бы и революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции»[2]). Нельзя было остановиться на борьбе с царизмом, а надо было итти дальше на борьбу с империализмом, а это невозможно без изоляции революционеров-шовинистов всех оттенков.

Уже в тезисах осени 1915 г. намечалась борьба не только с царизмом, но и керенщиной. Только люди, уделом которых осталось цепляться за букву большевизма, изменяя духу его, могут утверждать, что в этих тезисах Ленин ставил вопрос о приближающейся революции 1917 г., как о революции буржуазно-демократической и только.

Если неверно утверждение, что большевизм в 1915 г. остался при лозунгах 1905 г., то столь же неверно и утверждение о том, что он порвал с этими лозунгами, «перевооружился», «разбольшевичился» и т. д. Об этом лучше всего свидетельствуют эти же два ленинских документа, которые мы уже разбирали выше. Не ограничиваясь совершенно недвусмысленным утверждением в тезисах, что «социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»[3]), Ленин в статье «Две линии в революции» специально занимается разбором подновленной «теории перманентной революции» Троцкого.

В чем была основная ошибка Троцкого?

В том, что он считал, что, несмотря на то, что «революция, контрреволюция и экономический кризис убийственно отразились прежде всего на мелкой и средней буржуазии», основная ее масса — крестьянство — «продолжает нести на себе все те черты хозяйственной и идейной разобщенности и политической неразвитости, культурной отсталости и беспомощности, которая всегда и при всяком движении парализует его социальную энергию и заставляет его останавливаться

---

[1]) См. п. 1 и 9 тезисов, там же, стр. 207 и 209.

[2]) Там же, стр. 209.

[3]) Что вовсе не равносильно утверждению: «революция будет буржуазно-демократической», так как содержание этой формулы гораздо шире. См. «Письма издалека», Ленинский сборник, т. II, стр. 353 и «Письмо о тактике», Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 29 и др.

там, где начинается подлинно-революционное действие»[1]). Вместо анализа соотношения классовых сил, вместо ответа, осталось ли в силе противоречие между крестьянством и помещиками, Троцкий подбирает ряд эпитетов, которыми он и пытается оттородить крестьянство от революции. Переходя к анализу конкретной действительности, Троцкий переоценивает результаты столыпинской реформы: обуржуазивание крестьянства и расслоение его: «Это значит, — пишет он, — что для промышленного пролетариата сейчас несравненно более, чем в 1905 году, стоит вопрос о привлечении на свою сторону пролетарских и полупролетарских элементов деревни, а не крестьянства, как сословия»[2]).

Троцкий утверждает, что его теория «перманентной революции» подтверждается жизнью, что роль крестьянства в революции стала еще меньше; этим самым он вместе с Плехановым затушевывает основное противоречие между крестьянством «как сословием» и помещиками-крепостниками. Несмотря на революционность своей фразеологии, «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают н е ж е л а н и е поднимать крестьян на революцию»[3]).

«Оригинальная теория Троцкого», несмотря на свою революционную и сугубо-классовую внешность, по своей сути совпадает с неоригинальной теорией социал-реформистов о бессмысленности восстания пролетариата против буржуазии. Теория перманентной революции есть теория изоляции пролетариата и невозможности победоносной пролетарской революции. Хотя у Троцкого проскакивают фразы о том, что «своей решительной борьбой» пролетариат увлечет и «непролетарские народные массы», но вся его концепция исключает возможность этого привлечения мелкобуржуазных резервов.

Утверждение Троцкого о том, что в России в 1915 г. непосредственной задачей пролетариата является с о ц и а л и с т и ч е с к а я революция, что царя должно сменить рабочее правительство и что «только эпоха непосредственного натиска западно-европейского пролетариата на государственную власть, — только международная социалистическая революция может создать ту обстановку и выдвинуть те силы, при помощи которых революционная борьба пролетариата России может быть доведена до конца[4]) — все это говорит о том, что по концепции Троцкого «пролетариат противостоит буржуазной нации», что он изолирован, что его дело безнадежно, если... если не придет и з в н е «государственная помощь пролетариев других стран». В мае 1917 г. (т. е. после якобы ликвидировавшей все разногласия его с партией Февральской революции 1917 г.) т. Троцкий писал, что начало русской революции «сможет успешно развиваться и притти к победе т о л ь к о к а к о б щ е е в р о п е й с к о е. Оставаясь изолированным

---

[1]) Л. Д. Т р о ц к и й, Война и революция, т. I, стр. 235.
[2]) Т а м ж е.
[3]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIII, стр. 214.
[4]) Л. Д. Т р о ц к и й, Война и революция, т. I, стр. 258.

в национальных рамках, оно оказалось бы обреченным на гибель»[1]).

Анализ движущих сил русской революции привел Троцкого к отрицанию возможности в России буржуазной революции, так как единственный революционный класс в России — это пролетариат, «уже в первых своих выступлениях он будет иметь против себя могущественнейшие силы буржуазной нации»[2])... Характер революции таким образом определится антагонизмом пролетариата и буржуазии, т. е. революция будет пролетарской, социалистической. Такая революция, как революция национальная, невозможна. По утверждению Троцкого, против пролетариата в этой революции будут стоять «могущественнейшие силы буржуазной нации». Будут ли за его спиной какие-либо резервы? По Троцкому — нет, так как «все эти изменения резюмируются в ярко определившейся сейчас изолированности пролетариата»[3]).

Без «натиска западно-европейского пролетариата» пролетарская революция в России немыслима или мыслима как революционная авантюра, как путч. Теория Троцкого сближается с меньшевистским анализом движущих сил русской революции, в оценке роли в этой революции мелкой буржуазии. Эта теория исключает возможность в России буржуазно-демократической революции под гегемонией пролетариата.

По этой линии идет размежевание между позицией пролетарской партией большевиков и «левыми» и правыми проявлениями социал-оппортунизма. Большевики ставили перед пролетариатом России задачу об'единения вокруг себя «десятков миллионов мелкой буржуазии и полупролетариев», интересы которых «непримиримы ни с монархией, ни с крепостниками-помещиками». Использовать это непримиримое противоречие для сокрушительного удара по царизму (а косвенно и по империализму) — вот задача пролетариата. Вместо того, чтобы по рецепту Троцкого махнуть рукой на крестьянство, разобщенное, отсталое и т. д. и т. п., пролетариат России должен был «высвобождать массы из-под влияния буржуазии»[4]), т. е. бороться за пролетарскую линию в буржуазно-демократической революции, за гегемонию пролетариата в этой революции.

Такая буржуазно-демократическая революция в России сближалась в связи с революционным кризисом на Западе с социалистической революцией.

Вот как ставился вопрос о буржуазной революции в России в № 48 «Социал-демократа» за октябрь 1915 г.:

«Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, т. е. за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении буржу-

[1]) «Программа мира», Птг., 1917 г., стр. 24.
[2]) Л. Д. Троцкий, Война и революция, т. I, стр 253.
[3]) Там же, стр. 255.
[4]) Зиновьев, Собр. соч., т. V, стр. 217.

азной России от военно-феодального «империализма» (царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы[1]).

Победа пролетариата возможна лишь при «поддержке рабочих громадным большинством крестьянства в его борьбе за конфискацию всего помещичьего землевладения»[2]), этой победой «пролетариат воспользуется немедленно»... «для совершения социалистической революции»... Империалистическая война приблизила во времени «пролог» революции к ее развязке, приблизила Февраль к Октябрю.

Большевики, ставя очередной задачей революции создание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, не связывали с этой формулой задачи «только буржуазной революции», они не предполагали «самоограничение пролетариата», отказа его от шагов, подготовляющих переход к социализму. Вот что писал Ленин в одном из своих «Писем издалека».

«В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, — шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к введению «всеобщей трудовой повинности» и т. д. Шаги эти с безусловной неизбежностью предписываются теми условиями, которые создала война и которые даже обострит во многих отношениях послевоенное время; а в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы переходом к социализму, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода перехода мер»[3]).

Социализм в России непосредственно не осуществим, но «вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода перехода мер». Это совсем не то, что говорил Троцкий о неизбежном столкновении пролетариата и крестьянства, о невозможности пролетарской революции и, тем более, о невозможности построения социализма в России, если не наступит «эпоха непосредственного натиска западно-европейского пролетариата».

Точно предвидя возражения «старых большевиков» вроде т. Каменева, т. Ленин в этих же «Письмах издалека» пишет:

«Такие меры еще не социализм. Они касаются разверстки потребления, а не переорганизации производства. Они не были бы еще диктатурой пролетариата», а только «революционно-демократической диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства». «Не в том

[1]) См. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 214, № 48 «Социал-демократа» за октябрь 1915 г.

[2]) Зиновьев, Собр. соч., т. V, стр. 217.

[3]) Ленинский сборник, т. II, стр. 396, «Письма издалека», письмо пятое — 8 апреля (26 марта) 1917 г.

дело сейчас, как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятной «теории» вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего руководство к действию» [1]).

Для тех, кто держался не буквы большевизма, а принимал его учение «как руководство к действию», между демократической диктатурой пролетариата и крестьянства и социалистической диктатурой пролетариата китайской стены не было, а значит, и никакой надобности в идейном «перевооружении», в «разбольшевичивании» в 1916 г. не было.

Для большевиков не существовало непроходимой пропасти между буржуазно-демократической революцией и социалистической, между революцией национальной и революцией интернациональной. В России капиталистический и докапиталистический, империалистический и феодальный гнет создали колоссальный резервуар революционной энергии. Партия пролетариата взяла курс на то, чтобы использовать не только силы пролетариата, но и силы широчайших масс мелкой буржуазии для удара не только по царизму, но и по империализму. Перерастание русской буржуазно-демократической революции в пролетарскую большевики считали возможным не только в случае победы пролетариата на Западе. Они считали, что внутренние силы русской революции, при победе пролетарской линии в буржуазно-демократической революции, при руководящей роли пролетариата в революции и вышедшем из нее правительстве революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, «обусловят это перерастание». По Троцкому, пролетарская революция на Западе является предпосылкой социалистической революции в России, по Ленину — революция в России может быть величайшей предпосылкой революции на Западе, базой мировой пролетарской революции.

Всегда ли одинаково ставился большевиками вопрос о перерастании буржуазной революции в России в социалистическую и вопрос о «соответствии и содействии» русской революции пролетарской революции на Западе? Понятно, нет. В 1905 г. этот вопрос стоял иначе, чем в 1915 г., а в апреле 1917 г. и позже — иначе, чем в тезисах 1915 г. Проследить смену лозунгов большевизма от буржуазной к социалистической революции в рамках данной работы невозможно. Наша задача дать ответ на вопрос: что нового внесла в этот вопрос война? Как война способствовала ускорению смены лозунгов?

Каждый период в истории партии дает свое теоретическое отложение, свой вклад в железный фонд ленинизма. Что дал ленинизму данный период в истории революции?

Мы беремся сейчас ответить на этот вопрос бегло, пользуясь немногими документами и ограничиваясь, в основном, одним вопросом — вопросом о внутренних силах русской революции и о «соотно-

[1]) **Ленинский сборник, т. II, стр. 353.**

шении и содействии» русской революции революциям в передовых капиталистических странах.

Вопрос о смене лозунгов встал перед партией в связи со столыпинской реформой. Не разрешила ли аграрная реформа Столыпина те об'ективные задачи, которые не смогла разрешить революция 1905 г.? Не снимается ли ею с очереди вопрос о буржуазно-демократической революции, о новом «общедемократическом натиске» на царизм? Вот как ставился этот вопрос до войны. Ленин, в письмах к Я. М. Свердлову и Теодоровичу на основе анализа столыпинской России и западно-европейского опыта указывает, что кризис неизбежен, что придет он по-новому, но социальное содержание его будет старое. Задачей партии поэтому является «по-новому строиться, по-новому организовываться, по-новому итти к кризису... но поддержать и развить, усилить все старые лозунги, требование «всего» [1]). Здесь Ленин делает ударение на том, что не надо отказываться ни от одного из старых лозунгов. Партия на Пражской конференции в 1912 г., в обстановке нового под'ема, показала, что она сохранила все старые лозунги.

В первых же партийных документах периода войны подчеркивается, что «в России задачами с.-д... должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования, все те же завещанные партии революцией 1905 г. «три кита» [2]). Все прокламации первых месяцев войны заканчиваются лозунгами «демократической республики», «8-часового рабочего дня» и «конфискации земель». Но в них есть уже неоформленная в виде лозунга мысль о необходимости соединить борьбу против царизма с борьбой против империалистической буржуазии. В партийных документах осени 1915 г. уже имеется большой шаг вперед в смысле оформления назревающей смены лозунгов. В пункте 1-м тезисов редакции ЦО (№ 47 «Социал-демократа») к лозунгу «трех китов» вносится существенное добавление. «Правильнее всего, — гласят тезисы, — лозунги «трех китов» с добавлением (см. пункт 9) призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны» [3]). Смысл этого добавления становится ясней при рассмотрении 9-го пункта тезисов. Этот пункт начинается словами: «Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их «отечества». И дальше: «Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции» [4]).

Каков смысл этого добавления к старым лозунгам? Смысл его тот, что пролетариат России в числе своих ближайших задач должен поставить борьбу не только против царизма за буржуазно-демократическую революцию, но и против русских республиканцев-шовинистов за социалистическую революцию. Ленинский лозунг 1917 г. «никакой

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 374.
[2]) Манифест ЦК, Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 11.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 207.
[4]) Там же, стр. 207—209, 214.

поддержки Временному правительству» уже в основном дан. Дано в основном и положение апрельских тезисов о возможности немедленного перехода от первого этапа революции ко второму этапу, «который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» (апрельские тезисы). Но здесь имеется очень существенная разница в том, что в тезисах осени 1915 г. этот переход ставится в связь и зависимость от революции в передовых капиталистических странах, а в тезисах апреля 1917 г. он ставится вне этой связи и зависимости.

Особенность партийных документов 1915 г. в том, что в них вопрос о переходе от демократической революции к социалистической ставится как вопрос о переходе от союза с русским крестьянством к союзу с пролетариатом Запада. Это совершенно ясно сказано в тезисе 6-м, 1-м, 9-м, в статье «О двух линиях» [1]). Приэтом, в отличие от Троцкого, у Ленина нет разрыва, нет противопоставления одного другому. В ЦО неоднократно писалось, что демократическая революция в России, в силу военного кризиса, тесно сплетается с социалистической революцией в Европе. Вопрос о возможности «соответствия и содействия революционного в буржуазно-демократическом смысле движения в России и социалистического на Западе» [2]) не был для большевиков спорным и до войны, а тем более во время войны. В брошюре «Социализм и война» Ленин ставит этот вопрос, главным образом, как вопрос о возможности воздействия русской революции на революцию в передовых капиталистических странах. В отличие от меньшевиков Ленин не считал, что социалистическая революция должна итти с Запада, переходя от передовых стран к более отсталым. В отличие от Троцкого Ленин не ставил судьбу русской революции в зависимость от того, поспеет или не поспеет притти на помощь победивший пролетариат Запада. Ленин лишь указывал, что наиболее надежным союзником пролетариата России, берущего власть, может быть пролетариат Запада, что завершение социалистической революции возможно в союзе с ним. Равносильно ли ленинское положение о том, что русская революция — это лишь первая из революций, порожденных империалистической войной, что она открывает собой эпоху социальной революции — утверждению, что ее роль сводится лишь к роли «ступеньки» к пролетарской революции в Европе, что ее значение исчерпывается лишь тем, насколько она приблизила настоящую пролетарскую революцию? Тов. Зиновьев [3]) из документов, написанных Лениным накануне от'езда в Россию, делает вывод, что в них Ленин говорит: «Россия — страна отсталая [4]). Непосредственно начавши буржуазно-демократическую революцию, мы можем только превратить русскую революцию в «ступеньку» к пролетарской революции в Европе» [5]). Для пущей убедительности ци-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 207—209, 214.
[2]) Там же, стр. 80.
[3]) Зиновьев, Ленинизм, стр. 89.
[4]) Курсив в этих выдержках мой. — *Д. Б.*
[5]) Кстати, и меньшевики не отрицают, что Октябрь послужил ступенькой к пролетарской революции на Западе. Об этом свидетельствует сле-

тате, где у Ленина имеется слово «ступенька», Зиновьев предпосылает глубокомысленное замечание: «Владимир Ильич любит повторять это образное словечко «ступенька», и тут же с торжественным видом заявляет, что он цитирует из ленинского документа, обращенного к международному пролетариату. «А когда Владимир Ильич говорил к международному пролетариату, он всегда считал, что здесь особенно нужно взвешивать каждое слово. Не надо внушать несбыточных надежд (?!!), надо быть трезвым, точным и т. д.».

Что же говорится в этом столь торжественно преподносимом отрывке из Ленина? «Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию». Итак, речь идет не о возможности начала, а о возможности завершения социалистической революции. Здесь надо отметить, что Ленин часто говорит о завершении социалистической революции в смысле полного социалистического переустройства общества, в смысле окончательной победы социализма.

Важно в данном случае то, что т. Зиновьев совершенно обошел ряд документов этого периода (март 1917 г.), где Ленин говорит, напр., о возможности в связи с «крестьянской революцией в России» пролетариату «в союзе с беднейшей частью крестьянства» провести ряд мероприятий, которые в своем развитии были бы переходом к социализму[1]).

Значит ли это, что Ленин ограничивал роль русской революции ролью ступеньки к «настоящей» пролетарской революции, ролью факела, который чадя погаснет, если немедленно не зажжет «мировой пожар». Нет, это могут утверждать лишь те, кому нужна ступенька к теоретическому обоснованию неверия в построение социализма в СССР. Ленинские документы периода войны для роли такой ступеньки не годятся.

На что упирал Ленин, доказывая, что в России социалистическая революция не стоит на очереди? На то, что Россия еще не созрела для социализма, что в ней нет внутренних сил для социалистической революции? Нет, не на это, а на то, что для победы революции в России над ближайшим врагом нужно итти с крестьянством в целом. Ленин потому и бил по Троцкому, что тот предлагал перескочить через этот союз с крестьянством в целом. А перескочить через этот союз значило превратить революцию в звонкую фразу или в революционную авантюру. В том же (5-м тезисе), где Ленин говорит о союзе с крестьянством в целом против помещиков и монархии, имеется следующая фраза: «За необходимость отдельной организации сельских пролетариев мы стояли и стоим

дующая выдержка из юбилейной статьи к 10-летию Февр. рев. и в «Соц. вестнике»: «Будучи буржуазной по своему собственному, внутреннему соц.-экономическому содержанию, русская революция является могучим стимулом социалистической пролетарской революции в более развитых странах»... («Социалистический вестник», № 5—6, за 1927 г., стр. 11.)

[1]) Ленинский сборник, т. II, стр. 396.

безусловно во всех и всяких случаях» [1]). В «письме издалека», цитированном выше, Ленин говорит о переходе пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством к началу строительства социализма. Почему же Ленин вопрос о переходе от буржуазной революции к социалистической ставит не как вопрос о переходе пролетариата России от союза с крестьянством в целом к союзу с беднейшим крестьянством, как он это делает в 1918 г. в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» [2]), а ставит его как вопрос о переходе от союза с крестьянством России к союзу с пролетариями Европы и Америки.

Прежде всего потому, что конкретный ход революции в 1915 г. не мог быть так ясен, как в 1918 г. Важно то, что документы 1915 г. не исключают ни в какой мере того, что Ленин писал в 1918 г. Больше того: они содержат в неразвернутом виде позднейшую постановку вопроса о деревенской бедноте, как союзнике пролетариата России в социалистической революции. Ленин концентрирует внимание партии на тех задачах, которые в данный момент являются основными. А таких задач в то время было две: 1) увлечь демократические массы России на штурм против царизма, 2) увлечь пролетариат Запада на борьбу с империализмом за социализм, увлечь его примером, почином, революцией в России. Наиболее полная, быстрая и решительная победа революции в России возможна была при этих условиях, но не исключительно при этих условиях.

Тезисы, ставя эти две задачи, говорят пролетариату России: надо бить и по царизму и по империализму, а иначе победа революции будет неполной. Бить по империализму надо не только в России, но и одновременно во всех капиталистических странах. Пролетариат России должен бороться не только против крепостнической реакции, но и против буржуазной реакции, против социал-шовинизма. Борьба с социал-шовинизмом выступает одновременно и как внутренняя и как внешняя международная задача пролетарских революционеров России.

Борьба одновременно и против пережитков феодализма и против империализма сделала русскую революцию еще в ее буржуазно-демократической фазе частью мировой пролетарской революции. В этом отношении она приближается к грядущим революциям в Азии. Независимое, неколониальное положение России, а, следовательно, совершенно иная роль иностранного капитала в России обуславливает известное отличие русской революции от революций в Азии, но этим отличием не снимается сходство в основном: сплетение борьбы пролетариата и идущей за ним буржуазной демократии с пережитками феодализма, с борьбой против империализма. Владимир Ильич, в заметках на книгу Суханова, отметил, что особенности русской революции стоят в связи с тем, что Россия стоит «на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока» [3]).

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 208.
[2]) Там же, т. XV, стр. 443.
[3]) Там же, т. XVIII, ч. 1, стр. 110.

Ленин уже в 1915 г. подчеркивал эту особенность положения России между Европой и Азией. Уже в статье «Несколько тезисов» он указывает на значение революции в России для развития революции и в Азии и в Европе. В случае, если бы революция во время первой империалистической войны поставила бы нашу партию у власти, нам пришлось бы «подготовить и повести революционную войну, т. е. мы не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстания все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам» [1]).

Так Ленин намечал другую перспективу перерастания буржуазной революции в социалистическую, национальной революции в интернациональную. В отличие от социал-демократических педантов и Троцкого, в отличие от этих европейски-ограниченных социалистов Ленин считал возможным путь социалистической революции не только с Запада на Восток, но и с Востока на Запад, верней, в сплетении усилий «социалистического пролетариата Европы» с национально-освободительным движением Азии. Это движение для Ленина является не простым аккомпанементом к революции рабочих Англии, Франции, Германии, оно является необходимой составной частью социальной революции. Эпоха империализма не только не исключала возможности национальных революций и «революционных взрывов части мелкой буржуазии... против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета», но и делала их неизбежными, давая неисчерпаемый резервуар сил для революции пролетариата.

Разработка партией вопросов грядущей русской революции, как видно из предыдущего, тесно переплеталась с разработкой вопросов мировой революции.

Разногласия внутри партии и в среде Циммервальдской левой шли по линии споров по ряду проблем эпохи социальной революции, которые во весь свой рост встают лишь теперь. Корень разногласий — в различном понимании эпохи империализма. В теоретической работе партии в этот период приходилось, с одной стороны, преодолевать непонимание того нового, что внесла война, с другой стороны, бороться с недооценкой того старого, которое осталось в этом новом, тех не только доимпериалистических, но и докапиталистических пережитков, которые сохранились как значительный фактор в новой эпохе, эпохе финансового капитала.

Основные два вопроса, по которым были теоретические и тактические разногласия в среде революционных интернационалистов, это вопрос национально-колониальный («о праве наций на самоопределение») и вопрос о совместимости демократии с господством финансового капитала. Оба эти вопроса упираются в вопрос о роли демократических

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 209—210.

элементов в эпоху империалистических и гражданских войн. Оба вопроса чрезвычайно актуальны в период борьбы пролетариата за власть и после взятия им власти.

Национальный вопрос так же, как и лозунг «поражения своего правительства», был оселком действительной революционности той или иной группы, так как он был вопросом революционного действия против интересов своей буржуазии. Под «интернационалистической» и «резко-классовой» фразеологией некоторых «левых» скрывалось «непротиводействие» национальному угнетению малых наций. Прикрытие левой фразой оппортунизма на деле особенно наглядно видно, если спор о самоопределении рассматривать под углом зрения колониального вопроса.

Вот образец рассуждений П. Киевского о колониальном вопросе.

«Пролетариата в собственном смысле слова нет в чистом типе колоний. Для кого же тогда выставлять «самоопределение»? Для колониальной буржуазии? Для феллахов? Для крестьян? Конечно, нет. По отношению к колониям социалистам нелепо выставлять лозунг самоопределения, ибо вообще нелепо выставлять лозунг рабочей партии для стран, где нет рабочих»[1]).

«Резко классовая линия» автора поражает своим узко цеховым взглядом на задачи пролетариата. Она подтверждает правильность определения Лениным этого течения как «империалистического экономизма». Ведь это подлинный экономизм, тред-юнионистский оппортунизм.

Еще ясней сквозит оппортунизм тогдашних ультра-левых, когда они пытаются, в лице Ю. Пятакова, дать ответ на вопрос, надо ли социалистам господствующих наций призывать пролетариат метрополий к поддержке восстания в колониях. Вот что он пишет:

«...Если же в колониях разражается восстание против метрополии, то мы поддержим его не при всех обстоятельствах, а лишь в тех случаях, когда восстание это ослабляет буржуазию, в то время как восстающий пролетариат метрополий будет об'являть ей шах»[2]).

Если в метрополиях не происходит революции пролетариата, то поддержка восстаний в колониях будет для социалиста отступлением от «резко-классовой» линии. Вот где подлинный оппортунизм, прикрываемый «социалистическим» доктринерством. Вот где непонимание со-

---

[1]) Цитирую по Ленину, Собр. соч., т. XIII, стр. 373, 374.

[2]) Архив Истпарта. Рукопись статьи Пятакова «Пролетариат и право наций на самоопределение в эпоху финансового капитала», стр. 37—38. В том же духе высказались и «впередовцы» в своем органе «Вперед», № 6, в статье В. Полянского «О самоопределении наций:

«Мы не должны препятствовать колониальным восстаниям, но мы и не можем всегда поддерживать их»... Предположим, Персия захочет освободиться от хозяйничающих в ней «освободителей». Обязан ли персидский пролетариат вместе со всей буржуазией вести национальную войну? Полагаем, нет. Свои полувладельческие ханы нисколько не ближе ему, чем чужие эксплоататоры».

циалистической революции как эпохи. Став на подобную точку зрения, большевики должны были бы занять нейтральную позицию по отношению к национально-освободительному движению в колониальных и полуколониальных странах, т. е. сдать без боя свои позиции империалистам.

Непонимание закона неравномерности капиталистического развития, недиалектическое противопоставление новой и старой эпохи привело Ю. Пятакова и Р. Люксембург к полному отрицанию прогрессивности национального движения (а значит, и национальных войн) в эпоху империализма. В тезисах группы «Интернационал», теоретиком которой была Р. Люксембург, 5-й тезис гласил: «В эпоху разнузданного империализма не может быть никаких национальных войн». Отсюда — категорическое отрицание лозунга «защита отечества», как «предательского», «принадлежащего к арсеналу злейших врагов пролетариата» и т. п. Таким же предательским казался «левым» путаникам и лозунг «право наций на самоопределение», если под ним подразумевалось право на государственное отделение. Социалисты не могут быть за создание новых национальных государств, тогда когда национальное государство изжило себя, когда «ставить себе целью учреждение новых национальных государств значит ставить себе заведомо неразрешимую задачу — вести борьбу за химеру, за выдумку, за плод воображения» [1]). Почему ж национально-освободительное движение стало реакционным? Почему реакционно требование права наций на самоопределение? Потому, что:

«одно дело — право наций на самоопределение в эпоху формирования национальных государств, как наилучших форм развития производительных сил на тогдашнем уровне, иное дело — это право, когда эти формы, формы национального государства, стали оковами их развития».

В том же духе высказался и «Вперед», орган «левых» большевиков «впередовцев»:

«Национальные освободительные войны в империалистическую эпоху невозможны. Колониальные восстания за независимость не гарантируют политических свобод в борьбе с буржуазией. Следовательно, говорить о какой-либо защите отечества в нашу эпоху значит вторить буржуазным идеологам»[2]).

Итак, мы вступили в новую эпоху, эпоху империализма, а значит, у нас сплошной империализм. Во всем этом ходе рассуждений видна крайняя ограниченность своим европейским, цивилизованным миром и непонимание того, что лозунг «защиты отечества», реакционный в Англии, может быть революционным в Индии или Китае. Ленин пытался об'яснить этим «европейски-ограниченным социалистам», что то, что для одних наций является вчерашним днем, то для других является завтрашним днем.

[1]) Архив Истпарта, фонд ЦО, рукопись ст. П. Киевского (Ю. Пятакова), стр. 23.

[2]) «Вперед», № 6, стр. 6, ст. В. Полянского «О самоопределении наций»

Для «левых» пролетарская революция была «ярким лозунгом», для Ленина — конкретной задачей. При разрешении этой задачи пролетариат должен использовать все возможные резервы. «Мы были бы очень плохими революционерами, — писал Ленин, — если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать «всякого народного движения против отдельных бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса»[1].

Вопрос о роли национальных войн есть часть вопроса о роли демократических элементов в пролетарской революции. Вопрос о праве наций на самоопределение есть частный вопрос, часть проблемы «империализм и демократия». «Чтобы не свести империализм к внешней политике, необходимо от этого частного вопроса, вопроса главным образом внешней политики, перейти к анализу политической надстройки монополистического капитализма. Переход от конкуренции к монополии в экономике усиливает антидемократические тенденции в политике. Империализм стремится к нарушению демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание демократии вообще, всей демократии, а вовсе не одного из требований демократии, именно: самоопределение наций»[2].

Правильно ли будет говорить о несовместимости империализма и демократии, в частности демократической республики? Еще Энгельс показал, что при наличии прямого подкупа «чиновников» и «союза правительства и биржи» демократическая республика вполне совместима с господством капитала. При монополистическом капитализме власть биржи лишь усиливается. Где же здесь несовместимость?

Еще более недопустимо для социалиста говорить о неосуществимости демократии в эпоху империализма. Она неосуществима при капитализме без революций, но она вовсе не является в эпоху монополистического капитализма реакционной утопией. Утверждая это, Пятаков впадает в логическую ошибку, сходную с ошибкой Троцкого, когда он рассуждает, что «империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат буржуазной нации».

Ленин вскрывает ход рассуждений П. Киевского (а попутно и Троцкого) следующим образом: «Империализм есть высоко развитый капитализм, империализм прогрессивен; империализм есть отрицание демократии; «значит», демократия неосуществима при капитализме»[3].

Революция пролетариата (а только такая революция и возможна в эпоху империализма) «устанавливает» социализм. Социализм есть безгосударственное общество, «значит» ни о какой демократии в нашу «эру» не приходится говорить. Таков ход рассуждений «левых» большевиков.

Из этого неверного теоретического рассуждения вытекали крупнейшие тактические ошибки: отказ пролетариата в эпоху социальной

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 432.
[2]) Там же, стр. 353.
[3]) Архив Истпарта, копия рукописи статьи Ленина, начинающейся словами: «Капитализм забивает и надламывает»...

революции: 1) от «демократической организации отношений между нациями» в эпоху гражданских войн; 2) от проведения подлинной демократии при диктатуре пролетариата.

Эти ошибки обусловливают неправильную тактику пролетариата по отношению к крестьянству. Они идут по линии срыва союза пролетариата и крестьянства. В этом отношении тактическая линия «ультра-левых» периода войны сближается с тактикой троцкизма.

Нетрудно видеть, что вся их концепция в вопросах мировой революции близка к концепции Троцкого в оценке перспектив революции в России. «Теория» перманентной революции 1905 г. и воспроизводит ошибки этой теории в международном масштабе.

Здесь мы не можем подробно остановиться на анализе взглядов Троцкого эпохи империализма, но достаточно будет привести следующие две выдержки из его статей периода войны, чтобы убедиться в близости Пятакова и Юниуса к троцкистскому пониманию особенностей этой эпохи и троцкистской теории социальной революции. Вот первая из них: «Империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации» [1]). Еще ясней становится сродство методологии «левых» и «Троцкого» при рассмотрении другой выдержки, относящейся к оценке перспектив революции в России, но имеющей значение для освещения всей методологии Троцкого.

«Ставим ли мы развитие русской революции, — а, значит, практически движение русского пролетарита — в зависимость от революционного движения русской интеллигенции, мелкой городской буржуазии и крестьянства? Или же мы подчиняем движение российского пролетариата задачам и целям движения всего европейского пролетариата, и российскую революцию ставим в зависимость от пролетарской борьбы во всем капиталистическом мире? Словом: держим ли мы основной курс всей нашей политики на национальную буржуазную революцию или интернациональную революцию пролетариата? [2]).

В этой весьма современно звучащей фразе т. Троцкий делает две методологических и политических ошибки: 1) противопоставляет борьбу пролетариата за демократию совместно с мелкой буржуазией его борьбе за социализм, противопоставляет буржуазно-демократическую революцию социалистической, 2) противопоставляет национальную революцию интернациональной.

Позиция П. Киевского (Пятакова) и Юниуса (Р. Люксембург) в вопросе о самоопределении наций и о демократии сводится тоже: 1) к непониманию роли демократических элементов в эпоху империализма и социальной революции, к непониманию соотношения революционных, в буржуазно-демократическом смысле, движений с социалистической

---

[1]) Статья Троцкого «Борьба за власть» в газ. «Наше слово» за 17 окт. 1915 г., см. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 213.

[2]) Написано осенью 1915 г.; из серии ст. в «Нашем слове» — «Военная катастрофа и перспективы революции». Л. Д. Троцкий, Война и революции, Гиз, Птгр., 1922 г., стр. 256—257. Разрядка наша. — Д. Б.

революцией пролетариата, 2) к связанному с ним неправильному противопоставлению национальных революций международной социалистической революции [1]).

Сопоставление теоретических положений Пятакова с теоретическими положениями т. Троцкого показывает близость «левого большевизма» этого периода с троцкизмом. Эта близость об'ясняется общей сущностью обоих течений, которую можно свести к формуле «левые фразы и правые дела». Общим для обоих течений является их понимание социалистической революции как «чистой» социальной революции. Держать курс на «чистую» социальную революцию значит на деле отказаться от революции, значит быть революционером лишь на словах.

«Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит отрекаться от социальной революции».

«Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции» [2]).

Общей основой ошибок и Троцкого, с его подновленной теорией перманентной революции, и «левой» оппозиции того времени является неправильная оценка роли демократических элементов, главным образом крестьянства, в борьбе между социализмом и капитализмом. Они отошли от выдвинутого Энгельсом [3]) и разработанного Лениным положения о том, что партия пролетариата не должна держать курс на полное расслоение крестьянства, на окончательное уничтожение мелкого производства. Они отошли от революционно-марксистского понимания социалистической революции к социал-демократической теории «врастания в социализм», к теории «созревания капитализма». Несмотря на сугубую революционность их фразеологии, несмотря на выбрасывание программы-минимум, и Троцкий и «левые» остались в кругу социал-демократических идей.

В чем суть революционно-марксистской точки зрения по вопросу о переходе от капитализма к социализму? В следующих положениях: 1) пролетариат не дожидается окончательного созревания капитализма, полного уничтожения мелкого производства; 2) путь к социализму лежит через социальную революцию и диктатуру пролетариата, — социализм отделяет от капитализма переходный период.

---

[1]) Это непонимание национальной революции, как части мировой социальной революции, особенно наглядно видно на примере той позиции, которую заняла собирающаяся под знамением троцкизма современная оппозиция в вопросе о китайской революции.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 430—431.

[3]) См. Ф. Энгельс, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, Гиз., Птб., 1920 г., стр. 39.

Оппортунисты считают, что: 1) переход к социализму возможен тогда, когда капитализм «созреет» (концентрация и централизация производства и наличие подавляющего большинства пролетариата, с одной стороны, и небольшой группы крупнейших капиталистов — с другой); 2) между капитализмом и социализмом нет переходной эпохи, нет необходимости в социальной революции и диктатуре пролетариата. К какому из этих взглядов ближе т. Троцкий и левые? Каковы их основные положения по этим вопросам? Основой троцкистского понимания роли крестьянства в русской революции, основой пятаковского понимания роли отсталых наций (в большинстве тоже крестьянство) в мировой революции является социал-демократический, цеховой, тред-юнионистский взгляд на отношение партии пролетариата к революционному движению неэксплоататорских слоев мелкой буржуазии и движению угнетенных национальностей. Ленин дал исчерпывающую оценку троцкистскому «отрицанию» роли крестьянства: «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают н е ж е л а н и е поднимать крестьян на революцию». То же самое можно сказать и об «отрицании» Пятаковым и др. роли национальных войн. Развитая Преображенским теория «пожирания» крестьянского хозяйства показывает, что в корне этой оценки роли крестьянства лежит общее с социал-демократами понимание перехода мелкого хозяйства к социализму, которое у социал-демократов тесно связано с теорией «созревания капитализма». Теоретическая подоснова взглядов «левых» и «правых» в этом вопросе общая, политически и те и другие сходятся на «отрицании» роли демократических элементов в социалистической революции, а так как вопрос о правильной тактике пролетариата по отношению к крестьянству и угнетенным нациям есть «гвоздь» для всего переходного периода, то и политически, несмотря на внешнюю противоположность взглядов, и «левые» и «правые» приходят к невозможности победоносной пролетарской революции. Отсюда и непонимание у «левых» необходимости переходной эпохи, толкование социалистической революции как единовременного акта, отрицание значения демократии и т. п.

Правда, и у Троцкого и у Пятакова имеется немалая путаница, ряд отступлений от изложенных здесь взглядов, но в основном концепция обоих течений единая: у пролетариата и крестьянства нет общности интересов, прочный союз пролетариата и крестьянства невозможен. Эта теория есть теория изоляции пролетариата, теория отрицания руководящей роли пролетариата в отношении революционно-демократических движений, теория невозможности победы социалистической революции, теория невозможности для пролетариата перевоспитать мелких товаропроизводителей и построить социализм в капиталистическом окружении.

Нетрудно видеть, что в эпоху войны уже началась разработка проблем, которые сейчас для нас имеют актуальнейшее значение, что узлы современных разногласий по основным вопросам русской и международной революции были завязаны еще в этот период истории партии. Приходится еще раз повторить, что только искровский период,

период кануна первой русской революции по своей значительности для теоретического вооружения партии можно сравнить с военным периодом. Хотя сейчас еще очень немного сделано для опубликования материалов о разногласиях внутри Циммервальдской левой, но уже из того, что опубликовано, видно, что при выработке основ программы Всесоюзной коммунистической партии и Коммунистического Интернационала шла борьба на два фронта, причем в известные периоды (1916 г.) Ленин направлял критику главным образом против зарождающегося «левого» оппортунизма, хотя ему и приходилось бить по своим немногочисленным соратникам, к тому же загнанным и затравленным империалистами и их слугами социал-шовинистами.

Лозунги и идеология Октябрьской революции не были привезены Лениным из Швейцарии в апреле 1917 г. Факт быстрой перестройки рядов партии в период февраля — октября, факт несомненной подготовленности партии к использованию той исключительной ситуации, которая в этот период сложилась, говорит за то, что почва для восприятия партией апрельских тезисов была подготовлена. Апрельские разногласия нимало не отрицают факта этой подготовленности. Только в России была в это время пролетарская партия, способная сделать апрельские тезисы программой действия. Когда же происходила идеологическая подготовка партии к Октябрю? Она происходила, понятно, в течение всей тридцатилетней борьбы революционного марксизма в России с оппортунизмом, но она двинулась быстрыми шагами в предвоенный и военный периоды. Рассмотреть предвоенный период под этим углом зрения в данной статье не представляется возможным. Сошлемся лишь на свидетельство одного из активнейших работников эпохи «Звезды» и «Правды», М. С. Ольминского [1]).

Тот факт, что в настоящее время «поколение «Правды» является костяком партии, что выдвинувшиеся в этот период руководители партии оказались наиболее стойкими и ленински-выдержанными, на чьи плечи легло руководство партией после смерти Ленина, — этот факт говорит также о том, что эпоха «Правды» была эпохой идеологического оформления русского пролетариата, как передового отряда в борьбе не только против царизма, но и против капитализма, против международного империализма.

Война способствовала ускорению и формированию идеологии Октябрьской революции. Активная антивоенная работа партии, которая была работой, направленной не только против правительства, но и против империалистической буржуазии, лозунг «гражданской войны», накопление в массах ненависти против господствующих классов и сознание революционными рабочими резкой противоположности своих классовых интересов в вопросе о войне классовым интересам буржуазии, — все это ускоряло идейную подготовку партии к переходу от борьбы за демократию к борьбе за социализм. Проследить, как шел этот процесс, нельзя, но некоторые документы и воспоминания с несомненностью

[1]) Сб. «Из эпохи «Звезды» и «Правды», Гиз, 1921 г., ч. 1, стр. 156.

доказывают, что подпочвенные искания партийной мысли в направлении апрельских тезисов Ленина были, что процесс этот «наперекор стихиям» шел внутри партии и шел ускоренным темпом. М. С. Ольминский в предисловии к опубликованным им трем письмам из ссылки пишет, что «в Качугской ссыльной колонии шли горячие споры о том, возможна ли буржуазная революция или же предстоящая революция неизбежно должна стать пролетарской, социалистической»[1]).

Тов. Антонов-Саратовский в своих воспоминаниях много пишет об этих спорах, привлекших внимание и других ссыльных колоний: Головской, Верхоленской, Мансурской, где в это время был ряд крупных партийных работников.

3. Организация сил партии

Большевики в военные годы вели не только большую организационную работу по сплочению интернационалистических элементов и созданию основы III Интернационала, но они, кроме того, проделали большую работу по созданию теоретической базы для партии мировой революции. Деятельность ЦК в годы войны можно сравнить с огромной организационной теоретической работой старой «Искры».

Необходимость четкости линии и отсутствия каких бы то ни было идейных шатаний среди этого руководящего ядра заставила ЦК открыть огонь по своим единомышленникам из Циммервальдской левой. Ленин в статьях 1916 г. сосредоточивает внимание на опасности возникновения «ликвидаторства слева».

В «Сборнике «Социал-демократа» появляется ряд его статей и заметок, направленных против Р. Люксембург, Бухарина, польских, голландских, швейцарских с.-д., разбираются их шатания в национальном вопросе, вопросе об аннексиях, о разоружении, о государстве и др. Статья против Пятакова была предназначена для № 3 «Сборника «Социал-демократа», не увидавшего свет. Разногласия внутри большевизма, таким образом, не были вынесены на страницы печати[2]). В предисловии к статье против П. Киевского (Ю. Пятакова) т. Ленин пишет, что разбираемая статья «дает первый опыт сколько-нибудь цельного литературного изложения шатаний мысли, замечавшихся в некоторых заграничных кружках нашей партии с начала 1915 г.»[3]). Первым документом, формулирующим позицию единомышленников

---

[1]) «Пролетарская революция», № 4, за 1922 г., стр. 276.

[2]) Правда, статья Ленина против Киевского была до напечатания разослана некоторым товарищам из находившихся в эмиграции (это видно из письма т. «Степко», Кихиадзе, из Парижской секции В. И. Ленину (Архив Истпарта, фонд ЦК, № 822), но с нею могли познакомиться лишь единицы). Критика ошибки т. Бухарина в «Сборнике «Социал-демократа» (псевдоним Nota Bene) по вопросу о государстве была дана в заметке по поводу журнала «Интернационал молодежи», издававшегося на немецком языке Союзом соц. орг. молодежи. Полемика против линии ЦК на страницах «Вперед» не носила внутрипартийного характера, так как группа «Вперед» стояла вне партии.

[3]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 340.

Бухарина [1]), была резолюция, предложенная Божийской группой на Бернской конференции заграничных секций РСДРП (25 февраля—4 марта 1915 г.). Божийцы появились на конференции лишь в конце ее вместе с только что приехавшими «японцами» — Ю. Пятаковым и Е. Бош, бежавшими из ссылки через Японию. К Божийской группе принадлежали Н. Бухарин, Н. В. Крыленко (Абрам) и Е. Ф. Розмирович. Еще до созыва конференции между ЦО и группой Бухарина создался конфликт в связи с отказом ЦК санкционировать издание самостоятельного органа группы — газеты «Звезда». Эта газета должна была выходить как дискуссионная (так как в ЦО выяснить существовавшие разногласия было якобы «невозможно»). Пятаков и Е. Бош, по словам т. Бош, в это время еще не были в оппозиции. «Бухарин, Крыленко и Розмирович действительно были «оппозицией», но в этой тройке не было единства. В дороге и в Народном доме из разговоров выяснилось, что тройка не имеет единой точки зрения и т. Бухарин был очень огорчен, что его никто не поддерживает» [2]). Тов. Бухарин выступил на конференции с содокладом уже не от имени группы, а от себя. В резолюции, предложенной от имени Божийской группы, нет еще законченной особой точки зрения, ее предложения больше похожи на поправки к предложениям ЦО, по крайней мере, в основном вопросе, в вопросе о лозунге гражданской войны. Отстаивание лозунга мира и решительное возражение против лозунга поражения, т. е. шатания в сторону левого центризма-троцкизма, фигурируют рядом с сугубо «революционным» толкованием гражданской войны. Владимир Ильич и большинство конференции пытались столковаться с «оппозицией» по основным принципиальным вопросам, для чего в комиссию по выработке резолюции был включен т. Бухарин. После продолжительных прений внутри комиссии резолюция была принята комиссией единогласно. Никаких существенных уступок оппозиции не было сделано, все дело свелось к редакционным поправкам. Принципиальные расхождения ЦК с группой т. Бухарина еще не были достаточно оформлены, так как у божийцев не было цельной «платформы».

Тов. Шкловский считает, что Крыленко и др. «брюзжали», искали повода к разногласиям и мечтали об издании своей собственной газеты, независимой от ЦО [3]).

Конференция по вопросу о газете приняла следующую резолюцию: «По поводу проекта товарищей из Божийской группы издавать новую газету конференция находит, что было бы очень нежелательно и неосторожно раздробить немногочисленные силы большевиков за границей, и выражает надежду, что все товарищи сплотятся вокруг обще-

---

[1]) В группе не было однородности. Из письма Н. Бухарина Ленину из Божи видно, что он относился отрицательно к попыткам Юрия (Пятакова) сблизиться с Троцким (Архив Истпарта, фонд ЦК, № 783). В письме говорится: «Юрий ведет задушевную беседу с Троцким».

[2]) См. воспоминания Е. Бош в «Пролетарской революции», № 5, за 1925 г., стр. 179—180.

[3]) «Пролетарская революция», № 5 (40), за 1925 г., стр. 179—180.

партийных предприятий, намеченных в резолюции конференции» (принята единогласно) [1]).

С переездом группы Пятакова и др. «левых» в Стокгольм трения между ней и ЦК не прекращаются. Обладая средствами и связями, играя некоторую роль в сношениях ЦК с Россией, группа пытается развернуть издательскую деятельность и организовать самостоятельную группу по сношениям с Россией помимо ЦК. С переездом в Стокгольм Бухарина, Пятакова и Е. Бош они стали передаточным звеном в сношениях между ЦК и Россией, которые шли, главным образом, через Скандинавию.

В ноябре 1915 г. Ю. Пятаков пишет письмо Владимиру Ильичу и Г. Зиновьеву с предложением ЦК утвердить их в качестве «особой комиссии». В состав «комиссии» должны были войти Ю. Пятаков, Е. Б. Бош, Н. И. Бухарин и Я. Багровский. Багровский — это молодой большевик, работавший в Стокгольме и знакомый с конспиративной техникой. Функции группы предполагались следующие: 1) Информация заграничной части ЦК о происходящем в России. 2) Информация России о «заграничных делах» (партии) и западно-европейском движении. 3) Пересылка и издательство литературы. 4) Сношения со шведскими левыми от имени ЦК. В случае согласия заграничного центра эта комиссия из 4-х человек должна была существовать на правах «формального учреждения при ЦК» [2]).

Предполагалась полная автономия от местной большевистской секции, состав которой был, по словам Н. И. Бухарина, «ультра-серый».

Заграничный центр ответил на предложение Ю. Пятакова рядом ограничений прав группы, зафиксированных в «провизорном уставе». При этом уставе, утверждавшем группу, но без права вести переписку с Россией от имени группы, предусматривалась необходимость пересылки на просмотр отсылаемых в Россию материалов в Берн, в заграничный центр, и передача всех связей ЦК и т. д.

В рамках этого устава «стокгольмцы» не сочли возможным работать и решили группу распустить. Об этом было послано 3/XII 1915 г. в ЦК официальное письмо за подписями: Юрия [Пятакова], Як[ова] Б[агровского], Н. Бухарина и Е. Б[огдановны Бош]. Мотивом ликвидации группы выставлялось: 1) «явно недоверчивое отношение» ЦК к группе. 2) «Невозможность руководствоваться §§ предложенного... устава». Одновременно высказывалась просьба о присылке уполномоченного ЦК в интересах централизации дела [3]).

Стокгольмцы видели в письмах ЦК «свирепую ограничительность» и «недоверчивое отношение». Это способствовало созданию натянутых отношений, о чем свидетельствует переписка и следующая записка Н. К. Крупской, подытоживающая первый этап развития конфликта:

---

[1]) «Пролетарская революция», № 5 (40), за 1925 г., стр. 179—180.

[2]) Архив Истпарта, фонд ЦК, № 945, письмо Ю. Пятакова Г. Зиновьеву и В. И. Ленину из Стокгольма, 8/XI 1916 г.

[3]) Арх. Истпарта, фонд ЦК, № 954, письмо из Стокгольма 3/XI 1915 г. за подписями: «Юрий, Як. Б., Н. Бухарин, Е. Б.».

«Африканцы (зачеркнуто: японцы) (шифр) (стокгольмцы) настаивали на утверждении их самостоятельной группой, которая ведет самостоятельную переписку с Россией (как группа), ведет сношения с местной партией и пр. Передать такую важную функцию, как переписку, не могли, группа именно для этой цели мало пригодна, не очень конспиративна, стремится к руководству, а по существу весьма неустойчива...

«...Предложено было утвердить, как группу без права, как группе вести переписку с Россией (каждый, как частное лицо, понятно, может писать, высказывать свои личные взгляды и пр., но официально выступать в письмах как группа не могут). В результате смертельная обида. Деловая переписка осталась, но отношения натянутые. Усугубилось недовольство из-за К.» [1]).

Официальным роспуском группы дело не кончилось, т. к. в основе конфликта лежали разногласия по основным вопросам тактики: о «поражении» «о праве наций на самоопределение» и в программе-минимум вообще. Свои взгляды по вопросу о «самоопределении» «стокгольмцы» зафиксировали в тезисах из 10 пунктов по самоопределению. Эти тезисы вместе с платформой [2]) по всем основным вопросам тактики они отправили в ноябре 1915 г. в ЦК. (Тезисы были получены в ЦК 19/XI—1915 г.). Осенью 1915 г. разногласия были еще не настолько острыми, чтобы помешать изданию ЦК совместно с группой стокгольмцев (в издании П. и Н. Киевских, т. е. Е. Бош и Ю. Пятакова) одного (двойного) номера сборника «Коммунист», вышедшего в сентябре 1915 г. Следующий номер сборника «Коммунист» не вышел в связи с обострением разногласий. На смену ему ЦО издал «Сборник «Социал-демократа».

В основных чертах конфликт, связанный с изданием «Коммуниста», сводится к следующему. Весной 1915 г. в Берне было достигнуто соглашение между редакцией ЦО и «Киевскими» об издании совместно теоретического сборника. Условия «соглашения», судя по письму Ю. Пятакова [3]) были следующие: «Образуется группа из 6-ти человек, в которую входят: 1) Владимир Ильич, 2) Г. Зиновьев, 3) Н. Бухарин, 4) Ю. Пятаков, 5) Евг. Богд. Бош — шестое место временно осталось незамещенным, а потому — 6-й голос разделен пополам между Владимиром Ильичем и Г. Зиновьевым. Право замещения 6-го места дано Владимиру Ильичу или Г. Зиновьеву. В редактировании журнала «Коммунист» и др. своих изданий группа совершенно автономна. ЦК партии может распустить группу, но не имеет никакого права вмешиваться в редакционную работу. — Было особо оговорено, что «Коммунист» имеет право занять по тому или иному частному вопросу позицию, расходящуюся с позицией ЦК, открытая в таком случае на своих страницах дискуссию по данному вопросу» [3])

В этом составе редакции, повидимому, и был выпущен № 1 «Коммуниста». В этом номере противники ленинской линии: Пятаков, Бухарин, К. Радек хотя и участвовали, но писали не по спорному вопросу

[1]) Архив Истпарта, записки Н. К. Крупской.

[2]) См. приложения № 2 и 3.

[3]) Архив Истпарта, фонд ЦК, № 976, письмо Н. Лялина (Ю. Пятакова) от 24/III 1916 г.

о «самоопределении», а на более или менее «нейтральные» темы. Сборник вышел не как орган ЦК, а как «издание П. и Н. Киевских». После выхода № 1 «Коммуниста» разногласия оформились и обострились. Н. Бухарин предлагал открыть дискуссию по национальному вопросу «вне зависимости от дел «Коммуниста». Был одно время проект издать дискуссионную брошюру «à la Каменев-Ленин» [1]), но отделить дискуссию от «Коммуниста» было трудно. «Киевские» (они же «японцы» — бежавшие через Японию) — обладали денежными средствами, необходимыми для выпуска в свет сборника. На этом основании они, по словам Зиновьева, «поставили партии денежный ультиматум». Кроме требований себе «2-х редакционных кресел», они выставили требование признать «преимущественное право для этих двух кресел помещать в особом отделе все, что им вздумается — с тем, чтобы ответственность несли за это мы» [2]), т. е. ЦК.

В течение более полугода идет переписка по вопросу об издании органа. Ведется она частью через Н. И. Бухарина, частью через А. Шляпникова. Н. И. Бухарин занимает примирительную позицию, готов итти на ряд уступок лишь бы сохранить «Коммунист», но «планы «японцев» не примиримы» с требованиями ЦК. А. Шляпников «буферит» и пытается сыграть роль «честного маклера». Не видя основы конфликта — идейных разногласий, он пытается свести его к «торговле», за что получает жестокий отпор со стороны Ленина, который делает на его письме от 13/V—16 года пометку: «Условия в последнем письме были выставлены не для дипломатии и не для торговли, а как последняя попытка. Так как эти условия полностью не приняты, то я считаю соглашение не состоявшимся» [3]).

Условия ЦК в основном сводились к следующему:

«1) Молчать по национ[альному] вопросу — нельзя. Программа журнала, как такового, и по этому вопросу есть программа партии (реш[ение] 1923 г.; реш[ение] ЦК).

2) В ближ[айшей] книжке печается по этому вопр[осу] ст[атья] В. И. — за подписью автора, без всяких примеч[аний] от ред[акции].

3) Если редакция «С[оциал]-Д[емократа]» найдет нужным, там же печатаются вырабатываемые тезисы по нац[иональному] вопр[осу] — для суждения т-щей.

4) В № 4 не исключено помещение дискуссионной ст[атьи] Радека (или кого иного), отстаивающ[его] другую точку зрения, но с ответом В. И., защищ[ающего] точку зр[ения] партии.

5) Журнал становится органом ЦК и заявляет об этом открыто.

6) Редакция остается в старом составе.

7) «Группа» продолжает работать на основании провизорного устава, утвержденного в Берне» [4]).

---

[1]) Такая брошюра была издана по вопросу о бойкоте Гос. думы в 1907 г.

[2]) Архив Истпарта, фонд ЦК, № 973, письмо Г. Зиновьева Н. Бухарину с примечанием Ленина.

[3]) Там же, № 978, копия ответа Ленина А. Шляпникову.

[4]) Там же, № 974, письмо Г. Зиновьева «Программа-минимум» (для приватного ответа).

Спор велся вокруг вопроса о помещении статьи Ленина с примечаниями о несогласии половины редакции и о помещении статьи о самоопределении Радека или Пятакова. Были кроме того со стороны «стокгольмцев» предложения ввести 7-го члена в редакцию.

Во время этой переписки в Берне шла подготовка к изданию «Сборника «Социал-демократа». Когда соглашения достигнуто не было, в октябре 1916 г. вышел вместо «Коммуниста» — «Сборник «Социал-демократа» № 1, а за ним в декабре «Сборник «Социал-демократа» № 2. В № 3 и 4 предполагалось помещение дискуссионной статьи Ю. Пятакова и Н. Бухарина. В первых двух номерах дан ряд статей Ленина по спорным вопросам и «тезисы об империализме и национальном угнетении» редакции «Газеты Работничей», органа Краевого Правления Польской социал-демократии (близкой взглядам Ю. Пятакова), и контртезисы редакции ЦО — «Социалистическая революция и право нации на самоопределение» [1]).

Разногласия с «стокгольмцами» были связаны с расхождением по национальному вопросу, по вопросу о разоружении и другим, внутри Циммервальдской левой. Хотя они не носили чисто внутрипартийный характер, но их значение для единства партии было очень велико. Налицо были две существенных предпосылки для создания фракции: 1) идейные разногласия по основным вопросам тактики; 2) тенденция к организационному обособлению оппозиционно-настроенных членов партии. Эта последняя выразилась не только в выработке групповой платформы и в попытке создать автономную группу, но и в посылке своего агента в Петербург.

«После происшедшего, — пишет Г. Зиновьев, — ясно, что «японцы» перешли на практике к созданию своей особой фракции. Повторяются блаженной памяти времена впередовства: утверждают, что вполне согласны с ЦК, несмотря на все наши приглашения дать изложение разногласий (в ЦО, в брош[юре], в сборнике), этого изложения не дают в течение года, а вместе с тем шлют гонцов в Россию, путая местную работу и сея склоку» [2]).

В связи с опасностью перерастания разногласий в фракционную борьбу против ЦК, Ленин считал, что больше нельзя этот «раздор» сохранить «строжайше в самом тесном кругу» [3]).

Он считал, что пришло время ознакомить с возникшими разногласиями партийных работников, работающих в России. Для этой цели В. И. использует Шляпникова, уезжающего после второй поездки за границу обратно в Россию. Он пишет ему в письме (сентябрь 1916 г.) о том, что теперь для выработки теоретической линии недостаточно существующих резолюций, тезисов и программной брошюры «Война и социализм». «На очереди дня теперь стоит очистка ее от назревших нелепостей и путаницы, отрицание демократии (сюда относится разоружение, отрицание самоопределения, теоретически неверное отри-

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 155 — 156 и 235—245.

[2]) Архив Истпарта, фонд ЦК, № 973, письмо Г. Зиновьева Н. Бухарину, с примечанием Ленина.

[3]) См. письмо Ленина А. Коллонтай в Ленинском сб., т. II, стр. 263.

цание) и вообще защиты отечества, шатания в вопросе о роли и значении государства вообще и пр.» [1]).

Критикуя взгляды каутскианцев по вопросам о демократии, о государстве и т. д., «левые» и другие пришли к отрицанию программы-минимум. Ленин считал, что «критика» такого типа может скомпрометировать революционное крыло и дать неправильное направление зарождающейся мировой партии пролетарской революции: «ошибки Бухарина, — писал Ленин, — могут погубить это «правое дело» в борьбе с каутскианством» [2]).

В статье «О рождающемся направлении империалистического экономизма» Ленин указывает на неосновательные претензии П. Киевского (Ю. Пятакова) дать новое в теории марксизма и тактике большевизма. «Автор хочет незаметно (не подумав и не дав ничего цельного, не трудясь над выработкой своей программы) выкинуть программу-минимум с.-д. партии! Неудивительно, что он год топчется на месте!..

...По-моему, верх недопустимости и несерьезности, непартийности — целый год прокламировать новый большевизм, ограничиваться этим, — не пора ли обдумать и дать нечто такое товарищам, что бы связно и цельно излагало этот «большевизм в з(ападно)-евр[опейском] масштабе» [3]).

В результате года неофициальных шатаний мысли Пятаков и «иже с ним» пришли к убеждению о необходимости выбросить программу-минимум, «не трудясь над выработкой своей программы». Характерно, что эта оппозиционная группа претендовала на создание «нового большевизма» — «большевизма в западно-европейском масштабе». Не связано ли это с троцкистской постановкой вопроса о необходимости «интернационального курса» партии, «разбольшевичивания» большевизма, лишения его «национальной ограниченности»? В вопросах мировой революции Пятаков и его группа были близки к идеям Троцкого, они воспроизводили его «теорию перманентной революции» в «западно-европейском масштабе». В оценке характера русской революции П. Киевский сходился с большевиками-ленинцами, но это не уменьшало значения проповедуемых им взглядов, не только для всей Циммервальдской левой, но и для Российской партии.

Заграничный центр ввиду важности вопроса потребовал от Бюро ЦК в России определить свое отношение к этим разногласиям. В связи с этим Бюро ЦК была вынесена следующая резолюция: «Заслушав заявление т. Беленина [Шляпникова] относительно разногласий в коллегии сотрудников партийной прессы по отдельным пунктам программы и тактики партии, БЦК считает необходимым довести до сведения заграничной редакции ЦО следующее: 1) БЦК в России, заявляя о своей полной солидарности с основной линией ЦК, проводимою в ЦО — «Социал-демократ», выражает пожелание, чтобы все издания ЦК редактировались в строго выдержанном направлении, в полном соответствии с линией

[1]) Ленинский сборник, т. II, стр. 276—277.
[2]) Там же, стр. 283.
[3]) Архив Истпарта, копия рукописи статьи Ленина «О рождающемся направлении империалистического экономизма».

ЦК, занятой им от начала войны. 2) Бюро высказывается против превращения изданий ЦК в дискуссионные. 3) Бюро находит, что расхождение сотрудников по отдельным вопросам программы-минимум с редакцией ЦО не может служить препятствием к участию этих лиц в изданиях ЦК, и предлагает редакции ЦО принимать их сотрудничество по другим вопросам, стоящим вне разногласий. 4) Бюро предлагает для раз'яснения и ликвидирования разногласий использовать частные издательства как в России, так и за границей, путем выпуска специальных сборников дискуссионного характера» [1]).

Солидаризируясь с линией ЦО, Бюро ЦК выносит некоторые решения примирительного характера. О разногласиях, как это видно из резолюции, Бюро ЦК было информировано А. Шляпниковым (Бელениным), а он смотрел на конфликт между ЦО и группой Пятакова, как на событие из эмигрантской жизни, как на явление, свойственное «нашей интеллигенции, которая в области ограждения «принципов» доходит до доктринерства, не останавливаясь даже перед уходом от дела» [2]). О сути теоретических разногласий с этой группой партийные работники знали очень мало, так как разногласия с ней не были вынесены на страницы партийной печати.

Имели ли распространение в России взгляды Пятакова и его единомышленников? Стали ли разногласия достоянием всей партии? Группа «левых» была хорошо связана с Москвой [3]). Именно в Москве и появились «самобытные» взгляды по вопросу о поражении и другим вопросам. Совпадение едва ли случайное. К 1916 г. у москвичей, как это видно из письма в ЦК, помеченного 5 января 1916 г., все еще остались следы самобытности: «Точка зрения москвичей до последнего времени значительно разнилась от общеизвестной. Все время отрицалась постановка вопроса о гражданской войне и т. д. Последнее время «москвичи» как-то выдохлись, а если у некоторых и наблюдается самобытность, то в сторону тех уклонений, которые в области теории намечались в Астраханской губернии» [4]).

Письмо ничего не говорит о связи московской «самобытности» со взглядами «стокгольмцев». Указания на «уклонения в области теории», которые намечались в «Астраханской» (Саратовской) губернии относятся, повидимому, к взглядам Оппокова-Ломова, развиваемым им сначала в Саратове, а затем в Качугской ссылке, откуда он посылал свои статьи по теоретическим вопросам в Москву.

Несмотря на все эти факты, нельзя говорить о «левом большевизме» в годы войны, как об о ф о р м л е н н о м т е ч е н и и, наподобие того, какое было в годы реакции (отзовизм) или в 1918 г. («левые коммунисты»). У п а р т и и б ы л а е д и н а я т е о р е т и ч е с к а я

---

[1]) Ш л я п н и к о в, Канун 1917 г., ч. 2, стр. 60—61.

[2]) Т а м ж е, ч. 1, изд. 3. стр. 154.

[3]) Это видно из переписки Бухарина с ЦК. Обращает на себя внимание факт приезда Н. В. Крыленко и Е. Ф. Розмирович в Москву.

[4]) Архив Истпарта, письмо в ЦК из Москвы без подписи. Пометка Н. К. Крупской от «Ветрова» (М. Савельева) или «Матрены» (П. Г. Смидовича).

линия. Единству партии не угрожала опасность оформления теоретического уклона некоторых большевиков в сплоченную группу, во фракцию.

Гораздо более серьезную опасность представляли примиренческие тенденции среди некоторой части большевиков. Свое выражение они нашли, напр., в решении московских большевиков, выработать условия соглашения с фракцией Чхеидзе [1]). В годы, предшествующие войне, некоторые большевики-примиренцы отошли от партии и об'единились с меньшевиками-партийцами. В годы войны в Петербурге существовала близкая к большевикам группа, так называемая «межрайонка», в рядах которой были большевики-примиренцы. Среди крупных руководящих работников партии были примиренчествующие, и в этом была большая опасность потери четкой тактической линии.

Из «ближайших тактических задач», на которых останавливается в своем письме-инструкции А. Шляпникову В. И. Ленин, главной является преодоление примиренческих тенденций среди большевиков.

«Примиренчество и об'единенчество есть вреднейшая вещь для рабочей партии в России, не только идиотизм, но и гибель партии. Ибо на деле «об'единение» (или примирение и т. п.) с Чхеидзе и Скобелевым (в них гвоздь), ибо они выдают себя за «интернационалистов», есть единство с окистами, а через них с Потресовым и К°, т. е. на деле лакейство перед «социал-шовинистами»... «единство» с Чхеидзе есть гвоздь сейчас. Полагаться мы можем только на тех, кто понял весь обман идеи единства и всю необходимость раскола с этой братией (с Чхеидзе и К°) в России. Беленину надо сплотить только таких людей для роли руководителей» [2]).

Наличие среди меньшевиков «интернационалистов» (на словах, а на деле социал-шовинистов), об'единение большевиков с полуцентристскими элементами в Циммервальде — все это снова поставило на очередь старый вопрос о размежевании и об'единении. Большевики в годы реакции и под'ема всей своей деятельностью показали, что прочное единство партии возможно лишь на основе сплочения революционных элементов на определенной идейной основе. После размежевания с отзовистами и ликвидаторами (и прикрывающими их троцкистами) большевики об'единили под заменем «правдизма» $^{1}/_{5}$ сознательных рабочих.

Придерживаясь принципа: «прежде чем об'единяться, надо размежеваться», большевики и в военные годы на основе размежевания с оппортунистами, прикрывающимися интернационалистскими фразами, вели работу по об'единению и сплочению всех революционных и интернационалистских элементов рабочего класса.

Примером может служить то об'единение революционных элементов на основе борьбы с гвоздевцами, которое создалось в Петрограде

[1]) Это предложеиие, переданиое иа заседаиие группы старых члеиов партии в Птб. (осеиь 1915 г.) П. Г. Смидовичем, было едииогласио отвергиуто ими. Это видио из письма в ЦК Е. Б. Бош. Архив Истпарта, фоид ЦК, № 724.

[2]) Леииискийсбориик, т. II, стр. 278.

во время кампании выборов в ЦВПК. Об'единение было достигнуто не в результате соглашений и уступок интернационалистам вроде Чхеидзе (поддержавшего в этот момент гвоздевцев), а на основе непримиримо-революционной последовательно-интернационалистской линии ПК. Рабочие заставили часть меньшевиков и эсеров примкнуть к большевикам, так как они видели, что гвоздевцам можно противопоставить только большевистскую линию, а промежуточные группки, если не хотят итти за гвоздевцами, должны итти за большевиками. Единый фронт революционных рабочих, единство снизу — такова основа большевистской тактики собирания пролетарских сил. Это собрание возможно лишь тогда, когда кратковременное или длительное об'единение не лишает партийную организацию своего лица. Примером об'единения, не ослабляющего, а усиливающего партию, может служить создание в Харькове в конце 1915 г. так называемого «Совета Харьковской с.-д. организации», в которую кроме большевиков вошли интернационалистические элементы «Бунда» и меньшевиков, примыкающая к большевикам с.-д. студенческая организация.

«Программой совета служили циммервальдские резолюции и непосредственная подготовка революции.

Главной задачей совета была координация действия разрозненных с.-д. организаций и групп и усиление революционной работы вообще путем выпуска прокламаций, устройства митингов, демонстраций и других массовых выступлений, организация стачек на экономической и политической почве, а также совместные выступления в профессиональных организациях, больничных кассах и других организациях» [1]).

На основе умелого проведения тактики единого фронта и благодаря росту революционности масс большевики сплачивали вокруг себя все партийные элементы. Собирание партии шло, главным образом, не путем соглашений с интернационалистическими с.-д. организациями, а путем завоевывания рабочих-меньшевиков. Процесс этот шел незаметно благодаря обстановке подполья и военного положения. Об этом явлении мы узнаем из воспоминаний т. Пирейко, который сообщает, что в Екатеринославе в ноябре 1914 г. в связи с арестом депутатов у рабочих создалось настроение в пользу большевиков. «Многие рабочие-меньшевики, бывшие раньше оборонцами, сплошь и рядом переходили по вопросу о войне на сторону большевиков. Однако войной все было так сковано, что это не бросалось особенно в глаза» [2]).

Это ценное свидетельство рабочего-большевика т. Пирейко находит подтверждение в словах одного из делегатов апрельской конференции 1917 г., сообщавшего, что в Мариуполе, где большевики были слабы, социалистические организации были созданы меньшевиками. «Самые несознательные из нас, большевиков, выходили из этой социалистиче-

---

[1]) «Летопись революции», № 5, за 1922 г., воспоминания т. Блюма, стр. 17.

[2]) А. Пирейко, В тылу и на фронте империалистической войны, стр. 13.

ской организации, когда нам приходилось бывать на этих собраниях, шахтерский элемент переходил к нам» [1]).

Наличие в том или ином промышленном районе меньшевистской организации еще вовсе не говорило за то, что рабочие настроены определенно оборончески, так как дело иногда об'яснялось тем, что организатор был меньшевик или эсер, а большевика не было. Иногда достаточно было появления большевиков, ознакомления рабочих с их взглядами для перехода к ним организованных рабочих. Были случаи, когда, как, напр., в Николаеве, за дело организации рабочих бралась группа активных рабочих — большевиков, меньшевиков и эсеров, создавая на первых порах общую социалистическую рабочую организацию. Там, где процесс организации рабочих был еще в начале, где не было четко выраженных большевистских и меньшевистских организаций, существовали общие с.-д. организации. Даже в Сормове до зимы 1915 г. не было строго партийного деления между большевиками и меньшевиками. Борьба вокруг выборов в рабочие группы военно-промышленных комитетов способствовала резкому расхождению большевиков и меньшевиков.

Единство, вытекающее из недостаточной диференцированности, свойственное зародышевому состоянию партийной организации, следует отличать от об'единения всех революционных с.-д. рабочих в результате долгой борьбы с меньшевиками. В Питере, напр., большевики сплотили все революционные с.-д. элементы: в Васильеостровском районе в начале 1917 г. приходили рабочие об'единенцы и меньшевики и просили записать в нашу партию [2]).

А. Шляпников в письме в ЦК 11 февраля 1917 г. пишет: «Кое-где в Питере и провинции меньшевики, «об'единенцы» и прочие отколовшиеся вновь вступают в ряды партии. Мы приветствуем такую мобилизацию пролетарских сил. Центры (инициативная группа и об'единенный междурайонный комитет) ведут речи о создании общей организации. Мы предлагаем им вступать в наши ряды».

Вот это было об'единением на основе последовательно проводимой большевиками революционной интернационалистической линии. Это было действительное собирание пролетарских сил, не только собирание, но и крепкое их сплочение. Это было единство по-большевистски, а не по-троцкистски. Такое единство достигалось лишь на основе непримиримого отстаивания определенной тактической линии. Оно ничего общего с беспринципным об'единенчеством Троцкого не имело. Оно усиливало не социал-шовинистов, а большевиков-интернационалистов, оно усиливало не буржуазию, а пролетариат.

Большевистские организации на местах и вся наша партия в целом были при всей своей малочисленности сильны, настолько сильны, что были признанными руководителями масс в повседневной борьбе их в революционных выступлениях. В чем была сила большевистской партии? Она была сильна: 1) принципиально выдержанной революционной ин-

---

[1]) Протоколы Апрельской конференции 1917 г., стр. 38.

[2]) Там же, стр. 38.

тернационалистской тактикой, 2) идейным сплочением на основе этой тактики, сплочением, являющимся результатом размежевания, 3) организационной спайкой и гибкостью организации.

Партия могла собирать и организовывать силы рабочего класса лишь в той мере, в какой она была сама дисциплинирована и организована. С началом империалистической войны независимо от ближайших задач партии ей давалась целевая установка на весь период: курс на превращение эпохи империализма в эпоху гражданских войн. «Направление работы (упорной, систематической, долгой, может быть), — писал т. Ленин, — в духе превращения национальной войны в гражданскую — вот вся суть. Момент этого превращения—вопрос иной, сейчас еще неясный. Надо дать назреть этому моменту, надо заставлять его назревать систематически» [1]).

В соответствии с этой целевой установкой должен был быть и характер организации партии. Принципы ее организации были определены ее задачами. Ленин считал современное войско «хорошим образчиком организации». «И хороша эта организация, — писал он, — только потому, что она гибка, умея вместе с тем миллионам людей давать единую волю» [2]).

Единство воли партии достигалось сплочением ее рядов на определенной идейной основе. Железная дисциплина была результатом этого единства воли. Гибкость партии, ее умение использовать любую обстановку, бороться любым оружием, итти разными путями, разными способами к одной и той же цели — была отличительной особенностью большевиков. Партии одинаково был чужд как фетишизм легальности, так и фетишизм нелегальности. Опыт революции 1905 г., годов реакции и предвоенного под'ема способствовал выработке этой гибкости. Благодаря этой гибкости большевистские организации не были уничтожены и в неслыханно трудной обстановке военных годов, сочетавшей разгул правительственной реакции с жестоким зажимом военного времени.

Партия с началом войны сразу лишилась всей легальной прессы, почти всех легальных рабочих организаций, и ей пришлось глубже уйти в подполье. Но подполье военных годов существенно отличалось от подполья 1902 — 1907 гг. В чем это отличие? В том, что партия за годы реакции и под'ема перестроилась на основе производственных ячеек, основной кадр партийных работников комплектовался из рабочих, большевики научились работать в кооперативах, профсоюзах, больничных кассах и т. п. организациях, в которых они потеснили меньшевиков. Созданные в предвоенные годы страховые учреждения сохранились даже в годы войны, служа хорошим, иногда легальным прикрытием для нелегальной партии и приводным ремнем между нею и рабочей массой.

Строительство партии на основе производственных ячеек было причиной огромной жизнеспособности большевистских организаций. Про-

[1]) Ленинский сборник, т. II, стр. 196, подчеркнуто мною. — *Д. Б.*
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 175—176

изводственная ячейка помогла очень немногочисленной партии руководить миллионными массами.

Ячейка была обычно окружена слоем сочувствующих. Она уходила корнями в рабочую массу. Разгромить ее было нелегко именно потому, что она была в самой толще рабочего класса. В моменты решительного действия ячейка выдвигала из своей среды руководителей стачки, ораторов для митинга и т. д., в будничной работе ячейка была незаметной. Постоянные мобилизации, массовые расчеты, обыски, аресты и высылки на время уничтожали ту или иную ячейку, но рабочие выдвигали из своей среды новых организаторов, восстанавливавших разрушенную работу.

Районные или иные местные комитеты пополнялись работниками ячеек. В Петрограде, несмотря на все разгромы, районные комитеты, особенно Выборгский, восстанавливались быстро. Районный комитет, если условия позволяли, избирался районной конференцией, состоящей из руководящих коллективов заводских ячеек [1]). Обычно районный комитет не избирался, а составлялся из представителей заводских ячеек. Районный комитет выделял своего представителя в Петербургский комитет. Комитеты обладали правом кооптации опытных партийных работников. В условиях подполья, при широко развитой провокации внутрипартийная демократия не могла быть широкой, но благодаря существованию слоя рабочих-правдистов, активно участвующих в жизни партии, фактическая демократия внутри партии была значительно шире, чем в период 1902—1907 гг. Величайшим достижением предвоенных годов было создание кадра партийных работников из рабочих, создание целого с л о я рабочих-правдистов. Ни правительственные репрессии, ни массовые мобилизации не могли привести партию в то состояние развала и распада, которое было в 1907 году. Прочность существования и устойчивость партии были обеспечены существованием этого слоя рабочих.

«Пусть даже впятеро, вдесятеро, — писал т. Ленин, — разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя н е л ь з я. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом» [2]).

Опираясь на этот слой, ЦК начал восстановление партийного аппарата, разгромленного почти везде в июле 1914 г. От ЦК осталась лишь его заграничная коллегия в составе Ленина и Зиновьева. Большинство крупнейших работников партии находилось на каторге или в ссылке (думская «пятерка», Каменев, Сталин, Свердлов, Орджоникидзе, Спандарьян и др.).

После ареста «пятерки» и Каменева, — писал (22 ноября 1914 г.) т. Ленин А. Шляпникову: «Работа партии теперь стала в 100 раз труднее. И все же мы ее поведем! «Правда» воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых вопреки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей — русский ЦК партии [3]). Когда удалось создать в России Бюро ЦК, когда организации на местах начали восстанавли-

---

[1]) А. Ш л я п н и к о в, Канун 1917 г., ч. 2.
[2]) Л е н и н. Собр. соч., т. XIII, стр. 57.
[3]) Ленинский сборник, т. II, стр. 211.

ваться, т. Ленин важнейшей из «непосредственно-организационных» задач об'явил еще большее вовлечение руководящих рабочих в партийный аппарат на местах. В письме к т. А. Шляпникову в сентябре 1916 г. (перед его возвращением в Россию) т. Ленин многократно подчеркивает необходимость установления связей с руководящими рабочими на местах. «Две-три связи, минимум, в каждом городе, с руководящими рабочими, т. е. чтобы они писали сами, сами овладели конспиративной перепиской (не боги горшки обжигают), сами приготовили для себя каждый по 1-2 «наследнику» на случай провала. Не доверять это интеллигенции одной. Не доверять, это смогут и должны делать руководящие рабочие. Без этого нельзя установить преемственности и цельности работы, а это главное» [1]).

Для прочности партийного аппарата, для «преемственности и цельности» работы необходимо было не рассчитывать на одну лишь партийную интеллигенцию, а втягивать в него все больше и больше рабочих, передавая им и такие сложные и важные функции, как информацию и связь с партийными центрами.

С началом войны произошел снова отлив интеллигенции от партийной работы. Разгром легальной печати, усиление правительственных репрессий, которые легче было обрушить на одиночек-интеллигентов, чем на скрытых в толще рабочей массы рабочих-большевиков, усиление общественной реакции, неприемлемость для «общества», с которым были связаны партийные интеллигенты, пораженчества — все эти причины обусловили отход от партийной работы части партийной интеллигенции. Так как, кроме того, значительная часть испытанных партийных работников-интеллигентов была в тюрьме, каторге и ссылке, то недостаток интеллигентных слоев ощущался даже в такой крупной партийной организации, как Петербургская.

Вследствие этого партийным работникам-рабочим — из Исполнительной комиссии ПК и районных комитетов приходилось самим браться за писание листовок и другую литературную работу. Им помогали новые кадры партийной интеллигенции, главным образом из студенчества. Сочувствующее большевикам студенчество оказывало значительные услуги Петербургской организации своей работой по обслуживанию техники ПК. Студенты, осевшие в провинции, в связи с военными обстоятельствами, студенты-большевики, пошедшие работать на заводы (в числе «оборонцев») помогали строить партийные организации. Руководящую роль студенты и гимназисты играли лишь в городах с слабо развитой промышленностью, как, напр., в Смоленске, в промышленных же центрах обычно основную работу несли передовые рабочие. Большевикам, больше чем какой-либо из революционных партий, удалось создать подпольную общероссийскую организацию именно потому, что партийный аппарат пополнялся рабочими.

Обстановка военного времени способствовала не только разрушению, но и укреплению партийного аппарата. Если мобилизации, массовые расчеты, аресты и высылки способствовали ослаблению партийной

[1]) Ленинский сборник, т. II, стр. 279.

работы, то другие явления, порожденные войной, способствовали укреплению этой работы. Правительство само способствовало занесению большевистской заразы из таких очагов ее, как Петербург, Прибалтийский край, во все углы России: на Волгу, на Урал, на Украину, в Сибирь и т. д. В связи с войной «все политически неблагонадежные элементы и «поднадзорные» высылались из столицы и из местностей, близких к району военных действий, во внутренние губернии» [1]). Они и составляли во многих городах основное ядро активных работников различных революционных организаций. Такое положение было в Харькове, Самаре и др. городах. Военные обстоятельства заставили эвакуировать из Польши и Прибалтийского края ряд предприятий, где было немало старых испытанных большевиков-рабочих. Среди них особенно выделялись своей активностью большевики-латыши. Большевистские латышские силы играли значительную роль даже в такой крупной организации, как Московская.

Дороговизна, массовые расчеты за стачки и высылки рассеяли по провинциальным заводам немало питерских квалифицированных рабочих. В таких районах, как Урал, эти «приезжие» рабочие внесли свежую струю в общественно-политическую жизнь заводов. Независимое положение вследствие высоких заработков вместе с высокой степенью политического развития и классовой сознательности делали этих рабочих застрельщиками и вожаками революционных выступлений и стачек. Большевики сколачивали при их участии крепкие организации и могли успешно руководить рабочим движением. Жандармский «оргараспред» производил массовые «переброски» партийных сил в провинцию. Благодаря этим «перебросками» партийный аппарат разветвлялся. Но чаще всего были «переброски» в тюрьмы и в Сибирь. Эти набеги правительства вновь и вновь вырывали из партии лучших работников.

Что же представлял собой партийный аппарат в годы войны? Он был сильно разрушен репрессиями, мобилизациями и т. п. Не было правильной иерархии партийных учреждений. Существование партийных комитетов было чрезвычайно непродолжительным. Было много одиночек и групп, не охваченных организацией, не об'единяемых местным комитетом. Местами, как, напр., в Москве, существовали районные об'единения, но не было общегородского. Были и такие комитеты, которые представляли небольшую инициативную группу и не имели связи с периферией даже в пределах города. Попытки создать окружные или областные об'единения обычно терпели неудачу. Несмотря на ряд попыток в Центрально-промышленном районе, на Украине, в Северо-западной области созвать областные или окружные партийные конференции, создать руководящие областные органы не удавалось. Обычно партийный комитет об'единял большевиков одного города или промышленного центра. Отдельные комитеты искали связи с ближайшими к ним организациями и с всероссийским руководящим центром. Возникали естественные центры, к которым тяготели другие организации, и комитеты которых играли роль областных или губернских. Как пример можно указать на Иваново-

[1]) «Летопись революции», № 5, стр. 4.

Вознесенск и Москву в Центрально-промышленном районе, Екатеринбург на Урале, Саратов в Поволжьи, Харьков и Екатеринослав на Украине, Тифлис и Баку на Кавказе, Иркутск в Сибири, Петербург в Северо-западной области. В одних и тех же областях рядом с этими большевистскими центрами находились и меньшевистские: в Поволжьи рядом с большевистским центром в Саратове был меньшевистский центр в Самаре, на Урале рядом с Екатеринбургом меньшевистским центром была Пермь, где организовалась рабочая группа областного военно-промышленного комитета. Активная работа, наличие техники и возможность снабжать прокламациями, издание легального органа, наличие крупных работников, — все это делало одну из местных организаций естественным центром по отношению к другим. Характерен факт обращения иваново-вознесенских товарищей одновременно и в областной комитет (к «областнику» Романову — провокатору «Пелагея») и в Тверскую группу за получением руководяших указаний и помощи литературой. Фактическое руководство и помощь Иваново-вознесенская организация получисла от Тверской группы, бывшей по нынешнему масштабу всего лишь районной организацией, в то время как Иваново-вознесенская была окружной организацией.

Понятно, что руководство в данном случае не имело характера директивы, что централистический принцип оставался в силе, но разрушенное состояние аппарата, с одной стороны, крайняя затрудненность связи и руководства — с другой, приводили к такому возникновению естественных центров, масштаб работы которых измерялся их удельным весом и числом связей, а не только территориальными рамками об'единяемой данным комитетом организации.

Естественным руководящим центром в России был Петроградский комитет партии. Об этом свидетельствует простой перечень связей ПК в конце 1915 г. Он имел связи с Москвой, Екатеринославом, Харьковом, Киевом, Иваново-Вознесенском, Нижним-Новгородом (Сормово), Самарой, Саратовом, Царицыном, Пермью, Екатеринбургом, Ревелем, Нарвой, Тверью, Тулой, Кавказом [1]). Петроград имел наиболее многочисленную (3 тыс. членов), наиболее организованную и прочную большевистскую организацию, был связан с заграничным центром, имел хорошую технику, все это делало его признанным центром всех русских организаций.

Когда русская часть ЦК была разгромлена в 1914 г., то ПК выполнял одно время функции ЦК. Это было ему не под силу, так как ни техникой, ни организаторскими и литературными силами он не мог обслужить вполне даже нужды Петрограда. Требования конспирации не позволяли также ПК совмещать функции ЦК. Заграничный центр, после ареста представителя ЦК Л. Б. Каменева и думской большевистской фракции, ставит первоочередной задачей восстановление Бюро ЦК в России. В начале войны в состав бюро входили Л. Каменев и думская «пятерка» [2]).

[1]) «Социал-демократ», № 49, стр. 1.

[2]) «Красная летопись», № 1 (10), за 1924 г., стр. 89, воспоминания А. Бадаева.

Осенью 1915 г. Ленин в письме к Шляпникову 23 августа 1915 г., накануне его возвращения в Россию, пишет: «Было бы крайне важно, чтобы сплотились в 2-3 центрах руководящие группы (архиконспиративно), связались с нами, восстановили Бюро ЦК (уже есть в Питере, кажись) и самый ЦК в России» [1]). Повидимому, Ленин считал возможным возникновение Бюро ЦК по инициативе и силами парторганизации Москвы и Петербурга, но затем, получив более точные сведения о положении дел и о наличных силах, проводит кооптацию А. Шляпникова в члены Центрального комитета и поручает ему организацию Бюро ЦК. Он поручает ему взять в ЦК лучших из «старых, опытных, умных, вполне разобравшихся в вопросе о войне правдистов-рабочих». Если будут трудности или возникнут сомнения, — ограничиться созданием аналогичных коллегий (напр., «руководящей всероссийской рабочей группы» или комитета и т. п.; дело не в названии, конечно) [2]).

В сентябре 1915 г. А. Шляпников приехал в Петроград. Петроградские товарищи, выслушав его сообщения, с своей стороны, подтвердили насущную необходимость создания Бюро ЦК. Возникшее у некоторых членов ПК (Мирона Черномазова и Старка) стремление к передаче функций Бюро ЦК Петроградскому комитету не нашло поддержки, петроградские работники поддержали предложение о создании самостоятельно существующего Бюро ЦК. Стал вопрос о составе Бюро ЦК. Указанных заграничным центром работников А. Шляпников либо не застал на свободе, либо они не вполне соответствовали по своим взглядам на войну. Состав Бюро был первоначально следующий: А. Шляпников, В. Залежский от ПК, Г. И. Осипов от рабочей группы страхового совета, где была сплоченная группа руководящих работников-большевиков. В аппарате Бюро работал т. К. М. Шведчиков, помогали его работе М. И. Ульянова и А. И. Елизарова.

В конце декабря 1915 г. А. Шляпников предпринял поездку на места. В эту поездку удалось установить связь с Москвой и Нижним-Новгородом. Бюро ЦК должно было приобретать как можно больше связей и передавать их заграничному центру. В его руках был транспорт литературы из-за границы и поддержание переписки с заграничным центром. Но вскоре в результате ряда провалов от руководящего состава и технического аппарата Бюро ЦК почти ничего не осталось. В апреле 1916 г. положение было следующее: «От Бюро ЦК осталось почти только название. Из троих уцелевших — самое деятельное лицо Еремеев — правдист, — теперь нелег[альный]. Остальные двое — рабочие: Дунаев и Осипов. Второй принимает участие в «Вопросах» (страхования). Первый мало деятелен» [3]).

Осенью 1916 г. состав Бюро ЦК и обслуживающих его работников обновился. Руководящая тройка составилась из А. Шляпникова, В. Молотова, П. Залуцкого. Функции были распределены между членами «тройки» следующим образом: П. Залуцкий входил в состав ПК и поддержи-

---

[1]) Ленинский сборник, т. II, стр. 240.
[2]) Там же. стр. 242.
[3]) Архив Истпарта, письмо А. Шляпникова в ЦК 27 апреля 1916 г.

вал связь бюро с ним, В. Молотов ведал постановкой техники и литературной частью, в частности ему была поручена организация «Известий Бюро ЦК», А. Шляпникову поручалось представительство, связь с провинцией. На заседаниях Бюро присутствовали, хотя и редко, представители ПК и работники страхового совета. Еще в ноябре 1916 г. Бюро ЦК не удалось сосредоточить в своих руках все связи с местами и переписку мест с Центральным комитетом, что видно из следующих двух пунктов протокола Бюро ЦК:

«1) Сношения с Центральным комитетом (за границей). Постановлено: из провинции направлять все через Бюро ЦК.

2) Сношения с провинцией. Постановлено: адреса и связи, имеющиеся у Петербургского комитета, передать в Бюро ЦК» [1]).

Последние месяцы перед революцией Бюро ЦК развило значительную деятельность и установило регулярные сношения со следующими организациями: Москвой, Нижним, Киевом, Тулой, Воронежем, Донбассом, некоторыми заводами Урала и Сибири. В начале 1917 г. наладился выпуск органа Бюро ЦК — «Осведомительный листок». Бюро ЦК выполняло примерно функции современного оргбюро и секретариата ЦК. Руководящим органом партии был заграничный центр, который давал все направление работе, определял политическую линию партии и решал важнейшие организационные вопросы. Так как работа Бюро ЦК в России долго не налаживалась, то заграничный центр почти все время вел переписку с местами. В письмах к А. Шляпникову за 1914 и 1915 гг. Вл. Ильич непрерывно требует собрать возможно больше связей с руководяшими рабочими в России, лучшей «спевки» с ними, возможно больше вестей с мест.

Установить полное понимание и единомыслие заграничного центра с русскими работниками было дело чрезвычайно важное и в то же время нелегкое, так как война сделала сношения с Россией неимоверно трудными. Особенно важной была идейная спевка в первые месяцы войны, когда надо было определить отношение партии к войне. В письме Шляпникову 18 октября т. Ленин просит его переслать записку Л. Б. Каменеву: «Нам надо спеться с ним детальнее, это сугубо важно», пишет Владимир Ильич. 31 октября он просит Шляпникова не уезжать в Россию: «Пока с русскими коллегами (и с Каменевым и др.) мы вполне споемся после получения ими ЦО». Арест и ссылка Каменева и «пятерки» еще серьезней поставили вопрос о важности вполне договориться о тактической линии с руководителями работы в России. В сентябре 1915 г. т. Ленин пишет: «Установить правильные сношения с Россией, выписать из России хотя бы 2-3 руководящих рабочих, хотя бы только в Швецию, для детальнейшей беседы и переписки, чтобы «спеться» вполне, — это самое насущное дело» [2]).

Этого осуществить, повидимому, не удалось. Временно проводником линии ЦК остается т. Шляпников, которому т. Ленин всесторонне развивает основные лозунги партии: о гражданской войне, о поражении

[1]) А. Шляпников, Канун 1917 г., часть II, изд. 3, Гиз, 1923 г., стр. 71—72.

[2]) Ленинский сборник, т. II, стр. 248.

и т. д. В разгар разногласий с группой Бухарина — Пятакова т. Ленин требует ознакомления Шляпникова с сущностью этих разногласий по подготовляемой для «Сборника «Социал-демократа» статье т. Ленина против П. Киевского: «надо не пренебрегать теоретической спевкой, ей-ей, она необходима для работы в такое трудное время» [1]).

Основным путем ознакомления всей партии с теоретической и тактической линиями ЦК, путем передачи директив ЦК на места служил выпуск Центрального органа, теоретических сборников («Коммунист» и «Сборник «Социал-демократа») и программной брошюры «Война и социализм». Центральный орган — газета «Социал-демократ» — печатался в Швейцарии и с большими трудностями перевозился в Россию. «Социал-демократ» позволял местным работникам ориентироваться в обстановке. Очень важна была постановка в нем информации. В условиях подполья организации на местах были оторваны друг от друга и от партии в целом. О существовании и работе других организаций можно было узнать, главным образом, через информацию, получаемую с мест ЦК и печатаемую в «Социал-демократе».

Как важна была для местной организации информация о положении дел в партии, — видно из воспоминаний Воробьева, который пишет, что доклад т. Владимирова, привезшего вести из центра, несмотря на то, что он нарисовал мало утешительную картину, поднял настроение. «Все-таки кругом была жизнь, — пишет он, — все-таки хоть и тяжел был гнет военной обстановки, партия жила, все-таки почти всюду на больших заводах существовали организации, копошились и под ударами врага упорно, настойчиво делали свое дело. После доклада Владимирова чувства какой-то заброшенности, оторванности от всего мира, глодавшего нас раньше, мыслей о бесцельности наших усилий разбудить рабочий класс, что-то сделать — как не бывало. Мы снова увидели себя частью одного живого организма, который существует, работает, борется за лучшее будущее, снова почувствовали себя членами одной великой семьи, имя которой — партия» [2]).

Каждый номер «Социал-демократа», приносивший вести о жизни партии и статьи вождей, связывал отдельные отряды подпольщиков-большевиков в единую армию.

До выхода первого (после начала войны) номера «Социал-демократа» работники на местах блуждали, как в потемках, не было уверенности в правильности взятой линии, в целесообразности затраченных усилий. Заграничная часть ЦК и редакция ЦО и составляла заграничный центр, руководящий всей партией. Тов. Ленин нес вместе с т. Зиновьевым всю руководящую работу и в ЦК и в ЦО [3]). Секрета-

---

[1]) Ленинский сборник, т. II, стр. 277.

[2]) В. Воробьев, Перед рассветом, «Прибой», 1925 г., стр. 34.

[3]) Как видно из писем Н. К. Крупской Ал—ру (Шляпникову), Вл. Ильич пытался всячески привлечь к работе в редакции ЦО Бухарина и во время пребывания редакции в Кракове (1912—1914 гг.) и во время пребывания в Берне (в 1914—1917 гг.). Г. Зиновьева просили отпустить вместо Каменева в Россию, но В. И. на это не согласился, так как и вдвоем трудно было справиться с работой в ЦО и ЦК. (См. Архив Истпарта, фонд ЦК, № 712.)

рем ЦК и ЦО была Надежда Константиновна Крупская. Всем этим товарищам пришлось вынести на своих плечах огромную работу при поддержке небольшого числа большевиков-эмигрантов. Много внимания и энергии уделялось тт. Лениным и Зиновьевым работе по международной пропаганде революционных интернационалистских идей в странах Европы и Америки и по сплочению левых элементов западных партий вокруг Циммервальда—Кинталя. Руководящий центр партии был в то же время и руководящим центром Циммервальдской левой. Кроме большой организационной и пропагандистской работы по подготовке III Интернационала, заграничный центр вел массовую агитационную работу среди военнопленных. При всяком удобном случае т. Ленин выступал перед швейцарскими рабочими, организовывал лекции и диспуты для эмиграции. При враждебном отношении франкофильствующей буржуазии и мелкой буржуазии, при происках германского генерального штаба, завербовавшего в агенты ряд крупных социал-демократов вроде бывшего революционера Парвуса, при неустойчивости некоторой части большевиков-эмигрантов, травле социал-шовинистов и центристов всех наций и стран и неусыпном наблюдении тайной и явной антантовской полиции и заграничной части русской охранки — наш заграничный центр вел упорную работу по подготовке русской и мировой революции. Только такой гигант, как Ленин, мог вынести на своих плечах такую работу [1]).

Партийные организации на местах работали также в неслыханно трудной обстановке. Несмотря на величайший разгром, который перенесла партия и все рабочие организации в начале войны, несмотря на ряд мобилизаций, локаутов, массовых расчетов за забастовки, высылок и т. п., партийные организации не были уничтожены. Больше того: они росли вместе с нарастанием революционного рабочего движения, правда, далеко не поспевая за его ростом. О росте и укреплении организаций к концу 1916 г. свидетельствует письмо А. Шляпникова в ЦК, где говорится, что, несмотря на репрессии, «работа наших организаций не падала, а к концу 1916 г. наблюдалось повсеместное укрепление и расширение ее» [2]). Как пример роста большевистских организаций можно привести Харьковскую организацию, возросшую с 15 членов (из них лишь 2 местных члена) весной 1915 г. до 120 чел., аккуратно платящих членские взносы, к концу 1916 г. [3]). Для всех организаций трудно установить непрерывное нарастание и расширение работы, так как рост прерывается провалами и упадком работы. В Иваново-Вознесенске мы, напр., имеем в момент под'ема движения быстрое расширение органи-

[1]) Об обстановке, в которой приходилось работать Вл. Ильичу, можио судить по следующей приписке его к письму Шляпникову: «О себе лично скажу, что заработок иужеи, иначе прямо поколевать, ей-ей... Дороговизиа дьявольская, а жить иечем»... «Если ие наладить этого, то я, ей-ей, ие продержусь, — это вполие серьезио, вполие, вполие». Леииский сбориик, т. II, стр. 279.

[2]) Шляпииков, Каиуи 1917 г., ч. 2, стр. 27.

[3]) Еще осеиью 1915 г., по словам корреспоидеиции из Харькова в № 48 «Социал-демократа», «число члеиов большевистской организации то идет на убыль, то виовь на прибыль».

зации, а затем — разгром и упадок. Осенью 1915 г. в Питере «вследствие под'ема революционного настроения в широких массах усилилась и организационная деятельность партийных ячеек. На заводах создаются группы, частью вне всякого прямого с нашей стороны содействия, и пытаются связаться с нами [1]).

В провинции тяга рабочих к организации не всегда приводила к образованию партийных большевистских ячеек, так как даже среди передовых рабочих не всегда находились умеющие разобраться в партийных разногласиях среди социалистов. В Канавине, напр., на организационном собрании, созванном по инициативе нескольких революционных рабочих с.-д. (повидимому, большевиков), выяснилось, что часть наших членов не могла дать себе точного отчета в том, кто они по партийным убеждениям: с.-д. (большевики), с.-д. (меньшевики) или, быть может, эсеры [2]). Понятно, что организация затем определилась как большевистская, но вначале это был просто кружок революционных рабочих. Иногда складывалась междупартийная социалистическая руководящая группа, в силу того, что подпольная работа была на низком уровне, и о диференциации не приходилось и говорить. Напр., в Николаеве в «начале войны был полный застой политической жизни и подпольной работы». Сдвиг получился лишь тогда, когда «сформировалась группа из сознательных социалистически-настроенных рабочих: Л. ликвидатор, С. большевик, Г. и Н. левые народники, Ш. большевик-ленинец, М. беспартийный и др., всего около 15—20 человек» [3]). Эта группа, стремясь сорганизовать николаевских рабочих, взяла на себя инициативу вызвать интерес на первых порах хотя бы к культурно-просветительной, экономической и профессиональной работе. Группа укрепилась в больничной кассе и пр. организациях. Результатом ее работы была большая и хорошо проведенная забастовка на заводе «Наваль» и выход 7 рабочих из местного военно-промышленного комитета. Работу этой группы революционных рабочих не могла сорвать даже рабочая группа ЦВПК, приславшая в Николаев одного из своих членов — Абросимова, хлопоты которого не увенчались успехом.

Деятельность революционных рабочих групп и соприкосновение их с разными партиями подполья определяли их партийность. «Многие из членов нашей организации, — пишет канавинский рабочий т. Воробьев, — первоначально хотели простого сплочения, об'единения и борьбы с теми условиями, в которых рабочие находились» [4]).

Потребность революционных рабочих в организации была залогом жизнеспособности нашей партии. С чисто муравьиным упорством и неутомимой энергией восстанавливали рабочие свои партийные организации. Напр., «после ликвидации в 1914 г. с.-д. рабочей ячейки в Вичугском фабричном районе, оставшиеся на свободе второстепенные

[1]) Архив Истпарта, из письма в ЦК, с печатью ПК, без подписи.
[2]) «Материалы по истории революциониого движеиия», т. I, стр 44
[3]) Дело деп. пол., № 747, отчет о поездке Абросимова.
[4]) «Материалы», т. I, стр. 165.

члены ячейки принимали меры, чтобы сорганизоваться вновь...

Однако, все усилия эти парализовались рядом мобилизаций, которые выхватывали из рядов нарождающегося кружка одного члена за другим» [1]).

Когда аресты и мобилизации вырывали старых и опытных работников, их дело продолжали молодые.

На примере саратовской большевистской «Нашей газеты» видно, как эти рабочие искали связей и руководства партийных центров, как быстро вокруг легального большевистского органа начиналось сплочение «правдистских» рабочих со всех концов России. Ленин указывал на существование целого слоя правдистских рабочих, которого ни репрессии, ни мобилизации уничтожить не могли. В этом был залог прочности большевистской партии.

В условиях подполья военных годов партия понесла огромный урон, ее руководящие кадры были частью на фронте, в ссылке, и в эмиграции, но это не меняло ее роли, как руководителя рабочего движения.

«Наша партия была малочисленна и организационно слаба, — пишет т. Каюров, — но у ней было одно преимущество, которого не было у других: она была последовательно революционна (рабочие это знали и понимали). Руководство движением происходило под гегемонией большевиков, несмотря на их малочисленность и на сопротивление высокоразвитой ликвидаторствующей публики» [2]).

Большевики были действительными руководителями рабочего движения, как единственно последовательная революционная пролетарская партия. Несмотря на то, что открытый союз с буржуазией чрезвычайно усилил ликвидаторов, им не удалось овладеть руководством борьбой русского пролетариата, не удалось ввести его движение в русло либеральной рабочей политики. Лучшая организованность и наличие хотя небольшого, но активного и подготовленного кадра рабочих-ликвидаторов делали оборонцев серьезными врагами большевиков.

Победа того или иного течения в рабочем движении определяла в значительной степени ход и исход надвигающейся революции. Русская буржуазия достаточно хорошо оценила значение «умеренных социалистов» и поддерживала их, как могла.

Рабочие группы, созданные по инициативе Гучкова и Коновалова, должны были противостоять в рабочем движении «подпольным агитаторам», служа оплотом против «крайних течений». Задачею их было, по словам Коновалова, «внести организованность в распыленные рабочие массы», т. е. дезорганизовать и расколоть, отклонить от революционного пути рабочее движение, с одной стороны, и с другой — дать буржуазии видимость представительства интересов всей нации в борьбе со Штюрмерами и Протопоповыми.

[1]) Дело деп. пол., № 5, за 1917 г., донесение начальника костромского губернского жандармского управления 30 января 1917 г.

[2]) «Пролетарская революция», № 9, за 1925 г., стр. 194—195.

Какой ценой хотела буржуазия купить поддержку ее начинаний либеральными рабочими политиками?.. Прежде всего, она признала за «организованными» (гвоздевцами) рабочими право вмешиваться в политику. «Когда правительство ведет страну к гибели, рабочие не могут не вмешиваться в политику», сказал в Гос. думе все тот же Коновалов. Само собою разумеется, что «вмешательство в политику» рабочих мыслили как временную и ограниченную в своем проведении уступку, не нарушающую бесспорные права на руководство политикой Милюковых и Гучковых. Кроме этой общей санкции «участия рабочих в политике», и думские и военно-промышленные круги буржуазии поддерживали (вернее, вели переговоры о поддержке) некоторые начинания гвоздевцев, как, напр., созыв рабочего с'езда, хлопоты о легализации профсоюзов, создание бирж труда. Таким образом буржуазия вела переговоры о некоторых уступках не только за счет правительства («политика» гвоздевцев), но и за свой счет (восстановление профессиональных рабочих организаций). В некоторых кругах буржуазии война усилила тенденции к европеизации методов борьбы с рабочим классом [1]). Гвоздевщина была продуктом этих тенденций.

Буржуазия пыталась проводить свое влияние минуя гвоздевцев через свою либеральную и желтую печать. Все эти «биржевики», «Газеты копейки» и пр. имели распространение среди рабочих. Разгром рабочей печати, с одной стороны, и повышение интереса широких масс к печатному слову помогали проникновению этой печати на фабрики и заводы: «Массы совершенно новые, — писали в «Социал-демократе» из Центрально-промышленного района осенью 1915 г., — питаются исключительно желтой прессой» [2]).

В Петрограде издавалась черносотенцами «Маленькая газета», отличавшаяся демагогическим заигрыванием с рабочими. Газета щеголяла словечками из воровско-хулиганского жаргона, разжигала «зубодробительные» аппетиты отсталых рабочих, изобиловала сплетнями, похабщиной и прочими прелестями бульварной прессы. Это «литературное предприятие» было обставлено двумя «общественными» (извините за выражение) организациями: при ней были созданы общество «Маленький человек» и общество «Самопомощь женщины-работницы» [3]).

Правые партии и правительство пытались на-ряду с буржуазией использовать рабочих в своих интересах. Для разворачивания «массовой работы» они даже пытались использовать борьбу с дороговизной. По сообщению из Питера, осенью 1915 г. «под маской борьбы с дороговизной начали свою работу в этом районе (Путиловский завод) черносотенцы. Открылся на-днях на деньги охранки кооператив, долженствующий служить центром погромной агитации» [4]). То же было и в Екате-

---

[1]) Характерно, что создание бирж труда и профессиональных организаций приветствовал Казакевич, представитель углепромышленников, одной из наиболее европейских отраслей промышленности.

[2]) «Социал-демократ», № 49.

[3]) «Рабочие ведомости» за 1916 г., № 2—3.

[4]) «Социал-демократ», № 53, 16 апреля 1916 г.

ринославе, на Брянском заводе, где у союзников были заводские столовые с проведением «массовой работы» [1]).

Накануне революции 1917 г. был ряд попыток возрождения зубатовщины, но попытки эти были несистематичны и, понятно, безуспешны. Времена Зубатова ушли безвозвратно. Зубатовщине трудно было существовать рядом с протопоповщиной, с одной стороны, и с большевистской партией — с другой. Но все-таки были зубатовские попытки. К числу их надо отнести попытки создать газету для рабочих. Департамент полиции отпускал на это дело деньги некой Шабельской, но из этого ничего не вышло [2]).

О попытке правительства создать «умеренную» газету свидетельствует следующая, повидимому, инспирированная правительством заметка: «Утру России» сообщают: «Главное управление по делам печати доложило Хвостову о ходатайстве какой-то группы рабочих о субсидии на издание рабочей газеты. Рабочие сообщают, что получили предложение из других округов, но эта субсидия связывает их условием проводить определенную политику, а они хотят получить субсидию из источников, которыми бы не слишком связывалась программа газеты.

Министерство внутренних дел, соглашаясь в принципе на субсидию рабочей прессе, высказывается, что наиболее полезной будет газета, которая не будет проводить ведомственной политики, и в то же время будет писать исключительную правду. Такой рабочий орган может рассчитывать на субсидию правительства» [3]).

В роли поборников «правды и справедливости» охранники иногда пытались выступать при промышленных конфликтах и в делах о спекуляции. Выступая при забастовках и волнениях рабочих на защиту хозяйских прав, охранка и губернаторы иногда признавали необходимым урезку неумеренных аппетитов торговцев, фабрикантов и заводчиков.

Полицейский «Обзор общественно-политической жизни сормовской местности» за время войны приходит к следующим, неутешительным для правительства выводам: «Деятельность рабочей партии (с.-р.) и демократов (с.-д.) хотя и протекает при работе исключительно подпольным путем, но тем не менее эти партии из года в год увеличиваются, и ряды их пополняются свежим молодым элементом, не принимавшим никакого участия до этого в политической жизни, принявшим левую окраску от тесного общения с неблагонадежным элементом в повседневной работе на заводе. Особенно это замечается со времени открытия военных действий, когда главари означенного движения, чувствуя под собой почву в недостатке рабочих рук, начали работать почти в открытую, маскируя это благовидным каким-либо предлогом, напр., пред'явление требования о новых расценках, об улучшении быта рабочих, отстаивание своих единомышленников, о неувольнении с работы за те или иные прогулы, проступки, непослушание и т. п. И все это, вместе взятое, отражается на окружающем благомыслящем элементе крайне вредно,

---

[1]) «Летопись революции», № 1 за 1927 г., стр. 200.

[2]) См. показания Джунковского, «Падение царского режима», т. V, стр. 11.

[3]) «Рабочее утро», № 2, 22 октября 1915 г.

который агитации левого элемента поддается и затем переходит в ряды к ним»[1]).

Полицейский, составитель обзора, правильно отметив усиление революционного лагеря, не заметил борьбы внутри этого лагеря. Один из участников подпольной работы в Сормове в эти годы, т. П. Премудров, освещает борьбу за влияние между большевиками и меньшевиками и эсерами. «В начале 1916 г., — пишет он, — Сормовской организации большевиков пришлось задуматься о завоевании влияния в некоторых крупных меньшевистских цехах. Для этого были переброшены силы из цехов, в которых имелись активные товарищи, не имевшие их. И после такой перегруппировки нам удалось завоевать все нити рабочего движения в Сормове».

Для завоевания передового механического цеха, где были сильны меньшевики и эсеры и совсем не было большевиков, автору пришлось перейти туда на работу, и скоро он навербовал в партию передовых рабочих и создал из них один из лучших большевистских кружков Сормова. Небольшая группа большевиков постепенно завоевала все основные цехи завода.

В моменты решительного действия большевики проводили выдержанную революционную линию, тогда как меньшевики и эсеры колебались сами и заражали своими колебаниями массу. Благодаря этому влияние большевиков распространилось на меньшевистских и эсеровских рабочих. «Надо заметить, — пишет т. Премудров, — что меньшевики в своей работе не имели никакого руководящего принципа, тогда как большевики строго руководствовались и проводили свои принципы неукоснительно. Характерно отметить, что во время кампании (летом 1915 г.), поднятой по поводу создания военно-промышленных комитетов, Сормовская организация большевиков одержала полную победу. Несмотря на то, что выборщики были также и меньшевики, декларация была высказывающаяся за бойкот выборов и была выработана большевиками. Предложенная на заседании выборщиков, она была принята единогласно, и даже прочитывалась одним из ликвидаторов. Эсеры не имели своей собственной платформы, они блокировали и с нашими, а иногда и с меньшевиками, где им было выгодно»[2]).

Там, где подбиралась хотя и небольшая, но крепкая группа большевиков, она вела за собой всю заводскую массу. Сила ее была не только в последовательно революционной линии, но и в умении отстаивать интересы рабочих не только в крупных боях, но и в повседневных стычках труда и капитала. Тов. Базанов в своих воспоминаниях рассказывает о том, как ячейка завода ВЭК добилась выплаты рабочим добавочного вознаграждения в связи с эвакуацией. Ходатайствовали двое выделенных ячейкой товарища и угрозами стачки добились выплаты удержанных администрацией завода сумм, в результате чего необычайно возросла их популярность и популярность ячейки. «Ячейка завода ВЭК

[1]) «Материалы», т. II, стр. 151

[2]) Там же, стр. 76.

была, безусловно, одна из сильных и активных. В мое время в этой ячейке насчитывалось до 18 членов, а впоследствии это количество возросло в несколько раз. Но не в количестве членов заключалась сила этой ячейки: организованность и необыкновенная сплоченность составляли ее мощь. Своими организованными действиями и умелым подходом к рабочим ячейка сумела подчинить своему влиянию всю четырехтысячную массу рабочих и сделалась душой завода в полном смысле этого слова» [1]).

Так наиболее сильные и активные ячейки большевиков, несмотря на свою малочисленность, были действительными руководителями рабочих масс. Борьба пролетарской партии большевиков за влияние на рабочий класс была трудной в обстановке военного времени, но это не мешало успешности ее в самой толще рабочего класса, особенно на крупных металлообрабатывающих заводах.

Иные условия и иные трудности борьбы за влияние с меньшевиками и эсерами были в работе партии в рабочих организациях. Деятельность большевиков в рабочих организациях для охранки легче было обнаружить и пресечь, чем их работу в цехах завода. С другой стороны, у части рабочих, работающих в легальных организациях, развивался фетишизм легальности и боязнь скомпрометировать свою организацию и потерять одну из немногих легальных возможностей.

В годы войны легальные рабочие организации были об'ектом беспрерывных репрессий со стороны правительства. В рабочем представительстве страхового совета в первый год войны из 15 человек осталось всего 4, а в петербургском столичном и губернском присутствии из 12 представителей остались только 2, а после отстранения от работы Мирона Черномазова был арестован еще ряд большевиков, руководящих работников страхового движения. Кроме того, около 25% уполномоченных были мобилизованы. Все это сузило размах страхового движения [2]).

В отношении профессиональных союзов местные власти и правительство держались политики «пресечения» в зародыше. В докладной записке от ноября 1915 г. департамент полиции с удовлетворением констатирует, что «до сих пор в Петрограде не возобновилась работа ни одного профессионального союза, и во все время войны функционирует только профессиональное общество служащих-фармацевтов» [3]).

Рост дороговизны дал развитие другим рабочим организациям, кооперативам и продовольственным комиссиям. Возникают биржи труда и другие рабочие организации. Кроме этих новых рабочих организаций, рабочие получают возможность организовываться в общегражданских общественных организациях и с'ездах по борьбе с дороговизной, по борьбе с алкоголизмом и т. п.

В Москве работа в легальных рабочих и общественных организациях приобретает большее значение, чем в Питере, московское началь-

---

[1]) «Пролетарская революция», № 9, за 1922 г., стр. 90.

[2]) См. ст. Винокурова в сб. «В эпоху «Звезды» и «Правды», т. I. стр. 177—178, ср. в «Социал-демократе», № 53.

[3]) Сб. Центроархива «Рабочее движение в годы империалистической войны», стр. 227.

ство «терпело» существование профессиональных союзов, так как Москва была оплотом всей буржуазной общественности. В провинции культурно-просветительные общества и клубы, кооперативы и больничные кассы были местом собирания сил и плацдармом борьбы большевиков с меньшевистско-эсеровско-кадетским блоком.

Там, где партийную организацию приходилось сколачивать отдельно, большевики начинали с проникновения в местные просветительные организации или больничные кассы. «Первым подходом нашим к партийной работе в то время было желание использовать «общество разумных развлечений»,— пишет один из создателей большевистской организации в Канавине в годы войны. Тов. Сапроов рассказывает, что для организации партячейки на заводе «Проводник» (3 тыс. раб.) в Тушине ему пришлось начать с распространения журнала «Вопросы страхования» и завязывания связи с местными работниками больничной кассы, единственной рабочей организации на заводе. Организовывая в Москве союз строителей, т. Сапронов начинает «выуживать» членов партии. «У строителей, — пишет он, — на другой день после общего собрания началась организация группы большевиков. В течение месяца в партийную организацию строителей вошло около 20 членов» [1]). Это из ста с небольшим членов союза.

Вообще у московских большевиков, судя по воспоминаниям т. Сапронова, был подход к легальным организациям исключительно с точки зрения использования их для агитации на общих собраниях. «Говоря о кооперации, — пишет он, — наши товарищи больше говорили о революции, баррикадах, беспощадной борьбе с капиталом и проч.» [2]).

В связи с нарастанием революционного настроения в рабочем классе, в связи с близостью решающих боев среди части большевиков развивалось бойкотистское отношение к легальным рабочим организациям. В Тульской организации происходили ожесточенные споры об участии или неучастии, напр., в кооперации: «Наша публика, — пишет т. Бригадиров, — в большинстве к кооперативному движению отнеслась отрицательно, мотивируя свое отрицательное отношение тем, что кооперация в нынешних условиях начавшегося обнищания пролетариата и уже выявившейся разрухи есть не более как «тришкин кафтан», который, не улучшая положения рабочего класса, будет затемнять его классовое сознание, отвлекать и растрачивать энергию рабочих не туда, куда нужно» [3]).

Из письма А. Шляпникова в ЦК видно, что бойкотистские настроения в отношении участия рабочих в общественных с'ездах были настолько значительны, что этот вопрос обсуждался в Бюро ЦК, которое стояло за использование выборов на общественные с'езды в интересах агитации и организации сил.

Большевики и в крупных центрах и в провинции показали что опыт годов реакции и под'ема не прошел для них даром, — бойко-

---

[1]) «Накануне великой революции», стр. 63.
[2]) Там же, стр. 67.
[3]) «Революционное былое», № 3, за 1924 г., стр. 15.

тистско-отзовистское отношение к легальным возможностям было ничтожно. Когда надо было, большевики умели работать во всех этих легальных организациях «по-деловому», вникая во все детали будничной работы и завоевывая доверие выбравших их рабочих. Особенно «наспециализировались» большевики по страховому движению. Больничные кассы при предприятиях, при всех их недостатках, помогали партии связываться с рабочими, иметь опорные пункты на заводах, поэтому работе в них партия уделяла достаточно много внимания. Когда двум оставшимся «правдистам» рабочей группы страхового совета пришлось отчитываться перед собранием представителей больничных касс, то, несмотря на обвинение ликвидаторов в том, что они «ничего не сделали», большинство собрания выразило доверие старым членам рабочей группы страхового совета и постановило произвести лишь довыборы к ним. Довыборы прошли под знаком борьбы с гвоздевщиной. Из 70 голосов за список большевиков было подано 39, и большевистский список прошел целиком [1]). Из 9 человек прошли 8 большевиков и всего лишь 1 ликвидатор, прошедший вместо одного об'единенца, который не пришел на собрание. Поднятая по инициативе гвоздевцев, либералов и части промышленников кампания создания бирж труда была использована большевиками в своих целях. В результате в бюро бирж труда большинство было у «правдистов» [2]). Верхушки профессиональных союзов в Москве тоже были в руках большевиков. Они дали отпор попытке рабочей группы Московского областного военно-промышленного комитета восстановить институт фабрично-заводских старост, который должен был служить связующим звеном между группой и рабочими.

В то время как меньшевики усиленно выдвигают необходимость создать рабочие организации, способные фальсифицировать рабочее представительство, создать видимость самостоятельности рабочих, отвлечь внимание рабочих от обостряющегося кризиса (примирительные камеры, фабрично-заводские старосты, биржи труда), большевики стремятся создать рабочие организации, способные пробудить самодеятельность рабочей массы и облегчить ее революционизирование. Такими организациями были в первую очередь стачечные комитеты и продовольственные комиссии.

С осени 1915 г. ПК разворачивает большую агитационную работу вокруг борьбы с дороговизной. В отличие от меньшевиков, затушевывающих основную причину дороговизны — войну, большевики заостряли внимание масс именно на войне, как причине всех бедствий. ПК рассылает по заводским коллективам специальные инструкции партийным работникам, тезисы выступлений на митингах и проекты резолюций общих собраний рабочих. В инструкции, как основная задача пролетариата и его партии, выдвигается задача «умело воспользоваться всяким недовольством, всяким конфликтом для подготовки массовых революционных выступлений для завоевания политической власти, как единствен-

---

[1]) Шляпников, Канун 1917 г., изд. 2-е, ч. 1, стр. 154.

[2]) Архив Истпарта, письмо в ЦК из Москвы, пересланное Бухариным, см. также «Социал-демократ», № 56.

ного пути для прекращения войны и уменьшения непомерно тяжелых последствий ее»... «Одним из исходных пунктов революционной борьбы является все растущая дороговизна», партия должна придать борьбе с дороговизной организованный и революционный характер, для чего надо «немедленно приступить к устройству митингов как на заводах, так и за их пределами». Для того, чтобы придать движению организованный характер, необходимо «в процессе революционной борьбы масс создать тот организационный центр, который в момент революции мог бы стать органом революционной власти. Первым шагом по пути создания такого органа послужит организация заводских комиссий, которые по характеру своему должны быть беспартийными; члены партии должны приложить все усилия к тому, чтобы через эти комиссии провести принципы и тактику нашей партии» [1]).

Кампания ПК привлекла к себе внимание охранки, которая считает ее переломом в тактике большевиков в сторону перехода от общих лозунгов к борьбе за повседневные интересы масс. В донесении 15 октября 1915 г. начальник петербургского охранного отделения сообщает: «Подобная агитация и попытки к устройству собраний и избранию продовольственных комиссий пока отмечаются в Нарвском, Московском, Петроградском и Выборгском районах» [2]).

Гвоздевцы пытались направить борьбу рабочих с дороговизной в русло кооперации, общественных столовых и т. п. Они собирали всякие комиссии и совещания, цель которых была отвлечь рабочих от действительных причин дороговизны и революционных методов борьбы с ней. Фабриканты шли навстречу гвоздевцам, шла им навстречу и Петроградская городская дума. В результате соединенных усилий были созданы столовые для привилегированных групп рабочих. В ответ на это ПК требовал «широкого демократизма» и самодеятельности масс в борьбе с дороговизной.

Разница подхода большевиков и меньшевиков и эсеров к рабочим организациям видна из следующего отрывка из статьи т. Сапронова: «Одно время эсеры носились с биржей труда: через посредство этой биржи мы сумеем влиять на рынок труда, а также на культурный уровень рабочих путем устройства при биржах библиотек, читален и проч.». На это мы отвечали им: «Милые господа, мы живем накануне революции, все вопросы скоро будут решаться не коалицией, не паритетом, а революцией, баррикадной борьбой, посему вы будьте добры, не сбивайте рабочий класс на ложный путь» [3]).

Так как ни меньшевики, ни эсеры не собирались отказываться от того, чтобы «сбивать рабочий класс на ложный путь», то между ними и большевиками шла непримиримая борьба в рабочих организациях. И те и другие шли на беспартийные собрания, чтобы «увести» от своих врагов поддерживающих их рабочих. И те и другие старались отвоевывать организации у своих противников. В воспоминаниях т. Антонова-

[1]) «Красная летопись», № 5 (20), за 1926 г., стр. 125.
[2]) Дело деп. полиции, № 347, за 1925 г., стр. 47.
[3]) «Накануне великой революции», стр. 68.

Саратовского и в книге В. Астрова «Большевики в Смоленске» рассказаны интересные перипетии этой борьбы за влияние. В борьбе за «общество народного университета» в Смоленске большевики проникли в него. Явно боясь за то влияние, которое «неблагонадежные» большевики приобретали в среде членов общества, «благонадежные» правленцы в то же время не имели оснований к изгнанию «неблагонадежных». Оставалось одно: попытаться обезвредить их. С этой целью меньшевики устроили за большевиками своеобразную слежку, «в помещении университета за ними (большевиками) ходили по пятам» [1]). Потерять позиции в рабочей организации, особенно в больничной кассе, это значило для меньшевиков потерять «всякое соприкосновение с рабочей массой» [2]).

В рабочих организациях культурно-просветительного характера, где работали и кадеты, меньшевики блокировались с ними против большевиков. (Так было в Канавине, Москве и др. рабочих районах.) Большевикам приходилось при завоевывании легальных организаций вступать в бой не только с меньшевиками, эсерами и кадетами, но и с черносотенцами. Так было в Харькове при завоевывании «Дома рабочих». Завоевывание произошло вполне демократическим путем; по постановлению Харьковского комитета в члены клуба записались все члены большевистской организации, причем каждый привлек еще несколько сочувствующих; «на ближайшем общем собрании черносотенцы оказались в меньшинстве, и большинство в новом правлении принадлежало нашей организации. Таким образом, харьковский «Дом рабочих» в конце 1915 г. оказался в распоряжении большевистской организации» [3]).

Легальные рабочие организации имели большое значение для завоевывания рабочих масс и для легального прикрытия нелегальной работы, но там, где нужна была боевая руководящая рабочая организация, там приходилось создавать хотя и беспартийную, но подпольную рабочую организацию. Такими организациями были общезаводские коллективы или временные стачечные комитеты. Были нелегальные центры и в профессиональных союзах.

Иногда, как, напр., на заводе ВЭК, большевистская ячейка играла фактически роль завкома, но обычно стачечный комитет или общезаводский коллектив бывали беспартийными или междупартийными. На организационном собрании на Невьянском заводе (Урал) «меньшевистская часть собрания напирала на то, что коллектив должен быть беспартийной организацией и что в нем обязательно должны быть представлены все направления. Меньшевики не без основания боялись, что если не оговорить этого в самом начале, то дело обойдется совсем без их участия. Но они ломились в открытую дверь: никто и не предполагал делать из общезаводского коллектива отделение большевистской организации» [4]).

---

[1]) В. Астров, Большевики в Смоленске, популярный очерк. Смол., 1924 г., стр. 14.

[2]) Там же, стр. 13.

[3]) «Летопись революции», № 5, стр. 13—14.

[4]) Воробьев, Перед рассветом, стр. 43.

Общезаводские коллективы были редкой организацией. Они не были частью аппарата профессионального союза. Обычно это было об'единение всех активных рабочих данного предприятия, — об'единение, понятно, нелегальное. Кроме того, у них, в силу их беспартийности, не было твердой линии. Поэтому руководящая роль в забастовках обычно принадлежала партийным организациям. Существование нелегальной беспартийной организации без руководства ею партийной организацией было нецелесообразно. А там, где были партийные ячейки, они руководили экономической и политической борьбой или непосредственно или через беспартийных активистов.

Как ячейка руководила стачкой, — видно на примере того же Невьянского артиллерийского завода. Здесь, когда в связи с ухудшением условий труда встал вопрос о забастовке, ячейка решила прежде всего собрать уполномоченных от цехов, чтобы узнать о «настроении публики». На другой день было назначено конспиративное собрание, на которое пришло человек сорок представителей цехов. После долгих прений было вынесено решение послать сначала делегацию к директору завода, а там, если понадобится, об'явить стачку. На этом собрании уполномоченных были выработаны требования к администрации. На другой день были выбраны делегаты к директору. Их переговоры не дали существенных результатов. Рабочие решили послать вторично делегацию:

«Делегация, — пишет т. Воробьев, — однако в этот день к директору не пошла. Мы решили обсудить создавшееся положение в своей организации и наметить коллективно дальнейшую линию поведения. Для этого после общезаводского собрания поздно вечером на Лебяжке было устроено экстренное совещание организации. Пришло на него всего несколько человек — те, кого наспех успели известить» [1]). Ячейка решила стачку не устраивать, но потом, учтя обстановку, свое решение изменила. Меньшевики на заводе тоже высказались за забастовку.

Когда выяснялась неизбежность забастовки, во главе ее становились не только большевики, но и меньшевики и эсеры. Если инициатива исходила от большевиков, они входили в соглашение с меньшевиками и эсерами, так как важно было, чтобы в лагере бастующих не было раздвоения, шатаний и колебаний. Это соглашение, однако, не всегда удавалось, так как социал-патриоты обычно старались противодействовать обострению классовой борьбы во время войны. Они не останавливались, подобно невьянским меньшевикам, перед опасностью скомпрометировать себя и шли на прямое штрейкбрехерство. Так было, напр., в Сормове в июне 1916 г. И здесь брожение среди рабочих шло на экономической почве. Большевистская организация взяла на себя организацию движения. Ею была созвана расширенная массовка, высказавшаяся за забастовку. Был принят и выработан следующий план действий: утром 25 июня «в каждом цехе устроить общее собрание, на них утвердить выработанные организацией требования и к 8 часам утра всем собраться около механического цеха», где уже общезаводское собрание должно

[1]) Воробьев, Перед рассветом, стр. 89.

было утвердить эти требования и решить, что рабочие не приступят к работам впредь до полного удовлетворения их. К 8 ч. утра 25 июля «на площади около механического цеха собралось 15 тыс. рабочих. Здесь слышалась резкая беспощадная критика царского правительства, слышались протестующие речи против войны, требования почти целиком были одобрены и пред'явлены заводской администрации, которая отказалась от их удовлетворения».

«На общем собрании, где голосовались требования рабочих, против них и с призывом не оставлять работы выступил меньшевик Норкин. Масса была настроена революционно и повлиять на нее Норкину не удалось» [1]). Однако единство среди бастующих было нарушено. Меньшевики толкали колеблющихся на штрейкбрехерство. Это учли полиция и администрация. Через 3 дня забастовку сломили.

Штрейкбрехерство, особенно в годы войны, было обычным для меньшевиков. Одной из основных функций гвоздевцев было тушение забастовочных вспышек. К этому делу приложили свою руку и члены фракции Чхеидзе. Вот что о них пишет начальник петроградского охранного отделения в донесении 12 сентября 1915 г.:

«Последние данные агентуры указывают на признание лидерами РСДРП несвоевременности устройства революционных и иных демонстративных эксцессов, подтверждением чему явились и посещения представителями думской эсдековской фракции некоторых заводов с целью рекомендовать рабочим прекратить начатую ими забастовку» [2]).

Можно сказать «самолично» участвовали в «успокоении разбушевавшейся стихии». И в сентябрьской стачке 1915 г. и в октябрьской 1916 г. меньшевики немало трудились над противодействием «эксцессам» пролетариата против буржуазии и самодержавия.

Общая линия большевиков была за поддержку и развитие стачечного движения, за придание ему возможно большей организованности и мощности. Большевики не только поддерживали начавшееся движение, но и сами призывали к политическим стачкам в нужный момент (суд над матросами в 1916 г. и т. п.).

Идея всеобщей забастовки снова стала популярна среди рабочих. К этому толкали ее условия стачечной борьбы в годы войны. Вот что сообщают в ЦК о настроении рабочих летом 1916 г.

«Настроение в низах прекрасное, всюду происходят митинги, обсуждающие всеобщую забастовку. Частичные кончались обыкновенно отправкой на передовые позиции, и вот с неизбежностью выяснилась дилемма: или не бастовать вовсе, или всем сообща» [3]).

Это интересное наблюдение нельзя, повидимому, отнести ко всем районам. По времени оно относится к середине 1916 г., когда в рабочих

[1]) «Материалы по истории революционного движения», т. II, стр. 77.
[2]) Дело деп. пол., № 5, за 1915 г., л. 112.
[3]) Архив Истпарта, письмо в ЦК (без подписи) от 17 июня 1916 г.

массах опыт предыдущей стачечной борьбы привел рабочих к мысли «или не бастовать вовсе, или бастовать сообща». В начале забастовочного под'ема военных годов, летом 1915 г., когда поднялись текстильщики, руководство движением было затруднено ухудшением состава рабочих в связи с призывами в армию.

«Призывы в армию, — пишет в ЦО товарищ из Центрально-промышленного района, — отнимают у движения надежные элементы. Преобладание женщин, подростков, деревенщины затрудняет организованное движение, сводит его к кратковременной вспышке» [1]).

При недостаточном упорстве и неустойчивости настроения масс забастовочное движение вело иногда к неизбежным поражениям. Неудачная забастовка не только способствовала падению решимости в массах к дальнейшей борьбе, но и позволяла администрации «процедить» состав рабочих и оставить наиболее активную часть рабочих за воротами предприятия. Когда боевое настроение масс не соответствовало об'ективным данным, когда забастовку нельзя было вести, имея хотя бы некоторые шансы на победу, большевикам приходилось охлаждать массы, уговаривать их пойти на частичное удовлетворение требований. Так было во время второй забастовки на патронном заводе в Туле в начале 1916 г. Забастовка возникла без подготовки, и организации пришлось взять на себя руководство движением, когда забастовка уже стала фактом. После частичного удовлетворения требований и приказа о расчете при дальнейшем продолжении забастовки, после введения полиции и войск в завод большевики вместе с меньшевиками решили призвать к прекращению стачки, но массы перестали слушать выделенного партийцами руководителя, и руководство перешло к анархисту Костромину. Несмотря на выступление ряда большевиков против стачки, рабочие голосовали за продолжение стачки. Через несколько дней стачка была сломлена, состав рабочих профильтрован, т. е. наиболее активные элементы завода были выброшены. После этого «молодежь больше стала тянуться к той или иной форме организации, потому что стачка наглядно показала, как легко разбить неорганизованную масу» [2]).

Партии, как руководителю масс, приходилось не только развивать движение, но и сдерживать его, чтобы не дать боя там, где он был выгоден противнику. Потребность рабочих в организации и руководстве способствовала росту влияния партии в ходе классовых боев 1915/16 годов.

Для выяснения роли большевистских организаций в рабочем движении этого периода остановимся более подробно на руководстве партии двумя крупными стачками: летом 1915 г. в Иваново-Вознесенске и октябрьской забастовкой в Петрограде в 1916 г.

В Иваново-вознесенском районе с весны 1915 г. началось глухое брожение. И без того низкий жизненный уровень ткачей понизился еще более в связи с ростом цен. «Тяготы войны становились невыносимыми.

[1]) «Социал-демократ», № 49, стр. 1.

[2]) «Революционное былое», № 3, за 1924 г., стр. 18.

В этом «Русском Манчестере» война оставила женщин, детей, негодных к военной службе и стариков. Все сильное и крепкое было «угнано» на убой». Настроение оставшихся «было очень боевое, очевидцы могли сравнивать его только с предреволюционной эпохой, 1905 годом... Все ждали революции... По городу, на заводах — всюду народ говорил о необходимости революции» [1])...

Даже на с'езде потребительских обществ говорили такие речи, что он был прозван «первым митингом второй революции». В текстильном районе с начала лета вспыхивали разрозненные стачки. По лесам шли тысячные массовки.

В такой обстановке революционного напора масс приходилось действовать партийной организации. Организация к весне 1915 г. была сильно ослаблена призывами. Подкрепление она получила в лице т. В. И. Наумова. Внутри организации был провокатор. Из недоверия к нему и по другим причинам часть старых членов Иваново-вознесенской организации держалась в стороне. Несмотря на это была сколочена из местных рабочих руководящая группа. Ей приходилось начинать работу, как говорят, «впотьмах». «У нас, — пишет т. Черников, — не было связи ни с Москвой, ни с Питером, как будто мы были отрезаны». «После забастовок Ивановской и Кохомской, — пишет он далее, — к нам новички шли гурьбой, но беда — некому их обрабатывать» [2]). Организация, быстро возросшая до 600 человек, страдала от недостатка руководства и связи с крупными центрами. Эта связь была тем более необходима, что на собраниях в Иваново-Вознесенске на очередь поставлен был вопрос о вооруженном восстании. Движение, начавшееся как экономическое и выдвинувшее требование таксации цен на продукты питания, приняло ярко политический революционный характер. По сообщению провокатора Романова, к которому обратился с информацией т. Наумов, на собраниях в Иваново-Вознесенске «было решено, что так как экономические забастовки зачастую не достигают цели и что улучшение условий труда можно достигнуть только при демократическом образе правления, повести широкую агитацию за необходимость, путем вооруженного восстания, свержения настоящего правительства и учреждения демократической республики» [3]). Иваново-вознесенская организация поставила первой задачей — связать Иваново с ближайшими промышленными районами: Тейковом, Кинешмой, Родниками, Вичугой, Середой и т. д. Члены иваново-вознесенского руководящего коллектива отправились в эти пункты, организовали там ячейки и подготовили созыв окружной конференции. Предполагалось сделать конференцию областной (всего Северного района), но не было связей с Костромой и Ярославлем.

Конференция собралась 20 июля в лесу близ Иванова. Было представлено 6 районов. На повестке стояли 3 вопроса: 1) учет местной работы, 2) о тактике нашей партии, 3) выработка плана действий на бли-

---

[1]) «Сборник «Социал-демократа», № 1, стр. 58.

[2]) «XXV лет РКП», изд. «Основа», 1923 г., стр. 149—150, воспоминания Черникова.

[3]) Меницкий, ч. II, стр. 57.

жайшее выступление. «Конференция работала удачно, резолюции принимались единогласно. Было постановлено действовать организованно, всем вместе, разрозненно не выступать» [1]). Вопрос о выступлении в ближайшее время был уже предрешен, так как массы рвались в бой, и движение могло принять стихийный характер. Конференция поставила задачей партийной организации сделать все возможное для усиления связей, укрепления местных организаций и установления связи с руководящими центрами партии.

«На этой двухдневной конференции, — пишет другой участник, — после докладов с мест мы констатировали настроение рабочих масс боевым, но признали в то же время себя неподготовленными к продолжительной борьбе, так как окраинные организации находились в зародышевом состоянии, а крепкая связь с московским, питерским и поволжским пролетариатом отсутствовала, а потому конференция признала первоочередной своей задачей подготовить среди рабочих почву к выступлению во всем районе и установить теснейшую связь с центральными организациями с.-д. большевиков» [2]).

Тов. Наумов поехал для получения руководящих указаний в Москву. Здесь он обратился к «областнику» Романову (провокатору «Пелагее») за советом и с просьбой приехать в Иваново-Вознесенск. С приездом Наумова все планы иваново-вознесенцев стали через Романова хорошо известны департаменту полиции. Наумов тут же был «взят в наблюдение». Иваново-вознесенцы поручили ему достать прокламации. Ими снабдила Наумова Тверская группа, тиснувшая часть готового набора прокламаций за подписью Иваново-вознесенского областного комитета. С Романовым и с руководителем Тверской группы т. Наумов советовался по вопросу о предстоящем выступлении. Романов, по словам его шефа полк. Мартынова [3]), отказался ехать на массовку 8 августа, где должен был быть решен вопрос о восстании, чтобы оставить вопрос о выступлении открытым. Товарищи из Тверской группы, по словам т. Лациса, «настрого наказали настоять, чтобы этот несвоевременный шаг не был сделан».

С 5 тыс. прокламаций, но без подкрепления людьми и без достаточных руководящих указаний вернулся тов. Наумов в Иваново-Вознесенск.

---

[1]) «XXV лет РКП», изд. «Основа», 1923 г., стр. 156, воспоминания Кадыкова.

[2]) Там же.

[3]) См. записку начальника московского охранного отделения в деп. пол. вице-директору Л. Г. Васильеву, за № 292444, от 3 сентября 1915 г., перепечатанную в сб. «Накануне великой революции», стр. 124—128. Записка явилась ответом на замечание Джунковского о слишком большой близости агентуры московского охранного отделения к иваново-вознесенским событиям, т. е. о том, что эти события были результатом провокации московского охранного отделения. Подозрения в провокации были не безосновательны, так как в поведении местных властей многое говорит за то, что расстрел был подстроен. Мартынов распинается, что он удерживал Романова от выступлений даже в ущерб его репутации, чтобы только не причинять беспокойства местным жандармским управлениям.

Прокламации были розданы на массовке и «9 августа красовались на заборах, на фабриках и заводах» [1]).

В ночь на 10 августа, накануне решительного выступления, весь руководящий коллектив был арестован. Неарестованного ночью Кадыкова арестовали 10-го утром, вызвали его с фабрики в участок.

Придя на фабрику 10-го утром, «я видел, — пишет т. Кадыков, — сильно приподнятое настроение; работали плохо и все с праздничным видом спрашивали меня: когда же ты скажешь, чтобы мы вышли?.. Больше терять нечего, наше терпенье лопнуло, и мы сами выйдем»...

Несмотря на отсутствие руководителей, массы прекратили работу, вышли на улицу и со всех фабрик двинулись к центру города, к помещению городской управы. От управы толпа двинулась к тюрьме, освобождать арестованных, но была расстреляна воинской командой.

На месте осталось 30 убитых и 53 тяжелораненых. Полиция после разгона занялась инсценировкой «нападения толпы на воинскую заставу», — собрала камни, палки и другие «вещественные доказательства». Суд послал 29 большевиков в Сибирь и в тюрьмы на разные сроки.

Стихийный напор масс, провокаторская работа охранки, слабое руководство партийных центров, — в такой обстановке пришлось иваново-вознесенским большевикам руководить движением. Благодаря их энергии была установлена связь с ближайшими районами и Москвой, был проведен ряд массовок под лозунгом «долой войну», были выпущены прокламации, осмысливающие борьбу иваново-вознесенских рабочих, связывающие их выступления с задачами русского и международного пролетариата. Движение, возникшее стихийно, шло под большевистскими лозунгами. Несмотря на замалчивание буржуазной прессы, рабочие всей России узнали, что правительство расстреляло рабочих за их выступление против войны, против правительства и буржуазии.

Рабочие Питера, Москвы, Тулы, Нижнего-Новгорода, Сормова, Харькова, Екатеринослава ответили на иваново-вознесенский расстрел стачками. Этот расстрел, как и суд над депутатами-большевиками, показал русским рабочим, как должен относиться пролетариат к войне. Работа Иваново-вознесенской организации имела огромное значение, под ее руководством один из отрядов русского пролетариата выступил против империалистической войны, против гнета царизма, против эксплоатации буржуазии.

Партийная организация осмыслила движение и сделала все возможное для придания ему организованного характера, но предотвратить его кровавый исход она не могла. Она должна была стать во главе движения, хотя и знала, что оно при изолированности обречено на неудачу. Ход событий, по словам корреспонденции в ЦО, был таков: «Пролетарии настаивали на переходе от агитации к активным действиям против войны, пред'явив местной организации ультиматум взять на себя ини-

[1]) «XXV лет РКП», стр. 157.

циативу восстания; на решение вопроса дали срок в две недели, в противном случае обещали выступить изолированно, снесясь с Москвой [1])... Дальнейшее известно».

Стихийно возникшей и ярко политической по своему характеру была и октябрьская стачка 1916 г. Основную массу бастующих на этот раз составляли (127 тыс. из 187 тыс. общего числа стачечников) петроградские металлисты. Дороговизна, отсутствие ряда продуктов, напряженная политическая атмосфера и ряд стачек весны 1916 г. на питерских заводах-гигантах — все это подготовило почву для выступлений рабочих в октябре. Для этих выступлений характерна роль листков ПК.

Петербургский комитет в середине октября выпустил листок общего характера с призывом к борьбе против войны. «Пора народным массам взять инициативу в свои руки: довольно терпеть и молчать. И пролетариат России должен немедленно подать свой голос и повести за собою все живые и демократические элементы страны... Товарищи. Мы призываем вас к борьбе. Сплоченными рядами, под сенью широко развернутых красных знамен революционного социализма, мы выступим решительно — и победим. Да здравствует наша борьба!»

Что именно вызвало выпуск листка ПК, — неясно. Он отражал боевое настроение рабочих, но призыва к стачке в нем не было. В накаленной атмосфере достаточно было факта появления листка ПК, чтобы дать толчок движению. Движение, таким образом, возникло стихийно. Петербургский комитет поспешил ликвидировать вспыхнувшую стихийно стачку. В специально выпущенных листках ПК отмечал силу движения и роль в нем солдат. «Совместное выступление наших братьев-солдат в эти дни может служить показателем того, что они с нами». Но этих первых признаков перехода армии на сторону рабочих еще недостаточно для решительного штурма. «Товарищи рабочие, — обращался ПК к питерским пролетариям, — раз'ясните самым отсталым и темным из вас, что несет народу эта бесконечная война: устраивайте сборы, крепче связывайтесь с солдатами, но не давайте себя обмануть тем, кто хочет слухами, возбужденными действием полиции и провокации, вызвать вас на преждевременную бойню. ...Возвращайтесь теперь к станкам с тем, чтобы покинуть их снова, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм за низвержение самодержавия, за установление демократической республики, восьмичасового рабочего дня, конфискации помещичьих земель».

Рабочие, по призыву ПК, вернулись к станкам, но через неделю снова были призваны к забастовке для поддержки преданных суду матросов по делу о большевистской пропаганде во флоте. Суд был назначен на 26 октября. 25 октября забастовка вспыхнула снова. Демонстрации ходили с песнями и криками: «Долой войну, долой казнь!» В этот день бастовало свыше 130 тыс. рабочих. Это выступление питерских рабочих явилось блестящей демонстрацией их способности к организованным выступлениям по призыву партии. Оно показало армии го-

[1]) «Социал-демократ», № 39.

товность рабочих выступить в защиту революционных солдат и матросов.

На эту грандиозную стачку революционной солидарности буржуазия ответила локаутом всех бастовавших 26 октября предприятий. В ответ на об'явление локаута, ПК призвал всех рабочих Петрограда поддержать своих локаутированных товарищей: «Мы еще не знаем, — говорил листок ПК, — как направятся удары локаута. Захочет ли правительство, закрыв заводы, внеся расстройство в ряды рабочей армии, отобрать наиболее беспокойных и молодых и их отправить на позиции? Использует ли оно локаут, чтобы превратить самый завод в казарму, применяя все жестокости военного положения?» Во всяком случае буржуазия сама нарушает лозунг классового мира во имя интересов обороны; «поднимая меч международной борьбы, правительствующие классы лишь облегчают задачу их свержения. Они сами приближают к нам позиции, превращая наш спор в войну»...

ПК призывает рабочих поддержать своих товарищей по классу и быть готовыми к гражданской войне против «правительствующих классов». Буржуазия учла невыгодность для нее разжигать классовую борьбу. Она «сочла за благо» прекратить локаут без всяких последствий для забастовщиков.

Октябрьская стачка дала пример организованности пролетариата. Несмотря на то, что массы рвались в бой, ПК удалось предотвратить несвоевременное выступление. Партия показала себя более сильной, чем в иваново-вознесенских событиях лета 1915 г. Она в Петрограде опирались на кадры коренных пролетариев — петроградских металлистов. Петроградская организация к осени 1916 г. еще не вполне оправилась после июльских разгромов, когда было произведено до 120 обысков. Охранка считала Петербургский комитет уничтоженным, а между тем он проявил в октябре огромную деятельность, выпуская листок за листком. За 2-ю половину октября было выпушено 12 тыс. прокламаций, а в следующие две недели — еще 15 тыс. Большевистский ПК в событиях октября 1916 г. выступил как признанный вождь пролетариата. Он всей своей деятельностью способствовал не только слиянию разрозненных выступлений в единый и мощный поток, но и увязке рабочего движения с крестьянско-солдатским восстанием против царизма. Он призвал рабочих «крепче связываться с солдатами», он дал лозунг: «Пролетариат России должен повести за собой все живые и демократические элементы страны».

Самый ход событий в октябре 1916 г. показал массам неизбежность гражданской войны. В этих событиях был скреплен боевой союз рабочих и вооруженных крестьян, с одной стороны, и буржуазии, помещиков и царского правительства — с другой. Агитация против империалистической войны перешла в активные действия против правительства и буржуазии. События, начавшиеся с листовок против войны и дороговизны, закончились схваткой с правительством и локаутчиками. Партия показала способность перейти от общей агитации к руководству решительными действиями. Пролетариат и его партия в ок-

тябрьских боях показали, что гегемоном в революции будет пролетариат, что непролетарские массы пойдут за ним, а не за буржуазно-помещичьей думой.

4. Борьба пролетариата и его партии за мелкую буржуазию

Положение широких масс трудящихся становилось все более безвыходным. Становилось все ясней, что война, дороговизна грозят массам истреблением, если сами трудящиеся не возьмутся за изменение существующего порядка. Необходимость коренной ломки существующего строя толкала мелкую буржуазию в сторону пролетариата. Не только правительство, но и думская буржуазия к концу 1916 г. чувствовала, что почва у нее уходит из-под ног, что опереться не на кого, что выступление масс будет направлено не только против правительства, но и против всего социального строя. Не только среди рабочих, но и среди мелкой буржуазии все более прорывались вспышки возмущения. Эксцессы мелкой буржуазии выливались, главным образом, ь форму продовольственных «беспорядков», кончавшихся разгромом лавок. Рабочие уже летом 1915 г. даже в более отсталом текстильном районе показали, что они умеют бороться против той же дороговизны организованно, ставя себе определенную цель. Степень организованности и сознательности пролетариата определяла силу всей армии революции. Вне этой организованности пролетариата никакой армии революции быть не могло, не могло быть и самой революции.

Была ли в 1915/16 г. налицо революционная ситуация?

«Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению» [1]).

Все признаки революционной ситуации были налицо. Думская фронда, оппозиция всей буржуазной «общественности», ее настроение против власти «темных сил» и «безответственных влияний» — все это дает яркий пример того, как господствующие классы, которые уже не «могут жить по-старому», вовлекают в борьбу «низы». «Обострение выше обычного нужды и бедствий» несомненно было и несомненен рост активности масс и стремление протестовать против существующего по-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 139—140.

ложения. Из этой революционной ситуации еще не вырастала с неизбежностью революция. Правда, огромное большинство населения пришло в движение, пришло к возмущению против «верхов». Но кто составлял это большинство? «В России мелкобуржуазные народные массы, главным образом крестьянство, составляют попрежнему большинство населения. Они угнетены в первую голову помещиками. Они политически частью спят, частью колеблются между шовинизмом («победа над Германией», «оборона отечества») и революционностью» [1].

Да, несмотря на недовольство мелкобуржуазных масс, —недовольство, готовое перейти в восстание, — о них можно было сказать, что они «частью спят, частью колеблются между шовинизмом и революционностью». В подавляющем своем большинстве мелкая буржуазия «политически спала», только Февральская революция призвала ее к жизни, к политической жизни. Определенная (именно революционная) линия была у пролетариата. Выразителем этой линии была партия большевиков.

Правильно было общераспространенное накануне революции мнение: «Настроение в народе — пороховой погреб, ждущий искры. Вспыхнет — все снесет», но правильно было и то, что только пролетариат своей организованностью и сознательностью, своей беззаветной борьбой мог этот общенародный порыв превратить в революцию, в революцию победоносную, быстро и решительно уничтожившую царизм

Для настроения мелкобуржуазных масс характерна их ненависть к полиции. Когда приходилось стоять в очереди за хлебом, — доставалось полиции; когда приходилось отправлять на позицию своих близких, — доставалось все тем же «толстомордым», жиреющим в тылу «фараонам». В борьбе рабочих с правительством симпатии были всецело на стороне рабочих. Теперь уже никто не думал, что бунтовщики — это «стюденты», «сицилисты» и т. д. и т. п. Даже зажиточные мелкие буржуа были не на стороне «охранителей порядка». Характерно в этом отношении письмо одного зажиточного костромского мещанина, занимающегося торговлей, по поводу расстрелов рабочих в Костроме летом 1915 г. Этот весьма умеренных взглядов буржуа посылает депутату от Костромской губ. Герасимову на фронт письмо, в котором пишет: «...В то время как у вас, на фронте, русские солдаты стреляют в немца, у нас, на Волге, полиция расстреливает безоружных детей и женщин. Костромское население начинает смотреть на полицию, как на своего рода вторгшихся в пределы Костромы немцев». И в конце письма: «Пока мы не прекратим этой внутренней войны, по моему глубокому убеждению, нам не удастся одолеть и внешнего врага» [2].

Даже этот зажиточный, весьма умеренный и политически наивный (он просит довести все это до сведения губернатора и министра) обыватель возмущается этим внутренним фронтом и пишет, что «костромское население начинает смотреть на полицию как

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 213.
[2] Меницкий, ч. 2, стр. 31 (из стенографического отчета Гос. думы).

на своего рода вторгшихся в пределы Костромы немцев», т. е. как на «внутреннего врага»... Правительство и полиция — это и есть «враг внутренний», — эта мысль становится достоянием широких слоев мелкой и отчасти крупной буржуазии. До революционности этому костромскому обывателю еще далеко. Основное для него — «одолеть внешнего врага», а для этого надо прекратить внутреннюю войну. Так рассуждает мелкий буржуа.

«Низы» мелкой буржуазии, однако, втягивались всем ходом событий в внутреннюю войну, вне ее для них не было выхода. Это настроение масс подметила даже охранка: «на низах приходится встречать совершенно новое явление: громкие заявления о том, что тот или иной исход для народных масс является безразличным, — «хуже все равно не будет» [1]).

Это подслушанное в 1915 г. охранкой суждение обывателей напоминает те надписи рабочих в начале войны, о которых говорит А. Шляпников. Они гласили: «Товарищи, если Россия победит, нам лучше не будет, нас будут еще сильнее давить».

«Хуже все равно не будет», рабочие делали отсюда выводы о необходимости борьбы: «Будем, — писал один рабочий, — бороться до конца и лучше умереть, чем тлеть в рабстве до конца» [2]). Не пассивность, не отчаянье, не слепые вспышки, а борьба, борьба с ясно поставленной целью. Эта цель — превращение империалистической войны в гражданскую. В безнадежности военных действий есть один просвет, один выход, одна возможность помочь себе и всем трудящимся: «Единственная помощь, которую мы, рабочий класс, можем сделать — это поставить живую силу для прекращения этой бойни, порождающей все беды и несчастья», сказал один рабочий-эриксоновец на многотысячном заводском собрании и в ответ получил гром аплодисментов [3]).

Для победоносного выступления во имя «прекращения этой бойни» пролетариат должен был быть организованным. Решимость к борьбе у рабочих сочеталась с тягой к организации. «Товарищи, взгляните на надвигающуюся опасность безработицы и продовольственный кризис и перед вами станет ясно, что все репрессии — сущие пустяки в сравнении с теми ужасами, которые нас ждут. Итак, товарищи, укрепляйте старые организации и создавайте новые» [4]).

Укрепление старых организаций — это укрепление «правдизма», это укрепление подпольной партии. В меру организованности партии был организован и пролетариат. Легальные рабочие организации в России были либо не боевыми классовыми организациями, либо они погибали под ударами правительства. В повседневной борьбе рабочих за свои экономические интересы партия организовы-

[1]) Граве, стр. 178.
[2]) Дело деп. пол., № 5, ч. 3, за 1915 г., перлюстрированное письмо в «Нашу газету», 19 октября 1915 г.
[3]) Архив Истпарта, письмо рабочего К—ча в ЦК.
[4]) Дело деп. пол., № 5, ч. 3, за 1916 г., л. 99, письмо рабочего-плотника в газ. «Голос печатного труда».

вала рабочих и руководила их борьбой. *Степень организованности и силы партии большевиков была основным определяющим моментом в деле организации сил революции.*

О сколько-нибудь значительной партийной работе среди непролетарских слоев населения говорить не приходится [1]). Сил партии нехватало для обслуживания рабочего движения. Даже систематической агитации среди мелкобуржуазных масс не было. Руководить массовым движением непролетарских слоев иначе, как организуя, направляя рабочее движение, партия не могла. Первый же под'ем рабочего движения летом и осенью 1915 г. вызывает оживление среди мелкой буржуазии. «Процесс революционизирования рабочих в эту осень (1915 г.) происходил особенно заметно. Как ни старалась полиция задушить этот неизбежный процесс, ей это не удалось. *Параллельно с пробуждением рабочего движения начинали просыпаться и мелкая буржуазия, интеллигенция, студенчество и прочие слои общества»* [2]).

Движение среди мелкой буржуазии шло не только параллельно рабочему движению, но и в связи с ним. Правда, осень 1915 г. чревата политическими событиями (Госдума, поражения на фронте), правда, к этому времени обострилась дороговизна, что толкало массы на выступления, но и влияние рабочего движения несомненно. Об этом свидетельствуют формы движения. Как пример возьмем «беспорядки 14—15 сентября» в Москве.

Поводом к беспорядкам послужило столкновение солдата с полицией: толпа стала на сторону солдата и принялась избивать полицию. Столкновение с полицией перешло в форменное сражение, полиции пришлось отступать с потерями, потом, получив подкрепление, снова наступать. Только к 2 часам ночи удалось рассеять толпу. А к утру в районе Страстного монастыря снова началось избиение городовых, постройка баррикад и т. д. За первый день «израсходовано патронов членами полиции 89 и жандармским дивизионом 402. Потери полиции: раненых 4 офицера, 4 околоточных надзирателя и 25 городовых; потери народа — 3 убитых и 12 раненых». Характерно то, что о «задержанных убитых и раненых никаких неблагоприятных в политическом отношении сведений нет», все это были люди случайные: швейцар, метельщик, студент. Ни партийной агитации, ни участия рабочих в беспорядках не было. Просто «прорвало» ненависть против «фараонов». Ведь события происходили под свежим впечатлением расстрелов в Иваново-Вознесенске и Костроме. Возбуждение рабочих, вылившееся в сентябрьскую стачку, передалось и мелкой буржуазии. Там, где зажиточный обыватель ограничился сочувствием расстрелянным и письмом с рассуждением о вреде междоусобной борьбы, там обыватели из «низов» начали при первом же случае избивать «внутренних немцев», строить против них

---

[1]) Исключение представляет студенчество, но и ему партия не могла уделять сколько-нибудь значительных сил.

[2]) «Летопись революции», № 5, за 1923 г., стр. 10.

баррикады и т. д. В знак протеста студенты об'явили забастовку. Одним словом, привычная по 1905 г. картина. Непривычно было то, что в числе нападающих были «нижние чины и даже прапорщики». Хотя московский градоначальник Климович дал заключение о причине событий, что «никакой политической подкладки в них не имелось», но политическая подкладка была, и решающую роль в «возникновении беспорядков» сыграл не «оглашенный с трибуны Государственной думы лозунг о необходимости призыва всей полиции в ряды армии», как это полагает ген. Климович, а провозглашенный иваново-вознесенскими и костромскими ткачами лозунг «долой монархию».

Московские большевики (Пресненская группа) после этих событий выпустили листовки к рабочим и солдатам и к мелкой буржуазии. Последнее воззвание начинается обращением: «Народ бесправный! Многострадальный русский народ». В нем разоблачается ложь черносотенных газет и лицемерных призывов к народу нести жертвы на алтарь отечества. «На эти призывы народ покорно кладет голову на плаху. А почетные и потомственные граждане уже получили полную свободу — обдирать народ, как липку; служат молебны и считают небывалые крупные барыши, любуясь на здоровенных, красномордых действительных успокоителей, вооруженных представителей благоволящей им власти»... Ужели спокойно ожидать истребления всего трудоспособного населения во имя их интересов? Народ не заинтересован в победе, — «поражение и победа обещают нам цепи, а не свободу: единственный и наилучший выход из настоящего положения — это немедленное заключение мира и созыв Учредительного собрания» [1]).

Эта листовка, обращенная к «бесправному народу», дает образец агитации среди неорганизованной городской и мелкой буржуазии. Это — редкий вид агитационной работы партии. Обычно агитационные листки обращаются или к рабочим, или к солдатам, или к студентам.

Среди студенчества большевики вели партийную работу, хотя и уделяли ей, по необходимости, мало сил и внимания. Студенческая и ученическая среда обычно сама себя обслуживала пропагандистскими силами. Из студенческих кружков выходили кадры работников партийной техники, агитаторы и пропагандисты. Большевистская работа среди студенчества велась в значительных размерах в Москве, где из среды студентов вышел ряд активных работников. В Петрограде студенты-большевики обслуживали технику ПК и ЦК. Были большевистские студенческие группы в Харькове, Саратове и др. городах.

Студенчество, рекрутируемое главным образом из мелкобуржуазных слоев, могло служить хорошим проводником влияния на эти слои. О значительном *партийном*, большевистском влиянии на студенчество говорить не приходится. Речь идет о *революционном* влиянии рабочего движения на студенчество, о революционизировании через него городской и отчасти деревенской мелкой буржуазии.

Пути воздействия на мелкую буржуазию через организации партия могла использовать в значительных размерах. Основной путь — ра-

[1]) *Меницкий*, ч. 2, стр. 94—95.

бота в общегражданской кооперации — был очень мало использован большевиками. Нам известно о работе большевиков в союзе кооперативов Кинешемского района [1]), но и это было не более как кооперативное прикрытие партийной работы среди рабочих текстилей.

Обычно в общегражданской кооперации из социалистов работали меньшевики, эсеры, народные социалисты, а большевиков на эту работу нехватало. Кооперация за предвоенные и особенно военные годы дает большой рост, она захватывает не только город, но и верхние слои деревни. На кооперативы и другие слои организованной мелкой буржуазии партия могла воздействовать через общественные с'езды и совещания. Примером их участия может служить с'езд по борьбе с дороговизной в Москве 11—13 июля 1915 г. На этом с'езде была довольно значительная рабочая группа, в которой было несколько большевиков. В рабочей группе была принята революционная резолюция. Выступавшие от группы питерский рабочий П. Судаков и В. П. Милютин дали отпор кадету Родичеву, призывавшему рабочих забыть старое и об'единиться с остальным обществом в деле «одоления врага». Их выступление ослабило впечатление выступления Родичева. В дальнейшем кооператоры и народники отказались от кадетского большинства.

Несмотря на то, что кадеты пошли на компромисс с «крайними левыми» и придали своей резолюции радикальный характер, за эту резолюцию большинство с'езда не голосовало. Из 327 делегатов за кадетскую резолюцию голосовало всего 101, против же 71 (марксисты, народники и кооператоры), а остальные воздержались. Таким образом, решительное выступление рабочей группы привело к отколу от кадетов их мелкобуржуазных союзников. Керенский в рабочей группе торжественно провалился. Даже народники не пошли за ним. В общем, этот с'езд показал, что сплочение и решительное выступление рабочих способствует «левению» мелкобуржуазных элементов, их отрыву от крупной буржуазии.

Примером работы большевиков в общественных организациях, помогавшей сплочению мелкой буржуазии вокруг пролетариата, служит работа в санитарных попечительствах и организации помощи беженцам. Вот что рассказывало письмо в ЦК из Москвы о работе в санитарных попечительствах:

«Во время наплыва беженцев в Москву городскими самоуправлениями были созданы так называемые санитарные попечительства, членами которых мог быть всякий обыватель данного района. Эти попечительства имели право обсуждать разные вопросы, в том числе *продовольственный и квартирный*, могли устраивать лекции и т. д., рамки их деятельности не были строго определенны. На-ряду с буржуазией и ликвидаторской публикой, в эти попечительства пошла и большевистская интеллигенция, желавшая привлечь массы и повести кампанию вокруг продовольственного и жилищного вопросов, равно как и создать здесь особые оппозиционные группы. Но ввиду того, что связь этих интеллигентских групп с профсоюзами была слаба, а задачи вхождения

[1]) «Пролетарская революция», № 1 (36), за 1925 г., стр. 232—236.

в эти организации не были выяснены для профсоюзов, профсоюзы не повели агитацию за вступление, а попечительства посещались серыми массами; в одном из районов записалось до 500 рабочих. Попечительствам удалось развить максимальную деятельность вокруг вопроса о повышении квартирной платы, причем на имя этих попечительств присылались резолюции ряда заводов, покрытые многочисленными подписями.

Ввиду того, что наша публика была представлена слабо, буржуазно-ликвидаторское большинство делегировало на особое совещание при градоначальнике известного ликвидатора Никитина. После этого профсоюзы выступили с резолюцией против вступления в санитарные попечительства, и возможно, что, за отсутствием притока рабочих, они начнут умирать естественной смертью» [1]).

В Саратове большевики развернули большую работу среди беженцев. Созданный по инициативе большевиков «Совет саратовских рабочих по оказанию помощи беженцам» сплотил около 100 рабочих представителей от фабрик, заводов и больничных касс. Когда администрация отказалась легализовать это рабочее общество помощи беженцам, совет ушел в подполье. Партийный комитет обратился с воззванием к беженцам-рабочим с призывом сблизиться с местными рабочими и принять участие в работе «Маяка».

«Это воззвание и агитация «маяковцев» привлекли наиболее активные и развитые элементы из беженцев, причем притекали в «Маяк» не только рабочие, но и ремесленники, обычно призреваемые национальными буржуазными комитетами. Через них мы приобрели влияние почти на всю беженскую массу, а дело дошло до того, что, во-первых, некоторые группы беженцев сделали ряд удачных попыток к овладению своими комитетами и попечительствами (напр., еврейские, латышские), а во-вторых, господа из этих организаций подняли кампанию против «Маяка», распространяя разные запугивающие слухи, последние, впрочем, имели ничтожное влияние. Вся эта работа привела к тесной спайке между беженцами и местными рабочими. Особенно трогало, между прочим, беженцев-рабочих то, что местные рабочие брали в это полуголодное время на прокормление их детишек. И связь эта была настолько крепка, что все попытки местных заводчиков и фабрикантов превратить беженцев в штрейкбрехеров и создать жестокий антагонизм проваливались с величайшим успехом. А им очень хотелось вбить клин, ибо они тоже стали чувствовать приближение каких-то событий и, в первую очередь, забастовок» [2]).

Результаты работы среди мелкой буржуазии в данном случае способствовали отрыву ее от крупной буржуазии и усилению положения рабочих. Надо отметить, что Саратовский партийный комитет не сразу согласился начать работу среди беженцев. То же самое было и в Туле. Но даже там, где большевики не могли или не считали важным вести работу среди городской мелкой буржуазии, своей работой среди

[1]) Архив Истпарта, письмо Н. Бухарина к Г. Зиновьеву, частью перепечатано в № 57 «Социал-демократа».

[2]) Антонов-Саратовский, Под стягом пролетарской борьбы, стр. 33.

пролетариата они способствовали собиранию сил революции вокруг пролетариата.

На основную массу мелкой буржуазии — крестьянство — партия могла влиять тоже через рабочих и через армию. О постановке партийной работы в деревне большевикам не приходилось и думать. Основной путь «смычки» пролетариата и крестьянства лежал через армию. Революционные рабочие, попадавшие в солдатскую среду, становились проводниками пролетарского влияния на крестьянство. Правительство массовыми призывами забастовщиков и превращением фронта в своеобразную каторгу для неблагонадежных способствовало усилению связи пролетариата и крестьянства. Размещение больших масс солдат в тылу в промышленных районах подвергало этих крестьян в шинелях революционизирующему воздействию города, особенно его рабочих кварталов. Из солдатских писем в деревню никакая военная цензура не могла выскрести революционной заразы. Правительственная обработка солдат в казарме в обстановке войны была ослаблена, а революционная обработка их улицей и фабрикой усилилась. Ненависть солдат к полиции, ненависть к дворянству в офицерских мундирах передалась в деревню, будоражила ее против власти и против помещиков.

Земляческие связи коренных рабочих с деревней были другим путем воздействия на крестьянство. К этому надо прибавить и то, что у нас в ряде губерний фабрики стоят среди деревень. В таких промышленных губерниях революционизирование крестьянства шло заметней. Во Владимирской губернии, по сообщению жандармского управления, в крестьянской среде слышатся жалобы на призывы в войска, на реквизицию, раздаются речи о невозможности победить немцев, о целесообразности сдачи в плен и т. п. [1]).

Наконец, в годы войны усилился приток «сырья» и «оборонщины» на фабрики и заводы. Эти элементы, крепко связанные с деревней, заражали ее революционным настроением рабочих.

5. Борьба за армию

Основной путь «смычки» — это, понятно, армия. Крестьянин, вырванный из «идиотизма деревенской жизни», поставленный в необычайную обстановку города и фронта, жадно впитывал в себя новые идеи, в нем пробуждался интерес к политике и газете. Буржуазия своими разговорами об «измене» заставляла крестьянина-солдата доискиваться до корней этой «измены». Почва для противоправительственной и антивоенной пропаганды была приготовлена. Приготовлена была почва для вытеснения из головы крестьянина религиозных и проч. предрассудков классово-революционным рассудком. Книга Федорченко «Народ на войне» прекрасно отражает эту борьбу рассудка с вековыми предрассудками, революционности с косностью, воли к борьбе с рабской приниженностью.

---

[1]) Граве, К истории классовой борьбы в России, стр. 215.

Сознательные рабочие, даже будучи одиночками, затерянными в толще крестьянской массы, делали свое дело революционной бациллы. Книжка Пирейко рисует такую работу. «Оборонцев»-солдат из пролетариев, — пишет т. Пирейко, — в армии не было и не могло быть».

Осторожной агитацией рабочие-солдаты толкали мысль солдат-крестьян переходить от рассуждений об измене царицы-немки к исканию более глубоких причин военных неудач и войны вообще.

Интересный образец работы агитатора-большевика среди отсталой солдатской массы дает т. Пирейко: «Солдат, — пишет т. Пирейко, — интересовал вопрос, прежде всего, о том, что пишут о мире. Читаю в газете, что «немецкие и турецкие солдаты устали от войны, а вот русские чудо-богатыри решили воевать до тех пор, пока не будет уничтожена угроза немецкого милитаризма»... Хочется, придравшись к этой глупой заметке, завести разговор на эту тему и указать, что над ними смеются. Но как начать? Берешь газетку и идешь с газеткой к своему ближайшему начальнику, отделенному командиру, спрашиваешь: «Что такое милитаризм?» — «А это зачем тебе понадобилось спрашивать о таких вещах, о которых я впервые слышу». — «Да вот пишут в газетах, что, пока немецкий милитаризм не будет побежден, будет продолжаться война». — «Я не знаю, что такое, — говорит отделенный, — надо спросить взводного». Идем к взводному. Взводный говорит: «А черти его батьку знает, що це таке». Взводный спрашивает фельдфебеля. Фельдфебель говорит, надо у ротного командира спросить, но к ротному не пошли спрашивать, ибо ротный командир был в царской армии недосягаемой величиной. Мне нужно было начать с солдатами разговор о войне, и я этого достиг: стал об'яснять, что такое милитаризм и маринизм.

Солдаты разразились самой отборной руганью по адресу писаки этой газетной заметки: «Нас насильно гонят на эту проклятую войну, мучат здесь, а он еще пишет, сукин сын, что мы сами хотим воевать. Сволочь этакая!» [1]).

Такому агитатору-большевику приходилось держать ухо востро, так как начальство за подобную раз'яснительную работу по головке не гладило, а солдаты могли ему легко рассказать по своей политической неопытности. В ином положении были большевики, попавшие в части, где был значительный процент пролетариев. Здесь большевик быстро находил себе единомышленников. Призванный в армию А. Иванов, путиловец-большевик, рассказывает: «Знакомясь с товарищами, я узнал, что большинство из них взято с заводов — от станков, как неблагонадежный элемент, и, стало быть, политический образ мышления у меня с ними однороден.

После вечерней поверки мы собирались небольшими группами и, беседуя на политические темы, в мечтах своих уносились к социальной пролетарской революции» [2]).

---

1) Пирейко. На фронте и в тылу империалистической войны, стр. 16—17.

2) «Красная летопись», № 1 (10), за 1924 г., стр. 172. Как видно из статьи в «Пролетарском голосе», № 3, «из забастовщиков сформировался

А. Иванов был назначен в 181-й пехотный запасный полк, принявший позже активное участие в октябрьских событиях 1916 г. Революционные рабочие не порывали связи со своими заводскими ячейками. Тот же А. Иванов рассказывает: «Летом того же 1916 г., когда я был уже на военной службе, я не порывал связь с путиловской больничной кассой и по поручению Рошаля (известного С. Рошаля — «Доктора». — *Д. Б.)* распространил в 181-м запасном пехотном полку (в Лесном, где служил) около 300 экземпляров печатной прокламации Петербургского комитета РСДРП (большевиков)» [1]).

Местная большевистская организация имела связи с революционными рабочими в армии, распространяла через них в войсках свои прокламации. В Петербургский комитет за вестями и литературой приезжали солдаты из разных городов России, с фронта. В письмах ПК в ЦК упоминается о настойчивых требованиях с фронта на литературу, — требованиях, которые технически ПК не в состоянии был удовлетворить. Иногда солдаты за свой счет снаряжали такого «ходока» в Питер за вестями. Так, ездили с юго-западного фронта в Петербург т. Пирейко. Московская охранка также сообщает о приезде солдат с фронта с требованием литературы и помощи от партийной организации. «Солдаты, — сообщает осведомитель «Майский», — по словам приехавших с фронта нижних чинов, ждут результата работы своих штатских товарищей в тылу и достаточно им узнать хотя бы о малейшем выступлении их, как они оборотят свое оружие на другого врага и на фронте произойдет такой взрыв, какого еще история не видала. Нижний чин, выступавший с докладом, агитировал за возможно более энергичную подпольную работу» [2]).

По своим старым связям сознательный рабочий разыскивает партийные организации в тылу и требует от них помощи в деле революционизирования армии. По словам корреспонденции ЦО из Москвы, там из разговоров с солдатами выяснилось, что в армии глухое недовольство, но что его использовать трудно, так как «мы разобщены... нет организации».

Благодаря наличию в армии глухого брожения и присутствию в ней революционных дрожжей в виде революционных рабочих в ней то там, то сям возникают (не совсем «стихийно») и революционные ячейки, которые уже потом завязывают сношения с революционным подпольем. Так было и в Балтийском флоте, где «ячейки и коллективы народились на судах совершенно самостоятельно, без помощи» [3]) Петербургского комитета РСДРП.

О возникновении ячеек в войсках укомплектования сообщает еще в январе 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего.

Лесснеровский батальон, а батальоны Путиловский, Николаевский, Тульский давно имеются». См. там же, стр. 148.

[1]) «Красная летопись», № 1 (10), за 1924 г., стр. 171.

[2]) Меницкий, ч. 2, стр. 226.

[3]) Из записки петроградского охранного отделения от 3 декабря 1915 г., в дд. № 5 и 57, за 1915 г. См. Граве, стр. 222, Шляпников, ч. 2, изд. 3, стр. 49—50.

В состав этих ячеек, по этим сведениям, входят «бывшие народные учителя, студенты, фабричные и заводские рабочие» [1]). По имеющимся материалам видно, что в армии эти ячейки были очень редки, что революционная работа велась или одиночками или путем листковой агитации. «Работу в войсках, по словам т. Шляпникова, наши комитеты возлагали, главным образом, на членов партии, мобилизованных репрессивно (за стачки, протесты и т. п.), а также взятых в войска в общем порядке» [2]). О партийной работе в армии можно говорить условно, так как она, обычно, не опиралась на соответствующую военную организацию (ячейки и т. п.). Самое основное в военной работе партии этих годов — это наличие в самой армии классово-сознательных рабочих, стремящихся к постановке партийной, вернее, революционной работы в армии. В этой работе они связывались по возможности, с одним из партийных комитетов, который им помогал литературой или опытом. Иное положение было во флоте, там уже можно говорить о партийной организации. Но и эта партийная организация отличалась тем, что «вся непосредственная как организационная, так и идейно-революционная работа велась самими моряками, среди которых был целый ряд партийных работников-большевиков, имевших опытный стаж 1905 г.». «Связь «Военки» с моряками была почти исключительно идейно-организационная и идейно-направляющая»... «и в этом было колоссальное отличие начавшегося революционного движения в Балтийском флоте от движения 1905—1906 гг.» [3]).

Итак, общая особенность военной работы партии кануна второй революции, в отличие от подобной же работы в годы первой революции, в том, что в самой армии и еще более во флоте были элементы, способные к активной революционной работе. «Армия в тылу и в особенности на фронте, — сообщает охранка, — полна элементами, из которых одни способны стать активной силой восстания, а другие могут лишь отказаться от усмирительных действий» [4])...

Эти элементы, способные стать активной силой восстания, были рабочие и крестьяне, солдаты и матросы, участвовавшие в революции 1905 г., репрессивно мобилизованные в годы войны рабочие и др. Правдистские рабочие были душой этих активно-революционных элементов армии и флота.

Особенно сильны были пролетарские кадры во флоте. Уровень военной техники флота требует комплектования его, главным образом, рабочими, хотя после опыта революции 1905 г. правительство пыталось набирать матросов из крестьян, но ему пришлось от этого отказаться, в силу их малой культурности и отсутствия навыков в обращении с машинами. Из рабочих попадали во флот главным образом металлисты.

---

[1]) Циркуляр начальника московского охранного отделения 10 января 1915 г. участковым приставам, дело московского охранного отделения.

[2]) Шляпников, 1917 год, ч. 1, стр. 19.

[3]) В. Залежский, Борьба за флот. Цитируем по «Красной летописи». № 3, за 1926 г., стр. 17.

[4]) Граве, стр. 224.

«Молодой рабочий-металлист приходил во флот с определенной классовой психологией и в обстановке военного корабля еще сильнее связывал свою личную жизнь с общественной жизнью и с интересами окружающих его товарищей» [1]). Такой сознательный пролетарий особенно остро чувствовал полное уничтожение человеческой личности в царском флоте, особенно остро чувствовал гнет дворянско-помещичьего самодержавия в лице морского офицера. Революционное брожение и партийная работа во флоте не прекращались после революции 1905 г. С начала под'ема рабочего движения в 1912 г. растет и революционное брожение во флоте. «Во время войны революционная работа получила даже некоторый толчок к под'ему. Благодаря мобилизации во флот влилось много пролетарских элементов, а также моряков с революционным прошлым. Просеивать состав судовых команд и береговых экипажей во время войны было значительно труднее, чем в мирное время» [2]).

В эпоху второй революции по своей сознательности и революционности впереди идет Балтийский флот. Он имел постоянную связь с очагом революции — Петроградом. Основные его стоянки находились в районе Петрограда — Ревеля, двух центров металлообрабатывающей промышленности с прочными большевистскими организациями. Балтфлот и Красный Питер соединялись неразрывными нитями. Матросы во время ремонта судов приходили в соприкосновение с рабочими питерских заводов-гигантов, питерские рабочие пополняли ряды матросов Балтфлота. С оживлением рабочего движения в 1915 г. в Балтфлоте назревает революционный взрыв. Ведется подготовка к восстанию, но ее срывает преждевременная вспышка возмущения на линейном корабле «Гангут». Последовавшие за этой вспышкой репрессии не могли уже разрушить сложившуюся подпольную организацию моряков. 3 декабря 1915 г. начальник петроградского охранного отделения доносит директору департамента полиции: «На каждом корабле функционируют социал-демократические ячейки, избирающие свой коллектив, коллектив каждого корабля имеет представителя в руководящем коллективе. Означенные ячейки зародились совершенно самостоятельно, исключительно благодаря наличию благоприятной почвы в смысле большей развитости состава нижних чинов и присутствию в таковой лиц, еще до поступления на военную службу искусившихся в подпольной работе» [3]).

Охранка вполне толково оценила особенности с.-д. организации в Балтийском флоте. И видный участник революционной работы в Балтфлоте подтверждает, что еще в предвоенные годы среди молодых матросов «с каждым годом оказывалось все больше и больше рабочих, входивших еще на заводах в подпольные организации» [4]).

---

[1]) «Пролетарская революция», № 6 (29), за 1924 г., ст. Н. Авдеева, Большевистская работа во флоте-армии.

[2]) Шляпников, Канун 1917 г., ч. 2, изд. 3, стр. 47.

[3]) Донесение приведено у Граве.

[4]) Дыбенко, В недрах царского флота, изд. «Коммунист», М. и П., 1919 г., стр. 23.

Что касается партийного лица матросской революционной организации, то здесь воспоминания тт. Дыбенко и Ховрина заставляют усомниться в том, была ли матросская организация Балтфлота чисто социалдемократической большевистской. Связь организации с большевистским ПК, его идейно-политическое руководство организацией — несомненны. Наличие большевиков среди организаторов тоже, повидимому, факт, но были ли ячейки на кораблях строго партийными, — это вопрос. Невозможность устраивать собрания революционных групп ни на кораблях, где наблюдали «шкуры», т. е. всякое «непосредственное начальство», ни на берегу, где матросские притоны кишели шпиками, — все это вело к тому, что «знание программы той или иной партии среди широкой матросской массы совершенно отсутствовало». «Производилась организация не отдельных партийных ячеек, а шло об'единение и образование одной компактной массы, которая в любой момент с оружием в руках могла бы выступить в защиту свободы против наших ближайших угнетателей, а затем и выше» [1]).

То же самое примерно говорит о революционных матросских организациях и т. Ховрин:

«Еще с 1905 г. в матросских низах сохранилась очень большая симпатия к революции вообще и к революционерам в частности, без разбора, к какой бы они партии ни принадлежали. Зачастую возникали и поднимались организации на военных кораблях. Такая организация была и на нашем корабле, но какова была ее окраска в смысле партийности, — я затрудняюсь ответить» [2]).

Правда, в 1915 г. матросские организации Балтфлота сделали большой шаг вперед в смысле определения своего партийного лица, но основные условия флотского подполья остались те же [3]), а потому и «самобытность» матросской организации в большей или меньшей степени осталась та же.

Во главе всей матросской организации стоял «Главный коллектив Кронштадтской военной организации», имевший связи с судами Балтфлота и береговыми командами Кронштадта, Гельсингфорса, Петрограда и др. пунктов. Этот коллектив возник, повидимому, в середине 1915 г., в виде инициативной группы матросов-большевиков (Сладков, Кузнецов-Ломакин, Писарев и Ульянцев), которая взялась связать между собой все возникшие уже судовые и береговые ячейки. Итак, организация растет снизу, инициативная группа оформляет ее. Она начинает искать связей с подпольем. Эту связь найти было нелегко, а потому матросы-большевики из инициативной группы «готовы были обратиться к эсерам, чтобы ухватиться хоть за какую-нибудь нить с остальным миром» [4]). Наконец, инициаторам удается установить связь со старым большеви-

---

[1]) Дыбенко, В недрах царского флота, изд. «Коммунист», М. и П., 1919 г., стр. 23.

[2]) «Красная летопись», № 5, за 1926 г., стр. 55.

[3]) В береговых притонах и ресторанах под видом кутежей собирались руководители; собирать членов ячеек таким способом, очевидно, было невозможно.

[4]) «Красная летопись», № 3 (13), за 1926 г., стр. 18.

ком (с 1903 г.) питерским рабочим Кириллом Орловым (И. Ф. Егоровым). Он был в ПК представителем сначала Выборгского района, а затем организации Балтфлота. Он вместе с тт. матросами Сладковым, Ульянцевым, Ховриным и др. организует конспиративные квартиры, вырабатывает пароли, шифр, сигнализацию и т. п. С момента установления связи с ПК «революционное выступление во флоте ставится в связь и зависимость от выступления рабочих. А это было основное. Петербургскому комитету не без труда удавалось сдержать стремление матросской организации организовать несвоевременное «выступление» флота. «Среди моряков, даже пролетариев, в силу оторванности от рабочего движения в целом, создавались анархические настроения, стремления к самостоятельным выступлениям и т. п. действиям. Организации приходилось бороться с подобными явлениями, особенно с теми мнениями, что флот «сам по себе», независимо от общей борьбы пролетариата, может победоносно вести революцию» [1]).

Правильный путь организации Балтфлота в партийном отношении стоял в умении сдержать анархические тенденции среди матросов и подчинить и связать движение во флоте с рабочим движением. Роль ПК очень велика именно в силу его об'ективной роли организационной перемычки рабочего движения Питера с матросским движением Балтфлота.

Прочные организационные связи ПК, впрочем, существовали недолго. Охранка, частично проследившая военную организацию, «пресекает» ее деятельность в декабре 1915 г.; 28 декабря 1915 г. производятся обыски и аресты в Петрограде, в флоте и местах его стоянки. Проваливаются работники ПК: Кирилл Орлов (И. Егоров), В. В. Шмидт (Николай) и С. Г. Рошаль и ряд деятелей матросской организации.

Полиции не удалось уничтожить революционную организацию в Балтфлоте. «Аресты от 28 декабря и позднее по этому же делу нарушали работу организации лишь частично» [2]). В январе 1916 г. в Балтфлоте распространяются прокламации ПК, в феврале восстанавливается связь организации с ПК, в апреле снова появляются в Балтфлоте листки ПК, в июле 1916 г. создается «коллектив Кронштадтской военной организации», «Кронштадтский коллектив стал после арестов еще сильнее, чем в 1915 г.» [3]). Ночью с 8 на 9 сентября охранка производит новый налет на организацию. В результате — 30 обысков и 7 арестов. Аресты и обыски лишь нервируют матросскую массу, из'ять же «зачинщиков» они не в состоянии. Тогда пытаются прекратить движение путем посылки ненадежных элементов на передовые позиции и в «отдаленные военные округа». На фронте моряки, посланные на рижский участок фронта, где полки отказались наступать, усилили

[1]) Шляпников, Канун 1917 г., ч. 2, изд. 3, стр. 56.
[2]) Там же, стр. 52.
[3]) Там же, стр. 58.

брожение среди сухопутных войск, устроили бунт, и их пришлось поскорее убрать с позиций [1]).

Правительству не удалось уничтожить революционную организацию во флоте, как не удалось ему и уничтожить Петроградскую организацию большевиков. Сама почва рождала все новых бойцов на место выбывших из строя.

Значительные кадры пролетариев и связь с Питером делали организацию Балтфлота прочной и боеспособной.

Иначе обстояло дело в сухопутных войсках. Здесь рабочие тонули в крестьянской массе. Хотя эта крестьянско-солдатская масса с каждым месяцем войны все больше заражалась «пацифистским» духом, но активно-революционные элементы были поставлены в такое положение, что создать прочные организации было невозможно. Были, понятно, и исключения. Положение на фронте и в тылу в смысле революционной работы в войсках было неодинаковое.

На фронте некоторые участки, как напр., рижский, отмечались как особо распропагандированные. Нельзя считать случайным то, что именно Рига была очагом антиправительственной и антивоенной пропаганды. Появление «пацифистских идей» в частях 2-го Сибирского корпуса, 21-го армейского корпуса, 7-го Сибирского армейского корпуса и других, бывших на рижском участке фронта, по мнению ген. П. Рузского, следует об'яснять тесной связью «таковых идей с массовым и частным общением воинских чинов с населением гор. Риги и ее окрестностей» [2]). Население Риги ведет «пацифистскую» пропаганду, потому что оно настроение германофильски и выполняет директивы германского генерального штаба. С наличием германофильских настроений среди немецкой части населения Риги приходится считаться, но зато латышская часть была настроена германофобски. Нигде в прифронтовой полосе население не было настроено особенно воинственно и патриотически, а местами оно, несомненно, сочувствовало противнику (немцам, австрийцам, туркам), но именно в Риге был наиболее значительный рабочий центр и наиболее крепкая большевистски настроенная с.-д. латышская организация из полосы фронта 1916/17 г. Правда, эвакуация предприятий и мобилизация ослабили рижский пролетариат, но, несмотря на это, в Риге почти беспрерывно существовала с.-д. организация с Рижским комитетом во главе. Там же был и Центральный комитет с.-д. Латвии. Рижская организация в годы войны работала активно и выпустила ряд листовок к солдатам. Хотя в Риге и не было военной организации [3]), но связи в войсках были; были связи и с Двинском, где активно велась пропаганда среди войск. Главная особенность рижского участка фронта в том, что на нем были сосредоточены большие массы латышских рабочих в специальных латышских частях. Эти части сначала формировались на основе добровольчества депутатом Гольдманом, который использовал антинемецкие настроения среди латышей, но затем они

---

[1]) Дыбенко, Мятежники, стр. 16.
[2]) «Красный архив», кн. IV, стр. 422.
[3]) По указанию т. Крумина, дальнейшее — тоже с его слов.

пополнялись мобилизованными. Да и добровольцы отрезвились от патриотического угара [1]). Значительные массы революционных рабочих Риги были тем активным элементом, который ускорил процесс «разложения армии».

Высшее командование и правительство, несмотря на множество успокоительных донесений, вроде сводки военной цензуры за 1916 г. (опубликованной в кн. IV «Красного архива»), несмотря на создавшуюся привычку искать виновников разложения армии среди сочувствующего Германии населения прифронтовой полосы, нащупывали и основную причину «разложения армии». Так, после совещания командующих корпусами 7-й армии (юго-западный фронт) был издан секретный приказ, в котором, по воспоминаниям печатавшего его т. Пирейко, было указано, что главным элементом разложения армии являются социалисты и баптисты, а потому «нужно обратить сугубое внимание на солдат-рабочих из крупных промышленных центров и всякого замеченного в агитации за мир, за дезертирство расстреливать на месте» [2]).

Солдата на фронте не так уж легко было запугать угрозой наказания. Само пребывание в окопах было чуть ли не высшей мерой наказания.

Революционное брожение в тылу и в окопах противника облегчало работу активно-революционных элементов армии.

На фронтах партийная работа велась главным образом одиночками-большевиками, поддерживавшими и осмысливавшими стихийно возникавшее «братанье» и т. п. проявления «разложения» армии. Эта работа едва уловима. Плоды ее получили организационное оформление лишь после Февральской революции. Военная работа прифронтовых организаций (Рига, Двинск, Минск, Киев) совсем почти не освещена.

Значительней была партийная работа в тылу. Она проявлялась, главным образом, в выпусках прокламаций к солдатам. Такие прокламации выпустили почти все сколько-нибудь значительные местные организации (Москва, Петроград, Харьков, Киев и др.). Из существовавших партийных организаций в тыловых частях известно о Смоленской военной организации и о Сибирском социалистическом военном союзе.

Смоленская военная организация имела особое значение ввиду близости Смоленска к фронту. Военная организация возникла по инициативе солдат рабочих-большевиков и эсеров. «В Смоленске, — пишет т. Астров, — был расположен ряд специальных частей и мастерских, обслуживавших фронт. Среди солдат этих частей было много заводских рабочих. У партийных солдат здесь возникла мысль о создании военно-революционного центра» [3]).

Организация установила связи со специальными частями, обследовала в отношении охраны арсеналы, артиллерийские снарядные и др.

---

[1]) Драудин, Октябрь на рижском фронте.
[2]) Пирейко, стр. 42. Цитата не имеет документального значения.
[3]) Астров, Большевики в Смоленске, стр. 17.

склады и выработала план выступления и захвата города. Организация была общая с эсерами, которые стали на «пораженческую» точку зрения.

В Сибири военная организация сложилась благодаря призыву в войска ссыльных большевиков и эсеров, которые из Нарымской ссылки были отправлены в Томск «послужить верой и правдой»... «Начало организации было положено на тайном собрании с.-д. и с.-р. 18 ноября 1916 г., которые поставили своей задачей агитировать среди солдат против войны и самодержавия и организовать их для борьбы в союз. Еще в Нарыме была подготовлена организация. Инициатива принадлежала большевикам. В состав бюро «союза» входило 5 большевиков и 1 эсер. У союза была техника, выпускающая большое количество листовок. Были связи с Ново-Николаевским и Барнаулом» [1]. «Социалистический военный союз», просуществовавший, несмотря на присутствие в его рядах провокатора, до самой Февральской революции, пустил глубокие корни в солдатских массах, которых в Томске насчитывалось не менее 70 тысяч (из них революционеров 60 человек. — *Д. Б.*). Союзу удалось организовать тайную типографию для печатания прокламаций» [2].

Были ли подобные организации и в других городах, — трудно сказать, но если и были, то в очень незначительном количестве. Оба приведенных случая являются исключительными: в Смоленске — наличие технических частей, обслуживающих фронт, а в Томске — наличие мобилизованных ссыльных. Обычно же при текучести состава гарнизонов, при подавляющем преобладании в них крестьянских элементов местные комитеты создать партийную организацию в гарнизоне были не в силах. Даже в Питере это было невозможно.

«Организационно охватить весь гарнизон, — пишет т. Шляпников, — никто из нас не смел и думать, при наших силах и средствах нам едва-едва удавалось вести работу среди рабочих, уделяя армии всего лишь небольшие силы. Работу в войсках наши комитеты возлагали, главным образом, на членов партии, мобилизованных репрессивно (за стачки, протесты и т. п.), а также и взятых в войска в общем порядке» [3].

Революционная обработка армии шла обычно не путем создания в войсковых частях ячеек, а путем воздействия на казармы революционных рабочих. Этот путь революционизирования армии и имел решающее значение. Росту ненависти солдат к начальству и полиции и сочувствию к «бунтующим» рабочим помогал режим царской казармы. Изощренные издевательства над солдатами были не только правом, но и обязанностью всякого начальника, вплоть до отделенного командира.

Солдаты все более проникались ненавистью к своему начальству и с все большим интересом и сочувствием относились к выступлениям рабочих. У рабочих и обывателей отношение к солдату стало совсем

[1]) «Пролетарская революция», № 2—3 (61162), за 1927 г., стр. 252—253.
[2]) Из ст. Авдеева, «Пролетарская революция», № 6 (29), за 1924 г., стр. 93.
[3]) Шляпников, Канун 1917 г., стр. 19.

иное, чем в 1905 г. Тогда солдат боялись так же, как и жандармерии и полиции, — теперь на солдат смотрят, как на «своих». В иваново-вознесенских событиях и в ряде других случаев у толпы была уверенность, что солдаты стрелять не будут. Для экзекуции приходилось выбирать особо надежных солдат, обычно из учебной команды.

Рабочие облегчали дело сближения казармы с фабрикой своим дружелюбным отношением к солдатам. Изменение отношения рабочих к солдатам отмечают и хозяева и охранка.

На чрезвычайном собрании о-ва заводчиков и фабрикантов по поводу забастовки на Путиловском заводе (март 1916 г.) отмечалось, «что рабочие питают большое уважение к воинским частям и подчиняются их требованиям, реагируя весьма отрицательно на присутствие на заводе городовых и представителей полиции»[1]).

Рабочие Питера оценили положение и настроение солдат в годы войны. В казармах было много товарищей по станку, земляков, соседей по рабочему району... Рабочие интересуются жизнью казармы. По воспоминаниям т. Шляпникова, «к настроениям солдатской массы рабочие Питера чутко прислушивались. В Петербургский комитет бывало много сообщений, шедших непосредственно от заводских коллективов, относившихся к характеристике казарменной жизни солдат, их настроениям и отношению к борьбе рабочего класса»[2]).

Солдаты все больше начинали интересоваться тем, что происходит на фабрике. Чем больше их запирали в казармах, тем больше возбуждался интерес к тому, что происходит на улицах, в рабочих кварталах и на заводах. В связи с недостатком помещений часть гарнизона Петрограда была расквартирована в рабочих районах, в частности в Выборгском районе. Не было таких толстых стен и высоких заборов, которые могли бы изолировать солдат от рабочего люда, его жизни и борьбы. В 181-м пехотном запасном полку, стоявшем в Выборгском районе, много было рабочих, «взятых от станка как неблагонадежный элемент». Часть этих рабочих держала связь со своим партийным коллективом. ПК, не имея сил и средств поставить военную организацию в гарнизоне, привлекал к пропаганде и агитации среди солдат самих рабочих, «прежде всего — пишет Шляпников, — членов наших заводских коллективов и кружков».

Агитация шла путем завязывания связей и знакомств с соседними казармами, путем земляческих связей рабочих, путем связи с мобилизованными товарищами и т. д. Солдаты читали с жадностью попавшие к ним листки, зачитывая их до дыр. С такой же жадностью прислушивались они к разговорам о дороговизне, о начальстве, о думе, о Распутине и т. п.

Лучший способ массовой агитации рабочих среди солдат гарнизона — это были стачки и демонстрации. Во время стачек солдаты подчас активно выступали в защиту рабочих против полиции, жандармерии и своего начальства.

---

[1]) Дело деп. пол., № 347, за 1916 г., л. 410.
[2]) Шляпников, 1917 г., стр. 161.

Рабочие забастовки и «беспорядки» ускоряли процесс революционизования армии. Несмотря на жестокие наказания, солдаты все чаще проявляли свои симпатии к рабочим и даже выступали с оружием в руках против жандармерии, полиции и своего начальства. В начале 1917 г., когда рабочее движение стало выливаться в форму демонстраций, в эти демонстрации были вовлечены и солдаты. Вот что пишет «Социал-демократ» о демонстрации 9 января 1917 г.:

«Во время многочисленных демонстраций в день 9 января были случаи встречи демонстрантов с солдатами. Так, по Выборгскому шоссе рабочие встречались с моторными обозами, везшими солдат. Происходил дружеский обмен приветствиями. При виде красных знамен солдаты снимали шапки и кричали «ура», «долой войну». 10 января на Б. Сампсониевском в тысячной колонне демонстрантов было 300—400 солдат. Полиция держалась осторожно. Демонстрация длилась более часа»[1].

Рабочие постепенно отвоевывали у правительства его главную опору — армию. Буржуазия не в состоянии была вести такую активную борьбу за армию, какую вел пролетариат. Боязнь разложения армии и еще большая боязнь «стихийного взрыва», т. е. массового восстания, связывала ей руки. Имея в своих руках множество связей с командным составом, имея Земгор, внедрившийся в армию, она держалась очень лойяльно, не рискуя вести пропаганду даже среди широких кругов офицерства, организовывать его в своих интересах. Ее вожди, в лице Гучкова и Родзянко, ведут переговоры только с высшим командованием. Буржуазия пытается строго выдержать план устранения правительства Николая и Распутина исключительно руками, затянутыми в лайковые перчатки. Она была достаточно классово-сознательна, чтобы не вовлечь в свою борьбу с царизмом миллионы державших винтовку в мозолистых руках. Она этого и не могла сделать, так как она была за «революцию» (с позволения сказать) для победы, для *продолжения войны*, а солдатская масса могла пойти лишь за тем классом, который *боролся против войны*. Ленин говорит, что пролетариат, не имевший «ничего общего с империалистической буржуазией», поэтому именно и «вел за собой большинство армии, которая состоит ведь из рабочих и крестьян». Пролетариат и его партия вели за собой крестьянскую массу армии именно потому, что они боролись не только против царизма, но и против империализма.

6. Накануне Февральского переворота

Буржуазия, при всем ее стремлении устранить гнилое правительство Распутина — Штюрмера, «слякотную власть» Николая II, не шла и не могла итти на вовлечение масс в свою борьбу с правительством. Как это прекрасно выражено у Шульгина, все эти думские фрондеры чувствовали себя в роли ширмы между народом и царем. Они своей словесной борьбой и верноподданнической критикой защищали престол

[1]) «Социал-демократ», № 58.

от иной критики и иной борьбы. Само собою разумеется, что и эта опереточная борьба, этот бег на месте — «бежим, спешим, бежим, спешим» и т. д. — все это, вопреки желанию буржуазии, содействовало активизации масс и разоблачению правительства. Как хорошо понимала буржуазия опасность выступления масс, в первую голову рабочих, — видно из письма Гучкова Алексееву, где он пишет о безобразиях, творимых правительстом, и бессилии буржуазии бороться с ним.

«Наши способы борьбы, — пишет он — обоюдоостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализировать» [1]).

Буржуазия, с ужасом думавшая о том, чем может кончиться «неорганизованное» выступление рабочих (вроде 1905 г.), пыталась «организовать» рабочих, подчинить их своему влиянию через рабочие группы.

Рабочая группа ЦВПК должна была помочь «сплочению и концентрации сил» вокруг пользующегося доверием буржуазии правительства Гучкова—Милюкова. Ее гораздо более важной функцией было служить оплотом против революционных выступлений пролетариата, охлаждать его стачечный азарт, «организовывать стихию», и т. п. Вот почему арест рабочей группы в момент, когда движение питерских рабочих уже вылилось в демонстрации, когда оно угрожающе нарастало, вызывает возмущение буржуазии протопоповской политикой.

«И как раз в тот момент, — говорит Коновалов, — когда рабочая группа готовилась быть оплотом против других опасных течений в рабочей массе, правительство разрушает эту ячейку, не задаваясь даже вопросом, кому оно этим играет в руку» [2]).

Коновалов напоминает Протопопову о существовании иных течений в рабочем классе, оплотом против которых были гвоздевцы. Буржуазия пытается удержать с помощью «военно-промышленных» социалистов рабочий класс от выступлений. Она пыталась предотвратить выступление рабочих 14 февраля. Милюков сообщает, что в феврале было «заседание представителей различных общественных организаций и членов блока, в котором обсуждался вопрос о форме выражения поддержки Гос. думы общественным мнением, главным образом рабочими кругами, и проектировалось шествие рабочих к Государственной думе» [3]).

На этом совещании Милюков было против каких бы то ни было выступлений рабочих, а представитель рабочей группы Абросимов — за демонстрацию к думе в день 14 февраля [4]). На призыв рабочей группы ЦВПК к демонстрации Милюков ответил письмом в «Речь» с призывом рабочих не поддаваться провокации и сохранить спокойствие.

---

[1]) «Социал-демократ», № 57, 30 декабря 1916 г.
[2]) «Стенографический отчет Гос. думы IV соз., 5 сессия», зас. 21, стр. 1530.
[3]) Там же, стр. 1524.
[4]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 351.

Когда выступление рабочих 14 февраля было уже позади, но забастовочное движение не прекращалось, буржуазия попыталась приостановить движение с помощью воззвания уцелевших от ареста второстепенных членов рабочей группы Аносовского и Останенко. Президиум ЦВПК «утверждает» их обращение к рабочим и берется поместить заявление в газетах. Вот это штрейбрехерское воззвание:

«Товарищи рабочие, рабочие Петрограда, считаем своим долгом обратиться к вам с настоящим предложением немедленно приступить к работам. Рабочий класс, в сознании всей своей ответственности переживаемого момента, не должен ослаблять своих сил затягиванием забастовки. Интересы рабочего класса зовут вас к станкам.

Члены рабочей группы Центрального
военно-промышленного комитета

Аносовский и Останенко»[1]).

Таким образом некоторые гвоздевцы после ареста рабочей группы выступили с призывом к прекращению забастовочного движения. Какова была их позиция по вопросу о выступлениях в день 14 февраля? Совпадала ли в п о л н е линия гвоздевцев с линией буржуазии в вопросе о привлечении рабочих к «борьбе» за «правительство спасения страны»?

Здесь еще раз придется сказать об об'ективной роли меньшевиков. Их задачей было удержание за империалистической буржуазией руководства рабочим движением. Задача была нелегкая, почти неосуществимая. Большинство меньшевиков поэтому стояло на точке зрения «торможения» рабочего движения, удержания рабочих от выступлений во имя спасения страны. Когда наметился вполне определенно план дворцового переворота, думские меньшевики стали особенно отрицательно относиться к неорганизованным выступлениям рабочих масс. «Думские меньшевики боялись, что народное движение расстроит планы дворцового переворота»[2]).

Чхеидзе и его фракция боялись, что неосторожным выступлением пролетариата может быть нарушен правильный ход буржуазной революции. Ведь эта революция должна поставить у власти кадетов. Поэтому Чхеидзе (28 января 1917 г.) урезонивал Милюкова действовать решительнее. Иначе «Милюков (т. е. буржуазия) может оказаться в хвосте. Легко и неожиданно во главе выступлений и событий окажутся лишь одни рабочие»[3]). Что же это будет? Какая же это будет буржуазная революция?

Гвоздевцы, представлявшие иной оттенок меньшевизма, чем фракция Чхеидзе, в этом основном вопросе о роли пролетариата и буржуазии в предстоящих событиях были вполне солидарны. Они считали

---

[1]) «Стенографический отчет Гос. думы, IV соз., 5 сессия», засед. 21, стр. 1524.

[2]) Ш л я п н и к о в, 1917 г., ч. 2, стр. 55.

[3]) Г р а в е, стр. 204, из донесений петроградской охранки о совещании 28 января 1917 г.

своей задачей поставить пролетариат в хвосте думской буржуазии, сделать думу руководящим центром. Исходя из оценки революции как буржуазной, рабочая группа, по словам одного из ее идеологов, Евг. Маевского, «правильно оценила роль думы», как одного из опорных пунктов будущей революции.

«Представителям группы приходилось при этом усиленно бороться против бойкотизма и индиферентизма по отношению к думе и ее деятельности, поддерживаемых и раздуваемых в рабочей среде большевистской агитацией»[1]).

То есть вся политическая линия гвоздевцев сводилась к борьбе за подчинение рабочего движения планам прогрессивного блока. Борьба большевиков и меньшевиков в свете этого заявления встает как борьба двух линий в русской буржуазно-демократической революции, как борьба двух тенденций в русском рабочем движении — антицаристской и антиимпериалистической и либерально-империалистической.

Лозунг «правительства спасения страны» остался для гвоздевцев основным лозунгом вплоть до переворота. Их планы в основном определялись генеральным планом буржуазии: по возможности добиться уступок от правительства «без потрясения основ». Однако от чисто либеральных методов гвоздевцам приходится перейти к более активным. С 9 января 1917 г. начинается поворот в тактике гвоздевцев.

Причину этой перемены сами гвоздевцы об'ясняют так: «Необходимо было призвать рабочий класс к тому или иному решительному выступлению в форме, более соответствующей его психологии, нежели делегации к председателю Гос. думы, и в то же время в такой форме, которая не идет в разрез с настроениями широких кругов нерабочего населения... Дело шло о вызове рабочего Петрограда на улицу к Гос. думе» [2]).

Маевский об'ясняет, что гвоздевцам пришлось выбрать такую линию поведения, которая бы и «соответствовала психологии» рабочих и в то же время «не шла в разрез» с планами буржуазии. Само собой разумеется, что усидеть на двух стульях в такой острый момент было нелегко. Буржуазия отнеслась не особенно благосклонно к вызову рабочих масс на улицу. А Милюков решил противодействовать призыву рабочей группы своим письмом в газету «Речь». Бедные гвоздевцы сами попали в положение «революционеров», которых их либеральные друзья так же забрасывали грязью, как сами гвоздевцы это делали 4—5 месяцев тому назад, в октябре 1916 г.

Рабочая группа была не удовлетворена ходом кампании 9 января, в которой ей пришлось участвовать. «Забастовка 9 января, — пишет Е. Маевский, — не возымела ни малейшего действия на общественное движение». Основная задача выступлений пролетариата в буржуазной революции — «подталкивать» буржуазию — выполнена не была. Выступление рабочих в день открытия Гос. думы должно было пойти именно по линии «подталкивания». Поэтому рабочая группа сама на-

[1]) «Канун революции», Птг., 1918 г., стр. 5.
[2]) Там же, стр. 10.

значает день выступления рабочих — 14 февраля. В специально выпущенном воззвании она писала:

«Момент борьбы пришел. Страшно было бы упустить его»...

«Имущие классы почувствовали, наконец, что только всенародное движение, и прежде всего активное выступление рабочего класса, способно совершить то дело, которое не могут довести до конца они сами. Именно нынешнее столкновение буржуазного общества с властью создает наиболее благоприятный момент для активного вмешательства рабочего класса».

«Теперь уже недостаточна забастовка, товарищи. Наш протест, наши требования должны быть вынесены на улицу.

К открытию Гос. думы выйти все до одного на улицу и двинуться к Таврическому дворцу. Пусть же сотни тысяч рабочих со всех концов города, район за районом, завод за заводом в полном порядке, не нарушая спокойствия жителей, никого не задевая и не обижая, не вызывая полицию на насилия, двинутся все к одному центру: к Гос. думе».

Собираемые «Рабочей группой» рабочие комиссии и «рабочий центр», где участвовали представители предприятий, толкали гвоздевцев на решительное выступление. В конце 1916 г. и начале 1917 г. «рабочий центр», по словам Е. Маевского, в тесном единении с группой, начинает широкую кампанию политических митингов по фабрикам и заводам Петрограда, стремясь вызвать рабочие массы к активному вмешательству в разрастающийся конфликт цензовой России и России правительственной» [1]).

Усилившаяся, несмотря на ряд провалов, Петроградская организация большевиков повела решительную борьбу против этой новой попытки гвоздевцев устроить «смычку» пролетариата с буржуазией. От успеха борьбы с гвоздевцами зависел, в значительной степени, ход и исход событий февраля 1917 г. Большевики, в противовес гвоздевцам, звали рабочих итти не к думе, а на Невский — традиционное место революционных демонстраций. Дата выступления у большевиков и меньшевиков была сначала различна. ПК призывал выступить в день двухлетия суда над депутатами 10—12 февраля, рабочая группа — 14 февраля, в день открытия Гос. думы. Масленица, пришедшаяся 10—12 февраля, спутала карты. Большевикам пришлось в конце концов назначить демонстрацию на 14 февраля, но призвать массы выступать не против правительства и за думу, а против думы и против правительства, итти не к Таврическому дворцу, а на Невский.

Некоторые левые с.-д. организации, вроде «межрайонки», высказались против каких бы то ни было выступлений в этот день, мотивируя свой призыв к спокойствию неподготовленностью пролетариата. Пролетариат был неподготовлен в смысле степени организованности, но вся обстановка (экономический и политический кризис) форсировала его выступление. 11 февраля А. Шляпников писал в заграничный

[1]) «Канун революцни», стр. 6.

центр: «Действительно, психология массы очень подготовлена к уличным демонстрациям, хотя организованности былых времен нет. Демократия распылена, рабочие «разбавлены» различными спасающимися от позиций элементами» [1]).

Отстоять рабочее движение от гвоздевцев было легче, чем придать ему организованный характер, охватить его влиянием партии. Партия была очень немногочисленна, хотя и влиятельна, но революционные события должны были вовлечь массы, еще не затронутые политикой. Даже среди большевиков были сомнения, «целесообразно ли призывать рабочих к революционным действиям, когда наши организации не смогут овладеть движением. Не обождать ли, не преждевременно ли вызываемое нами революционное движение?» [2]).

Крепко спаянные с рабочей массой большевистские ячейки чувствовали себя достаточно твердо. Они выражали решимость пролетариата вступить в бой. Определенное мнение рабочих-большевиков и опыт братания с солдатами в октябре 1916 г. и в январе 1917 г., — все это дало возможность руководящим работникам ПК и Бюро ЦК правильно наметить тактику перехода к все более активным формам движения, вплоть до восстания.

С ясно поставленной целью большевистская организация вступила в борьбу с гвоздевщиной. «В связи с организацией оборонческими (меньшевистскими и с.-р.) элементами движения вокруг Гос. думы, работа наших заводских кружков, коллективов и районных партийных комитетов била ключом. В гуще питерского пролетариата по всем фабрикам и заводам велась усиленная агитация и борьба вокруг двух лозунгов: 1) единения вокруг Гос. думы и 2) выхода на улицу для борьбы с царским самодержавием и его приспешниками. «К Гос. думе с петициями и резолюциями» — звали меньшевики и эсеры — оборонцы. «На Невский, к солдатам, к оружию», звали наши большевики» [3]).

Так в дни февраля 1917 г. столкнулись две тенденции в русском рабочем движении: социал-империалистическая и антиимпериалистическая. Гвоздевцы звали пролетариат итти за «прогрессивным блоком», за Гучковыми и Милюковыми, за Антантой. Большевики звали его к совместной вооруженной борьбе с солдатами-крестьянами за мир, за хлеб и за землю. Большевики при всей своей малочисленности выступали как представители «массового потока» в рабочем движении, как выразители интересов многомиллионных масс трудящихся, эксплоатируемых и угнетаемых царизмом и империализмом. Решительная борьба пролетариата и его партии с царизмом увлекла солдатские массы, а за ними и все крестьянство. Первая революция против империализма приобрела необычайный размах. Партия получила возможность начать в $^1/_6$ мира превращение эпохи империалистических войн

---

[1]) Шляпников, 1917 г., ч. 2, изд. 3, стр. 53.
[2]) Там же, стр. 56.
[3]) Там же, стр. 59.

в эпоху гражданских войн, в эпоху социальной революции. Правильно взятая линия на вовлечение в борьбу с империализмом широких демократических масс и угнетенных наций привела к победе пролетарской революции в России. Партия большевиков за годы войны и революции стала партией международной революции. Большевизм стал красным призраком мировой социальной революции. Ленинизм стал знаменем пролетариев всех стран и всех угнетенных и эксплоатируемых империализмом.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Первый вывод. Военные годы не представляют провала в истории партии. Неверно представление о том, что большевики «были в нетях» накануне революции 1917 г. Партия пережила тягчайший разгром, большая часть ее руководящих кадров была «из'ята» правительством, но, несмотря на все, в этом труднейшем переплете обстоятельств партия показала себя на редкость прочной, внутренне крепкой. Это видно особенно наглядно при сравнении этого периода с эпохой реакции. Проверка военных годов показала, что большевизм, как партия, сложился по-настоящему, главным образом, в эпоху «Звезды» и «Правды», когда он стал вполне рабочей партией, не только по своей идеологии, но и по составу и по организационной структуре.

Недаром Ильич весной 1917 г., после Февральской революции, писал т. Карпинскому: «...Нам нужна особая партия, наша, оправдавшая себя, по-моему, за годы 1914—1917 вполне» [1]).

Второй вывод. Партия в годы войны, и в силу проделанной ею в эти годы теоретической работы, и в силу активной антивоенной работы, приобрела установку на быстрый переход от буржуазного этапа революции к социалистическому, от Февраля к Октябрю. Деятельность партии в основном охватывается формулой «борьба против царизма и против империализма». А взять прицел на борьбу не только против царизма, но и против империализма значило взять курс на Октябрь (через Февраль), так как перерастание революции против царизма в революцию против империализма значило в обстановке 1917 г. перерастание революции буржуазной в революцию пролетарскую.

Третий вывод. В борьбе партии за разоблачение и изоляцию социал-шовинистов и их друзей слева (вроде Чхеидзе и Троцкого) увязалась борьба против царизма с борьбой против империализма. Меньшевики, написавшие на своем знамени «долой правительство измены», стали окончательно в хвост либеральной буржуазии, стали фактически придатком к «прогрессивному блоку». Союз с буржуазией дал меньшевикам возможность создать легальные центры в виде «рабочих групп» при ВПК. Эти легальные центры помогли им захватить Советы в 1917 г. Социал-шовинисты, как представители «революционного шовинизма», стали крупным отрицательным фактором русской революции. Они были орудием в руках империалистической буржуазии,

---

[1]) «Правда», № 39 от 12 марта 1927 г., стр. 2, статья В. Карпинского «Как намечен был путь от Февраля к Октябрю».

задачей которой было направить революционный под'ем масс в нужное ей русло. Вопрос о том, кто победит в русском рабочем движении — большевики или меньшевики, был вопросом о том, кончится ли русская революция милюковщиной или керенщиной или пойдет дальше — к Октябрю. Борьба партии с гвоздевщиной в свете перспективы приобретает огромное историческое значение. Партия в этой борьбе победила, но победа далась ей нелегко, так как у ее противников был ряд преимуществ, а у партии было лишь одно, но — решающее преимущество: выдержанная, революционная линия, ставшая достоянием «правдистских» кадров, лучшей части русского пролетариата.

Четвертый вывод. Несмотря на то, что партии пришлось вести борьбу с социал-шовинистами за влияние на рабочих, не имея во многих крупных центрах безусловного перевеса сил, ее руководящая роль в рабочем движении — бесспорна. Дело в том, что: 1) в подполье у большевиков в важнейших промышленных центрах было безусловное преобладание над всеми другими партиями, у них были кадры «правдистских рабочих»; 2) руководящую роль в русском рабочем движении играли именно подпольные организации или группы; 3) социал-шовинисты были в своей работе по руководству рабочим движением связаны «интересами обороны» и необходимостью координировать свою работу с планами буржуазии.

Руководство партии рабочим движением вполне отвечало характеру и направлению движения, но не отвечало размаху его. Партия не в состоянии была охватить своим руководством широчайшие массы, пришедшие в движение в результате военного кризиса. Даже в Петрограде, где влияние партии было максимальное, сравнительно с другими центрами, ряд выступлений питерского пролетариата (включая движение 23—28 февраля) имел полустихийный или стихийный характер. Движение шло под лозунгами большевиков (долой царя! долой войну!), и в этом смысле можно и нужно говорить о руководящей роли партии накануне и в момент свержения самодержавия.

Пятый вывод. В годы войны партия большевиков стала ядром мировой партии пролетарской революции. Основные особенности развития России сделали партию русского пролетариата авангардом революционного пролетариата Европы и вождем восстающих против империализма трудящихся масс Азии. Большевики уже в годы войны отошли от шаблонного соц.-демократического представления о социалистической революции и разработали теорию пролетарской революции, ставшую руководством к действию для всех отрядов армии мировой революции. Деятельность партии по подготовке русской революции и ее борьба за социалистическую революцию в Европе неразрывно связаны, так как все предыдущее развитие России подготовило, а империалистическая война закрепила связь борьбы пролетариата России против своего правительства с борьбой социалистического пролетариата Европы и угнетенных народов Азии против мирового империализма. Победа пролетариата России не может быть прочной, пока

не сломлена мощь международного финансового капитала. Вне мировой революции нет условий для упрочения завоеваний пролетариата России. Именно в России, в силу ее особого положения, создалась наиболее крепкая пролетарская партия, теоретическим знаменем которой был ленинизм. Поэтому большевики стали организующим центром III Интернационала, стали партией пролетарской революции не только в России, но и во всем мире.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

ТЕЗИСЫ ПО ПОВОДУ НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЫ [1])

1) Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистическо [2])-династической войны. Борьба за рынки и грабежи стран [3]), стремление [4]) одурачить, раз'единить, перебить пролетариат [5]) всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственно [6]) реальное содержание и значение войны.

2) Поведение вождей немецкой с.-д. партии II Интернационала [7]) (1889—1914), голосовавших [8]) за военный бюджет и повторяющих [9]) буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму. Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости подчинения [10]) воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой с.-д. партии [11]) не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время [12]) национально-либеральную политику.

3) Таковое же осуждение заслуживает поведение вождей бельгийской и французской с.-д. [13]) партий, которые предали социализм, вступая [14]) в буржуазные министерства.

4) Измена социализму большинства вождей [15]) II Интернационала (1889—1914) означает частичный идейный крах [16]) этого Интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелкобуржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители пролетариата [17]) всех стран. Оппортунисты давно подготовляли крах II Интернационала, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу с ее необходимым, в известные моменты, превращением в гражданскую войну [18]) и проповедуя сотрудничество классов; проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая азбучную истину социализма, изложенную еще в «Коммунистическом манифесте», что рабочие не имеют отечества; ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения, вместо признания необходимости [19]) революционной войны пролетариев всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи [20]) кризисов [21]). Один из органов международного оппортунизма «Соц.

ежем.» [22]), давно ставший на национально-либеральную позицию, вполне правильно торжествует свою победу над европейским социализмом. Так называемый центр немецкой социал-демократии [23]) и других социал-демократических партий на деле трусливо [24]) капитулировал перед оппортунистами [25]). Задачей будущего Интернационала должно быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме.

5) Из тех буржуазных и шовинистических софизмов, которыми [26]) в особенности одурачивают массы буржуазные партии и правительства двух главных соперничающих наций континента — германской и французской, и которые рабски повторяют [27]) плетущиеся за буржуазией социалистические оппортунисты, как откровенные, так и прячущиеся, — следует в особенности отметить и заклеймить следующие [28]): когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, — они лгут [29]), ибо прусское юнкерство с Вильгельмом II во главе и крупная буржуазия Германии всегда вели политику защиты царской монархии и не преминут при всяком исходе войны направить усилия на ее поддержку; они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая угнетает датчан, поляков и французов (в Эльзас-Лотарингии), ведя наступательную войну против Бельгии и Франции [30]) ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который им казался более удобным для использования их последних усовершенствований в военной технике и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией. Когда французские буржуа ссылаются точно так же на защиту родины и проч., они также лгут, ибо на деле они защищают отсталые [31]) в отношении капиталистической техники, более медленно развивающиеся страны, нанимая на свои миллиарды черносотенные банды русского царизма для наступательной войны с целью [32]) грабежа австрийских и немецких земель. Обе воюющие группы наций не уступают [33]) друг другу в жестокости и варварстве при ведении войны.

6) Задачей социал-демократии России является, в особенности и в первую голову, беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом и софистической защитой его русскими либералами, к.-д. и др., и частью народников [34]).

С точки зрения рабочего класса и трудовых [35]) масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающей [36]) Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающей национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями и для укрепления реакции [37]) и варварского правительства царской монархии.

7) Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть: во-первых, всесторонняя распространяющаяся на войска [38]) и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий

всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войсках [39]) всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и патриотизмом мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и враждебных [40]) шовинизму и оппортунизму [41]); во-вторых, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республик [42]) немецкой, польской, русской и других [43]) на-ряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные штаты.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перепечатываем тезисы В. И. Ленина о войне в том виде, как они напечатаны в кн. «Памятники агитационной литературы РСДРП», т. VI, вып. I, стр. 4—5 и перепечатаны в т. XX (дополнит.), ч. 1, Собр. соч. Ленина, стр. 465 и следующие. Этот текст взят с копии, найденной Шиловым в архиве департамента полиции. В Архив Истпарта т. Карпинским доставлена копия тезисов, отбитая на пишущей машинке, которая (по справке Архива Истпарта) находилась при русской библиотеке имени Г. А. Куклина в Женеве, где т. Карпинский, секретарь женевской секции большевиков, был заведующим библиотекой. Эта копия тезисов, озаглавленная «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» и подписанная «группа социал-демократов членов РСДРП», напечатана на пишущей машинке с одной стороны, на 3 архивных листах тонкой бумаги. В ней имеются следующие разночтения с напечатанным выше текстом тезисов:

1) Задачи революционной социал-демократии в европейской войне.

2) Империалистической.

3) Грабеж чужих стран.

4) После слова «стремления» — «пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран», дальше — «одурачить, раз'единить и т. д.».

5) Пролетариев.

6) Единственное.

7) Немецкой социал-демократии, самой сильной и влиятельной партии II Интернационала.

8) Голосовавшей.

9) Повторяющей.

10) Необходимости временного подчинения.

11) Социал-демократии.

12) «В данное время» отсутствует. Напечатано — «повела национально-либеральную политику».

13) «Социалистических».

14) Вступив.

15) Вставлено (1889—1914) после слова II.

16) Означает идейно-политический крах. Слово «частичный» отсутствует.

17) Революционного пролетариата.

18) Подменяя ее буржуазным реформизмом; отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну.

19) Вместо необходимости признания.

20) В эпоху.

21) После «кризисов». Красная строка.

²²) «Социалистический ежемесячник».
²³) Социал-демократической партии.
²⁴) «Подло капитулировал». «Трусливо» — отсутствует.
²⁵) Оппортунизмом.
²⁶) Коими.
²⁷) Нации контииента, германская и французская, и кои повторяют рабски.
²⁸) Вместо двоеточия — точка и красиая строка.
²⁹) Развития, они лгут, ибо...
³⁰) Бельгией и Фраицией.
³¹) Более отсталые.
³²) Вместо «с целью» — «то есть».
³³) Ничуть не уступают.
³⁴) Либералами, кадетами, частью народников и другими буржуазными партиями.
³⁵) Трудящиеся.
³⁶) Угнетающих.
³⁷) Реакциоииого.
³⁸) И иа войско.
³⁹) В войске.
⁴⁰) И в большинстве случаев враждебиых.
⁴¹) Оппортунизму и шовинизму.
⁴²) Республики.
⁴³) И т. д. После слов: «Государство Европы» идет следующий текст: «в республиканские Соединеииые штаты Европы; в-3-х, в особеииости, пропагаида борьбы с царской моиархией и великорусским, пан-славистскнм шовинизмом и проповедь революции в России, а равио освобождеиия и самоопределеиия угиетенных Россией иародов, с ближайшими лозунгами демократической республики, коифискации помещичьих земель и 8-часового рабочего дня.

Группа социал-демократов членов РСДРП»

Приложение № 2

ПЛАТФОРМА

1. Империализм является политикой буржуазии эпохи финансового капитала и неизбежен до тех пор, пока у власти стоит буржуазия.

2. Империализм противоречит интересам пролетариата, поэтому партия, стоящая во главе рабочего движения, обязана вести с ним жесточайшую борьбу, которая может окончиться либо победой буржуазии и утверждением империалистской политики, либо победой пролетариата и низвержением господства буржуазии. Не выходя из рамок капитализма преодолеть империализм невозможно. Единственное средство против него — захват власти рабочим классом.

3. Современная война, в общем и целом, является следствием империалистской политики; империализм не может не приводить к военным конфликтам. Борьбу с войной, таким образом, необходимо развертывать в борьбу с империализмом, в борьбу с капитализмом, в борьбу за социализм.

4. Финансовый капитал вполне подготовил базу для социального переворота:

a) Создав такую хозяйственную структуру, которая может быть сознательно организована пролетариатом, захватившим власть в свои руки и экспроприировавшим экспроприаторов.

b) Постояннно выбрасывая пролетариат на арену мировой борьбы, постоянно ставя перед ним вопросы мировой политики во всем их об'еме, разрушая тем самым «национально-государственную» замкнутость рабочего класса и революционизируя небывалым образом все сознание пролетариата.

5. Социализм, таким образом, из теоретического прогноза становится задачей эпохи: в порядок дня об'единенного действия пролетариата ставится социальный переворот.

6. Из этого не следует, что исключается повседневная борьба с империализмом, так как a) частные уступки возможны, b) только в такой борьбе сплачиваются и закаляются боевые кадры пролетариата.

7. В вопросах международных отношений мы не ставим себе никаких положительных задач в пределах капиталистического строя; т. е. вопросы проведения границ, таможенные вопросы, торговые договоры, разрешение межд. конфликтов трибуналом и т. д., и т. п. — все такие вопросы либо не могут быть разрешены с пролетарской точки зрения, либо если и могут быть разрешены, то могут быть проведены в жизнь лишь в том случае, если власть будет в руках пролетариата.

8. В вопросах внутренней политики остается в силе программа-minimum революционно-социалистических партий.

9. Крах II Интернационала признается фактом.

10. Этот крах об'ясняется не столько изменой вождей, сколько об'ективными причинами шовинистического поведения масс, причинами, коренящимися в условиях пролетарской борьбы прошлой эпохи.

11. Эти условия самим развитием капиталистического общества в эпоху финансового капитала, в эпоху войн и внутренних потрясений сдаются в архив.

12. Идеологическая надстройка прошлой эпохи играла и будет играть в борьбе п[ролетариат]а за власть крайне вредную роль. Таковой идеологической надстройкой является оппортунизм. Мы не ждем, пока самим ходом вещей оппортунизм изживет сам себя, ибо это означало бы фатализм, а сейчас же об'являем решительную войну оппортунизму всех стран.

13. Роль вождей в крахе Интернационала мы отнюдь не ослабляем, особенно ввиду определенного характера наших партий в прошлой эпохе. Поэтому никакой «амнистии» вождям. Решительная борьба с ними начиная с Monitor'а из Preussische Jahrbücher и кончая Каутским из Neue Zeit, начиная с Гайне в Германии и кончая Плехановым и Аксельродом в России.

14. Необходима новая ориентировка массовой борьбы пролетариата в соответствии с новыми условиями этой борьбы, необходим перенос центра тяжести в действия самих масс, во внепарламентскую борьбу, что не означает, конечно, отказ от всех прежних методов пролетарской борьбы.

15. Т. о. пролетарская борьба должна быть координирована интернационально на новых основаниях, в согласии с новыми условиями борьбы. На этой почве должн[а] быть создана новая международная организация, построен III Интернационал, что означает не восстановление подрумяненного инвалида — II Интернационала—со всеми его отрицательными сторонами и не полнейший отказ от прошлого, а сохранение всех положительных приобретений II Интернационала и решительный отказ от всех тех его проявлений, которые не соответствуют новой эпохе.

Примечание: Подлинник написан рукой Ю. Пятакова на 2 листах почтовой бумаги в клетку.

Приложение № 3

О ЛОЗУНГЕ ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

1. Империалистская эпоха есть эпоха поглощения мелких государств крупными государственными единицами и постоянного перекраивания политической карты мира в сторону ее большей государственной однородности; в процессе этого поглощения создается включение многих наций в государственную систему наций-победительниц.

2. Область внешней политики современного капитализма существеннейшим образом связана с господством финансового капитала, который не может отказаться от типа империалистской политики, не угрожая своему собственному существованию. Поэтому было бы в высшей степени утопично выставлять антиимпериалистские требования в области внешней политики, оставаясь на почве капиталистических отношений. Ответом на империалистскую политику буржуазии должна быть социалистическая революция пролетариата; с-д-тия не должна выставлять «минимальных» требований в области внешней политики современности.

3. Бороться с порабощением наций нельзя поэтому иначе, чем путем борьбы с империализмом, ergo — борьбы с империализмом, ergo — борьбы с финансовым капиталом, ergo — с капитализмом вообще. Всякое отклонение от этого пути и выставление «частичных» задач, «освобождение наций» в пределах области капиталистической культуры означает отвлечение пролетарских сил от действительного решения проблемы и слияние их с силами соответствующих национальных групп буржуазии.

4. Лозунг «самоопределения наций» прежде всего утопичен (он не реализуем в пределах капитализма) и вреден, как лозунг, сеющий иллюзии. В этом отношении он ровно ничем не отличается от лозунгов третейских судов, разоружения etc, предполагающих возможность так называемого «мирного капитализма[»].

5. Нельзя, увлекаясь агитационной стороной вопроса, забывать его связи с другими вопросами. Если мы выставляем лозунг «самоопределе-

ния» для борьбы «с шовинизмом рабочих масс», то мы поступаем точно так же, как в том случае, когда (подобно Каутскому) выставляем лозунг «разоружения» для борьбы с милитаризмом. И в том и в другом случае ошибка заключается в однобоком рассмотрении вопроса, в том, что упускается удельный вес данного «социального зла»; другими словами, здесь чисто рационалистически-утопическое, а не революционно-диалектическое рассмотрение вопроса.

6. Два главных случая конкретного применения лозунга пр[ава] н[аций] на самоопр[еделение] (через госуд[арственную] самост[оятельность] или отделени[е] [1]) суть: 1) случай, когда в ходе империалистской войны аннектируется «чужая» область; 2) случай «распада» уже сложившегося государственного целого. В первом случае лозунг «самоопр[еделение]» есть не что иное, как другая форма лозунга «з а щ и т а о т е ч е с т в а», ибо если не призывать к материальной защите соответствующих государственных границ, то от «лозунга» остается пустая фраза; во втором случае по существу дела мы имеем те же самые «вредные последствия», что и при лозунге «защита отечества»: внимание пролетарских масс переводится в другую плоскость, интернац[иональный] характер их выступлений теряется, силы пролетариата дробятся, вся линия тактики идет по направлению национальной, а не классовой борьбы. Кроме того, лозунг этот в данном случае implicite заключает и лозунг «защиты», ибо п о с л е реализации отделения (лозунг права etc. предполагает такую возможность), конечно необходимо, ведь, з а щ и щ а т ь «самостоятельность» (иначе, при постоянных опасностях в империалистическую эпоху, зачем и «требовать»?).

Бороться с шовинизмом рабочих масс великодержавной нации путем признания «пр[ава] н[аций] н[а] с[амоопределение]» все равно что бороться с этим шовинизмом путем признания права на защиту со стороны угнетенного «отечества».

7. Отклонение внимания пролетариата в сторону решения «национальных» задач становится до чрезвычайности вредным и именно теперь, когда п р а к т и ч е с к и поставлен вопрос о мобилизации пролет[арских] сил в интернац[иональном] масштабе, их инт[ернациональных] выступлениях и свержении капитализма. Задачей с-д-тии является в текущий момент п р о п а г а н д а и н д и ф е р е н т и з м а по отношению к «отечеству», «нации» etc, что предполагает отнюдь не «государственную» (протесты против «распада»), а, наоборот, резко выраженную революционную по отношению к госуд. власти и всей капиталистической системе постановку вопроса.

8. Отсюда следует, что мы ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не поддерживаем правительство великодержавной нации, подавляющее восстание или возмущение нации угнетенной; но в то же время мы сами не мобилизуем пролетарских сил под лозунгом «пр[ава] н[аций] н[а] с[амоопределение]». Наша задача в данном случае — мобилизовать силы пролетариата о б е и х н а ц и й (совместно с дру-

[1]) В подлиннике: через госуд. самост. или отделения.

гими) под лозунгом гражданской, классовой войны, за социализм и пропаганду против мобилизации сил под лозунгом «пр[ава] н[аций] н[а] с[амоопределение]».

9. Поскольку мы имеем перед собой страны не капиталистические или с зародышевым капитализмом (напр. колонии), постольку мы можем поддерживать восстание народных масс, как факт, ослабляющий силу господствующих классов на континенте, не дробящий пролетарских сил, так как в данном случае: a) не стоит вопрос о соц[иализ]ме, b) здесь мобилизуются не интерн[ациональные] силы пролетариата, а силы национальной буржуазии, об'ективно помогающей континентальному пролетариату.

10. Кроме сего, лозунг «права» etc не отвечает конкретно на вопрос о данной нации.

11. Из формального сходства развитой в тезисах позиции с позицией Kunow'a und Konsorten не вытекает тождества по существу («помощь империализму»). Возражать от «помощи» в данном случае значит сходить на путь, проложенный Каутским.

P. S. М[ежду] п[рочим] ведь все крайние левые, у которых есть продуманная теория, против. Неужели все они «изменники»?

Юрий [Пятаков].
Ев. Богд[ановна Бош].
Н. Бухарин.

Получ. 19/XI 1915 г.

Примечание: Подлинник написан рукой Н. Бухарина; на почтовых листках пометка: «получено 19/XI—1915 г.» химическим карандашом рукой Ленина.

4 руб.

